

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Книга вторая

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

1943—1944

Издательство «ИЗОГРАФУС»
Издательство «ЭКМО»
Москва
2003

ББК 63.3(0)
Кар21

Художник *Максим Горбатов*
Ответственный редактор *Андрей Ефремов*
Научный редактор *Сергей Липатов*
Перевод с английского *Ольга Строганова*
Подбор иллюстраций *Андрей Ефремов*

Пауль Карель

Кар21 Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943—1944.
М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. — 432 с.: илл.

ISBN 5-94661-061-9

Книга является продолжением произведения П. Кареля «Гитлер идет на Восток». Автор показывает войну в восприятии немецких солдат, офицеров и генералов. Повествование охватывает события конца 1942 — осени 1944 гг. на немецком Восточном фронте: крах планов, потеря завоеваний, отступление Вермахта к границам Рейха.

Издание проиллюстрировано фотографиями из фотоальбома П. Кареля «Der Rußlandkrieg Fotografiert von Soldaten» («Война в России, сфотографированная солдатами»), изданного в ФРГ в 1967 г.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Второй мировой войны.

ББК 63.3(0)

German edition Verlag Ullstein GmbH, Frankfurt/M—Berlin 1966
English translation George G. Harrap & Co. Ltd, London, and Little, Brown and Company, Boston, 1970

Печатается по изданию George G. Harrap & Co. Ltd, London, 1970

© О. Строганова, перевод с английского, 2003
© М. Горбатов, оформление, 2003
© Издательство «Изографус», 2003
© Издательство «ЭКСМО», 2003

ISBN 5-94661-061-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя предыдущая книга «Гитлер идет на Восток» заканчивается Сталинградской битвой. Однако, вопреки общему мнению, трагедия 6-й армии на Волге не была началом поражения немцев — Сталинград был концом немецкой завоевательной кампании. Решающим поворотным моментом русской войны стала Курская битва летом 1943 года. Я помещаю эту операцию в начало «Выжженной земли», с тем чтобы читателю яснее предстали две великие фазы войны в России. Победоносное наступление Германии закончилось в Сталинграде — поражение немцев началось в Курске.

Боевые действия с конца 1942 по июль 1943 года описываются ретроспективно. Такая последовательность, возможно, выглядит нарушением хронологии, однако она позволит яснее представить ситуацию, а также значение и драматический характер борьбы в период от Сталинграда до Курска. В сражении между Доном и Донцом Сталин намеревался решить исход войны, но ему не удалось устоять перед выдающимся военным искусством генерал-фельдмаршала фон Манштейна. В который раз германское командование получило шанс спасти ситуацию, перейдя от завоевательного похода к войне на выживание.

Однако Гитлер отказывался понимать то, что ему настойчиво объясняли действующие командиры. Он продолжал играть и поставил на карту все, надеясь, что операция «Цитадель» — таково было кодовое название Курской битвы — изменит положение.

Таким образом, война на Востоке достигла кульминации в курском прорыве. Сошлись небывалые военные силы — мощное немецкое наступление против ожесточенной русской обороны. Новейшие виды вооружения, фанатическая решимость, искусное боевое мастерство, военные хитрости и предательство — все достигло пика в этой великой схватке. Советские военные историки абсолютно правы, называя операцию «Цитадель» самым важным сражением всей войны.

После Курской битвы последовала череда германских поражений. Что делает эту фазу войны столь захватывающей для исследователя и читателя, так это действия бойцов, их преданность воинскому долгу, дисциплинированность в сложных, а зачастую и безнадежных ситуациях.

При анализе материала я придерживался метода, который доказал свою продуктивность в книге «Гитлер идет на Восток», — интеграция изложения фактов очевидцами с историческими документальными свидетельствами.

Методика опроса, созданная в процессе работы, позволила собрать информацию даже у очень загруженных делами людей, которые во время войны командовали или участвовали в военных действиях на важных направлениях. Многочисленные неопубликованные и специально записанные воспоминания, поступившие в мое распоряжение, содержали исключительно ценную информацию, обогащающую современное знание большим количеством интересных и до настоящего времени неизвестных фактов военной истории.

Чрезвычайно существенно, что я имел возможность использовать советскую специальную литературу о войне, опубликованную в постсталинское время, а также мемуары командующих и офицеров Советской Армии. Столь же ценно, что я получил доступ к микрофильмам дневников времен германской войны, ныне хранящимся в американских архивах.

В этой книге, как и в предыдущей, я не делаю список на источники, но хочу подчеркнуть, что каждая упоминаемая личность реалитна, каждый факт и описание основаны на достоверных исторических свидетельствах.

Я хочу выразить мою самую искреннюю благодарность всем тем, без чьего участия и помощи я никогда не смог бы написать эту книгу. Назвать здесь всех невозможно — в список вошло бы более тысячи имен.

В него вошел бы не только генерал-фельдмаршал, командующий армией и командир войскового подразделения, но также и простой солдат; в него вошел бы начальник генштаба и командир штурмового отряда, командующий дивизией и скромный унтер-офицер, танкист и летчик, командир батареи и рядовой стрелок, инженер железнодорожных путей, радист, водитель грузовика, санитар и медицинская сестра Красного Креста.

Без огромного количества вспомогательных этих добровольных помощников я никогда бы не смог превратить сложный военно-исторический материал в живую картину прошлого.

Отдельную благодарность выражаю специалистам, оказавшим мне помощь при выполнении графических работ и оформлении книги. Обоснованное мнение, стремящееся к истинности и точности, должно опираться на скрупулезность при сборе и интерпретации данных. Обработка источников потребовала много сил: нужно было написать тысячи писем; тщательно разобраться в германских и советских подразделениях в тексте и на картах, в то время как документы часто противоречили друг другу. Создание алфавитного указателя, чтение рукописей и корректура тоже плод самоотверженного труда.

Моя глубокая благодарность всем тем, кто взял на себя эти заботы.

Пауль Карель

Часть первая

КУРСКАЯ БИТВА

1. Гитлер ставит все на одну карту

Миссия в Бухаресте — Совецание в чайной комнате «Вольфианце» — Дубовая роца возле Обояни — 5 июля, 3.30 утра: начало операции «Цитадель» — «Фердинанд»-гигант — Дуэль у школы в Понырях.

Жаркое марево румынского лета окутало Бухарест. Полуденный воздух Валахии был душен и горяч, как в городе. Он тяжело накрыл массивный замок, белые церкви и пустые отели. Страда¹ Виктора Эммануэля была пустышня. Первое здание на ней, № 1, занимало посольство Германии.

«И как одеваться в такую жару!» — ворчал господин фон Киллингер. Он стоял у стола своего кабинета в официальном костюме. Жалюзи опущены. Большая комната в полумраке. Электрический вентилятор мягко жужжит, распространяя вокруг прохладный затхлый воздух.

Три часа назад из Берлина поступила телеграмма: «Послу, лично в руки». Он расшифровал ее и тут же запросил аудиенции у маршала Антонеску. Теперь его ждали на маленькой вилле в пригороде ровно в 16.00. Настало время отправляться.

Ровно в четыре Киллингер въехал во двор хорошо охраняемой резиденции главы Румынского государства.

Антонеску встретил германского посла в приемной на втором этаже. Невысокий жилистый генерал как всегда был в военной форме.

«Итак, господин посол, фюрер дает генерал-фельдмаршалу фон Манштейну увольнительную, чтобы навестить нас?» — спросил он с улыбкой.

Киллингер вынул из кармана телеграмму. Подчеркнуто торжественным голосом он прочел: «Фюрер предписывает вам немедленно связаться с главой государства и сообщить ему, что завтра в полдень в Бухарест прибудет генерал-фельдмаршал фон Манштейн, чтобы вручить ему от имени фюрера золотой «Крымский Щит» в ознаменование годовщины взятия Севастополя».

Антонеску улыбнулся и вежливо выразил благодарность. Но улыбка исчезла, когда он произнес: «“Крымский Щит” — большая честь, господин посол, однако гораздо важнее для меня возможность обсудить с генерал-фельдмаршалом фон Манштейном сложную военную обстановку. Все вооруженные силы Румынии находятся на фронте, и ответственность за них лежит на мне. В Сталинграде я потерял восемнадцать румынских

¹ Страда (рум.) — улица. — Прим. ред.

дивизий и не могу позволить себе повторения подобной трагедии. Я должен знать, что будет дальше. *Nous sommes allies*¹, господин посол, но в Растенбурге есть тенденция забывать об этом снова и снова. Я сам высказывал это наблюдение фюреру в замке Клесхайм три месяца назад».

Угрожающий тон невозможно было не заметить. «Хорошо, что Манштейн будет лично», — подумал Киллингер. Но виду он не подал и выслушал откровенные высказывания румынского лидера абсолютно невозмутимо: бывшего морского офицера из Саксонии, впоследствии командира фрейкора² и в свое время внушавшей страх секретной организации «Консул», не так-то легко было вывести из равновесия. Они еще немного поговорили о пунктах протокола в связи с визитом Манштейна, затем посол отбыл.

Прошло только два часа, а сороки уже разнесли по всему городу, что Манштейн, командующий германской группой армий «Юг», 1 июля 1943 года на несколько дней прибывает в Бухарест.

Собиратели слухов из секретных служб Запада и Востока, агенты мелкого и крупного масштаба — все заторопились сообщить интересную новость своему руководству.

И в Москве заработал радиоприемник Четвертого управления Генерального штаба Красной Армии: Манштейн завтра будет в Бухаресте! Штабные офицеры Ставки, высшее советское командование, закачали головами: если главнокомандующий группы «Юг» едет в румынскую столицу опрокинуть пару коктейлей вместо того, чтобы находиться на своем командном пункте в Запорожье, на Восточном фронте точно не может быть никаких важных военных операций. Вот что должны были думать Советы. Вот что хотели, чтобы они думали.

Двадцать четыре часа спустя Манштейн был готов вылететь в Бухарест. Но в этот момент порученец доставил указание из Ставки Гитлера: отправляться не в Бухарест, а в Растенбург.

«Фюрер ждет вас на секретное совещание в «Вольфшанце». В Бухарест сообщат, что ваш вылет откладывается из-за плохой погоды».

Так, вместо полета к Антонеску, Манштейн вылетел к Гитлеру. Это не было следствием плохой организации дела, это было частью хорошо продуманной мистификации.

В Ставке фюрера Манштейн с удивлением обнаружил представительное собрание генералов: генерал-фельдмаршал фон Клюге, командующий группой армий «Центр»; генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией; генерал-полковник Модель, командующий 9-й армией; Кемпф, командующий оперативной группой; генерал Неринг, командующий 24-м танковым корпусом; генерал-полковник фон Грейм, командующий 6-м воздушным флотом; генерал Деслох, представляющий 4-й воздушный флот.

Восточная Пруссия тоже находилась в области повышенного давления, обеспечивающего прекрасную летнюю погоду. Бетонные строения Ставки фюрера выглядели загадочными и почти нереальными под покрывавшей их крыши камуфляжной сетью листвы и травы.

Гитлер пригласил генералов в чайный домик. Он сердечно поприветствовал всех и предложил садиться. Затем открыл совещание.

¹ Мы союзники (фр.). — Прим. пер.

² Фрейкор — добровольческие формирования в Германии (1918—1924), участвовавшие в подавлении революционных выступлений, борьбе с французской оккупацией и Войском Польским.

Уже в самом первом предложении его речи был раскрыт большой секрет: «Я решил начать операцию «Цитадель» 5 июля».

Это означало — через четыре дня. Генералы переглянулись, одни с облегчением, другие с досадой. Модель смотрел серьезно. Манштейн был непроницаем. Лицо Гота выражало все, что угодно, только не удовлетворение.

Такая противоречивая реакция была обусловлена вовсе не тем, что до назначенного срока оставалось мало времени. Срочность операции не вызывала смятения ни в одном из них. Войска уже давно готовили наступление: в ящиках с песком и на местности они изучали особенности курского выступа; упражнялись во взрывах бетонных бункеров с боеприпасами, в преодолении проволочных заграждений, обезвреживании мин, установке противотанковых ловушек. Никогда раньше к операциям не готовились так тщательно.

Беспокоило генералов то изрядное промедление, которое допустил Гитлер, прежде чем сейчас принять решение об ударе. Поначалу Манштейн, Гудериан, Клюге, Модель и многие другие встретили в штыки план Гитлера возобновить наступление на Восточном фронте вскоре после Сталинграда. Они не хотели раньше времени растратить резервы, и, главное, танковые части, заново создаваемые Гудерианом из новых боевых машин «Тигр» и «Пантера», без которых любое наступление могло стать весьма рискованным.

Штаб оперативного руководства Вермахта добавил к этому и свои опасения. Штабисты указывали на угрожающее развитие событий в Средиземноморье, где Эйзенхауэр подготовился к высадке в Италии.

Но Гитлер привлек внимание к серьезности ситуации на курском выступе. На этой удобной исходной позиции русские сосредоточили огромные ударные силы. Там было выявлено несколько танковых армий. По сути, Советы перебросили туда 40 процентов своих вооруженных сил, включая практически все танковые войска.

Это было опасным сосредоточением ударных войск, но также и соблазнительной добычей. Если такое скопление уничтожить, Красная Армия получит смертельный удар.

Вот такая мысль завораживала Гитлера. И, по правде говоря, генералы не могли сбросить со счетов его аргумент. Прежде всего им imponировала возможность сократить линию фронта за счет ликвидации курского выступа. Это освободило бы силы и резервы для других фронтов, например в Италии.

Но они увязывали свое одобрение наступления с требованием нанести удар как можно скорее, до того как русские, известные мастера обороны, прикроют свои изготовившиеся для наступления войска слишком хорошо, и до того, как будет упущен фактор внезапности.

Манштейн требовал начинать наступление не позже первых чисел мая. Однако Гитлер медлил. Он снова продемонстрировал неспособность принимать решения. Теперь было начало июля — не слишком ли поздно? Не упущен ли элемент внезапности? Этот вопрос был ключевым.

Значительную часть речи Гитлера в чайной комнате поэтому опять составило перечисление причин отсрочки наступления. «На этот раз мы должны победить! Вот почему мы были вынуждены дожидаться новейших тяжелых и сверхтяжелых танков. Нам необходимо использовать каждую возможность встретить противника, который становится все сильнее, с превосходством в вооружении и живой силе».

Карта 1. Исходная позиция великого летнего сражения 1943 года. 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» должны были срезать курский выступ с юга, а 9-я армия — с севера.

С изумлением выслушивали генералы усердные и многословные оправдания фюрера. Может быть, он допускал, что проволочка приведет к беде? И что он один будет в этом виноват, потому что постоянно откладывал начало наступления?

Гитлер, казалось, не был уверен в себе. Генерал-полковник Гот сообщает, что, наблюдая за Гитлером во время его речи, он не раз замечал, что фюрер думает о чем-то другом.

Однако, когда Гитлер начал обсуждать детали операции, к нему снова вернулся дар великолепного оратора.

План фюрера был достаточно простым — прекрасно отработанная операция на окружение. Вот краткий вариант его формулировки из боевого приказа: «Цель наступления — окружить силы противника в районе Курска посредством хорошо согласованного стремительного удара двух армий со стороны Белгорода и с юга от Орла, а затем уничтожить врага в ходе общего наступления». Другими словами, прием, испытанный в Минске, Умани, Киеве и Вязьме.

На северный фланг генерал-фельдмаршал фон Клюге поставил 9-ю армию под командованием генерал-полковника Моделя.

Его задача — ударить на Курск в юго-восточном направлении из района южнее Орла тремя танковыми корпусами. На возвышенности восточнее Курска они должны соединиться с частями группы армий «Юг».

Для этого соединения генерал-фельдмаршал фон Манштейн выбрал 4-ю танковую армию под командованием генерал-полковника Гота. Нанеся главный удар двумя танковыми корпусами, он должен был выступить на Курск из района севернее Харькова, армией в 700 танков прорвать линию обороны Воронежского фронта, прежде всего позиции 6-й гвардейской армии, а затем, соединившись с 9-й армией, уничтожить окруженные советские войска.

Восточный фланг 4-й танковой армии должна была прикрывать оперативная группа Кемпфа. Его задача состояла в нанесении удара и вклинении в левый фланг советского Воронежского фронта.

Главные силы генерал-полковника Гота должны были овладеть командной высотой, находящейся перед их фронтом, еще 3—4 июля, чтобы иметь удобный наблюдательный пункт для корректировки огня.

Все было расписано в мельчайших деталях. На довольно ограниченной территории сосредоточились колоссальные силы, в полосе шириной в 50 километров 9-я армия имела в своем распоряжении 13 дивизий; группа армий «Юг» — 15 дивизий на 80 километров, еще 16 дивизий должны были присоединиться к ней 9 июля.

Ни одно из предыдущих сражений на Востоке не знало такой концентрации военной мощи и столь тщательной подготовки. В группе армий «Юг» Манштейна было более 1000 танков и около 400 штурмовых орудий, в группе армий «Центр» Клюге почти столько же, так что всего к наступлению было готово около 3000 танков и штурмовых орудий.

Тысяча восьмьсот самолетов выстроились на аэродромах вокруг Харькова и Орла, чтобы контролировать небо во время операции «Цитадель» и обеспечивать танкам прикрытие с воздуха.

Чтобы представить себе масштаб этой подготовки, достаточно вспомнить, что Гитлер начал свою кампанию против России 22 июня 1941 года, имея 3580 танков и 1830 самолетов.

Гитлер все поставил на эту карту. Почему?

«Операция имеет решающее значение. Мы должны добиться успеха, причем стремительно и энергично. Это обеспечит нам инициативу на веспу и лето. Победа в Курске станет сигналом фанфары для всего мира».

Вот что говорил Гитлер в боевом приказе от 15 апреля. Именно это он подчеркивал в «Вольфшанце» 1 июля. Другой момент, на котором он настаивал в своей речи, состоял в следующем: «Важно обеспечить внезапность. До самой последней минуты враг должен оставаться в неведении о времени начала наступления».

Затем Гитлер сделал такое предупреждение: «На этот раз мы должны быть абсолютно уверены, что ни одна деталь нашего замысла не выйдет за эти стены ни по небрежности, ни по неосторожности».

Если бы он только знал! Этому желанию не суждено было исполниться. Шпион уже стоял за дверью.

Но не будем предвосхищать события.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, группа армий которого должна была нанести главный удар, после совещания в чайной комнате вылетел в Бухарест и вручил Антонеску золотой «Крымский Щит»¹.

И когда в падкой до слухов румынской столице журналисты, дипломаты и агенты еще радировали сведения о визите Манштейна в самые разные столицы мира, сам он давно уже возвратился на Восточный фронт.

Генерал-фельдмаршал разместил свой командный пункт в обозе, который теперь стоял в небольшом лесу непосредственно за передовыми частями немецких войск.

Лишь в сорока километрах севернее, в дубовой роще, в маленькой ложине между Обоянью и Прохоровкой, недалеко от деревни Зорицкие Дворы, стоял другой генерал. Здесь в нескольких хатках находился командный пункт командующего советской 1-й танковой армией генерал-лейтенанта Михаила Ефремовича Катукова. Стадо в полдюжины коров бродило на летнем солнышке по склонам ложины. Их пасла старушка. Коровы были частью маскировки — мирная картина предназначалась камерам разведывательных самолетов, которые то и дело совершали круги в голубом небе над холмами между Обоянью и Прохоровкой.

По правде говоря, начальник штаба 1-й танковой армии генерал Шалин будет чертыхаться, когда в три часа утра его разбудят крики почти глухой старухи, измучившейся в поисках заблудившейся коровы: «Дочка милая, золотко, куда ты подевалась?» Да что поделаешь. На войне маскировка — жизненная необходимость.

2 июля, спустя лишь двадцать четыре часа после того, как в «Вольфшанце» Адольф Гитлер посвятил своих генералов в главный секрет года, в хате Катукова зазвонил телефон. Николай Кириллович Попель, член Военного совета 1-й танковой армии, был в комнате и поднял трубку: «Генерал-лейтенант Попель у телефона. — Он долго слушал, потом кивнул головой: — Да, да. Конечно, Никита Сергеевич, понятно». Попель положил трубку и быстро зашагал через маленькую веранду к помещению начальника штаба, где в это время находился генерал Катуков.

¹ «Крымский Щит» — наградной знак за участие в боевых действиях в Крыму в 1941—1942 гг. — *Прим. ред.*

Еще в дверях он сказал: «Михаил Ефремович, только что звонил Никита Сергеевич Хрущев. Через час придет генерал Ватутин с экстренной информацией».

Катуков, танковый командир, закаленный в тяжелых боях 1942 года у Демянска, тут же поднялся: «Карты разных участков фронта — быстро, быстро!»

Катуков знал, что генерал армии Ватутин и член Военного совета Хрущев — люди дела. Если они лично прибывают на его командный пункт, жди перемен. Только две недели назад в такой же поросшей дубяком балке Хрущев обращался к собранию старших офицеров по поводу подготовки новобранцев 1925 года рождения. Его слова произвели настоящую сенсацию.

«Надо обратить на молодняк самое серьезное внимание, — рычал он на командиров, — агитировать не вообще, а с учетом возраста. Пусть каждый, как когда-то «Отче наш», запомнит уязвимые места «Тигра». Расскажите о новых калибрах отечественных орудий, о подкалиберном снаряде». Фразу про «Отче наш» чаще других повторяли потом все инструкторы.

Около 16.00 часов Хрущев и Ватутин прибыли в лошину. Они сразу направились в хату начальника штаба, где по стенам были развешаны карты.

Здесь, точно так же, как в «Вольфшанце» в Восточной Пруссии, секрет причины визита был раскрыт в первом же предложении. «Фашисты атакуют между третьим и пятым июля, — сказал Хрущев и добавил многозначительно: — Это не предположение, а факт. Нам точно известно об этом».

Генерал армии Ватутин кивнул. «Сегодня утром мы получили инструкции из Генерального штаба», — проговорил он с особенным ударением и подошел к большой карте. Его тяжелая рука указала на район Орла: «Девятая армия Моделя атакует наш Центральный фронт с севера. Воронежский фронт — цель двух германских армий. Они нанесут основные удары в центре и по левому крылу. Первый удар примет наша Шестая гвардейская армия». Генерал-лейтенант Попель, начальник политотдела, на чьих воспоминаниях основан наш рассказ, не пишет, какие чувства отражались на лице Ватутина. Однако вряд ли можно сомневаться, что в том спокойном голосе, которым он излагал своим армейским командирам, может быть, самые драматичные и сенсационные сведения всей войны, звучали нотки удовлетворения и абсолютной уверенности. У слушателей — Катукова, Попеля и генерала Шалина, начальника штаба армии, — не возникло ни малейшего сомнения, что его информация была надежной.

Естественно, советские Центральный и Воронежский фронты в общем уже несколько недель готовились к наступлению немцев: отработывали контрудары, укрепляли оборонительные сооружения, передвинули основную линию обороны на более удобные рубежи, — однако существует огромная разница между предположениями о намерениях противника и конкретным их знанием.

Хрущев закончил совещание скупыми словами: «А теперь за работу! Приготовьтесь встретить фашистов!»

Самый большой секрет Гитлера, операция «Цитадель», больше не являлся секретом. Сражение, от которого германский фюрер ожидал решительного поворота в течении войны, было предано. Советские документы, официальная история войны и полуофициальные воспоминания советских военачальников — все подтверждает это с поразительной откровенностью. Предателем был человек из самого близкого окружения Гитлера. В советских разведывательных донесениях он фигурирует под именем «Вертер».

Несколько часов спустя над немецкими позициями забрезжил рассвет 3 июля. Унтер-офицер Фурман и его связной Габриэль лежали за кустом в небольшой низине возле деревни Локня, рассматривая высоту за железнодорожной веткой Белгород—Сумы.

Всю ночь мотопехотная дивизия «Великая Германия» выдвигалась на боевые позиции по реке Ворскла, к северо-востоку от Томаровки, в хорошо укрепленное и замаскированное расположение немецкой 332-й пехотной дивизии.

— Русские вон на той высоте. Они могут видеть каждое наше чертово движение, а мы даже не имеем представления, что творится за теми холмами. Мы не знаем, что задумал Иван и где его батареи, — заметил Фурман.

— А что это перед нами? Вон там, в этих полях подсолнечника, и на тех лугах, и в тех перелесках? — спросил Габриэль.

— Ничего, как думают в Триста тридцать второй, — ответил Фурман. «Ничего, кроме хорошо спланированных больших минных полей. За ними советские сторожевые заставы, но обычно там кто-то есть только ночью».

Фурман, которому нравилось, когда его называли «начальник штаба 3-й роты», продолжил свое объяснение:

— В начале июня Советы отодвинули свои главные позиции на восемь—десять километров назад от линии фронта, за ту гряду холмов, так что мы не можем видеть их оборонительные сооружения и не достаем их даже пашей артиллерией. Все, кто хочет атаковать их, сначала должны перейти эту чертову нейтральную полосу, а, уж само собой, советские пушки хорошо пристреляны на главные точки и могут обеспечить действенное заграждение. На высотах у них наблюдательные пункты, с которых можно направлять огонь против любого нашего движения.

— Так мы в дерьме, господин унтер-офицер, — лаконично заключил Габриэль.

— Точно так, — отозвался Фурман.

Унтер-офицер Фурман и ефрейтор Габриэль верно оценивали ситуацию. Именно эту проблему генерал-полковник Гот снова и снова обсуждал со своим начальником штаба и его первым заместителем в течение нескольких недель подготовки к наступлению: чтобы наступление не провалилось в самом начале, орудия врага нужно постоянно подавлять германской артиллерией, и если не уничтожить полностью, то, по крайней мере, заставить замолчать на время атаки.

В равной степени необходимо было сразу же уничтожить интенсивными бомбардировками основные линии обороны на направлении главного удара.

С исходной позиции 4-й танковой армии невозможно было увидеть ни расположения советской артиллерии, ни русскую систему обороны. Фотографии воздушной разведки представляли сомнительную ценность, потому что на них нельзя было отличить настоящие укрепления от ложных. Выход был один — устранить эту проклятую преграду в виде холмов за нейтральной полосой. Гряда делала русских невидимыми, а германская атака могла увенчаться успехом только в том случае, если советские укрепления будут в пределах видимости. Таким образом, наблюдательные пункты и артиллерийские позиции следовало установить на первой линии высот незадолго до главного удара «Цитадели».

Ночь на 4 июля в районе между Доном и Доном стояла душная и грозовая. В 21.50 советские сигнальные ракеты разорвали небо над нейтральной полосой. Застучали пулеметы. Хорошо подготовленные немецкие бойцы уже были в мертвой зоне. 2-я инже-

перная рота дивизии «Великая Германия» выслала группу из десяти саперов. Им нужно было расчистить и пометить проходы в минном поле. Опасная работа. Минонскатели не помогали, потому что в земле было полно железа с предыдущих боев и приборы реагировали беспрестанно. Поэтому врытые смертельные ловушки приходилось искать при помощи проволочного шупа, потом выкапывать руками, выпимать детонатор и откладывать мину в сторону. И так же со следующей.

Дождь и темнота. Любой неверный шаг нес смерть или увечье. Каждое движение — прикосновение к вечности.

Эти саперы служили в войсках, которые редко оказываются в центре внимания: немногословные герои, для которых война означает главным образом пот и слишком часто — кровь.

В ночь с 3 на 4 июля группа из десяти человек перед холмами у Бугова обезвредила 2700 мин. Две тысячи семьсот мин за пять часов в полной темноте. По мине в минуту каждый. И ни один не погиб.

Смертельно усталые, они вернулись в свое расположение и заснули еще до того, как их головы опустились на землю.

Лейтенант Балетшофер тем временем отметил проходы на карте. Нарочный спешно повез ее в батальон.

За холмами между Белгородом и Ракитным рассвет 4 июля встречали русские. Они ждали наступления немцев уже со вчерашнего дня. Все находилось в полной боевой готовности. В опорных пунктах и траншеях стояла пехота. За «Максимами» припали к земле гвардейские пулеметчики. Ручные гранаты положены рядом. Минометы нацелены, пушки и противотанковые орудия готовы открыть огонь. Многозарядные реактивные установки, которые русские называли «Катюши», а немцы — «сталинские органы», ждут приказа. Стволы тяжелых зениток слегка проступают сквозь камуфляж. На аэродромах подготовлены к взлету истребители.

Командование армии, начиная с батальонного уровня, находилось на командных пунктах. Радисты превратились в слух.

Генерал-лейтенант Попель описывает, что в эти часы происходило в 1-й танковой армии: «Загудели ночные дороги. Серые от пыли танки и пушки потянулись в район вероятного вражеского натиска. Когда немецкие офицеры зачитывали приказ фюрера, у нас в обороне шли последние приготовления к встрече врага: уплотнялся передний край, устанавливались новые орудия, еще раз увязывались и уточнялись таблицы огня, графики взаимодействия. Два артиллерийских полка нашей армии были выдвинуты вперед, в полосу Шестой. Одна танковая бригада усилила боевые порядки нашей пехоты».

Фантастическая ситуация, уникальная в военной истории: своего рода замороженное состояние боевой готовности, полной до последней детали.

3 июля ничего не произошло. И когда стрелки часов дошли до полудня 4 июля, советские офицеры вздохнули с облегчением: сегодня ничего не будет. Если немцы атакуют, то с первыми лучами солнца. Завтра, может быть. Может быть! С готовым к бою оружием русские ждали сорок восемь часов. Сорок восемь часов — немалый срок.

Полковые командиры телефонировали в штабы дивизий: «Сохранять боевую готовность или можно немного передохнуть? Войска стали обнаруживать признаки усталости».

«Никакого отдыха, — был ответ. — Полная боевая готовность. Постоянная бдительность!»

Карта 2. 4-я танковая армия начала наступление раньше, чем остальные, — в полдень 4 июля 1943 года, — чтобы овладеть грядой холмов перед германскими позициями.

Между 12.25 и 13.25 полевые кухни выехали на передовую, чтобы раздать обед. Грозовой ливень бил опаленную землю, солдаты попрятались под плащ-палатки.

К 14.45 гроза прекратилась. Между Белгородом, Томаровкой и Фастовом воцарилась тишина. Русские ждали. А по другую сторону нейтральной полосы так же ждали немцы. Батальоны 48-го танкового корпуса и танковый корпус СС стояли в передних траншеях. Послышался гул самолетов. Он нарастал.

Люди подняли головы. Капитан Ленк, командир 3-го батальона гренадерского полка моторизованной дивизии «Великая Германия», посмотрел вверх на машины, потом на свои часы. «Минута в минуту», — сказал он.

Стрелка подвинулась на 14.50. И в этот момент эскадрилья бомбардировщиков «Штука» с ревом пронеслись над траншеями в сторону врага. Высоко над ними, осуществляя прикрытие, шли истребители. «Штуки» заложили вираж и с воем спикировали.

По другую сторону, на склонах Герцовки и Бутова, поднялись фонтаны земли и дыма. Именно там располагались наблюдательные пункты советской артиллерии. Сразу за ними — передовое охранение.

Следующая эскадрилья пролетела над германскими позициями. И третья, четвертая, пятая.

Больше 2500 бомб рухнуло на советскую полосу земли в 3 километра длиной и 500 метров шириной.

В 15 часов взорвалась последняя бомба. Тогда вступила артиллерия. Ревущий, воющий ад.

Передняя линия батальона Ленка находилась на железнодорожной насыпи. Командир 15-й роты, лейтенант доктор Мещнер, склонился у своего тяжелого пулемета. Он взглянул на ручные часы, потом на укрытие, где стоял командир батальона, не спускавший глаз с циферблата.

Десять секунд прошло. Пять. Пора! И в грохоте артиллерийского огня раздался пронзительный крик Ленка: «Вперед!»

Доктор Мещер увидел, как капитан Леик первым выскочил из траншеи и побежал через открытый участок. Все знали, что это пространство, на котором абсолютно нигде было укрыться, просматривалось русскими. Именно поэтому Леик сам бросился вперед с командного пункта, чтобы повести за собой батальон на такое трудное дело.

Доктор Мещер пишет, что никогда не забудет этой минуты.

Образцовым клином, как стая перелетных птиц, роты и взводы последовали за командиром батальона. Пример батальонного командира, казалось, подействовал как магнит и на Мещера. Он выпрыгнул из своего окопа для тяжелого пулемета, хотя, строго говоря, должен был оставаться там, и ринулся за капитаном Леиком, в нескольких метрах позади, слева.

Под прикрытием артиллерийского огня взводы бежали по проходам в миных полях, люди гибли вдвое. За ними по пятам двигались штурмовые орудия. Позади шли артиллерийские орудия на самодвижущихся лафетах. Между ними бежали отряды саперов, готовые устранить любое неожиданное препятствие.

Несмотря на боевую готовность, передовое охранение советской 6-й гвардейской армии было застигнуто врасплох стремительной немецкой атакой, и прежде всего интенсивной бомбардировкой.

Германские батальоны неслись через нейтральную полосу. За ними шли подвижные бронированные НП и машины связи артиллерии, стремящиеся как можно скорее захватить новые наблюдательные пункты на господствующих высотах.

Вскоре, однако, гарнизоны еще уцелевших опорных пунктов русских оправились от неожиданности и открыли огонь из всех видов оружия, которым располагали. Советские артиллерийские разведчики, ослепленные на время, теперь начали передавать данные своим батареям.

И советская артиллерия вмешалась в дело, установив смертоносный заслон. Залп за залпом обрушивался на район атаки. Заметавшиеся германские штурмовые орудия стали нарываться на советские мины. Раздался грохот противотанковых ружей и вой минометов. Красные бойцы, издавая пронзительные крики, по-ястребиному палтели на склоны и уже доставали немецкие штурмовые отряды пулеметами и пушками.

3-му батальону гренадерского полка мотопехотной дивизии «Великая Германия» перед Бутовым повезло. Растерянность в передовых частях советского 199-го гвардейского стрелкового полка продолжалась слишком долго. Русский командир батальона явно просчитался с намерениями немцев и подготовился к обороне на главных позициях, которые в этот раз не атаковали.

До того как советский полковой командир в Бутово понял, что происходит, немцы уже укрепились на гребне холма западнее деревни. Советское охранение было выбито с позиций, пункты корректировки огня взяты штурмом. В это же время высоту восточнее деревни захватили бойцы 11-й танковой дивизии.

Прошло 16 часов. К 16.45 на холме уже оказались немецкие артиллеристы. Обзор на север для них был теперь открыт. Впервые они могли воочию видеть советскую линию обороны.

На правом фланге армии батальонам моторизованного корпуса СС тоже удалось отбить у русской 52-й гвардейской стрелковой дивизии высоту у деревень Яхонтово и Стрелецкое. Около Герцовки, на левом крыле, события развивались не так хорошо. В

этом районе, где с 3-м батальоном дивизии «Великая Германия» наступал 1-й батальон 394-го гренадерского полка 3-й танковой дивизии, передовые части русской 71-й гвардейской стрелковой дивизии оценили ситуацию быстрее, чем соседняя дивизия. Их отпор был незамедлительным и эффективным.

Роты капитана Ленка отбили примерно пять сотен метров. Семь сотен метров. Затем на порядки батальона обрушился минометный огонь. Леик погиб. Доктор Мешер упал, получив серьезное ранение. Треть бойцов 15-й роты были убиты или ранены. Другие части тоже страшно пострадали. Теперь они продвигались очень медленно. Все меньше и меньше людей поднималось для следующего успешного броска. Многие командиры рот и взводов пали. Новому командиру 3-го батальона, капитану Болку, миной оторвало ногу.

К вечеру гренадеры «Великой Германии» и пехотинцы 3-й танковой дивизии наконец отбили склоны холма, но только ночью им удалось подняться на вершину юго-восточнее Герцовки и захватить саму деревню.

По одной подтянулись и заняли позиции артиллерийские части дивизии. Лихорадочно заработали связисты, устанавливая сообщение между подразделениями, батареями и наблюдательными пунктами, чтобы обеспечить управление огнем.

Было 1.00 5 июля — день «Д». Через два часа должна была начаться бомбардировка, открывающая операцию «Цитадель».

— Все еще нет связи с артиллерией армии? — спрашивал генерал-лейтенант Альбрехт офицера связи своего полка капитана Майвальда.

— Еще нет, господин обер-лейтенант.

Через полчаса.

— Есть связь, Майвальд?

— Еще нет.

Только пятнадцать минут остается до времени, назначенного для артиллерийской подготовки. Десять минут. Если не открыть огонь из расположения «Великой Германии», на направлении главного удара, под угрозой окажется успех всей операции.

Тяжелый груз наконец свалился с их душ, когда Майвальд доложил: «Связь установлена». Теперь закрутилось как на заезженной киноплёнке:

Приказы. Доклады.

Готовы открыть огонь. Готовы открыть огонь. Готовы открыть огонь.

Альбрехт скомацдовал всем оруди́йным позициям: «Открыть огонь через минуту. Я считаю».

Генерал-лейтенант Альбрехт считал. И 230 000 бойцов группы армий «Юг» ждали взрыва огня и грома, который будет сигналом к началу операции «Цитадель».

В 200 километрах севернее группа армий «Центр», 9-я армия Моделя, тоже ждала начала наступления. Там, на линии фронта южнее Орла, между Малоархангельском и Тросной, 4 июля не прозвучало ни единого выстрела.

Стоял знойный день. И такой спокойный, как воскресенье в деревне. Однако генерал-лейтенант Модель на небольшом пространстве сосредоточил три танковых корпуса и один армейский. Более 200 000 человек в 15 дивизиях. Подготовленные к наступлению соединения вышли на подготовленные исходные позиции за последние две ночи.

Генерал армии Рокоссовский, командующий советским Центральным фронтом, стоящим против 9-й армии Моделя, тоже держал свои войска в полной боевой готовности с 3 июля. Генштаб сообщил ему о дате немецкого наступления — как и Воронежскому фронту — еще 2 июля и проинформировал, что главный удар немцев следует ожидать по правому флангу его фронта против 13 и 17-й армий.

Рокоссовский отдал приказ пристально следить за минными полями перед главной полосой обороны. Его бдительность была вознаграждена захватом интересного источника информации.

Около 22 часов южнее Тагино был замечен немецкий отряд саперов. Русские взяли в плен одного из них — обер-ефрейтора Бруно Фермелло, согласно русским сообщениям. В соответствии с этими советскими источниками он служил в инженерно-саперном батальоне 6-й пехотной дивизии «Рейн—Вестфалия». Правда, эта часть совсем необязательно входила в состав 6-й пехотной дивизии, потому что к этой дивизии для курского наступления дополнительно присоединили инженерно-саперный батальон 47-й баварской дивизии — часть резерва главного командования.

Фермелло дал русским очень подробную информацию о подготовке немцев к операции и заверил, что после короткой артиллерийской подготовки в 3.30 немецкие части пойдут в атаку по подготовленным ходам в минных полях.

Эти сведения показались столь надежными, что они немедленно были переданы Рокоссовскому. Командующий Центральным фронтом быстро отреагировал, подготовив для немцев весьма неприятный сюрприз.

Стояла ясная, звездная ночь. И на замаскированные укрепления и орудия опустилась томительная духота.

Немецкие артиллеристы уже стояли у своих пушек. Моторизованные части выдвинулись на исходные позиции. Пехотинцы и танкисты курили последние сигареты перед атакой.

В этот момент Рокоссовский преподнес свой сюрприз. Именно он начал сражение.

В 1.10 совершенно неожиданно с советской стороны раздался адский грохот. Артиллерия всех видов, тяжелые минометы и другие орудия крупного калибра изрыгнули свои снаряды на районы сосредоточения немцев, их тыловые части и подъездные пути.

Внезапно страшное подозрение возникло в умах штабистов 9-й армии: русские опередили их с важным наступлением и сейчас пойдут на немецкие позиции. Обстрел продолжался более часа и причинил серьезный ущерб. Но русские не появились. Немецкие командиры вздохнули с облегчением.

И точно по плану, в 3.30, немецкие орудия разорвали серое утро 5 июля. Ничего подобного еще не происходило на Восточном фронте.

Унтер-офицер медицинских войск Герман Пингель двигался с 9-м взводом. Все санитары и врачи находились на передовой с наступающими частями. Было ясно, что раненым придется оказывать помощь на месте, потому что отправлять их в тыловые госпитали не удастся из-за огня противника.

9-й взвод выпрыгнул из своей траншеи, словно один человек. Перед ними простиралось 200 метров плоской, как стол, земли; дальше сулила укрытие Беличья лощина. Это означало: нужно бежать. Правда, в лощине были мины, но что такое мины в сравне-

нии с яростным заградительным огнем русской артиллерии, реактивных установок и вызывающих ужас пушек с низкой траекторией полета снарядов, которую немцы называли «бах-бух».

Часто дыша, Пингель бросился в низкий кустарник на краю лощины. За ним ползли саперы. Они расчищали проход в минном поле. Вперед!

В дальнем конце лощины находились первые русские траншеи: укрытые в склоне, они не слишком пострадали от огня немцев. Теперь русские простреливали лощину из пулеметов.

«Носилки, носилки!» — послышалось из кустов. Пингель бросился на стон. Обер-ефрейтор медицинских войск Оссеровски уже накладывал там повязки унтер-офицеру и двум стрелкам.

За колючим прикрытием организовали первую перевязочную. «Будь здесь, Осси», — сказал Пингель. Сам он пошел с наступающим отрядом. Впереди раздавались звуки тяжелого боя.

Обер-ефрейтор 258-й пехотной дивизии Карл Руденберг, кавалер Рыцарского Креста, первым достиг со своим пулеметом позиций русских. Руденберг из Столпа в Померании страдал занканием и никогда ни одной команды не произнес правильно, но по выдержке и отваге ему не было равных в 3-м батальоне 478-го гренадерского полка.

Когда Пингель добрался до траншей, ничего еще не определилось. Руденберг с пулеметом перекатился через бруствер. Первый взвод последовал за ним. В рукопашном бою они взяли укрытия первой оборонительной линии русских.

Пингель спешил. Повсюду — убитые и раненые. Траншеи были глубокими. На третьем повороте он отпрянул. У стены траншей скрючился Карл Руденберг. Рядом находился его пулемет. У его ног лежал русский, руки, грудь и голова которого были разорваны в клочья. Весь правый бок Карла — открытая рана.

Пингель осторожно положил его на дно траншеи. Вдруг Карл показал головой на русского, и в первый раз в жизни Пингель услышал, как он легко и свободно, без тени занкания, произнес: «Он прыгнул с гранатой прямо на меня». В голосе Карла звучало восхищение мужеством русского.

«Выгляжу неважно?» — сказал он затем. Пингель разрезал форму Карла. Рыцарский Крест покатился на землю. Пингель закладывал в зияющую рану тампон за тампоном.

«Я схожу за носилками», — сказал он.

Но Карл покачал головой и схватил Пингеля за плечо. «Не уходи, Герман, — выдохнул он, — не уходи. Это не продлится долго».

Это не продлилось долго, но десять минут показались унтер-офицеру медицинских войск Герману Пингелю вечностью.

«Третий батальон не может взять вторую траншею на правом склоне, господин полковник. Первый батальон застрял на минах. Им еще пятьсот метровов до позиций противника на левом фланге лощины в Беличьем лесу. Некоторые роты потеряли почти всех своих офицеров и примерно половину рядового состава. Мотопехотная рота понесла чрезвычайно серьезные потери. Заградительный огонь русских просто неопишум». Делавший этот доклад полковой адъютант, тяжело дыша, упал к ногам командира в маленьком блиндаже. Его форма была порвана, он только что вернулся с передовой, и на всем пути его преследовали минометы и «бах-бух».

Полковник Асман, командир 478-го гренадерского полка, нервно теребил пальцами бороду. Офицеры его полка лежали в густом кустарнике у входа в Беличью лошину, защищенные от обзора с воздуха.

Новые орудия «Шмель» и «Шершень», установленные на бронированные шасси и впервые используемые здесь в широком масштабе, выстроились у лошины и металлы свои тяжелые снаряды в советские опорные пункты. Три часа спустя, ближе к вечеру, 1-й батальон преодолел остававшиеся 500 метров и лежал теперь перед первой линией обороны советской 280-й стрелковой дивизии. Штурмовым отрядам удалось ворваться в советские траншеи. Но все попытки дальше вклиниться в глубокую оборонительную систему заканчивались ничем перед лицом неистового сопротивления русских.

В таком же положении находился и 479-й гренадерский полк. Вся 258-я пехотная дивизия, которая как правофланговая ударная группа 46-го танкового корпуса должна была первым ударом преодолеть советские заслоны по дороге Тросна—Курск, замерла после кровопролитной атаки на отдаленные позиции русских.

В это время на левом крыле 46-го танкового корпуса генерала Зорна 7-я баварская и 31-я брунสวิкская пехотные дивизии вместе с 20-й танковой дивизией Хессана через поля ржи и густого клевера начали наступление на позиции двух советских стрелковых дивизий.

Баварцы последовательно продвигались, но скоро тоже были остановлены интенсивным огнем обороняющихся. Во ржи, где бойцы надеялись укрыться, с грохотом взвились фонтаны огня — мины. Хлебные поля оказались полями смерти.

У 81-й пехотной дивизии генерала Хосбака, чей боевой знак был Брунสวิкский лев, дела шли успешнее. Инженерно-саперный батальон из Хокстера, работавший на абсолютно открытом участке лишь в нескольких сотнях метров от советской передовой линии, расчищал в минном поле широкие проходы для построившихся к атаке тяжелых «Тигров».

Из своих 88-мм орудий «Тигры» давали по русским позициям залп за залпом, чтобы подавить сопротивление врага. Но и в этих условиях задача саперов оставалась адской.

Русские обстреливали их из тяжелых минометов, установленных в глубоких траншеях, неуязвимых для низкотраекторных танковых орудий. Это был неравный поединок. И именно саперы платили по счетам. Командир 2-й роты и два командира взводов погибли в первые несколько минут. Но саперы продолжали готовить дорогу для «Тигров».

Работа требовала твердой руки и стальных нервов. Каждую противотанковую мину после расчистки нужно было сначала слегка приподнять, потому что многие из них дополнительно крепились небольшой провололочкой к колышку. Метр за метром команды ползли вперед — прощупывали землю, руками выкапывали мины, осторожно их поднимали, удаляли взрыватель и откладывали смертоносные капканы в сторону. На земле между саперами с грохотом рвались советские минометные снаряды. Над головами саперов оглушающе свистели 88-мм снаряды их собственных «Тигров».

Наконец через два часа они прошли поле. Огромные танки с моторами в 700 лошадиных сил и практически непробиваемой 102-мм лобовой броней загромыхали за ними. Фельдфебель Виллес махнул своей команде саперов: «Саперам сомкнуться за нами до первой русской траншеи».

Саперы Виллера присоединились к взводам grenадеров, которые, согнувшись, бежали сквозь вражеский огонь позади и рядом с «Тиграми». Это были штурмовые отряды 3-го батальона 17-го grenадерского полка — госларовские горные стрелки.

Несколько отрядов стрелков вбежали в высокие колосья рядом с подготовленным проходом. Виллер закричал, чтобы они вернулись. Эти поля тоже были полны противопехотных мин — осколочных и фугасных.

Русские заложили их весной. Теперь над ними поднялась рожь, и стало не видно ни мин, ни проволочных растяжек.

Даже в клеверах, через которые наступали другие группы пехотинцев, взрывались предательские фугасы в деревянных ящиках. Густой клевер приподнял маленькие ящички над землей. И только небо могло спасти солдата, натолкнувшегося на одну из этих смертоносных «сигаретниц» и сдвинувшего взрыватель под ее крышкой.

Под прикрытием огня «Тигров» grenадеры достигли первой траншеи. Она была пуста. В начале немецкой артподготовки Советы отвели гарнизон, оставив только наблюдателей и гранатометчиков.

Траншея была глубокой и узкой с небольшими, в три-четыре ступеньки, лестницами по стенкам к каждому пулеметному гнезду.

«Задержимся здесь на минуту», — сказал обер-ефрейтор Эвальд Бисман. «Тигры» перевалили через траншею. Госларовские горные стрелки неслись за стальными колоссами. Бронированный клин продолжал наступление на деревню Гнилец.

Было 9 часов. Поле боя между селениями Гнилец и Бобринк содрогалось от грохота. Солнце жарко палило над клубами пыли. Начальник разведывательного отдела 20-й танковой дивизии доставил пленного в штаб на передовой.

— Какой части? — спросил генерал-майор фон Кессель.

— Второго батальона Сорок седьмого стрелкового полка Пятнадцатой стрелковой дивизии, господин генерал, — ответил переводчик. — Пленный говорит, что советские войска понесли тяжелые потери в результате нашего артобстрела.

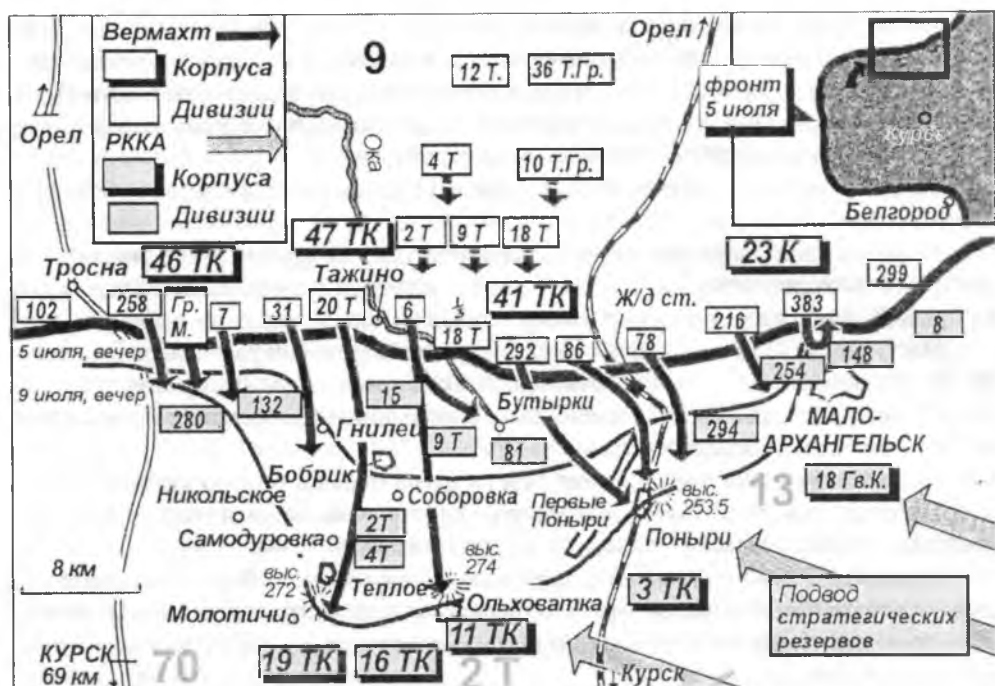
Генерал какое-то время размышлял, потом обратился к начальнику оперативного отдела: «Может быть, здесь их слабое место?»

Командующему артиллерией он приказал: «Ударьте еще раз из всех орудий по району Бобринк».

Затем отдал приказ начальнику оперативного отдела: «Обеспечьте палет в тот же сектор пикирующих бомбардировщиков 1-й авиационной эскадры» — и командиру усиленного моторизованного разведывательного батальона 20-й дивизии: «Переведите свой батальон на правый фланг 1-го батальона для совместного прорыва позиций противника».

Приступили к реализации плана. Загрохотали орудия 103-го моторизованного артиллерийского полка. Эскадрильи бомбардировщиков сбрасывали бомбы в расположение врага. Потом танки, истребители танков и пехотинцы 20-й моторизованной дивизии двинулись на штурм русских линий обороны. 20-й батальон советского 47-го стрелкового полка не удержал позиций.

Наступление продолжалось. Оно подошло ко второй линии обороны. Ее держал советский 321-й стрелковый полк. Немцы разбили несколько батальонов, часть подразделений отступила. Полковой фронт был смят. Немецкие танки и 1-й батальон 112-го мотопехотного полка ворвались в деревню Бобринк.

Карта 3. На севере курского выступа 9-я армия Моделя натолкнулась на прекрасно организованную оборону. Германский 23-й армейский корпус, чьей задачей было прикрыть левый фланг наступления, был остановлен недалеко от Малоархангельска. Танковый корпус овладел плацдармом на холме около Ольховатки.

Впервые за эту ожесточенную битву в шуме сражения раздался древний немецкий боевой клич «Ура, ура!». Оборонительные позиции советской 15-й стрелковой дивизии пали.

Успешное развитие событий у 20-й танковой дивизии в свою очередь помогло сопредельной 6-й пехотной дивизии из земли Рейн—Вестфалия. Она начала наступление в 6 часов 20 минут после артиллерийской подготовки, поддержанной бомбардировщиками «Штука» и гранатометчиками.

Возле овощехранилища колхоза Верхнее Тагино стоял генерал-лейтенант Хорст Гроссман со своим начальником оперативного отдела и с холма следил за событиями в долине реки Ока. «Тигры», вперед!» — скомандовал он.

В небе в сторону врага с ревом летели боевые порядки 6-го воздушного флота, атакуя позиции с обеих сторон Ясной Поляны. Раздавался свист снарядов реактивных минометов «Небельверфер» и вой артиллерийских. Штурмовые отряды стрелковых полков шли вперед, грохотали штурмовые орудия, противотанковые и пехотные орудия покатались к Оке.

«Пятьдесят восьмая форсирует реку!» — закричал адъютант, не отнимая бинокля от глаз. — Восемнадцатая уже возле Ясной Поляны».

У Ясной Поляны хладнокровно вел свои батальоны на позиции русских подполковник Ноке.

«Противотанковый огонь справа. Гренадеры Пятьдесят восьмого пехотного полка обнаружены, — докладывал адъютант у хранилища. — Атакуют русские самолеты».

Было 8.00. Гроссман выслал свои «Тигры».

Стальные крепости 505-го танкового батальона майора Саванга загрохотали через Оку. Они достигли Ясной Поляны и ударили по открытому флангу советского 676-го стрелкового полка. Эта атака вызвала у русских цепную реакцию: дрогнул фланговый полк стоящей рядом советской 81-й стрелковой дивизии.

Теперь «Тигров» никто не сдерживал. Около 12.20 они вошли в деревню Бутырки, намного опередив пехоту.

Советское донесение о положении в северном секторе фронта в середине первого дня сражения отличают мрачные ноты. Провал 15-й стрелковой дивизии нес угрозу всему правому флангу советской 17-й армии. Не был ли определен исход битвы?

Наступление 41-го танкового корпуса генерала Харпе тоже развивалось успешно. В состав корпуса входили 86-я пехотная дивизия из земли Рейн—Вестфалия, испытанная 292-я пехотная дивизия из Мекленбурга и Померании и саксонский 101-й моторизованный полк 18-й танковой дивизии.

Советская 81-я стрелковая дивизия, стоявшая на главной линии обороны, оказала упорное сопротивление. Здесь русские в утро наступления вырыли траншею, так что немецкий заградительный огонь не дал заметного эффекта.

Однако дивизии Харпе имели козырь, на который возлагали большие надежды, — девяносто тяжелых штурмовых орудий «Фердинанд», входивших в состав 653 и 654-го дивизионов, поступили под командование подполковника фон Юнгенфельда в качестве таранов для пехоты.

«Фердинанд» был огромным чудовищем весом в 72 тонны, вооруженный испытанной 88-мм пушкой со стволом длиной 6,5 метра. Толщина брони доходила до 200 мм. Два двигателя «Майбах» давали ток двум электрическим моторам, каждый из которых автономно приводил в движение одну из двух гусениц. Несмотря на вес, «Фердинанд» развивал скорость до 30 километров в час. Чудо инженерного искусства. Эти мобильные стальные крепости производили на заводах Нибелунгов в Сент-Валентине в Австрии.

Свое мирное имя гигант «Фердинанд» получил от создателя, Фердинанда Порше. Гитлер надеялся, что это штурмовое орудие решительно изменит ход войны, сделает каждую атаку неотразимой. Кто может устоять против такого монстра? Какое оружие противопоставить ему? Там, где упадет его снаряд, долго не будет расти никакой травы. Любая Т-34, попавший в поле действия «Фердинанда», можно считать уничтоженным.

Однако «Фердинанд» имел ахиллесову пятю — слабую передачу и слишком уязвимые гусеницы, вследствие чего многие из этих гигантов скоро оказались на приколе с поврежденной ходовой частью. К тому же «Фердинанд» был абсолютно беспомощен в ближнем бою с пехотой противника. Кроме жестко закрепленной огромной пушки, он не нес никакого вооружения, даже пулемета, и не мог бороться с противотанковыми отрядами.

Мало что меняла даже находчивость экипажей 654-го дивизиона майора Ноака, которые брали с собой МГ-42 и, когда дела шли совсем плохо, вели непрерывный огонь через пушечный ствол. В конце концов, 88-мм не предназначалось для использования в качестве пулеметной амбразуры. Поэтому «Фердинанды» проходили через вражеские линии как стальные монстры, а сопровождающих их пехотинцев убивала или, как минимум, вынуждала отходить под прикрытие советская пехота, находившаяся в хорошо замаскированных окопах. Сил пяти-шести пехотинцев, ехавших на доске, грубо при-

крученной проволокой к задней стенке каждого «Фердинанда», было недостаточно, чтобы очистить местность от врага. Поэтому бронированные крепости очень скоро оказались таранными клиньями, за которыми никто не шел.

Гудериан предвидел реальные последствия недостаточной вооруженности и чрезмерно усложненной конструкции «Фердинанда», однако Гитлер не прислушался к нему. В результате Курская битва оказалась первым и последним сражением, в котором танки с уютным названием выступили в качестве значимой силы.

К концу дня 5 июля общее положение наступающих сил в секторе 41-го танкового корпуса оставалось благоприятным. Полки 86-й пехотной дивизии уже находились в третьей линии советских траншей. Полковник Бибер со своим 184-м гренадерским полком вел боевые действия уже на северной окраине Поньрей.

Штурмовые орудия и поддожпы «Фердинандов» 653-го дивизиона майора Штейнваха, действовавшего на участке фронта 292-й пехотной дивизии, с первой попытки продвинулись на 5 километров в глубь обороны противника, к Александровке. Огневые позиции русских были раздавлены. Штурмовые отряды соединились с боевыми порядками 6-й пехотной дивизии, захватившей Бутырки.

Однако советская пехота не запаниковала от рева «Тигров» и «Фердинандов». Все последнее время партийные руководители и опытные офицеры-танкисты отработывали с личным составом тактику поведения при танковых атаках. Было сделано все возможное, чтобы предупредить распространение пресловутой «танковой боязни». Это принесло несомненные результаты.

Русские пехотинцы пропускали танки через свои хорошо замаскированные окопы, а затем вступали в бой с немецкой пехотой. Таким образом, сражение продолжало бушевать на тех участках, которые командиры передовых танков считали уже завоеванными.

Штурмовым орудиям и танкам приходилось возвращаться, чтобы помочь своим. Затем они снова шли вперед и снова возвращались. К вечеру пехота осталась без сил, а танки и штурмовые орудия — без топлива. Тем не менее наступающие глубоко вклинились в оборону противника.

Батальоны и полки докладывали: «Мы продвигаемся! С трудом, дорогой ценой. Но мы продвигаемся!»

И еще один факт постоянно повторяли в своих донесениях все командиры: «Нигде противник не был застигнут врасплох. Нигде он не был неподготовленным. Совершенно очевидно, что нашей атаки ждали, это подтверждают и военнопленные».

Очень неприятный сюрприз. И все же по всему фронту 41-го танкового корпуса твердо верили: «Мы выьем Ивана с позиций».

На левом крыле Моделя, у 23-го армейского корпуса под командованием генерала Фресснера, в течение первых суток наступление развивалось также успешно. В этом секторе, где действовали опытные и бесстрашные полки 78-й пехотной дивизии, которая за последнее время завоевала себе звание штурмовой, характерные особенности боя проступали с почти школьной очевидностью.

Здесь тоже были задействованы «Фердинанды», входившие в состав 654-го дивизиона майора Ноака, усиленные карликовыми танками, парадоксально названными «Голлаф»: чуть больше 60 сантиметров в высоту, 67 сантиметров в ширину и 120 сантиметров в длину. Эти «беспилотные» карликовые танки управлялись либо дистанционно по

радно, либо с помощью кабеля, разматывавшегося с кормы машины до 1000 метров. Они несли заряд в 90 килограммов взрывчатого вещества. Со скоростью 20 километров в час эти карлики катились непосредственно на позиции противника: противотанковые опорные пункты, пулеметные установки. В действие они приводились нажатием кнопки. Когда «Голиаф» достигал цели, эффект был сильный. В большинстве случаев, однако, он до своих целей не добирался.

Опытные вюртембергские полки 78 и 216-й дивизий, усиленные егерскими батальонами, противотанковыми орудиями на самоходных лафетах, штурмовыми частями инженерно-саперных войск с минометами и огнеметами, а также дивизионами штурмовых орудий, наступали на хорошо укрепленный район вокруг развязки дорог у Малоархангельска.

Чтобы проделать для «Фердинандов» широкий проход в плотном советском минометном поле, Модель применил еще одно «фантастическое оружие» — приземистые, гусеничные машины, напоминающие британские транспортеры для боеприпасов, тяжелобронированные, весом 4 тонны, с шестицилиндровым мотором «Борхард», известные как В-IV. Они несли фугасный подрывной заряд в 1000 килограммов, который можно было сбросить с помощью дистанционного управления. У Малоархангельска 300-й дивизион штурмовых орудий устроил этим «покорителям мин» генеральную репетицию: водители привели их к кромке минометного поля и там поставили на радиоуправление. Заряд подрывал все мины в радиусе свыше сорока—пятидесяти метров. Естественно, транспортер тоже взлетал на воздух. Включив устройство дистанционного управления, водитель выпрыгивал и пытался достичь своих позиций. У Малоархангельска восемь В-IV действительно проделали широкий проход в 400-метровом минометном поле. Четверем водителям удалось спастись, четверо погибли. «Фердинанды» загромыхали вперед на советские боевые порядки.

Здесь, на господствующей высоте левого крыла, две пехотные дивизии советского 18-го гвардейского стрелкового корпуса защищали важную угловую точку русских позиций. Однако немцам удалось вклиниться в оборону противника. К 18 часам 410-й стрелковый полк 81-й пехотной дивизии был выбит с позиций.

В контратаку пошли советские танки 129-й танковой бригады.

К вечеру 5 июля немецкие артиллеристы и танкисты, водители штурмовых орудий и саперы — все знали, что, несмотря на сосредоточение всех наличных средств, несмотря на успешный штурм отчаянно защищаемых и хорошо укрепленных высот, несмотря на изрядное количество военнопленных, которые теперь тащатся позади, — несмотря на все это, вместе взятое, не может быть и речи о сколько-нибудь существенном прорыве в невообразимо мощную и глубокую советскую полосу обороны.

— Насколько глубоко Фреснер вклинился в оборону противника? — спросил Модель своего начальника штаба, полковника фон Эльверфельдта, незадолго до полуночи 5 июля.

— Километров на пять, не больше, господин генерал-полковник; Семьдесят восьмая дивизия — на железнодорожной станции Малоархангельск.

— Что сообщает воздушная разведка о передвижениях резервов противника? — обратился Модель к офицеру разведки.

— Основные соединения, включая танковые, движутся с востока, из района Ливны, на Малоархангельск, Поныри и Ольховатку.

Модель склонился над картой. Он понимал, о чем уже догадывались командиры дивизии Фреснера: план прикрыть фланг двух танковых корпусов Моделя, несущих основную тяжесть главного удара в центре, глубоким прорывом 23-го корпуса не проходит. Не удастся перехватить движущиеся с востока русские резервы и не позволить им включиться в сражение.

Лемельсен, Харпе и Фреспер, командующие корпусами 9-й армии Моделя, глубокой ночью тоже изучали карты со своими штабными офицерами. Объекты дня, собственные потери, донесения о боевом составе противника — все с безусловной очевидностью показывало, что продвижение развивается медленно. Приходится буквально прогрызать оборону. Это было неприятным открытием, однако не ошеломляющим. Генерал-полковник Модель рассматривал подобную возможность. Не один раз он напоминал Гитлеру о глубине советской оборонительной системы, которая была обнаружена германской воздушной разведкой.

Вот почему Модель с самого начала строил свое наступление в расчете на исключительно упорное сопротивление, именно поэтому он разработал план, который был весьма в его характере: он не собирался бросать в атаку сразу всю свою бронетехнику, он решил пробивать брешь в обороне методично и последовательно.

В результате его глубоко эшелонированная 9-я армия начала наступление девятью пехотными дивизиями, усиленными танками и штурмовыми орудиями.

В первой волне Модель задействовал только одну танковую дивизию, 20-ю. Основную часть своих танковых соединений (шесть танковых дивизий, дивизии моторизованной пехоты, а также несколько дивизионов штурмовых орудий) он держал в резерве. «Сначала пробей брешь, а затем вводи в бой свежие силы! Когда создай прорыв, тогда танки могут в него входить и свободно действовать врагу во фланг и с тыла, пока он не будет окружен». Таков был рецепт Моделя. На рассвете 6 июля перед ним стояла сложная дилемма. Использовать танковые резервы немедленно или следует повременить? Он решил вводить их в дело, конкретно в секторе 48-го танкового корпуса под командованием генерала Лемельсена, в районе Бутырок и Бобрика. В этом месте фронт советской 15-й стрелковой дивизии был прорван, и Модель надеялся окончательно раздавить оборону противника. Поэтому он передвинул три из своих пяти танковых дивизий — 2, 9 и 18-ю — из районов их сосредоточения в район прорыва, и 6 июля они вступили в бой. 4 и 12-ю танковые дивизии, а также 10-ю мотопехотную дивизию он решил держать в резерве.

Столь сокрушительная вторая волна обычно обеспечивала окончательную победу. В конце концов фронт противника между шоссе и железнодорожной веткой Орел — Курск был прорван на 32 километра в ширину и от 6 до 10 километров в глубину. А опыт показывал, что, когда в такую брешь бросаешь мощные моторизованные формирования, это практически неизбежно ведет к прорыву.

Однако сложившаяся ситуация отнюдь не являлась обычной. Ничто в этом сражении пельзя было мерить обычными мерками. И советская оборонительная система к вечеру 5 июля вовсе не была прорвана окончательно. Она оставалась неповрежденной еще на десять — шестнадцать километров. Никогда в истории войн не создавалось оборонительных систем, эшелонированных на такую глубину.

На фронте шириной более двадцати четырех километров по краю курского выступа — в том самом месте, где атаковали немцы, — за много месяцев работы русские

перелопатили всю землю, создав лабиринты ходов сообщения, минных полей и подземных бункеров. Каждый перелесок, каждый холм, каждый колхоз был превращен в опорный пункт. И все эти опорные пункты соединялись системой глубоких, хорошо замаскированных траншей. Между ними — целая сеть окопов для противотанковых пушек, вкопанные танки, эшелонированные в глубину орудийные позиции, реактивные минометы, огнеметы и бесчисленные пулеметные гнезда.

И не только оборона была мощной. Не менее, если не более, значимо было то обстоятельство, что советское Верховное Главнокомандование располагало исключительно мощными оперативными резервами. Генерал армии Рокоссовский расположил их блистательно.

Как пишет полковник Маркин, советский хроникер Курской битвы, оперативные резервы Центрального фронта «получили приказ еще в середине дня 5 июля выдвигаться, согласно подготовленному плану, на исходные позиции для контратак».

Согласно подготовленному плану! Настолько точно русские были осведомлены о целях и месте главного удара Моделя в операции по прорыву обороны противника!

Утром 6 июля венецианская 2-я танковая дивизия вышла на поле сражения 140 танками и 50 штурмовыми орудиями. Около 9 часов 96 танков Т-IV 2-го батальона 3-го танкового полка майора фон Боксберга начали наступление на высоту к северу от местечка Кашара.

«Тигры» 505-го дивизиона под командованием майора Сванга, входящие в состав дивизии, уже взяли Соборовку.

Боксберг пересек плацдарм южнее Соборовки. Широким клином танки шли через поля высокой пшеницы. Люки открыты. Солнце палит нещадно.

Систему траншей противника на холме смяли атакой во фланг. Но Кашару взять не удалось. Советские линии противотанковых орудий были слишком основательными и слишком коварно расположенными. Как только танки разделялись с одним орудием, перед ними вырастало другое.

Более того, русские бросили в бой крупные танковые соединения. Между Поньрями и Соборовкой, на участке фронта в четырнадцать километров, началось танковое сражение, по масштабам беспрецедентное в истории военных действий. Оно продолжалось четыре дня.

В кульминационный момент сражения с каждой стороны в нем участвовали от 1000 до 1200 танков и штурмовых орудий. Многочисленные части военно-воздушных сил и 3000 орудий всех калибров дополняли этот жуткий поединок. Наградой являлся холм у Ольховатки с его ключевой позицией — высотой 274.

Холмы были ближайшей целью Моделя. Они являлись главным препятствием к осуществлению его плана наступления, они являлись ключом от двери в Курск. В чем же заключалось их особое значение?

Гряда холмов у Ольховатки, составляла со стратегической точки зрения, центральную часть Среднерусской возвышенности между Орлом и Белгородом. На их восточных склонах — исток Оки, а также множества других менее значительных рек и речушек. С этих холмов открывается вид на Курск, находящийся примерно на 120 метров ниже Ольховатки. Кто владеет этими высотами, будет владеть пространством между Окой и Сеймом.

Модель планировал захватить этот плацдарм вокруг Ольховатки. Он хотел ввести туда свои резервы, вытеснить советские войска, прежде всего танковый корпус Рокос-

совского, в неудобное для них расположение, разбить их, а затем совершить бросок на Курск для соединения с частями Гота.

Однако Рокоссовский раскусил план Моделя и сосредоточил значительные резервы для защиты этой ахиллесовой пяты советской оборонительной системы.

«Тигры» Сованта поползли в лес противотанковых орудий, в лабиринт противотанковых ловушек, сквозь стены артиллерийского огня. Пехотинцы 2-й танковой дивизии оказались перед чередой траншей. Первая волна захлебнулась. Вторая волна прокатилась вперед на несколько сотен метров и также остановилась. Когда танки майора фон Боксберга пошли третьей волной, их бросок тоже был остановлен заградительным огнем русских. Австрийской 9-й танковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта Шеллера удалось не больше. Пехотинцы 20-й танковой дивизии так же яростно сражались под обжигающим солнцем 8 июля около деревни Самодуровка. В течение часа были убиты или ранены все офицеры 5-й роты 112-го мотопехотного полка. Тем не менее пехота ползла по полям, захватывая траншеи и напарываясь на новые. Батальоны таяли. Роты становились взводами.

Лейтенант Хёниш собрал немногочисленных оставшихся в живых людей: «Вперед, бойцы, еще один окоп!» Строчил пулемет. Огнемет изрыгал струи пламени. Их прикрывали огнем два штурмовых орудия. У них получилось. Только лейтенант лежал мертвый в двадцати шагах от цели, а вокруг него половина роты, убитые и раненые.

Это был беспощадный бой. Обе стороны, казалось, догадывались о месте, которое история впоследствии отдаст этому сражению, — решающее сражение Второй мировой войны.

Сопоставить его можно лишь со знаменитой битвой у Эль-Аламейна, где Монгомери задействовал 1000 орудий и решительно повернул ход войны. Даже Сталинград, несмотря на его более апокалиптическую и трагическую ауру, не выдерживает сравнения с грандиозным сражением у Курска по количеству участвовавших в нем сил.

8-го июля Модель пустил в ход основную часть своей 4-й танковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта фон Саукена. С позиций, завоеванных 20-й танковой дивизией, они выступили на деревню Теплое.

«Штуки» проносились над наступающими полками. Бронированные самолеты сопровождения пикировали на позиции противника. Танки 20, 4 и 2-й танковых дивизий двигались среди пехотинцев. Массивные «Тигры», Т-IV и штурмовые орудия. Их пушки грохотали, закрывая все вокруг дымом и огнем.

Однако Рокоссовский предпринял заблаговременные меры. Накапуне он выдвинул вперед две пехотные дивизии, одну артиллерийскую дивизию, две танковые бригады и одну механизированную бригаду.

2-й батальон 33-го мотопехотного полка пробился через весь этот ад к деревне Теплое и занял ее. Русские отошли к последней линии холмов.

Батальон к этому времени потерял уже 100 человек. Но командир дивизии не хотел давать противнику время собраться с силами. 3 и 35-й танковые полки выстроились на окраине деревни. К ним присоединились бронетранспортеры. Пикирующие бомбардировщики с воем понеслись в направлении главных позиций русских.

«Вперед!»

На противоположном склоне находились хорошо замаскированные орудийные окопы советской 3-й противотанковой артиллерийской бригады. Кроме того, были вкопаны танки

Т-34. Их фланг прикрывал советский стрелковый батальон с противотанковыми ружьями — простым, но высоко эффективным оружием против танков в ближнем бою. Их применение, равно как и применение немецких фаустпатронов, требовало смелости и хладнокровия.

Штурм высоты начался. Русские опустили завесу заградительного огня.

Через несколько сотен метров немецкая пехота уже не могла оторваться от земли. Было невозможно преодолеть огонь множества орудий, сосредоточенных в очень узком секторе. Только танки пошли вперед на стену огня.

Советские артиллеристы подпустили их на пятьсот метров, потом на четыреста. На этом расстоянии русские противотанковые орудия поджигали даже «Тигры».

Но затем три танка Т-IV раздавили первую линию советских орудийных позиций. Пехотинцы шли следом. Они захватили высоту. Немедленной контратакой русские сбросили их оттуда.

Три дня бушевал бой перед деревней Теплое. 33-й мотопехотный полк завоевал плацдарм. И снова их выбили с позиций.

Капитан Дизенер, последний оставшийся в живых офицер, собрал остатки 2-го батальона и снова повел их в атаку. Он взял высоту. И снова был вынужден отступить.

Сопредельная 6-я пехотная дивизия тоже овладела лишь склоном ожесточенно обороняемой высоты 274 у Ольховатки.

В левом секторе района прорыва главной точкой сражения являлась деревня Поньры. «Мы никогда не забудем эту деревню», — даже сейчас говорят воевавшие у Поньрей бойцы 292-й померанской пехотной дивизии.

Растянутая деревня Поньры и высота 253,5 стали Сталинградом Курской дуги. Пунктами наиболее ожесточенных боев были машинно-тракторная станция, вокзал, школа и водонапорная башня. Железнодорожную насыпь и северную окраину селения захватили в первый день наступления. Но затем началась ожесточенная борьба, в которой участвовали 18 и 9-я танковые дивизии, а также 86-я пехотная дивизия.

9 июля 508-й стрелковый полк взял штурмом высоту 239,8. Теперь нужно было развить успех и овладеть решающей высотой 253,5. ««Фердинанды», вперед!» Шесть из этих чудовищ загрохотали наверх и открыли свой уничтожающий огонь.

«Штурмовые орудия — на Поньры!» Орудия взревели. Теперь, вне всякого сомнения, атака должна закончиться успешно. Владея Поньрями, германские войска смогут зайти на Ольховатку с фланга.

508-й гренадерский полк прорвался еще на пятьсот метров южнее. Тогда русские немедленно предприняли контратаку.

Советский командир 1-го батальона 1032-го стрелкового полка ехал на джипе впереди своего подразделения. У школы он выскочил из машины и лично повел в атаку первую линию стрелков.

Германские передовые части начали отступать. Капитан Мундсток, командир 3-го батальона 508-го гренадерского полка, заметил это и помчался к школе на автомобиле. Там он тоже выпрыгнул из машины. Его автомат простреливал перекресток. Советская атака захлебнулась.

Русский комбат наткнулся на пулю. В следующий момент, однако, Мундсток тоже упал, смертельно раненный. Трагическая дуэль двух мужественных офицеров.

Русские удерживали перекресток, немцы — школу. В ночь с 10 на 11 июля генерал-полковник Модель использовал свой последний резерв — бросил в этот ад 10-ю мото-

пехотную дивизию. Дивизия выдвинулась в сектор 292-й пехотной дивизии, которая была совершенно обескровлена. На грузовиках «Рено» рота за ротой прибывала на исходные позиции.

Эта баварская дивизия, чьим боевым знаком был ключ, имела немалые огневые возможности — семь артиллерийских дивизионов, один полк реактивных минометов «Небельверфер», дивизион тяжелых минометов и батальон штурмовых орудий.

Перед такой огневой мощью вражеская танковая атака на железнодорожную станцию в Поньрях провалилась в первый же день.

12 июля хорошо организованный артиллерийский огонь опять остановил три дневные атаки русских. Ганс Ницше из 10-й роты 20-го мотопехотного полка наблюдал, как лес на холме перед их позицией медленно исчезал из виду в ослепительном огне орудий и пикирующих бомбардировщиков. Он видел, как русские колонны поднимались, шли вперед, падали. Впервые в жизни он увидел ревущие реактивные снаряды «сталинских органов», советских реактивных минометов. Сначала он подумал, что восходит солнце. Но с этого «солнца» с ужасным воем посыпались огненные стрелы и разнесли все вокруг.

В последующие несколько дней русские снова и снова пытались отбить Поньри у баварцев. Безрезультатно. Генерал-лейтенант Август Шмидт и начальник его оперативного отдела хладнокровно разыгрывали свои козыри в стратегически важных пунктах.

Унтер-офицер Шуллер стоял у своего противотанкового орудия, выпуская снаряд за снарядом. В конце концов перед его позицией оказалось семь горящих советских танков.

На линию 110-го танкового разведывательного батальона русские предприняли кавалерийскую атаку тремя эскадронами со сверкающими на солнце шашками.

«Дистанция — семьсот метров. Непрерывный огонь из всех орудий!»

О, Господи, бедные лошади!

2. Большие клещи

Генерал Кривошеин эдет — Гот дает волю своим танкам — «Господин генерал, где "Пантеры"?» — Капеллан Руцек проходит через ад — На правом крыле все прекрасно — Завтрак с генералом Чистяковым.

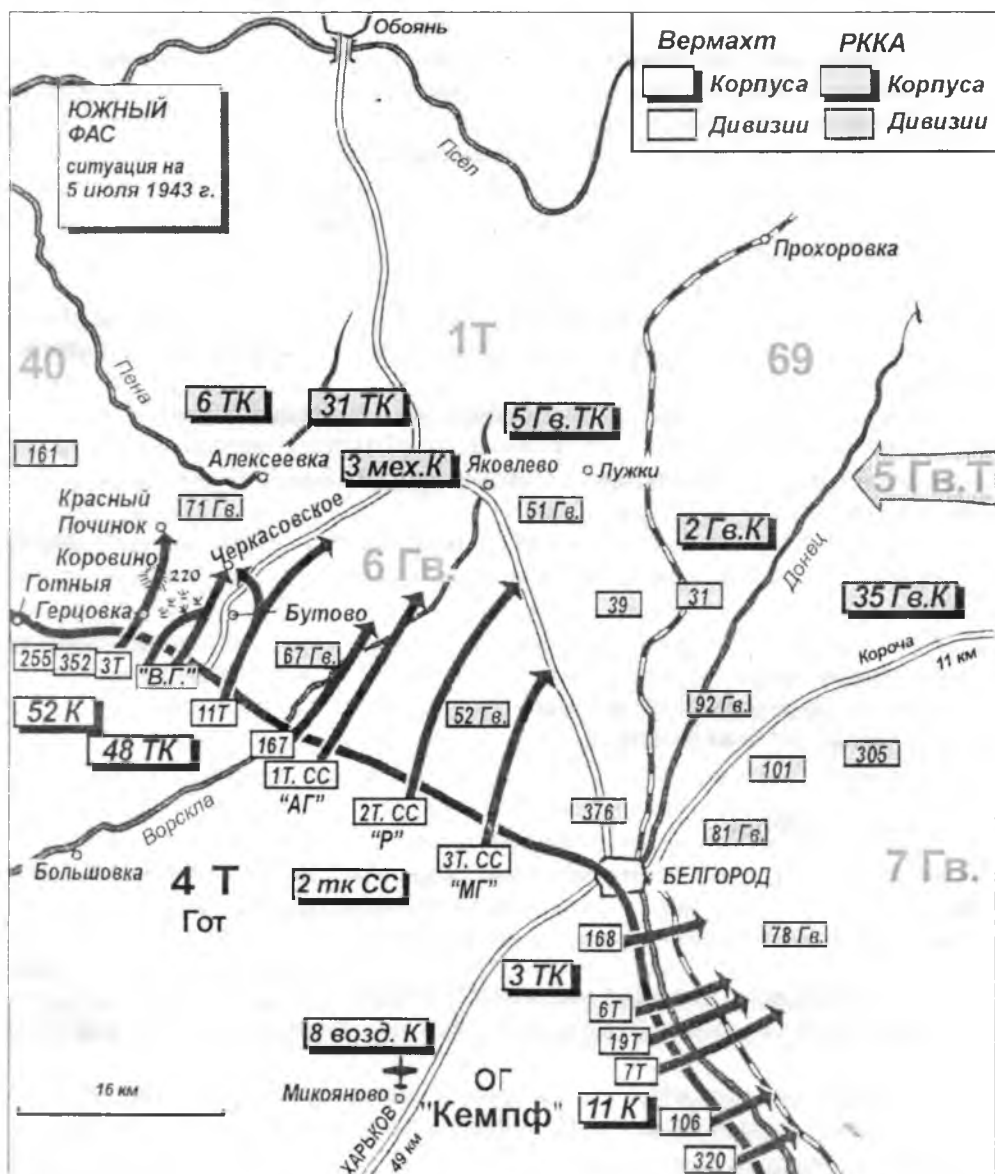
А как в это время складывалась ситуация на Южном фронте?

Июльские ночи коротки. В Центральной России темнота отступает уже в третьем часу.

Генерал Кривошеин, командующий 3-м механизированным корпусом, стоял на опушке леса недалеко от Яковлева. Ночь была жаркой, и в воздухе разливался запах основной смолы.

На небе в стороне Белгорода были видны вспышки артиллерийского огня. Фронт находился примерно в тридцати километрах, и грохот орудий доносился весьма отчетливо: русская артиллерия обстреливала немецкие позиции.

Всю ночь с 4 на 5 июля генерал Кривошеин и его штаб, как штабы всех советских соединений на курском выступе, ждали полномасштабного германского наступления.

Карта 4. 5 июля генерал-полковник Гот начал полномасштабное наступление, операцию «Цитадель», всеми своими танковыми дивизиями. Оперативная группа «Кемпф» форсировала Донец южнее Белгорода.

3-й механизированный корпус входил в состав 1-й советской танковой армии и стоял непосредственно за 6-й гвардейской армией, чьи стрелковые дивизии держали южный фас курского выступа — полосу между городами Белгород и Сумы.

«Где же Гот нанесет главный удар?» — спросил Кривошеин скорее себя, чем своих офицеров.

Начальник штаба уверенно ответил: «По шоссе на Обоянь, конечно, товарищ генерал. Это самая короткая дорога на Курск. Прямо перед нами он попытается прорвать позиции Шестой и Пятьдесят второй гвардейских дивизий и двинуться на север. Поэтому мы в самом нужном месте, сразу за гвардейскими стрелками».

«Да», — произнес Кривошеин. Однако в его голосе чувствовалось сомнение. Кривошеин знал, что его начальник штаба высказывал мнение, на котором строились оборонительные планы высшего командования советского Воронежского фронта.

Они имели информацию о дате наступления противника и их группировке для боя. И они полагали, что разгадали замысел Манштейна: его наступательную тактику и принципы сосредоточения сил и средств. Поэтому генерал армии Ватутин передвинул отменно вооруженный корпус Кривошеина в район Алексеевка—Яковлево для прикрытия шоссе Харьков—Обоянь—Курск и подъездного пути из Бутова. Здесь, по мнению Ватутина, должен был ударить Гот, чтобы у Обояни форсировать Псел и рвануться на север.

Но так ли несомненно, что генерал-фельдмаршал фон Манштейн нанесет главный удар именно в этом месте? Южный фронт, где изготовились к атаке две немецкие армии с пятнадцатью дивизиями, имеет протяженность восемьдесят километров. Для первого вклинивания в советскую оборону Манштейн может избрать любой участок. И, даже если верить донесениям, что 4-я танковая армия Гота является ударной, а оперативная группа «Кемпф» имеет задачу просто прикрывать ее фланг, все равно нельзя быть уверенным, что Гот предпримет наступление именно так, как предполагает высшее советское командование.

Генерал Кривошеин потянулся за папиросой. «То, что предполагает Ставка, и то, что предполагаем мы, конечно, самое очевидное решение. Так поступили бы мы на их месте. Но Гот — хитрый, коварный лис. Пойдет ли он очевидным путем? К тому же он очень обстоятельный человек: сначала тщательно изучает зону боевых действий, выясняет особенности местности, естественные преграды, течения рек, холмы и долины, выгодные и невыгодные плацдармы».

Начальник штаба слушал внимательно. Он имел представление, что Кривошеин хорошо знал немецких танковых командиров, многих — лично. В сентябре 1939 года, после германской кампании против Польши, он вел продолжительные переговоры с Гудерианом. Кривошеин тогда командовал советской танковой бригадой, которая соединилась с танковым корпусом Гудериана в Брест-Литовске.

На небольшом приеме после совместного парада он сильно насмешил немецких офицеров, когда, произнося тост за германо-русскую дружбу, оговорился и вместо того, чтобы выпить за «вечную дружбу», выпил за «вечную вражду»¹. Возможно, генерал сейчас вспоминал этот случай почти четырехлетней давности. А может быть, у него были какие-то другие мысли. Он повернулся к своему начальнику штаба: «Пошли в укрытие».

¹ По-видимому, генерал Кривошеин перепутал немецкие слова *Freundschaft* (дружба) и *Feindschaft* (вражда). — *Прим. ред.*

В этот момент в двадцати километрах от них, на бутовском холме, подполковник Альбрехт, командир артиллерии моторизованной дивизии «Великая Германия», по телефону вел обратный отсчет всем огневым позициям: «...Два, один — огонь!»

И, как он, все артиллерийские командиры немецких дивизий 4-й танковой армии между Герцовой и Белгородом закричали: «Огонь!»

Страшный артиллерийский залп раздался над холмами и долинами со Средне-Русской возвышенности с таким раскатом грома и молнией, как будто все грозы за последние сто лет сейчас слились в одну.

Подобной концентрации огня артиллерии и тяжелого оружия на столь узком участке фронта в этой войне еще не достигали. Между Белгородом и Герцовой за пятьдесят минут было выпущено больше снарядов, чем за кампании против Польши и Франции, вместе взятые.

Генерал Кривошеин взглянул на свои часы: 03 часа 30 минут. Душная ночь ожидания подходила к концу. На небе вспыхивали отблески далеких выстрелов. Битва начиналась.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн для Южного фронта на курском выступе избрал не такую наступательную тактику, как Модель на севере. У него не пехотные, а танковые соединения должны были совершить быстрый прорыв.

Основанием его решения являлось то обстоятельство, что, принимая во внимание значительную ширину фронта, количество пехотных дивизий, находящихся в его распоряжении, было недостаточным для традиционной тактики пробивания в обороне брешей, в которую устремляются танковые соединения. Учитывая, что советская оборона эшелонирована на большую глубину, Манштейн счел традиционный метод слишком затратным по времени и силам, а при недостатке пехотных дивизий еще и ненадежным. Гот надеялся, что мощный удар его 600—700 танков, сосредоточенных в двух местах, так быстро подавит сопротивление противника, что все последующие бои с крупными танковыми резервами русских будут происходить уже за пределами советских оборонительных укреплений, и с этой целью он пустил в первой волне все танковые силы своей армии. Тот же путь избрала оперативная группа «Кемпф». Это была школа Манштейна. Это была его интерпретация боевого приказа Главного командования сухопутных сил Германии: посредством подавляющего превосходства во всех наступательных средствах на местах вклиниваться в оборону противника до соединения двух атакующих армий, затем ловушку захлопнуть.

Более 1000 танков и 300 штурмовых орудий двинулись на русские оборонительные рубежи, чтобы осуществить прорыв, не задерживаясь, выйти на оперативный простор и соединиться с 9-й армией Моделя.

Русские поняли намерение противника: в самом деле, они расположили свои резервы за 6-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Чистякова.

Однако генерал-полковник Гот тоже располагал информацией немецкой воздушной разведки о районах сосредоточения советских резервов, особенно об их танковых резервах. Он рассчитал, что, если следовать указанию Главного командования сухопутных сил Германии — «достичь соединения с 9-й армией прямым прорывом через Обоянь», он, скорее всего, окажется перед переправами через Псел в Обояни, когда советские танковые войска выйдут на поле сражения из района восточнее Курска. Они, конечно, пройдут через перешеек у Прохоровки и ударят в глубокий фланг немецкого наступательного клина в самый неподходящий момент.

Гот поэтому решил изменить свой график. Вот как он сформулировал это своему штабу: «Будет разумнее сначала отразить атаку противника у Прохоровки, а затем продолжить наше продвижение на север в направлении Курска». Это означало, что после прорыва все наступающие дивизии Гота повернут на северо-восток, а не ударят на Обоянь, как ожидали русские.

Это было исключительно важное решение.

Расчеты Гота оказались правильными. Его план наступления сорвал план советского Верховного главнокомандования по обороне Южного фронта курского выступа и мог обеспечить поворот в развитии сражения, если бы... Но не будем предвосхищать события.

На бутовском холме подполковник Альбрехт не отрывал глаз от траншейного перископа, наблюдая за результатами артиллерийского обстрела. Снаряды теперь взрывались за траншеями противника, и стена огня и дыма сползала вперед в тыл врага. В этом дыму германские пехотинцы могут наступать как тени.

Дежурный офицер шепнул командиру артиллерии: «Идет генерал Хёрплайн».

Через минуту командир дивизии «Великая Германия» стоял у траншейного перископа рядом с подполковником.

— Доброе утро, Альбрехт, как развиваются события?

— Все в соответствии с графиком, господин генерал.

— Не было донесений от пехоты?

— Пока нет.

В этот момент прибыл полковник Касснитц, командир мотопехотного полка. Он вздернул руку к своему стальному шлему. Полковник совсем не выглядел довольным.

— Что, Касснитц? — спросил с подозрением Хёрплайн.

— Черт знает что, господин генерал. Мой Третий батальон до сих пор не вступил в бой.

— В чем дело?

— Они ждали подхода танков, те не появились, и они не двинулись с места.

Хёрплайн и Альбрехт оцепенели. Танки не подошли? Целая армада бригады «Паантер» Лаухерта и 1-й дивизион танкового полка «Великой Германии» под командованием майора Пёссела не вступили в бой? Но это невозможно!

Это известие откровенно сбило Хёрплайна с толку. Здесь, на центральном участке наступления, все зависело от силы удара танковой группы графа Страхвитца. Верховное главнокомандование возлагало большие надежды на 200 новых чудо-танков «Паантера» с их 75-мм длинноствольной пушкой, которые именно здесь должны были пройти боевое крещение. Куда, черт возьми, они подевались?

В то время как grenадеры дивизии «Великая Германия» с трудом выбирались из своих траншей, бригада «Паантер» Лаухерта тоже двигалась вперед на всех 200 новых машинах. Они являли собой стальных хищников — элегантной конструкции, весом 45,5 тонны, длиной 9 метров, с лобовой броней от 80 до 110 мм и скоростью до 55 километров в час.

Эксперты сходились во мнениях, что это был танк, которого давно ждали в действующей армии, танк, который на долгое время обеспечит реальное превосходство германского оружия на Восточном фронте.

Только один вопрос беспокоил специалистов и инспекторов танковых частей: была ли «Паантера» действительно готова к использованию в боевой обстановке? При испытаниях на полигоне в Графенворе обнаружилось серьезные недостатки. И вместо учений

в составе соединения офицеры и экипажи бились над решением технических проблем. Даже когда танки уже везли на железнодорожных платформах на Восточный фронт, им еще заменяли главную передачу. Соответственно, никакой индивидуальной подготовки, не говоря уж об учениях в составе соединения, не было проведено. Назвать часть готовой к боевым действиям было бы большим преувеличением.

Другой важный момент: батальоны, по 96 «Пантер» каждый, были непомерно большими для оперативного управления одним батальонным командиром. Тем не менее все попытки подполковника Вернера Мильдебрата добиться продления срока боевой подготовки в Графенворе окончились ничем. Формированию было предписано участвовать в наступлении под Курском.

Войска первого эшелона, наслышанные о новом чудо-оружии, испытали настоящий шок, увидев, как, уже выдвигаясь на свои исходные позиции, их стальные герои изрыгали из выхлопных труб языки пламени, а некоторые, как ни странно, загорались.

Однако провал первой атаки в Бутове 5 июля обусловили вовсе не эти «болезни роста». Причина была куда более банальной: бригада «Пантер» Лаухерта попала на не обнаруженное минное поле перед советскими позициями. Если танк продолжал двигаться, то подрывался на mine и повреждал гусеницы. Если он останавливался, то превращался в огромную мишень для советских противотанковых орудий, противотанковых ружей и артиллерии.

Попытка мотопехотного полка «Великой Германии» наступать без танковой поддержки окончилась тяжелыми потерями. По этой причине снова раздался привычный приказ: «Саперы, вперед!»

В аду советского заградительного огня 2-я рота штурмового инженерно-саперного танкового батальона «Великой Германии» расчистила в минном поле проход для «Пантер». Но это потребовало нескольких часов, жизненно важных часов, которыми русские не преминули воспользоваться.

«Только перед деревней Черкасское на минном поле осталось 36 танков», — отмечает в своем описании Курской битвы полковник Маркин. И добавляет: «Танки, натолкнувшиеся на минное поле, отступали в беспорядке под целенаправленным огнем советской артиллерии и противотанковых стрелков. Первая чрезвычайно опасная атака врага была отбита. Его попытка наступать одновременно по всему участку прорыва потерпела крах». Это было абсолютно верно.

После донесения полковника Касспитца генерал Хёрнлайн понял, что из-за неудачи бригады «Пантер» прорыв на левом крыле его дивизии потерпел фиаско.

На правом же крыле дивизии события развивались как нельзя лучше. «Как дела у гранатометчиков Лоренца?» — спросил Хёрнлайн. Как будто он только и ждал своей реплики, связной вырос перед генералом: «Донесение от подполковника Лоренца!»

Хёрнлайн прочел: «Встретив упорное сопротивление, полк проник в траншеи противника, очистил их и теперь быстро наступает в направлении высоты у деревни Черкасское».

На правом крыле, таким образом, все шло по плану. Батальоны гренадеров «Великой Германии» вместе со штурмовыми орудиями и танками 2-го батальона танкового полка и ротой «Тигров» капитана Вальрота вышли к Черкасскому ровно в 05.00. В 09.15 они были уже на высотах за деревней, глубоко вклинившись в первую полосу советской обороны.

Граф Саурма, командир батальона «Пантер» «Великой Германии», руководил своими танками умело и отважно. Его машина внезапно появлялась именно там, где ситуация становилась опасной или сложной. Ледяной ужас поэтому сковал командиров роты когда ближе к полудню они услышали в наушниках слова радиста Саурмы: «“Пантера” 11–01 подбита. Командир батальона серьезно ранен».

Но шок длился лишь несколько секунд. Затем прозвучал спокойный голос: «Готберг — всем. Батальон, слушай мою команду». Капитан фон Готберг принял командование на себя. Несколько часов спустя граф Саурма скончался.

Как только генералу Хёрплайну стало известно об успехе гренадеров, он немедленно изменил свой план и перенес основной удар прорыва с левого крыла на правое. Мотопехотный полк и бригада «Пантер» переместились вправо.

Но на всем, казалось, лежала печать проклятья. Грозовые дожди последних дней превратили Березовую лошину в настоящее болото. Одна «Пантера» за другой застревали в трясине, увязая выше гусениц. Еще несколько часов отсрочки нанесения решающего удара бронированного кулака, завершающего прорыв дивизии «Великая Германия» в первый день наступления! Когда на поле сражения опустилась ночь, деревню Черкасское все же захватили, несмотря на все препятствия, и опорный пункт первого рубежа советской обороны перед «Великой Германией», таким образом, ликвидировали.

Цена оказалась высокой. В число убитых и тяжелораненых вошел полковник Кассницц, командир мотопехотного полка.

Важную роль в сражении за Черкасское сыграла также 11-я танковая дивизия, действовавшая на правом фланге дивизии «Великая Германия». Боевая группа графа Шиммельмана вклинилась в советские позиции с танками, гренадерами на борту десантных бронемашин, противотанковыми орудиями, саперами и штурмовыми орудиями, а часть ее затем зашла флангом в направлении Черкасского. Огнемётные танки, эти огнедышащие монстры, подавили советские опорные пункты в бункерах и укрепленных зданиях.

Огнемётные танки являлись самым подходящим оружием для такого рода сражений. Два огнемёта, установленные на башне машины Т-III, могли направлять огненные копья прямо в амбразуры, окна и двери на расстоянии шестидесяти четырех метров. Шипящая 3—4-секундная струя огня убивала и обугливала все при температуре 1000 градусов по Цельсию.

Черкасское пало. «Великая Германия» и 11-я танковая дивизия продвинулись на восемь километров в глубь главной оборонительной зоны противника.

Восемь километров — это много. Однако советские оборонительные рубежи, будучи эшелонированными в глубину, ни в коем случае не были прорваны. А именно полного прорыва должны были достичь наступающие в первый день. На следующий день, 6 июля, генерал-майор Микль, командир 11-й танковой дивизии, задачей дня имел мост через Псел, южнее Обояни, в пятидесяти километрах от исходной позиции.

Накануне сражения генерал-полковник Готхад посетил Микля в первом эшелоне его штаба и подтвердил задачу для ударной группы Шиммельмана на 6 июля — мост в Обояни.

Это был график образца танковых рейдов 1941 года. Так Манштейн стремительно наступал своим 56-м танковым корпусом на Двинск.

Приказы Гота Микло основывались на предположении, что бригада «Паантер» Лаухерта как торнадо пронесется через оборонительную зону противника, за ней последуют «Тигры», другие танки, бронетранспортеры с десантом и штурмовые орудия танковых и мотопехотных полков.

Одна только дивизия «Великая Германия» имела в своем составе более 300 средних и тяжелых танков — концентрация беспрецедентная в русской кампании для участка единственной дивизии. Возможно, немецкие намерения и удалось бы воплотить в жизнь, если бы в первый день наступления бригаду «Паантер» не преследовали несчастья, если бы она не понесла невосполнимые потери. Возможно!

Между тем прошел только один день сражения на Южном фронте курского выступления. Правда, этот первый день показал, что и здесь фактор внезапности, на который делалась стратегическая ставка, был упущен.

Самые первые подробные донесения, полученные генерал-полковником Готом от начальника разведывательного отдела армии примерно в середине дня, содержали интересный и многозначительный факт. Во время всех предыдущих немецких наступлений радисты в танках и первых эшелонах штабов неизменно перехватывали растерянные вопросы советских командиров к вышестоящим начальникам: «На меня наступают. Что предпринимать?» 5 июля этот обычный характерный признак замешательства и удивления не был отмечен ни разу.

Советские войска не были захвачены врасплох — они ждали противника и подготовились к любым неожиданностям. В тактическом же смысле, с другой стороны, внезапность — в том, что касается времени, места, использования видов вооружений и главного удара наступления, — была полностью достигнута.

В секторе 48-го танкового корпуса, таким образом, в оборонительной зоне противника была пробита широкая и глубокая брешь. Левое крыло «Великой Германии», на участке фронта 3-й танковой дивизии, первый день сражения завершило успешным ударом по передовой советской линии обороны.

В 15 часов 4 июля берлинский и бранденбургский полки, вместе с ударной группой Паппе, с опорных пунктов 332-й пехотной дивизии начали наступление на железнодорожную линию Белгород—Готия и деревню Герцовка, с тем чтобы захватить подходящий плацдарм для бронетехники. Под командованием унтер-офицера Штайнфюрера бойцы 2-й роты 394-го мотопехотного полка выполнили задачу дня еще до наступления темноты. Дивизия получила возможность двинуть вперед 2-й дивизион 6-го танкового полка.

3-я танковая дивизия действовала практически с таким же успехом 5 июля. Точно в 05.00, после короткой артиллерийской подготовки и нескольких палетов бомбардировщиков 8-го воздушного корпуса, части генерал-лейтенанта Вестховена атаковали позиции 71-й советской гвардейской стрелковой дивизии. 332-я пехотная дивизия прикрывала левый фланг.

Здесь хорошо замаскированные противотанковые позиции и изобретательно вкопанные танки точно так же замедлили продвижение гренадеров. Приходилось отвоевывать метр за метром. Боеприпасы заканчивались. Силы бойцов рот 3-го мотопехотного полка истощались. Палящее солнце стояло высоко. Подполковник Вельман, командир полка, продолжал подбадривать батальонных командиров. «Еще одна последняя высота», — настаивал он. Это была высота 220, южнее Коровина.

Им удалось. Немного подождали. Потом зачистили территорию и обезвредили несколько русских снайперов, которые еще находились в своих окопах, расстреливая патрули.

Обер-ефрейтор 2-й роты Могель быстро вел свою группу по лабиринту траншей. «Подождите, — вдруг сказал он, останавливаясь. — Слышите?»

Они прислушались. Да — какие-то голоса. Показалось, что говорят по-немецки. Они бросились вперед. Теперь осторожнее, траншея раздвигается. Быстрый взгляд за угол.

Перед ними съезжилась дюжина немецких солдат без оружия. Уловка русских? Ловушка? Через несколько секунд им открылось решение загадки. Это были немецкие военнопленные. Русские использовали их на строительстве укреплений. Когда началось наступление, они «потерялись» и укрылись в брошенном блиндаже.

И поскольку лучшие сюжеты создает сама жизнь, стоит рассказать о том, что произошло на высоте 220 возле Коровино посреди грохота сражения. Пожилой унтер-офицер из группы пленных оказался перед обер-ефрейтором Могелем: тот взглянул на него, и оба, как по команде, протянули друг другу руки. Племянник нашел своего дядю.

Небольшой, но трогательный эпизод беспощадного сражения на Курской дуге. Момент, когда человеческое пробивается сквозь дым и ужас боя. Такой же, как тот, когда в предыдущий день капеллан Руцек из Вены, католический священник дивизии, вышел к умирающим на миное поле.

Капеллан не дожидаясь группы разминирования. «Я не могу заставлять Господа ждать», — сказал он и пошел. Среди умирающих было трое серьезно раненых, чью жизнь могла спасти срочная медицинская помощь.

Одного за другим капеллан вынес их из ада миного поля на собственной спине. Шесть раз он преодолевал страшную дистанцию — три раза туда и три раза обратно. Многие вспомнили тогда Иисуса Христа, шествовавшего по водам моря. Шаг за шагом совершал капеллан по смертельным капканам, неся свою тяжелую ношу. И все раненые остались живы.

В опускающихся сумерках 5 июля 394-й моторизованный полк штурмом взял деревню Коровино. Деревня была превращена в противотанковую крепость, поскольку являлась западным форпостом первой советской оборонительной полосы.

Полковник Паппе, командир полка, как всегда впереди всех, мастерски организовал наступление и мощно повел его. Совсем рядом с Коровино его ранили. Майор Пешке принял командование полком на себя и завершил успех дня. Русские отступили.

Лейтенант фон Вельтхайм, командир легкого взвода 2-го дивизиона 6-го танкового полка, тоже не упустил своего шанса. Он преследовал отступающего противника и в зареве горящей мельницы ворвался в последний бастион советской оборонительной полосы перед рекой Пена — деревню Красный Починок.

Вельтхайм первым вышел к Пене. Таким образом, 3-я танковая дивизия достигла назначенной цели дня. Она прорвала первую советскую полосу обороны и на 10 километров включилась теперь в курский выступ.

Ночью 255-я пехотная дивизия из Центральной Германии тоже выдвинулась на передовую слева от 3-й танковой дивизии и встала рядом с 332-й силезской пехотной дивизией. Они должны были расширить зону прорыва, обеспеченного танковыми дивизиями 48-го танкового корпуса на левом крыле, и удерживать ее.

Забрезжил рассвет 6 июля. В утренней дымке над низиной полетели снаряды реактивных минометов «Небельверфер». Их вой возвестил о начале второго дня наступления на левом крыле Южного фронта; поднимающиеся в позициях противника серые столбы дыма обозначили цели батальонов из Силезии и Центральной Германии.

А что происходило на правом крыле, у танкового корпуса СС? Генерал-лейтенант Чистяков, командующий советской 6-й гвардейской армией, вечером 4 июля напомнил своим командирам дивизий о необходимости быть предельно внимательными. «Перед вами стоит гитлеровская гвардия, — говорил Чистяков. — В этом секторе нам следует ожидать главный удар германского наступления».

Несложно было прийти к подобному заключению. Танковый корпус СС под командованием генерала Хауссера, с тремя танковыми дивизиями войск СС, представлял собой грозную силу — 300 танков, в том числе много «Тигров», примерно 120 штурмовых орудий, а также целая бригада реактивных минометов «Небельверфер». Беспрецедентная концентрация огневой силы. Даже если русским и не были известны все эти детали, они знали достаточно о мощи корпуса Хауссера, который четыре месяца назад снова отбил у них Харьков.

Советские полевые позиции перед Хауссером были превращены в совершенную, глубоко эшелонированную и сильно разветвленную фортификационную систему. 52-я гвардейская и 375-я стрелковая дивизии, обе — первоклассные соединения, занимали траншеи и земляные бункеры. Их усилили артиллерийскими полками, противотанковой артиллерией, истребительно-противотанковыми батальонами, танковыми ротами, минометными полками и другими формированиями. За дивизиями развернутым строем ждал корпус 1-й танковой армии генерала Катюкова.

Хауссер наблюдал за наступлением с командного пункта мотопехотного полка «Германия».

«Все идет по плану, господин генерал», — доложил командир полка Ганс Гармель.

Первым выступил 3-й батальон. Командир батальона Гюнтер Эберхард Визлиссени доложил, что, несмотря на то что бой идет с переменным успехом, его роты неуклонно продвигаются вперед. 10-я рота под командованием капитана СС Хельмута Шрайдера наконец добралась до первого противотанкового рва, окопалась там и не уступила ни пяди, несмотря на ожесточенные советские контратаки.

В пробитую ею брешь ринулся мотопехотный полк «Фюрер». Слева и справа от него сражались батальоны «Мертвой головы», «Штандарта Адольф Гитлер» и 167-й пехотной дивизии.

Русские оказывали ожесточенное сопротивление. Более того, на участке наступления «Штандарта» советский гвардейский стрелковый полк вообще не сдвинулся с места. Георг Карк, командир 9-й роты 2-го мотопехотного полка «Штандарта», в конце концов нашел решение. С горсткой бойцов он подрывными зарядами подавил пять бункеров противника. Затем его рота пробилась по лабиринту траншей на высоту и разорвала вражеские позиции. Дело сделано! Однако нет, совсем нет! Потому что сразу за холмом начиналась новая советская полоса обороны.

Скрежетали «Тигры». Громыхали противотанковые ружья. Гренадеры прыгали в окопы. Стрекотали пулеметы. Снаряды разносили крытые траншеи и блиндажи. Самые первые часы сражения показали, что дивизии Хауссера тоже столкнулись с хорошо подготовленной и очень эффективной обороной.

Как уничтожить укрепления быстро и действенно?

В это время справа от танкового корпуса СС, на юго-востоке от Белгорода, оперативная группа «Кемпф» двумя корпусами форсировала Дон и создала небольшие плацдармы. В наступление перешли три пехотные и три танковые дивизии — среди последних такие отборные соединения, как 7, 19 и 6-я танковые дивизии. Они должны были обеспечить прикрытие всей операции с восточного фланга и, кроме того, продвигнуться вдоль Донца через Корочу, чтобы перехватить быстро приближающиеся силы противника, не дав им возможности вмешаться в операцию по прорыву обороны.

Плацдармы были сложными, а сопротивление противника исключительно упорным. Дивизии «Кемпф» практически не продвигались. Это создавало серьезную угрозу плану Манштейна.

В этот момент в секторе танкового корпуса СС произошла решительная перемена. Здесь разыграли козырную карту, которую русские при подготовке к наступлению явно не учли. Во всяком случае, генерал-лейтенант Чистяков по прошествии первых нескольких часов сражения был уверен, что дела пойдут совсем иначе.

Через три часа после начала немецкого наступления Чистяков все еще сидел в саду своего командного пункта, завтракая под яблоней. Он любил хорошо поесть. Когда генерал Катукوف прибыл в штаб с членом своего Военного совета Попелем, чтобы быть немного ближе к центру событий, Чистяков радостно пригласил их к столу.

В своих воспоминаниях Попель свидетельствует с некоторым раздражением: «На столе была холодная говядина, яичница, графин с холодной, судя по запотевшему стеклу, водкой и, наконец, тонко нарезанный белый хлеб — командарм не изменил своему обыкновению».

Однако говядина и яичница остались нетронутыми. Поскольку неожиданно вокруг стали рваться снаряды. Над яблонями расплзлось пристрелочное облако шрапнели. Артиллерия! Вбежал помощник начальника штаба и доложил, — как пишет Попель, — «торопливо и неуверенно», что прорвались крупные силы противника.

Катуков и Попель рванулись к машинам, чтобы поднять тревогу на командном пункте своей 1-й танковой армии. Самое время. Немецкие танки уже можно было видеть невооруженным глазом. Они приближались широкой прерывистой линией. Левое крыло колонны давило гусеницами невысокий густой орешник. Дьявол — откуда взялись эти немцы?! Как они прорвались через километровые оборонительные полосы?

Чистяков вбежал в дом и схватился за телефон. Ему и его начальнику штаба мало что удалось выяснить, а то, что они узнали, совсем не радовало. По передовой 6-й гвардейской армии наносились сильнейшие удары с воздуха. «Штуки» и бомбардировщики немцев утюжили советские инженерные сооружения. Но, что еще хуже, новый вид небольших осколочных бомб нанесил огромный урон, особенно среди орудийных расчетов.

Однако самым угрожающим было то, что самолеты поддержки наземных войск с неподвижными 20-мм пулеметом и противотанковой пушкой под фюзеляжем подавляли советские танковые контратаки и очищали путь для наступательных войск СС.

Таким образом, уже через несколько часов боя передовым частям Хауссера удалось пробить весь первый рубеж обороны советской 6-й гвардейской армии в полосе 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Теперь они находились перед командным пунктом армии.

Раненый командир артиллерии нетвердой походкой вошел в помещение генерала Чистякова и доложил: «Мой полк сражается только час, товарищ генерал, но треть наших орудий уже выведены из строя. Немецкие самолеты сбрасывают огромное количество мелких осколочных бомб с колоссальной поражающей способностью. «Штуки» господствуют в воздухе. Они просто делают, что хотят. Мы бессильны».

«А где же наши самолеты? — взревел Чистяков. — Где три воздушные армии и дивизии бомбардировщиков дальнего действия в две с половиной тысячи машин, которые командование передвинуло на курский выступ? Почему Люфтваффе не уничтожены на своих аэродромах, как это было запланировано?»

И действительно, почему? Чистяков в тот момент не знал, что произошло в небе над Курском; он не знал, что советские воздушные силы пали жертвой роковой ошибки.

Однако русские совсем немного опоздали с нанесением внезапного удара по немецким аэродромам за Курским фронтом.

3. Танковое сражение у Прохоровки

Русский план — Козырной туз немцев — Воздушное сражение на рассвете — Хрущев предупреждает: «Следующие три дня будут самыми страшными» — Почему не подходит «Кемпф»? — Час Ватерлоо — Донесение генерала Ротмистрова.

Ранним утром 5 июля 1943 года генерал-майор Зайдеман почувствовал неотвратимое приближение беды. Он как раз закончил одеваться, когда в комнату влетел дежурный офицер: «Телефонограмма из службы оповещения воздушных сил, господин генерал».

Зайдеман поднял глаза. «Крупные воздушные соединения противника движутся в направлении на Харьков».

Зайдеман взглянул на свои ручные часы, быстро произвел вычисления, потом схватил головной убор и кобуру с оружием. «Это может грозить бедой», — пробормотал он и устремился к бункеру связистов.

Было еще темно. Но через 10–15 минут начнет светать. И ровно через 10 минут машины 8-го воздушного корпуса взлетят с 16 аэродромов вокруг Харькова. Невыносимо было думать об этом.

Штабные офицеры уже работали у телефонов в бункере связистов. Когда генерал входил, в деревне Минкояновка, где находился первый эшелон штаба 8-го воздушного корпуса, раздались первые залпы зенитных орудий.

Минутой позже генерал и его офицеры слышали гул пролетающей над ними бесконечной вереницы советских самолетов. Они направлялись к Харькову, к переполненным немецким аэродромам.

На этих аэродромах германские «Штуки», бомбардировщики, самолеты поддержки наземных сил и противотанковые воздушные части — примерно 800 машин — в это время выруливали на взлетные полосы, чтобы открыть наступление на Южном фронте сокрушительными ударами с воздуха и обеспечить постоянную воздушную поддержку 4-й танковой армии Гота при прорыве мощной советской обороны.

План был следующий: германские бомбардировщики и самолеты поддержки наземных сил поднимаются первыми, эскадрилья за эскадрильей, и только затем взлетают 270 истребителей для прикрытия удара воздушных сил.

Именно это стало ахиллесовой пятой 8-го воздушного корпуса утром 5 июля. Именно в эти минуты огромный флот Зайдемана оказался беззащитным — бомбардировщики на взлетных полосах и те, что уже в воздухе, остались без прикрытия истребителей. Советское Верховное Главнокомандование мастерски выбрало самый выгодный момент для нанесения уничтожающего удара по германским воздушным силам на Южном фронте «Цитадели». Умно задумано и точно рассчитано. Вот когда бесценная информация Вертера должна была принести свои лучшие плоды.

Зайдеман и его офицеры осознали весь ужас ситуации, когда тучи русских бомбардировщиков и истребителей проносились над Минкояновкой. Генерал понимал так же хорошо, как и каждый из офицеров его штаба, что вмешиваться в ситуацию на аэродромах было слишком поздно. Немецкие соединения будут уничтожены либо на земле советскими бомбами, либо в воздухе советскими истребителями.

С низким гулом беда приближалась на высоте 3000 метров. В эскадрильях советских истребителей, кроме Мигов и Яков, были также американские «Аэрокобры».

Советские пилоты взлетели в темноте с полей 2 и 17-й воздушных армий в районах Курска и Обояни и даже с аэродромов в районе южнее Москвы. Они летели в полной уверенности, что их расчеты правильны. На этот раз они отомстят ненавистным германским Люфтваффе за все их удары последних лет. Несколько минут, несколько точно выбранных минут обеспечат победу в небе над Курской дугой.

И эта тщательно рассчитанная победа, решили русские, лишит армии Манштейна прикрытия с воздуха; она украдет у них третье измерение, и таким образом их наступление на Южном фронте курского выступа будет обречено еще до того, как первый немецкий гренадер выпрыгнет из своего блиндажа.

Как русские смогли так точно рассчитать? Вот вопрос, мучивший Зайдемана и его офицеров. С германской стороны были предприняты все меры предосторожности и использованы все известные приемы, чтобы сохранить информацию в секрете. Естественно, невозможно было провести подготовку абсолютно скрытно от советской воздушной разведки или от советских агентов в окружении Гитлера. Аэродромы, особенно если они сосредоточены на ограниченной территории, реально замаскировать полностью. Тем не менее Главное командование военно-воздушных сил Германии сделало все возможное, чтобы скрыть сосредоточение 1800 самолетов, примерно 19 000 тяжелых и легких зенитных орудий и 300 прожекторов непосредственно у линии фронта.

Это потребовало серьезных усилий. В конце концов нужно было выдвинуть на позиции в северный сектор, в район Орла, 1-ю авиаэскадру, а на юге, в район Харькова, 8-й воздушный корпус с 1185 самолетами и 1-й зенитный корпус, усиленный бригадой зенитной артиллерии.

Только 1200 самолетам, приданным Манштейну, потребовалось под Харьковом 16 аэродромов. А это уже опасная концентрация.

Самолеты упаковывали в ящики как можно дальше от места назначения и накрывали импровизированными противоосколочными чехлами. Бомбы и топливо складировали в траншеях. Маскировка сетями и ветками, ежедневно проверяемая с воздуха, должна была затруднить воздушную разведку.

Затруднить обнаружение — одно дело, но полностью спрятать подобное количество воздушных сил все равно было невозможно. Даже тот факт, что основная часть машин должна была прибыть на передовые аэродромы лишь в ночь перед наступлени-

ем, вряд ли мог ввести в заблуждение любую достаточно квалифицированную воздушную разведку. Кроме того, какой прок от всех этих мер, если противник узнавал о планах фронта через хорошо организованный шпионаж в Ставке фюрера?

Русские имели информацию о дате и общем плане немецкого наступления. И они прекрасно понимали, что наземные операции будут поддерживаться массированными ударами с воздуха. Знание главных направлений наступления вместе с результатами воздушной разведки дало им хорошее представление о подготовке немцев к воздушному удару.

При первых лучах солнца 5 июля, когда формирования бомбардировщиков 17-й советской воздушной армии ревели над командным пунктом генерала Зайдемана, все говорило за успешность советского плана. Однако их расчеты не оправдались. Еще раз было продемонстрировано, что самые верные военные выкладки не могут учесть всего. Над Курском на сцену вышло нюрдическое божество.

Радарным установкам Люфтваффе, которые носили имя богини Фрейи, удалось засечь приближение соединений противника на расстоянии более ста километров и определить направление их движения и высоту.

Эти военные радары «Фрейи» сообщили о советских самолетах в самое время. Их донесения немедленно передали частям ПВО и командным пунктам соединений истребительной авиации. На аэродромах вокруг Харькова и временных воздушных базах вокруг Белгорода они произвели эффект удара молнии. И старшие, и младшие офицеры понимали, что происходит. Вопросов не возникло.

Обратиться к командованию корпуса? Исключено, установлен запрет на переговоры в эфире. Да и какой смысл? Наступил один из тех моментов, когда нужно принимать ответственность на себя, не задавая вопросов.

То, что затем произошло на всех этих аэродромах, является образцом воинской выучки. Телефонный обмен краткими репликами между командирами соединений истребительной авиации и офицерами аэродромного обслуживания.

— Атака противника?

— Отставить график. Взлет по тревоге!

А пилоты уже бежали к своим машинам. Минутой позже истребители задвигались, подпрыгивая на временных взлетных полосах. Взревели моторы. И машины — в воздухе.

Эти несколько минут определили исход сражения. Из предрассветной дымки перед эскадрильями советских бомбардировщиков, летящих на высоте 3000 метров, внезапно выросли немецкие истребители.

В лучах восходящего солнца зрелище грандиозной воздушной битвы можно было видеть с земли. Для советских истребителей высота 2—3 тысячи метров была особенно невыгодной. На этой высоте немецкие истребители «Мессершмит» несомненно превосходили их. В пламени, дыма и взрываясь, советские самолеты падали на землю. Лишь несколько бомбардировщиков долетели до немецких аэродромов, да и те сбросили бомбы мимо цели, нанеся не слишком заметный ущерб.

Уже в самом начале воздушного сражения русские потеряли 120 машин. К концу дня их количество составило 432, а через сутки возросло еще на 205. Таким образом, 8-й воздушный корпус Зайдемана не только успешно отразил опасную воздушную атаку

танковые орудия, минометные батареи и тяжелые бронированные 152-мм самоходные орудия — гигантские пушки, впервые примененные русскими под Курском.

Эту преграду, этот решающий «узел обороны» нужно было уничтожить.

«Штуки» спикировали. Их бомбы рухнули на цели. Рудель, заметив приближающуюся танковую колонну противника, когда у него уже не осталось бомб, припомнил свои прежние упражнения на «Штуке» с противотанковой пушкой. И ему в голову пришла идея, впоследствии доставившая русским сильную головную боль.

В это время на высоте 760 метров зашла первая волна самолетов поддержки наземных сил. В район цели они сбросили новые бомбы SD-1 и SD-2 — большие и маленькие контейнеры в форме бомб, содержащие 180 двухкилограммовых или 360 однокилограммовых бомб. Эти контейнеры раскрывались непосредственно над землей, разбрасывая осколочные мини-бомбы по позициям противника, как дождь смерти.

Эффект был чудовищный. Орудийные расчеты на советских противотанковых позициях были уничтожены почти полностью. Холмы и долины, обороняемые усиленными 151 и 155-м гвардейскими стрелковыми полками, являли собой огромное море пламени.

В 11.00 пятьдесят немецких танков прорвали боевые порядки 155-го гвардейского стрелкового полка, повернули на запад и смяли фронт 151-го гвардейского стрелкового полка. Советский узел обороны, прикрывающий шоссе Белгород—Курск, был ликвидирован. Наступление продолжалось полным ходом.

К середине дня 6 июля полк «Фюрер» овладел деревней Лучки I, и, таким образом, танковый корпус СС генерала Хауссера на тридцать километров вклинился в полосу обороны противника. Солидная брешь на участке 6-й гвардейской армии генерала Чистякова открылась, как широкие амбарные ворота. В них Хауссер теперь бросал все, что имел. Наступление развивалось так же стремительно, как в лучшие дни blitzkriega.

7 июля танки и штурмовые орудия перешли дорогу Лучки II—Тетеревино. В открывшемся пространстве батальоны рассыпались на восток и на запад. Части полков «Штандарта» и «Мертвой головы», теперь нацелившиеся на излучину реки Псел и селение Грезное, атаковали последнюю советскую оборонительную полосу перед рекой.

Среди их передовых танков была 6-я рота 1-го танкового полка СС. Ею командовал Рудольф фон Риббентроп, сын немецкого министра иностранных дел. Танк Риббентропа шел впереди роты, расчищая путь сквозь советский район в направлении на Грезное. Ударные части полка «Германия» и роты полка «Фюрер» теперь повернули на восток и атаковали Прохоровку. Артиллерия и минометы поддерживали прорыв ключевой позиции на широком перешейке между реками Псел и Донец.

Командование Воронежского фронта не ожидало такого развития событий. По-другому не скажешь — фронт 6-й гвардейской армии больше не существовал. Лишь отдельные центры сопротивления еще держались.

Командующий издал один из тех известных генералам всех армий категоричных приказов, который выявляет высшую степень обеспокоенности. Его подписали генерал Ватутин и член Военного совета фронта Никита Хрущев. Он звучал так: «Ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника на Обоянь».

Приказ был доставлен и в 1-ю танковую армию генерала Катукова. Его зачел начальник штаба генерал-майор Шалин. И Катукоев немедленно перебросил в район прорыва в полосу 6-й гвардейской армии два истребительно-противотанковых полка. «Че-

рез два часа от них остались только номера», — свидетельствует генерал-лейтенант Попель, член Военного совета 1-й танковой армии.

Вечером Хрущев лично прибыл в штаб 1-й танковой армии. «Ближайшие сутки, двое, трое — самые страшные, — говорил он. — Либо пан, либо... немцы в Курске. Они на карту все ставят, для них это вопрос жизни или смерти. Надо сделать так, чтобы был вопрос только смерти, чтобы они свернули себе шею, а мы вперед пошли!»

Обсуждая ситуацию, генерал-майор Шалин заметил серьезно: «Невиданная доселе концентрация фашистских танков. Тактика танковых клиньев прежняя. Но в острие клин теперь «Тигры», «Пантеры» и мощные самоходки. Пушки «тридцатьчетверок» не берут лобовую броню стального гитлеровского зверья». И другой момент, на который постоянно обращал внимание Шалин в письменных докладах, — немецкие Люфтваффе применяют новые самолеты штурмовой авиации, оснащенные противотанковой пушкой. Они использовались как своего рода летающая противотанковая артиллерия: пикировали с неба на танки, как ястребы — на птичий двор. Танковые контратаки, таким образом, захлебывались из-за внезапного вмешательства этих машин. Больше всего пострадало советское танковое соединение Гетмана. Двенадцать из его Т-34 были выведены из строя за очень короткое время всего одним из этих летающих противотанковых самолетов.

Отчет русского артиллерийского наблюдателя звучит почти невероятно. Атакующий самолет пикирует примерно с высоты 800 метров на ничего не подозревающую танковую колонну. Приблизительно в пятнадцати метрах от последнего танка пилот выходит из пики. Выстрел пушки, вспышка, грохот, и сквозь столб дыма от пораженного Т-34 немецкий пилот взмывает вверх. Через мгновение он пикирует снова. Всегда сзади, его пушка поражает танк за танком, неизменно избирая наиболее уязвимое место — отсек двигателя, каждое попадание в который вызывает немедленный взрыв.

Генерал Шалин еще не знал имени человека, разработавшего эту тактику. Это был Ганс Ульрих Рудель. Он быстро осуществил идею, которая пришла ему в голову 5 июля при возвращении с первого задания. Он пробовал делать это раньше, в Крыму, и его старая машина, опытный образец, все еще существовала, и он затребовал доставить ему ту «Штуку» с противотанковым пулеметом.

Именно здесь, на курском выступе, родилась противотанковая эскадра Руделя — «Штуки», вооруженные 37-мм противотанковой пушкой. Вместе с новыми бронированными самолетами поддержки наземных сил Hs-129 с двумя двигателями они вмешивались в танковые сражения с поразительным успехом.

Слева от войск СС Хауссера, у 48-го танкового корпуса, наступление успешно продолжалось и 7 июля, на четвертый день великой битвы. С рассветом пехота «Великой Германии» взяла Дуброву.

Однако неудачи, преследовавшие «Пантеры» дивизии «Великая Германия» с самого первого дня наступления, еще не закончились. Бригада «Пантер» Лаухерта опять попала на мишное поле и понесла очень тяжелые потери.

Спас положение 2-й батальон танкового полка «Великой Германии» под командованием капитана фон Готберга, он вывез на своих машинах пехоту батальона Ремера. Наступление продолжилось. Из оврагов на левом крыле дивизии бросился вперед батальон мотопехотного полка. Смелыми согласованными действиями главная оборонительная линия механизированного корпуса генерала Кривошеина была прорвана. Разроз-

ненные остатки 6-й гвардейской армии, действовавшей на участке фронта Кривошеина, беспорядочно отступая, попали под огонь немецкой артиллерии и понесли чрезвычайные тяжелые потери. Бригада Кривошеина и соседний 6-й танковый корпус не смогли справиться с паникой. Они отступили к Сырцево на реке Пена — последнему опорному пункту последней советской линии обороны перед Обоянью. Остановит ли водная преграда с укреплениями по берегам продвижение немцев на западном фланге сражения? Генерал Кривошеин не питал по этому поводу больших надежд, особенно потому, что 11-я танковая дивизия уже пробилась за шоссе Белгород—Курск и теперь боролась за перелески на востоке от этой важной дороги.

В маленькой ложине непосредственно за линией фронта генерал Кривошеин принимал донесения прибывающих связных: «3-я рота батальона Кунина потеряла всех офицеров. Командование принял сержант Ногаев»; или: «Прямое попадание в штаб 30-й бригады. Большинство офицеров погибли. Командир бригады серьезно ранен».

Такие донесения были не единичны. На других участках, например в секторе 45-го механизированного батальона, ситуация была еще хуже. То и дело приходили сообщения: убиты, ранены, взяты в плен, сдали позиции.

Генерал Кривошеин попытался остановить наступление немцев стремительной мощной танковой контратакой из укрепленного района Сырцево. Это было в четверг, 8 июля, в знойный летний день. Сорок Т-34 вылетели из маленького городка. Однако они попали в поле зрения танковой группы графа Страхвитца и роты «Тигров». Завязалась жестокая дуэль. «Тигры» подбили десять Т-34.

Отступление основной части советской бригады действовало на немцев как призывный сигнал трубы. Полки «Великой Германии» двинулись на соединение с частями 3-й танковой дивизии и к полудню взяли хорошо укрепленный городок Сырцево. Русские отступили за реку.

В это время танковый разведывательный батальон «Великой Германии» под командованием майора Ватъена прорвался дальше на север. С северо-востока на него двигались крупные группы машин советского 6-го танкового корпуса, в десять, двадцать и даже сорок стальных монстров. Поскольку разведывательный батальон не мог достаточно быстро форсировать реку по ненадежному мосту, командир вместо этого построил его полукругом, чтобы прикрыть свой правый фланг перед Верхопеньем. Там Ватъен ожидал ударов танков противника. К счастью, с ним был дивизион штурмовых орудий.

Майор Франц, очень опытный командир, выступил с дивизионом штурмовых орудий навстречу быстро наступающим советским танкам. Последовал бой, в котором его тактическое мастерство обеспечило превосходство над количеством и огневой мощью. Франц вывел свои штурмовые орудия на выгодные позиции и заманил русских в коварно расставленные ловушки.

Радиостом и заряжающим в самоходке командира дивизиона был обер-ефрейтор Эберхард, совсем мальчик. Сегодня он профессор, хотя это его первый бой. Двадцать четыре часа назад он записал в своем дневнике: «Нас расположили в густом лесу. Читаю Холлина». Сейчас уже не говорили на языке поэзии. «Задраить люки!» В самоходке царил полумрак. Обер-ефрейтор поднес радиокод к самым глазам.

— Гвоздь вызывает Гвоздь-один.

— Гвоздь-один слушает.

И тогда обер-ефрейтор Эберхард продиктовал: «четыре—восемнадцать—семь—двадцать один—четыре—восемнадцать—три—девять—один...» Его левая нога находилась между двумя бронебойными снарядами, а правая — на взрывателях ударного действия. Как обычно, командир орудия загрузил семь или восемь дополнительных снарядов.

Переход на другую позицию на противоположном склоне дал им возможность на минуту высунуть головы в люк и глотнуть свежего воздуха. Глазам предстал пологий заросший травой склон, поле подсолнухов и небольшой отрезок дороги. Но тут же перед ними поднялось облако пыли. Командир крикнул: «Закрывать крышку люка! Передать по дивизиону. Приближаются передовые Т-34. Главный удар — прямо на нас, западнее шоссе».

Эберхард радировал. И майор Франц расставил свои капканы. «Гвоздь-один, приготовиться. Гвоздь-три, ответьте Гвоздю».

Быстрые приказы плели сеть, в которую должна была попасть атака русских. Для молодого обер-ефрейтора, конечно, все это выглядело скорее как оперный спектакль с опущенным занавесом. Ему нужно было переводить краткие быстрые слова и приказы майора в числа от одного до двадцати шести. И он почти вслух смеялся от той легкости, с которой ему удавалось справляться с задачей. Как вызубренные неправильные глаголы накануне экзамена, числа проносились в его голове.

Он вызывал Гвоздь-2 и Гвоздь-3. Он использовал цифры, чтобы управлять ими. Он использовал цифры, чтобы предупреждать их. Из цепочек чисел в его наушниках и коротких замечаний, которыми обменивались командир орудия, унтер-офицер наводчик и водитель, он пытался составить себе картину сражения.

Кроме Т-34 у русских было несколько американских Т-III. Вторая рота уже доложила, что подбито шесть танков. Больше всего, четыре, было на счету звена Сенкбил. Перед орудием командира никто не появлялся. Война шла где-то в километре от них. Вдруг она снова приблизилась. В виде титанов Т-34.

Группа Т-34 и один Т-III быстро двигались к склону. Водитель унтер-офицер Шефлер не отрывал взгляда от своего смотрового прибора. Наводчик был само хладнокровие. «Огонь!»

Танк за танком поражала 75-мм пушка штурмового орудия. Но советские командиры атаковали снова и снова. По их радиопереговорам было понятно, что они получили приказ прорвать немецкие линии любой ценой. Они наступали семь раз. Семь раз они прямо загоняли себя в капканы майора Франца.

Через три часа тридцать пять разбитых танков тлели на поле битвы. Только пять Т-34, все серьезно поврежденные, смогли уйти с дымящейся арены, ища укрытия в небольшом лесу.

С гордостью майор доложил командиру батальона: «Подбито тридцать пять танков противника. С нашей стороны потерь нет».

Дорога к Верхопению на реке Пена была расчищена.

Верхопенье тянулось на несколько километров по обеим сторонам реки Пена. Подступы к городку были сильно укреплены, поскольку там находился мост.

Генерал Хёрнлайн развернул свою дивизию на запад. Вечером пехотины под прикрытием последних «Пантер» атаковали со стороны церкви. Они захватили восточную часть города и вышли к реке.

9 июля западная часть маленького городка с мостом через Пену тоже оказалась в руках немцев. 6-й танковый полк и мотострелки 3-й танковой дивизии наступали с окраин. Главные схватки происходили между противотанковыми орудиями и танками Т-IV, между «Пауэрами» и Т-34.

Мост через Пену был поврежден, но 2-я рота и мостостроительная колонна 39-го инженерно-саперного батальона ночью за рекордное время произвели ремонт, а к середине утра следующего дня навели еще один 16-тонный мост. Теперь гусеничные машины могли форсировать реку.

Наступил решающий момент.

Утром 10 июля полковник Шмидт-Отт ударил на юг с высоты 258,5 6-м танковым полком. Одновременно генерал-лейтенант Вестхофен двинул по мосту свою пехоту, мотопехоту, артиллерию, штурмовые орудия, саперов и противотанковые орудия под командованием подполковника Вельмана. Ударная группа вышла противнику в тыл и овладела господствующими высотами у Березовки.

Много позже колонны советских военнопленных снова потянулись в тыл немцев. В секторе 3-й танковой дивизии их было около 2000.

Восточнее дороги на Обоянь бой вела танковая ударная группа графа Шимельмана, входившая в состав 11-й танковой дивизии. После налета «Штук» высота 260,8 пала. Мотопехотный полк «Великой Германии» действовал непосредственно вдоль дороги и взял высоту 244,8.

Таким образом, была захвачена наивысшая точка на подходах к Обояни и в то же время совершено самое глубокое вклинивание в оборону русских. С холма открывался вид на долину реки Псел, последнюю естественную преграду с этой стороны Курска. В полевой бинокль сквозь легкую дымку различались башни Обояни. Целью стала Обоянь.

До нее, казалось, можно было достать рукой. Чуть больше тридцати километров. Не расстояние при обычных обстоятельствах для наступающих соединений. Совершит ли 48-й танковый корпус этот последний рывок?

Согласно тщательно разработанному плану Гота теперь должно было произойти следующее: 48-й танковый корпус наносит удар в направлении на Обоянь и захватывает переправы через Псел. Его основная часть движется на восток и — до наступления на Курск — разбивает совместно с танковым корпусом СС Хауссера резервные танковые силы, приближающиеся со стороны Прохоровки.

Таков был план Гота.

Чтобы прикрыть восточный фланг своей операции и предотвратить вступление в бой других советских танковых армий с востока, с советского Степного фронта, он намеревался в самом начале операции передвинуть оперативную группу «Кемпф» на полосу восточнее Прохоровки, откуда берут начало реки Сейм и Донец.

Но здесь Гот просчитался. Где «Кемпф»? Где 3-й танковый корпус, корпус Брайта, который должен был после форсирования Донца быстро двинуться на север и добраться до перешейка? Где опытные танковые дивизии — 6-я вестфальская, 7-я тюрингская и 19-я шлезвиг-голландская?

Где бы они ни находились, их не было там, где по плану Гота они должны были оказаться 9 июля.

Но почему они не вышли на свои позиции? Боевые журналы этих отборных частей, ведомых выдающимися командирами, содержат драматичный ответ на сей ключе-

вой вопрос. Продвижение дивизий остановило упорное сопротивление противника. Русские вырыли узкие траншеи, значительно больше человеческого роста, и против них немецкая артиллерия оказалась бессильна. А вся земля, кроме того, была напшигована минами.

Как только полки форсировали Донец южнее Разумного, им пришлось вести тяжелые бои с советскими танковыми силами. Гренадеры 7-й танковой дивизии вздохнули с облегчением, когда наконец подошел 25-й танковый полк из Эрлангена. На командирском танке вел длинную колонну танков подполковник Адальберт Шульц.

Подполковник Адальберт Шульц, широко известный как «непробиваемый Шульц», распространял вокруг себя уверенность, куда бы он ни отправлялся. Гренадеры знали: где «непробиваемый» — там все будет в порядке. Теперь они наблюдали, как он готовится к бою. «Развернуться! Закрыть люки. Вперед широким клином!» И первые танковые орудия уже заговорили.

Шульц попал прямо по советским танкам, стоящим на исходной позиции для наступления. Командиру противника явно не хватало боевого опыта. Он руководил своей частью нервно, теряя из виду общую картину. В наступившей темноте на поле сражения горели или дымили вокруг Разумного тридцать четыре Т-34 — занятная игра чисел.

Однако сильный противник прекрасно укрепился и блестяще замаскировался в густом лесу на вершине холма. Дивизия попала под продольный артиллерийский огонь. Танковый полк не мог помочь.

Тем не менее корпус должен был двигаться, двигаться вперед, иначе провалится весь план. Мантойфель перегруппировался. 8 июля общими силами ему удалось преодолеть русскую преграду на вершине холма за Донцом.

Генерал Брайт немедленно развил этот успех. Поскольку 6-я танковая дивизия явно столкнулась с трудностями при форсировании Донца у Белгорода и не укладывалась в график, он не стал долго колебаться. «Главный удар нужно наносить там, где наступление продвинулось дальше», — сказал он полковнику Мерку, своему начальнику штаба. Поэтому и 6-ю танковую дивизию он направил в зону наступления 7-й танковой дивизии.

Две дивизии теперь двинулись на северо-восток. Слева от них наступала 19-я танковая дивизия. Вдоль Донца впереди всех пробивалась 168-я пехотная дивизия; ее задачей было обеспечить прикрытие открытому флангу берлинского танкового корпуса.

Широким фронтом танковые полки расчищали дорогу пехоте. «Непробиваемый Шульц» — справа, полковник фон Оппельн-Брониковский со своим 11-м падерборнским танковым полком — слева. Между ними — 503-й батальон «Тигров» графа фон Кагенека. Армада в 240 танков ползла на позиции противника.

Но и восточнее Донца русские стояли на сильно укрепленных оборонительных линиях, эшелонированных в глубину. Повсюду были окопы с противотанковыми пушками, мишье поля, противотанковые рвы. Кроме того, были и коварные болота.

Брайт, опытный и прозорливый командир танковых войск, понимал, что в этих обстоятельствах он никогда не сможет продвинуться на восток достаточно быстро или достаточно далеко, чтобы уложиться в график. Поэтому он принял единственно правильное решение и 8 июля повернул на север.

В небольшой лощине недалеко от Ястребова Брайт встретился с командиром 6-й танковой дивизии. Два командирских танка остановились рядом.

На броне этих мобильных узлов связи расстелили карты. Рука командира корпуса коснулась верхней части карты: «Хюнерсдорф, вы двинетесь на север и осуществите прорыв. Вы разрушите главную оборонительную линию противника!»

И Вальтер фон Хюнерсдорф, один из самых отважных и самых опытных танковых командиров Вермахта, выступил. Он раздавил советские оборонительные позиции. Он отразил атаку советских танков у Мелехова. Совместно с 19-й танковой дивизией он окружил две советские стрелковые дивизии.

Вперед! Не останавливаясь, 6-я танковая дивизия мчалась к верховьям Донца. Успеет ли она к Прохоровке вовремя?

Советское Верховное Главнокомандование осознавало, какую угрозу представляет этот крупный прорыв по флангу операции. Сталин приказал форсированными маршами бросить к Прохоровке стратегические резервы с отдаленного Степного фронта. Прибудут ли они вовремя?

Лейтенант Подгорбунский отскочил с дороги, отдал честь и удивленно посмотрел вслед генералу.

Никто и никогда не видел начальника штаба в таком состоянии. Обычно он был уравновешенным, выдержанным человеком, которого ничто не могло вывести из себя. А сейчас он мчался по маленькой лощине, где располагался передовой командный пункт 1-й танковой армии, тяжело дыша, с побагровевшим лицом и без фуражки. Он вбежал по склону в небольшую рощицу и скрылся в густом подлеске.

Наверху находился артиллерийский наблюдательный пункт. Генерал Катукوف и Никита Сергеевич Хрущев ушли туда час назад. Но когда генерал-майор Шалин влетел в замаскированный ветками и листьями командно-наблюдательный пункт, там находилась только Хрущев. Катукوف отправился в штаб 6-го танкового корпуса.

«Что случилось?» — подозрительно спросил Никита Сергеевич, увидев Шалина в состоянии крайнего возбуждения.

Начальник штаба, все еще стараясь восстановить дыхание, молча протянул ему листок бумаги — донесение на бланке. Оно пришло от 31-го танкового корпуса генерала Черниенкова.

Хрущев прочел: «Оборона прорвана. Войска отступают, и остановить отступление невозможно. Юсычов». Беда! Беда, запечатленная в девяти словах.

— Кто это? — спросил Хрущев, взволнованно постукивая пальцем по подписи.

— Подполковник Юсычов — начальник связи 31-го танкового корпуса, — ответил Шалин.

— Если его донесение — правда, тогда ничто не помешает немцам ударить через Псел в тыл Первой танковой армии, — тихо произнес Хрущев. А подумал, хотя и не произнес вслух, что если немцы сделают это, то русские оборонительные рубежи падут по всему Южному фронту курского выступа. И это будет означать конец сражению у Курска. Это будет означать победу немцев.

Хрущев отослал генерала Попеля, члена Военного совета 1-й танковой армии, найти генерала Черниенкова. А сам в это время побежал с Шалиным вниз, в лощину, в штаб армии, чтобы отправить грозные приказы корпусам и бригадам 1-й танковой армии, запрещающие любые отступления, малодушие и поражение.

Затем он поднял по тревоге генерала Ватутина, командующего Воронежским фронтом. Ватутин пообещал незамедлительно принять меры против главной опасности, исходящей от танкового корпуса СС Хауссера. И он сдержал слово.

Ударная группа 2-го советского гвардейского танкового корпуса была развернута у Гостищева, на том участке северо-восточнее Белгорода, куда дивизии Кемпфа еще не дошли. Его разместили там, чтобы остановить прорыв Кемпфа. Но сейчас, в крайней ситуации, Ватутин двинул ее на запад.

В небольшом лесочке восточнее деревни сосредоточились шестьдесят Т-34 и несколько стрелковых батальонов. Около полудня эта армада выступила. Она выступила в глубокий фланг корпуса Хауссера, на шоссе Белгород—Обоянь, на путь снабжения танкового корпуса СС.

Лишь одна пара немецких глаз заметила надвигающуюся опасность. Капитан Бруно Майер вел формирование из трех противотанковых самолетов, выполняющих разведывательный полет над лесным участком в районе Гостищева утром 8 июля. Он знал, что в этой сложной местности необходимо с воздуха патрулировать фланг танкового корпуса СС, чтобы наземные силы не натолкнулись на неприятные сюрпризы.

Глаза Майера скользили по полянам и небольшим лощинам. Вот там! Похоже, это...

Майер заложил глубокий вираж, почти коснулся верхушек деревьев. Не осталось никаких сомнений: сквозь деревья просматривались пехотные колонны. За ними громыхали танки. Десять танков. Двадцать. Тридцать. Все больше и больше танков выползали из леса, образуя широкий клин и двигаясь в западном направлении.

На совещании в штабе 8-го воздушного корпуса капитан Майер слышал о сложившейся ситуации. Он сразу понял, что означает советское продвижение в глубокий фланг танкового корпуса СС. И Майер также понял, что пробил его час.

Он командовал 4-й группой (противотанковых самолетов) 9-й авиаэскадры штурмовой авиации, базирующейся в окрестностях Микояновки. На ее полях стояло 68 новых машин Hs-129 — бронированных самолетов поддержки наземных сил. Каждая из этих машин была оснащена в дополнение к пулемету 30-мм пушкой. Они, таким образом, представляли собой летающие противотанковые орудия операции «Цитадель».

Теперь появилась возможность испытать новое оружие. Майер по радио объявил тревогу наземным службам своей группы и приказал поднять несколько эскадрилий (по девяти машин в каждой).

Когда первая эскадрилья начала набирать высоту, Майер по радиотелефону проинструктировал пилотов. Началось поистине историческое сражение — впервые в военной истории с крупным танковым соединением сражались только воздушные силы.

Самолеты атаковали с малой высоты. Как ястребы, они набрасывались на русские танки сзади и сбоку. Рывкали пушки. Один раз, два, три. Прямое попадание. Взрыв. Пламя.

Между налетами противотанковых самолетов «Хеншель» звенья самолетов огневой поддержки «Фокке-Вульф» майора Друшеля сбрасывали фугасные бомбы на колонны русской пехоты и наскоро развернутые зенитные орудия.

Это была битва машин. Русские танки не могли совладать с непривычным противником. Они мешали друг другу, сталкивались и становились легкой добычей для противотанковых самолетов Майера.

Через час советская бригада была разбита. Пятьдесят танков остались на поле боя, горящие или серьезно поврежденные. Смертельная угроза глубокому флангу Хауссера была отражена еще до того, как танковый корпус СС и 4-я танковая армия о ней узнали.

Однако Хрущев тоже одержал победу — победу над папкой в 31-м танковом корпусе. Генерал Попель, которого он с двумя политработниками поспешно направил в зону боевых действий корпуса Чернышкова, очень скоро натолкнулись на отступающую танковую бригаду подполковника Коновалова. Попель сумел остановить часть, развернул ее обратно и приказал снова наступать.

Командира корпуса Попель нашел на передовом командном пункте. Тот уже восстановил присутствие духа в нескольких полках.

Хотя корпус еще пребывал в некотором замешательстве и действительно отступал на многих участках, папка прекратилась. 29-я бригада противотанковых орудий прикрыла отступление и не позволила противнику создать временные оборонительные позиции. Худшее было предотвращено. Тем не менее дела были достаточно скверные: танковые соединения Хауссера активно преследовали отступающих русских.

Капитан Лекс со своей 3-й ротой мотопехотного полка СС «Адольф Гитлер» бросился в участок прорыва фронта. Неожиданно он оказался перед хорошо отстроеным командным пунктом советской стрелковой бригады и захватил большую часть чрезвычайно удивленных офицеров — генерала, его штаб и штабную роту.

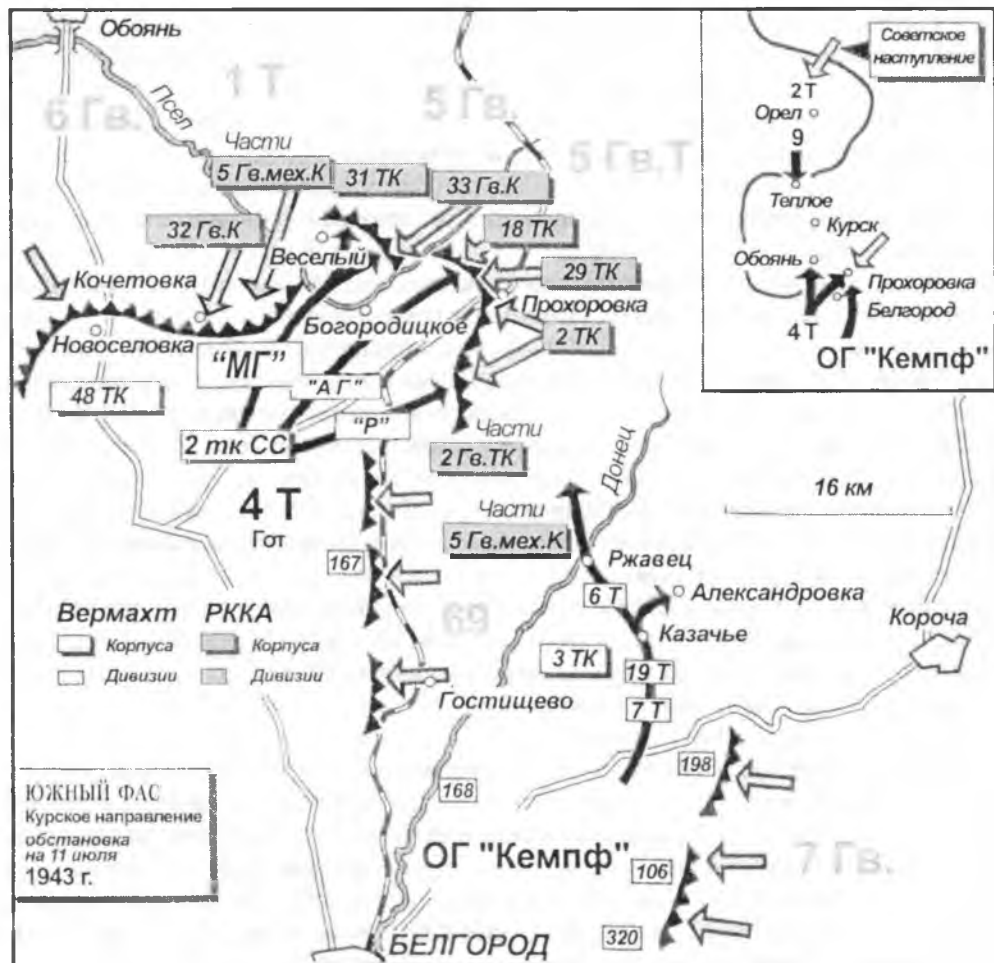
Дивизию «Мертвая голова», которая несколько дней была связана на правом крыле корпуса, отражая советские контратаки, освободили быстро переброшенные части 167-й пехотной дивизии.

Полки 167-й баварской пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Триренберга маршем прошли на восток прямо сквозь автоколонны с военными грузами и заняли оборонительные позиции вдоль железнодорожной линии Белгород—Курск. На важной высоте севернее Лучки I находились наблюдатели шести легких и тяжелых батарей 238-го артиллерийского полка, руководившие массированным огнем своих орудий по советским пехотным бригадам, которые беспрестанно атакowali; они пытались совершить прорыв на очень узком, чуть ли не в 300 метров, участке фронта.

Но 167-я пехотная дивизия держалась — в значительной степени благодаря своей артиллерии. Капитан Виде направлял сильный и результативный огонь роты 105-мм гаубиц на лошадиной тяге точно перед немецкими окопами и прямо в ряды наступающих русских. Наводчики работали как на учебном полигоне. Артиллерия действовала блистательно.

Благодаря этой защите генерал Хауссер смог двинуть свои моторизованные батальоны на север через Псел вдоль линии стыка между дивизиями «Штапдарт» и «Рейх». Переправу в этом важном секторе под смертоносным огнем советской артиллерии и минометов с более высокого противоположного берега осуществил подполковник Карк Ульрих с 3-м батальоном 6-го мотопехотного полка дивизии СС «Мертвая голова». Когда продвижение, казалось, было остановлено мощным огнем, Ульрих лично повел своих людей в атаку и ночью 10 июля 1943 года штурмом взял деревню Красный Октябрь, создал за рекой небольшой плацдарм и оборонял его от исключительно интенсивных атак советской пехоты и бронетехники.

В результате дивизия «Мертвая голова» 11 июля получила за рекой плацдарм между Богородицким и Веселым. Случилось именно то, что согласно строгому приказу со-

Карта 6. Главные силы немцев и русских, примерно равные по количеству, столкнулись у Прохоровки. Решить исход сражения должна была атака во фланг генерала Кемпфа.

ветского Верховного Главнокомандования не должно было произойти ни при каких обстоятельствах. — последняя естественная преграда перед Курском пала.

«Лейбштандарт» и «Рейх» одновременно двинулись вперед между железной дорогой и рекой Псел в направлении на Прохоровку.

Генерал Катукон, командующий усиленной танковой армией, оказался в чрезвычайно сложном положении. После поражения советской 6-й гвардейской армии он должен был нанести контрудар всеми имеющимися силами, но в то же время от него ждали, что он остановит продвижение немцев к Обояни. А теперь, в довершение ко всему, его самого теснят.

Ему ничего не оставалось, как вводить в бой свои стратегические резервы, которые предназначались для планировавшегося контрудара 1-й танковой армии. Одно соединение за другим, по мере их прибытия.

Результат был трагичный. 11 июля не только 6-я гвардейская армия была разбита, но и 1-я танковая армия понесла тяжелые потери, и от быстро переброшенной 5-й гвардейской армии остались лишь разрозненные соединения.

В штабе армии генерал-лейтенант Никита Хрущев сидел напротив Катюкова, как милиционер, и приказывал: «Не отступать, не отступать, не отступать!»

Каждый час он звонил в штаб фронта с нетерпеливыми вопросами: «Когда прибывают резервы Степного фронта? Где танковый корпус Пятой гвардейской танковой армии?»

«Они на марше», — уверял его генерал Ватутин. И действительно, они быстрым маршем двигались в направлении на перешеек и Прохоровку.

Неумолимо приближался решающий момент всей операции «Цитадель».

На северном фронте, в районе боевых действий 9-й немецкой армии, 11 июля Модель также находился на пороге прорыва последней линии советской обороны у Тепло-го. Для этого он перегруппировал свои силы, двинул все резервы в зону прорыва 46-го танкового корпуса и назначил решающее наступление на 12 июля.

Командиры ждали часа «Ч». Общими танковыми силами они должны были совершить прорыв между Теплым и Курским шоссе и двигаться дальше на соединение с дивизиями Гота, подходящими с юга.

Операция была хорошо продумана и точно скоординирована. Гот тоже планировал 12 июля дать решающий бой и уничтожить танковые силы генерала Катюкова на перешейке у Прохоровки до того, как советские армии Степного фронта смогут перебро-сить свежие резервы и вмешаться в сражение.

Удастся ли осуществить этот план?

Ответ зависел от 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф». Он сра-жался восточнее реки Донец. Его задачей, как определил Манштейн в начале операции, было следующее: «Быстро продвигнуться в главном направлении на Корочу, атаковать и уничтожить силы противника, ожидаемые с востока и севера». Другими словами, три танковые дивизии Кемпфа должны были перехватить советскую 5-ю гвардейскую тан-ковую армию, не дать ей соединиться с армией Катюкова и, таким образом, прикрыть свободный фланг Гота.

Такова была танковая стратегия в манере Манштейна. Снова, как часто случалось в истории войн, судьбоносное событие, определяющее дальнейший ход всей кампании, зависело от удачности момента, просто от дня или даже часа. «Историческая минута Ватерлоо» повторилась у Прохоровки.

В битве при Ватерлоо, 18 июня 1815 года, фланговая атака маршала Груши, кото-рая должна была предотвратить соединение прусской и британской армий, скорее все-го, повернула бы сражение в пользу Наполеона — если бы только Груши оказался на поле битвы в нужное время.

У Прохоровки сложилась очень похожая оперативная ситуация. В сражении, в котором столкнулись примерно равные силы, запланированная фланговая атака 6, 7 и 19-й танковых дивизий Кемпфа, усиленных бригадами штурмовых орудий и 503-м батальоном тяжелых танков, должна была склонить чашу весов на сторону немцев.

11 июля передовые формирования Кемпфа находились на берегах Северного Донца, в двадцати километрах от рокового местечка Прохоровка. Сложные боевые условия на невыгодном плацдарме у реки и упорное сопротивление противника

выбили их из графика, но в конце концов ситуация, казалось, стала изменяться к лучшему. Передовой отряд 6-й танковой дивизии под командованием полковника Бёка готовился форсировать верховья Дона. Подходили также 7 и 19-я танковые дивизии. Вместе они имели более 300 танков и штурмовых орудий — значительная сила. Если они вовремя вступят в предстоящую танковую битву, это, несомненно, обеспечит Готу победу.

Гонки начались. Вечером 11 июля на перешеек вышла советская 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова с 17 и 29-м танковыми корпусами, а также 5-м механизированным гвардейским корпусом. Ротмистров имел в своем распоряжении 850 танков — почти все из них Т-34 — и тяжелые САУ, эти самоходные 122 и 152-мм пушки, используемые как штурмовые орудия.

В этот момент Гот, чтобы противостоять советской бронетехнике, располагал лишь примерно 600 танками танкового корпуса Хауссера, хотя некоторые роты корпуса имели в своем составе тяжелые танки «Тигр», но вместе с танковыми силами генерала Кемпфа он бы превосходил русских численно.

В штабе Воронежского фронта генерал Ватутин, Хрущев и штабные офицеры стояли перед своей картой обстановки. Каждый из присутствующих понимал, что приближается решающий момент сражения.

«Мы должны ударить по Хауссеру Пятой гвардейской танковой армией независимо от положения дел у других наших армий», — сказал генерал Ватутин. Он был одним из самых блестящих военачальников среди высшего советского командного состава. Он прекрасно понимал, что сейчас время работает на Гота.

Но в Военном совете существовало также и другое мнение: подождать, пока 1-я танковая армия и 5-я гвардейская армия восстановятся после тяжелых потерь последних нескольких дней, а затем нанести ими контрудар по мощным соединениям Хауссера.

Однако превалировала точка зрения Ватутина и Хрущева. Они аргументировали так: если мы еще подождем, «Кемпф» будет здесь. А сражаться против Хауссера и Кемпфа одновременно, другими словами — и с фронта и с тыла, будет рискованно.

Сложилась ситуация Ватерлоо. Тогда, в полдень 18 июня 1815 года, французские полки снова и снова атаковали британские позиции у Бель-Альянса. Влажные склоны холмов покрывали десятки тысяч мертвых. Обе стороны были измучены. Армии падали от усталости. И Наполеон, и Веллингтон пребывали в состоянии сильного беспокойства. Оба знали, что победа придет к тому, кто первым получит подкрепление — Веллингтон от Блюхера, Наполеон от Груши. Опять и опять Наполеон нервно смотрел в подзорную трубу, опять и опять он отправлял посыльных. Если его маршал появится вовремя, над Францией снова просияет солнце Аустерлица; если опоздает — все пропало.

Ситуация Ватерлоо повторилась у Прохоровки. Утром 12 июля 1943 года танки Ротмистрова двигались длинным эшелонам против танковых полков Хауссера, которые в это время выдвигались на перешеек. Две танковые лавины в тучах пыли и дыма грохотали навстречу друг другу на ограниченном пространстве. Там сейчас начиналось открытое встречное танковое сражение, какого никогда прежде не случалось в военной истории. Не случилось и после.

Примерно 1500 танков и штурмовых орудий неслись, стреляли, взрывались, горели, грохотали и дымились в эту минуту в море холмов и долин вокруг Прохоровки.

Впечатляющее и яркое описание первых часов сражения оставил генерал-лейтенант Ротмистров. Это одно из лучших описаний сражения в современной советской военно-исторической литературе.

Ротмистров наблюдал сражение с холма недалеко от Прохоровки. «Танки двигались по степи небольшими группами, скрываясь в перелесках. Залпы пушек слились в один продолжительный мощный рев. Советские танки на полной скорости ударили по немецким передовым формированиям и прорвали танковый заслон. Т-34 расстреливали «Тигров» на очень близком расстоянии, так как немецкие мощные орудия и крепкая броня не давали им преимущества в ближнем бою. Не было ни места, ни времени, чтобы выйти из соприкосновения с противником, перегруппироваться в боевые порядки или действовать в составе частей. Снаряды, выпущенные с очень близкого расстояния, пробивали не только бортовую броню, но и лобовую. На такой дистанции броня не давала защиты, и длина пушечных стволов не имела никакого значения. Часто, когда танк был подбит, взрывались его боекомплект и топливо, и оторванные башни отлетали на десятки метров. В небе над полем битвы тоже шли ожесточенные бои. И советские, и немецкие летчики пытались помочь своим наземным силам выиграть сражение. Бомбардировщики, штурмовики и истребители, казалось, закрывали небо над Прохоровкой. Один воздушный бой сменялся другим. Вскоре все небо было затянуто густым дымом от подбитых машин. На черной, выжженной земле искореженные танки горели как факелы. Трудно было понять, кто нападает, а кто защищается. 2-й батальон 181-й танковой бригады 17-го танкового корпуса, наступавший по левому берегу, столкнулся с группой «Тигров», которые открыли огонь с места. Мощные дальнобойные пушки «Тигров» очень опасны, и советским танкам пришлось попытаться сблизиться с ними как можно быстрее, чтобы лишить врага его превосходства. Капитан П.П.Скрипкин, командир батальона, приказал: «Вперед, за мной!» Первый снаряд командирского танка пробил «Тигру» борт. В это же время другой «Тигр» открыл огонь по Т-34 Скрипкина. Первый снаряд пробил борт танка, а второй ранил командира батальона. Водитель и радист вытащили командира из танка и оттащили его в воронку. Поскольку «Тигр» ехал прямо на них, водитель Александр Николаев бросился обратно к поврежденной и уже горевшей «тридцатьчетверке», завел двигатель и понесся навстречу врагу. Т-34 двигался по земле, как пылающий шар. «Тигр» остановился, но было уже слишком поздно. Горящий Т-34 протаранил немецкий танк на полной скорости. Взрыв сотряс землю».

В полдень 12 июля противник Ротмистрова, генерал-полковник Гот, тоже был на передовой. Он наблюдал за сражением из штаба полка «Фюрер». В траншейный перископ он изучал поле битвы, усеянное дымящимися обломками.

Полки Хауссера были вынуждены перейти к обороне, однако стойко удерживали свои позиции. Снова и снова советские танковые бригады наступали на главную оборонительную линию немцев. Но каждый раз их отбрасывали, несмотря на то что пехотинцы уже приходили в отчаяние от беспрерывных бешеных атак множества танков противника.

Тяжелый бой завязался на правом фланге дивизии «Рейх». Там советский 2-й гвардейский танковый корпус настойчиво наступал в брешь между корпусом Хауссера и дивизиями Брайтга, которые еще не подошли. Эта чертова брешь!

— Атаки русских по нашему флангу сковывают половину наших сил и лишают операцию на Прохоровку необходимой скорости, — зло проворчал командир полка Сильвестр Штадлер.

Гот кивнул. Он попросил соединить его со штабом армии. Ответил генерал-майор Фангор, начальник штаба 4-й танковой армии.

— Фангор, какие известия от Кемпфа? Где его Третий танковый корпус?

Фангор располагал самыми точными сведениями, поскольку лишь минуту назад разговаривал с генералом Буссе, начальником штаба Манштейна, и выяснил, что передовые части 3-го танкового корпуса находились у Ржавца на Северном Донце.

Хорошие вести. Однако Фангор имел и плохие. Буссе сказал, что Модель не предпринял запланированного наступления по прорыву обороны противника на северном фронте Курской дуги.

Почему? Потому что русские наступают в тыл 9-й армии на орловском выступе и практически сразу добились глубокого вклинения на участке 2-й танковой армии.

Под угрозой Орел, в опасности база снабжения всей группы армий «Центр», тыл 9-й армии подвергается смертельному риску. Модель был вынужден снять несколько частей с передовой, чтобы бросить их против наступающих русских.

Гот молча выслушал, поблагодарил Буссе и положил трубку.

Все оказалось вдвое серьезнее. Теперь совершенно необходимо обеспечить решение здесь, на южном фланге курского выступа. Сможет ли он? Он должен.

На Брайтга можно положиться. Он один из самых опытных и самых удачливых танковых командиров в армии. Кроме того, у Манштейна в резерве еще оставался 24-й танковый корпус генерала Неринга с двумя отборными дивизиями — испытанной 17-й танковой дивизией и 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг».

Важнейшая проблема, однако, состояла в том, что 3-й танковый корпус генерала Брайтга должен был форсировать Донец.

Ржавец находился в 20 километрах от поля главного сражения. Туда даже доносился грохот орудий, стрелявших у Прохоровки. Командиры и старшие офицеры 11-го усиленного танкового полка сидели у танка командира боевой группы.

Полковник фон Оппелен-Брониковский выслушивал предложения майора доктора Франца Бёка. Казачье, задача наступления дня в тринадцати километрах от реки, пало в результате дерзкого рейда и тяжелого боя. Бёк теперь предлагал взять сильно укрепленный городок Ржавец внезапным ударом ночью 11—12 июля, форсировать Донец и создать плацдарм.

Оппелен имел опасения. У него был приказ форсировать реку на следующий день, после артиллерийской подготовки.

Бёк говорил, что русские сильны и наступление днем неизбежно будет стоить больших потерь, а внезапный удар под покровом темноты должен быть легче.

Должен! Но полной уверенности нет. Однако Оппелен был опытным танковым командиром и принял аргументы Бёка. Он согласился.

Бёк организовал внезапный удар традиционным образом. Как только стемнело, он выступил к реке со своим 2-м батальоном 11-го танкового полка и 2-м батальо-

ном 114-го мотопехотного полка на бронетранспортерах под командованием лейтенанта Рембеке.

Чтобы ввести противника в заблуждение, в голову колонны поставили захваченный Т-34. Правда, на нем был нарисован крест — но не слишком большой. А ночью все кошки серы. Значение имели только внешние очертания.

Молчание в эфире. Огонь не открывать. Никаких разговоров. Хотя курить можно. По сути, люди должны были ехать на броне танков, расслабившись и покуривая, как будто происходило нормальное передвижение части. «Ни слова по-немецки», — внушал солдатам командир роты.

Колонна-призрак продвигалась. Во главе — сам Бёк, за ним — рота танков и несколько бронетранспортеров со стрелками и саперами, потом — командирские танки. Раздавался только гул моторов и лязг гусениц. Колонны противника проходили совсем рядом. Силуэт Т-34 во главе немецкой части обманул русских.

Они шли мимо хорошо оборудованных окопов противотанковых орудий и реактивных минометов, в которых находились люди. Мягко светила луна. Сонные русские не обращали на них никакого внимания. Они привыкли к подобным колоннам. Весь день мимо них громыхали советские соединения. Бёк нагнал колонну пехоты противника. К счастью, никому из советских солдат не пришлось в голову подъехать на танке.

«Примерно через десять километров, — отмечает доктор, — наш Т-34 заглох. Движимый, несомненно, патриотическими чувствами, он преградил нам путь. Поэтому нашим солдатам пришлось вылезать из своих танков и, не обращая внимания на стоящих вокруг русских, с любопытством наблюдающих за ними, оттаскивать Т-34 с дороги и спихивать его в кювет, чтобы освободить дорогу для остальных машин. Несмотря на приказ не говорить по-немецки, раздалось несколько немецких ругательств. Никогда раньше я так не вздрагивал от ругательства, как у Ржавца. Но русские все еще ничего не замечали. Экипаж нашего Т-34 подобрал, и мы продолжили движение».

Перед ними замаячили первые дома городка Ржавец. И первые советские танки. Это были Т-34, стоявшие вдоль дороги. Их люки были открыты. Экипажи лежали на траве. Однако худшее надвигалось: лейтенант Гухтман, ехавший в ведущем танке, возбужденно доложил по радио: «Русские танки идут нам навстречу. Что мне делать?» Бёк ответил: «Сделайте глубокий вдох, чтобы я мог слышать его в наушники, и начинайте их считать».

Гухтман начал счет в микрофон: «Один, два, три, четыре... пять... десять... пятнадцать... двадцать, двадцать один, двадцать два».

Двадцать два вражеских танка. Они прошли совсем рядом с немецкой колонной.

Все издали вздох облегчения. Но вдруг советская колонна стала выказывать беспокойство. Полдюжины Т-34 выехали из строя и повернули обратно. Не заметили ли они что-нибудь?

Бёк приказал своей ударной группе продолжать движение в направлении на Ржавец, а сам на своем командирском Т-III, который нес лишь деревянное ложное орудие, остановился поперек дороги. Семь Т-34 подошли и полукругом встали на расстоянии примерно двадцати метров от танка Бёка. Навели орудия. Но было очевидно, что не знали точно, что им делать. Темнота сбивала их с толку. Для Бёка все складывалось не слишком хорошо. От деревянного орудия проку мало. Но нужно было сделать что-нибудь, чтобы не подвергать риску всю операцию в самый последний момент. Возвращать

ударную группу — поздно. Бёк поэтому положился на удачу. Вместе со своим дежурным офицером, лейтенантом Цумпелем, он выпрыгнул из командирского танка. В каждой руке у них было по фугасному заряду, по «прилипающей противотанковой ручной гранате». Они промчались мимо бронетранспортера фельдфебеля Деяна, который уже изготовился, ожидая лишь команды открыть огонь.

Пять прыжков. Фугасный заряд прилеплен к первому танку противника. Несколько сидевших на нем советских пехотинцев в тревоге повернули головы. Один из них поднял свою винтовку, но Бёк выхватил ее и прыгнул в канаву, чтобы укрыться. Он оказался по грудь в воде. Прозвучало два глухих взрыва. Лейтенант Цумпель в свою очередь прикрепил заряд к другому танку.

Снова выпрыгнули. Следующие два. Снова в укрытие. Но на этот раз раздался только один взрыв. Второй заряд не сработал.

Один из Т-34 угрожающе повернул свою пушку.

Бёк запрыгнул на один из подошедших немецких танков, укрылся за башней и завопил: «Огонь!»

Немецкий наводчик оказался проворней русского. Один выстрел, и советский танк подбит.

Но теперь джинн был выпущен из бутылки. Конспиративный поход закончился. Русские выпустили сигнальные ракеты. Со всех сторон бешено застучали пулеметы.

Танки и бронетранспортеры Бёка ворвались в деревню, заняли позиции противотанковых орудий. Саперы захватили подразделение реактивных минометов.

Со стороны реки послышалось несколько глухих разрывов. «Мост!» — с ужасом подумал Бёк.

Минуту спустя его танк стоял у моста через Донец. Мост был взорван. Ударная группа упустила возможность попасть в деревню за рекой.

Однако саперы и пехотинцы смогли добраться до противоположного берега по пешеходному мосту. Русские были застигнуты врасплох, и немцам удалось создать плацдарм. К рассвету головной отряд Бёка 6-й танковой дивизии хорошо закрепился на северном берегу Донца. Генерал фон Хюнерсдорф немедленно выслал туда 1-й батальон 114-го мотопехотного полка под командованием капитана Эккеля. К середине дня 12 июля поднянулась и ударная группа Хорста из 19-й танковой дивизии. Танковая дивизия корпуса Брайта получила возможность форсировать реку по быстро отремонтированному мосту и расширила узкий плацдарм. Остатки разбитых советских соединений, которые пытались отступить на север, были перехвачены.

Русские настолько не ожидали обнаружить немцев в Ржавце, что совсем не оказывали сопротивления. Когда мотоциклист связи по имени Гердсман, из 1-го батальона 114-го мотопехотного полка, неожиданно столкнулся с русским орудием на конной тяге и поднял свой карабин, весь орудийный расчет изумленно поднял руки.

Однако в этом рейде на долю 6-й танковой дивизии все-таки выпал один удар. И этот удар, что самое трагичное, нанёс не противник, а Люфтваффе. Пилоты одной эскадрильи He-111, которым еще не сообщили об успешной ночной операции, приняли формирования на северном берегу Донца за вражеские и атаковали.

В это время возле командирского танка генерал фон Хюнерсдорф проводил совещание с командирами своих частей. Несколько бомб упало в непосредственной близости и ранило 14 офицеров и много солдат. Сам Хюнерсдорф тоже был ранен, но остался

при дивизии. Майор Биберштайн, командир I 14-го мотопехотного полка, и капитан Эккель от ран умерли.

Это была высокая цена за открытие пути на Прохоровку. Однако, если дальнейшее наступление будет развиваться быстро, эта цена вполне может стать и ценой победы.

Но Бёк не смог развить свой успех. Пока он совершал рейд на Ржавец, основная часть 6-й танковой дивизии атаковала важную высоту у Александровки, в десяти километрах к востоку. Однако русские отчаянно защищали этот ключевой пункт своих позиций, находящийся у Донца во фланге немецкого наступления. Массированный огонь противника сковал за Александровкой батальоны усиленного 4-го мотопехотного полка.

Хюнерсдорф не медлил ни минуты. С танками майора Бёка он вернулся на южный берег Донца. Полудюжиной «Пантер» он прорвался в упорно обороняемую деревню, овладел командными высотами и, таким образом, открыл пехоте путь в деревню.

Полоса обороны противника между Донцом и Корочей была окончательно прорвана 13 июля. 6-я танковая дивизия могла продолжать наступление на север. Танки 7 и 19-й танковых дивизий поползли через Ржавец к полю битвы у Прохоровки.

Но Хюнерсдорфа с ними больше не было. Когда 14 июля он возвращался из подразделения Бёка на свой передовой командный пункт, его сразила пуля замаскированного вражеского снайпера. Пуля попала в голову, и обломки стальной каски повредили мозг. Генерала в бессознательном состоянии на самолете «Физелер Шторх» доставили в Харьков, где полковник доктор Тёнбес, специально прилетевший нейрохирург, его прооперировал. Тем не менее три дня спустя Вальтер фон Хюнерсдорф, которому было 45 лет, умер в армейском госпитале. День и ночь, до самого конца за ним ухаживала няня — фрау фон Хюнерсдорф, руководившая фронтовым госпиталем немецкого Красного Креста.

Отважный молодой танковый генерал, который всего шесть месяцев назад, в попытке отвоевать Сталинград, оказался с передовым отрядом армии Гота в пятидесяти километрах от передовых позиций 6-й армии, был мертв. Он умер в тот момент, когда великая битва достигла своего апогея и до победы, казалось, было подать рукой.

4. Сражение отменяется

Высадка союзников в Сицилии — Советский прорыв у Орла — «Мне нужны дивизии, господин генерал-фельдмаршал» — Операция «Цитадель» сокращается наполовину — Победа упущена — Поворотный момент войны.

С быстротой молнии вся ситуация изменилась. Очень далеко от Прохоровки принимались решения, сводившие на нет все успехи на курском выступе. Два самых важных человека в немецких армиях на Востоке, генерал-фельдмаршалы фон Манштейн и фон Клюге, 13 июля получили из Ставки фюрера приказы явиться в «Вольфшанце» в Восточной Пруссии.

Маршалы сели на свои самолеты и полетели над бесконечными полями Украины и Белоруссии в направлении Растенбурга в Восточной Пруссии. Маленькая рощица опять стала местом судьбоносного решения.

Гитлер встретил своих маршалов раздраженно. «Придворные» из спартанской Ставки Гитлера бегали вокруг с вытянутыми лицами. Босс находился в дурном расположении духа.

Всего двенадцать дней прошло с того момента, как Гитлер объявил свой приказ по операции «Цитадель» — и какая перемена! От оптимизма не осталось и следа. Не слышно высоких слов. Надежды на блистательную победу немецкого оружия рассеялись.

Предметом разговора, который Гитлер начал без всяких вступлений, была Италия.

Гитлер проинформировал Манштейна и Клюге о том, что в общих чертах они уже и так знали. 10 июля 1943 года британские, американские и канадские войска десантировались в Сицилию из Северной Африки. Сопротивление итальянцев на острове было быстро подавлено. Армия в 300 000 солдат, за исключением нескольких частей, просто разбежалась. Союзники продвигались по дорогам вдоль берега. Сопротивление оказывали лишь немецкие парашютные части, мотопехота и противотанковые ударные группы.

Гитлер не выбирал выражений, характеризуя своих итальянских союзников. Он не только был в ярости, но и фактически паниковал по поводу будущего развития ситуации в Южной Европе.

— Принимая во внимание, как отвратительно итальянцы ведут войну, потеря Сицилии неизбежна. Насколько я знаю, Эйзенхауэр завтра может высадиться в континентальной Италии или на Балканах. Это будет прямой угрозой всему нашему южному флангу в Европе. Вот что я должен предотвратить. И вот почему мне нужны дивизии для Италии и Балкан. Теперь, когда я уже перебросил Первую танковую дивизию из Франции на Пелопоннес, брать их больше нигде, и, следовательно, придется снять дивизию с Курского фронта. Я вынужден приостановить «Цитадель».

Гитлер замолчал.

Оба маршала потеряли дар речи. Опять они видели, как в кризисной ситуации Гитлер теряется, паникует и делает поспешные выводы. Неожиданные или неприятные события всегда лишали его присутствия духа. Он обычно выходил из себя и совершенно неадекватно воспринимал ситуацию. Именно это происходило сейчас на их глазах. Хотя, как правило, Гитлер невысоко оценивал возможности союзников, теперь он неожиданно приписал им дерзкие планы и отважные операции.

На самом деле, как показали следующие несколько недель, оставалось еще почти два месяца до наступления Эйзенхауэра на континентальную Италию.

Но даже если бы он и намеревался высадиться в Центральной Италии или на Балканах сразу после своего вторжения на Сицилию, немецкие дивизии, действующие сейчас на Курской дуге, за 3000 километров от Италии, вряд ли предотвратили бы нежелательное развитие событий. Переброска их из России займет много недель. Они придут в Италию слишком поздно, а победа под Курском, сейчас такая достижимая, будет упущена.

Но Гитлер казался загипнотизированным высадкой в Сицилии. Он говорил быстро и громко. Всем было очевидно, что его мучило и выводило из себя: он прекрасно понимал, что это по его вине, только по его вине они оказались в сложной ситуации.

Штаб оперативного управления Вермахтом, занимавшийся операциями на всех театрах военных действий, кроме Восточного фронта, еще в мае предупреждал Гитлера о назревающей в Средиземноморье угрозе и потом неоднократно напоминал о ней. Ге-

нерал-фельдмаршал фон Манштейн и генерал Цейтцлер убеждали его не затягивать начало операции «Цитадель». Гудериан тоже выступал против переноса сроков наступления. Модель постоянно протестовал. Клюге высказывал опасения.

Но Гитлер медлил, колебался и проявлял нерешительность. Снять части с Восточного фронта, послать их в Италию и, следовательно, отменить «Цитадель»? Перебросить мобильные формирования из Франции в Италию?

А в результате Гитлер как обычно желал многого: он хотел осуществить «Цитадель» и сразу же после победы перебросить освободившиеся силы в страны, которым угрожает вторжение, — Францию, Италию и Балканы.

Вот так закрутился этот порочный круг, эта рискованная игра со временем. Неделю за неделей русские укреплялись на курском выступе, их инженерные сооружения становились все мощнее.

Гитлер поэтому тоже был вынужден наращивать наступательную мощь немецких соединений. Это, в свою очередь, требовало времени. Соответственно, раз за разом дата начала наступления назначалась, а затем откладывалась. Гитлер ждал новые тяжелые танки и сверхтяжелые штурмовые орудия, чтобы обеспечить свое безусловное превосходство, но те (особенно «Пантера» и «Фердинанд») еще находились на стадии испытаний. Он приказал военной промышленности завершить создание нового вооружения в максимально короткие сроки.

Но производство и транспортировка этих гигантов тоже отняли много бесценного времени. И таким образом, прошли недели.

Гудериан, генерал-инспектор танковых войск, был одним из тех, кто понимал опасность этого рокового графика. 4 мая он заклинал Гитлера отказаться от «Цитадели». Во время беседы в Мюнхене он в присутствии множества свидетелей совершенно ясно дал понять, что не разделяет чрезмерных надежд, возлагаемых на новые танки: «Я не считаю новые «Пантеры» или «Фердинанды» готовыми к активным боевым действиям. Они еще страдают многочисленными «детскими болезнями», что совершенно естественно при разработке подобных новых моделей, — и мы не в состоянии справиться с этим за пять или шесть недель».

Даже Шпеер, министр обороны, согласился с ним.

На встрече в Мюнхене разыгралась мрачная сцена, которая сегодня кажется сошедшей со страниц старинного романа. Единственный оставшийся в живых свидетель, генерал-лейтенант (в отставке) Вольфганг Тхомале, описывает ее так: Гудериан и Клюге в Мюнхене впервые встретились после того, как зимой 1941 года Клюге убедил Гитлера сместить Гудериана. Генерал-фельдмаршал хотел восстановить отношения и протянул Гудериану руку, но тот демонстративно не заметил дружественного жеста. Поблагодаривший Клюге повернулся к начальнику штаба Гудериана, тогда полковнику Тхомале, с такими словами: «Соблаговолите передать генерал-полковнику Гудериану, что я прошу его проследовать за мной в другую комнату».

Там он гневно спросил Гудериана: «Каковы причины вашего столь оскорбительного поведения?» Гудериан, тоже кипя от ярости, с трудом сдерживался: «Господин генерал-фельдмаршал, причины очевидны. Два года назад вы оболгали меня перед фюрером. Вы отняли у меня мою армию и разрушили мое здоровье. Полагаю, этого достаточно. У вас нет оснований ожидать от меня расположения». Клюге резко развернулся и молча вышел из комнаты. Несколько дней спустя главный адъютант Гитлера генерал

Шмундт доставил Гудериану письменный вызов Клоге на дуэль на пистолетах. Из всех людей генерал-фельдмаршал выбрал своим секундантом Гитлера. Однако поскольку Гитлер в принципе был против дуэли, он передал вызов Клоге Гудериану через Шмундта, одновременно запретив дуэль и приказав Шмундту соответственно проинформировать главных действующих лиц.

В результате история Второй мировой войны лишилась возможности увидеть, как разрешают дело чести два старших генерала, оба выдающиеся боевые командиры, хотя и очень разные по характеру.

Через шесть дней после этого совещания в Мюнхене в мае Гудериан уже в Берлине еще раз попытался убедить Гитлера отказаться от «Цитадели». Генерал-инспектор заклинал его: «Мой фюрер, почему на Восточном фронте вы хотите быть наступающим? Почему бы не позволить наступать русским и разбить их, когда они разыграют все свои козыри?»

«Бить, когда русские разыграют свои козыри» — это был рецепт Манштейна, рецепт, который генерал-фельдмаршал предлагал уже с тех самых пор, когда катастрофа под Сталинградом разрушила все надежды на быструю победу над русскими.

Бить врага, когда он раскроет козыри, означало — самим не предпринимать дорогостоящих наступательных операций, а предоставить противнику добиваться успеха и наносить ему сокрушительные контрудары при каждой удобной возможности. Это стратегия изнурения. И Манштейн надеялся, что при ее применении на всем Восточном фронте русские вооруженные силы истекнут кровью и Сталин, возможно, в один прекрасный момент пойдет на переговоры о мире.

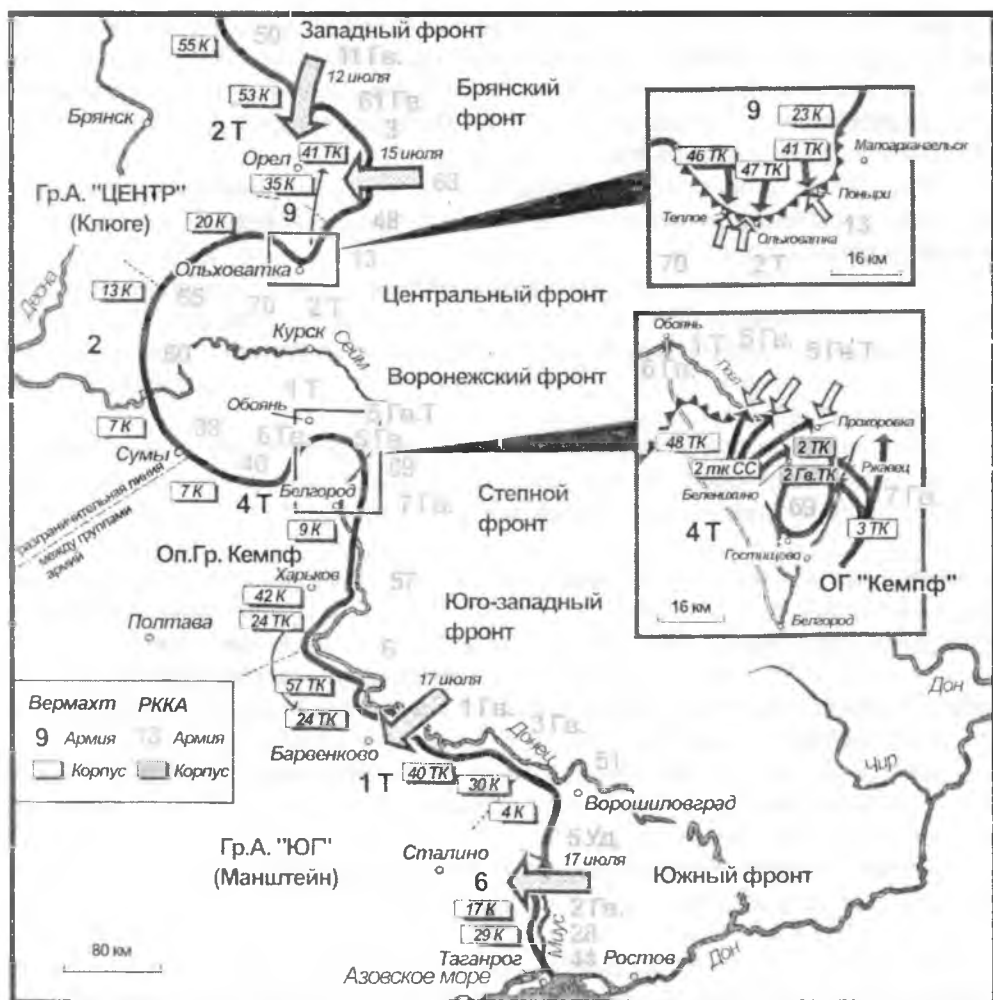
Один из значительных и драматичных моментов всей войны пришелся на 10 мая 1943 года. В этот день Гудериан схватил Гитлера за руку и спросил: «Мой фюрер, зачем вы хотите пойти на риск наступления?»

Гитлер, уважавший мнение Гудериана, ответил: «Может быть, вы правы. Когда я думаю о наступлении, меня бросает то в жар, то в холод». Тем не менее он все-таки приказал начать «Цитадель».

И вот теперь, 13 июля, Гитлер опять смотрел в лицо своим маршалам. История доказала, что он был не прав, а его генералы и генерал-фельдмаршалы — правы. Однако он опять избирал неверный путь. На этот раз он нарушал основное правило ведения войны, сформулированное Клаузевицем: однажды приняв решение, ты не должен позволять никакой угрозе или искушению отвлечь тебя от поставленной цели, ты должен твердо держаться общего плана операции.

Манштейн поразился, видя, что Гитлер из-за высадки союзников в Сицилии готов полностью отказаться от операции «Цитадель» в тот момент, когда, по мнению Манштейна, победа была близка. Но действительно ли победа на курском выступе была столь возможна? Клоге охладил энтузиазм Манштейна. Он доложил о ситуации на северном фронте Моделя. Вместо того чтобы 12 июля начинать прорыв у Теплового, генерал-полковник был вынужден приостановить наступление и снять с фронта мобильные формирования. Почему? Потому что в тылу Моделя, на северном фронте орловского выступа, русские именно 12 июля глубоко вклинились в полосу 2-й танковой армии и теперь угрожают Орлу.

Поэтому Клоге пришел к заключению, что 9-я армия Моделя не сможет возобновить наступление. Ни сейчас, ни позже. Потеря 20 000 человек и отвод мобильных войск

Карта 7. Как только немецкий прорыв на Обоянь и Ольховатку принял реальные очертания, русские перешли к контрнаступлению на севере и юге курского выступа. 9-я армия Моделя была вынуждена снять крупные силы с фронта «Цитадели», чтобы бросить их против вклинения русских у Орла. 4-я танковая армия Гота тоже оказалась перед необходимостью перебросить несколько дивизий на угрожающие направления, Донец и Миус. Многообещающую операцию на Курской дуге пришлось прекратить.

для блокирования глубоких советских вклинений севернее Орла сделали, с его точки зрения, прекращение «Цитадели» в целом неизбежным.

Манштейн не согласился: «До победы на южном фланге курского выступа один шаг. Враг ввел в действие практически все свои стратегические резервы и понес огромные потери. Прекратить боевые действия сейчас означает вышвырнуть победу!»

То, что Манштейн правильно оценивал ситуацию на Южном фронте Курской дуги, подтверждают мемуары генерал-лейтенанта Ротмистрова, теперь маршала танковых войск, который тогда командовал 5-й гвардейской танковой армией. Он пишет, что вслед-

стве подхода танковых дивизий Брайта положение советских войск на Верхнем Дону «стало исключительно сложным».

Предложение Манштейна, таким образом, было здравым: армия Моделя держит на северном фронте крупные силы, чтобы сковать войска противника; Гот и Кемпф, напротив, продолжают наступление и уничтожают врага с юга. Так будет выполнена половина операции «Цитадель».

Но Клюге отверг и эту идею. Он не видел возможности оставить 9-ю армию на завоеванных позициях и поэтому считал необходимым прекратить операцию и отвести все соединения на их исходные позиции.

Гитлер согласился с ним. Однако он разрешил Манштейну продолжать сражение на Южном фронте своими силами. Но этому лучику надежды не суждено было светить достаточно долго.

Гот продолжил наступление. Совместно с оперативной группой «Кемпф» он под проливным дождем нанес несколько успешных ударов. Очень скоро 69-я советская армия и два советских танковых корпуса оказались в ловушке между Ржавцом, Беленихином и Гостищевом.

Но затем звонок прозвенел и на Южном фронте. 17 июля Гитлер приказал немедленно снять с фронта танковый корпус СС, поскольку он намеревался отправить его в Италию. (В действительности основная его часть оставалась на Восточном фронте еще несколько месяцев.)

Он также приказал, в силу критической ситуации у Орла, еще две танковые дивизии передать армиям группы «Центр».

Этот приказ означал конец операциям Манштейна под Курском. С оставленными ему силами он не мог надеяться удержать завоеванные позиции. В начале августа он вынужденно отошел на свои первоначальные исходные позиции. Этот отход сопровождался тяжелыми потерями, преимущественно в технике и боеприпасах. Советские войска, до недавнего времени подавляемые, получили свободу действий. Они активно начали преследовать отступающие немецкие дивизии. Угроза поражения русских превратилась в победу Красной Армии.

Правда, Манштейн взял в плен 34 000 человек, и потери русских в целом составили 85 000 только на Южном фронте Курского выступа. Это ровню столько, сколько 6-я немецкая армия потеряла под Сталинградом шесть месяцев назад, в показателях реальной потери в бою. Однако русские быстро вернули оставленную территорию.

Последнее великое наступление немцев в России закончилось; оно было проиграно. Самое ужасное, что стратегические резервы, создававшиеся много месяцев тяжким и самоотверженным трудом, в частности мобильные дивизии, сгорали в жаркой топке Курска, не добившись назначенной цели. Наступательная мощь немцев была сломлена необратимо. С этого времени формирование стратегических резервов стало невозможным.

Точно так же, как Ватерлоо в 1815 решило судьбу Наполеона, положив конец его правлению и изменив лицо Европы, так и победа русских под Курском явилась поворотным пунктом всей войны и через два года привела к смерти Гитлера, поражению Германии и полностью изменила мировой порядок.

С этой точки зрения операция «Цитадель» явилась решающим сражением Второй мировой войны. Официальная советская военная история совершенно справедливо называет его «битвой мирового исторического значения».

Однако, как ни странно, «Цитадель», Курская битва, не заняла соответствующего места в сознании немцев. Они знают о Сталинграде, но чаще всего не знают о Курске. Однако не Сталинградская, а именно Курская битва была во всех отношениях судьбоносным сражением, определившим исход войны на Востоке.

Советская армия выдержала бедствия 1941–1942 годов; она преодолела кризис, захватила инициативу и теперь диктовала ход событий. Впервые мы встречаем в официальных советских докладах уверенные формулировки: «В операции под Курском советские войска превосходили противника по количеству личного состава и боевой техники в пропорции два к трем».

Несомненно, лицо Красной Армии кардинально изменилось. Ее танковые войска были реорганизованы и теперь могли рассчитывать на огромное производство бронетехники — производство более значительное, чем в Германии. Более того, в Курской битве впервые были применены советские самоходные артиллерийские установки, новый вид тяжелой артиллерии на самоходных шасси.

А самое главное, заметно повысилось качество стратегического и тактического руководства, особенно мобильными формированиями. Об этом свидетельствовала не только гибкость в контроле за сражением, но и быстрота, с которой резервы перебрасывались на угрожаемые направления.

В этом, безусловно, русским помогли крупные поставки американских армейских грузовиков. С лета 1942 года США поставили Советскому Союзу 434 000 этих тяжелых машин. В этом смысле США внесли заметный вклад в победу Сталина под Курском.

Но все это материальное превосходство оказалось бы бесполезным, если бы советская армия не была также вдохновлена новым боевым духом. Призыв сражаться за Отечество был более убедительным для русских солдат, чем прежний, избитый лозунг защищать мировую революцию.

Однако немецкое Верховное главнокомандование не заметило перемен. Насколько оно цеплялось за свое ошибочное представление о солдате-красноармейце, показывала недооценка и клевета на политработников советской армии. Хотя в начале войны роль комиссара, возможно, и была неопределенной, со времени Курской битвы он все больше и больше воспринимался бойцами и командирами как опора в борьбе с недальновидными начальниками, бестолковыми бюрократами и духом трусливого поражения.

В Германии же комиссаров рассматривали как надсмотрщиков и жестоких фанатиков. Пагубный приказ Верховного главнокомандования от 6 июня 1941 года, по которому взятые в плен комиссары не считались военнослужащими и расстреливались, — одно из следствий этой серьезной ошибки. Правда, большая часть командующих немецкими армиями и командиров корпусов не исполняла этот приказ и даже обращалась с просьбой отозвать его, тем не менее последствия действия приказа были достаточно плачевны.

В действительности комиссары были политически активные и надежные солдаты, чей общий уровень образования был выше, чем у большинства советских офицеров. Чтобы получить достоверное представление об их роли, необходимо заглянуть в историю института политических комиссаров в Красной Армии. Первоначально советский офицерский корпус в значительной степени состоял из бывших царских офицеров, которые в глазах большевистского режима оставались ненадежными. Были также проле-

тарские офицеры времен Гражданской войны, солдаты без должной военной подготовки и часто без общего образования. В этой ситуации введение института комиссаров являлось логичным шагом: кроме политического руководства он решал те задачи, которые в западных армиях входят в компетенцию командира части, — политическое просвещение, обучение, интеллектуальные и бытовые потребности личного состава. В течение первых послереволюционных лет комиссары во многих случаях были вынуждены учить своих солдат читать и писать. Понятно, что за годы они неизбежно должны были подняться до уровня офицерского корпуса. История Красной Армии и последней войны делает это очевидным.

Теперь комиссар стал объектом постоянной всесторонней заботы и обучения. Кроме политических знаний он получает весьма интенсивный курс военной подготовки. Он должен быть в состоянии самостоятельно решать чисто боевые задачи, поскольку в случае гибели командира части он должен быть в состоянии заступить на его место, политрук роты стать командиром роты, комиссар дивизии — командиром дивизии. Чтобы соответствовать такому уровню требований, корпус политработников, естественно, должен состоять из жестких людей, преданных власти, и в первой половине войны эти люди, как правило, составляли главную движущую силу советского сопротивления и твердо следили за тем, чтобы войска сражались до последней капли крови. Они могли быть безжалостными, но в большинстве случаев они не жалели и себя.

5. Измена в Ставке фюрера

В Верховном главкомандовании Вермахта невозможно сохранить тайну — Доклад «Вертера» «Начальнику» — Рудольф Рёсслер предупреждает Москву — Красный разведывательный центр в Швейцарии — Кто такой «Вертер»?

Но вернемся к Курской битве. В наши дни часто высказывается мнение, что победа русских под Курском была логичной и неизбежной. Однако этот тезис базируется на идеологии или пропаганде.

Не существует побед логичных или рассчитанных, заслуженных или неизбежных.

Официальная советская «История Великой Отечественной войны» сама предоставляет этому исчерпывающие доказательства. В III томе мы находим исключительно интересное донесение, которое командование Воронежского фронта, другими словами — Хрущев и Ватутин, отправили в Ставку после сражения. 7 июля, говорится в нем, успех зависел от одного-единственного обстоятельства — прорвутся дивизии Гота к Обояни или не прорвутся. Фронт 6-й гвардейской армии был смят. За ним стояли только части двух советских танковых корпусов. Приказывать им идти в безнадежную контратаку или оставаться в обороне? Вот что, согласно донесению, составляло главный вопрос. Какой курс был разумнее в этот кризисный момент? Именно с этого вопроса началась смертельная вражда между Хрущевым и маршалом Жуковым.

Чтобы остановить немецкий танковый удар, генерал Ватутин, по согласованию с Хрущевым, приказал 1-й танковой армии зарыть свои машины в землю и таким образом сформировать мощный рубеж противотанковой обороны.

Маршал Жуков, представлявший Сталина в южном секторе советского фронта, напротив, неистово протестовал против такого «нестественного использования тан-

ков» и требовал танковой контратаки. Когда Хрушев и Ватутин отказались, Жуков обратился к Сталину и склонил его на свою сторону. Из Ставки поэтому поступил приказ: контрудар!

Авторы «Истории Великой Отечественной войны» по этому поводу замечают: «Не зная конкретной ситуации, Сталин согласился с позицией маршала Жукова и решил, что невозможно остановить атаки немецких танков огнем с места».

Однако Хрушев и Ватутин не сдались. Они подключили маршала Василевского и с его помощью смогли убедить Сталина отменить приказ. Танковые корпуса 1-й танковой армии превратились в бронированные доты.

С военной точки зрения, Жуков, конечно, был совершенно прав. Танки строят не для того, чтобы закапывать их в землю. Но в данном конкретном случае преграда из танков и противотанковых орудий на самом деле остановила продвижение немцев.

«История Великой Отечественной войны» цитирует донесение Воронежского фронта в Ставку с полной ссылкой на источник, таким образом фиксируя его для потомства: «Если бы было принято решение наносить контрудар танковыми соединениями, то уже при отсутствии прочного фронта стрелковых войск в полосе шоссе мы быстрее израсходовали бы свои силы, а противник наверняка прорвался на Обоянь, а далее начал бы развивать успех на Курск».

«Наверняка прорвался на Обоянь» — это означало бы победу Гота.

С точки зрения немцев, Курская битва легко могла бы принять совершенно другой оборот. Манштейн, например, в разговоре с командирами соединений и частей в Харькове за четыре недели до наступления обсуждал вопрос, не лучше ли, принимая во внимание известные приготовления русских к наступлению немцев с севера и юга, отказаться от старой тактики на окружение и вместо этого ударить по курскому выступу в его самой слабой точке — то есть фронтально — и, осуществив вклинение, затем развернуться вправо и влево.

Старшие командиры Манштейна с энтузиазмом встретили предложение. Но очевидно, его отверг Генеральный штаб сухопутных войск. Сам Гитлер, который еще со времен кампании во Франции проникся огромным уважением к стратегическому таланту Манштейна, по-видимому, благосклонно относился к идее генерал-фельдмаршала. Об этом свидетельствует сердитое замечание, сделанное генералу Шмундту после сражения: «В последний раз я пошел на поводу у Генерального штаба». Шмундт тут же передал эти слова генерал-лейтенанту Бальку. Интересное заявление. Но оно ни в коем случае не меняет того факта, что только Гитлер несет ответственность за поражение под Курском. Именно он постоянно откладывал дату наступления.

Становится совершенно очевидной та степень, в которой исход любого сражения (не важно, насколько тщательно оно было спланировано) все-таки зависит от непредсказуемых вещей — интуиции командующего, его готовности принимать нетрадиционные решения, его выдержки в решающий момент, отваги солдат и, наконец, смелости командиров не подчиняться приказам.

И на первом месте стоит фактор, оказавшийся решающим для операции «Цитадель» с самого ее начала, — измена. В Курской битве она сыграла исключительную и драматичную роль. Тайна, которая и сейчас окружает предательство этого жизненно важного секрета, остается одной из самых волнующих загадок, все еще ожидающих своего решения.

Уже с весны 1942 года немецкая контрразведка обнаруживала множество свидетельств, что советское Верховное Главнокомандование постоянно получает точную информацию о наиболее тщательно охраняемых секретах относительно ведения войны Германией.

Советам становятся известны объем производства военной промышленности, количество и состав армий на Восточном фронте, новые виды вооружений и, главное, планы и намерения немецкого Верховного главнокомандования. Часть данных, разумеется, добывали партизаны и агенты в тыловых районах за немецкой линией фронта. Кроме них, вольно или невольно источниками информации для советской разведки становились дезертиры, противники нацистского режима, взятые в плен офицеры и другие чины. К этому нужно добавить умелую воздушную разведку. Важную и быструю информацию в тактической сфере давало также прослушивание немецких телефонных переговоров во время боевых действий и перехват радиogramм, передаваемых штабами и боевыми частями открытым текстом либо из-за нехватки времени, либо по неосмотрительности. Но всего этого было недостаточно, чтобы объяснить информированность советских лидеров о стратегических намерениях, планах и предпринимаемых в связи с ними шагах немецкого Верховного главнокомандования — информированность, которую генерал-полковник Франц Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных сил до осени 1942 года, в следующих словах описывал в 1955 году, давая показания в качестве свидетеля на судебном процессе: «Почти все наступательные немецкие операции становились известны противнику, как только Главное командование Вермахта заканчивало их разработку, даже до того, как планы ложились на мой стол; все это вследствие измены одного из сотрудников Генерального штаба сухопутных войск. Всю войну мы не могли пресечь утечку информации».

Объем информации, которую могла собрать даже небольшая агентурная сеть, прекрасно показывает следующий пример.

Летом 1942 года в Отвоке, пригороде Варшавы, в результате продолжительной работы засекли и захватили передатчик вражеских агентов. Были арестованы два бывших польских офицера, капитан Арзижевский и лейтенант Мейер, и несколько их основных помощников. Оба польских офицера десантировались с советского самолета летом 1941 года с передатчиком и 2500 долларами. Их задачей было создать агентурную сеть для сбора и передачи военной информации в Москву.

Капитан постоянно путешествовал по стране, собирая сведения, а лейтенант работал на ключе. Немецкая контрразведка обнаружила код и почти пять сотен переданных в Москву радиogramм. Когда их расшифровали, руководители немецкой службы безопасности потеряли дар речи. Объем секретной военной информации, которую эти два агента собрали в немецком тылу в течение года, потрясал. Донесения содержали полную картину боевого расписания летнего наступления 1942 года. И не только боевое расписание: назначенные цели, задействованные соединения, переброска корпусов и дивизий — все было указано абсолютно точно. Советскому Генеральному штабу не составляло трудностей определить направления главных ударов немецкого наступления только по донесениям этих двух польских агентов. Выгодная покупка за 2500 долларов.

Какие шаги предприняло немецкое Верховное главнокомандование после столь тревожного открытия? Наверное, инцидент в Отвоке должен был открыть глаза военным немецким руководителям на ту опасность, которую представляли агенты с пере-

датчиками — этот новый класс шпионов, появившихся во Вторую мировую войну? Наверное, они понимали, что варшавская шпионская организация не была единственной в своем роде? Сообщили ли специалисты о своих открытиях непосредственно в Ставку фюрера с тем, чтобы доложить о них Гитлеру и Верховному главнокомандованию? Нет.

Сам Адольф Гитлер никогда не видел полного доклада немецкой службы радиобезопасности о раскрытии варшавской шпионской организации. Генерал Эрнх Фельгибель, начальник управления радиосвязи Вермахта в Ставке фюрера, возвратил доклад в службу безопасности на том основании, что он слишком длинный, чтобы показывать его фюреру. Когда представили сокращенный вариант, его назвали «слишком пугающим»: фюрер, сказали, только расстроится, если его увидит.

Многочисленные агенты, которых Москва задолго до начала войны забросила и в Германию, и почти во все страны Европы, продолжали работать усердно, искусно и с поразительной дерзостью. Сети агентов с передатчиками, поддерживающие прямую связь с Москвой, Генеральным штабом Красной Армии, были повсюду: в Париже, Марселе, Бордо, Брюсселе, Гааге, Берлине, Берне, Женеве, Лозанне, Копенгагене, Осло, Бухаресте, Белграде, Софии, Афинах, Стамбуле и Каире.

В Брюсселе несколько таких передатчиков засекали зимой 1941 года, в Берлине и Париже — летом 1942-го. Расшифровка переданных донесений дала впечатляющую картину — Советы знали практически все государственные тайны и все военные планы всех кампаний.

В последующие годы немецкой радиоразведке удалось запеленговать и перехватить радиообмен между советскими агентами в Швейцарии и Москвой. Но сообщения были закодированы столь изобретательно, что многие из них оставались непочитанными до 1944 года.

Даже поверхностный анализ данных радиоперехвата показывает, что на всех фазах войны в России агенты советского Генерального штаба работали первоклассно. Часть переданной ими информации могла быть получена только из высших немецких военных кругов — такое впечатление, что советским агентам в Женеве и Лозанне диктовали на ключ прямо из Ставки фюрера.

9 ноября 1942 года, когда дивизии 6-й немецкой армии удерживали девять десятых Сталинграда, а советское Верховное Главнокомандование готовило на Дону свой контрудар, немецкая радиоразведка перехватила шифровку, в которой, как узнали после декодирования, говорилось следующее: «Доре. Где расположены немецкие тыловые оборонительные позиции на линии к юго-западу от Сталинграда и вдоль Дона? Начальник».

Несколько часов спустя поступил дополнительный вопрос: «Доре. Где сейчас находятся 11 и 18-я танковые дивизии и 25-я моторизованная дивизия, которые раньше действовали в районе Брянска? Начальник».

Отправитель этих запросов, «Начальник», был руководителем военной разведки в Москве. Получатель — шеф советской агентурной сети в Швейцарии, известный под кодовым именем «Дора».

26 ноября, когда советские танковые корпуса уже замкнули железное кольцо вокруг Сталинграда и 6-й армии, «Начальник» сигнализировал «Доре»: «Сообщите о конкретных шагах, планируемых Генеральным штабом сухопутных войск в связи с наступлением Красной Армии у Сталинграда».

Эта радиограмма особенно интересна. Советское командование, по всей видимости, не было абсолютно уверено в своем фантастическом успехе по окружению целой немецкой армии. Не опасались ли они, случаем, что попали в немецкую ловушку? Нуждались в подтверждениях?

2 декабря «Начальник» из Москвы инструктировал свое отделение в Швейцарии: «Важнейшая задача на ближайшее будущее — как можно точнее установить все немецкие резервы в тылу Восточного фронта».

В Рождество 1942 года он затребовал: «Вертер должен конкретно выяснить, сколько в целом дивизий подготовки пополнений будет сформировано из повобранцев к 1 января. Ответить срочно».

В этом сообщении впервые появляется самое загадочное имя советской разведки в Германии — «Вертер». 16 января 1943 года «Вертер» снова упоминается в радиограмме: «Доре. Безотлагательно и в первую очередь отсылайте информацию Люси и Вертера о Кавказском фронте, Восточном фронте, а также об отправке новых дивизий на Восточный фронт. Последние сведения Вертера были исключительно ценными. Начальник».

Когда немецкие специалисты расшифровывали эти радиограммы, об именах, в них фигурирующих, было мало что известно. Сегодня мы знаем почти все.

«Дора» — кодовое имя руководителя советской разведывательной сети в Швейцарии Александра Радо, советского агента венгерского происхождения. В его группу входили предавшие коммунисты, отменно подготовленные профессиональные разведчики. Среди них эмигрировавший из Германии Рудольф Рёсслер, чье кодовое имя было «Люси». Рёсслер являлся настоящим асом советской военной разведки против Германии, сопоставимым с советской звездой шпионажа доктором Зорге, работавшим в посольстве Германии в Токио до зимы 1941 года и постоянно снабжавшим Сталина ценнейшей информацией. Рёсслер родился в Кауфбойрене в 1897 году. С 1930 года он работал в Берлине управляющим издательства и сотрудничал с религиозными, либеральными и коммунистическими организациями. Имел тесные контакты с интеллектуальными кругами левого толка, включая Шульце-Бойзена, в то время лидера прокоммунистически настроенных студентов и впоследствии руководителя центра «Красная капелла» в Берлине. Рёсслер также поддерживал дружеские отношения с национал-большевистскими группами, и члены кружка Эрнста Никиша входили в список его авторов.

Один из друзей Рёсслера, студент из Швейцарии, как выяснилось позже, уже тогда работал на швейцарскую разведку. Его звали Ксавер Шнипер — с этим именем мы еще встретимся.

В 1934 году Рёсслер эмигрировал в Швейцарию. В Люцерне он основал издательство «Вита Нова», выпускающее книги по теологии, философии и гуманитарным наукам. До начала войны Рёсслер не проявлял активности в качестве разведчика. Совершенно очевидно, что он намеренно держался в тени. Его час пробил, когда война разразилась. Теперь он запустил тщательно подготовленную машину в действие. В Германии он открыл источники, на подготовку которых он потратил столько времени. Лучший источник Рёсслера был прямо в Генеральном штабе сухопутных войск. Его главного агента звали «Вертер».

Кем был этот человек, скрывавшийся под именем трагического персонажа Гёте, удостоенный отдельной похвалы в радиограмме из Москвы от 16 января 1943 года?

«Вертер» — самый таинственный человек советской военной разведки в руководстве Германии. Он поставлял сверхсекретную информацию, которая исходила непосредственно от Главного командования Вермахта и из Ставки фюрера — информацию, доступную только посвященным.

Когда Москве требовались сведения особой важности, какие-то конкретные секреты высшего руководства в радиogramмах зывали к «Вертеру». «Вертер» должен сделать то, «Вертер» должен сделать это. Всегда «Вертер».

16 февраля 1943 года «Начальник» приказывал «Доре»: «Безотлагательно выясните у Вертера через Люси, эвакуируются ли Вязьма и Ржев». И 22 февраля: «Немедленно получите от Вертера планы Генерального штаба сухопутных войск относительно задач группы армий Кюлоге».

И каков был ответ? «Вертер» предоставил нужные сведения. Так кто же «Вертер»?

В начале марта армии группы «Центр» начали стратегическое сосредоточение для наступления на Курской дуге. Десять дивизий было переброшено в район Орла в расположение 2-й танковой армии. Эти перемещения, вместе с другими, необходимыми для наступления, поставили перед немецким Верховным главнокомандованием серьезные транспортные проблемы. В течение восемнадцати дней к местам назначения нужно было доставить в целом 320 железнодорожных составов. Весь план зависел от четкой работы транспорта. Это было ахиллесовой пятой операции «Цитадель». И русским сразу стали известны все детали.

Полковник Генерального штаба Герман Теске, впоследствии генерал транспортных войск, самый информированный в этой области человек, констатирует в своем эссе: «Русские, судя по всему, узнали о немецких планах стратегического сосредоточения на самой ранней стадии, потому что обе линии передислокации уже с середины марта подвергались постоянным значительным ударам. Поскольку для этих операций противник неизменно привлекал самые эффективные средства атаки, следует полагать, что их использование регулировалось высшим стратегическим командованием».

Другими словами, советское Верховное Главнокомандование располагало настолько точной, надежной и детальной информацией относительно передислокации немцев при подготовке к «Цитадели», что имело возможность направлять контршаги на стратегическом уровне. Лишь исключительный дар импровизации, продемонстрированный немецкими инженерно-железнодорожниками, не позволил опасно дезорганизовать передвижение воинских частей и техники. Но даже при этих условиях дела обстояли скверно.

15 апреля 1943 года Гитлер подписал боевой приказ № 6 для «Цитадели», и в нем начало наступления назначалось на 3 мая. Пять дней спустя, 20 апреля, «Дора» сообщила «Начальнику»: «Дата наступления под Курском, первоначально назначенная на первую неделю мая, отложена». И 29 апреля «Дора» добавила: «Новый день “Д” немецкого наступления — 12 июня».

Это сообщение было верным. Оно содержало одну из самых охраняемых тайн немецкого Вермахта, тайну, известную лишь десятку людей. 7 мая 1943 года «Начальник» проинструктировал «Дору»: «Узнайте у Вертера через Люси все детали планов и целей Генерального штаба сухопутных войск и срочно доложите». Ответ от «Доры» пришел уже 9 мая, длинное сообщение содержало более 120 кодированных групп: «Дора — Начальнику. От Вертера... Главное командование Вермахта уверено, что...» И далее —

масса информации о соображениях Главного командования сухопутных войск: их мысли по поводу Кубанского плацдарма, планы обороны Новороссийска и многие другие замыслы строжайшей секретности.

13 мая Москва получила следующее предупреждение: «Дора — Начальнику. От Вертера: немецкая разведка обнаружила сосредоточение советских войск в районах Курска, Вязьмы, Великие Луки».

30 мая Москва запросила точные данные о немецких наступательных планах: «Начальник — Доре. Срочно дайте задание Люси и Вертеру выяснить следующее: (1) Конкретно на каком участке южного сектора Восточного фронта немцы начнут наступление? (2) Какими силами и в каком направлении будет наноситься главный удар? (3) На каких других участках Восточного фронта немцы планируют наступательные операции?»

Пять дней спустя, 4 июня, за четыре недели до начала немецкого наступления на курском выступе, в радиোগрамме «Доре» давались распоряжения сосредоточить внимание всех агентов на своевременном информировании о дате, планах и целях наступления немцев под Курском.

10 июня молниеносный ответ от «Дорь» содержал детальную информацию о приказах Манштейна от 28 мая моторизованным соединениям 4-й танковой армии.

12 июня, до того как первый немецкий солдат увидел новый сказочный танк, который, как надеялся Гитлер, определит исход «Цитадели», «Начальник» уже знал о существовании «Пантеры»: «Начальник — Доре. Дайте задание Люси и другим агентам собрать все данные о тяжелом танке «Пантера». Важнейшие моменты: конструкция танка и технические характеристики, толщина брони. Оснащен ли огнеметами и установкой для дымовой завесы? Местоположение заводов, производящих этот танк. Объем производства в месяц?»

Ошарашивает уже дерзость вопросов. Они охватывают альфу и омегу военной тайны. Ответ «Доры» не был перехвачен, но нет сомнений, что он был полным и исчерпывающим.

Если сегодня просмолреть расшифрованные сообщения, переданные на частотах секретного швейцарского передатчика за недели, предшествующие «Цитадели», то уже почувствуешь значительность операции. А ведь немецкая служба безопасности перехватила лишь часть сообщений. Однако этого достаточно, чтобы понять, насколько превосходно работали агенты московского «Начальника».

Ему сообщили о составе немецких наступательных группировок в обоих пунктах прорыва фронта «Цитадели». Ему сообщили точное количество немецких танковых дивизий и их боевой состав. Ему сообщили план, участки главных ударов и первые боевые цели — Обоянь и Малоархангельск. Разумеется, целью считали совпадением, что именно эти два объекта оказались так мощно укреплены, что успешно противостояли атакам немецких войск.

«Начальник» в Москве знал содержание разговоров высших руководителей Главного командования Вермахта, ближайшего окружения Гитлера и Генерального штаба сухопутных войск.

Среди документов, попавших в распоряжение немцев, нет радиোগраммы с последней датой начала наступления «Цитадели». Сообщение о секретном совещании в Ставке фюрера 1 июля тоже отсутствует. Однако советские источники подтверждают, что эта информация тоже была получена Москвой.

Кто же тот человек, который ее предоставил? Больше двадцати лет продолжается охота на «Вертера». Но пока никому не удалось напасть на его след.

Сегодня известны все великие разведчики Второй мировой войны. Доктор Зорге, работавший на Сталина в Токио, 7 ноября 1964 года, в двадцатую годовщину его казни, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. «Цинеро», человек Гимmlера в Анкаре, продававший полномочному представителю Гимmlера сфотографированные сверхсекретные документы, которые господин Хуге Кнатчбулл-Хугессен, посол Великобритании, хранил в своем сейфе. «Коро» — лейтенант Шульце-Бойзен, работавший на Москву в Берлине. Француженка — агент, скрывавшийся под именем «Кошка». «Кент» и «Жильбер» — главные агенты Москвы в Париже и Брюсселе. «Дора», «Сиси», «Люси», «Пакбо» и «Джим» — опора «Красной капеллы» в Швейцарии.

Только личность «Вертера» остается нераскрытой и по сей день. И тем не менее он, конечно, был одним из самых важных агентов, чьи сведения помогли решить исход войны.

Зорге выиграл битву за Москву, как теперь признают сами русские. «Вертер» существенно повлиял на то, как повернулась Курская битва, сражение, которое стало поворотным пунктом всей войны.

Каким был человек, который делал свое отчаянно рискованное дело прямо в логове льва, в Ставке фюрера, и для этого дела взял имя трагического героя немецкой литературы? Вертер как литературный герой символически воплощал пережитое самим Гёте в Ветцларе, его безнадежную любовь к Шарлотте Буфф, невесте Кристиана Кестнера. История его более современного тезки, который играл свою драматическую роль 150 лет спустя на сцене штаба фюрера, напротив, еще ждет своего автора.

Как и в случаях со многими другими разведчиками, начало деятельности «Вертера» нельзя определить с абсолютной точностью. Не известно даже, когда это имя впервые упоминается как источник в радиограммах, передаваемых из Швейцарии в Москву. Что известно наверняка, так это то, что он начал действовать летом 1942 года.

Примерно в то время, когда немецкая контрразведка в Берлине обложила советскую агентурную сеть «Красная капелла», «Коро», лейтенанта Люфтваффе Харро Шульце-Бойзена, захватила служба радиобезопасности. Его великолепная организация с контактами в нескольких министерствах и военных ведомствах была уничтожена. Москва потеряла одного из своих лучших, самых надежных и самых фанатичных агентов.

Но уже через несколько недель брешь была закрыта. «Коро» заменил «Вертер». И «Вертер» информировал даже лучше и быстрее, чем «Коро». Александр Радо пересылал его сведения в первую очередь. На ключе в Женеве работала Рашель Дубендорфер, она же «Сиси». Связь между швейцарским центром и «Вертером» осуществлял, однако, Рудольф Рёсслер, он же «Люси», немецкий эмигрант и издатель гуманитарных брошюр в Люцерне.

Приглядимся к этому связному «Вертера». В октябре 1943 года швейцарская полиция захватила секретный передатчик Радо, после многих лет бесперебойной работы. Сам Радо исчез. Он укрылся среди швейцарских коммунистов, в месте, специально подготовленном для подобных обстоятельств.

Заместитель Радо, Александр Фуг, подданный Британии, продолжил работу, но через несколько недель сам был схвачен на месте преступления у своего радиопередатчика. Вскоре Рашель Дубендорфер и, наконец, примерно в середине мая 1944 года Рудольф Рёсслер тоже попали в руки полиции.

Однако агенты Москвы недолго содержались под арестом. Одного за другим их освободили. И только когда война закончилась, швейцарский военный суд судил их за «шпионаж в пользу иностранного государства». Радо, его жепу и Фута заочно приговорили к тюремному заключению на сроки от двенадцати месяцев до трех лет. Связные и радисты отделались короткими сроками лишения свободы и штрафами.

Но одно имя вообще не фигурировало в обвинительных заключениях — имя Рудольфа Рёсслера. Швейцарский Генеральный штаб письменно засвидетельствовал, что во время войны Рёсслер сотрудничал со швейцарской службой безопасности и оказал ценные услуги. Военный суд на этой основе объявил, что снимает с него обвинения.

Этот вердикт швейцарского дивизионного суда от 23 октября 1945 года, следовательно, устанавливает, что Рудольф Рёсслер был двойным агентом. Человек, руководивший «Вертером», одновременно работал и на швейцарскую, и на советскую разведки.

Этот факт подтверждается также еще в одном швейцарском документе — приговоре суда 1953 года, в котором шпион Рёсслер снова оказывается главным обвиняемым. Как леопард не может изменить своих пятен, так Рёсслер, очевидно, не мог перестать шпионить. После войны он опять работал на Восточный блок, на этот раз на разведку Чехословакии. Он поставлял отличную информацию о военных секретах Федеративной Республики Германии, предполагаемой структуре будущей немецкой армии, вооружении размещенных в Западной Германии формирований США, результатах маневров, моделях реактивных бомбардировщиков и военных базах на полуострове Ютландия. Короче, те самые военные секреты, которые он во время войны собирал в немецких военных источниках. За шесть лет, с 1947 по 1953 год, Рёсслер представил 160 донесений, примерно по 20 страниц каждое. За эту работу он получил гонорар в 48 000 швейцарских франков плюс издержки.

Он споткнулся в 1953 году, когда что-то пошло не так с его диюссельдорфским адресом прикрытия. Рёсслер обычно отправлял свои донесения «Джозефу Рудольфу, Липпенштрассе, 10б». Но одна посылка, которую по какой-то причине не смогли доставить, была возвращена ее фиктивному отправителю «Джозефу Шварцу, Цюрих». Швейцарское почтовое ведомство не обнаружило Джозефа Шварца и вскрыло посылку. В банке меда они нашли микрофильмы с пугающей военной информацией.

На этот раз Рёсслеру не помогла работа на швейцарскую разведку во время войны. Его судили за шпионаж в пользу иностранного государства и приговорили к двенадцати месяцам лишения свободы. Он отбыл срок. Прожил еще несколько лет и умер в 1958 году. Его похоронили на деревенском кладбище Криенса в кантоне Люцерн.

Официальное обвинение, выдвинутое швейцарским прокурором против Рёсслера и его друга Ксавера Шнипера 14 июля 1953 года, содержит следующее краткое описание карьеры Рёсслера в качестве шпиона: «Весной 1939 года Шнипер познакомился с офицером швейцарской разведки, майором Хаусманом. Осенью того же года Шнипер склонил Рёсслера собирать для него информацию. Как посредник Рёсслер впоследствии, до 1944 года, снабжал майора Хаусмана информацией чрезвычайной ценности для швейцарской разведки. С осени 1942 года Рёсслер пересылал значительную часть своих сведений, представлявших особый интерес для союзников, другу в Женеве, который, в свою очередь, передавал ее Рашель Дубендорфер для русской разведки. Русская агентурная сеть, действовавшая тогда в Западной Европе и располагавшая большим количеством передатчиков, с тех пор стала известна под названием «Русская капелла». В этой орга-

низации Рёсслер носил кодовое имя «Люси». Зимой 1943—1944 годов полиция захватила русские передатчики, работавшие в Женеве и Лозанне. Против членов организации было возбуждено уголовное дело по обвинению в шпионаже, наносившем ущерб иностранным государствам. В число обвиняемых входил Рёсслер, который находился под стражей с 9 мая до 6 сентября 1944 года. 23 октября 1945 года дивизионный суд «2В» признал его виновным в систематической шпионской деятельности против иностранных государств, но на основании статьи 20 Уголовного кодекса объявил невиновным. Так и не установлено, от кого Рёсслер получал в то время информацию и каким образом она передавалась. Однако поставщиком информации он, безусловно, был выдающимся».

Такая оценка швейцарского прокурора, без сомнения, справедлива. Однако важность двух моментов он в своем докладе преуменьшил: Рёсслер приехал в Швейцарию не как безобидный эмигрант, а как хорошо подготовленный советский агент, создавший в Германии важную агентурную сеть для дня «Д», то есть на случай войны. Чтобы иметь как можно меньше проблем с организациями швейцарской контрразведки, он, когда война разразилась, вошел в контакт и с ними. Таким образом Рёсслер стал двойным агентом, однако его главной работой являлась служба советской разведке. Мастерство Рёсслера подтверждает тот факт, что он не только был информатором швейцарской разведки, но и имел также самый прямой выход на отделы по сбору информации швейцарской секретной службы, отделы, в которых для швейцарского Генерального штаба собиралась и анализировалась вся секретная информация о Германии.

Таким образом, Рёсслер не только располагал информацией, поступающей к нему от собственной сети в Германии, но и имел доступ к секретным материалам, которые шли из Германии по швейцарским тайным каналам в Бюро Ха Секции V швейцарского Генерального штаба. Русские в результате оказались в выигрыше. Советская агентурная сеть в Швейцарии стоила 30 000 долларов в месяц. Но за эти 30 000 долларов «Начальник» в Москве получал не только материалы, собранные его собственной коммунистической организацией. Благодаря Рёсслеру эта сумма включала своего рода подписку на всю важную информацию, которую швейцарская секретная служба получала о Германии за свой счет и от собственных отличных агентов. Поистине уникальное достижение в истории шпионажа.

Вот два документа, неоспоримо доказывающие, что Рёсслер действительно передавал Москве материалы из швейцарских источников. 17 апреля 1943 года Александр Радо отправил в Москву донесение с подробными данными о количественном составе немецких армий на Востоке. Наиболее важные фрагменты шифровки звучали так: «Дора — Начальнику. Результаты всеобщей мобилизации в ряды Вермахта с 1 января 1943 года: увеличение количества годных к строевой службе за счет нового призыва — 286 000. Плюс... (несколько слов искажены) 290 000. Плюс за счет перевода из других частей Вермахта и добровольцев — более 95 000 человек. Получивших отсрочку от призыва на данный момент — еще 57 000 молодых добровольцев. Из учебных соединений некоторые стрелковые батальоны и батальоны самообороны годных для гарнизонной службы или только к нестроевой переведены в Люфтваффе и организацию Тодта. Среднее увеличение личного состава годных к действительной военной службе, военнослужащих, выпущенных из госпиталей, и т. д. — только 190 000 человек».

Счастливым стечением обстоятельств позволяет нам доказать, что эти важные сведения Радо позаимствовал в швейцарской секретной службе. 14 апреля 1943 года, за три дня до того, как он отправил свою шифровку, майор Хаусман передал в швейцарский Генеральный штаб секретную докладную записку № 623 следующего содержания: «Результаты тотальной мобилизации в немецкий Вермахт с 1 января 1943 года. (1) Армия: увеличение численности личного состава за счет годных к строевой новобранцев: 286 000 человек. Еще примерно 290 000 человек, подлежащих призыву с апреля по июнь, получили отсрочку. Увеличение численности годных к строевой за счет специального добровольного набора: 108 000. Увеличение личного состава годных к гарнизонной службе и только к нестроевой за счет специального добровольного набора: 62 000. Увеличение за счет перевода из других родов войск Вермахта и набора призывников военного времени и несовершеннолетних: более 95 000; еще 57 000 (призывники военного времени) получили отсрочку. Подразделения годных к гарнизонной службе или только к нестроевой переводились и переводятся в массовом масштабе из учебных соединений в формирования, непосредственно не участвующие в боевых действиях, такие, например, как местная оборона и строительные части Люфтваффе и организацию Тодта. Среднее увеличение годных к действительной военной службе, военнослужащих, выписанных из госпиталей и т. д. — только 190 000 за первые три месяца текущего года...»

Это донесение лишь одно из примерно 25 000, которые Бюро Хаусмана (кодовое название «Бюро Ха») представило швейцарскому главнокомандованию в течение войны. С 1963 года оно хранится в немецком Военном архиве в Кобленце под грифом «секретно». Сборник шифров, который мог бы раскрыть агентов, недоступен.

Эти документы свидетельствуют о высокой степени насыщенности руководства Третьего рейха иностранными агентами. Немецкие военные структуры и министерства буквально кишели шпионами. Пока Гестапо и СД, Служба безопасности, следили за народом, выискивая политических оппозиционеров, недовольных и пораженцев, пока Народный суд Фрайслера в огромных количествах выносил смертные приговоры за второразрядные и третьеразрядные проступки, по-настоящему опасные и беспощадные собиратели информации на высоких военных и политических постах оставались незамеченными и нераскрытыми.

Кто они? Что заставляло их работать на швейцарскую разведку и на Москву?

Задолго до войны майор Хаусман создал в Германии секретную организацию для информирования швейцарского Генерального штаба о ходе военных событий, о замыслах и целях руководства национал-социалистов. За счет вербовки сотрудников в военном командовании была организована прекрасно замаскированная сеть информаторов.

Когда война началась, эта организация поставляла исключительно ценный материал. Информация доставлялась в Швейцарию частично курьерами из Берлина, Кельна и Мюнхена (в большинстве случаев эти люди пересекали границу нелегально), частично в дипломатическом багаже. Кроме того, зачастую путешествующие коммерсанты по разным причинам предоставляли себя в распоряжение агентов.

Благодаря поразительной споровке особенно важные сведения шли в Швейцарию, в Бюро Хаусмана, прямо из Ставки фюрера или с его берлинского ретрансляционного передатчика. Таким образом, например, в последнюю неделю марта 1940 года швейцарскому высшему командованию стала известна дата нападения немцев на Норвегию и Данию, причем точный день и час.

Швейцарский Генеральный штаб и Федеральное собрание решили поделиться этой информацией с Уинстоном Черчиллем, тогда военно-морским министром. Он получил ее 30 марта и 3 апреля представил на рассмотрение Военного кабинета в Лондоне. Там сенсационное известие, как и другие донесения из Швейцарии, расценили как фантастическое. Премьер-министр Чемберлен отказался рассматривать его всерьез. Сотню часов спустя немецкие войска оккупировали Данию и Норвегию.

Это классический пример того, как прекрасная работа агентов оказывается бессмысленной, если их информация неправильно расценивается штабами. По этой причине получатель любого разведывательного донесения всегда желает знать источник, из которого оно исходит, чтобы оценить, надежна информация или нет.

Весь разведывательный материал Бюро Хаусмана теперь хранится засекреченным в Военном архиве Кобленца в форме 771 35-мм фильма по 36 кадров каждый. Господин Хаусман передал эти ценные материалы в архив для военных исследований, но оговорил в контракте, что ни один документ не может быть опубликован без его специального разрешения.

Документы представляют собой непрерывный ряд ежедневных докладов Хаусмана на швейцарскому Генеральному штабу с 31 августа 1939 года по 30 апреля 1945 года. После просмотра фильмов не остается ни малейших сомнений, что информаторы майора Хаусмана работали в высших немецких военных структурах и что он имел сотрудников даже в ближайшем окружении Гитлера.

Особый интерес представляют донесения, которые Хаусман получал из отделов Генерального штаба вооруженных сил и командующего армией резерва. Это текущие отчеты о военных операциях во Франции и Италии, действиях Люфтваффе и новости экономики. Передвижение войск, ситуация в немецких резервных частях, детали содержания специальных учебных курсов и районах учений — все это было его ежедневным хлебом. Списки убитых в боях и общие потери Хаусман передавал швейцарскому главнокомандованию практически каждый день и в мельчайших деталях.

Хаусман, кроме того, получал информацию из ближайшего окружения рейсхфюрера СС. Другой его информатор, судя по всему, занимал ключевую позицию в немецком Министерстве иностранных дел, поскольку фрагменты и даже фотографии подлинных секретных меморандумов, представленных Гитлеру для ознакомления или подписания Гевелом, чиновником по связям с Министерством иностранных дел в Ставке фюрера, тоже присутствуют в архивах Хаусмана.

Важные директивы немецкого Министерства иностранных дел доставлялись Хаусману из немецких посольств в Берне и Стокгольме.

Таким образом, швейцарский Генеральный штаб и Федеральное собрание были более чем хорошо информированы о сверхсекретных военных и экономических условиях в Германии. Учитывая нейтралитет Швейцарии, это не такая уж трагедия — если бы Рудольф Рёсслер не передавал эти разведывательные жемчужины «Начальнику» в Москве.

Понятно, что немецкая контрразведка делала все, что могла, чтобы выследить загадочных поставщиков сообщений с того момента, как расшифрованные радиogramмы от Александра Радо, в которых в качестве источника упоминался «Вертер», впервые попали на стол немецких специалистов радиобезопасности.

Первый вопрос, который задавали себе немецкие охотники за шпионами: как сведения попадают в Швейцарию?

В конце марта 1942 года Отдел внешней контрразведки получил информацию, что швейцарский консул в Кельне часто выезжает в Швейцарию. И не только часто, но и очень неожиданно. Он нередко отменяет уже назначенные встречи и собрания, потому что через несколько часов должен попасть на поезд Кельн—Базель. Дипломат путешествовал в курьерском купе, и его багаж, как правило, состоял из черного портфеля.

29 марта была совершена попытка незаметно взглянуть на содержимое этого портфеля. Она, однако, окончилась ничем, поскольку путешественник был исключительно бдителен. Сотрудникам службы безопасности удалось лишь сфотографировать портфель снаружи.

По этой фотографии была изготовлена точная копия портфеля. Во время следующей поездки консула была совершена попытка поменять портфели. Когда консул проходил через контрольный барьер на платформе, его прижали пять очень торопливых «отъезжающих». Один из них так сильно толкнул его сзади, что заставил выронить портфель.

Другой «отъезжающий» уже был готов с вежливым поклоном подать ему замену. Но и этот план сорвался, потому что консул, в традициях британских дипломатов, для надежности тонкой цепью пристегнул портфель к запястью.

Возможно, это совпадение — но очень подозрительное совпадение, — что 31 марта 1942 года, то есть уже через два дня после первого выступления немецкой контрразведки против дипломатического портфеля, майор Хаусман представил своему генералу доклад о последних директивах Ставки фюрера по поводу планируемого летнего наступления 1942 года. Доклад начинается следующими словами: «Ставка Гитлера издала приказы...» Затем идет точное описание направлений передислокации немецких армейских резервов.

Хаусман продолжает: «Немецкое руководство приняло решение немедленно ввести в бой основную часть находящихся в Центральной России армейских соединений, не дожидаясь завершения стратегического сосредоточения на Украине. Существуют веские причины для подобного решения, и самая существенная — необходимость укрепить передовые позиции от Новгорода до Курска... до начала немецкого наступления под Харьковом и в излучине Дона. Одновременно с этой операцией, решение о которой уже окончательно принято немецким Генеральным штабом сухопутных войск, немецкое руководство намеревается... сковать как можно больше сухопутных и воздушных сил русских на большой дуге западнее Москвы (от Калининграда до Калуги) — смотрите также другие доклады по этому вопросу».

Это краткая сущность оперативного плана немецкого летнего наступления в 1942 году, плана, который еще находился в стадии разработки. Чтобы осознать значение этого доклада, необходимо помнить, что, согласно журналу Генерального штаба сухопутных войск, планы стратегического сосредоточения для летнего наступления впервые обсуждались всего за три дня до этого доклада, 28 марта 1942 года, на секретном совещании в Ставке фюрера. Насколько секретным было это совещание, явствует из доклада генерала Варлимонта, заместителя начальника Генерального штаба сухопутных войск по оперативным вопросам. Он пишет: «На специальном совещании в Ставке во второй половине дня 28 марта, на которое из соображений безопасности был вызван только узкий круг высших офицеров из Генеральных штабов Вермахта, сухопутных войск и Главного штаба Люфтваффе, начальник Генерального штаба сухопутных войск сделал подробный док-

лад о планируемых стратегических сосредоточениях сил для летней кампании в соответствии с данными ему устными указаниями».

Варлимонт делает следующее заключение: «Москва на тот момент полностью исключалась из списка целей наступления — вопреки записи в дневнике Геббельса». Это ссылка на отдельную запись, сделанную Геббельсом в своем дневнике 20 марта. В ней Москва фигурирует как цель летнего наступления. Политический паперсник Гитлера, таким образом, был информирован много хуже, чем швейцарский Генеральный штаб и, благодаря Рёсслеру, советское Верховное Главнокомандование.

Сия история настолько ошеломительна, что в нее было бы невозможно поверить, если бы не свидетельства бесспорно подлинных документов. 28 марта, во второй половине дня, в Ставке фюрера состоялось секретное совещание. Через три дня резюме разговора ложится на стол генерала Гвисана в Берне. И еще через двадцать четыре часа, 1 апреля, Рашель Дубендорфер отстукивает на своем тайном передатчике в Женеве: «Дора — Начальнику: первые распоряжения на немецкое летнее наступление...»

Интересно, что в этой шифровке в качестве источника информации фигурирует не «Вертер», в ней указывается «от Тедди». И «Тедди» — имя прикрытия швейцарского информатора в немецком Главном командовании сухопутных войск. Это наводит на мысль, что доклады из швейцарского источника в Ставке фюрера не совпадали с информацией «Вертера». Другими словами, в интенсивно охраняемом «Вольфшанце» Гитлера был не один шпион.

Немецкие сотрудники радиобезопасности впервые заподозрили это еще в 1944 году. Было расшифровано более 1000 перехваченных сообщений, которыми обменивались «Начальник» и его агенты. Личность «Начальника» была известна. «Кенга» и «Жильбера», руководителей разведки во Франции и Бельгии, окружили. Установили личности «Доры» и «Люси», а также имена их радистов и связных.

Но ничего не удавалось выяснить об информаторах, которые были внутри Ставки Гитлера, в Генеральном штабе Вермахта и Генеральном штабе сухопутных войск.

Отряды слежения ближнего радиуса из специальной радиочасти полиции Вермахта, которая обычно занималась мониторингом переговоров в эфире за линией фронта, в обстановке строжайшей секретности расположились в районе Ставки фюрера и Генерального штаба сухопутных войск в лесу Мауервальд около Растенбурга. Но не обнаружили даже следов нелегального радиосообщения.

Специальные отряды радиоперехвата на коротких волнах неделями непрерывно контролировали Ставку фюрера. Ничего. Никаких подозрительных радиопереговоров.

Однако перехваченные шифровки доказывали, что как минимум часть информации доходила из Восточной Пруссии до Женевы за считанные часы. Это было возможно только по радио, поскольку телефонные линии уже давно прослушивались самым тщательным образом.

Это просто должно было быть радио. Но никаких нелегальных выходов в эфир не отследили. Не кажется ли неизбежным вывод, что утечка происходила по легальным радиоканалам? Что, если информация шла с обычных передатчиков Ставки фюрера, передатчиков, которые передавали приказы армейским группам и армиям? Или непосредственно из Растенбурга, или из Берлина с ретрансляционного передатчика.

Радисты там получали указания по поводу частоты и уже зашифрованные тексты. Что они отстукивали и куда это шло — им было не известно. Что, если кто-то поручал

радиисту отправить зашифрованное сообщение на частоте, которую Рёсслер или Хаусман прослушивали в Швейцарии? Однако это подозрение отвергли как абсурдное. Правда, оно было бы самым простым решением, однако казалось абсолютно невероятным. Оно предполагало, например, что этим занимался очень высокопоставленный офицер связи Генерального штаба вооруженных сил, что Рёсслер знал шифр и что в процесс был также вовлечен старший штабной офицер в штабе армии или группы армий. Дело в том, что отправленные шифровки все регистрировались и указывался получатель; в случае проверки старший офицер (либо начальник оперативного отдела, либо другой офицер подобного ранга) должен был бы подтвердить получение. Это казалось невозможным.

Так уж и невозможно? И другого объяснения нет.

Только таким способом, самым незамысловатым и в то же время самым хитроумным, мог Рёсслер, он же «Люси», получать срочную информацию из Ставки фюрера и Генерального штаба сухопутных войск.

Это было достаточно просто. Определенная частота прослушивалась в Швейцарии в определенные часы; те самые часы, в которые выходили на связь из Ставки или Берлина. Если сообщение содержало позывной WRTR, они знали, что оно предназначается для швейцарских ушей, и записывали его.

Но ведь время от времени код меняли? Конечно, но код можно передать через курьера. Все было возможно — если начальник Управления связи Вермахта в Генеральном штабе сухопутных войск или один из его высших офицеров входили в команду «Вертера».

А сам «Вертер»? Может быть, он вообще не человек? Может, это имя — лишь вывеска, за которой скрывался генеральский заговор в Ставке фюрера, тайная организация, которая из политической вражды поставляла военные секреты Гитлера швейцарскому агенту Рёсслеру? В этом случае организация «Вертер» была бы совсем не советским агентом, а источником швейцарской разведки, который даже не знал, что его информация передавалась Сталину. Это теория часто муссируется в последние годы. Похоже, такое объяснение вполне устраивает немецкую публику.

Однако существует весьма показательный способ убедиться в обратном. Если информация «Вертера», переданная «Люси» «Начальнику», идентична швейцарским материалам, полученным от немецкого высшего командования, то майор Хаусман должен располагать столь же подробными и точными сведениями о Курской битве, как «Люси» и через него Кремль.

Так ли было на самом деле? 25 июня Хаусман в секретной записке № 1027 доложил о стратегическом сосредоточении 4-й танковой армии на Южном фронте курского выступа. Но его записка удивительно расплывчата. В ней нет ни даты наступления, ни его целей. Вместо этого подробно излагаются фиктивные приказы Гитлера, касающиеся генерала Йодля. Уже 8 июля в записке Хаусмана № 1105 все еще высказывается мнение, что сражение на курском выступе совсем не немецкое наступление, а результат советского наступления.

Шифровки Рёсслера «Начальнику», безусловно, не могли основываться на этой информации; его сведения были настолько точны, что Никита Хрущев, тогда член Военного совета в звании генерал-лейтенанта, вместе с генералом армии Ватутиным лично прибыли в штаб Воронежского фронта 2 июля 1943 года, чтобы проинформировать

о дате немецкого наступления. Вывод неизбежен — как минимум, это чрезвычайно важное послание от «Вертера» не являлось вторым экземпляром. Оно было оригиналом — только для Москвы!

Не будет ли резонным заключить, что «Вертер» был советским агентом, и исключительно советским? Настолько исключительно, что даже Рёсслер не осмеливался предоставлять его сведения швейцарцам. Это, кстати, был логичный шаг, поскольку советская разведка осмотрительно не делилась информацией от своих агентов даже с собственными союзниками.

Русский агент «Вертер», по всей вероятности, был человеком, пользующимся доверием Москвы. Может быть, подобным Сведе Венперсторму, который, будучи майором шведских вооруженных сил, пятнадцать лет работал на советскую разведку и тайно имел чин русского генерала. Лишь по случайности его задержали 20 июня 1963 года, как раз тогда, когда он надеялся ускользнуть из страны.

«Вертер», напротив, до сих пор не разоблачен. Наслаждается ли он и сейчас плодами своей измены в каком-нибудь уголке земного шара? Ждет ли он новой работы? Или возможно, еще работает?

Кодовые имена агентов советской разведки никогда не бывают случайными или бессмысленными. Они всегда имеют какое-то отношение к самому агенту. «Дора» — измененное прочтение Радо. «Пакбо», имя прикрытия источника Радо по вопросам политической оппозиции Гитлеру и Муссолини, составлено из имен швейцарского журналиста Отто Пюндера и его итальянских сотрудников. «Тэйлор», фигурирующий в шифровках Радо в качестве источника экономических сведений, — английский перевод фамилии немецкого агента Шнайдера. «Люси», кодовое имя Рёсслера, — производное от места его проживания, Люцерны. «Сиси» звали Рашель Дубендорфер, когда она была маленькой.

Как же тогда с «Вертером»? Может быть, имя указывает на его литературные интересы или какую-то его научную работу по творчеству Гёте? Или это своего рода фонетическая калька русского слова *вертеп*, которое значит — логово разбойников и, согласно одной теории, символизирует Ставку фюрера?

Или нужно согласиться с другой теорией, в наше время разделяемой большинством, по которой «Вертер» был собирательным именем многих информаторов, чьи отдельные донесения Рёсслер соединял и отправлял со ссылкой на «Вертера»? Такое объяснение заманчиво по разным соображениям. Форма и содержание многих депеш «Вертера», казалось бы, подтверждают его. Всесторонний охват большого количества разнообразных сфер, быстрое предоставление детальной информации — мог ли один человек справиться со всем этим? Один человек, который вдобавок к роли изменника должен был занимать важный пост и делать свою работу хорошо, дабы ее не потерять. К тому же есть несколько интересных ошибок и оплошностей того рода, какие могут возникать при коллективной деятельности.

С другой стороны, для советской разведки не характерно посылать инструкции фантому, руководить фантомом или представлять фантом к специальным наградам. Когда русские доверяют сведениям агента, можно быть уверенным, что они его прекрасно знают. Как-никак знакомство с источником информации имеет решающее значение для ее правильной оценки.

В задачу этой книги не входит осуществлять расследование. Все, что мы хотели сделать, это определить истинное место этого таинственного шпиона и предоставлен-

пой им информации советской стороне в общей картине операции «Цитадель». В этой картине все еще не раскрытый «Вертер» стоит на полях главного сражения всей войны в России, а может, и всей военной истории.

Мы говорим: на полях — потому что объяснить течение и исход операции «Цитадель» только участием «Вертера» означало бы недооценить огромные воевавшие силы, принятые смелые решения, а также достижения и ошибки обоих противников. Гигантская Курская битва явилась кульминационным моментом войны на Востоке, поворотным пунктом кампании в России. И этот исторический поворот произошел конечно же не только вследствие деятельности одного агента.

На вопрос, почему столь успешно начавшаяся Курская битва в итоге была проиграна, почему последнее крупное немецкое наступление потерпело фиаско, несмотря на огромное количество живой силы и техники, можно ответить, лишь вернувшись назад, к последним неделям 1942 года и началу 1943-го.

Часть вторая

МАНШТЕЙН

1. Сталин хотел большего, чем Сталинград

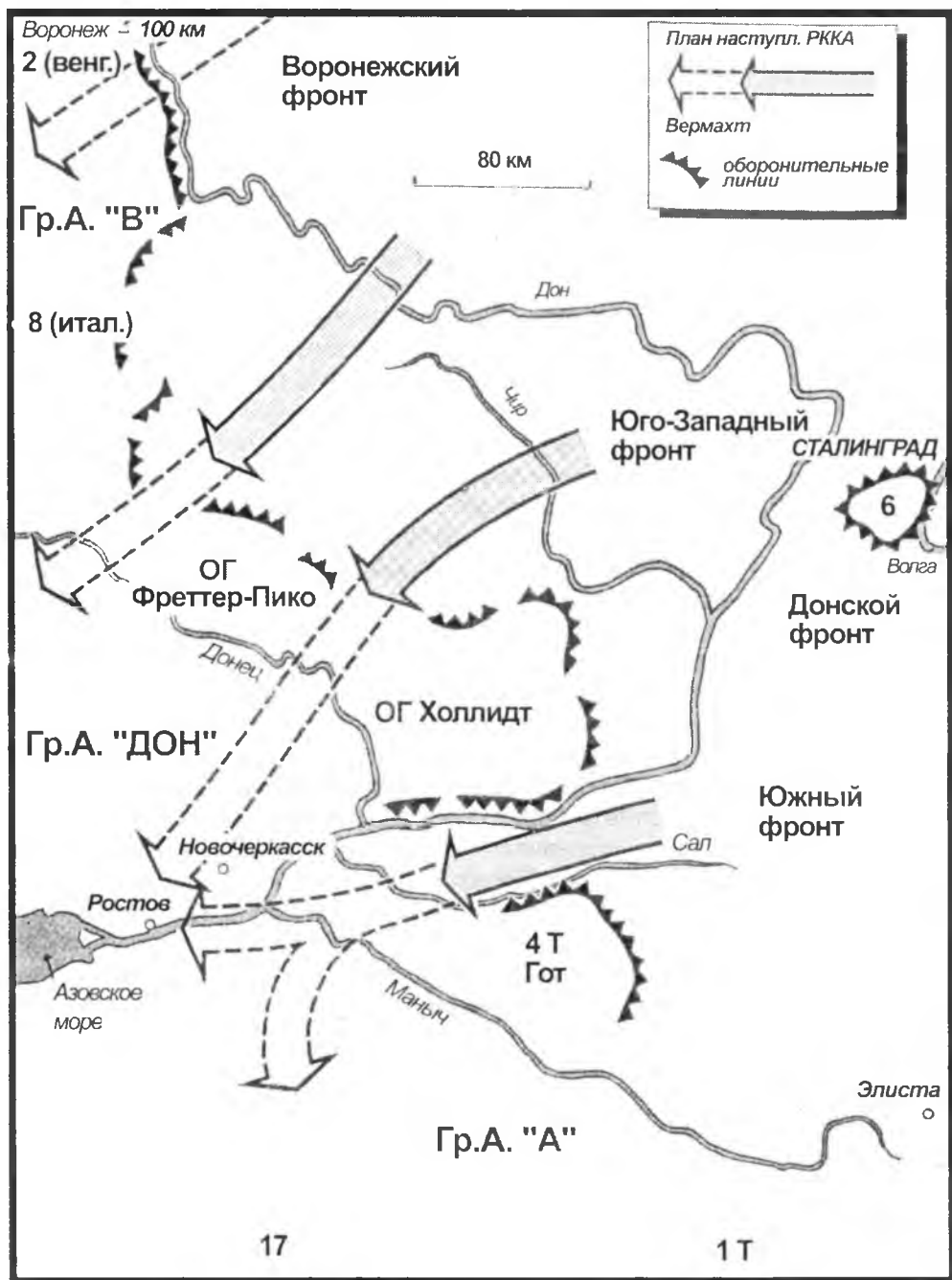
«Наступайте, генерал Баданов, настал наш час» — Переход кончается в Тацинской — Танки у командного пункта Манштейна — Ростов — спасение для миллиона солдат — 1-я танковая армия отступает — Прощай, Ишерская — Сорок два километра по чистому льду — Спуск с горных перевалов — Краснодар — поворотный пункт на Кубани — Дзексепот в 400 000 человек.

Наступало Рождество 1942 года. Штаб генерал-фельдмаршала фон Манштейна, командующего группой армий «Дон», находился в Новочеркасске, в двадцати километрах от низовий Дона. Маршал и его генералы выглядели усталыми. Всех угнетала судьба 6-й армии.

Однако за тревогой по поводу ситуации в Сталинграде скрывалась и другая, даже более серьезная. Советское Верховное Главнокомандование явно стремилось полнее воспользоваться военной удачей, или, точнее, ошибкой Гитлера, заставившего 6-ю армию зайти слишком далеко, не предоставив соответствующей поддержки ее слабым флангам. Русские стремились захватить куда большую добычу, чем всего одна армия.

Операции трех советских фронтов, которые безостановочно наступали в междуречье Волги и Дона уже с 19 ноября 1942 года, которые окружили Сталинград и разорвали итальяно-румынский фронт на сотни километров, были нацелены на большее, чем только освобождение Сталинграда и окружение армии Паулюса. За этими действиями стоял грандиозный, захватывающий дух план советского Верховного Главнокомандования. Тщательно готовившийся долгое время, дорого оплаченный огромными жертвами, потерей армий, потерей территорий, реальной угрозой проигрыша всей войны, великий когнудар должен был наконец быть нанесен — здесь, у Волги, в сердце матушки-России, от Сталинграда, священного места большевистской революции. Все прежние ошибки будут искуплены, настало время великой битвы против Гитлера — время мощного удара, подобного удару по Наполеону, время истребления немцев на огромных просторах России. Сталин намеревался сокрушить ни много ни мало весь южный фланг немецких армий на Востоке. Суперсталинград для миллиона немецких солдат — вот какова была его цель. Посредством гигантской операции восьми армий, ударами на Ростов и нижнее течение Днепра из калмыцких степей и Среднего Дона он хотел отрезать и затем уничтожить немецкий южный фланг — три группы в семь армий в целом.

Военная история не знает плана операции, сопоставимого с этим по грандиозности масштабов. Кроме того, он, казалось, удавался. С каждым часом в штаб Манштейна

Карта 8. В конце 1942 года, после краха германского фронта на Среднем Дону, Сталин увидел шанс одержать решающую победу. Он намеревался захватить Ростов операцией на окружение и таким образом перекрыть дорогу на Кавказ.

поступали все более тревожные рапорты. Как и чем он должен был сдерживать этот Красный поток? Как он должен был заткнуть эту огромную брешь между Доном и Донцом? Немецкое высшее командование оказалось перед угрозой, с которой оно еще никогда не сталкивалось.

«Спокойно», — проворчал советский генерал. Он укоризненно взглянул на дежурного офицера, разговаривавшего со связным. Майор смутился и замолчал. Теперь раздавалось лишь потрескивание дров в печке крестьянской хаты, служившей командным пунктом советскому 24-му танковому корпусу в ночь с 23 на 24 декабря 1942 года.

Генерал прижимал к уху телефонную трубку. «Да — да, да». Он был доволен. Снова назвал свое имя.

«Все согласно плану, — докладывал генерал. — Итальянцев как будто ветром сдуло. Они больше не оказывают сопротивления и в районах позади Восьмой армии. Мои соединения продвигаются беспрепятственно. Мы уже глубоко в тылу противника и проходим примерно пятьдесят километров в день. Наши передовые части в Тацинской». Генерал-майор В. М. Баданов, командир советского 24-го танкового корпуса, явно гордился своим докладом командующему 1-й гвардейской армией. И генерал Кузнецов тоже был доволен: «Прекрасно, товарищ Баданов. Я доложу о ваших успехах в штаб. Но продвигайтесь, все время продвигайтесь — настал наш час!»

Поистине это был час Баданова. Его 24-й танковый корпус, приданный 1-й гвардейской армии, стремительно продвигался далеко впереди советских войск, которые наступали через дрогнувший фронт итальянской 8-й армии в направлении на Донец. Баданов не встречал сколько-нибудь существенного противодействия. Блокирующие части, задействованные в глубине итальянского фронта, в водосборном бассейне Чира, вскоре побежали под напором советских атак, бросая орудия и автомобили. Многие офицеры срывали знаки различия и пытались скрыться. Так почему другие чины должны вести себя более героически? Они бросали оружие и тоже бежали.

Все, что нужно было делать корпусу Баданова, — это продолжать продвижение. К вечеру 23 декабря 1942 года его передовые отряды достигли Тацинской, важного передового аэродрома и центра снабжения Сталинграда, в 240 километрах позади разбитого итальянского фронта. Корпус прошел это расстояние за пять дней — блицкриг в лучших немецких традициях! Расстояние в 240 километров за пять дней — это сопоставимо со знаменитым рейдом Манштейна на Двинск в первую неделю войны. Тогда, семнадцать месяцев назад, его 56-й танковый корпус прошел из района восточнее Тильзита в Двинск, расстояние в 270 километров, за четыре дня. С тех пор русские многому научились.

Положив телефонную трубку, генерал Баданов повернулся к начальнику штаба: «Как вы думаете, товарищ полковник, атакуем немецкую базу и аэродром сегодня вечером или будем ждать утра?»

Полковник медленно покачал головой: «Завтра немцы отмечают Рождество — это самый главный для них праздник. Они делают маленькие подарки, вешают на елки свечи и готовятся к Святой ночи. Это лишит их бдительности. Мы можем застать их врасплох».

Баданов кивнул. Затем отдал распоряжения командирам частей.

План удался. В густом тумане раннего утра 24 декабря заработали моторы танков Баданова. Они загромыхали прямо на взлетно-посадочные полосы аэродрома в Тацинской.

Конечно, 8-й воздушный корпус осознавал нависшую угрозу, однако 4-й воздушный флот не получил разрешения эвакуировать важный центр снабжения с его огромными складами. В приказах повторялось: держаться. Но как можно держаться далеко позади главной оборонительной линии немцев на Чире, когда на тебя наступает советский танковый корпус? Всего 120 человек, одно 88-мм орудие и шесть 20-мм зениток — вот все, чем должны были защищаться немцы в Тацинской.

Генерал Баданов в своих мемуарах пишет, что советские передовые танковые части застали немецкие огневые позиции и опорные пункты пустыми. Экипажи самолетов тоже были в своих бункерах. «Все мирно спали», — констатирует генерал.

Согласно его воспоминаниям, сигнал к атаке подала минометная батарея. Несколько часов спустя жизненно важный центр снабжения окруженного Сталинграда пал без существенного сопротивления. Баданов утверждает, что было захвачено 350 самолетов и огромное количество боевой техники, продовольствия и боеприпасов, включая груженные железнодорожные составы.

Слабость обороны важной базы в Тацинской, разумеется, была грубейшей ошибкой. Однако одно несомненно: число захваченных самолетов, приведенное Бадановым, преувеличено. На поле было только 180 машин. Многие из них взлетели под огнем противника, несмотря на туман. И 124 благополучно прибыли на другие аэродромы.

Но в любом случае это был ужасный удар. Тацинская служила не только центром снабжения Сталинграда, но также и центром средств сообщения — важной железнодорожной станцией на линиях из Ростова и района Донца. Потеря особенно серьезно сказалась на положении оперативной группы «Холлидт». Это соединение все еще находилось много восточнее Тацинской, на Чире, и теперь ему угрожали с тыла. Снова приходилось расплачиваться за пагубную стратегию Гитлера держаться любой ценой. Ничего и никогда нельзя сдавать. Держаться, держаться, держаться — невзирая на цену.

Вероятно, позиция «Холлидта» на Чире имела определенное значение. Именно оттуда 48-й танковый корпус должен был поддержать наступление Гота на деблокирование Сталинграда. По этой причине выгодные выступы в линии фронта казались полезными Главному командованию сухопутных войск Германии. Но желания и действительность не совпадали. Опасность росла день ото дня, а перспектива успеха уменьшалась. Гитлер, однако, отказывался замечать эту угрозу. Когда Манштейн просил подкрепления, Гитлер отвечал так: «У меня нет». Когда Манштейн предлагал стратегически неизбежные отступления, Гитлер стонал: «Без кавказской нефти и полезных ископаемых Донбасса войну уже не выиграть».

Манштейн оказался в сложном положении. Ему приходилось сражаться не только с русскими, но и со Ставкой фюрера. Любой другой человек опустил бы руки. Но Манштейн нашел выход. Он прибег к хитроумной системе стратегических уверток.

В этом ему помогали три опытных боевых командира, люди, на которых он мог положиться: генерал-полковник Гот, чья 4-я танковая армия все еще сражалась юго-восточнее Дона; генерал Холлидт, чья смешанная оперативная группа в большой излучине Дона держала главную оборонительную линию Гиншляя—Чир; генерал Фреттер-Пико, чья недавно организованная оперативная группа пыталась создать отсечную позицию в районе между Миллерово и рекой Калитва.

Главную угрозу теперь представлял Баданов, передовой отряд советской 1-й гвардейской армии. Ему от Тацинской до Ростова оставалось только сто тридцать километ-

ров. Манштейн знал, что на сегодняшний момент целеустремленный танковый командир может покрыть такое расстояние в три дня. А Баданов, несомненно, был решителем. Если он ударит по Ростову, дела примут критический оборот. Если русским удастся взломать единственную дверь, нарушить единственную сухопутную связующую нить с армиями группы «А» на Кавказе, то 800 000 человек окажутся в ловушке. Как и 4-я танковая армия. Генерал-фельдмаршал Манштейн понимал это. И генерал Баданов — тоже.

Генерал-фельдмаршал провел в Новочеркасске совещание и вместе с начальником штаба, генерал-майором Шульцем, и начальником оперативного управления штаба, полковником Буссе, спокойно проанализировал ситуацию. Наступил момент мужественных, дерзких и очень ответственных решений. Один из тех моментов, когда генерал должен точно представлять себе, на что способны его солдаты и офицеры. Манштейн знал и возможности, и пределы своих войск. Эта способность составляла часть его полководческого таланта.

Манштейн попросил Гота, чья армия на Южном фронте армий группы «Дон» все еще участвовала в операции по прорыву осады Сталинграда, предоставить ему одну дивизию для спасения Тацинской. Под собственную ответственность, понимая всю серьезность ситуации, Гот передал ему свою самую мощную танковую дивизию, 6-ю танковую, под командованием генерала Рауса. 11-м паденборнским танковым полком этой дивизии командовал полковник фон Хюнерсдорф, во время наступательных операций предыдущего года он служил начальником штаба Манштейна.

Ледяной ночью дивизия маршем передвинулась на север, в состав оперативной группы Холлидта, где полковник Венк, его бесшумный начальник штаба и блистательный импровизатор, построил из разнородной массы войск первую слабую линию обороны.

Манштейн и Гот взяли на себя трудное и важное решение: с потерей 6-й танковой дивизии Гот потерял и последнюю слабую надежду на возможность удержаться на своей позиции в пятидесяти километрах от Сталинграда и, таким образом, на возможность когда-либо возобновить деблокационное наступление.

Однако в тот момент его наступление, хотя и начатое с такими большими надеждами, в любом случае уже было практически обречено. Даже без успешного удара против Баданова положение Гота очень скоро станет непригодным для обороны из-за угрозы окружения. Он выбирал только между меньшей и большей опасностью.

И большей опасности можно было избежать, лишь реализовав план Манштейна. Его план строился на следующих соображениях. Единственным танковым соединением, которым еще располагал на Чире Холлидт, оставалась опытная силезская 11-я танковая дивизия генерала Балка. Она участвовала в схватках с прорывающимися танками противника на левом фланге группы Гота уже с середины декабря. 15-м танковым полком этой дивизии командовал полковник граф Шимельман. Правда, у него осталось только двадцать пять танков, но генерал Балк тем не менее и таким составом во взаимодействии с мотопехотой, саперами, зенитчиками, а также 336-й пехотной дивизией под командованием генерала Лухта смог уничтожить два мощных вражеских соединения в бою на отходе и подбить шестьдесят пять танков, не потеряв ни одного своего.

На выдающуюся роль, сыгранную в этом бою пехотой, также указывает и тот факт, что 336-я пехотная дивизия в течение пяти дней подбила девяносто два танка противника.

Карта 9. Девять советских армий наступали на Ростов. Наиболее глубокий прорыв осуществила 2-я гвардейская армия, чьи передвижения выглядят на карте, как девятиголовая гидра.

Такая их сила позволила Манштейну двинуть 11-ю танковую дивизию против корпуса Баданова сразу после изнурительного марша при температуре минус 20 градусов по Цельсию ночью 23 декабря. Вместе с 6-й танковой дивизией, приближающейся форсированными маршами, она должна была остановить дерзкое и опасное вторжение генерала Баданова.

В широкой заснеженной степи между Калитвой и Чиром немецкие танковые полки снова продемонстрировали современную танковую тактику. Пока батальоны 306-й пехотной дивизии окружали важный центр снабжения с востока, штурмовые отряды 579-го гренадерского полка вступили в бой за часть аэродрома. Уже 24 декабря передовой отряд 6-й танковой дивизии при поддержке штурмовых орудий захватил район севернее Тацинской. К 27 декабря части генерала Балка взяли русский корпус у Тацинской в железное

кольцо. 6-я танковая дивизия теперь перекрыла советским частям путь к отступлению, отрезала их от снабжения и заблокировала фронт по реке Быстрая от любых попыток освободить их с севера.

Началась битва за Тацнискую. Бронетехника Баданова оказалась в ловушке, корпус был захвачен врасплох. Баданов посылал в штаб армии один сигнал SOS за другим, генерал Ватугин отвечал обнадеживающими обещаниями и просил держаться. На освобождение Баданова были отправлены все имеющиеся в его распоряжении силы — два моторизованных корпуса и две стрелковые дивизии. Он твердо намеревался спасти Баданова и снова отправить его корпус вперед. Для советского командования слишком многое оказалось в опасности: они хотели добраться до Ростова. Однако этой зимой и у русских силы тоже были на исходе.

Генерал Раус со своей 6-й танковой дивизией отразил все атаки. 11-я танковая дивизия Балка вместе с 4-м мотопехотным полком под командованием бесстрашного полковника Унрайна и пехотинцами 306-й пехотной дивизии превратили сражение у Тацинской в кровавый разгром полков Баданова.

В тяжелом бою морозной ночью советский 24-й танковый корпус был уничтожен. Части Баданова сопротивлялись отчаянно. Многие сражались до последнего патрона. Горящие в Тацинской силосные башни и зернохранилища освещали ужасающую картину — развороченные танки, искореженные противотанковые орудия, разбитые транспортные колонны снабжения, раненые, обмороженные до смерти люди.

К 28 декабря все было кончено. Отдельные советские части прорвались сквозь немецкое кольцо окружения в северной части городка и спаслись, переправившись через реку Быстрая. Корпус Баданова, который так обнадеживающе начал наступление на Ростов в самое Рождество, перестал существовать.

Советское Верховное Главнокомандование и Верховный Совет отметили героизм полков Баданова. Их доблестное сопротивление до конца и, главное, их беспримерный танковый рейд в глубокий тыл немцев должны были стать замечательным примером для остальной Красной Армии. Вновь сформированный корпус поэтому получил звание «2-й Тацинский танковый корпус». А сам Баданов стал первым офицером Красной Армии, награжденным орденом Суворова.

Совершенно очевидно, что образцом для советской операции послужил немецкий метод блицкрига крупными танковыми соединениями. На тот момент, однако, эта новая тактика не принесла русским успеха. Немецкие танковые командиры все еще превосходили их в мастерстве. Это превосходство снова было продемонстрировано четыре дня спустя. В предновогодние дни советский 25-й танковый корпус попал в ловушку при попытке повторить рейд Баданова. Оплешность и безрассудство привели его к беде.

Введенный в заблуждение очень слабым отпором, который он встретили, прорываясь через южное крыло итальянской 8-й армии, корпус не выслал вперед разведку. Подумали, что не осталось заслуживающего внимания противника. Русские танковые бригады вышли из перелесков севернее Быстрой с включенными прожекторами и направились к броду возле Марьевки. Они намеревались форсировать реку в южном направлении, чтобы ударить в тыл немецкой оперативной группе «Холлидт».

Однако передовые дозоры 6-й танковой дивизии на Быстрой заметили продвижение русских к броду. Генерал Раус быстро разработал план ночного боя. Он приказал своим 75-мм противотанковым орудиям выдвинуться вперед, чтобы задержать советские танки.

11-й танковый полк поднялся по тревоге и сохранял боевую готовность. Главным силам советского 25-го корпуса позволили пройти брод в Марьевке. Затем противотанковые отряды и тяжелые разведывательные броневые автомобили перекрыли брод.

И в этот момент генерал Раус открыл ночное танковое сражение между Марьевкой и Романовом. Противника атаквали с обоих флангов и в тыл. Захваченные врасплох, русские действовали беспорядочно и нервно. Раус, напротив, руководил сражением хладнокровно, будто шахматной игрой.

Пылающие «тридцатьчетверки» освещали место действия. Отдельными группами танков русские снова и снова пытались создать брешь. Но где свои, а где враги? На этот вопрос можно было ответить лишь с очень близкого расстояния. Советские танковые командиры отчаянно старались использовать надежную конструкцию своих Т-34 и уничтожать немецкие танки таранными ударами. Однако мобильность танков Т-IV и опыт немецких танковых командиров взяли свое — особенно при попытке прорыва советской танковой группы в Новомарьевке, где прикрывающую позицию удерживал майор доктор Бёк со своим 2-м батальоном 11-го танкового полка.

Бёк располагал десятью танками Т-IV и только горсткой пехотинцев. Советские «тридцатьчетверки» атаквали около 3 часов утра и ворвались в деревню. Танковые бои продолжались между домами. Покрытые соломой хаты скоро загорелись, языки пламени отбрасывали причудливые тени.

В деревне стояли на ремонте несколько поврежденных немецких танков без экипажей. Это неожиданно помогло небольшим боевым силам Бёка. В неверном свете пылающей деревни русские приняли остовы машин за боееспособные машины и раз за разом поливали огнем привлекательно неподвижные мишени. Это предоставило танкам Бёка время и возможность занять удобные для огня позиции. В конце концов его маленькая армада вынырнула из-за поврежденных танков и деревенских домов.

Командирский танк Бёка, который, как большинство других командирских танков, нес только ложное деревянное орудие, чтобы освободить место внутри для громоздкого оборудования и карт, столкнулся с русским Т-34. Русские немедленно навели на него свое орудие. «Иди на таран!» — приказал Бёк. Однако этот маневр вряд ли спас бы его. Спасение пришло от танка командира 7-й роты, капитана Герике. Его Т-IV стоял в засаде за углом улицы с готовым к бою орудием. Он как раз вовремя заметил русский танк: «Огонь!» И прямое попадание.

Выехав из деревни, Бёк обнаружил, что у него осталось шесть танков и двадцать пять стрелков. Когда рассветет и русские осознают свое превосходство, дело может обернуться плохо. С этой точки зрения для контратаки следует использовать ночь. Ночью легче обмануть. Ночь помогает более слабому. Под покровом темноты, при помощи огня и шума, шесть танков можно выдать за целый батальон.

Майор Бёк расставил свои шесть танков вокруг деревни. По оговоренному световому сигналу они разом атаквали. Двадцать пять пехотинцев, растянувшиеся между танками, изо всех сил закричали «Ура» и как можно чаще застрочили из своего оружия. Танки тоже старательно производили шум и стреляли трассирующими снарядами. Блэф удался.

Бёк быстро достиг центра деревни. Русские, подозревая полномасштабную атаку, отступили по направлению к реке Быстрая. Там их ждали немецкие противотанковые орудия.

Реку Быстрая форсировало девяносто русских танков. Когда наступил день, заснеженное поле боя устилали девяносто разбитых Т-34. Таким образом, 25-й танковый корпус, второй наступательный клин советской гвардейской армии, был уничтожен.

Потери 6-й танковой дивизии составили двадцать три танка. И поскольку они оставались на немецкой территории, ремонтные роты снова поставили в строй большую их часть.

С ликвидацией двух советских танковых групп на северном фронте группы армий «Дон» непосредственная опасность, угрожавшая Ростову с северо-востока, была предотвращена.

Столь же опасное наступление советских 6 и 1-й гвардейских армий с северного края участка прорыва в направлении на Донец через Миллерово успешно остановили небольшие силы оперативной группы Фреттер-Пико.

Оперативная группа, пожалуй, слишком громкое название для сил, предоставленных в распоряжение генерала Фреттер-Пико, чтобы прикрыть брешь почти в 200 километров. У Миллерово части 3-й горной дивизии твердо и эффективно противостояли превосходящим танковым силам противника. Однако атаку танковой дивизии противника пришлось отражать также учебным полкам и батальонам новобранцев вместе с потрепанной группой танков фон Ланкена.

304-ю пехотную дивизию перевели в Россию из Франции. После службы на мирном атлантическом берегу ее полки уже через двенадцать часов боя на Востоке пришли в критическое состояние. Поразительно, что Фреттер-Пико и опытный командир дивизии генерал-майор Зилер тем не менее смогли помочь пехотинцам и артиллеристам преодолеть первоначальный шок от встречи с мощной бронетехникой противника и за несколько недель превратили их в крепких бойцов. К счастью, Фреттер-Пико имел две закаленные в боях танковые дивизии — 7-ю тюрингскую и 19-ю нижнесаксонскую, их непрерывные контратаки помогали пехоте обороняться, а также прикрывали северный фланг угрожаемого фронта. Таким образом, оперативная группа Фреттер-Пико, хотя фактически и являлась неполным корпусом, стала надежной преградой между Доном и Донцом и своей гибкой тактикой предотвратила стратегический прорыв противника, более чем в двадцать раз превосходящего ее по численности. Фреттер-Пико верно заметил: «Это было победой боевого духа пехотинцев».

Успешные немецкие оборонительные операции между Доном и Донцом сохранили открытой дверь для находящихся на Кавказе немецких армий и предотвратили советское окружение с севера.

Но эта опасность продолжала угрожать Манштейну на правом крыле его фронта, на линии 4-й танковой армии Гота, между Доном и Манычем. Для ее отражения Манштейну катастрофически не хватало сил.

В эти последние несколько дней декабря генерал-полковник Гот каждое утро объезжал на бронированном автомобиле свои побитые дивизии и разговаривал в штабах с командирами. Многие полки превратились в слабые батальоны, батальоны — в роты. В 4-й танковой армии осталось всего пятьдесят—семьдесят боеспособных танков — обычное вооружение одного недоукомплектованного батальона.

С наступлением ночи жесткий и деятельный командующий армией возвращался в свой штаб совсем без сил. Полковник Фангор, начальник штаба, ждал его с картой обстановки и сообщениями от Манштейна. Борьба была практически безнадежной, и это оборонительное сражение дорого доставалось 4-й танковой армии.

Вечерами обсуждали только одно: теперь, после того как они отдали 6-ю танковую дивизию, сможет ли армия удержать фронт оставшимися небольшими силами? Гитлер упорствовал в отказе вернуть в прежнее расположение 16-ю мотопехотную дивизию, которая все еще воевала в Элисте. 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг», обещанная группой армий «А» с Кавказа, до сих пор находилась где-то на марше.

День за днем Фангор обращался в штаб группы армий. И день за днем он получал от начальника оперативного управления штаба Манштейна, полковника Буссе, один и тот же ответ: «Мы продолжаем просить Гитлера передать под наше командование 1-ю танковую армию, но все безрезультатно. Главное командование сухопутных войск не в состоянии принять решение».

Гот медленно отводил свои войска от одной отсечной позиции к другой, они двигались в юго-западном направлении. От сектора Мышковы — к Аксаю. От Аксая — к Салу. Потом к Куберле. Неожиданными энергичными контратаками он последовательно изматывал противника, который буквально наступал ему на пятки. Самообладание, военное искусство, свежие идеи, настойчивость и отвага — вот качества, позволившие генерал-полковнику противостоять своим ослабленным 57-м танковым корпусом превосходящим силам трех советских армий. И все это время он осознавал свою ответственность за дальнейший ход сражения — он должен предотвратить прорыв русских к Ростову с востока и юго-востока, так же, как Холлидт и Фреттер-Пико предотвратили его с севера; он должен прикрыть тыл немецких армий, воюющих на Кавказе.

В конце концов, уже в последних числах декабря, Гитлер санкционировал вывод войск с Кавказа. Но арьергард 1-й танковой армии еще стоял на Тереке, в 650 километрах от Ростова.

Карта обстановки на Южном фронте немецких армий на Востоке выглядела устрашающе. Повсюду были красные стрелы, обозначающие советские удары, и тонкие синие линии немецких позиций тонули в этом красном море. Больше не существовало надежного контакта между соединениями Холлидта и Гота, поскольку примерно в середине января 4-ю танковую армию вытеснили на юго-восток, за Маньч. Между Доном и Салом образовалась новая опасная брешь в сорок километров. Теперь в нее входили две советские армии фронта Еременко — 2-я гвардейская и 51-я армия.

Они настойчиво наступали. Прикрывая свои флаги справа и слева, главные силы обеих армий неумолимо продвигались в направлении Ростова. Их передвижения, обозначенные на карте обстановки, выглядели, как огромная девятиголовая гидра — гидра, чьи щупальца угрожали и Готу, и Холлидту. Голова этой наступающей гидры уже вышла на Дон северо-восточнее Ростова. Это был советский 3-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Ротмистрова, прославленное формирование, завоевавшее звание гвардейского в битве за Сталинград.

При взгляде на карту обстановки в жилах офицеров штаба немецкой группы армий «Дон» в Новочеркасске стыла кровь: внимание всего мира все еще было обращено на Сталинград, но главное происходило здесь, в Ростове, на мостах Батайска. Здесь угрожала опасность в три раза значительнее, чем в Сталинграде. Можно ли выиграть гонку со временем и с русскими? Сумеет ли группа армий «А» генерал-фельдмаршала фон Клейста вовремя проскользнуть в Ростов через узкую дверь?

В ледяной четверг 7 января 1943 года дежурный офицер капитан Аннус влетел в комнату Манштейна: «Господин генерал-фельдмаршал, в двадцати километрах отсюда

советские танки форсировали Дон и движутся прямо на нас. Они явно стремятся покончить с нами. Наши прикрывающие казачьи части захвачены. У нас ничего не осталось».

Спокойно глядя на дежурного офицера, Манштейн произнес: «Неужели?»

Это был один из тех моментов, когда генерал-фельдмаршал продемонстрировал, что он не только гений стратегии, но и человек поразительного хладнокровия. Ему были незнакомы волнение и смятение.

«У нас все есть, Аннус, — сказал он капитану с улыбкой. — Соберите, что найдете. Рядом с нами мастерская по ремонту танков — наверняка там должно быть несколько более или менее боеспособных танков. Возьмите, что можно использовать, пойдите и разбейте русских. Мобилизуйте на оборону личный состав штаба. Мы устоим. Вы справитесь с этим небольшим вторжением!» Ошеломленный выдержкой генерал-фельдмаршала, Аннус стремительно выбежал. Мастерская по ремонту танков! Почему он сам о ней не вспомнил?

Через полчаса капитан вывел маленькую разнородную группу бронемашин из Новочеркасска в направлении Дона, перехватил советские головные разведывательные дозоры и отбросил танковый авангард противника обратно за реку. Воздух дрожал от возбуждения и мороза.

Этот эпизод типичен для той драматичной ситуации. Один советский танковый полк под командованием целенаправленного человека мог решить в этом месте исход всей войны. Поскольку захват Ростова означал бы безусловное окружение трех или четырех немецких армий, имеющих в своем составе примерно миллион человек.

Почему Еременко, советский командующий Южным фронтом, не поручил этой задачи такому человеку? Может, он переоценивал немецкие обороняющиеся силы? Или судьба 24-го танкового корпуса Баданова производила сдерживающий эффект?

Генерал Малиновский хмуро выслушивал донесения о неудачном советском танковом ударе на Новочеркасск. «И лучшие войска не могут сделать невозможного», — извиняющимся тоном сказал его начальник штаба.

Генерал кивнул. Ему не нужно было ничего объяснять. Как опытный командующий 2-й гвардейской армией, Малиновский знал, что даже такие первоклассные формирования, как его III гвардейский танковый корпус, сейчас были истощены. Затрудненность снабжения вела к потере боевой мощи.

Малиновский знал об этом, как и Еременко, командующий Южным фронтом. Даже Никита Сергеевич Хрущев, влиятельный член Военного совета фронта, осознавал существующие проблемы. Но Ставка отказывалась видеть их.

Хрущеву и Еременко приходилось оправдывать приказы Ставки. Сейчас эти приказы переносились на карту обстановки Малиновского: «2-й гвардейской армии выйти на Донец к вечеру 7 января. 3-му гвардейскому танковому корпусу форсировать Дон и овладеть переправами. 98-й стрелковой дивизии расширить участок прорыва. 2-му гвардейскому механизированному корпусу создать... 5-му гвардейскому механизированному корпусу...»

«Овладеть, создать, будет!» Малиновский взорвался: «А что же немцы, которые все еще там? Не румыны или итальянцы, а немцы! Об этом штаб, кажется, забыл!»

Но какой смысл спорить? «Батайск должен пасть — Ростов должен быть взят!» Такие приказы ежедневно поступали от Хрущева и Еременко. Письменные приказы. Приказы по телефону. Устные распоряжения. Срочные директивы.

Штабы армий передавали приказы корпусам. Корпуса передавали их в полки. Полки — в батальоны.

Однако приказы еще не победы. Продвижение развивалось медленно. Чересчур медленно.

Только 20 января передовые части медленно наступавших сил Еременко форсировали Маныч у Манычской и двинулись на запад в направлении Батайска. Передовым отрядом командовал полковник Егоров. Восемь Т-34, три Т-70, девять бронетранспортеров, пять разведывательных бронемашин и 200 стрелков на автомобилях выступили на великую цель — цель, которую они надеялись взять внезапным ударом. Главные силы 3-го гвардейского танкового корпуса ждали сигнала, чтобы последовать за ними. Все было тщательно спланировано. Много южнее 51-я армия двинула на Батайск 3-й гвардейский механизированный корпус с мощной танковой ударной группой. Дверь нужно было захлопнуть. Уже перерезали железнодорожную линию на Ростов и вышли к колхозу имени Ленина.

На Манычском плацдарме Малиновский стоял с двумя готовыми к наступлению корпусами. Угроза южному флангу немецкого Восточного фронта была огромной. Три немецкие армии могли оказаться отрезанными. У них оставалось только тридцать километров фронта.

Всего лишь тридцать километров — и будет решено: или почти 900 000 человек пройдут, или новый Сталинград. Тридцать километров — совсем не расстояние. Сложилась одна из тех редких ситуаций, когда история очевидно зависит от того, что произойдет на этом небольшом участке.

— Как мы можем ликвидировать этот опасный Манычский плацдарм? — спросил генерал-фельдмаршал фон Манштейн своего начальника оперативного управления полковника Теодора Буссе.

— Гот не в состоянии сделать это один, — ответил Буссе.

— Да, конечно. А что у нас есть еще?

Манштейн подошел к карте. На ней было ясно видно, что произошло за последнюю неделю. Генерал-фельдмаршал в конце концов вынудил Гитлера дать разрешение оперативным группам Холлидта и Фреттер-Пико отступить к Донцу. Теперь появилась возможность направить войска, чтобы поддержать Гота и защитить Ростов.

— Мы возьмем у Холлидта Одиннадцатую танковую дивизию Балка, через Ростов двинем ее на южный берег Дона и передадим Готу для контратаки на плацдарм Малиновского, — вслух размышлял Манштейн.

— Но одной Одиннадцатой мало против русского танкового корпуса в Манычской, — возразил Буссе.

Манштейн кивнул:

— Но у Гота есть еще целая 16-я мотопехотная дивизия, которую граф Шверин успешно привел из Элисты через позиции советской 28-й армии. С ее 116-м танковым батальоном и ротой «Тигров» 503-го батальона у него будет вполне достаточно сил для удара по Манычской.

Манштейн упомянул замечательные успехи 16-й мотопехотной дивизии графа Шверина в последние несколько недель. Все до сих пор называли это соединение 16-й мотопехотной дивизией, потому что именно под этим обозначением оно завоевало свою

первую славу. Дивизия выполнила одну из самых серьезных, самых опасных, почти фантастических задач всей русской кампании — она создала восточный аванпост немецких вооруженных сил в степях Калмыкии и контролировала территорию вокруг Элисты вплоть до Каспийского моря и южной части дельты Волги. Разведывательные отряды ее 165-го мотоциклетного батальона появлялись у Каспия, взрывали железнодорожные составы с нефтью из Баку и даже ухитрялись звонить по телефону начальнику станции в Астрахани.

Несколько месяцев дивизия прикрывала 300-километровую брешь между 1-й и 4-й танковыми армиями в боях против советской 28-й армии, таким образом не позволив окружить две танковые армии со стороны калмыцкой степи. Совсем одни в бескрайней степи, полностью ограниченные лишь собственными ресурсами, солдаты из земель Рейн—Вестфалия и Тюрингия справились со своей задачей блестяще. И когда этого потребовала общая ситуация, граф Шверин, не подчинившись приказу Гитлера, вовремя отвел свои формирования и создал новую отсечную позицию вдоль Маныча. В итоге в середине января 1943 года 16-я мотопехотная дивизия сорвала чрезвычайно опасную операцию русских между Манычем и Доном.

Сейчас 57-й танковый корпус генерала Кирхнера с ожесточенными боями отступил к Манычу, где танковая армия Гота отчаянно старалась удержать фронт. Сохранить эту линию было необходимо, чтобы обеспечить переправу через Дон возле Ростова и Батайска.

До 12 января Кирхнеру с 23-й танковой дивизией, 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг», 17-й танковой дивизией, а также 503-м батальоном «Тигров» удавалось держать плацдарм за Манычем восточнее Пролетарской. Затем 16-ю мотопехотную дивизию нагнали подвижные советские части. Крупные части бронетехники и пехоты советской 28-й армии пробивались к Пролетарской, чтобы форсировать там Маныч. Механизированный корпус 51-й армии атаковал между Пролетарской и Сальском. Корпус 2-й гвардейской армии двигался в направлении Спорного с севера, откуда он должен был выступить на Тихорецк, чтобы соединиться с частями советского Закавказского фронта.

Цель этой смело задуманной советской операции состояла в том, чтобы расчленив немецкую группу армий «А», не позволить 1-й танковой армии выйти к Ростову, а также отрезать и окружить 17-ю армию.

Серьезная угроза, и в самый неподходящий момент: отступающие транспортные колонны 1-й танковой армии создали у Батайска пробку. Многочисленные санитарные поезда и колонны снабжения застряли на подходе к городу. Скверные дороги с юга на север оказались плотно забитыми на многие километры. Удар русских по этим обездвиженным колоннам привел бы к хаосу.

Фридрих Великий однажды сказал: «Генералу нужна не только отвага, ему еще нужна удача». Генерал-майор Герхард граф Шверин был отчаянно смел, и ему сопутствовала удача. За два дня до удара русских по Манычу с севера 116-й танковый батальон капитана Теббе во время контратаки захватил в плен офицера советского Генерального штаба. В портфеле офицера находились карты и приказы. Это были советские планы и распоряжения по наступлению на Спорный.

Граф Шверин не стал медлить. Всеми находящимися в его распоряжении силами он устремился к Спорному.

Русские уже переправились по дамбе и временному мосту, наведенному через поврежденные части старой переправы, и теперь быстро продвигались на запад в направлении дорог, по которым отступала 1-я танковая армия. Их целью был Батайск.

План был прекрасно продуман. Но генерал Герасименко, командующий советской 28-й армией, не учел в нем Шверина.

Стояло ясное и морозное утро 15 января. Танковые роты капитана Герхарда Теббе с сидящими на бортах стрелками мюнстерского 60-го мотопехотного полка двигались на русские опорные пункты с северо-востока. Они не обращали внимания на то, что происходит справа или слева от них. Они упрямо двигались только вперед. Они посылали радиогаммы. Они вели огонь. Они пробивали себе дорогу. Они захватили высоту в тылу русских, которые уже форсировали реку. Они внезапно развернулись и тремя штурмовыми отрядами атаковали занятую противником деревню.

Снесли Т-34 и четыре 76-мм противотанковых орудия, прикрывавших деревню. На помощь вышли два Т-34. Один из них сразу подбили, другой повернул назад.

На левом крыле танковой ударной группы находился взвод 3-й роты лейтенанта Куне. Взводом командовал унтер-офицер Ганс Бунцель из Тюрингии, известный своими победами в боях за мосты и укрепленные высоты. Он был одним из тех неунывающих и находчивых людей, которые являются главной опорой любого танкового полка.

15 января 1943 года ему снова удалось подтвердить свою репутацию. Его танки прорвались в Спорном к самой переправе через Маньч. Бунцель в своем танке Т-III бешено мчался к мосту. Его 50-мм пушка поливала огнем прикрывавшие мост советские противотанковые орудия.

Унтер-офицер вспоминал тот июльский день 1942 года, когда со своим взводом он пытался взять маньчскую переправу, границу между Европой и Азией, именно в этом месте — только в противоположном направлении. Тогда ее взорвали прямо на его глазах.

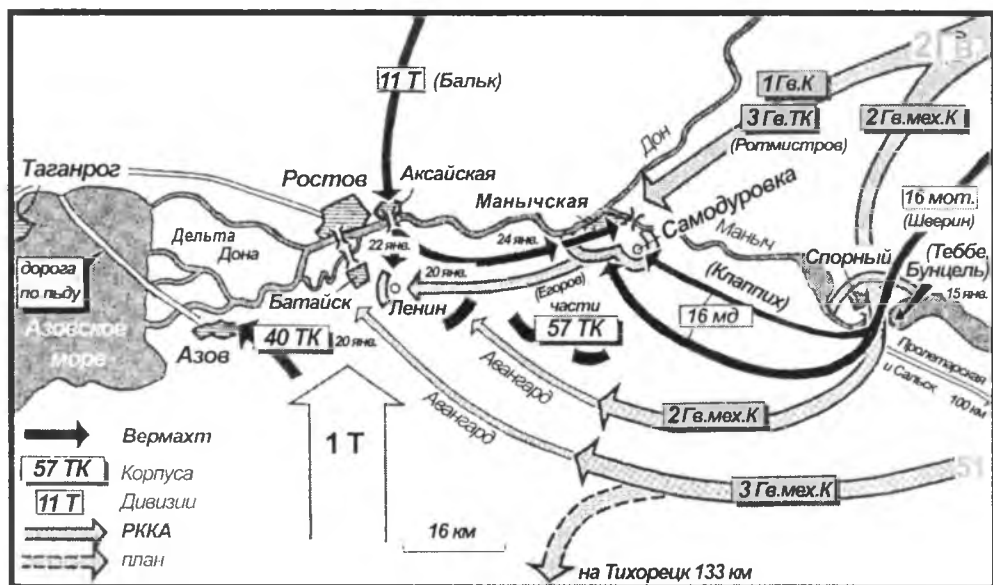
Получится ли в этот раз? Да, на сей раз он оказался удачливей. Все шло как надо. На южном склоне захваченные год назад русские зенитные орудия все еще оставались на своих местах, разве что немного поржавели.

Как только Ганс Бунцель отбил мост, лейтенант Клапих с 3-м батальоном 60-го мотопехотного полка поднялся вдоль южного берега Маньча. Снег шел стеной, и им удалось приблизиться незаметно.

Здесь русские тоже уже создали хорошо укрепленный плацдарм, на котором находились части их 2-й механизированной стрелковой бригады, — еще одна база для советского удара по Батайску. Клапих атаковал. С ожесточенными боями он прорвался на западную окраину деревни. Начальник штаба советской бригады был захвачен в плен.

Допрос и найденные при офицере документы проявили весь масштаб угрозы, которую несли немцам силы противника, сосредоточенные в Маньчской. Ротмистров получил строгий приказ начать завершающее наступление на Батайск 23 января. Его усиленный корпус должен был атаковать город в 06 часов 30 минут утра. 55-й танковый полк и недавно сформированные батальоны на аэросанях предполагалось использовать в качестве передового подразделения для внезапного удара по батайским мостам. Командовал лично начальник бронетанковых войск армии.

Лейтенант Клапих понимал, что не время задавать вопросы. Он принял единственно правильное решение — защищать Самодуровку. Защищать ее изо всех сил. Вцепить-

Карта 10. Батальон Клапиха выступил на Самодуровку, не позволяя 2-й гвардейской армии прорваться к переправам в Ростове. Немецкие дивизии выиграли время, атаковали советские передовые части в Малиновской и разбили их. Таким образом, Ростов был сохранен для отступления 1-й танковой армии.

ся крепко в деревню и таким образом сохранить угрозу флангу основного советского плацдарма у Манычской.

Батальон Клапиха был занозой в теле советских сил, которые действовали уже на подходе к Батайску. Ротмистров не мог рискнуть обойти и оставить у себя в тылу удерживаемую немцами деревню. Генералу Ротмистрову пришлось вступить в бой с Клапихом.

Клапих не уступил ни пяди. Он сковал части Ротмистрова, не позволив им продолжить продвижение. Один лейтенант стоял между победой и поражением. Единственный пехотный батальон сорвал план Сталина. За свои имевшие решающее значение действия Клапих был удостоен Рыцарского Креста с дубовыми листьями. Благодаря ему контратака Манштейна 22 января объединенными силами 11-й танковой дивизии и 16-й мотопехотной дивизии в районе Манычской не опоздала.

22 января 1943 года 11-я танковая дивизия генерала Балка форсировала Дон у Ростова.

Передовой отряд Ротмистрова под командованием полковника Егорова встал в круговую оборону около колхоза имени Ленина.

Балк атаковал. Егоров потерял пять из восьми Т-34 и два из трех Т-70. Ему пришлось отступить. Советский клин у Батайска был ликвидирован.

23 января 11-я танковая дивизия совместно с частями 16-й мотопехотной дивизии стремительной атакой прорвали советские позиции, прикрывавшие Манычскую. Деревня имела исключительно важное значение. Там Маныч впадает в Дон. Там большое шоссе пересекает широкую реку. Пока деревня и мост остаются в руках русских, они имеют возможность в любое время возобновить наступление на Ростов с юга.

Вперед! С юго-востока граф Шверин бросил в бой 116-й танковый батальон и 156-й мотопехотный полк. 11-я танковая дивизия пошла в лобовую атаку. Деревня была хорошо укреплена. Между домами были вкопаны многочисленные танки, превратившиеся в стальные бункеры. Их было почти не видно и поэтому очень трудно подавить.

Еще серьезнее оказалась коварная преграда на юго-восточной окраине деревни, которую просмотрели разведчики. «Внимание! Глубокий противотанковый ров!» — неожиданно услышали в наушники командиры танкового батальона капитана Теббе.

Но они уже попали под яростный огонь противотанковых орудий. Ров был практически закрыт снегом. Один танк Т-IV, чей экипаж принял мягкий снег за твердую землю, провалился.

Капитан Теббе и лейтенант Гитерман, его заместитель, поехали вдоль рва. В одном месте его сровняли взрывы артиллерийских снарядов. Вперед! И два танка ворвались в деревню.

Однако два Т-IV против дюжины врытых Т-34 — не равные силы. Теббе подбили первым. Потом Гитермана. Экипажи «покинули корабль». Они уклонились от пуль, поползли и скатились в покрытый снегом противотанковый ров. Истекая кровью, полубомороженные и совершенно обессилевшие, они добрались до дозоров своего батальона.

Ясно, что таким образом им не добиться успеха. Огневою мощь вкопанных в деревне «тридцатьчетверок» нужно подавить. Но как?

Балк пошел на хитрость. Утром 25 января он сосредоточил огонь всей своей артиллерии в северной части деревни. Приказал стрелять дымовыми снарядами. Бронированные разведывательные машины и бронетранспортеры осторожно выдвинулись вперед и во всех направлениях выпустили трассирующие снаряды.

Балк имитировал полномасштабное наступление в северо-восточной части Маньчжунской. Советский бригадный командир попался на эту удочку. Неудавшаяся накануне немецкая атака укрепила его в уверенности, что немцы теперь пытаются счастья с северо-востока. Чтобы встретить это предполагаемое наступление солидными оборонительными силами, он приказал выкопать «тридцатьчетверки» и перебросил их на северо-восточную окраину деревни.

Это было как раз то, чего ждал Балк. С начальником своего оперативного отдела подполковником Кишицем он находился в удобном наблюдательном пункте на холме к югу от Маньчжунской. Как только он увидел, что русские перегруппировались, он незамедлительно приказал артиллерии перенести огонь на южную часть деревни. Только один взвод, стреляющий дымовыми снарядами, продолжил ложную атаку на севере.

Затем поступил приказ: «Танки, вперед!»

Наступление немцев началось практически под разрывами собственных снарядов. 3-й батальон 15-го танкового полка под командованием капитана Шмидта смял оборону деревни с юга на север. Граф Шмельман со своим полком в это время атаковал русские танки в северо-восточной части деревни с тыла и уничтожил их. Пехота противника начала отступать, была зажата между танками и понесла тяжелые потери.

Капитан фон Хаузер выслал 61-й мотоциклетный батальон для преследования отступающих русских. После яростного танкового сражения в северо-восточной части деревни бешеное преследование продолжилось, завершая полный разгром.

Удивительное и достойное памяти потомков сражение. Немецкие потери, благодаря удавшейся уловке, оказались поразительно малыми: один человек убит и четырнад-

цать ранены. Русские, напротив, потеряли двадцать танков и свыше шестисот человек убитыми только в Маньчжской.

На следующий день Ротмистров, генерал, командовавший разбитым корпусом (впоследствии проявивший себя как «лев Прохоровки», победитель в великой танковой битве на курском выступе), отправил генералу Малиновскому, командующему 2-й гвардейской армией, такое верно отражающее положение вещей донесение: «В связи с тяжелыми потерями войска в настоящий момент не могут принимать участия в каких-либо активных боевых действиях».

Конечно, двадцать танков, или две трети танкового батальона, являлись ощутимой потерей даже для русских в январе 1943 года. Не только немцам пришлось пройти огромное расстояние от Брест-Литовска до Сталинграда; русские тоже были вынуждены покрыть эти 2000 километров, и большей частью в поспешном отступлении. Они тоже находились на пределе своих возможностей.

Генерал Ротмистров в своем анализе ситуации в танковых и моторизованных формированиях 2-й гвардейской армии от 26 января привел убедительные доказательства: личный состав 5-го гвардейского механизированного корпуса сократился до 2200 человек, из бронетехники осталось семь танков и семь противотанковых орудий. Все командиры бригад погибли. В 3-й гвардейской танковой бригаде и 2-й гвардейской механизированной бригаде осталось по шесть танков и по два противотанковых орудия; в 18-й гвардейской танковой бригаде — восемь танков, два противотанковых орудия и пятьдесят человек личного состава; во 2-м гвардейском механизированном корпусе — только восемь танков.

Таким образом, во всей 2-й гвардейской армии 26 января было лишь двадцать девять танков и одиннадцать противотанковых орудий. Такова была суровая реальность положения русских в первые недели 1943 года. Неудивительно поэтому, что в своих мемуарах маршал Еременко пишет: «Все последующие попытки взять Ростов и Батайск в январе 1943 года к успеху не привели».

Ростовская дверь на Кавказ осталась открытой. 1-й танковой армии удалось в нее проскользнуть.

Четыре дня спустя, 1 февраля, лейтенант Ренатус Вебер из Гамбурга, дежурный офицер штаба 40-го танкового корпуса, сидел в промерзшей гостиной старого богатого дома в Таганроге, изливая возбуждение последних двадцати четырех часов в письме домой.

Молодой лейтенант описывал своей матери захватывающие события великого отступления с Кавказа. Штаб и легкие части 40-го танкового корпуса выскользнули из ловушки по льду Азовского моря.

«Этот ледовый переход знаменует конец нашей экспедиции на Кавказ. Нам страшно повезло, что мы вышли живыми», — писал лейтенант в Гамбург.

Ни один из участников марша по морю никогда его не забудет. Это рискованное предприятие навсегда останется не только в истории корпуса, но и в памяти офицеров и солдат.

40-й танковый корпус выходил из своего сектора на Тереке, у подножия Большого Кавказа, в новогоднюю ночь, самые последние часы 1942 года. До свидания, Ишерск, поле кровавого сражения; до свидания, Северный Кавказ и Каспийское море. Однако ностальгии при расставании не возникало — только надежда, что все-таки удастся вов-

ремя спастись из опасного капкана. Гитлер снова оказался неспособен принимать важные решения. Он разрешил 1-й танковой армии лишь частичный отход в определенных пунктах и в своей далекой Ставке в Растенбурге решал, какой сектор должны удерживать и как долго.

Великий исход с Терека на Дон занял тридцать дней. Днем они вели оборонительные бои, ночью двигались походным порядком. Таким образом они отходили с одного участка на следующий.

Ночными маршами из многообещающей земли кавказской нефти отходили части, которые пробились к самым воротам Грозного и почти дошли до Баку. Это 3-я берлинская танковая дивизия; части 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг»; бранденбургский, нижнесаксонский, саксонский, силезский, ангальтский и австрийский полки 13-й танковой дивизии, 111, 370 и 50-й пехотных дивизий и 5-й полевой дивизии Люфтваффе. Кроме них были эскадроны казаков, батальоны добровольцев из горных народов Кавказа и части 2-й румынской горной дивизии.

Обер-ефрейтор Альслебен из роты истребителей танков 117-го пехотного полка каждый день заносил в свой дневник несколько предложений, несколько ключевых слов. Весь долгий марш 11-й пехотной дивизии, таким образом, предстает перед нашими глазами, как на диафильме, он типичен и для отступления всех остальных полков. Днем — бой. Потом, около 20 часов, отступление. Иногда в 22.00 часа или даже в 04 часа утра.

Альслебен сообщает: «Истребители танков прикрывают наш путь отступления. Мимо них движутся бесконечные колонны. Дождь. Грязь. Русские наступают нам на пятки. Тыловое прикрытие несет большие потери. Взрываем брошенные грузовики. Поврежденные машины бросаем».

В его записи от 6 января сначала фигурирует название, которое помнят все, пережившие это отступление: «Солдато-Александровское. Наша дивизия временно удерживает район Кумы».

Район Кумы! Кума была первой естественной речной преградой на пути с Терека. Чтобы попасть обратно, дивизиям и корпусу требовалось форсировать реку. Жизненно важной задачей стало сохранять мосты, пока все отстающие части не окажутся на другой стороне — все колонны снабжения и поврежденные машины, — а после этого взорвать их, чтобы замедлить опасное преследование русских и дать пехоте и колоннам снабжения небольшой запас времени.

Солдато-Александровское играло особенно значительную роль, поскольку возникла необходимость, как можно дольше держать в своих руках железнодорожную ветку, проходящую по северному берегу Кумы, чтобы обеспечить эвакуацию полевых складов, в которых продовольствие, запасные части, дизельное топливо, боеприпасы — все то, без чего нельзя существовать.

Майор Мускулос, командир 111-го дивизиона штурмовых орудий, с гранатометчиками и саперами 50-го пехотного полка создал перед этими важными мостами полосу заграждений. Три дня они отражали все советские атаки с юга и востока, а русские очень стремились заблокировать мосты через Куму, до того как их пересекут немецкие части.

Между Кумой и ее восточным притоком Золка, глубоким ледяным горным потоком, русские выступили на Солдато-Александровское из Георгиевска. В районе Петровского лейтенант Пидмонт со своей 2-й ротой дивизиона штурмовых орудий и одним

подразделением 117-го артиллерийского полка вырыли отсечную траншею прямо в середине коварного болота, непосредственно на единственной ведущей в Солдато-Александровское дороге. Имелю этим путем русские надеялись добраться до моста.

Что произошло, ярко описывает сам лейтенант Пидмонт. Его часть находилась на холмистом участке и имела обзор не более чем триста метров. Незадолго до наступления темноты часовой доложил о появлении кавалерии противника в несколько сотен всадников. Пидмонт выдвинул два пулемета на позицию около отдельно стоящего дома и привел в состояние боевой готовности противотанковые орудия. Он собрался выслать вперед свои разведывательные дозоры, но русские уже были здесь. Примерно эскадрон скакал широким фронтом — сто пятьдесят всадников, непрерывно стреляющих из автоматов.

Но теперь неожиданно заговорили два немецких пулемета. Два орудия под командованием Хаппа и Клябуса начали стрелять в кавалькаду осколочными. Первый огневой залп выбил из седла около половины всадников; только лошади носились вокруг. Остальные развернулись влево и вправо. Люди Пидмонта уже готовы были закричать «ура», но появилась вторая волна. Больше, чем первая.

«Огонь!» Пули русских автоматов стучали по щиту противотанкового орудия. Один из немецких пулеметов замолчал. Но наступавших расстреляли в пятидесяти метрах перед рубежом Пидмонта.

Третья атака. Остался лишь один пулемет. У противотанковых орудий нет снарядов. С пулеметными очередями и криками «ура» русские снова бросились вперед. Большая их часть пала под огнем немцев. Но тридцать или сорок всадников доскакали до позиций Пидмонта. Они доскакали и до орудийных окопов за ними. Но их было слишком мало. Они попадали либо под пулю, либо в непроходимое болото. Остатки повернулись на восток, обратно к Золке, и поплыли на восточный берег.

К счастью, четвертой атаки не последовало. Это было бы опасно. У Пидмонта совсем не осталось боеприпасов. Дорога через болото была забита брошенными машинами, водители которых искали укрытия прежде всего для себя. Работы по расчистке дороги продолжались до самой ночи.

В донесении лейтенант Пидмонт бесстрастно описывает факты: «Эта кавалерийская атака произвела на всех нас страшное впечатление. Прежде всего, сначала мы не восприняли ее серьезно; все было слишком похоже на анекдот. Но очень скоро мы были неприятно поражены тем эффектом, который она оказывала на наше моральное состояние. Быстро следующие друг за другом волны атак лишали присутствия духа, а отвага русских просто выходила за все мыслимые пределы. Лишь щиты орудий спасли нас от пуль автоматов, из которых русские стреляли с седла на полном галопе. Позже, когда наши люди уже передвигались на новую позицию, их колени все еще дрожали. Примерно две сотни русских остались на земле, убитые или раненые. Наши потери составили два человека легкораненых».

В это время на дальней стороне Золки майор Мускулос со своей 1-й ротой удерживал хутор Михайловский, отражая сильный натиск русских, которые рвались к реке с востока.

Ударная группа 111-й пехотной дивизии попала в окружение. В рукопашном бою они вырвались из кольца противника и переплыли на другой берег в ледяной воде глубокой реки, передавая не умеющих плавать от одного солдата к другому.

Шаг за шагом истребители танков отступали в Солдато-Александровском к мостам через Куму. Отряды советских пулеметчиков, уже проникшие в деревню, снова были вытеснены немецкими гренадерами и автоматчиками.

Истребители танков Мускулоса, таким образом, выиграла два дня для полков 111-й пехотной дивизии и 3-й танковой дивизии.

Очень напряженной была ситуация и у сопредельной 50-й пехотной дивизии. Генерал Фридрих Шмидт столкнулся с исключительно мощной танковой атакой. При массированном наступлении советской танковой бригады его 122-й полк гранатометчиков полностью потерял 3-й батальон.

Фронт дрогнул. Между 50 и 111-й пехотными дивизиями образовалась трехкилометровая брешь. Что, если русские ударят сейчас? И они действительно ударили.

Но Шмидт бросил в угрожающий прорыв 150-й артиллерийский полк. Вместе со штурмовыми орудиями 13-й танковой дивизии они справились с наступающими танками противника до того, как те достигли их рубежа. Пехота неприятеля сильно пострадала от пулеметного огня. Советский полк отступил.

В этом сражении особенно отличился 3-й батальон 123-го гренадерского полка. Он предпринял массированную контратаку и отбросил противника, прорвавшегося в его позиции. Атаку советского штрафного батальона, который дошел до батальонного командного пункта, подавили минометами и добились в рукопашном бою. Командовал 3-м батальоном 123-го гренадерского полка капитан Эрих Баренфангер, кавалер Рыцарского Креста. Никто и не подозревал, что двадцать семь месяцев спустя этот офицер будет самым молодым генералом немецкого Вермахта в последней трагической битве за Германию, битве за Берлин.

С первыми проблесками утра 9 января лейтенант Клумпель из 111-го истребительно-противотанкового выдвинулся с противотанковым взводом своей 1-й роты на охрану моста через Куму, находившегося к северу от города. Река в то время была глубокой и берега крутыми. Прекрасная преграда для танков — в случае если мост будет вовремя взорван. Но его требовалось сохранять в целостности, пока последние силы немцев не сойдут на северный берег. Это всегда риск, всегда азартная игра.

Подход к мосту проходил по высокой дамбе. Клумпель разработал план: он расположил одно 37-мм противотанковое орудие на южном конце моста и еще два у дамбы на северном берегу. Тыловое прикрытие как раз проходило по мосту, когда показался какой-то грузовик. Они напряженно ждали.

Грузовик оказался не вражеским, он принадлежал унтер-офицеру Райнеке. В кабине находилось два человека. Они понеслись через мост. Со вздохом облегчения водитель наконец остановился и только тогда заметил, что сидящий рядом взводный командир Райнеке уже мертв.

Тут все увидели русский Т-34. Он занял позицию примерно в трехстах метрах к югу от моста — за пределами эффективного огня 37-мм орудий. К счастью, он ограничился стрельбой из своей пушки, вместо того чтобы попытаться счастья и атаковать мост.

Наступил решающий момент. Еще подождать? Может, кто-то из отставших еще не подошел? Но риск был слишком велик. Настало время взрывать мост.

Лейтенант Бухольц отдал приказ унтер-офицеру Паулю Эбелю, командиру отделения инженерно-саперного взвода 50-го гренадерского полка: «Взрывайте!» Пауль Эбель, в мирной жизни сельскохозяйственный рабочий, кивнул. Истребители танков и грена-

деры прикрыли его огнем из всего, что у них было: фугасов, пулеметов, автоматов и карабинов. Все целились в Т-34. Эбель побежал через дамбу к мосту. Ему удалось поджечь фитиль. Сильная вспышка. Громоподобный грохот. Но когда дым рассеялся, у всех замерло сердце — только часть моста оказалась взорванной. Один из кабелей не сработал. Мост все еще можно было использовать.

На другой стороне русские подбегали к наполовину разрушенному въезду. Т-34 медленно следовал за ними. Они надеялись перейти по мосту.

Вернувшийся назад под прикрытием дымовой завесы Эбель теперь стоял, подавленный провалом своей миссии. «Эбель! — обратился к нему Бухольц. — Эбель, ничего не остается — придется пойти еще раз!»

Унтер-офицер шепотом ругнулся. И снова из всех стволов открыли заградительный огонь. И снова русские отошли в укрытия. Снова пулеметные пули застучали по «тридцатьчетверке». Эбель опять невредимым добрался до моста, начал мудрить с фитилями. Минуты, казалось, тянулись целую вечность. Наконец он отступил на несколько шагов и прыгнул на склон. В этот момент сильный взрыв сотряс землю. Высокий мост с грохотом обрушился. В густом дыму унтер-офицер Эбель выбрался по дамбе на северный берег. За свой героический поступок он получил Рыцарский Крест.

Только 10 января русским с трудом удалось форсировать реку. Тыловое прикрытие отвоевало три дня для главных сил. Целых три дня.

Такого рода бои продолжались в общей сложности четыре недели. 31 января обер-ефрейтор Рольф Альслебен из Хильдесхайма пометил в своем дневнике: «Мы почти вышли из леса. Маршем прошли от Моздока больше пятисот километров. Целый месяц отступления».

Да, они почти выбрались из леса. Они были уже недалеко от Батайска, недалеко от последних мостов, недалеко от выхода из большой западни.

Тогда же лейтенант Ренатус Вебер из штаба 40-го танкового корпуса записал в дневник следующее: «Мы в районе Белой, южнее Ростова, с нами части 3-й танковой дивизии, несколько приданных им соединений и эскадроны казаков. В наш корпус поступили новые боевые приказы. Будем воевать в районе Донца. Сосредоточенные у Таганрога на Азовском море. Часть пути нам предстоит пройти по замерзшему морю!!» Два восклицательных знака отражают чувства Ренатуса Вебера по поводу этой перспективы.

Оперативный штаб и эскадрон казаков выступили из деревни Ильинка ранним утром 31 января 1943 года. Легкие части корпуса и казаки должны были идти по дороге через замерзшее Азовское море. Танки и тяжелые машины направили к мостам в Батайске и Ростову, потому что лед мог не выдержать их веса.

Туманный зимний день 31 января 1943 года. Сначала по дороге Тихорецк—Ростов колонны двигались быстро. Вот и рыбацкая деревня у Азова. Большие дорожные указатели теперь развернули колонны: здесь поворот на ледовую трассу. Через море, вперед, марш!

Саперы соорудили наклонный съезд на замерзшую поверхность моря и точно обозначили первые несколько сотен метров ледовой дороги.

Однако до Таганрога — сорок два километра. Поначалу путь шел через дельту Дона, замерзшие болота, дюны и остров. Потом — глубокое море.

У берега лед был молочно-белым и неровным, а над глубокой водой стал ровным и прозрачным, как стекло. Трассу поместили кое-как: несколько пустых бензиновых ка-

нистр с большими интервалами, но ошибиться было невозможно, потому что скрипячая, хрупкая дорога была усеяна продавившими лед автобусами, грузовиками и тяжелыми штабными автомобилями, зачастую виднелся только их верх. Дорожные указатели и предупреждающие знаки одновременно.

Лед был ненадежен. Тут и там виднелись полыньи и промоины. Туман заставлял водителей двигаться медленнее. Растянувшимися колоннами пехота и транспортные средства на конной тяге продвигались вперед. Друг за другом рысью скакали к Таганрогу казаки.

Первые солдаты 3-й танковой дивизии имели новых попутчиков — попутчиков, которых не знали наступающие войска, но с этого времени они стали обычной деталью их отступления. И справа, и слева от солдат шли гражданские. Семьи казаков следовали за своими мужчинами, которые вступили в добровольческие немецкие части или полицию и теперь боялись возвращения советской власти. Самый разный транспорт, груженные верхом крестьянские телеги, скот, лошади на длинных веревках и дети.

К полудню туман немного рассеялся. И практически сразу появились советские штурмовики. Ил-2 неслись надо льдом на высоте не более сорока пяти метров. Бросали бомбы. Стреляли из пушек. А вокруг ни ямки, ни кустика, ни дома — ничего, чтобы укрыться. Насколько видел глаз, ничего, только замерзшее море, плоское, как блин.

Колонны разбежались. Эскадроны казаков помчались в разные стороны, всадники скакали по льду, как будто дьявол поджаривал им пятки.

Бомбы подняли ужасные фонтаны льда. Осколки звякали по замерзшему морю. Оставалось либо молиться, либо стрелять. Многие молились. Но многие бросились на спину и начали яростно стрелять по советским самолетам из винтовок и пулеметов. К счастью, скоро небо снова затянулось тучами, даже пошел снег. Под белой пеленой колонны снова двинулись вперед, медленно извиваясь, как какая-то огромная змея.

Генерал Зигфрид Хайнрици, командир 40-го танкового корпуса, и полковник Карл Вагнер, его начальник штаба, не уходили с командного пункта до самого утра. Теперь сильная пурга свела видимость практически до нуля. Когда маленькая колонна остановилась на развилке, их быстро обогнала крестьянская подвода и без раздумий свернула налево.

Полковник Вагнер приказал закутанному вознице остановиться. Решив, что это местный доброволец, Вагнер как мог по-русски спросил его о дороге на Таганрог. Испуганный человек уставился на говорящего по-русски полковника. Вагнер понял: его приняли за русского, и повторил свой вопрос по-немецки. Солдат с облегчением рассмеялся. С сильным саксонским акцентом он ответил: «Очень извиняюсь, господин полковник, но я и сам нездешний». И с лукавой улыбкой добавил: «Но мое чутье говорит мне: Артур, поворачивай налево!»

Чутье саксонца Артура не обманывало его. По крайней мере, в том, что касалось Азовского моря.

Примерно в пяти километрах восточнее Таганрога ледовая дорога заканчивалась новым построенным инженерами пологим въездом на прибрежную дорогу из Ростова в Таганрог. Колонны 40-го танкового корпуса снова оказались на твердой земле. Но теперь с ними опять были все проблемы, связанные с дорогами России, — грузовики в пробках, завязшие в грязи орудия, непроезжие болотистые участки. Только теперь пехотинцы поняли, как быстро и легко они двигались по морю.

Тяжелые части 1 и 4-й танковых армий с трудом продвигались на запад по перегруженной дороге. С ними шли полевые части Люфтваффе и различные тыловые службы. С ними были и беженцы кавказских народов. Машина за машиной — грузовики, штабные автомобили, брошированные разведмашины, самоходные орудия, легкие танки. Бесконечная вереница.

Утомленные регулировщики отчаянно старались ликвидировать пробки у мостов и на перекрестках.

Передовые части 40-го танкового корпуса достигли Таганрога вечером 31 января. Обогреваясь у спешно разведенного огня, майор Канютш, офицер разведки корпуса, задумчиво спросил своего переводчика-прибалта: «Как вы полагаете, что нам больше всего запомнится из нашего перехода через Азовское море?»

Он, не колеблясь, ответил: «Ужас, господин майор, ужас!»

И в самом деле, ужас сопровождал их на всем пути по льду. Но они вышли из ловушки. А поступившие новости напомнили им об участии, которой, благодаря мастерству Манштейна, они избегли. 31 января 1943 года немецкая 6-я армия погибала под Сталинградом.

Лейтенант Ренатус Вебер в час избавления тоже думал о Сталинграде. В послании, отправленном матери из Таганрога, он написал: «Мы, без сомнения, обязаны своим спасением упорству 6-й армии у Сталинграда, они перекрыли железную дорогу и сковали огромные силы русских».

Слова молодого лейтенанта сохраняют справедливость и по сей день. Более того, с тех пор они были подтверждены историческими фактами. Спасение 1-й танковой армии, а по существу, всей группы армий «А» и части армий группы «Дон» обусловили не только руководство Манштейна и мужество солдат, но и в значительной степени также 6-я армия, которая продержалась в Сталинграде весь январь.

В своей смертельной битве 6-я армия сковала полдюжины советских армий, удержала их на Волге и таким образом не позволила им вмешаться в решающее сражение у Ростова. К тому же — и это, возможно, сыграло еще более значительную роль — сражение на Волге означало блокирование трех основных железнодорожных линий из Сталинграда на запад, что крайне затруднило снабжение советских армий, действующих против Ростова.

Безусловно, именно проблемы снабжения явились основной причиной того, что гигантские клещи Сталина не смогли сомкнуться вокруг немецких армий на Кавказе и Дону и окружить соответственно весь южный фланг немецких войск.

Советские источники подтверждают это положение. В «Истории Великой Отечественной войны» читаем: «Советский Южный фронт, в частности 2-я гвардейская армия, которая должна была взять Ростов в начале января, испытывала затруднения в снабжении, особенно сложно было с топливом и боеприпасами: сражение у Сталинграда парализовало поставки, в частности железнодорожным транспортом».

Итак, 31 января, когда силы 6-й армии в Сталинграде были практически исчерпаны, мосты в Ростове переходили уже самые последние части 4-й танковой армии. Русские не сумели захлопнуть эту ловушку.

5 февраля на место прибыли истребители танков 111-й пехотной дивизии, которые при помощи нескольких 88-мм орудий удержали группы русских танков на необходимом расстоянии от пути спасения.

6 февраля в 22.00 часа последние части нижнесаксонских полков Рекнагеля пересекли мосты Батайска и прошли через Ростов — к этому времени уже совсем мертвый город. За ними раздавался гром взрывов — взрывались батайские мосты. И как раз вовремя, потому что советские разведывательные отряды уже ползли по льду Дона к опорам мостов, чтобы освободить их от динамита. Может быть, они все-таки достигли цели? Или отчаянная спешка отступавших немцев виной тому, что подрывные работы удались лишь частично?

Два дня спустя, в ночь с 7 на 8 февраля, в прерывистом свете трассирующих снарядов 300 танков перешли мост через Дон в Аксайской. Лейтенант Клаус Куне из 16-й мотопехотной дивизии был последним, кто пересек это чудо немецкого военно-инженерного искусства. За десять суток непрерывной работы 21-я мостостроительная часть лейтенанта Кирхенбауэра возвела мост через покрытый льдом Дон. Мост был достаточно прочным, чтобы противостоять снежной буре, ледовым торосам и выдержать грузы более шестидесяти тонн — другими словами, все виды бронированных машин и самую тяжелую артиллерию.

Через несколько минут унтер-офицер Вагнер из команды подрывников 675-го инженерно-саперного батальона взорвал массивный понтонный мост. Потребовалось полторы тонны взрывчатого вещества.

Работа была сделана. 1-я танковая армия успешно завершила длинный переход с Терека на Дон — марш в 600 километров. 4-я танковая армия благополучно отошла от подступов к Сталинграду через Маныч на северном побережье Азовского моря.

Но что в это время происходило с дивизиями 17-й армии, которая далеко внедрилась в леса и горные цепи Кавказа? Дошла до покрытых снегом перевалов Эльбруса Клухор и Санчар? И вниз до дороги вдоль Черного моря? И до нефтяных месторождений Майкопа?

Крах Сталинграда и форсированный бросок русских к Дону означал, что их позиции в восточной части Черного моря, до горных перевалов вверху и нефтяных вышек внизу, теперь нельзя защитить. Им придется отступать. Армия уже была на марше. К тому моменту, когда над заснеженными степями донских казаков разнесся гром взрыва понтонного моста в Аксайской, как салют в честь спасения полутора миллионов человек 1 и 4-й танковых армий, 17-я армия на Западном Кавказе тоже, можно сказать, свернула за угол. Самая сложная часть отступления была позади. Соединения генерал-полковника Руоффа после отхода 1-й танковой армии с Терека в начале января должны были оставаться на своих позициях, чтобы русские не прорвались во фланг группы армий «А» Клейста. 10 января 49-й горнострелковый корпус наконец покинул свои позиции в высокогорье Кавказа и начал отход в район Майкопа.

План отступления предписывал 17-й армии выводить войска из района в район в северо-западном направлении через «Голубую линию» на плацдарм в нижних плесах Кубани. Гитлер задумал создать там своего рода стартовую площадку в Азию, где будут находиться 400 000 человек, готовые летом 1943 года снова двинуться в направлении Кавказа и его нефтяных промыслов. Базой этого плацдарма должен был стать Крым.

Сей план типичен для нереальной стратегии Гитлера. Совершенно невероятен. Трудно поверить, что этот человек в 1940 и 1941 годах потряс мир хорошо продуманными операциями и смелой импровизацией. В то время он имел тенденцию перестраховываться в критических ситуациях. После Сталинграда, однако, он вел войну с почти пато-

логическим упрямством, просто отказываясь принимать во внимание очевидные и несомненные факты.

Тогда как эти факты были понятны большинству старших офицеров. В Сталинграде в окружении находились 250 000 человек. Между Чиром и Доном — бедственная ситуация. А в 300 километрах от Ростова, на Кубани, 400 000 человек с более чем 2000 орудий должны стоять без дела — как будто их тоже окружили.

Первоначально Гитлер намеревался перебросить на Кубанский плацдарм и 1-ю танковую армию. Лишь самые решительные протесты полевых командиров заставили его отказаться от этой абсурдной идеи и передать основную часть 1-й танковой армии Манштейну, отправив на Кубань только ее 52-й корпус и 13-ю танковую дивизию. Уже это было достаточно глупо.

Как мосты через Дон в Ростове для 1 и 4-й танковых армий, так и мосты через Кубань в Краснодаре и Усть-Лабинской много значили для пехотных, стрелковых и горных корпусов 17-й армии. Краснодар и Усть-Лабинская были для отступающих корпусов жизненно важными опорными пунктами и столь же важными центрами снабжения.

Здесь тоже поэтому началась изматывающая нервы война со временем и с врагом.

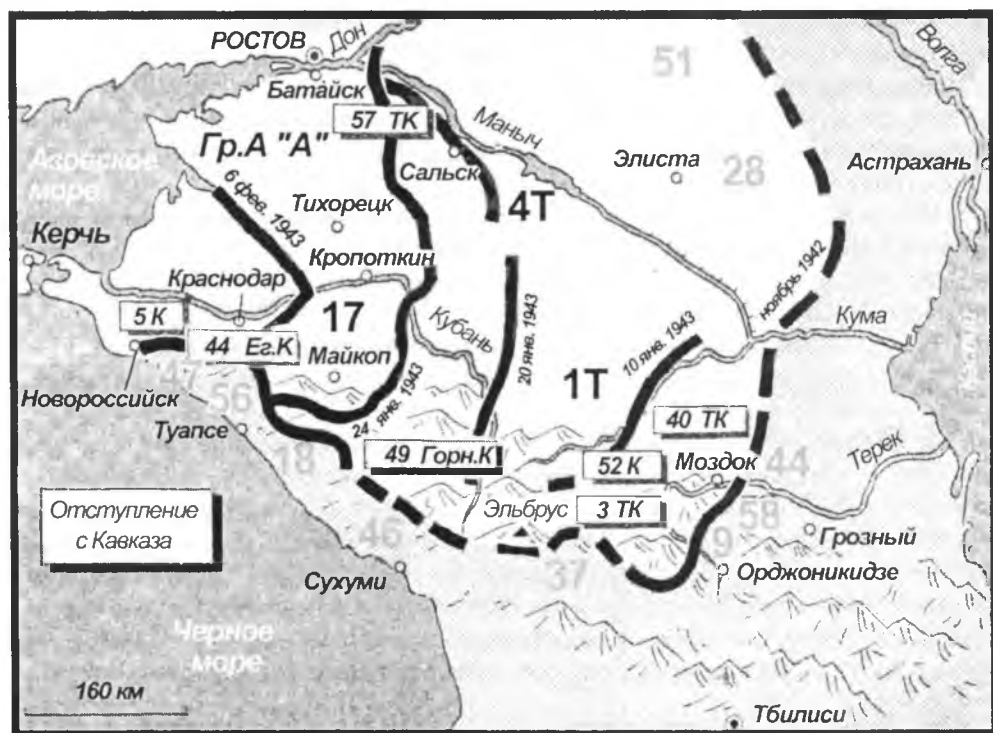
Они уже не являлись подвижными войсками, хорошо оснащенными моторизованными частями, это были лишь ослабленные маленькие танковые части 13-й танковой дивизии, а в основном — пехотные, стрелковые части, горные подразделения и артиллерия на конной тяге, которые за четыре недели прошли расстояние в 400 километров без машин, располагая только выючными животными и лошадьми, чтобы тащить орудия и снабженческие подводы. На большей части пути им приходилось вести бои. С ледяных склонов Эльбруса, Клухора и Санчара, из топей долины Гунайки они спустились в Кубанскую степь и повернули на северо-запад к «Голубой линии», последнему бастиону перед Кубанским плацдармом.

Это отступление тоже представляет собой подвиг, практически не имеющий аналогов в военной истории. Этот период войны отмечен героизмом, верностью долгу и готовностью к самопожертвованию со стороны офицеров и рядовых, и не только с оружием в руках, но и с лопатой, рядом с лошадьми и мулами.

Здесь больше, чем когда-либо немецкий Вермахт пожинал плоды своей прогрессивной, современной структуры, отсутствия социальных барьеров и классовых предрассудков. Германская армия была единственной армией в мире, в которой офицеры и рядовые ели одинаковую еду. Офицер был не только командиром в сражении, но также и «бригадиром», «солдатом в погонях», который, не колеблясь, брал на плечи груз или вытаскивал застрявшие машины, подавая пример, помогающий преодолевать усталость. Никаким другим образом успешно осуществить это великое отступление было бы невозможно.

Отступление — неизменно гнетущий момент для армии. С ноября 1942 года 44-й егерский корпус генерала де Ангелиса и 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада с огромным энтузиазмом обороняли свои позиции на Западном Кавказе, на шоссе в Туапсе и вдоль знаменитой Военно-Грузинской дороги Центрального Кавказа. И все это время они видели, находясь на расстоянии нескольких километров, свою главную цель — Черное море и турецкую границу. Дойти не смогли.

В середине ноября 1942 года пошли ливневые дожди. По кавказским горам, долинам и лесам неслась вода, завывал штормовой ветер. Реки вышли из берегов. Ручьи

Карта 11. В процессе сложного отступления 1-я танковая армия отошла к северу, а 17-я армия, используя серию импровизированных промежуточных рубежей, спустилась с Кавказа на Кубанский плацдарм всего за четыре недели.

превратились в неистовые потоки. Мосты снесло, телефонные провода сорвало с опор. Грязь по колено. Передвижение стало невозможным даже на крестьянских подводах и вьючных животных. Лошади и мулы проваливались в трясины по брюхо. Машины и орудия полностью потеряли способность двигаться. Полевые кухни на кошой тяге при переправах сползло стремительным течением, людей и лошадей смывало, словно игрушки, они погибали в воде. Затопило окопы и командные пункты. Гренадеры и егеря умирали в траншеях от холода и истощения. Лошади и мулы исчезали в болотах или, заболев чесоткой, умирали.

Артиллеристы на себе тащили боеприпасы в сухие горные пещеры.

Но какая польза от этого? Выстрелить было достаточно легко, попасть в цель — невозможно: из-за сильного встречного ветра отклонение было непредсказуемым.

Работа санитаров, собиравших и транспортировавших раненых, не поддается описанию. Каждый день этой жестокой войны был наполнен героикой человечности. В конечном счете здесь, в горном пространстве завывающих ветров и зловещих молний, умирала сама война. Она тонула в рассвирепевших потоках. Замерзала до смерти среди ледников. Задыхалась в топях и валунах затопленных долин. Убивать не оставалось времени. Самолеты больше не взлетали: ни бомбардировщики, ни разведчики.

Артиллерийские, зенитные и штурмовые орудия были отведены. Позиции высоко в горах эвакуированы. Залитая кровью Семашхо, в 1036 метрах над уровнем моря, к

югу от Краснодара покинута — последняя гора перед побережьем, гора, с которой они видели море и дорогу на Туапсе, их желанную цель.

Здесь сражались и истекали кровью со стрелками 98-го полка майор фон Хиршфельд и майор доктор Лавалль. Теперь, когда они так близко подошли к своей цели, им пришлось уйти, так же, как солдатам 1 танковой армии пришлось уйти с пропитанного кровью поля боя на Тереке.

10 января все соединения 17-й армии начали отступление в направлении линии Горячий Ключ—Майкоп. Группа полковника фон Ле Суа, которая с частями 1-й горной дивизии обороняла высокогорные перевалы, оторвалась от противника 4 января и вернулась в район Майкопа за двадцать три дня.

125-я вюртембергская пехотная дивизия отступила в район южнее Краснодара. Эта линия была жизненно важной, поскольку Краснодар должен был стать поворотным пунктом для всей 17-й армии.

Для полковника Альфреда Рейнгардта, в то время командира 125-й пехотной дивизии, это означало, что город с его переправами через реку нужно удерживать любой ценой. Краснодар нельзя сдавать. Он важен и как железнодорожный узел, и как большой центр снабжения. В нем находились огромные запасы самых разных товаров. И поскольку Керченский пролив покрылся льдом, что на некоторое время затруднило все другие подходы в район Кубани, 400 000 человек личного состава 17-й армии полностью зависели от складов в Краснодаре — по крайней мере пока Керченский пролив не освободится ото льда. А это случится не раньше чем через семь недель.

Задача Рейнгардта, таким образом, была подобна той, что выполнили дивизии Гота у Ростова. 125-я пехотная дивизия должна была предотвратить прорыв русских с северных склонов Кавказа; любой ценой не позволить им приблизиться к двум дорогам, годным для отступления из Горячего Ключа в Краснодар, Крымскую и Новоросийск; оборонять Краснодар и контролировать партизан, укрывающихся в лесах. Работы немало.

Под прикрытием 125-й пехотной дивизии 44-й стрелковый корпус успешно вытаскивал из болота через Краснодар все свое тяжелое вооружение. Впечатительное достижение.

В это время 49-й горнострелковый корпус под командованием генерала Конрада должен был оторваться от противника на заснеженных перевалах Большого Кавказа. Здесь роты 46-й франконско-судетской пехотной дивизии генерала Хасснуса действовали в качестве арьергарда, прикрывающего сложный отход. С трудом, но справились прекрасно. Сложнее всего было восстановить тяжелое вооружение, которое протаскивали по абсолютно непроходимым долинам Гунайки и Пшиша.

Нужно прочесть рапорт полковника Винклера, командира артиллерии, чтобы осознать, насколько трудно было отводить тяжелые орудия. При полном отсутствии дорог их доставили в долины во время сухого сезона, а теперь они стояли в грязи по самые оси. В этой ситуации полковник Винклер сделал невозможное, имея в своем распоряжении только дюжину тракторов.

Поистине невозможное. Три трактора цепляли орудие. Три-четыре! И еще раз! Метр за метром орудия вытаскивали из вязкой грязи. Затем их разбирали. Отдельные детали солдаты на руках спускали вниз по крутым склонам. Грузили на сани. Потом на выючных животных. И наконец, на машины.

Карта 12. Ведя тяжёлые оборонительные бои, 125-я пехотная дивизия прикрывала отступление 44-го егерского корпуса.

Даже русским, известным своей изобретательностью, не удалось ничего подобного. Их победила сложная местность, и они смогли лишь следовать за отступающими немцами на значительном расстоянии. Только тяжелый труд, пот, мастерство и мужество спасли корпуса 17-й армии.

Когда русские переформировались, их главной целью стала дорога Саратовская—Краснодар, по которой отступали немцы. Эта единственная магистраль на север, известная как «Сталинское шоссе», в любую погоду оставалась проходимой даже для тяжелых машин. Русские прилагали отчаянные усилия, чтобы завладеть ею. Большие леса предоставляли им удобные плацдармы для наступления. В течение нескольких месяцев боевые группы и партизанские отряды просачивались в район южнее Краснодара. Немецкая линия фронта была столь неплотной, что это становилось неизбежным. Опасный партизанский край, соответственно, постепен-

но разрастался. Снова и снова в немецком тылу вылавливали то группу, то руководителя партизан.

В боевых донесениях 97-й стрелковой дивизии находим эпизод, типичный для характера партизанской войны. Подразделение туркменских добровольцев, храбро сражавшихся в Туапсе плечом к плечу с 97-й стрелковой дивизией, останавливалось на ночлег в маленькой покинутой жителями деревеньке недалеко от Северской. Иногда командиры частей забывали выставлять караулы.

Однажды утром туркмены не вышли в наряд. Немецкий дозор осторожно приблизился к деревне, которая выглядела подозрительно спокойной. Командир первым вошел в дом с пистолетом в руке. Солдаты услышали его громкие ругательства, а потом и сами все увидели. В каждой хате одна и та же картина: туркмены лежали в кроватях с отрезанными головами. На стенах мелом написано: «Смерть предателям!»

Такое страшное зрелище было частью психологической войны Советов против вызывающего у них опасения сотрудничества с немецким Вермахтом разных нерусских антисоветски настроенных национальностей. Значительную часть своих усилий в немецком тылу советская разведка тратила на выслеживание и наказание коллаборационистов. И работала исключительно продуктивно. Офицеры и комиссары секретного фронта призывали на регулярную службу подходящих людей из жителей оккупированных немцами районов. Московские эмиссары этой опасной борьбы были настоящими смельчаками.

Лейтенант Алекс Бучнер из 13-го полка горных стрелков описывает, как однажды его полицейские карачаевцы, находясь в дозоре в отрогах Кавказа, поймали высокого советского офицера.

При допросе он отказался раскрыть, каким образом проник за линию фронта. Просто закатил глаза и не произносил ни слова.

Когда карачаевец снял с него форму для более тщательного досмотра, а Бучнер поднял его красивую фуражку, чтобы срезать на память большую советскую звезду, пленный начал выказывать явные признаки беспокойства.

Несколько движений ножом по верху фуражки прояснили все: из-под подкладки посыпались отпечатанные на тонкой бумаге карты, приказы, подтверждение полномочий от Москвы и личные документы. Дозор поймал человека, который должен был создать в районе Кубани подпольную организацию.

Однако партизанские отряды в лесах около Северской вступали и в беспощадные открытые бои. Там была уничтожена 8-я рота 125-го артиллерийского полка, а 7-я избежала подобной участи только благодаря бдительности пехотного взвода, обеспечившего им прикрытие.

Допрос взятого в плен сержанта укрепил 125-ю пехотную дивизию во мнении, что русские бросят все силы на блокирование пути отступления немцев. «Наши командиры, — сказал сержант, — во всех частях зачитывали приказ из штаба. В нем говорится, что перерезать дорогу, по которой отступают немцы, надо любой ценой».

Не удивительно. Награда в случае успеха — целый 44-й егерский корпус.

Самые ожесточенные бои на правом крыле шли за решающую высоту 249,6. Там стоял 3-й батальон (421-го стрелкового полка) капитана Винзена. Небритый и осунувшийся от бессонницы, капитан сидел в сложном из камней доме. Снаружи трещали пулеметы.

На командный пункт вбежал связной: «Они снова идут, господин офицер!»

Они подходили. Как вчера и позавчера. Лишь на одном из четырех была форма, и лишь один из трех, в лучшем случае, имел винтовку. Тяжелого оружия не было вовсе. Они кричали «Ура!» и поднимались в атаку. Впереди молодые офицеры, некоторые прямо с учебной скамьи. За ними мальчишки тринадцати-четырнадцати лет, старики, инвалиды.

Собирали всех. Немецкие пулеметы скосили первую волну. Идущие за ними поднимали ружья раненых и убитых и продолжали атаку. Судя по лицам, здесь были все кавказские национальности.

Скоро горы убитых и раненых лежали уже в сорока метрах от позиций 3-го батальона. Определить, к какой части принадлежали убитые, не представлялось возможным, поскольку при них не было никаких документов.

Теперь мы знаем, что это были бойцы поспешно набранных отрядов специального назначения советской 56-й армии, приданных недавно сформированной советской 9-й горной дивизии.

Этот ад продолжался четыре дня. Они шли снова и снова, использовали горы своих собственных мертвых в качестве прикрытия. За этими страшными брустверами они перегруппировывались и с леденящим кровь криком «Ура!» снова бросались в атаку.

«Гранатометчики, вперед!» — зывали немецкие взводные командиры, когда наступала пауза. Только ручными гранатами можно было достать неприятеля за горами трупов.

Но какой прок? Будто песчаные барханы, горы мертвых все приближались и приближались. Сорок метров превратились в двадцать. Потом в десять. «Ура!» И они уже на командном пункте.

Капитан Винзен собрал всех. Немедленная контратака. Быстрее! Каждый знал, что должен поторопиться. Они уж имели мрачный опыт встречи с этими фанатичными ополченцами. Как молния, немецкий штурмовой отряд бросился на врага, и вот командный пункт батальона уже отбит. Ужасная картина: мальчишки отомстили мертвым немцам. Солдаты 3-го батальона получили еще одно грозное напоминание, что они воюют в Азии.

Серьезно раненный русский лейтенант был обнаружен еще живым. Когда капитан Винзен попросил его объяснить причины резни, русский пожал плечами и сказал: «Вы, немцы, знаете, как воевать; мы только учимся».

Учились они хорошо. Но иногда все еще допускали серьезные ошибки, которые обходились им недешево. Так, командиры этих отрядов «красной самообороны» и партизан руководили своими людьми необычным образом. Они отдавали подчиненным офицерам боевые приказы по радио, в прямом эфире, вместе с устрашающими угрозами: «Если не выполните задачу, я вас расстреляю!» или: «Начнете отступать, я прикажу открыть огонь по вашей части!»

Передовая служба радиоперехвата 125-й пехотной дивизии слушала все это, и Рейнгардт со своим штабом, таким образом, всегда заранее знал, где ожидать противника. Его тактические резервы постоянно оказывались в нужное время в нужном месте.

«Иногда я проводил операции, полностью основываясь на приказах русских командиров по радио», — вспоминает генерал Рейнгардт. Где бы наступающие полки ни сотрясали серое утро криками «Ура!», боевые группы баден-вюртембергских батальо-

Карта 13. Пять немецких корпусов сосредоточились за «Голубой линией». Сталин задействовал шесть армий, пытаясь прорвать немецкую оборону.

нов уже находились за своими пулеметами, с готовыми к стрельбе карабинами на брустверах их блиндажей и ручными гранатами рядом. Затем следовала контратака.

Сотни раз смерть проносилась над равниной, в перелесках и речных долинах.

«Ортлиб», ударная группа численностью примерно в полк, удерживала деревню Петзенская, находящуюся на пересечении старого шоссе на Краснодар с дорогой Майкоп—Новороссийск.

Русские упрямо стремились захватить деревню. Майор Ортлиб был вынужден организовать круговую оборону. Грузы для его сил приходилось доставлять с мощным конвоем. Каждый такой конвой представлял собой рискованное предприятие. Русские лежали в засаде, как красные индейцы, их снайперы снимали немецких водителей. Саперы мишировали дороги и закладывали заряды с дистанционным управлением. Эта ограниченная война была весьма изурительной.

Ортлиб защищал западные подходы к Краснодару.

Другим важным опорным пунктом, прикрывающим путь на Краснодар, являлась Саратовская, расположенная непосредственно на «Сталинском шоссе», которое шло от нефтяных промыслов Майкопа через горы к Краснодару. Эта дорога в любую погоду оставалась проходимой и для тяжелых грузовиков, однако на ней было несколько уязвимых мест — мосты через глубокие ущелья севернее города.

Командиру 125-й пехотной дивизии не хватало людей на важнейших точках оборонительного фронта, поэтому мосты охраняли части украинских добровольцев. Ими командовали надежные немецкие унтер-офицеры, но все же это были не немецкие части.

В ночь с 27 на 28 января в 02.00 часа утра Рейнгардта разбудил дежурный офицер, лейтенант Розер:

— Господин полковник, русские захватили мосты!

— Все три? — спросил изумленный Рейнгардт.

— Все, господин полковник.

Рейнгардт выругался по-швабски. Потом приказал: «Лейтенанта Заутера ко мне!»

Командира 14-й истребительно-противотанковой роты 421-го гренадерского полка отправили к мостам со взводом пулеметчиков и 75-мм противотанковым орудием.

Роту 420-го гренадерского полка погрузили на грузовики, с ней пошел сам Рейнгардт.

Они приблизились к первому мосту.

— Дозор, вперед!

— На мосту никого! — поступило донесение.

Глаза Рейнгардта гневно сверкнули.

К следующему мосту.

Один немецкий унтер-офицер пригнулся за своим пулеметом у въезда. Он жестом показал на третий мост, все огни на котором были погашены: «Как только там раздались первые выстрелы, украинцы побежали. Штурмовой отряд противника предпринял атаку, но был остановлен моим огнем и, по-видимому, теперь отступил».

Заутер осторожно приблизился к третьему мосту со своим штурмовым отрядом. На въезде горела словацкая боевая машина. В свете огня было видно, как окапываются несколько русских пехотинцев. Русский часовой на подходе к мосту искал машину для трофеев.

«То, что мне и надо», — пробормотал унтер-офицер Майер из 14-й роты. Он влез в грузовик и тихонок пошвыстел. Русский повернулся. Майер ударил его прикладом винтовки, тот осел, не издав ни звука.

Этого Заутер и ждал. Со своим штурмовым отрядом он подошел на самое удобное расстояние и открыл по удивленным русским огонь.

Рота 420-го гренадерского полка, следовавшая за Заутером, подавила последнее сопротивление. Мост был снова очищен.

Очень вовремя. Потому что на следующий день последние батальоны 198-й пехотной дивизии, словацкой восточной дивизии, 500-й батальон специального назначения и батальон велосипедистов 101-й егерской дивизии прошли через Саратовскую в направлении Краснодара. Им бы не спастись, если бы швабы Рейнгардта не держали путь открытым. Еще один пример, когда решительное изменение ситуации зависело от твердости отдельного командира или даже отваги одного пулеметчика, охранявшего мост.

Наконец Рейнгардт получил возможность отдать своим ударным группам, все еще стоящим на прикрывающих позициях восточнее и южнее Краснодара, приказ отступить.

Русские немедленно начали упорное преследование. Они отчаянно пытались догнать немецкий арьергард и прорваться в Краснодар. Эти формирования сильно отличались от диких полчищ последних нескольких недель: все молодые люди, хорошо обученные, в новой форме цвета хаки и коротких шинелях. На всем их обмундировании: форме, нижнем белье, носках и обуви — стоял американский штамп «GI»¹.

Легкое оружие тоже было из США, в карманах советские солдаты носили сигареты «Camel». Неистощимые военные запасы Рузвельта теперь тоже воевали против немецких армий на границах Европы с Азией.

Однако даже этим великолепным соединениям с их американским снаряжением не удалось прорваться в Краснодар. 30 января 125-я пехотная дивизия заняла новые оборонительные рубежи по обеим сторонам Прицепилковки. В тот же день на левом крыле армии последние части 49-го горнострелкового корпуса в Усть-Лабинской форсировали Кубань по военным мостам, которые обороняли части 13-й танковой и 46-й пехотной дивизий. Двенадцать часов спустя эти мосты взорвали заслоны 46-й франконско-судетской пехотной дивизии. Однако 17-я армия к этому времени все еще не вышла из леса.

2. Тревога на Черном море

Секретное совещание в Кремле — Сталин хочет поймать в капкан 17-ю армию — События в Озерейке — Один артиллерийский дивизион — Майор Кушиков у Новороссийска — Сражение на «Малой земле» — Начальник политотдела Брежнев.

24 января 1943 года в Кремле состоялось секретное совещание. В этот день Сталин обнародовал план одной из самых экстраординарных операций всей войны в России.

На основании документов, военных исследований и мемуаров советских военачальников мы сегодня можем достаточно точно представить себе, что происходило тогда в подземном бункере Кремля.

В условиях строжайшей конспирации Сталин собрал командующих Кавказского фронта и Черноморского флота в конференц-зале Верховного Главнокомандования. На стене висела огромная карта обстановки района Черного моря с Кавказом, кубанскими степями и береговой полосой. Сталин достаточно мягко начал свою знаменательную речь, подрагивая от ликования по поводу великой победы у Сталинграда, которая уже принимала реальные очертания. Но в процессе речи он все больше раздражался — раздражался из-за неспособности его генералов превратить этот успех в грандиозный триумф.

¹ «GI», джи-ай — то есть солдат армии США. — *Прим. пер.*

Действительно, немецкую 6-ю армию уже держали мертвой хваткой, но все другие возможности ликвидировать двадцать немецких дивизий в междуречье Дона и Волги раястали, как снег под лучами солнца.

«Войска Черноморской группы не справились с поставленными им задачами и не смогли выйти к Тихорецку», — недовольно говорил Сталин. Он подошел к карте и повел указкой по горам и степям прямо через синие и красные линии, обозначающие позиции и передвижения обеих сторон. «Войска Северной группы тоже не достигли своей цели», — продолжал он. Его указка постукивала по Сальску и Ростову.

Стояла мертвая тишина. Генералы знали, что Сталин прочел их доклады, в которых обстоятельно излагались причины, почему великий план окружения немецкой группы армий «А» не удалось осуществить. Они также знали, что он отказался поверить их объяснениям.

Как и Гитлер, кремлевский диктатор не доверял своим генералам. И как Гитлер, он был убежден, что, если держать людей в «постоянной готовности», отдавать строгие приказы и время от времени подавать идеи, все должно идти согласно плану.

«Что пытаются сделать фашисты? — спрашивал Сталин тоном школьного учителя. — Ответ ясен, — отвечал он сам себе. — Гитлер выводит с Кавказа через Дон только часть группы армий «А». А другую часть, свою 17-ю армию, он, безусловно, намеревается сосредоточить на азиатском материке, плацдарме на Таманском полуострове».

Генерал Антонов, заместитель начальника Генерального штаба, демонстративно закивал. И, словно это было их условным сигналом, Сталин теперь обратился к нему: «Какой информацией мы располагаем, генерал Антонов?»

Заместитель начальника Генерального штаба встал и подошел к карте: «Согласно данным разведки, немецкое Главное командование планирует возобновить наступление на нефтяные промыслы следующим летом. Для этой цели Семнадцатую армию и части Первой танковой армии оставляют на азиатском материке».

«Именно так, — добавил Сталин. — Их Семнадцатая армия отступает очень медленно, с боями, для того чтобы сохранить все тяжелое вооружение и удержать как можно больше территории. Поступая таким образом, Гитлер дает нам еще один шанс в конце концов уничтожить фашистов — если мы будем действовать без промедления. Нам нужно отрезать им пути отступления на Таманский полуостров».

Сталин был явно увлечен своим планом. И генералы понимали, что он будет отстаивать его всей силой своего личного авторитета, а любой несогласный с этим планом навлечет на себя высочайший гнев. «Генерал Петров, — продолжил Сталин, глядя на командующего Черноморской группой, — генерал Петров ударит Сорок шестой и Восемнадцатой армиями в район Краснодара! — Указка двинулась по карте из Майкопа на Кубань. — Он захватит переправы через Кубань и пойдет вдоль реки на запад в направлении Таманского полуострова».

Карта 14. Сталин планировал отрезать немецкую 17-ю армию от Таманского полуострова посредством одновременного наступления по суше и с моря.

Сталин повысил голос: «Одновременно в двойное кольцо будет взят Новороссийск! — Указка властно щелкнула по карте. — Сорок седьмая армия предпримет фронтальную атаку по новороссийскому фронту и совершит прорыв».

Генерал Петров с сомнением покачал головой. Сталин заметил и повернулся к нему: «Я знаю, что вы собираетесь сказать. Я не зря читал ваши рапорты. У Сорок седьмой армии, скажете вы, слишком мало штурмовых формирований, слишком мало танков и слишком мало орудий для подобной операции на глубину обороны противника».

Сталин махнул рукой. «Я все это уже слышал!»

И, словно он планировал этот ораторский прием, продолжил медленно и внятно: «Мы возьмем Новороссийск совместной операцией с суши и с моря. Черноморская флотилия ночью доставит в тыл противника крупный десант войск особого назначения и военно-морских сил. В удобной точке десант уничтожит немецкие оборонительные сооружения на побережье и создаст береговой плацдарм. Танковые бригады и воздушно-десантные полки разовьют успех и увеличат прорыв в направлении Волчьих Ворот. Затем они соединятся с частями Сорок седьмой армии, которые пробьются севернее Новороссийска. После соединения две колонны будут наступать вместе навстречу армиям, идущим с Кубани, и соединятся с ними».

Сталин показал двойной охват на карте. И, как будто все уже было сделано, проговорил: «Таким образом, немецкая Семнадцатая армия отрезана от Таманского полуострова».

Генералы чувствовали растерянность. Десантная операция! Такого рода военных действий советская армия еще никогда не знала! Разве не потерпели ужасное поражение в Дьеппе пять месяцев назад даже западные союзники, имеющие специальные десантные войска?

Однако генералы и адмиралы хорошо знали, что обсуждать рожденную Сталиным идею не имеет смысла, его обуяло желание наконец поймать в капкан отступающие силы генерал-полковника Руоффа.

Ставки были высоки. Если операция пройдет успешно, Сталин получит примерно 400 000 человек личного состава, 110 000 лошадей, 31 000 на конной тяге и 26 500 моторных транспортных средств, а также 2085 орудий. Другими словами, силы вдвое большие, чем немецкая 6-я армия в сталинградском мешке.

Всяляющей надежду частью плана являлась высадка десанта. Немецкий фронт со стороны суши держали их собственные и румынские части, и события последних недель показали, что они оказывают эффективное сопротивление, тогда как со стороны моря немцы явно не предусматривали какой-либо серьезной угрозы. Берег поэтому был мало укреплен, во многих районах стояли преимущественно румынские части. При условии внезапности можно было рассчитывать на успех.

3 февраля майор доктор Лахмейер, командир 789-го дивизиона береговой артиллерии в Глебовке, лег спать поздно. Вечерний отчет отнял больше времени, чем обычно: фронт приближался. Позиции дивизиона с его 105-мм длинноствольными орудиями и 105-мм гаубицами теперь становились все важнее в качестве углового пункта «Голубой линии» и Кубанского плацдарма. В воздухе что-то носилось. В последние несколько дней на море наблюдалась большая активность. Советские патрульные суда без конца сновали вокруг Озерейки. Немецкая воздушная разведка доложила о заметном увеличении активности в портах Геленджик и Туапсе.

В последнюю неделю интенсивно велись радиопереговоры, но два дня назад, 1 февраля, эфир резко онемел. Подозрительное молчание. Что-то готовится? Может, советский Черноморский флот сосредотачивается и соблюдает радиомолчание, чтобы себя не выдать? Эти вопросы мучили штабных офицеров береговой обороны.

Около 20.00 Лахмейер связался по телефону со штабом армии в Славянске. Там тоже с интересом отметили молчание в эфире. Было много предположений и дебатов. Генерал-полковник Руофф объявил на Крымском побережье «боевую готовность № 1». Если русские действительно готовят удар Черноморского флота, тогда наверняка — по крайней мере к такому выводу пришли в Славянске — он может быть нанесен только по Крыму или Керченскому проливу.

Однако штаб Руоффа полностью не исключал возможность операции и против Таманского полуострова, а поэтому «боевая готовность № 1» была объявлена также для береговой обороны в Анапе. Удар в район Новороссийска, напротив, штаб армии считал невозможным, там поэтому войска подобного приказа не получили. Ни в Новороссийске, ни на побережье южнее Анапы.

Генерал фон Бунау, командир 73-й пехотной дивизии, и полковник Пешльмиоллер, командир его артиллерии, не разделяли этой точки зрения. Они неоднократно указывали на вероятность высадки десанта в заливе Озерейка. Воздушная разведка докладывала о значительной концентрации десантных судов в районе Геленджик—Туапсе. Перехваченные и расшифрованные радиogramмы советского командования наводили на мысль, что десант будет высажен недалеко от Геленджика. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, командир артиллерии провел в Озерейке учения, продолжавшиеся несколько дней. Результат не вызывал энтузиазма: сил и боезапаса недостаточно для отражения крупного десанта.

Единственной тактикой, дающей какую бы то ни было надежду на успех, следовательно, было не открывать артиллерийский огонь, пока десантные силы не подойдут настолько близко, что их собственные орудия уже не смогут их прикрывать; другими словами, огонь открывать, когда противник будет находиться примерно в двухстах метрах от берега. Такой приказ получили береговые орудийные расчеты.

Майор Лахмейер лег спать в крестьянской хате в Глебовке около полуночи. В 01.00 его грубо разбудили. Бомбы!

В ту же секунду в комнату влетел дежурный офицер лейтенант Эргард:

— Русские на подходе, господин майор! Они бомбят все вокруг. Только что поступило донесение с наблюдательного пункта в долине Озерейки, что наши ложные позиции в заливе обстреливает тяжелая корабельная артиллерия.

— Ложные позиции? Отлично, — засмеялся Лахмейер. — А что орудийные окопы?

Карта 15. 4 февраля 1943 года русские совершили попытку высадить десант в заливе Озерейка. Немецкая артиллерия отразила нападение.

— Там, кажется, все нормально, господин майор.

— Еще лучше.

Лахмейер был доволен. Он быстро надел форму и пошел к полевому телефону в другой комнате. На проводе — наблюдательный пункт 3-й роты и взвода гаубиц, находящиеся непосредственно на берегу.

— Стреляют с моря, — доложил наблюдатель лейтенант Крайпе.

— Корабли видно? — спросил Лахмейер.

— Нет, господин майор, абсолютно темно; мы видим только вспышки, а я пока не хочу включать наши прожектора.

— Хорошо!

Лахмейер удостоверился, что в других частях тоже все в порядке. 3-я рота под командованием лейтенанта Холшгермана несколько дней назад передвинулась на тщательно замаскированные позиции в подлеске на восточном фланге долины Озерейки. Залив и море лежали перед их орудиями, как на тарелке, тогда как сами они были не видны.

Сразу за отмелью, напротив 3-й роты, Лахмейер в кустарнике разместил две 105-мм гаубицы. Командовал орудием унтер-офицер Вилл Вагнер.

2-я рота лейтенанта Монниха окопалась на небольшом холме рядом с Глебовкой. Она контролировала долину, залив, а также идущую с берега дорогу.

1-я рота лейтенанта Керлера стояла примерно в километре от 2-й, на высоте у озера Абрау, в секторе их обстрела находились залив и море. На склонах справа и слева располагались позиции нескольких румынских легких полевых гаубиц румынского 38-го пехотного полка.

Офицеры и рядовые уже были у орудий. Никто еще не пострадал ни от бомб, ни от огня корабельной артиллерии. Согласно плану немецкая сторопа пока не выпустила ни единого снаряда.

Стояла темная ночь — новолуние. На следующий день должно было быть солнечное затмение. Неужели русские в самом деле предпримут десантную операцию в такой крошечной тьме?

Лахмейер связался по телефону с генералом фон Бунау, командиром 73-й пехотной дивизии: «Артиллерийский огонь действительно наводит на мысль о десанте, господин генерал».

Бунау разделил тревогу Лахмейера и перезвонил в корпус. Однако был воспринят скептически: «Десант в этом месте? Анапа, может быть, или Крым. Но там?»

Лахмейер соединился с капитаном Дабижа Николаи, командиром 5-й роты румынского 38-го пехотного полка. Румыны обеспечивали береговую оборону на отмелях перед сектором Лахмейера.

«Береговая оборона», пожалуй, слишком громкое название для боевых позиций с пулеметами и пехотными окопами позади заминированного заграждения из колючей проволоки вдоль песчаного пляжа.

До 01.00 капитан Николаи имел телефонную связь с большинством опорных пунктов, но теперь некоторые отвечать перестали. Либо были повреждены провода, либо их позиции уничтожены огнем русских.

Как сообщали наблюдатели, снаряды тяжелых корабельных орудий падали на отмель, повреждали заграждение и накрывали дальнюю оконечность залива, где располагались пулеметные огневые точки. Русские снаряды долетали до самой Глебовки.

Майор Лахмейер вышел из дома. С моря, как в бурю, доносился гром и сверкали молнии. Вверху гудели бомбардировщики. Они сбрасывали также светящиеся бомбы.

Лахмейер и его ротные командиры не могли видеть, что позади и между непрерывно стреляющими эсминцами и крейсерами шли десантные суда и военно-морские части.

Именно здесь, в секторе 789-го артиллерийского дивизиона, в заливе, образованном дельтой реки Озерейка, впадающей в Черное море, русские запланировали свой главный десант. Идеальное место. Полуокруглый залив, шириной примерно 2,5 километра, с валунами и отдельными кустарниками. Перед ними — плоская песчаная отмель. Справа и слева — крутые, покрытые лесом склоны, в которых можно быстро укрыться.

В 02.00 на борту тяжелого эсминца «Харьков» вице-адмирал Октябрьский посмотрел на свои часы и подал сигнал офицеру артиллерии: «Перенести огонь!»

Орудиям передали новые данные для стрельбы.

«Сработает, товарищ адмирал?» — спросил командующего флотом капитан эсминца.

Адмирал пожал плечами. Капитан знал, о чем он думает. ВМФ был недоволен выбором времени десанта, он снова и снова настаивал, что для подобных операций необходима полная луна. Необходимо, чтобы точно произвести высадку, воспользоваться укрытиями, чтобы видеть, как продвигается соседняя часть.

И военно-морские силы тоже нуждались в определенном минимуме света, чтобы обеспечить координацию действий своих частей с десантными судами. Как можно согласованно совершать автономные передвижения в полной темноте?

Таковы были аргументы ВМФ. Однако армейские генералы, и Сталин с ними, не согласились. Они заявили, что темнота необходима, что русские солдаты имеют опыт ночных боев, а немцы им в этом уступают.

«Пока еще совсем темно, в 02.00, штурмовые подразделения первой волны высадятся с 1500 морскими пехотинцами и бронетехникой и создадут береговой плацдарм. Военно-морские прикрывающие силы сначала подавят обнаруженные воздушной разведкой огневые позиции, уничтожат проволочные препятствия на берегу, минные поля и пулеметные точки». Таковы были приказы для «первой фазы» плана.

«Вторая фаза» предусматривала следующее: вторая волна с тяжелым вооружением высадится перед рассветом, чтобы военно-морские части смогли отойти от берега под покровом темноты.

Таковы были приказы, а вот как все произошло.

В течение часа, с 01.00 до 02.00, русские тяжелые корабельные орудия наносили удары по заливу. Стреляли щедро. На берегу взрывающиеся мины эхом вторили грохоту орудий. Препятствия из колючей проволоки разорвало в клочья.

2 часа. Стена разрывов поднялась выше по берегу.

Первая волна! Офицеры закричали. Эсминцы обменялись световыми сигналами. Десантные суда с морскими пехотинцами запыхтели к берегу, лавируя между флотилией эсминцев. Среди них было два плоскодонных судна с американскими танками «Грант», «Споарт» и «Ли» на борту. Корабельная артиллерия прикрывала десантные суда и береговой плацдарм. Как гигантская линия фонтанов, поднялись брызги разрывов снарядов в дальнем конце залива — испепеляющая завеса огня и дыма.

Лейтенант И.П.Богданов стоял на крыше рулевой рубки доставляющего его взвод десантного судна, наблюдая зрелище в прибор ночного видения. «Получилось неплохо», — пробормотал он.

В решающем пункте, однако, совсем не получилось. Действительно, проволочные препятствия разбиты, полосы минных заграждений взорваны, румынские сторожевые заставы ликвидированы. Но позиции, которые советский Черноморский флот обстреливал шестьдесят минут в уверенности, что громит немецкую береговую батарею, были лишь ложными позициями 3-й роты, удары по другим соединениям тоже не нанесли серьезного урона.

Прямое попадание уничтожило позицию румынских легких гаубиц, и расчет разбежался, но пехотинцы Николай оставались за своими пулеметами в подлеске на крутом фланге залива.

Когда огонь противника поднялся с берега выше, все поняли, что наступил решающий момент — момент высадки русского десанта.

Лейтенант Крайпе приказал быстро направить расположенные на самых восточных возвышенностях тяжелые прожектора прямо на прибрежную полосу. Их лучи ощущали отмель и соскользнули в море, осветили армаду небольших серых теней.

Теперь они были достаточно близко. «Огонь!» Орудия Холшермана рывкнули. «Огонь!»

105-мм снаряды гаубиц застучали по приборю. Вагнер столько раз повторял эту операцию, что его люди привыкли к ужасающим звукам близко разрывающихся снарядов.

Они выпускали снаряд за снарядом и просто не могли промахнуться.

Унтер-офицер Вагнер заткнул уши ватой. Он скрючился за невысоким кустарником на берегу, пристально разглядывая море в ночной бинокль. Прожектора 3-й роты вспыхнули еще и еще. Хотя по их позициям было нанесено два точных удара, один из которых повредил оборудование, и теперь русские методично их обстреливали, они продолжали короткими вспышками освещать цели для артиллерийской стрельбы прямой наводкой.

Снова и снова сверкали вспышки взрывов — взлетало на воздух подбитое десантное судно, где снаряды падали в воду — поднимались высокие столбы воды.

Вагнер увидел, как одно советское судно, прорвавшись сквозь этот ад, достигло берега. «Они уже здесь!» И, нагнувшись к первому орудью: «Сократите дальность на сорок пять метров!»

Наводчик кивнул.

Вагнер побежал ко второй гаубице, и теперь снаряды падали прямо на отмель. Соединения лейтенанта Холшермана на противоположном восточном склоне продолжали обстреливать приближающиеся русские суда.

Тем не менее первая волна советских морских пехотинцев высадилась на берег. Они сразу же попали под продольный огонь пулеметов румынских сторожевых застав.

«Где, черт возьми, эти танки?» — ворчал лейтенант Богданов. Разве плоскодонное судно с танками не шло рядом с его катером? И он сам видел, как первые танки съехали по сплину в воду.

Богданов осторожно поднял голову. Вот — один «Стюарт» выбирался на берег в нескольких метрах от него, его мотор чихал, потом танк и вовсе остановился.

Богданов побежал к нему, влез на корму и закричал командиру в люк башни: «Не останавливайся здесь — двигайся вперед! И где остальные?»

Танкист в отчаянии махнул рукой и выругался. «Это вода! — И потом добавил. — Вода была слишком глубокой. Она попала в мотор через выхлопную трубу!»

Вот почему танки не появились. В темноте и общей неразберихе их высадили слишком далеко от берега. Странно, что советское командование не подумало о подобном повороте событий, элементарные насадки на выхлопные трубы могли бы спасти танки.

Но и другие десантные суда подходили недружно, некоторые под шквальным немецким огнем повернули обратно, другие в темноте потеряли направление и оказались много восточнее, там, где за узкой прибрежной полосой сразу начинался неприступный утес.

Сержант Леонид Седонин со своей командой пробился к восточному краю залива, где обнаружил позицию с тремя легкими пехотными орудиями, покинутую румынским расчетом после прямого попадания. Однако два орудия были в порядке, и Седонин, будучи артиллеристом, немедленно воспользовался ситуацией и открыл огонь по гаубицам унтер-офицера Вагнера.

К счастью для Вагнера, капитан Радиу, командир стоявшей непосредственно за заливом румынской инженерно-саперной роты, узнал от связного о советском ударе. Он не стал долго сомневаться и со взводом саперов подполз к позиции. Ручные гранаты. Прыжок через каменный бруствер. Автоматная очередь.

Сержант Седонин убит, капитан Радиу тоже остался мертвым на отвоеванной позиции.

Русские штурмовые отряды тем временем собирались на берегу. Они проблись на окружающие залив склоны, вкопали минометы, залегли за свои пулеметы.

Танки, которым удалось выйти из воды, двинулись в подлесок. Они заставили замолчать румынские пулеметные точки и пошли дальше, в направлении Глебовки.

Сильный минометный огонь накрыл гаубицы Вагнера. Половина расчета погибла, другая половина получила ранения. Русские пошли в наступление. Вагнер и немногие оставшиеся в живых нашли спасение в прилегающем лесу.

Унтер-офицер добрался до лейтенанта Холшермана. «Русские заняли наши позиции. У нас не было времени взорвать орудия. Разбейте их за нас!»

Холшерман ударил по позициям из 105-мм длинноствольного орудия и уничтожил гаубицы вместе с захватившими их советскими солдатами.

Было 03 часа 30 минут утра. Русские понесли тяжелые потери, но их офицеры снова и снова поднимали свои части в атаку. Вот они проблись к лесу над заливом, прощупали берега речки Озерейки, окопались.

В небольшой рощице возле устья Озерейки расположили командный пункт советского начальника связи всей десантной операции, к посту подползали связные с донесениями. Время шло.

А в море все еще ждала сигнала основная часть сил. Наконец начальник связи принял решение подать кораблям условленный радио- и световой сигнал: «Береговой плацдарм готов!» И прибавил кодовый знак, означавший «Срочно требуется подкрепление».

Штабные офицеры на борту флагмана русских военно-морских сил, обеспечивающих прикрытие, напряженно ждали этого сигнала последние шестьдесят минут. Их беспокойство усиливалось не только тем, что запаздывал сигнал с залива, но и тем, что до

сих пор не подошла транспортная флотилия с основной частью десанта. Командование флота не торопилось. Почему?

Загадку впоследствии объяснили советские публикации. Задержка оказалась не следствием грубой ошибки, она была преднамеренной. Командование флота решило поступить по-своему и высадить десант, когда рассветет. В результате прошло еще полчаса после получения сигнала о помощи, пока десантные суда появились на месте.

Это была впечатляющая армада. К заливу приближалось больше ста транспортных судов: пароходы и катера, старые посудины на последнем издыхании и самые современные самоходные баржи.

Десантные суда медленно шли сквозь линии прикрывающих военных кораблей, на них сгрудились три бригады морских пехотинцев, парашютно-десантный полк и шесть—восемь тысяч солдат и матросов. Танки, пушки и самоходные орудия — отдельно, на борту специальных транспортов. Море было спокойным. Вид военных кораблей поднимал боевой дух войска. Тяжелый эсминец «Харьков», флагман прикрывающих морских сил, медленно скользил по поверхности. Рядом с ним виднелись силуэты двух крейсеров и пяти эсминцев, правее — три канонерские лодки, между ними торпедные катера, минные тральщики, противолодочные и патрульные катера. Все они сосредоточились на небольшом пространстве.

Но идущие к берегу войска и не подозревали, что военно-морская флотилия в этот момент, оказывается, уходит в открытое море. Адмирал строго следовал графику, а этот график требовал: в 04.15, незадолго до рассвета, все военно-морские части должны выйти из пределов досягаемости с берега.

В итоге только несколько мелких кораблей остались у берега, несмотря на приказ.

Когда транспортная флотилия подходила к берегу, стало рассветать. На земле десятки пар глаз внимательно следили за морем, не отрываясь от ночных биноклей и траншейных перископов.

Громадная советская армада произвела сильное впечатление на немецких и румынских наблюдателей. Телефонной связи больше не существовало, поэтому быстро были отправлены связные.

Ротные командиры майора Лахмейера тоже потеряли связь с дивизионом, решения пришлось принимать самостоятельно. Наблюдатели докладывали: «Десантные суда противника в квадрате...»

И затем следовали данные для стрельбы. «Огонь!»

Третий залп 2-й роты накрыл большой транспорт, на палубе сдетонировали находившиеся там боеприпасы. Сразу после этого, получив тяжелый удар, опрокинулось передовое судно с артиллерией и самоходными орудиями.

Рота Холшермана стреляла беспрепятственно. Вот уже сносит в море пылающий транспорт, два других идут ко дну у самого берега, переворачивается баржа с танками, горящий катер таранит другой, разваливается лодка с десантниками. Штурмовой отряд выбрасывается на берег и бежит вперед сквозь огонь и дым.

Военные корабли, которые должны бы в это время вмешаться в бой и поддержать десантную операцию: гвардейские крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым» с 180-мм пушками и 100-мм зенитными орудиями, тяжелый эсминец «Харьков» с четырьмя современными 130-мм корабельными пушками и большим количеством 76-мм зенит-

ных орудий — давно скрылись за горизонтом и шли теперь в родные порты. Строго в соответствии с планом.

Как в этой абсурдной ситуации должна была поступить основная часть советской десантной флотилии? Не нашлось никого, кто бы хотел или был в состоянии довести дело до конца: группа десантных кораблей с тремя бригадами десантников на борту отошла в море и стояла на рейде в нерешительности.

Через час лихорадочного обмена сигналами командир группы десантных кораблей в итоге приказал возвращаться на базу. Случай беспрецедентный в истории войн.

Высадившиеся в заливе Озерейка роты ничего об этом не знали. Они мужественно сражались. Утром 4 февраля русский штурмовой отряд с тремя танками вышел на Глебовку и атаковал позиции румынского минометного дивизиона в старом поместье с виноградником. Как только румыны завидели танки, они оставили и винные погреба, и минометы.

Если бы тогда в распоряжении командира русского штурмового отряда была рота, он сразу взял бы Глебовку.

Но у него был только взвод.

Узнав о сложившейся ситуации, Лахмейер немедленно предпринял контратаку с частью людей 2-й роты, взяв с собой все пулеметы дивизиона. Ничего не получилось. Русские уже закрепились на позициях и отбивали атаки немецких артиллеристов при помощи захваченных минометов.

Лахмейер приказал 1-й роте лейтенанта Керлера, находившейся западнее Глебовки, открыть огонь по поместью и винограднику, и после этого румынскому капитану Дабижа Николаи с его 5-й ротой удалось выбить русских с позиции.

К вечеру основная опасность миновала. Орудия 164-го резервного зенитного дивизиона и 173-го дивизиона ПГО под командованием капитана Гутшера разбили прорвавшиеся шесть советских танков. 13-я усиленная рота лейтенанта Вичзорека 229-го егерского полка вместе с румынскими штурмовыми отрядами бросились из Глебовки вниз к берегу, там они обнаружили жуткое кладбище.

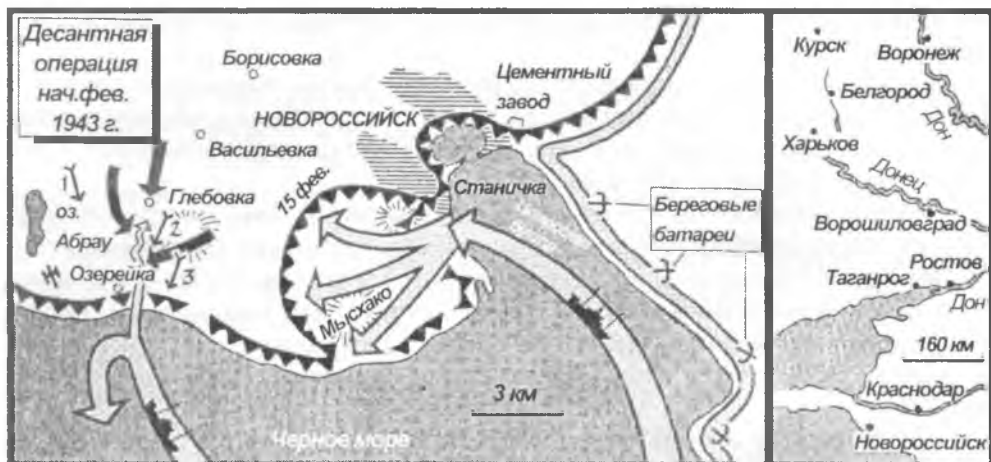
На мелководье лежали перевернувшиеся и затонувшие транспортные суда. Между ними стояли поврежденные танки. Набегающие волны бились об их гусеницы, перекачивались через мертвые тела, которые море вынесло к берегу.

Команды расчистки местности насчитали 620 убитых и тридцать один поврежденный американский танк. К утру 6 февраля взяли в плен 594 человека, остальные из 1500 советских бойцов, высадившихся в первой волне, по всей вероятности, утонули. Отдельные группы, возможно, укрылись в лесу, другие пытались пробиться к русской линии фронта у Новороссийска, однако это удалось лишь немногим.

Вот так провалилась великая операция Сталина в заливе Озерейка. Это произошло не только из-за серьезных ошибок советского командования, но и вследствие бдительности и смелости немецкого дивизиона береговой артиллерии и румынских частей.

Обоснованность этого вывода по обоим пунктам подтверждают события, которые произошли в те же самые дни февраля 1943 года в нескольких километрах от залива Озерейка. Там себя в операции проявил русский офицер. События в поселке Станичка — особая глава истории войны в России.

В ту ночь, когда в Озерейке осуществлялась главная десантная операция, диверсионно-десантный отряд в несколько сотен человек высадился у Станички, предместья

Карта 16. Советским десантным частям удалось создать плацдарм в бухте Новороссийска. Сражение за «Малую землю» продолжалось семь месяцев.

Новороссийска, в качестве отвлекающего маневра. Командовал майор Ц.Л. Куников, офицер морской пехоты, по профессии инженер.

Куников набрал себе людей в самых разных частях Черноморского флота. Все они были отчаянные смельчаки и получили специальную подготовку для ближнего боя и диверсий.

4 февраля за два часа до рассвета бойцы Куникова погрузились в Геленджике на суда 4-й флотилии под командованием лейтенанта Н.Я. Зипядона. Когда корабли подошли к мысу Мысхако и им оставалось еще пятнадцать—двадцать минут хода, советская артиллерия, находившаяся на восточной стороне бухты, открыла огонь по немецким сооружениям береговой обороны и береговым батареям.

Под прикрытием этого заградительного огня небольшая флотилия Зипядона поспешила к берегу у Станички. Когда глубина была примерно по грудь, десантники Куникова выпрыгнули за борт и пошли к берегу по воде.

Через четверть часа первые двести пятьдесят моряков оказались на берегу. Они были у самых ворот в Новороссийск и уже захватили несколько домов на окраине поселка Станичка.

В морской крепости Новороссийск сравнительно хорошо укрепилась 73-я пехотная дивизия. В городе находились пехотные, инженерные части и части истребителей танков, а также штаб 186-го гренадерского полка, там же располагались и два главных управления — 16 и 18-е управления базой флота.

Западный мол занимала батарея 105-мм гаубиц. Ядро обороны бухты и порта составляло зенитное боевое подразделение 164-го резервного зенитного дивизиона с двумя 88-мм орудиями. собственно береговая оборона внизу на берегу находилась в руках частей 10-й румынской дивизии.

И под носом этих сил майор Куников высадился у Станички! При первых лучах восходящего солнца его небольшая флотилия вошла в Цемесскую бухту. Мимо корабельных орудий. Мимо грозных 88-мм пушек, установленных на голом холме в трехстах метрах над входом в бухту. С немецкой стороны не последовало ни единого выстрела.

«Я хорошо видел корабли. Но тревоги не было, и я не мог знать, свои это или нет», — впоследствии говорил трибуналу лейтенант, командовавший зенитным подразделением с двумя 88-мм орудиями.

В итоге, когда заговорила русская артиллерия и лейтенант понял, что происходит, действовать было уже поздно: береговой плацдарм Куникова находился в мертвом пространстве, вне досягаемости немецких орудий.

У второго 88-мм орудия, согласно свидетельству унтер-офицера Эберса, вообще не видели десантных судов, а телефонная связь с батареей прервалась, как только был открыт заградительный огонь. Более того, орудие очень скоро получило несколько серьезных ударов и потеряло боеспособность.

Прикрывающие берег отряды 10-й румынской пехотной дивизии были полностью деморализованы мощным артиллерийским огнем русских, и, как только перед их разрушенными оборонительными сооружениями появился первый советский солдат, румыны побежали, не выпустив ни единой пули.

Через полчаса один из штурмовых отрядов Куникова достиг позиции еще боеспособной 88-мм пушки. Поскольку это была не самоходная пушка и без тягача, немецкий лейтенант приказал взорвать орудие и отступил вместе с расчетом. Впоследствии его отдали под трибунал, но оправдали.

Второе орудие, поврежденное, расчет взорвал, когда все попытки восстановить связь с ротой не дали результата.

При такого рода обороне неудивительно, что первая волна майора Куникова не только не понесла никаких потерь, но и быстро продвинулась вперед, смогла закрепиться и создать плацдарм для остальных сил. Шестьсот русских десантников, пришедших со второй волной нашли, таким образом, хорошо подготовленные позиции.

У немцев, напротив, все шло не так. Командование в Новороссийске реагировало нервно. Тот факт, что береговая оборона находилась в руках румын, серьезно осложнял дело. Слишком поздно, уже утром 4 февраля, против советского плацдарма были брошены наскоро собранные части.

Однако царила полная неразбериха. Никто не знал, что произошло. Владевшие необходимой информацией румынские части отступили в горы. Бойцы Куникова окопались поодиночке или маленькими группами и так бешено отовсюду стреляли, что у непосвященных складывалось впечатление, будто высадилась целая дивизия. Абсолютное незнание ситуации лишило немецкое командование твердости.

Советские источники позволяют нам очень точно представить ход событий в решающие первые несколько часов десантирования у Станички. Лейтенант Романов с первой группой передового отряда уже с первой попытки захватил румынский бункер, находившийся непосредственно на берегу. Румыны бросили там неповрежденными свой пулемет и 37-мм орудие. Романову только оставалось поставить за них своих людей и ждать немецкой контратаки. В итоге, когда взвод 14-й роты 170-го гренадерского полка пошел в атаку, немцев скосили огнем из этого бункера.

Вторая группа Куникова пробилась в Станичку и закрепилась в здании школы, чтобы прикрыть фланг берегового плацдарма против Новороссийска. Саперы и гранатометчики 73-й пехотной дивизии старались вытеснить русских. В конце концов немцам удалось выбить бойцов Куникова из школы и окружить эту ударную группу.

Для русских наступил опасный момент. Если прикрытие фланга плацдарма будет снято, под угрозой окажется вся операция, немцы смогут атаковать фланги берегового плацдарма из Станички и не позволить основной части советских морских пехотинцев достичь необходимой им цели — расположенных за поселком господствующих высот с горой Мысхако, склоны которой, покрытые густым подлеском, предоставят нападающим хорошее укрытие.

В ту минуту решалась битва, которая длилась потом семь месяцев, или 302 400 минут.

Героем той минуты стал советский старшина Корницкий. Он определил исход первого боя. Когда ему стала ясна безнадежность положения его ударной группы, он привязал к поясу пятнадцать ручных гранат, выдернул чеку, вскочил на стену школьного двора и прыгнул в место сосредоточения немецкого пехотного взвода. Живая наземная мина, он взорвался сам, но при этом взорвал и немцев.

Кольцо разомкнулось. Пример Корницкого придал русским силы. Двум ударным группам удалось соединиться и создать оборонительный рубеж, дорога к высотам за Станичкой и 430-метровой горе Мысхако была обеспечена. Куников занял господствующие высоты. Старшина Корницкий, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, разрешил опасный кризис первого часа и открыл дорогу главному удару. Сражения выигрывают солдаты.

Утром 4 февраля и немецкое, и советское командование оказалось перед совершенно неожиданной ситуацией. Советский командующий Черноморской группой генерал Петров, до последнего момента угнетенный провалом главного десанта в заливе Озерейка, понял, что, вопреки всем ожиданиям, горстка его солдат захватила береговой плацдарм непосредственно у Новороссийска и, более того, захватила стратегически ключевую позицию на Новороссийском фронте. То, что планировалось как ложный маневр, обернулось главным успехом.

Генерал фон Блинау, командир 73-й пехотной дивизии в Новороссийске, и генерал Вецель, командир 5-го корпуса, с удивлением признали успешность операции русских. Однако они также обратили внимание на то, что высадились лишь небольшие силы русских. Обе стороны, следовательно, имели перед собой одни и те же факты, но выводы, которые они из них сделали, были прямо противоположны. Вот откуда пришла nastоящая беда.

Любой знакомый с советскими методами ведения боев и русскими солдатами должен был бы понимать, что, когда они совершают прорыв, меры нужно принимать немедленно. Если русским позволить окопаться и организовать оборону, выбить их с позиций чрезвычайно сложно.

Необходимо было тут же предпринять контратаку всеми доступными силами. Привлечь военно-морской штаб, личный состав, руководителей управлений порта, а также все имеющиеся в распоряжении части, такие, как 73-я пехотная дивизия, румыны и 10-й штрафной батальон. Всех нужно было бросить в бой туда и тогда. Включая поваров и писарей, сапожников и пекарей и бесчисленных чиновников. Всех. И сразу.

Однако дивизия и корпус хотели действовать наверняка, начали подготовку. Роты и батальоны подтягивались из самых разных участков фронта корпуса, и контратаку назначили на 7 февраля.

Но 7 февраля — три раза по двадцать четыре часа. Генерал Петров, напротив, ждал только двенадцать часов. И начал действовать.

В ночь с 4 на 5 февраля под прикрытием поразительно точных советских береговых орудий, расположенных лишь в полутора километрах на восточном берегу Цемесской бухты, он двинул на плацдарм целый воздушно-десантный полк на катерах и небольших десантных судах. У берега русские солдаты прыгали за борт и плыли в ледяной воде.

В последующие две ночи Петров решительно перебросил на береговой плацдарм все те формирования, которые первоначально предназначались для главного десанта в заливе Озерейка — три бригады морской пехоты и войска специального назначения, в целом более восьми тысяч человек. Среди них такие отборные формирования, как 225 и 83-я Краснознаменные бригады морской пехоты, 165-я стрелковая бригада, располагающая бронейным оружием. Таким образом, береговой плацдарм в четыре километра шириной и три километра глубиной до отказа был набит войсками и оружием. Этими силами плацдарм увеличили до двадцати квадратных километров — т.е. пять километров на четыре.

Человек, который в качестве начальника политотдела советской 18-й армии поднимал на плацдарме боевой дух солдат, обеспечивший успех рискованной операции, — Леонид Брежнев, тогда замполит штаба в звании полковника.

Это Брежнев, сегодня первое лицо в советской Коммунистической партии, дал плацдарму название, ставшее вдохновляющим призывом, — «Малая земля», земля самых сильных и самых смелых.

Если не знать, что родители Леонида Брежнева назвали своего сына в честь святого Леонида, легко поддаться искушению провести параллель с Леонидом, царем Спарты, который в 480 г. до н. э. защищал узкий Фермопильский проход, единственную дорогу между Центральной и Северной Грецией, от превосходящих сил армии персов и там погиб вместе со всеми остальными. В честь героя спартанцы воздвигли памятник с бессмертными строками: «Путник, возвести нашим гражданам в Лакедемон, что, их заветы блюдя, здесь мы полегли». Это самый древний из известных случаев исполнения приказа держаться до последней капли крови. Но, как мы уже сказали, Леонид Брежнев, сын простых людей, после рождения в 1906 году был окрещен в честь святого православной церкви, а не в честь героя Спарты. Однако по храбрости он ему не уступал.

7 февраля немецкая контратака, призванная ликвидировать береговой плацдарм, началась «в соответствии с планом». То, что было возможно три дня назад, теперь для немецких сил оказалось неразрешимой задачей.

Русские окопались превосходно. По флангам и в подлеске горы Мысхако они расположились в глубоких окопах на одного человека, и ничто не могло заставить их сдвинуться с места. Каждую из этих одноместных крепостей нужно было брать в ближнем бою. Импровизированные противотанковые заграждения и очень хорошо замаскированные «бах-бух» орудия тоже являлись серьезными препятствиями. Но страшнее всего были советские береговые батареи, стрелявшие по наступающим с холмов на восточной стороне. Их огонь направляли с высоты за Станичкой наблюдатели, от чьих глаз не мог укрыться никто.

Связной Хайнц Штейнбауэр рассказал, с чем, например, столкнулся в Станичке 213-й пехотный полк. В переброшенном из Анапы 1-м батальоне 1-й взвод 2-й роты потерял все 2-е отделение еще на подходе к улице Анапской, последующие двадцать четыре часа шли яростные бои за каждый дом, и улицу Анапскую просто невозможно было пересечь.

Завоевание двух кварталов площадью двести квадратных метров стоило двадцати одного убитого и семидесяти раненых. Командир 73-й пехотной дивизии испытал шок: его батальоны только что были пополнены.

Доставленные вскоре после высадки советского десанта донесения 198-й пехотной дивизии, которая направила в Станицку свой 305-й гренадерский полк, тоже дают представление о жестокости происходивших боев. 305-й гренадерский полк также в первые часы боевых действий испытал на себе эффективность работы русской артиллерии. Целые подразделения были уничтожены прямыми попаданиями еще до того, как полк приблизился к рубежу обороны.

Когда после ожесточенных уличных боев батальоны попытались прорваться за пределы поселка, путь им преградила непреодолимая стена артиллерийского огня. Русские, сами скрывавшиеся на поросших лесом холмах, как на ладони видели каждое движение наступающих частей.

Кроме того, немецкие батальоны имели недостаточно тяжелого вооружения, приданные им несколько штурмовых орудий 191-го дивизиона не смогли преодолеть линии русских противотанковых орудий. К вечеру 8 февраля полк, понеся тяжелые потери, отошел на исходную позицию.

На следующий день то же самое. Опять им не хватило артиллерии. Боевой состав стремительно сокращался. 2-й и 3-й батальоны потеряли своих командиров.

9 февраля Гитлер в «Вольфшанце» лишился терпения и отдал категорический приказ, что «русские должны быть сброшены в море». В тот же вечер 125-ю пехотную дивизию сняли с позиций в районе Краснодара, она прошла через пылающий город, за который все еще шли бои, и атаковала русских на «Малой земле». Однако и швабские пехотинцы тоже ничего не добились. Из роковой ошибки первых нескольких дней еще не извлекли урока, снова их оказалось слишком мало, и пришли они слишком поздно.

В конце концов подтянули полки шести самых отборных и закаленных в боях немецких дивизий, и те яростно бросились на «Малую землю». Баварцы, швабы и австрийцы 4-й горной дивизии завязли в исключительно кровавом сражении на горе Мысхако. 125, 73 и 198-я пехотные дивизии и несколько румынских полков понесли на «Малой земле» страшные потери.

Бои за «Малую землю» бушевали семь месяцев. В конечном счете на плацдарме площадью четыре на пять километров русские имели 78 500 человек личного состава и 600 орудий: все и всё было доставлено морем и снабжалось по морю. Однако им не удалось выйти за пределы плацдарма и ударить по немцам с тыла. После провала главной десантной операции в Озерейке сражение на «Малой земле» стало для советского главнокомандования делом престижа, без сомнения, приобрело политический смысл и большое значение для поднятия боевого духа. Как-никак, идея десанта принадлежала самому Сталину, и, следовательно, оставить плацдарм было нельзя.

Поэтому Леонид Брежнев снова и снова плыл на плацдарм. Он произносил речи. Вручал награды. И выдавал партийные билеты вновь вступившим в ряды Коммунистической партии. Записи в военном билете «воевал на Малой земле» было достаточно для немедленного приема в партию Ленина и Сталина. Они сражались там, там были награждены и там погибали.

Майор Куников погиб в бою. В его честь поселок Стапичка сегодня называется Куниковка. В бою погиб и лейтенант Романов. Морские пехотинцы первой волны практически все остались в земле горы Мысхако.

Леонид Брежнев тоже лишь чудом избежал смерти, его рыболовный катер попал на мину. Брежнева выбросило за борт. Его, потерявшего сознание, спасли моряки. Когда потом на земле он пришел в себя, то, как говорят, сказал: «Советского человека можно убить, но победить его нельзя!» Так, по крайней мере, свидетельствует официальная «История Великой Отечественной войны» на 96-й странице третьего тома.

3. Третья битва за Харьков

Войска СС выходят из города — Приказ Адольфа Гитлера не есть истина в последней инстанции — Сталин делает ошибочный вывод — Приказ Ватутину: «Заставьте действовать свой левый фланг!» — Попов попадает в ловушку — Харьков захватывают в третий раз — Сталин боится катастрофы — Чудо на Марне повторится на Дону.

Настало время вернуться на тот участок фронта, где в середине февраля 1943 года находились под угрозой серьезные стратегические решения.

Когда на горе Мысхако только разгорались первые тяжелые бои и советское командование еще продолжало надеяться совершить прорыв с «Малой земли», становилось все более очевидным, что советской 47-й армии не удастся, как предписывал план Сталина, прорвать оборону немецкой 17-й армии севернее Новороссийска и соединиться с морским десантом. Генерал-полковник Руофф продолжал контролировать ситуацию и постепенно отходил к подготовленной «Голубой линии».

12 февраля Руофф оставил Краснодар. Два дня спустя Манштейн прекратил упорную оборону важнейшего опорного пункта Ростов и отступил дальше на север. Генерал-полковник Малиновский, тем временем назначенный командующим Южным фронтом, и Хрущев, член Военного совета фронта, вошли в город с передовыми соединениями.

Никита Сергеевич Хрущев торжественно доложил в Москву: «Над Ростовом, этой крепостью на тихом Дону, снова гордо развевается победное Красное Знамя».

В Кремле ликовали: в Сталинграде под снегом лежала 6-я армия Гитлера, освобождены Краснодар и Ростов.

Между Ворошиловградом¹ и Белгородом, где были дезорганизованы союзники Германии: румыны, итальянцы и венгры, — зияла брешь в триста километров. И в эту брешь Сталин уже с конца января вводил крупные подвижные силы. Они форсировали Донец и теперь двигались к Харькову, центру тяжелой промышленности Украины. Несмотря на все поражения последних недель, для русских, казалось, наступил час вероятного прорыва в тыл немецкого Южного фронта. Если советские армии пересекут Донец значительными силами, если они смело ударят по рвавшим немецким порядкам и выйдут к Днепру, группа армий фон Манштейна будет отрезана от своих коммуникаций, группа армий фон Клейста на Кубани и в Крыму опять окажется в смертельной опасности. Великий час окончательной и решительной победы — неужели он наконец наступил?

¹ Теперь Луганск.

Карта 17. Дерзкий план Сталина по уничтожению южного фланга немцев в феврале 1943 года.

Так посчитали советские командующие группами армий. Так посчитал Сталин. «Пробил наш час», — повторял он своим генералам. Ему в голову пришел план новой грандиозной операции — он предпримет наступление и разобьет Гитлера восточнее Днепра. Смело, почти безрассудно он повел свои армии к тому, что, как он полагал, станет решающей победой на берегах великой русской реки. Его целью было догнать немцев до того, как они выйдут к реке, окружить их и уничтожить.

Для немцев настали дни угнетающей неопределенности. Немецкие армии южного крыла с утра до вечера чувствовали над собой дамоклов меч смертельной опасности.

И в этой ситуации, когда настоятельно требовалось решительно сократить линию фронта, чтобы высвободить силы, Гитлер в своей Ставке продолжал упрямо настаивать, что нельзя уступать ни пяди земли. В продолжительных беседах он убеждал своих генералов, что не может продолжать войну, если будет потерян Донецкий бассейн, «Руп Советского Союза».

Однако один человек решил тем не менее противостоять этой стратегии, стратегии, которая уже привела к Сталинграду и которая теперь неизбежно — если все не изменить в последнюю минуту — приведет к суперСталинграду. Этим человеком был командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал фон Манштейн.

Сей методичный стратег сидел в Сталино, следя за событиями с тревогой, но без тени паники. Он выжидал удобного момента и 6 февраля вылетел в «Вольфшанце». Разговор продолжался четыре часа, в итоге Гитлер принял тезис Фридриха Великого: «Кто будет защищать все, не защитит ничего».

Это был один из тех редких случаев за всю войну, когда фюрер санкционировал значительное стратегическое отступление. Он согласился сдать восточную Донецкую область до самого Миуса. Манштейн вздохнул с облегчением.

Теперь, по крайней мере, появился шанс. Можно было начинать борьбу со временем, с погодой и с русскими.

Оперативная группа «Холлидт» с боями отступила от Донца на менее протяженную миусскую позицию. Сейчас все зависело от того, сможет ли она обеспечить там непрерывный фронт.

Соединения 1-й танковой армии под командованием генерала кавалерии Эберхарда фон Макензена перебросили на угрожаемое северное крыло группы армий, на Средний Донец.

4-я танковая армия Гота сквозь снег и снежную кашу пробивалась с Нижнего Дона на север, в район между Донцом и излучиной Днепра, к западному крылу группы армий «Дон».

На дорогах — глубокий снег. Водители смертельно устали. Бесконечные заторы, аварии. Колонны растягивались на огромные расстояния. Саперы забывали, что такое

сон. Снова и снова командиры дивизий объезжали свои полки, подгоняли, напоминали об опасности, умоляли: вперед, вперед!

Страшная гонка. Русские имели восьмикратное преимущество в вооружении и численности.

Манштейн, который постоянно отслеживал намерения и районы сосредоточения противника, мог противопоставить превосходящей мощи только свой талант военачальника, единственная стратегия, остававшаяся командиру численно меньшей силы, — «второй удар», следующая после удара неприятеля контратака, которую Клаузевиц называл «сверкающим мечом возмездия».

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн перевел свой командный пункт из Сталино в Запорожье. Оттуда он внимательно следил за развитием событий на северо-западном крыле своей группы армий. Она уже не называлась группа армий «Дол», 14 февраля, вследствие оперативной реорганизации, ее переименовали в группу армий «Юг».

Говорить о линии фронта в истинном смысле слова было невозможно: лишь разбросанные отдельные ударные группы, создавшие центры сопротивления в нескольких важнейших точках. Взвод здесь, там — противотанковое орудие или пулеметное отделение, где-нибудь еще целая рота. Слово «рота» звучит обнадеживающе, однако в ротах 1-й танковой армии осталось самое большое человек шестьдесят, а то и двадцать. И от такой горстки людей ожидали, что они будут оборонять участок в два с половиной километра шириной — если роте посчастливится. Если нет, отряды советских лыжников обойдут ее в течение бесконечной темной ночи, и утром она окажется окруженной. На следующий день батальон недосчитается одной роты, и в так называемой линии фронта станет на одну брешь больше.

Поэтому все штабы вплоть до уровня дивизии были задействованы в главной полосе обороны, даже штаб 1-й танковой армии сформировал из своего личного состава усиленную роту, которая несколько дней принимала участие в боевых действиях.

Не лучше обстояли дела и у сопредельных соединений слева. Оперативная группа «Ланц» (позднее ставшая оперативной группой «Кемпф»), которая вместе с остатками немецких резервных формирований (корпусом Крамера, итальянским Альпийским корпусом и несколькими другими резервами) взяла на себя полосу итальянской 8-й и венгерской 2-й армий, вела ожесточенные оборонительные бои восточнее и юго-восточнее Харькова.

Манштейн пристально наблюдал и за этим участком, поскольку если русским удастся опередить соединения оперативной группы «Ланц» и форсировать Днепр в Кременчуге, как на самом деле и планировал Сталин, то им будет открыт путь до самого Крыма. Если они блокируют там дороги, 17-я армия попадет в ловушку. Тогда воплотится в жизнь мечта Сталина — полное уничтожение всего южного крыла гитлеровской армии на рубеже в девятьсот километров, истребление трех армий и двух оперативных групп. В результате произойдет цепная реакция: группа армий «Центр», имеющая в своем составе пять армий, окажется в подвешенном состоянии и тоже не сможет устоять. Несомненно, это был самый короткий путь к победе над немецкой армией на Востоке.

«Вот чего жаждет Сталин, — повторял Манштейн своему начальнику штаба, генерал-майору Фридриху Шульце. — Он гонится за большей добычей и не боится рисковать. Нам пужно заставить его пойти на крайний риск. Это наш единственный шанс!»

Манштейн понял суть советских действий настолько верно, будто был посвящен в планы и цели Ставки Сталина. Он предположил тогда, а впоследствии это подтвердилось, что Сталин, его Генеральный штаб и высшие советские военачальники были убеждены в том, что никакой генерал на свете и никакой бог войны не сможет предотвратить немецкую катастрофу между реками Донец и Днепр.

Вот как это формулировал Сталин: «Армии группы «Юг» понесли тяжелые потери и в состоянии только отойти за Днепр». Какое бы то ни было сопротивление немцев восточнее Днепра, по Сталину, исключалось. Сплошной фронт на Миусе? «Невозможно», — решил Сталин.

Когда человек примет решение по какому-либо поводу, легко найти подтверждения собственной точке зрения. Примерно в середине февраля начальник штаба Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант С.П.Иванов, представил Верховному Главнокомандованию доклад, содержащий следующее предложение: «Все разведывательные данные указывают на то, что противник эвакуируется из района Донца и отводит войска за Днепр».

Генерал Ватутин, командующий Юго-Западным фронтом, безоговорочно разделял это мнение. И не только одаренный стратег Ватутин — командующий Воронежским фронтом, генерал-полковник Голиков, тоже думал, что армии Манштейна отступают по всему фронту. Факт, что оперативная группа «Холлидт» отошла от Донца, расценили как прямое доказательство своего предположения.

Соображение, что генерал Холлидт может остановить свои дивизии на Миусе и там создать линию обороны, казалось Голикову не заслуживающим внимания. Не может быть, потому что не может быть никогда!

Мысль об общем отходе немцев, на самом деле, была так приятна, что для Генерального штаба в Москве и для Сталина лично это предположение быстро превратилось в аксиому: немцы осуществляют общее отступление из бассейна Донца за Днепр! Когда начальник штаба Южного фронта попробовал выразить легкое сомнение, Сталин сам отправил ему личное уверение: «Противник отступает, и его многочисленные колонны отходят за Днепр».

Поразительная ошибка. Ошибка, частично явившаяся следствием определенных неудач разведки, которых мы коснемся позже.

Но какова бы ни была причина, штаб группы армий на линии фронта и, несомненно, само советское Верховное Главнокомандование свято поверили в общий отход разбитого немецкого Южного фронта. Что, следовательно, могло быть более естественным, чем попытаться отрезать отступающим армиям Манштейна пути отхода и нанести по ним сокрушительный удар?

Войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов получили распоряжения, «не принимая во внимание снабжение или тыловые прикрития противника, пробиться через порядки его отступающих войск, выйти на Днепр до наступления весенней распутицы и, таким образом, не позволить Манштейну отойти к реке».

В приказе Ставки Юго-Западному фронту от 11 февраля 1943 года значилось: «Вам надлежит не допустить отступления противника к Днепропетровску и Запорожью, отбросить его обратно в Крым, перекрыть подходы к Крымскому полуострову и отрезать южную группу немецко-фашистских войск».

Рискованное предприятие. Сталин решил пойти на этот риск, Манштейн рассчитывал, что он сделает это.

Одно конкретное событие больше, чем что-либо другое, укрепило советское Верховное Главнокомандование в их ошибке — драматичное событие, неподчинение немецкого генерала. В ретроспективе это выглядит хитроумным приемом, однако в действительности было не так.

Оперативная группа «Ланц», которая в тот момент входила в группу армий «Б» и не была еще подчинена Манштейну, 11 февраля получила от Гитлера строгий приказ удерживать Харьков, даже если город уже находится на грани окружения двумя советскими армиями.

Невыполнимая задача оборонять Харьков выпала на долю танкового корпуса СС под командованием генерала войск СС Пауля Хауссера. В недавно переброшенный из Франции корпус входили две отборные дивизии «Рейх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

Безрассудный приказ удерживать Харьков полностью основывался на соображениях престижа. Манштейн пытался отговорить Гитлера, куда важнее сохранения города в тот момент было перехватить и разбить стремящегося на юг от Харькова противника, чтобы облегчить положение левого фланга группы армий «Юг» и предотвратить советский прорыв к Днепру и за Днепр.

Однако Гитлер не хотел сдавать промышленный и политический центр Украины. Несмотря на весь его печальный опыт, сохранение Харькова, как незадолго до этого Сталинграда, превращалось для Гитлера в дело престижа. И ради престижа он был готов пожертвовать такими первоклассными боевыми формированиями, как «Лейбштандарт» и «Рейх».

Два дня спустя, 13 февраля, Гитлер повторил свой категорический приказ удерживать Харьков, если понадобится круговой обороной. Ланц довел приказ до Хауссера. Теперь наконец Гитлер успокоился: он не сомневался в беспрекословном подчинении корпуса войск СС и упустил из виду тот факт, что командир корпуса генерал Пауль Хауссер — здравомыслящий человек и искусный стратег, имеющий мужество обдумывать приказы вышестоящих командиров.

Таким образом, произошло событие, опровергающее распространенную легенду о войсках СС и его руководителях — легенду, будто они являлись партийным формированием, слепо подчинявшимся фюреру.

14 февраля окружение города было практически завершено. Группы советских танков прорвали оборонительные порядки с севера, северо-запада и юго-востока и вышли на окраины города. Путь снабжения Харьков—Полтава простреливала советская артиллерия. Хауссер обратился к генералу Ланцу за разрешением на прорыв. Его трезвая оценка ситуации изложена в боевом журнале корпуса в записи под номером 138/43 от 14 февраля 1943 года. В ней говорится: «Натиск противника на Харьков на восточном и северо-восточном направлении значительно увеличился 14.02. Атаки по дорогам со стороны Чугуева и Волчанска отражены последними резервами. В районе южного аэродрома противник осуществил вклинение на глубину двенадцать километров, до Основы. Контратаки производятся, но силы недостаточны. Нет наличных сил для блокирования противника, вклинившегося на северо-западе на участке дивизии «Великая Германия». Все силы на данный момент скованы на юге. 320-я пехотная дивизия до сих пор не дошла до главной линии обороны. Это положение, согласно донесениям, не позволит вести наступательные действия в последующие несколько дней».

Внутри Харькова толпа стреляет по войскам и машинам. Для зачистки нет наличных сил, так как все находится на линии фронта. Город, включая железнодорожную станцию, магазины и полевые склады, в соответствии с приказом успешно взорван. Город горит. Организованный выход с каждым днем становится все проблематичнее. Утверждения о стратегическом значении Харькова утратили основания. Выслан запрос по поводу решения фюрера об обороне Харькова до последнего солдата».

Генерал Ланц понимал и разделял мнение Хауссера, но отказался пересмотреть приказ, поскольку получил его от Гитлера в качестве последнего слова лишь несколько часов назад. Его решение облегчал тот факт, что 320-я пехотная дивизия, пробивавшаяся назад из района разбитой венгерской 2-й армии, так и не подошла.

Пауль Хауссер, опытный офицер старой имперской армии, вышедший в отставку в чине генерал-лейтенанта Рейхсвера в 1932 году и позже поступивший на службу в войска СС, не сдался. Для него приказы — даже приказы фюрера — не являлись священными заповедями. Он связался с Ланцем по телефону и снова заклинал его, но генерал твердо отклонил его требования. Хауссер еще раз радировал в оперативную группу «Ланц»: «Решение о выходе из боя требуется к двенадцати часам дня. Подпись: Хауссер».

Ланц отказал.

После этого, днем, танковый корпус СС доложил: «...В 16 часов 45 минут 14.02 отдан приказ вывести войска из Харькова и в ночь с 14 на 15 февраля произвести скрытный марш за реку Уда. Приказ доведен и до корпуса Рауса. Оценка ситуации последует письмом».

Генерал Ланц оказался в исключительно сложном положении, принимая во внимание категоричность указания Гитлера. Хотя он и его штаб лично были согласны с Хауссером, он тем не менее приказал ему в радиограмме № 624 в 17.25: «В соответствии с приказом фюрера танковый корпус должен удерживать свою теперешнюю позицию на восточном фронте Харькова до последнего солдата».

Вечером 14 февраля генерал Ланц даже приказал ударным частям корпуса, участвовавшим в оборонительных боях на юге от города, передать несколько частей для обороны Харькова и выбить противника из Ольшан. В радиограмме от оперативной группы «Ланц» говорилось: «Решение фюрера:

- (1) Восточный фронт Харькова удерживать.
- (2) Прибывающие части СС использовать в освобождении линий коммуникации Харькова и боях против сил противника, наступающих на город с северо-запада».

Невыполнимый приказ.

В центре города партизаны уже брали в руки оружие. Вечером Хауссер после дальнейших консультаций с Остендорфом, своим начальником штаба, и подполковником Мюллером, начальником оперативного отдела, снова позвонил Ланцу. Однако командующий оперативной группой опять сослался на однозначный приказ Гитлера и отклонил просьбу Хауссера санкционировать отход из города. Еще один Сталинград.

В ночь с 14 на 15 февраля русские вышли на северо-западные и юго-восточные окраины города, их опять выбили немедленной контратакой соединения танков дивизии СС «Рейх».

В полдень 15 февраля русские снова пошли в атаку. Теперь в кольце вокруг города оставался только один небольшой проход на юго-востоке. Если его закроют, корпусу

Хауссера, а также моторизованной дивизии «Великая Германия» в северной части города придет конец.

Именно в такой ситуации Хауссер по согласованию с сопредельным корпусом, в составе которого пришла дивизия «Великая Германия», приказал своим дивизиям делать наконец то, чего требовала логика ведения войны, его долг как боевого командира и, конечно, мужество солдат — оставить позиции и пробиваться из города. Хауссер не мог допустить еще одного Сталинграда.

Около 13.00 часов Хауссер доложил о своем решении в оперативную группу следующей радиogramмой: «Во избежание окружения войск и для спасения боевой техники в 13.00 будет отдан приказ пробиваться за реку Уда на окраине города. Ведутся действия по прорыву линии обороны противника, а также уличные бои на юго-западе и западе города».

Приказу фюрера не подчинились. Что будет?

В 15 часов 30 минут узел связи Хауссера получил жесткое распоряжение от генерала Ланца: «Харьков защищать при любых обстоятельствах!»

Но Хауссер проигнорировал его и не ответил. Он начал прорыв на юго-запад. Танки проложили дорогу гренадерам. Артиллерия, зенитки и саперы прикрыли их фланги, перехватили преследовавшего противника и затем отошли в район Уды.

Двадцать четыре часа спустя через пылающий город с боями прошли тыловые части дивизии «Рейх».

На перекрестках в неровном свете горящих домов стояли громадные штурмовые орудия дивизии «Великая Германия». Они ждали свое тыловое прикрытие, потому что дивизия «Великая Германия» генерала Хёрнлайна, последовав за Хауссером, оставила позиции северо-западнее Харькова и теперь пробивалась через город. Сражение велось в соответствии с логикой линии фронта, а не с далеким от реальности приказом из Растенбурга.

Испытанная моторизованная дивизия «Великая Германия» тоже провела не одно исключительно тяжелое сражение.

Ранним утром по пустынным улицам прорывали последние мотоциклисты связи и бронетранспортеры батальона Рентира. Просочившиеся русские уже стреляли по ним из окон и развалин. На Красной площади партизаны водрузили огромный алый флаг.

А что происходило в «Вольфшанце»? Получив донесение о том, что танковый корпус СС не подчинился его приказу, Гитлер побелел от ярости. Но до того как он решил, что делать с Хауссером, разумность поступка командира стала очевидной. Он сохранил для решающей фазы оборонительной операции две совершенно необходимые, боеспособные и опытные танковые дивизии, а также моторизованную дивизию «Великая Германия».

Кроме того, сопротивление защитников Харькова и их контратака дали возможность 320-й пехотной дивизии генерал-майора Постеля соединиться с оперативной группой «Ланц». Таким образом, временная сдача самого крупного украинского города принесла, вопреки всем опасениям, только оперативный выигрыш.

Но чего никто на немецкой стороне не мог и ожидать, так это того психологического эффекта, который отход из Харькова произвел на Сталина и его Генеральный штаб. Теперь это подтверждают советские источники. Освобождение Харькова, четвертого по величине города в Советском Союзе, не только привело к усилению головокращения

Карта 18. Удар Манштейна по советским группам прорыва: они были остановлены и взяты в плен.

от победы, но и укрепило Сталина в убеждении, что он правильно пошмает намерения немцев. Он знал Гитлера и считал, что его собственная гвардия могла оставить Харьков только в том случае, если это являлось частью плана общего отхода.

Абсолютно логичное умозаключение — только оказалось ошибочным. Сталин не допускал, что можно иметь мужество не подчиниться приказу свыше.

В результате кремлевский диктатор бросил свои наступательные силы вперед с еще большим безрассудством. Это особенно справедливо для Юго-Западного фронта. Советская 6-я армия генерал-майора Харитонова получила приказ форсировать Днепр на правом фланге между Днепропетровском и Запорожьем. У Харитонова было два стрелковых, два танковых и один кавалерийский корпус.

Передовой отряд его армии составляли сто пятьдесят танков. На левом крыле группа Попова (четыре танковых корпуса, две отдельные танковые бригады, лыжная бригада и три стрелковые дивизии) наступала в тыл оперативной группы «Холлидт» через Славянск в направлении на Азовское море.

В Запорожье Манштейн следил за игрой Сталина по карте обстановки напряженно, но с проницательным спокойствием. Когда кремлевский опрометчивый график принял более отчетливые очертания и стало ясно, что советское Верховное Главнокомандование нацелено на самую крупномасштабную операцию, штабные офицеры Манштейна слышали, как генерал-фельдмаршал пробормотал: «Удачи тебе!»

Удачи! Момент, когда Сталин дорого заплатит за свою ошибку, момент, когда Манштейн начнет действовать, приближался.

17 февраля Гитлер, напряженный и раздражительный, прибыл в штаб Манштейна. Он осознавал, что не он вел дело, а этот выдающийся стратегический ум, который еще в 1940 году, будучи начальником штаба группы армий «А», разработал формулу для победы во французской кампании. Тогда Манштейн выдвинул идею внезапного выхода на Ла-Манш по якобы непроходимому для танков бездорожью и лесам Арденн. Теперь у него тоже был план. Он снова подтвердил свой дар читать мысли противника, понимать его намерения и адекватно на них реагировать.

Манштейн доложил Гитлеру ситуацию: оперативная группа «Холлидт» закрепилась на Миусе и отражает мощные атаки трех советских армий. Восточный фланг немецких групп армий «А» и «Юг» практически прикрыт, хотя кавалерийские части противника и находятся еще у северного фланга фронта.

Вклинение советского 4-го гвардейского механизированного корпуса в центре Миусского фронта смято стремительной контратакой 16-й мотопехотной дивизии и частей 23-й танковой дивизии. Советский корпус был окружен южнее Матвеева Кургана и почти полностью уничтожен; весь личный состав взят в плен. Оборонительная зенитная артиллерия на Миусе держится.

1-й танковой армии генерала фон Макензена, примыкающей к оперативной группе «Холлидт» слева, совместно с 40-м танковым корпусом генерала Хайнрици и 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг» удалось отразить атаки частей советской 1-й гвардейской армии в нескольких точках и прикрыть их, однако значительная брешь остается между 1-й танковой армией и оперативной группой «Ланц» («Кемпф»). Самый мощный советский удар сейчас направлен в этот разрыв.

Впереди идет крупная танковая группа генерал-лейтенанта Попова, которая уже заняла Красноармейское и теперь стремится к Сталино¹ и Мариуполю на Азовском море. К первому сражению Попов имел 145 танков Т-34, и еще 267 танков были подготовлены ему Юго-Западным фронтом — подготовлены для предполагаемого завершающего удара.

Такая ситуация сложилась к этому моменту. И как на нее реагировали?

Манштейн продолжил: армаде Попова противопоставлен Макензен с 40-м танковым корпусом генерала Хайнрици. Испытанными соединениями корпуса (7 и 11-й танковыми дивизиями, 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг») и подразделениями 333-й пехотной дивизии, недавно переброшенной из Франции, Хайнрици даст решающий бой весеннего сражения на Южном фронте.

В этом месте, таким образом, была некоторая надежда — подкрепляемая танковым корпусом.

Но западнее оставалась только надежда — не подкрепляемая ничем. Советская 6-я армия неудержимо продвигалась к Днепру. Манштейн планировал задействовать там все свои наличные силы, прежде всего танковый корпус СС, вышедший из Харькова. Но Гитлер запротестовал. «Нет, — сказал он. — Зачем такое количество сил против надуманного противника?» Гитлер желал, чтобы сначала отбили Харьков. Харьков! Он никак не мог смириться с фактом, что Хауссер сдал этот город вопреки строгому приказу. В слепом упрямстве он запрещал Манштейну использовать танковый корпус СС во фланговой атаке против советской 6-й армии и требовал в первую очередь осуществить

¹ Теперь Донецк.

частную контратаку на Харьков, только после ее успешного завершения Манштейн может выступить против 6-й армии Харитонова.

Генерал-фельдмаршал ужаснулся. Предлагаемый Гитлером план был безрассудно опасен — план, основанный на соображениях престижа и недалекости. Манштейн и не собирался выполнять требования фюрера. Он знал, что должно случиться в скором времени, и дипломатично уговорил Гитлера отложить принятие решения до следующего дня.

Двадцать четыре часа спустя Гитлер получил весьма веское подтверждение того, насколько прав был Манштейн и как неадекватно оценил ситуацию он сам. Прямо во время дневного совещания 18 февраля поступило донесение, что русские вошли в брешь на стыке между 1-й танковой армией и оперативной группой «Ланц» («Кемпф») и находятся в шестидесяти километрах от Днепра — лишь в ста километрах от Запорожья.

Гитлер подозрительно взглянул на полковника Буссе, начальника оперативного отдела группы армий «Юг». Не вводят ли его в заблуждение? «Я хочу знать об этом подробнее», — проворчал он.

И, будто он ждал реплики, Буссе быстро начал излагать детали. «Советская Двести шестьдесят седьмая стрелковая дивизия находится здесь, южнее Краснограда, — говорил он, показывая на карте. Затем его палец переместился к Павлограду: — Танковый батальон Тридцать пятой гвардейской стрелковой дивизии взял Павлоград. Итальянская дивизия, которая должна была оборонять город, бежала».

Гитлер смотрел на карту, стиснув зубы. Признать свою неправоту было не в его характере. Но следующее донесение, доставленное офицером разведки майором Эйсманом, не оставило ему выбора. Третья дивизия танкового корпуса СС, дивизия «Мертвая голова», которую Гитлер приказал срочно перебросить на передовую для участия в штурме Харькова, выгрузилась в Киеве и застряла в грязи недалеко от Полтавы. Теперь Гитлер был вынужден уступить. Он дал Манштейну зеленый свет на осуществление операции на окружение советской 6-й армии и группы Попова.

Манштейн, излагая в общих чертах план, объясняя возможности и обосновывая свои решения, преподнес Гитлеру урок по-настоящему смелой стратегии, но в которой каждый риск рассчитан как альтернатива определенной серьезной проблеме.

Манштейн разъяснил, что он отведет все танковые дивизии (и он действительно имел в виду именно все) с испытывающего сильное давление противника миусского участка фронта и бросит их против неприятеля на северо-западном крыле группы армий. Он сделает это, несмотря на то что у Миуса на пять корпусов Холлидта насаждают шесть советских армий. Опасность прорыва противником этой слабой линии и захват района Донца с востока, безусловно, была значительной.

Но Манштейн ледяным тоном объяснил Гитлеру: «Другого пути нет. У нас нет выбора, мы вынуждены пойти на этот риск. Прорыв противника к Днепру — еще большее зло, и наша первостепенная задача предотвратить именно его. Это единственный способ переместить угрозу на восточный фланг».

Гитлер растерялся. Человек с якобы железными нервами запаниковал при трезвом рассуждении своего маршала. Он стонал, требовал сначала одного, потом другого, был готов превратить смелый план Манштейна в полумеру, характерную для его стратегии уже с памятного лета 1942 года.

Конец пагубному вмешательству Гитлера положил командир советской боевой группы. Это он спас Манштейна и Южный фронт немцев. А случилось следующее. 19 февраля передовой отряд советского 25-го танкового корпуса продвинулся из Павлограда к железнодорожному узлу Синельниково и таким образом перекрыл две единственные прямые линии, по которым могло осуществляться снабжение оперативной группы «Холлидт».

В результате этого рейда, что еще существеннее, русские оказались примерно в шестидесяти километрах от Запорожья. Между фюрером великого германского Рейха и передовыми частями советской 6-й армии не осталось ни одного значительного немецкого соединения. Подталкиваемый своей свитой, Гитлер на этом основании решил спешно покинуть все более негостеприимный штаб Манштейна. Когда его «Фокке-Вульф-200» взлетал с передового аэродрома Запорожья, сопровождаемый двумя истребителями «Мессершмидт-109», самые первые советские танки были уже в десяти километрах.

Генерал-фельдмаршал вздохнул с облегчением, наблюдая, как в сером зимнем небе его высокопоставленный контролер удаляется в сторону Винницы. Теперь наконец его руки были свободны.

«Кого мы можем противопоставить противнику в Синельниково?» — спросил Манштейн на оперативном совещании. «15-ю пехотную дивизию, господин генерал-фельдмаршал», — ответил начальник штаба.

15-ю пехотную дивизию! Майн-франконское соединение генерала Бушенхагена только девять дней назад погрузилось в семьдесят железнодорожных составов в Ля-Рошели на побережье Атлантики. Оно прекрасно вооружено, экипировано зимней одеждой, лыжами, санями, снегоходами и имеет в своем составе великолепный истребительно-противотанковый дивизион. Настоящая находка, передовой отряд прибыл в Днепропетровск накануне, 18 февраля. Первые боевые батальоны ждали здесь 19 февраля. Но где они сейчас? Где и как можно перехватить их, чтобы направить прямо на врага?

Радиограммы, телефонные звонки: «Где командир Пятнадцатой пехотной дивизии?»

Его нашли: генерал Бушенхаген застрял в Виннице. Туман и пурга не позволяли ему вылететь.

Однако начальник его оперативного отдела, энергичный подполковник Виллемер, оказался на небольшой железнодорожной станции Нижнеднепровск-Узел, северо-восточнее Днепропетровска.

Виллемер под свою ответственность направил роты прямо в Синельниково. Он дозволился до станции Днепропетровск: «Все прибывающие составы Пятнадцатой пехотной дивизии отправлять немедленно!»

Около полуночи 19 февраля первый состав прибыл на станцию Нижнеднепровск-Узел. В нем находилось три роты 88-го стрелкового полка.

Быстрый разговор между начальником оперативного отдела дивизии и командиром батальона капитаном Беркелем. Вагоны с лошадьми и машинами отцепили. Командиры рот и взводов получили инструкции. Свисток паровоза — и они отправились.

Теперь винтовки и пулеметы выставлены наружу, состав на всех парах летит сквозь зимнюю почву в Синельниково.

Сосредоточенные солдаты лежали за дверьми и окнами с оружием наготове. Ледяной зимний ветер свистел по вагонам. Нужно было проехать расстояние в двадцать пять километров — и стрельба могла начаться в любую минуту.

Карта 19. Слишком поздно советское Верховное Главнокомандование осознало, какая опасность угрожает 6-й армии и танковой группе Попова. Их смяли смелыми мобильными операциями. Корпус Манштейна пробился к Дону и перегруппировался для наступления на Харьков.

Беркель взглянул на светящийся циферблат своих часов: «Почти приехали». Удивительная поездка: с побережья Атлантики прямо на поле сражения у Днепра.

С громким шипением поезд остановился. На выход! До того как русские в своих теплых уютных укрытиях поняли, что происходит, гренадеры уже были среди них, брали их в плен и зачищали железнодорожные ветки.

Второй эшелон не встретил на своем пути препятствий. Он доставил личный состав штаба батальона, еще три стрелковые роты, одну роту пулеметчиков и три 75-мм штурмовых противотанковых орудия.

Сюрприз удался. В тяжелом ночном бою гренадеры 88-го полка взяли деревню и удержались, несмотря на ожесточенные контратаки танков противника.

Русские теперь отрезали железнодорожную линию восточнее станции Нижнеднепровск-Узел, по генерал-майор Бушенхаген, только что прилетевший на «Физелер Шторх»,

высадил свои части прямо на пути. Роты 88, 81 и 106-го стрелковых полков, совместно 15-м инженерно-саперным батальоном, захватили стрелки между Синельниковом и Новомосковском — последнее препятствие перед излучиной великого Днепра.

Наступил критический момент. Только по прошествии времени можно понять, насколько неопределенна тогда была ситуация.

В Красноармейском, в ста двадцати километрах восточнее Синельникова, передовые части танковой группы Попова уже перерезали железную дорогу Днепропетровск—Сталино и угрожали промышленному сердцу Донецкого бассейна.

5-я танковая дивизия СС генерала Феликса Штайнера предприняла попытку вытеснить русских из Красноармейского. Еще на марше они получили радиограмму от Манштейна: «Крупные силы противника — танковая группа Попова — наступают через Донец у Изюма в южном направлении на Красноармейское. «Викингу» немедленно двигаться на запад. Задача: сковать группу Попова».

Сначала ничего не получалось. Скандинавским и нидерландским добровольцам гренадерских полков СС «Норланд», «Германия» и «Вестланд» лишь на время удалось остановить передовые части Попова, поскольку после изнурительных боев на Кавказе, Дону и Миусе в дивизии осталось слишком мало танков.

Положение спас умелый огонь артиллерийского полка моторизованной дивизии «Викинг». Генералу Гилле, начальнику артиллерии Штайнера, мастерским тактическим маневром южнее Красноармейского удалось создать впечатление присутствия значительных немецких сил. Непрерывным огнем с рассеиванием по дальности и фронту он заставил офицеров Попова поверить, что перед ними превосходящие силы. Попов стал менее решителен в своем продвижении на юго-запад.

Теперь все развивалось по замыслу Манштейна.

Корпус Попова двинулся мимо Славянска, который удерживала 7-я танковая дивизия генерала фон Фапка. 11-я танковая дивизия генерала Балка и основная часть 333-й брауншвейгской пехотной дивизии, таким образом, получила возможность маневрировать между штурмовыми частями Попова и отрезала их от снабжения.

Начался первый акт великой драмы между Донцом и Днепром.

Лейтенант Богдан Швакук из советского 663-го зенитного полка не успел отправить письмо из Красноармейского в свою бригаду. Оно лежало в его полевой сумке, когда похоронная команда немецкой 333-й пехотной дивизии нашла его мертвым у разбитого орудия.

Это письмо показывает, насколько широко было распространено на советской стороне ошибочное представление о происходящем: все, от генерала до лейтенанта, были ослеплены уверенностью в том, будто победа уже одержана.

Найденное письмо убитого лейтенанта датировано 11 февраля 1943 года. Оно начинается словами: «Я шлю привет из освобожденного города Красноармейское, где осталось уничтожить последние разрозненные группы фашистов. Рядовой Бутузов сегодня поймал трех фашистов, которые заползли на наш командный пункт. Их доставили в штаб и расстреляли. Я сам задержал одного красноармейца, бродившего вокруг с двумя лошадьми. Я сразу заподозрил, что он немец. Передал его рядовому Гвоздику, чтобы он доставил его в штаб 4-го гвардейского танкового корпуса. Он был убит при попытке к бегству. Вечером расстреляли группу из одиннадцати фашистских солдат, значит — всего за сегодня мы уничтожили пятнадцать немецких солдат, в том числе одного офицера».

В конце послания лейтенант просит бригадного начальника политотдела потрясти товарища Китаева, начальника снабжения 633-го артиллерийского полка. «Снабжение организовано плохо. Ни боеприпасов, ни провианта, даже капли водки не поступает на передовую. А водка — то самое, чего хотят солдаты для победной погони за немцами».

В тот момент, когда лейтенант Шваук подписывал процитированное выше письмо, победная погоня танковой группы подходила к концу как раз в том самом месте, у Красноармейского.

Полки дивизии «Викинг» ударили по Красноармейскому с востока и юго-востока и остановили продвижение советского 4-го гвардейского танкового корпуса. Теперь пришло время 40-го танкового корпуса генерала Хайнрици. Контратака! После памятного марша через Азовское море основная часть дивизии участвовала в боях под Славянском, теперь настал момент переходить к мобильной операции против группы Попова. Командующий 1-й танковой армией генерал фон Макензен дал Хайнрици зеленый свет.

Все пошло с точностью часового механизма. 7-й танковой дивизии, которая держала Славянск, позволили отойти из города в район Красноармейского. Русские ничего не заметили.

По раскисшим от оттепели дорогам в восточный фланг русским продвигались тюрингские части генерала фон Фанка.

В районе Славянска 3-й танковый корпус генерала Брайта занял также сектор, прежде удерживаемый 40-м танковым корпусом, таким образом, освободились дополнительные силы для действий против Попова.

11-я силезская танковая дивизия Балка на северо-востоке от Красноармейского ударила Попову в тыл и отрезала группу от снабжения. Ловушка захлопнулась.

18 февраля передовой взвод радиоперехвата 40-го танкового корпуса расшифровал радиограмму, посланную из группы Попова Юго-Западному фронту. В ней раскрывалась катастрофическая ситуация, сложившаяся вследствие перекрытия линии снабжения южнее Славянска.

«Интересно», — сказал полковник Карл Вагенер, начальник штаба Хайнрици, когда радиограмму положили ему на стол.

Интересно.

Перехваченные советские радиограммы оказали неоценимую помощь немецкому штабу.

Начиная с 6 февраля лейтенант Фассбендер, командир взвода контроля за радиообменом батальона связи танкового корпуса, следил за ультракороткой волной, на которой советская группа связывалась со штабом своей группы армий. Поскольку код оказался довольно простым, рядовые Фассбендера разобрались с ним за неделю.

12 февраля майор Кандутш преподнес начальнику штаба первые расшифрованные сообщения. С этого дня секретные радиограммы противника стали ежедневным хлебом для корпуса, армии и группы армий: теперь они были посвящены в замыслы Попова и Ватутина и знали, даже раньше русских командиров полков, где их батальоны будут атаковать. Поэтому немцы всегда были наготове в нужном месте и в нужное время.

Не должна ли была эта тревожная радиограмма от 18 февраля открыть наконец глаза генералу Ватутину, командующему советским Юго-Западным фронтом, на истинное положение дел?

Попов с самого начала не разделял оптимизма своего командующего. Однако Ватутин уже не в состоянии был отказаться от своих иллюзий, равно как и Сталин. Операции немецкого 40-го танкового корпуса представлялись лишним доказательством того, что немцы отчаянными действиями своего арьергарда пытаются отвлечь внимание от отступления группы армий Манштейна.

В действительности все было совсем иначе. Отрезанные от снабжения бригады Попова быстро приближались к катастрофе. 11-й танковой дивизией справа, 7-й танковой дивизией слева и моторизованной дивизией СС «Викинг» в центре немецкий 40-й танковый корпус двинулся в северном направлении, как только дороги снова затвердели от возвратившегося мороза.

Точки, в которых потерявшие мобильность танковые бригады Попова и моторизованные стрелковые батальоны оказывали ожесточенное сопротивление, просто обходили, оставляя их полкам 333-й бранденбургской пехотной дивизии, следовавшей за немецкой бронетехникой.

«Не тратьте время на деревни и городки. Продолжайте продвижение!» — таков был принцип генерала Хайнрици, основной принцип современной гибкой тактики ведения войны. Великолепную танковую группу Попова разрезали на куски, как пирог.

В ночь с 20 на 21 февраля генерал-лейтенант Попов запросил генерала Ватутина о санкции на отход его группы.

Однако Ватутин ответил категорическим «нет». «Атакуйте противника, — настаивал он. И добавил с уверенностью: — Враг отступает. Нельзя позволить ему укрыться за Днепром!»

Советское главнокомандование было просто слепо, — скорее всего, именно отсюда шло ошибочное понимание ситуации. Так, тоже 21 февраля, генерал-лейтенант А.Н. Боголюбов, заместитель начальника оперативного отдела Генштаба и один из приближенных Сталина, по телефону проинформировал начальника штаба Южного фронта: «Враг отступает крупными группами. Силы Ватутина стремительно продвигаются вперед. Их правое крыло сейчас под Павлоградом. Причина, по которой все еще отстают группа Попова, состоит в том, что они атакуют недостаточно активно».

В тот самый час, когда Боголюбов сообщал Южному фронту губительно ошибочную оценку ситуации, генерал-полковник Гот, командующий немецкой 4-й танковой армией, ведущий оборонительные бои на широком участке прорыва у Днепра, получил новый приказ. Это был решительный шаг Манштейна, к которому он тщательно готовился последние две недели, за который сражался с Гитлером и ради которого отважно оголил фронт на Миусе и сдал Харьков. Теперь час пробил.

Приказ Готу был впечатляюще краток. В нем говорилось: «Советскую 6-ю армию, продвигающуюся к Днепропетровску через разрыв на стыке между 1-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф», разбить».

Для этой цели Гот получил три корпуса, два из которых он незамедлительно бросил на захват в клещи 6-й армии генерала Харитонова, которая стремилась вперед с преступным безрассудством, — танковый корпус СС генерала Хауссера с северо-запада и 48-й танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа с юго-востока. Рандеву в Павлограде.

57-й танковый корпус генерала Киршнера еще сосредотачивался в излучине Днепра.

Этот дебиот, используя шахматный термин, проявил стратегическое искусство Манштейна. В нем содержался секрет успешности операции силами, во много раз уступающими противнику по численности.

Битва началась 19 февраля 1943 года. 2-я моторизованная дивизия СС Хауссера «Рейх» глубоко ударила советской 6-й армии во фланг. «Штуки» 4-го воздушного флота под командованием генерал-фельдмаршала фон Рихтгофена расчистили для нее путь. 4-й гвардейский стрелковый корпус Харитонов не удержал позиций, 15-й стрелковый корпус разорвали на части. После тяжелого сражения железнодорожный центр Павлоград на реке Самара пал.

На юге 48-й танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа, атакуя в северном направлении 17 и 6-й танковыми дивизиями, вышел к Павлограду 23 февраля. Таким образом, острее исключительно опасного советского удара в направлении на переправы через Днепр было обрублено: великолепно оснащенный советский 25-й танковый корпус — отсечен.

Этот корпус теперь посылал советской 6-й армии тревожные радиogramмы, запрашивая новых распоряжений. Полученный ими ответ показывает, что советское командование все еще не понимало, что происходит. Генерал Харитонов писал: «Следуйте прежнему приказу и наносите удар в направлении Запорожья!»

Можно лишь покачать головой на такое упрямство — но почему Харитонов должен был иметь больше информации, чем генерал Иванов, начальник штаба Юго-Западного фронта? Иванов, в оперативной сводке, переданной штабу 20 февраля и отправленной 6-й армии 21 февраля, утверждал: «Передвижения сил противника, отмеченные воздушной разведкой между Сталиным и Проковским, подтверждают наше мнение, что противник продолжает отход к Запорожью».

Что за немыслимое ослепление! Генерал Иванов был катастрофически не прав. Немецкие войска, которые он считал отступающими, были в действительности дивизиями 40 и 48-го танковых корпусов, развертываемыми Манштейном для наступления.

Когда расшифрованный приказ Харитопова своему 25-му танковому корпусу положили на стол генерал-полковника Гота, тот только кивнул и передал его начальнику штаба генерал-майору Фангору со словами: «Нас устраивает!»

Как в шахматной игре, Манштейн теперь двигал свои фигуры. Что до сих пор являлось отдельными наступательными действиями против Попова и советской 6-й армии, сейчас соединилось и превратилось в скоординированное наступление. Направление удара — северо-восток. Первая цель — Донец.

23 февраля дивизии Хайприци подавили последние очаги сопротивления в районе Красноармейского и широким фронтом, обтекая Барвенково, двинулись на север и запад.

Корпус Попова сделал попытку отойти на север. Генерал радировал Ватутину о том, что нуждается в поддержке. У него осталось лишь несколько танков, да и для тех не было топлива. Не осталось артиллерии; почти не осталось боеприпасов, и совсем не было продовольствия.

В тот момент, когда группа Попова уже была обречена, Сталин позвонил генералу Ватутину. Диктатор беспокоился. Он не мог дожидаться, когда ему сообщат, что его армии вышли на Днепр, чтобы, как он полагал, не позволить немцам форсировать реку и

нанести группе армий Манштейна поражение, в четыре раза значительнее, чем сталинградское.

Ватутин, однако, в результате донесений Попова все больше и больше первичал и попытался возразить. Но Сталин гневно сделал ему выговор: «Заставьте, наконец, действовать свой левый фланг!»

И поэтому в 17 часов 30 минут 23 февраля Ватутин радировал Попову: «Я хочу решительно напомнить, что вы обязаны использовать все доступные вам средства, чтобы остановить и уничтожить врага в районе Барвенкова. Возлагаю всю ответственность на вас лично».

Бедный Ватутин!

Поздним вечером 24 февраля он наконец осознал всю меру заблуждения, владевшего им и его штабом последние две недели. Он осознал, что группа Попова полностью разбита, а 6-я армия находится в отчаянном положении, крупные ее части отсечены и окружены.

Теперь Ватутин поспешно приказал всей своей группе армий приостановить наступательные действия и перейти к обороне. Чтобы облегчить положение своих армий, он запросил штаб интенсифицировать наступательные операции сопредельных групп армий в районе Харькова и на Миусе.

Слишком поздно. Немецкий 40-й танковый корпус уже обошел Барвенково, где Попов с остатками своей группы и частями 1-й гвардейской армии героически пытался остановить наступление Хайнрихи; 333-я пехотная дивизия 27 февраля взяла Красноармейское, штурмовые группы 3-й берлинской танковой дивизии перерезали шоссе Изюм—Славянск.

28 февраля 7-я танковая дивизия вышла на Донец южнее Изюма. Группа Попова перестала существовать.

Вечером 28 февраля 40-й танковый корпус уже широким фронтом был в районе Донца, на позициях, которые оставил в январе во время зимнего наступления русских.

За двадцать один день была уничтожена танковая группа Попова, мощное передовое соединение фронта Ватутина. Она оставила на поле брани между Красноармейским и Изюмом 251 танк, 125 противотанковых орудий, 73 тяжелых орудия, 217 пулеметов, 425 грузовиков, многочисленные минометы и противотанковые ружья, а также 3000 убитых.

Советская 6-я армия, которая, как это ни странно, носила тот же номер, что и немецкая армия, ставшая жертвой упрямства Гитлера на Волге, встретила ту же судьбу из-за самонадеянной гордыни Сталина.

Напрасно советское Верховное Главнокомандование старалось помочь угрожаемой армии, бросив в наступление ее соседа справа, 3-ю танковую армию. Немецкие «Штуки» и штурмовики 4-го воздушного флота разбили ее еще на исходных позициях.

Стремительно наступая, танковый корпус Гота теперь гнал перед собой отступающие русские части. Их окружили и уничтожили до того, как они достигли Донца.

Шесть танковых корпусов, десять стрелковых дивизий и полдюжины отдельных бригад были ликвидированы или понесли тяжелейшие потери. В целом было подбито 615 танков, захвачено или уничтожено 400 орудий и 600 противотанковых ружей; убито 23 000 человек. Обычное соотношение убитых к раненым — один к

пяти. Это означает, что потери русских составили 100 000. Только 9000 попали в плен — относительно малое количество. Однако это легко объяснимо: у немецких соединений не хватало сил по-настоящему плотно перекрыть значительную и сложную территорию. Более того, морозная погода вынуждала войска проводить ночи в деревнях, под крышей и возле огня. Соответственно, неизбежно появлялись проходы, через которые значительному количеству войск противника удалось проскользнуть и спастись, перейдя замерзший Донец, но без орудий, без машин, без какого бы то ни было оружия вообще.

Это фантастическая победа соединений Манштейна. Самая большая угроза немецкому Восточному фронту с начала кампании в 1941 году, угроза полного уничтожения, была предотвращена. Ликвидированы последствия поражения в Сталинграде. И все это было совершено при минимуме сил, но с таким уровнем стратегического искусства, что его долго будут помнить и после завершения войны Германии на Востоке. Обеспечили победу смелое маневрирование войсками, выдержка и хладнокровие, а главное — искусное гибкое руководство операциями — поистине прямая противоположность жесткой упрямой стратегии Гитлера.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн продемонстрировал, какой в будущем должна быть стратегия Германии, если она хочет победить Красную Армию.

Для всего фронта это было как глоток свежего воздуха. С ноября 1942 года, когда между Волгой и Доном началась Сталинградская битва, были только поражения и отступления. Теперь над ледяными полями сражений на Востоке снова повеяло победой. Офицеры и солдаты еще раз решительно настроились использовать этот поворот в судьбах войны и сделать максимум, на что способны.

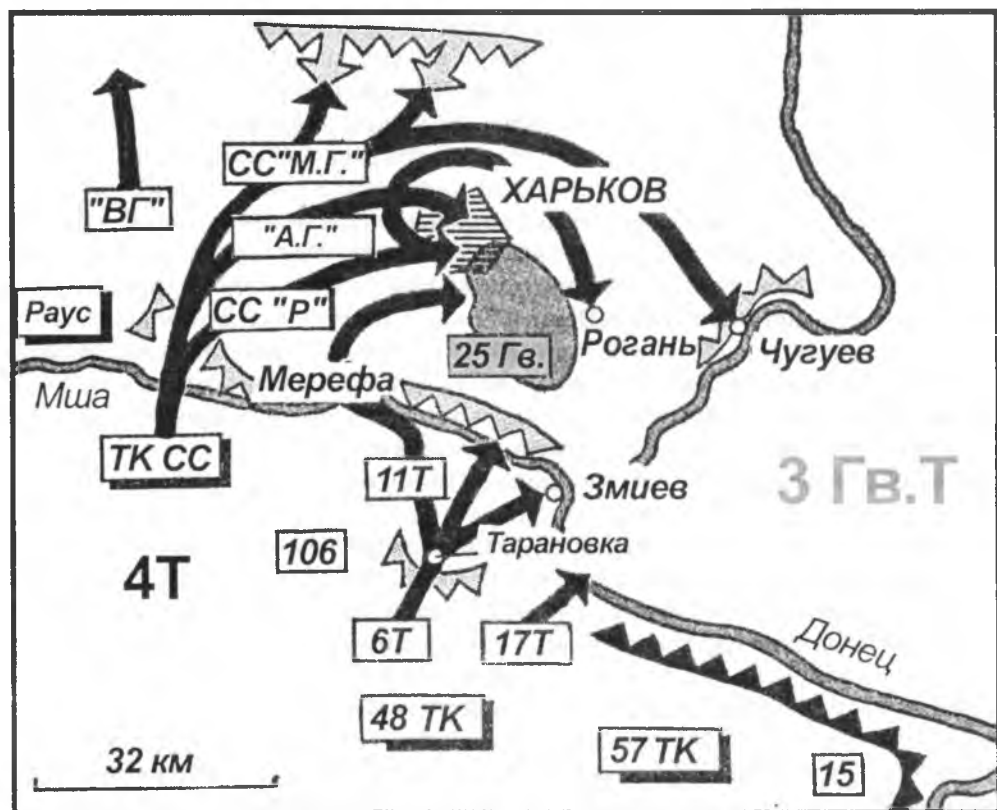
Самой заманчивой стратегической целью по-прежнему оставался Харьков. Нельзя ли его отбить?

Поскольку февраль подходил к концу, между Доном и Донцом в любой момент могла измениться погода, наступить весна и, что страшнее всего, с нею грязь. А когда на дорогах появится эта коричневая или черная липкая масса, все движение вынужденно остановится, то есть остановится сама война.

В середине февраля немецкое командование отдало бы все на свете, чтобы «генерал Грязь» пришел на Украину и остановил активное советское наступление между Донцом и Днепром. Генералы Сталина, напротив, мечтали о поздней весне: они надеялись оказаться западнее Днепра до наступления оттепели, чтобы догнать армии Манштейна. Теперь, в начале марта, желания обеих сторон коренным образом изменились. Немцы молились о продолжении зимы, поскольку теперь инициатива была в их руках. А командиры советской армии каждое утро бросали сердитые взгляды на свои барометры, изучали прогнозы погоды и жаждали одного — оттепели и грязи.

Грязь — единственное, что могло остановить мобильные дивизии Манштейна с их вновь обретенной наступательной энергией, поскольку уничтожение 6-й армии и группы Попова создало в советском фронте двухсоткилометровую брешь, брешь, в которой больше не осталось советских войск. Спасение для русских могло прийти только от «генерала Грязь». Однако бог погоды на этот раз взял сторону немцев. Зима продолжилась. И Манштейн пошел на Харьков.

Советскому Верховному Главнокомандованию ничего не оставалось, как энергично перебросить с Воронежского фронта два танковых корпуса и три стрелковые дивизи-

Карта 20. Дивизии войск СС захватили Харьков после ожесточенного сражения 15 марта 1943 года.

зии 3-й танковой армии; чтобы защитить Харьков, они быстро выступили на юг, наперекрест танковому корпусу СС Хауссера.

Однако Хауссер справился и с этой сложной ситуацией. Правда, его батальонам пришлось прорывать себе путь в снегу высотой по грудь, но русские сделали ошибку, двинувшись точно между оборонительными линиями 1-й моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт» и двумя атакующими дивизиями танкового корпуса СС. Хауссер поэтому повернул фланг 3-й моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» и 3 марта взял советские силы западнее Береки в мешок, образовавший «Мертвой головой», «Рейх» и «Лейбштандарт».

Штурмовая авиация разбила все попытки русских построить боевые порядки. Танковый корпус генерала Рыбалко и стрелковые дивизии были истреблены. Сражение было жестоким. Гвардейские полки Сталина против отборных дивизий Гитлера. Генерал, командовавший советским 15-м гвардейским танковым корпусом, погиб в ближнем бою, в сотне метров от командного пункта Хауссера.

Затем в ситуации наступил драматичный поворот — наступила теплая погода. Ночная температура уже не была достаточно низкой, чтобы земля оставалась мерзлой. Оттепель брала свое, дороги начало развозить.

Русские делали все, чтобы выиграть несколько дней или даже часов. В сорока километрах южнее Харькова, в районе Тараповки, Змиева и Мерехфы, где через железнодорожную линию Лозовая—Харьков наступал 48-й танковый корпус фон Кнобельсдорфа, против немецких танков выступил генерал-майор Шафаренко со своей 25-й гвардейской стрелковой дивизией. Пять дней он удерживал эту важную позицию и прикрыл Харьков от захвата с юга.

Но враг пришел с запада и с севера, поскольку после разгрома ударной группы советской 3-й танковой армии в бой снова вступил танковый корпус СС. По приказу генерал-полковника Гота он ударил по городу слева, и к 8 марта опять вышел на западную окраину украинского центра. Начался последний акт третьей битвы за Харьков.

Хауссер выиграл эту битву за шесть дней. Человек, который четыре недели назад оставил город вопреки категорическому приказу Гитлера, теперь снова его захватил. И нет сомнений, что неподчинение генерала, сохранившее танковый корпус СС, дивизию «Великая Германия», а также доблестную 320-ю пехотную дивизию, явилось важным слагаемым победы Германии между Доном и Днестром.

Однако победу Хауссера омрачает упрек, который и сейчас то и дело выставляют ему военные историки. Говорят, что из соображений престижа он ворвался в город с запада слишком быстро и позволил втянуть себя в кровопролитные уличные бои вместо того, чтобы окружить Харьков и дожидаться его капитуляции. Полное окружение, кроме прочего, удержало бы силы противника внутри города, не допустив его отхода по южному фронту. Справедлива ли эта критика? Как точно проходила операция, закончившаяся захватом Харькова? Генерал имеет право на объективное рассмотрение этого вопроса.

Согласно боевому журналу танкового корпуса СС, Хауссер 9 марта 1943 года в 09.20 радиогаммой получил от 4-й танковой армии следующий приказ: «Танковому корпусу СС плотно блокировать Харьков с запада на север. Произвести разведку ситуации в городе. Возможности по захвату города использовать. Подпись: Гот».

Хауссер так и действовал. Он блокировал город. Произвел разведку ситуации внутри города. Увидел возможность взять город внезапным ударом. И, согласно его донесению 4-й танковой армии, развернул свои штурмовые подразделения для атаки. 10 марта «Лейбштандарт» и «Мертвая голова» обошли Харьков на севере.

Вечером 10 марта, в 20.00, 4-я танковая армия передала корпусу следующий приказ: «Танковому корпусу СС брать Харьков. Восточному крылу перерезать дорогу Харьков—Чугуев. Крупными силами войти в город с северо-востока. С запада город блокировать».

В соответствии с приказом, «Лейбштандарт» ворвался в город утром 11 марта. 3-й батальон 2-го мотопехотного полка СС под командованием Макса Гансена с ожесточенными уличными боями вышел прямо на Красную площадь и таким образом открыл путь в центр города.

Когда роты 1-й моторизованной дивизии СС Зеппа Дитриха «Лейбштандарт» уже сражались с советскими 19-й стрелковой дивизией и 179-й танковой бригадой в юго-восточной части Харькова, примерно в пятидесяти километрах к югу от города, на реке Миша, генерал Шафаренко усиленной 25-й гвардейской стрелковой дивизией продолжал сковывать немецкий 48-й танковый корпус.

Генерал-полковник Гот, мастер мобильных операций, смирился с неизбежностью. Меньше всего он хотел быть скованным по фронту, равно как 48-й танковый корпус и

Хауссер. По этой причине Гот предпринял соединениями войск СС стремительный маневр на окружение Харькова, невзирая на бои непосредственно в городе.

В 14.50 11 марта Хауссеру поступил такой приказ: «4-й танковой армии предотвратить отход противника в восточном направлении от фронта 48-го танкового корпуса. Для этой цели снять дивизию СС «Рейх» с западного предместья Харькова, оставив только небольшие сторожевые заставы, и направить дивизию вокруг в северном направлении к восточному крылу корпуса. Задача дивизии — атаковать Харьков восточнее, в южном направлении на Змиев, в тыл противнику 48-го танкового корпуса и не допустить его отхода к Чугуеву... Гот, генерал-полковник».

Когда пришел этот приказ, дивизия «Рейх» как раз ворвалась в противотанковую траншею шириной в пять метров на западной окраине Харькова. Русские окопались на дальней стороне и с безопасной позиции вели сильный заградительный огонь. Отступить или пересечь траншею — вот в чем был вопрос. 16-я рота мотопехотного полка СС «Фюрер» не сомневалась. Она взяла эту траншею двухметровой глубины. Шапцевым инструментом солдаты вырубали ступени в мерзлой земле и выбрались из нее к первым домам.

Они смогли. Теперь путь в город был открыт и с запада.

Хауссер увидел возможность прорваться прямо через южную часть Харькова и, таким образом, попасть в тыл противнику на реке Мша самой короткой и, кроме того, самой надежной дорогой. Действительно быстрее, чем если выводить «Рейх» из операции и вести вокруг города по этой непролазной грязи.

К полудню 12 марта штурмовые подразделения дивизии «Рейх» уже были на центральном вокзале. Однако генерал-полковник Гот, помня горький опыт Сталинграда, Маньчи и Ростова, не хотел поверить, что можно пробиться через большой город настолько быстро. Поэтому он твердо напомнил Хауссеру в радиোগрамме, переданной в 11.50 12 марта, что тот должен исполнять его приказ: вывести «Рейх» из уличного боя и отправить к восточному флангу в обход Харькова.

Хауссер подчинился. Он по-прежнему был убежден, что дивизии «Лейбштандарт» и «Рейх» совместными усилиями смогли бы сломить советское сопротивление в городе за очень короткое время и после этого развернуться на юг, но тем не менее он последовал приказу Гота.

Штурмовое подразделение «Гармель» вместе с частями дивизии «Мертвая голова» пошли вокруг города. В Рогане «Гармель» выбил с позиций батальоны советского 1288-го стрелкового полка. Дорога на Чугуев была открыта.

15 марта ловушка захлопнулась. В тот же день был подавлен последний очаг советского сопротивления на Харьковском тракторном заводе.

Вопрос, который из путей на Чугуев был бы лучше или быстрее привел бы к желаемому результату, в этой книге рассмотреть невозможно. Однако, основываясь на доступных сегодня свидетельствах, с полной уверенностью можно сказать, что генерал, командовавший танковым корпусом СС, на тот момент самым боеспособным значительным немецким соединением на Южном фронте, руководствовался исключительно соображениями военной целесообразности. Тем не менее Адольф Гитлер очень долго не мог простить ему этого поступка. В то время как генералы Хэмлайн и Постель, командиры дивизии «Великая Германия» и 820-й пехотной дивизии, были награждены Рыцарскими Крестами с Дубовыми Листьями, Пауль Хауссер получил такую награду

лишь четыре месяца спустя, после того как его танковый корпус СС снова принял участие в тяжелом и кровопролитном сражении.

Конец советской обороне Харькова положил почной телефонный разговор. Ватугин приказал генералу Рыбалко с остатками 3-й танковой армии пробиваться из харьковского мешка. Над советским Юго-Западным фронтом нависла угроза серьезнейшей катастрофы.

За последние четыре недели советское командование понесло ужасные потери.

Советская 6-я армия? Разбита.

Группа Попова? Уничтожена.

Дивизии 3-й танковой армии? Номера на бумаге.

69-я армия? Не осталось почти ничего.

Ужасающие подсчеты: разбиты три армии и часть четвертой, целая танковая группа. Дюжина корпусов и бригад отступают. Пятьдесят две дивизии и бригады, включая двадцать пять танковых бригад, исчезли с карты обстановки советского штаба.

Если немцам удастся развить успех и они двинутся из Харькова в северном направлении, последствия будут непредсказуемы. Белгород падет. Будет невозможно удержать Курск. А если сдать Курск, оголится тыл выступившего вперед Центрального фронта, и его пять армий окажутся между небом и землей. В этой ситуации они вряд ли смогут противостоять операции на окружение из Курска и Орла.

Таково тогда было положение, заставлявшее звонить телефоны всех советских командиров. Радиопередатчики тоже нагрелись от работы: резервы! Но где остались какие-либо резервы? 1-я гвардейская армия генерала Катукова и 21-я армия, последний стратегические резерв советского Верховного Главнокомандования, бросили на передовую.

Поражение в Харькове свело на нет победу в Сталинграде. Звуки харьковского набата донеслись до самой Волги. Сталин приказал сильно пострадавшей 64-й армии генерала Шумилова выступить на помощь Харькову. Расстояние в тысячу километров! Ветераны Сталинградской битвы теперь должны были спасать ситуацию в Харькове.

Снова исход большого и решительного сражения висел на волоске.

— Какова настоящая боеспособность Триста сороковой стрелковой дивизии?

— В ней осталось двести семьдесят пять человек, товарищ генерал.

Только двести семьдесят пять человек из прежних двенадцати тысяч.

— А танковая бригада армии?

— Ни одного боеспособного танка, товарищ генерал.

Предвосхищая возможные дальнейшие вопросы генерала Ф.И.Голикова, командующего советским Воронежским фронтом, генерал-майор Крученкин, командующий 69-й армией, сказал:

— У меня нет ни одной боеспособной части. Ни единого танка. Моя артиллерия сократилась до сотни стволов. Ни в одной из дивизий нет больше тысячи человек.

Такова была ситуация в советской 69-й армии на 17 марта 1943 года. И от этой армии ждали, что после падения Харькова она остановит наступление на важный транспортный центр Белгород немецкого танкового корпуса СС с корпусом Рауса.

Драматичная перемена. Совсем недавно Красная Армия праздновала серию важных успехов на Южном фронте. Советские передовые танковые части вышли к Днепру. Победа манила их с другой стороны этой великой реки, судьбоносной реки русской

империи, реки, текущей через ее самые богатые области. А теперь советские армии снова отступали. И это не все. Следующие несколько недель тоже не обещали ничего хорошего. Угроза, нависшая над русскими, описывается в «Истории Великой отечественной войны» следующим образом:

«Выход немецко-фашистских войск к Белгороду нес угрозу разрушения тылов всего Центрального фронта. Продвижение врага в сторону Курска могло в случае перехода в наступление его войск с орловского плацдарма завершиться окружением крупной группировки Красной Армии западнее Курска. Пока свежие силы Красной Армии еще не подошли, положение продолжало оставаться серьезным. Враг вышел к Борисовке и с утра 17 марта начал наступление на Белгород. Соединения 69-й армии, атакованные в момент отхода на новый рубеж обороны, не смогли оказать организованного сопротивления и под угрозой окружения отступили за Северный Донец южнее Белгорода. 18 марта враг прорвался к Белгороду с юга и овладел городом».

Карта показывает, что произошло. Крупные немецкие танковые силы глубоко вклинились во фланг советского Центрального фронта, который образовал эшелонированный выступ в западном направлении. Манштейн увидел в этом шанс. Еще в первые дни марта он предлагал Гитлеру окружить с юга и севера курский выступ, на котором находилось подюжиины советских армий.

Условия для такой операции были исключительно благоприятны, поскольку контратаки немецкой 2-й армии и упорное сопротивление немецкой 2-й танковой армии севернее Курска облегчили положение и на южном крыле группы армий «Центр». Эта угроза стала почным кошмаром для штаба Сталина. У него не оставалось сил, чтобы противостоять подобной операции.

Однако русским пришла помощь, да еще с двух сторон. Генерал-фельдмаршал фон Клюге категорически отказался передать какие-либо соединения из армий группы «Центр», настойчиво утверждая, что они будут нужны по окончании сражения. Он не понимал того, что нам теперь известно из документов, — принимая во внимание количество сил, которыми тогда располагали русские, операция просто не могла не привести к успеху.

К удаче Сталина, на поля сражений пришел наконец его могущественный союзник, «генерал Грязь». Таким образом, кульминации битвы, которую должен был составить удар 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», не случилось.

Стремительное победоносное продвижение Манштейна с Днестра к Донцу, сколь неправдоподобным оно ни кажется нам теперь, не было использовано до конца. Немецкое Верховное главнокомандование верило, будто может отложить на завтра то, что реально сегодня — и только сегодня. Таким образом, большая возможность была упущена. Немцы посадили зерно, из которого выросла катастрофа, решившая исход войны, — оставили курский выступ. Советское командование тогда освободилось от своей самой серьезной, со времен 1942 года, угрозы. Центральный фронт Сталина спасло чудо, сравнимое с чудом на Марне. И время в Курске начало работать на Сталина и против Гитлера.

Никто и не подозревал, что приняли, возможно, самое значительное решение после сталинградского. Операция «Цитадель» против курского выступа началась спустя сто одиннадцать дней. Из-за этих ста одиннадцати дней промедления немцы проиграли войну. Поскольку то, что, несмотря на все опасения, могло получиться в марте (а имен-

по: коренной перелом в ходе войны вследствие победы Германии на курском выступе), закончилось, как мы знаем, катастрофически в следующем поле. Но в марте 1943 года эта катастрофа была еще скрыта во мраке будущего.

Когда 23 марта 1943 года генерал-фельдмаршал фон Манштейн издал свой приказ по соединению в связи с победой между Днепром и Донцом, у него были все основания отметить войска и боевых командиров. Их успешные действия защитили немецкий Восточный фронт от самой большой опасности с момента начала войны. Была восстановлена связь с группой армий «Центр», а уголь Донбасса спас военную промышленность Германии. Силы Южного фронта немцев возвратились на свои прежние позиции — позиции, которые они занимали зимой 1941—1942 годов и с которых в 1942 году начали весеннее наступление на Кавказ и Волгу.

Эту важную главу нельзя закончить, не задавшись вопросом, почему же Сталин и его Верховное Главнокомандование, одерживая победу за победой, принимали столь ошибочные решения между 7 и 25 февраля.

Нет сомнений, что тому было несколько разных причин, однако директивы, посланные Южному фронту 21 февраля и позже, а также оценка ситуации, сделанная Юго-Западным фронтом 20 февраля, наводят на мысль, что они были введены в заблуждение данными разведки, которые считали надежными.

К такому выводу приводят и «История Великой Отечественной войны», и многочисленные мемуары. Сталин весьма доверял информации разведки, особенно если она отвечала его чаяниям. Есть основания думать, что в данном случае источником информации тоже являлся «Вертер».

В секретных донесениях швейцарского Генерального штаба, подготовленных Хаусманном и, несомненно, переданных Рёсслером Москве, с 11 февраля и впоследствии утверждалось, что в районе Донца немецкие войска отступают, остаются только крупные силы прикрытия, которыми в случае необходимости будет пожертвовано.

Так, в донесении № 284 от 16 февраля, отмеченном грифом «строго секретно», говорится:

«В районе Донца прорыв русского танкового корпуса к железной дороге и шоссе Горловка—Днепропетровск сделал невозможным последовательный отход основных немецких формирований, как то предписывалось немецким командованием. Все немецкие контратаки у Красноармейска и западнее эффекта не дали... Немцы в состоянии растерянности, беспорядочно отступают, в основном без артиллерии и боеприпасов. Немецкий план постепенного отступления основной части войск в направлении Сталино более неосуществим из-за неразберихи, возникшей в связи с прорывом русских в Шахты. Ожидаемые потери с немецкой стороны значительно превысят потери в Сталинграде. С 12 февраля снабжение по железной дороге через Горловку или Сталино невозможно: линии и станции перегружены и неуправляемы».

Директивы Сталина, отданные в то время командующим и группе армий Южного фронта, полностью соответствуют данным этого доклада.

Есть и еще. В докладе № 291 от 17 февраля, который тоже наверняка оказался в Москве, утверждается следующее: «Цель немецкого сопротивления прорыву русских у Красноармейского и западнее (имеется в виду прорыв Попова) ограничивается прикрытием отхода из излучины Донца сначала на линию от излучины Днепра к Азовскому морю, затем на линию излучина Днепра — Бердянск и, наконец, — на Нижний Днепр».

Разве не таким было мнение Сталина?

Доклад № 307 от 21 февраля: «Последствия сдачи Харькова и крах быстро организованного фронта на реке Донец оцениваются Генеральным штабом сухопутных войск как очень серьезные. С 17 февраля соединения и остатки более сорока немецких дивизий оказались под угрозой отсечения, гибели в безнадежных оборонительных боях и бесплодных контратаках, уничтожения преследующими их массами русских. В эти соединения входит почти половина всех танковых войск Германии и танков, оставшихся у немецкой армии и войск СС».

Опять позиция Сталина.

Заключительный параграф доклада: «Безразличие и фатальная безысходность быстро распространяются и весьма заметно подавляют боевой дух немецких войск во всех южных частях Восточного фронта, даже в резервах, которые еще не принимали участия в боевых действиях, но наблюдают, что происходит, со своих импровизированных позиций за линией фронта».

Разве эти драматичные сообщения, исходящие от самого высшего немецкого командования, не объясняют по-другому не объяснимые приказы, отданные Сталиным и его командующими, включая такого одаренного человека, как Ватутин? Разве они не объясняют тот беспечный азарт и игнорирование очевидных фактов с фронта? Только информацией, полученными от «Люси», можно убедительно объяснить образ действий советского руководства.

Но почему «Вертер» передавал подобную дезинформацию? Агент, который всегда поставлял «Начальнику» в Москве точные данные прямо из «Вольфшанце», Мауэрвальда или Рейхсканцелярии?

Ответ прост. Во время весенних боев между Донцом и Днепром не только тактические, но и стратегические решения по большей части принимались в штабе Манштейна, а не фюрера. Манштейн не допускал вмешательства и действовал исходя из требований момента, а не намерений «Вольфшанце». Кроме того, Гитлер в эти решающие дни был не в Растенбурге, а в Виппиче с небольшим количеством сопровождающих. Большая часть личного состава немецкого Верховного главнокомандования и Ставки фюрера осталась в Восточной Пруссии — включая «Вертера» и его информаторов.

Поэтому там не поняли планов Манштейна и возможностей ситуации, оценки строились на пессимистической трактовке событий, характерной для старших офицеров в Восточной Пруссии, находившихся далеко от полей сражений и фюрера.

Эти обстоятельства объясняют, почему обычно столь хорошо информированный агент «Начальника» в Москве и швейцарского Генерального штаба (агент в Ставке фюрера) на сей раз знал мало и передал своим клиентам ошибочные оценки.

Этот эпизод показывает, что нельзя полагаться на одного человека, даже лучший шпион может ошибиться. А если эта ошибка утвердит получателя информации в опасной для него мысли, тогда она положит начало беде.

Сто и одиннадцать дней спустя «Вертер», однако, испустил свою ошибку.

Часть третья

СРАЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ФЛАНГЕ

1. Ленинград: трагедия города

Блокада двадцатого века — Два кусочка хлеба в день — Голод — Народная война — Жданов и комсомол — Секретный приказ Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии и его подоплека — Весь город должен был взлететь на воздух.

Сражения, продолжавшиеся на Южном фронте семь месяцев, завершились в январе 1943 года. Эти бои, хотя их вели на линии фронта более тысячи километров, навсегда связаны с одним названием — Сталинград, роковой город на Волге. Точно так же операцию, последовавшую за Сталинградской битвой, будут помнить по названию другого города — Курск. Такая связь военных событий с названиями больших городов не случайна, не произвольна, а глубоко символична.

Война в огромной советской империи концентрировалась вокруг крупнейших центров политической, экономической и духовной жизни страны. Поэтому нельзя считать простым совпадением, что в то самое время, когда на Южном фронте события развивались вокруг Сталинграда, ключевого города на Волге, другой крупнейший город России — Ленинград стал центром важной кампании на самом северном крыле немецкого фронта. Ленинград — самая мощная морская крепость на Балтике, место базирования Красного флота, культурная жемчужина России, второй по численности населения город Советского Союза с 3 000 000 жителей.

Все, что происходило между северными морями и озером Ильмень после сентября 1941 года, имело отношение к Ленинграду, белому городу на Неве. Ожесточенность боев здесь, как и в случае со Сталинградом, в значительной степени объяснялась политической мифологией: Ленинград носил имя отца большевистской мировой революции, а раньше, будучи Санкт-Петербургом, — имя величайшего русского царя. Здесь родилась революция, превратившая Ленинград в «Иерусалим Коммунизма», колыбель Красного века.

Роль Ленинграда во Второй мировой войне началась с роковой ошибки Гитлера.

Вместо того чтобы мощной танковой атакой брать Ленинград — как это предписывалось планом операции «Барбаросса», — Гитлер примерно в середине сентября неожиданно остановил наступление прямо на окраинах города и приказал генерал-фельдмаршалу фон Леебу ограничиться блокадой.

Непостижимое решение. Последние оборонительные позиции Ленинграда уже были прорваны: взято предместье с конечной остановкой ленинградского трамвая, 36-я мо-

топехотная и 1-я танковая дивизии захватили последние укрепления на Дударевской горе, ударная группа Гарри Хоппе с гамбургским 76-м пехотным полком овладели Шлисельбургом. В городе распространилась паника. И в этот момент Гитлер прекратил операцию и отвел танковые войска, чтобы перебросить их к Москве. Он решил покорить Ленинград при помощи голода. Его решение изумило офицеров 1-й танковой дивизии. «Мы затем пробивались из Восточной Пруссии к самым воротам Ленинграда, чтобы теперь уйти, как будто все это предприятие было ошибкой?» — ворчали они.

Узнав о таких настроениях, Гитлер предоставил офицерам объяснения в документе под грифом «совершенно секретно» от 7 октября 1941 года:

«Фюрер подтверждает свое решение, что капитуляция Ленинграда или впоследствии Москвы, будет отвергнута, даже если ее предложит противник.

Наше нравственное обоснование подобной меры ясно всему миру. В Киеве немецкие войска подверглись огромному риску, столкнувшись с минами с часовым механизмом, и то же самое, даже в большем масштабе, следует ожидать в Москве и Ленинграде. Тот факт, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего солдата, был объявлен по советскому радио. Остается к тому же и серьезный риск эпидемий.

Поэтому ни один немецкий солдат не должен входить в эти города. Любые попытки покинуть город в направлении наших позиций должны решительно пресекаться. Оставить небольшие, не полностью закрытые проходы, по которым население может отходить в глубь России. Таким же образом поступать и во всех других городах: перед захватом ослаблять артиллерийским огнем и бомбардировкой с воздуха, отход населения поощрять... Довести до сведения всех командующих офицеров, что такова воля фюрера».

Возможно, это обоснование Гитлера и не раскрывает истинную причину его решения не брать Ленинград. Тем не менее избранные им доводы, по всей видимости, весь-

Карта 21. Линия фронта между Вязьмой и Ворошиловградом в марте 1943 года.

ма облегчили ему переход к стратегии блокады. Прежде всего, они позволили Гитлеру склонить на свою сторону генералов, которые, разумеется, предпочли бы захватить город, но опровергнуть аргументы Гитлера было трудно. Действительно, после оккупации Киева в сентябре 1941 года немецкие войска понесли ощутимые потери из-за установленных русскими мина с часовым механизмом. Были заминированы целые кварталы домов, в результате оказалась разрушенной вся центральная улица. Сообщения о такого рода необычных, рискованных и «фанатичных» действиях произвели на Гитлера глубокое впечатление, и он был склонен их переоценивать.

Когда в конце октября 1941 года захватили Харьков, 6-я армия тоже обнаружила планы минирования города. Если бы русские успели осуществить свой план, оккупационные войска были бы погребены под горами щебня. И без этого пострадали многие. Генерал Георг Браун, командующий 68-й пехотной дивизией, 14 ноября 1941 года погиб в здании, в котором до эвакуации из города располагался штаб Хрущева. Мина с часовым механизмом была установлена с разрешения Хрущева, когда он еще работал в здании.

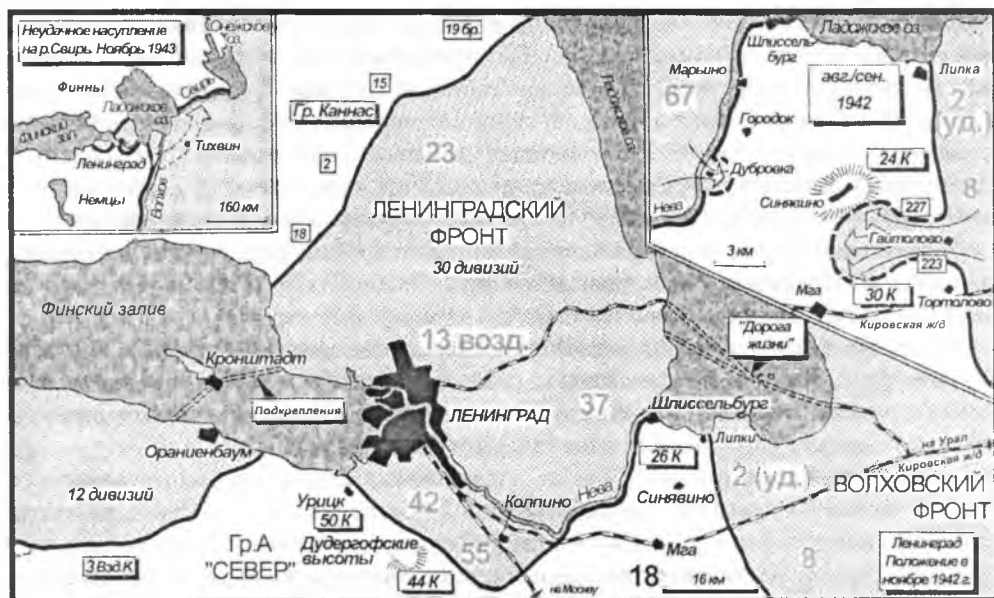
Гитлер часто говорил об этих операциях и сравнивал их, не без некоторого восхищения, с пожаром в Москве, с которого началось выдворение из России Наполеона.

Следовало предполагать, что Жданов, энергичный руководитель Ленинграда, делает не меньше, чем было сделано в Киеве. К тому же Гитлер получил от контрразведки точную информацию о ситуации в Ленинграде. В этом отношении особенно полезной оказалась секретная служба Финляндии. Сведения о минировании города долгое время подвергались экспертами сомнению, пока сенсационные советские публикации 1964—1965 годов полностью их не подтвердили.

В статье под названием «Это было секретом» полковник Стариков в «Военно-историческом журнале» описывает планы минирования городов и установки фугасных зарядов в угрожаемых главных центрах. Среди другого Стариков сообщает, что дом генерала Брауна в Харькове был взорван 14 ноября в 04 часа 20 минут сигналом по радио. Только нехватка электрических детонаторов и взрывчатки не позволила осуществить предписанное минирование всех главных площадей, мостов и центральных улиц.

Еще более драматичен рассказ адмирала Пантелеева, опубликованный в Москве в 1965 году под названием «Морской фронт». Пантелеев являлся начальником штаба Балтийского флота, который в августе 1941 года был придан Ленинградскому фронту.

Адмирал пишет, что после 12 сентября 1941 года в Ленинграде под руководством Коммунистической партии были созданы специальные отряды, задачей которых являлась подготовка тотального минирования города. Тактическое и стратегическое руководство осуществлял особый отдел Главного управления партизанским движением Красной Армии. Лозунгом этих отрядов было: «Если враг прорвется в наш город, он должен погибнуть под его развалинами». В разработанном для них плане содержалась детальная программа уничтожения всех основных зданий, мостов, тоннелей, вокзалов, парков и так далее. План изобилует фразами типа «необходимо взорвать», «сжечь», «разрушить», «уже заминировано зарядами с часовым механизмом». Это программа уничтожения захватывающего дух хладнокровия. Сомнительно, чтобы все задачи плана действительно могли быть выполнены. Но если было бы так, то немецкие оккупанты бежали бы из Ленинграда с огромной поспешностью — совсем как Наполеон из пылающей Москвы.

Карта 22. Девятьсот дней Ленинград находился в окружении немецких и финских войск. В ноябре 1941 года была совершена попытка полностью сокрушить кольцо вокруг города соединением с финнами на реке Свирь. Летом 1942 года ожесточенные сражения велись вдоль пятнадцатикилометрового коридора южнее Ладожского озера.

Через четыре недели после своего секретного приказа, 8 ноября 1941 года, Гитлер снова давал объяснения удивленной немецкой публике и миру в целом, почему было остановлено наступление на Ленинград. Они несколько отличались от документа, предназначенного боевым командирам, но были наполнены тем же пафосом. В традиционной речи в мюнхенском пивном погребе он сказал:

«Любой, кто дошел от границы Восточной Пруссии до Ленинграда, может преодолеть последние десять километров и войти в город. Однако в этом нет необходимости. Город окружен. Никто не собирается его освобождать, и он падет к нашим ногам».

Он ошибался. И эта ошибка стала первым звеном в печальной череде событий у группы армий «Север», событий, которые, без сомнения, внесли свой вклад в исход войны.

Гитлер заставил целую немецкую армию стоять на часах у одного-единственного города. Он позволил противнику сохранить важный центр военной промышленности и военно-морскую базу Балтийского флота. Он даже не закрыл ораниенбаумский мешок, этот большой советский плацдарм на южном побережье Финского залива западнее Ленинграда. Он решил, как хорошо сказал финский генерал-фельдмаршал Маннергейм, «всю войну тащить на спине этот тяжелый рюкзак».

Еще более непостижимо, что вместо захвата Ленинграда и таким образом установления прямой сухопутной связи с союзнической Финляндией Гитлер заблокировал собственную дорогу и, кроме того, спас русских от потери примерно сорока двух дивизий, которые находились в Ленинграде и ораниенбаумском мешке.

Когда 24 сентября 1941 года Гитлер отменил штурм, захват города являлся делом нескольких дней. Прекращение наступления и отвод 4-й танковой группы с дивизиями 41-го

танкового корпуса в тот момент были ошибкой, по своим далеко идущим последствиям сопоставимой с его ошибкой у Дюнкерка. Там, в результате неправильной оценки положения противника, Гитлер упустил возможность поймать в ловушку британскую армию и оставить Британию без обороны. Так и сейчас на северном крыле Восточного фронта он не сделал решительного шага. Вместо того чтобы добиться окончательной победы, взять от 200 000 до 800 000 пленных и несметные трофеи промышленного города, он опрометчиво начал требующую сил блокаду в девятьсот дней, которая закончилась его поражением.

Что привело Гитлера к этой ошибке? Зачем он проигнорировал мнение боевых командиров? Почему он рассчитывал на скорый коллапс Ленинграда? Гитлер недооценил стойкость и упорство Коммунистической партии в этом городе.

Ленинградом руководил Жданов. Этот украинец, родившийся в Мариуполе в 1892 году, был незаурядным человеком. Его твердость, решительность и личное мужество вдохновляли на сопротивление весь город. Жданов впервые в новейшей истории показал миру, что означает безжалостная тотальная война на ограниченной территории.

Неприязнь Гитлера ко всему, что касается воды или моря, странно контрастирует с его увлечением военными действиями на суше. Так же, как в Дюнкерке, в Ленинграде его снова подвела боязнь воды. Он был уверен, что город окружен, однако не учел, что, хотя Ленинград и был по суше отрезан от советского фронта летом, считать окружение полным было нельзя. Пригороды Ленинграда выходят на западный берег Ладожского озера, ширина которого в этом месте составляет не более тридцати километров. Не шире, чем Ла-Манш между Дувром и Кале. А по восточному берегу озера шла главная линия советского фронта.

Днем, допустим, судоходство по озеру контролировали Люфтваффе, однако ночью все было иначе. Таким образом, с первого дня блокады Ленинграда Ладожское озеро являлось дорогой спасения. Попытки немецких подвижных соединений 39-го танкового корпуса в октябре и ноябре 1941 года пройти вокруг озера, соединиться с финнами на Свири и замкнуть блокадное кольцо успехом не увенчались.

Соответственно, после ухода из Тихвина немецкая 18-я армия удерживала только пятнадцатикилометровую полосу на южном берегу Ладоги, ограниченную Шлиссельбургом и Липкой. Доступ на эту полосу осуществлялся по очень опасному узкому коридору: справа находился Волховский фронт, постоянно оказывавший серьезное давление, слева Нева, за которой закрепились 67, 55 и 42-я армии Ленинградского фронта. В середине коридора болотистый участок контролировался с холмов у Синявина. В южном конце этого участка находилась Кировская железная дорога, соединяющая Ленинград с Уралом через Волховстрой.

Незадолго до блокады города Жданов вывез из Ленинграда внутрь страны примерно 650 000 квалифицированных рабочих с военных заводов и 40 000 железнодорожных вагонов с оборудованием, станками и сырьем. Это ясно свидетельствует, что летом 1941 года советское командование предполагало потерю Ленинграда, а также объясняет, почему город не был подготовлен к продолжительной осаде.

Запасы сырья и продовольствия скоро закончились. Гражданское население и 200 000 солдат пришлось снабжать по воздуху, поскольку на движение небольших судов по Ладоге ночью трудно было полагаться. Однако советские воздушные силы оказались не готовы к решению задачи в нужном масштабе. В период с 14 по 28 ноября они перевезли только 1200 тонн продовольствия, или восемьдесят шесть тонн в день.

Практически ровно столько доставили в Сталинград годом позже немецкие Люфтваффе — и этого было недостаточно для находившихся там 250 000 человек. А в Ленинграде зимой 1941 года оставалось более двух миллионов. Эксперты подсчитали, что для 250 000 человек 6-й армии в сталинградском мешке было необходимо минимум 306 тонн продовольствия, только чтобы поддержать жизнь. В Ленинграде в десять раз большее число людей вынуждено было обходиться менее чем третьей от этого количества.

В 1948—1949 годах в Западный Берлин для 2 500 000 жителей по воздушному мосту доставляли сначала 4500 тонн в день, а впоследствии 10 000 тонн. Ленинград получил менее сотой доли этого объема. В результате наступил голод — голод, который не с чем сравнить. Ежедневная пайка хлеба рабочего составляла 250 граммов — примерно пять тонких ломтиков. Служащим и членам их семей доставалось 125 граммов на человека. Военным тоже пришлось подтянуть пояса. Люди на передовой получали 50 процентов от нормы, тыловые службы и личный состав штабов — только 33 процента.

В конце ноября наступило небольшое облегчение, поскольку Гитлер не учел еще один факт — Ладога замерзла. Толщина льда дошла до пяти метров. Ленинград обрел надежную связь с советским сухопутным фронтом на восточном берегу озера.

Ледовую дорогу назвали ленинградской «Дорогой жизни». По почам через озеро громыхали грузовики, однако большую часть их грузов составляли боеприпасы, запчасти и сырье для военных заводов, продовольствие находилось в конце списка. На обратном пути грузовики везли из города раненых, детей и стариков, а также нетрудоспособных женщин. Примерно 800 000 человек эвакуировались по этой дороге.

Однако грузовики тратили топливо, а бензина не хватало по всему советскому фронту. По этой причине Жданов организовал прокладку по льду рельсового пути, который на дальней стороне озера соединялся с линией Волховстрой—Москва. Теперь зимой в город можно было доставлять от 4000 до 5000 тонн грузов. Но и этот вариант не решил проблемы, потому что 80 процентов перевозимых грузов составляло сырье для военной промышленности, которая в голодающем городе все равно производила минометы, пулеметы и даже танки для всего фронта.

Летом 1942 года рабочие батальоны Жданова совершили истинный подвиг: они проложили электрический кабель и бензопровод по дну Ладожского озера. Электричество, питавшее военные заводы, поступало с Волховской электростанции на реке Свирь. Когда озеро снова замерзло, высоковольтную линию проложили по льду.

Голод являлся огромным стимулом. Он заставлял всех жителей поступать либо в рабочие батальоны, либо в народное ополчение. Те, кто не работал или не воевал, просто не получали пайка и умирали. Надежной статистики о жертвах Ленинграда нет, советские источники говорят о 600 000—700 000 погибших. То, что Жданов и Коммунистическая партия совершили, мобилизовав гражданское население на труд и оборону, просто немыслимо: 32 000 женщин и девушек служили медицинскими сестрами, 90 процентов членов ленинградского комсомола пошли на фронт, 600 000 детей и подростков постоянно работали на оборонительных сооружениях. Они выкопали 700 километров противотанковых рвов — одними лопатами и кирками. Они возвели 300 километров лесных завалов и построили 5000 блиндажей. Официальная цифра в 600 000 занятых на работах подростков заставляет думать, что в эти батальоны принимались девятилетние и, вероятно, даже восьмилетние дети.

Никогда раньше и больше нигде на земле не удавалось провести подобную мобилизацию населения. Безусловно, не удалось этого сделать при обороне Берлина. Когда военный комендант столицы Рейха потребовал от гауляйтера предоставлять на строительство оборонительных сооружений 100 000 гражданских ежедневно, тот отверг требование как невыполнимое, и более 30 000 человек в день собирать не удавалось.

Коммунистический союз молодежи России представлял собой значительную боевую силу не только в Ленинграде. Из 11 000 Героев Советского Союза — награда, соответствующая немецкому Рыцарскому Кресту, — 7000 члены комсомола. Мы не знаем, сколько человек из 7200 кавалеров немецкого Рыцарского Креста вышли из Гитлерюгенда.

Голодные и дрожащие от холода, при температуре минус 40 градусов по Цельсию, дети быстро строили укрепления. Голодные и дрожащие от холода, рабочие трудились в неотапливаемых, поврежденных бомбами заводских зданиях. Смена двенадцать или четырнадцать часов. После этого они тащились домой. Дома не было света и воды; если мебель и книги уже сожжены, не было и огня в печках. На следующий день они снова шли к своим рабочим местам. Любой, кто не выходил на работу, не получал пайка. И горе пораженцам!

Летом они не мерзли, но и хлеба получали меньше, и рабочий день продолжался пятнадцать часов. Были и добровольные смены. Ночью женщины длинными колоннами отправлялись к линии фронта и опорным пунктам с ручными тележками или санками, нагруженными боеприпасами для бойцов, на обратном пути они собирали раненых и тех, кто был слишком слаб, чтобы воевать.

Самым ужасающим зрелищем были жуткие транспорты смерти. Смерть, обычно незаметная в наших современных городах, стала таким обычным и публичным явлением, что чувства людей притуплялись от постоянных встреч с ней. Мужчина, женщина или часто ребенок тащили на кладбище к общим могилам тачку или примитивные салазки — иногда только несколько деревяшек — с мертвым телом, завернутым в тряпье или бумагу.

В таких страшных условиях Жданов и Коммунистическая партия поддерживали машину выживания. И не только выживания. Снова и снова он взывал к генералам: «Мы должны атаковать! Мы должны прорваться у Шлиссельбурга и восстановить связь с Волховским фронтом!»

Он неутомимо создавал планы и передавал их в штаб. Все они строились на одной простой идее: прорыв советской 67-й армии на Неве, в восточном направлении, с одновременным наступлением 2-й ударной армии с другой стороны, с Волховского фронта, навстречу частям из Ленинграда. Это расстояние в самом узком месте составляло менее пятнадцати километров. И в течение девятисот дней эти пятнадцать километров оставались в центре сражения за Ленинград.

Худшее в военных ошибках то, что они неизменно влекут за собой серию дальнейших ошибок. Когда весной 1942 года Гитлер осознал ошибку, совершенную им под Ленинградом осенью 1941 года, он решил ее исправить. «Ленинград должен пасть», — заявил он в директиве № 41, оперативном плане на 1942 год.

Когда Манштейн взял Севастополь, самую укрепленную в мире крепость, Гитлер решил бросить генерал-фельдмаршала, его 11-ю армию и мощную, супертяжелую артиллерию против Ленинграда.

Однако то, что было бы верно год назад, теперь было неверно. Потому что летом 1942 года стратегическим центром тяжести немецкого фронта являлся юг, где шло наступление в направлении Волги и Кавказа. Там, в этом решающем месте, нужно было сосредоточить все наличные силы. Включая 11-ю армию. Цену за ее отсутствие скоро придется заплатить в Сталинграде.

Однако Гитлер тогда не опускался до выслушивания критики. Ленинград должен пасть. План Манштейна был прост и в то же время хитроумен: он намеревался тремя корпусами прорвать советские позиции с юга, выйти на окраины города, затем подождать, пока два корпуса продвинутся на восток и форсируют Неву. И тогда они возьмут город.

Неплохой план. И до сих пор все, что планировал Манштейн, удавалось. Однако Ленинграду суждено было подтвердить известное изречение о «приливах и отливах в делах людей: дела, предпринятые на приливе, удаются; но если момент упущен, предприятия обречены на мели и неудачи».

2. Юг Ладожского озера

Танец смерти в Городке: электростанция и больница — Краснознаменные моряки идут по льду — «Тигры» — на фронт — Советский прорыв — Самоходные орудия полковника Андоля останавливают русских.

В начале августа 1942 года, еще до того, как сам Манштейн узнал, что Ленинград станет его новым заданием, Москва уже имела информацию о намерении Гитлера. Разведывательная сеть «Красная капелла» радиовала план в Москву, и Сталин немедленно подготовил свой контрудар.

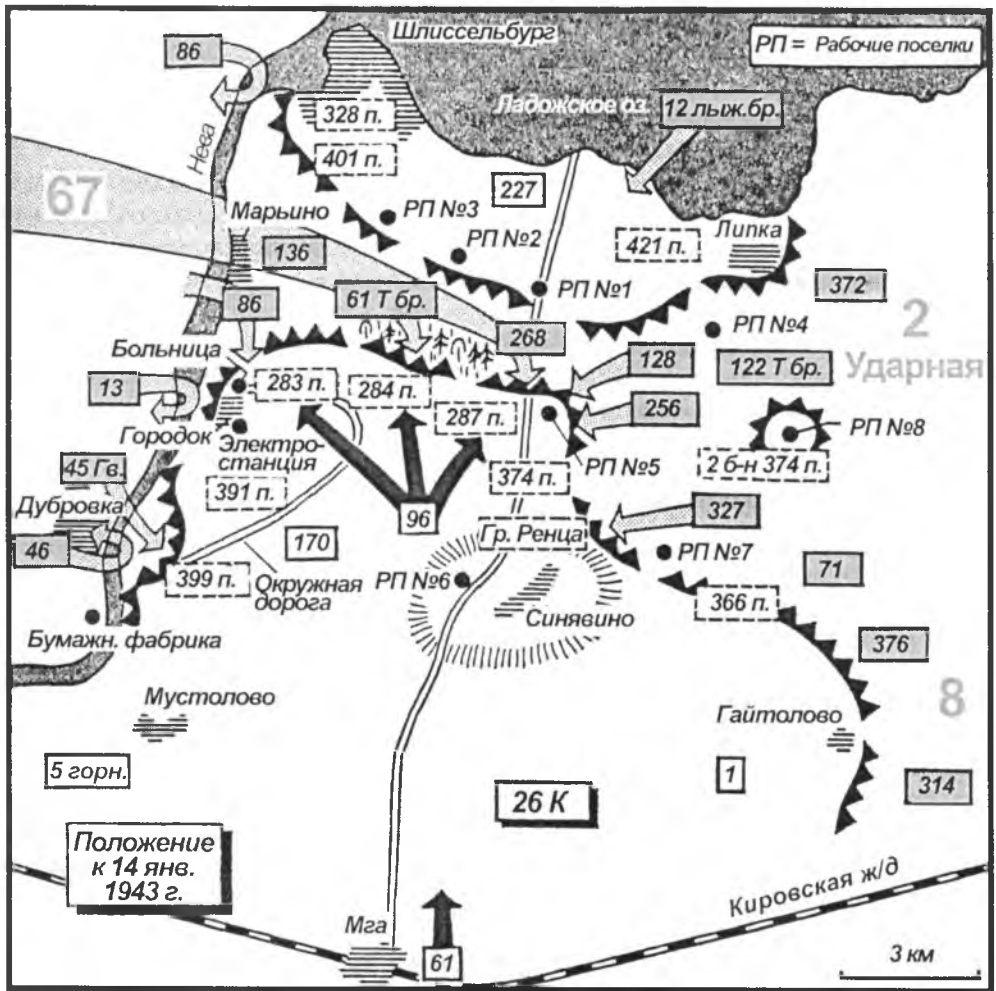
Слихорадочной быстротой для Волховского фронта были сформированы новые части из nascоро подготовленных, часто в течение всего трех недель, новобранцев со всех сторон советской империи, подтянуты штрафные полки, сибиряки и туркмены — всего шестнадцать стрелковых дивизий, девять бригад и пять танковых бригад с тремя сотнями танков.

И когда 27 августа Манштейн разворачивал свои силы для наступления вдоль южного фронта ленинградского мешка, русские начали атаку ударом с Волховского фронта по немецкому коридору, чтобы соединиться с позициями у Ленинграда. Восточный фронт немецкой 18-й армии был прорван в районе Гайтолова.

По обеим сторонам участка прорыва твердо держались саксонская 223-я и вестфальская 227-я пехотные дивизии. Вестфальский 366-й полк гренадеров полковника Венглера оказал такое упорное сопротивление, что даже советская «История Великой Отечественной войны» не смогла его не отметить. Венглер предотвратил расширение прорыва на север. Будучи окруженным русскими, он несколько дней удерживал свои позиции на краю небольшого леса, отражая все атаки. Вестфальцы Венглера стали плотной на пути русского потока.

Русские продвинулись на тринадцать километров в западном направлении. Они почти дошли до Мги, железнодорожного узла на Кировской магистрали, важной для них цели. Коридор сократился более чем на половину своей ширины.

В этой ситуации Манштейну ничего не оставалось, как использовать свои уже развернутые силы для обороны и контратак. С тяжелыми боями его соединения вместе с

Карта 23. Русские пытались установить с Ленинградом прямую сухопутную связь. Они атаковали немецкий коридор с востока и запада.

частями 18-й армии генерала Линдемана оборонительную задачу выполнили: было взято 12 000 пленными и уничтожено 244 танка. Первое из трех сражений на Ладожском озере закончилось.

Но теперь не могло быть и речи о запланированном наступлении на Ленинград. Израсходованы боеприпасы, а ослабленные соединения нуждались в пополнении. Сентябрь прошел. Прошел октябрь. Вокруг Ленинграда было тихо. С приходом ноября начались проблемы у Сталинграда. На некоторое время все планы наступления на Ленинград пришлось отложить.

Манштейн исчез с театра военных действий между Невой и Волховом. Он снова двинулся на юг, чтобы вписать в историю этой войны одну из самых впечатляющих глав — сражение между реками Волга, Донец и Днепр.

В Ленинграде прошел декабрь. Позиции обледенели на страшном морозе. На Неве и Волхове войска сидели, зарывшись глубоко в землю. Так пришел январь. И двенадцатое января.

Лейтенант Винакер из инженерно-саперных войск был ранней птичкой. К 07 часам утра он уже выпил свой кофе и теперь шел за больницу Городка к ходу сообщения, ведущему к передовому пулемету.

Ледяной ветер дул с Синявинского болота через полосу 170-й пехотной дивизии. Он пробирал до мозга костей. Термометр опустился до минус 28 градусов по Цельсию.

— Доброе утро, Люрсен, — сказал Винакер человеку за пулеметом.

— Доброе утро, господин лейтенант.

— Холодно.

— Дьявольски холодно.

— Все спокойно?

— Тихо, господин лейтенант. Но что-то мне не нравится. Посмотрите сами. Не видно ни одного Ивана, ни единой живой души вокруг. Обычно в это время они суетятся, тащат на позиции суп и хлеб.

Винакер взглянул на часы: почти 07.30. Надел очки, снова снял их и протер запотевшие от холода стекла, посмотрел через широкую замерзшую реку на запад. Кругом было подозрительно спокойно.

Нева окончательно замерзла к 7 января. У Городка она была шириной 600–800 метров, и толщина льда достигала метра — достаточная прочность, чтобы выдержать танки. Нельзя терять бдительность.

Лейтенант Винакер разместил командный пункт своей 2-й роты 240-го инженерно-саперного батальона в бывшем здании больницы Городка. Несмотря на мороз, саперы каждый день, а часто и ночью закладывали по берегу реки противотанковые и пехотные мины, устанавливали в крутом обрыве стальные балки, минировали сосновый лес по обеим сторонам больницы. Треугольный участок леса на правом фланге был фактически вымощен минами.

Лейтенант держал в голове точный план минирования. Поэтому теперь он пристально вглядывался в странно безмолвное, серое, утреннее пространство. С крутого берега Невы, почти в двенадцать метров высотой, он мог осматривать в бинокль весь опорный пункт своей роты. Он видел и советские позиции на дальнем берегу. Русские, естественно, тщательно замаскировали свои окопы, но с более высокого восточного берега тем не менее было видно, что происходит среди кустов и поврежденных снарядами сосен.

«На самом деле, никогда не видел такого мертвого места», — пробормотал белокурый человек из Дюссельдорфа. А ведь последние несколько дней среди покрытых снегом бункеров наблюдалась заметная активность.

Из речной долины тянуло ледяным холодом. Мир между Шлиссельбургом и Городком лежал скованный морозом и безмолвный. Вдруг Винакер заволновался, закричал пулеметчику: «Посмотри на это, Люрсен, — на Неве следы! Они ночью перешли на наш берег!» Винакер лег на снежный бруствер, навел бинокль на склон и стал рассматривать метр за метром проволочные заграждения и воронки. «Они поднимают мины! Дьявол! И никто...»

Лейтенант не закончил фразу и инстинктивно бросился вниз. Люрсен тоже шлепнулся за ним. Неожиданный залп орудийного огня потряс землю. Кругом загрохотало,

справа и слева от окопа взрывы рвали твердую смерзшуюся землю. Осколки снарядов стучали по стенкам окопа.

Винакер и Люрсен лежали на дне окопа. Они выжидали. Был ли это только отдельный удар? Или будут еще?

Минуты тянулись невыносимо долго. Ураган огня становился все сильнее. Теперь у Винакера не осталось сомнений. «Люрсен, они придут сегодня!» — выкрикнул он в ухо обер-ефрейтору и кое-как, согнувшись вдвое, заспешил на свой командный пункт в больнице.

Взрывы снарядов, казалось, преследовали его. Тем не менее его подсознание фиксировало: реактивные минометы! С своим и шипящим свистом реактивные снаряды низко неслись над крутым берегом. Затем в грохочущем громе появилась новая нота: тяжелые корабельные орудия. «Это Балтийский флот в Ленинградской гавани», — пронеслось в голове Винакера.

Но самые ужасные звуки издавали снаряды великолепного русского реактивного миномета калибра 82 миллиметра.

Когда Винакер добежал до гаража больницы, рота уже занимала боевые позиции. Здания беспрестанно обстреливались, все линии связи с батальоном, дивизией и наблюдательными пунктами были повреждены.

Между Шлиссельбургом, Липкой и Сипявино был только дым и огонь. Болота и непроходимые леса на Неве и Волховском фронте снова были объаты пламенем. Русские обрушили на немецкие позиции ураган огня из 4500 стволов, бомбардировка, какой еще не испытывали на северном крыле Восточного фронта.

В целом 4500 стволов! Из Ленинграда и с Волховского фронта они обстреливали два немецких участка лишь в пятнадцать километров каждый. Это значит — одно орудие на каждые шесть метров. Два часа и двадцать минут ураган стали ревел, сверкал и рушился на землю Невского фронта, час и сорок пять минут сносил восточную сторону коридора.

«На этот раз они не шутят», — говорили солдаты в своих блиндажах, опорных пунктах, окопах и траншеях. Многие из них находились в надежных бункерах глубоко под землей. За время долгого ожидания они построили настоящие подземные города, опорные пункты соединили хитроумной системой ходов сообщения.

Русские знали об этом. Именно поэтому они поливали эти позиции столь сосредоточенным огнем. Именно поэтому они обстреливали пулеметные гнезда, орудийные позиции, командные пункты, подъездные дороги, боковые коммуникации и лагеря в лесах. Они снесли мосты, здания, траншеи и все телефонные линии. И затем пошли в атаку. С ними появились штурмовики.

С востока, со стороны Волхова, наступала 2-я ударная армия генерал-лейтенанта В.С.Романовского. Ее сектор наступления проходил от Липки на Ладоге до Гайтолова, всего тринадцать километров шириной. Семь дивизий и танковая бригада — на сектор, который обороняла одна усиленная немецкая дивизия, 227-я вестфальская пехотная дивизия генерала фон Скотти.

С запада, со стороны Ленинграда, дивизии 67-й армии генерала Духанова надвигались в сектор между Марьино и Городком. Пяти дивизиям и танковой бригаде противостояла сначала одна северо-германская 170-я пехотная дивизия генерала Загдера, только потом к ней присоединилась силезская 28-я егерская дивизия под командованием генерала Зингубера.

Целью наступления русских с двух сторон было — уничтожить отрезавший Ленинград узкий немецкий коридор и прорваться к Кировской железной дороге.

Как же развивались события в Городке, ключевой точке немецкой обороны на Неве? Ober-ефрейтор Люрсен в своем узком окопе благополучно пережил огневой вал. Когда ужасающий огонь двинулся дальше, он поднялся, стряхнул почти похоронившие его грязь и снег, затем выбрался из окопа.

И тогда увидел, что они приближаются — полки советских 13 и 268-й стрелковых дивизий. Сомкнутым строем на одной линии они быстро шли через Неву по абсолютно ровному, покрытому снегом льду. Между ними было меньше метра. Впереди настоящие богатыри — моряки Краснознаменного Балтийского флота, за ними едва поспевали отряды саперов со своими миноискателями.

В окопах у Марьино бойцы 2-го батальона 401-го гренадерского полка наблюдали ту же картину. «Они сошли с ума», — говорили там. Стрелки 240-го мотоциклетного эскадрона, державшие позицию на берегу справа от больницы Городка, кричали друг другу: «Они думают, что убили нас всех!»

И еще крепче ухватились за свои пулеметы. «Заряжай — приготовиться к непрерывному огню!» — «Не торопитесь», — напомнил им унтер-офицер. «Пусть подойдет ближе», — тихо сказал гренадер Плейер. Его второй номер кивнул. Их пулемет был хорошо защищен бетонной крышей электростанции.

Вот так они ждали южнее Шлиссельбурга, у Марьино, и на электростанции. Вот так они ждали напротив бумажной фабрики и около больницы. И так же они ждали в окопах Дубровки, где атака началась на десять минут позже; там еще во время летнего сражения на ближнем берегу закрепилась советская 45-я гвардейская стрелковая дивизия, по этой причине советское Верховное Главнокомандование в своем тактическом графике разрешило другим наступающим дивизиям начать раньше.

Страшный вал огня русской артиллерии продвинулся далеко вглубь. Передовые наблюдатели немецкой артиллерии тем временем склонились над рациями, вызывая свои батареи и полки, передавая им новые цели: «Заградительный огонь в квадрат...»

Через мгновение снаряды полевых гаубиц и орудий завывали поверх немецких позиций и обрушились на лед Невы, завеса огня и стали опустилась перед немецкими опорными пунктами. Затем немецкие артиллеристы начали искать на дальнем берегу реки советские позиции второй и третьей волны наступления.

Капитан Ирле, командир 240-го разведывательного батальона, выдвинулся со своими мотоциклистами вперед. У него пересохло в горле от того, что он увидел на невиском льду перед опорными пунктами его ста двадцати человек и соседним опорным пунктом, который обороняли только три сотни бойцов 2-го батальона 401-го гренадерского полка.

Там лежала большая часть двух дивизий. В целом десять батальонов, как теперь подтверждают советские источники. Другими словами, по меньшей мере, четыре тысячи человек. Русские наступали по голому льду — ни дерева, ни кустика, чтобы укрыться. Они знали, что будут беззащитны перед огнем противника, но полагались на эффективность своей массивированной артиллерийской подготовки.

Спектакль продолжался семь минут. Теперь первая волна наступления находилась на середине реки, в четырех сотнях метров.

Триста метров. Двести. «Огонь!»

Застучали немецкие пулеметы. Ударили минометы, защелкали ружейные выстрелы. Как подкошенные, нападавшие упали на лед. Многие снова поднялись. Побежали. «Ура!» Но только несколько человек достигли обледеневшего берега реки. Там они попали под прицельный огонь немецких пехотинцев. Они укрылись или погибли.

На льду появилась вторая волна. Третья, четвертая и пятая.

Перед больницей и электростанцией на Неве большими черными горами лежали убитые и раненые. Волна за волной захлебывались — в основном даже не доходя до разбитых стальных балок в крутом берегу.

Ожил фронт и в Дубровке. Здесь 45-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А.А.Краснова пыталась выбраться из лабиринта траншей своего плацдарма на позиции 399-го гренадерского полка полковника Гризбаха. Немецкие и русские позиции переходили друг в друга, часто в длинной траншее одну сторону от другой отделяли только развороченный танк, несколько выгтов колючей проволоки, мина или балка. Точно как в те долгие годы позиционной войны в Первую мировую.

Русские захватили этот плацдарм в Дубровке во время первого сражения на Ладого, летом 1942 года. В ноябре, за исключением нескольких сотен метров, они его потеряли в результате немецкой контратаки. Каждый метр видел борьбу и смерть.

В одном углу окопа из земли торчали замерзшие конечности мертвых русских. Сначала их похоронил артиллерийский огонь. Потом их обнажил артиллерийский огонь. Теперь они стали указателями для связных и разведчиков: «Справа от руки», «Слева от руки».

Подбитые танки нависали над блиндажами, как смертельно раненные животные. Минные поля устанавливались рядом друг с другом и поверх друг друга, пока уже никакой сапер не мог их разминировать. Кошмарный пейзаж войны.

Три гвардейских полка генерала Краснова ворвались в первые разрушенные немецкие траншеи. Но это все, чего им удалось достичь. В глубоких умело спланированных окопах главной оборонительной зоны их отбросили обратно в рукопашном бою при помощи гранат, лопат и автоматов.

В донесении 399-го гренадерского полка говорится, что в ночь после первого дня сражения из окопов пришлось убирать тела русских, чтобы обеспечить немецким пулеметам сектор обстрела.

Одним из центров наступления, естественно, являлся Шлиссельбург. Там советская 86-я стрелковая дивизия атаковала через замерзшую Неву южнее города, чтобы выйти немцам во фланг.

Этот сектор оборонял 1-й батальон 401-го гренадерского полка (бойцы из Гамбурга и Нижней Саксонии, входящие в 170-ю пехотную дивизию) и части 328-го гренадерского полка из состава вестфальской 227-й пехотной дивизии. Отборные русские полки не смогли преодолеть опорный пункт на восточном берегу Невы, их атаки захлебнулись на льду под немецким заградительным огнем. Генерал Краснов вынужден был прекратить наступление.

Однако в Марьино, на стыке между 240-м разведывательным батальоном капитана Ирле и 2-м батальоном 401-го гренадерского полка, русским удалось, с пятой волной и ценой огромных потерь в 3000 убитых и раненых, прорвать позиции немцев и овладеть плацдармом у Дачи севернее Городка.

Русские саперы быстро навели поверх ненадежного льда Невы средства переправы для тяжелого вооружения, танки захотали через реку, подавили последние немецкие опорные пункты и расширили участок прорыва.

Напрасно подполковник доктор Кляйи-хенц, командир 401-го гренадерского полка, пытался реорганизовать сопротивление на передовой. Он получил серьезное ранение, как и его адъютант. Русские поднялись на крутой берег.

Генерал-майор Духанов, командующий советской 67-й армией, увидел свой шанс и немедленно бросил все силы в зону прорыва: вывел остатки 86-й стрелковой дивизии из Шлиссельбурга и задействовал их в Марьиню, сконцентрировал там основную часть трех дивизий и со спешно подтянутыми танковыми батальонами развернулся на север, юг и восток.

Русские оттеснили части немецкого 401-го гренадерского полка обратно к Шлиссельбургу. Разгромили два взвода лейтенанта Винакера. Капитан Ирле с теми, кто остался от его разведывательного батальона, и несколькими грапатометчиками из разных частей спешно организовал слабую оборонительную линию, чтобы преградить русским путь в свои тылы, к артиллерийским позициям, и на юг, в тыл Городка. Поскольку если генералу Духанову фланговой атакой удастся прорвать позиции 170-й пехотной дивизии в Городке и Дубровке, дорога через болото и Сивявинские холмы на Кировскую магистраль будет открыта. Сражение на Неве достигло своей кульминации.

Больницу в лесу у Городка интенсивно обстреливали два с половиной часа. Половину крыши спесло, окна стояли без стекол, стены были изрыты вмятинами от снарядов, но подвалы все еще надежно укрывали тех, кто, прислонившись к стене, ухватывал час-другой сна, прежде чем снова вернуться в траншеи и дать отдохнуть своим товарищам.

Карта 24. По всему Восточному фронту сложилась напряженная обстановка. Атаки русских у Ленинграда, Старой Руссы, Великих Лук, Ржева противостояли лишь наскоро собранные немецкие части.

Серьезно раненный обер-ефрейтор Люрсен лежал в подвале главного здания среди многочисленных товарищей. Все больше и больше раненых вносили в подвал. Все меньше и меньше людей оставалось на передовой.

Нева была покрыта телами русских, ни один из них не добрался до другого берега реки. Однако к полудню они тем не менее были здесь: прорвавшись у Марьино, несколько советских штурмовых подразделений повернули на юг. Теперь они пытались взять этот важный бетонный бастион на берегу Невы.

Дела шли плохо. Инженерно-саперная рота лейтенанта Винакера сократилась до одного взвода. Кроме них оставался только один 240-й мотоциклетный батальон и несколько пробившихся к большому гренадеру из ударной группы Карстена.

Днем в больницу прибыл командир 240-го инженерно-саперного батальона майор Шульц, чей командный пункт находился на электростанции. Винакер, отчаянный человек, только что с несколькими бойцами отправился разведать обстановку справа от больницы, там, где прорвались русские.

Капитан Ирле с остатками своего разведывательного батальона держал позиции, которые они называли «окружной дорогой».

Только они прикрывали тыл участка обороны с артиллерийскими позициями 170-й пехотной дивизии.

«Едва ли хватит, чтобы удержаться, господин майор», — сказал Винакер Шульцу, когда возвратился. Пока не подойдет подкрепление, все будет зависеть от инженерно-саперного батальона.

Инженеры, эти мастеровые войны, привыкли к таким задачам. Хотя собственно их работа состояла в строительстве мостов, наведении переправ, минировании и разминировании, всю Вторую мировую войну они в кризисные моменты вставали в строй рядом с пехотинцами. Именно такая ситуация сложилась на Неве в январе 1943 года.

Майор Шульц поставил 3-ю роту своего инженерно-саперного батальона по обеим сторонам больницы, командовал ротой лейтенант Брендель. К вечеру русские тапки и пехота вошли в маленький треугольный лесок протяженностью примерно шестьсот метров. Снаряды вгрызались в каменную кладку, загорелись стропила крыши.

Но Брендель превратил дымящиеся здания в изрыгающую огонь крепость. За каждым окном саперы установили пулемет, в каждом слуховом окне находился снайпер или наблюдательный пункт.

В треугольном леске русские собирались к атаке. Взвод за взводом они перебежали туда по открытому месту из рошцы в районе прорыва на берегу реки.

Артиллерийский наблюдатель в больнице еще поддерживал радиосвязь со своей батареей, чьи позиции находились примерно в пяти километрах дальше. Он постоянно информировал командира батареи, поэтому в нужный момент в треугольном леске прогремел мощный залп батареи Бауэра 240-го артиллерийского полка, разнесший русские сборные позиции. Два Т-34, которые должны были возглавить атаку, попали на одну из хорошо замаскированных минных препятствий и остановились с поврежденными гусеницами. В башнях госпиталя возликовали.

Полевые гаубицы Бауэра продолжали поливать огнем маленький лесок. В конце концов русские решили отойти с опасных позиций; на обратном пути к берегу Невы они попали под сильный огонь пулеметов из окон больницы.

«Смена!» — разнеслось по подвалу. Усталые рядовые подняли винтовки и, спотыкаясь, поднялись по лестнице. Они заменили своих полуобмороженных товарищей, которые на 26-градусном морозе заторопились из окопов в самое замечательное место на земле — к горячей печке в больничном подвале.

Генерал-полковник Линдеман не обольщался по поводу критической ситуации, сложившейся у дефиле после прорыва русских. Он был реалистом и хорошо знал свое дело. В свете донесений с фронта предполагаемая цель противника стала приобретать очертания на карте обстановки штаба 18-й армии. Генерал Говоров бросал все наличные силы в созданный им у Марьино прорыв. Используя примерно четыре дивизии и одну танковую бригаду, он совершенно очевидно намеревался протаранить дефиле до прихода немецкого подкрепления, объединиться со столь же крупными советскими ударными соединениями, наступающими с востока, и затем развернуться на юг, чтобы подавить оборонительные позиции немцев на Неве и по восточному краю.

Этот план неизбежно имел несколько важнейших центров. Один из них — Рабочий Поселок № 5, или коротко П5. Через него проходила единственная проезжая дорога через болото, ведущая в северном направлении к берегу озера и в южном направлении через Синявино к Мге на Кировской магистрали.

Второй центр — Городок с больницей и электростанцией. Здесь русские не получили прямого выхода к Синявинским холмам. Городок к тому же являлся краеугольным постом немецкой линии фронта к югу от участка советского прорыва.

Если бы Линдеман имел в резерве хорошо оснащенную дивизию с батареями штурмовых орудий, танковым батальоном и тяжелой артиллерией, дело было бы вдвое легче. Но такой дивизии не было у командования 18-й армии, как и у кого-либо из ее соседей.

Время — середина января 1943 года. Сталинградская катастрофа висела и надо льдом Невы. Не менее сложной была ситуация и в полосах непосредственных соседей 18-й армии. Во Ржеве, Великих Луках и Демянске под угрозой находилось само существование целых армий. Русские наступали везде. И, как везде в решающий момент, на северном крыле Восточного фронта не хватало пресловутого последнего батальона.

Генерал-полковнику Линдеману поэтому ничего не оставалось, как прибегнуть к тягостной стратегии искусных импровизированных операций, которая уже стала типичной для Восточного фронта зимой 1942/43 года. Полки и батальоны собирались вместе, чтобы преодолеть очередной кризис, вместо того чтобы встречать неприятеля полноценными соединениями и побеждать его превосходящими силами.

Единственным резервом, в этот момент находившимся в распоряжении Линдемана, были пять батальонов гренадеров испытанной 96-й пехотной дивизии. В этой великолепной дивизии, сформированной в Ганновере, служили люди из всех областей Северной и Западной Германии. Если бы 96-я дивизия 12 января была в полном составе — кто знает, как повернулись бы события? Однако в самый первый день русского наступления 96-я получила приказ передать свои части на правый и левый фланги. Таким образом, вечером 12 января генерал Ноельдехен только с половиной дивизии пошел в контрнаступление из района Синявино в северо-западном направлении с задачей отбросить противника обратно за Неву.

Пять батальонов против пяти советских дивизий.

Отсутствующие части дивизии отчасти компенсировали батарея 88-мм орудий 36-го зенитного полка, батарея тяжелой артиллерии со 150-мм гаубицами и, главным образом, рота «Тигров» — 1-я рота 502-го танкового батальона под командованием лейтенанта фон Гердтеля. Четыре «Тигра» с их 88-мм длинноствольными пушками и восемь Т-Ш, предназначенные в качестве прикрытия, явились решающей силой против танковых батальонов противника.

Бодо фон Гердтель, однако, сложил голову в самом первом бою. Его похоронили на кладбище в Синявинском болоте.

По глубокому снегу, покрывавшему суровое болото, через раненные снарядами леса батальоны 283, 284 и 287-го гренадерских полков 13 января двинулись на север. Городок, «Шайдисвальд», «окружная дорога» — трагичные названия последующих нескольких дней.

«Окружная дорога»! Уже во время самой первой атаки четыре «Тигра» получили боевое крещение. Батальоны гренадеров полковника Польшмана дали отпор русским пехотинцам на морозе в двадцать восемь градусов по Цельсию, но затем появились две дюжины советских Т-34. Двух из них подбили лейтенант Айхштадт и обер-ефрейтор Гудеус, двух из двадцати четырех. Оставшиеся двадцать два стальных монстра поставили гренадеров в исключительно сложное положение. Три командира рот погибли один за другим.

Тут вышли «Тигры». Это была историческая схватка. После не слишком успешных боев 1-й роты «Тигров» 502-го батальона, действовавшей у Ленинграда в качестве экспериментальной роты с августа 1942 года, мощные стальные чудовища на этот раз показали свои возможности. Тяжелый грохот их 88-мм длинноствольных пушек нес гибель Т-34. Скоро двенадцать советских танков уже пылали в болоте. Остальные беспорядочно отступили. Советская контратака в южном направлении была остановлена.

В сумерках русские еще раз предприняли танковый удар в лесу «Шайдисвальд», через который шла «окружная дорога». И снова по тревоге подняли роту «Тигров»: «Приближаются танки противника! Строиться!»

Унтер-офицер Ганс Болтер выступил на двух «Тиграх» в сопровождении Т-Ш. Ему, семь раз раненному и пятнадцать раз горевшему в своем танке, за последующие восемнадцать месяцев суждено будет подняться от унтер-офицера до капитана. Он — один из самых успешных танковых командиров той войны.

Два «Тигра» прорывались сквозь снег. В сумраке контуры массивных гигантов с их белой окраской терялись в зимнем пейзаже. Советское противотанковое орудие раздавили. Болтер приказал второму «Тигру» прикрыть его, держась немного позади слева, в эшелон. В этот момент рядом с «Тигром» Болтера поднялись первые фонтаны снега — разрывы противотанковых снарядов противника.

Быстро осмотрелся. Вон там! Болтер повернул башню. Наводчик поймал Т-34 на прицел. Водитель остановился. «Огонь!» Снаряд со свистом вырвался из ствола. Промач. Снова. Второй выстрел — прямое попадание. Т-34 сразу охватило пламя. 88-мм снаряд разорвал танк, словно лапа настоящего тигра.

Все шло так же гладко, как на танкодроме у Фалингбостеля. «Тигр» Болтера подбил еще два Т-34. Их горящие остовы освещали болото призрачным светом.

Но тут Болтера окружили три русских танка. Они пытались обойти его, эти отчаянные советские танкисты 61-й танковой бригады.

Наводчик Болтера действовал как часы. «Сначала того, что справа», — спокойно скомаандовал унтер-офицер. Огонь! И снова. Огонь! Попадание.

Два других Т-34 теперь пытались спастись в болоте. Они хотели выйти из освещенного места. Но «Тигр» Болтера уничтожил и эти два Т-34. «Поворот! Назад».

— Что произошло с нашим сопровождающим танком? — спросил унтер-офицер Болтер.

— Нет связи, — ответил радист.

Две минуты спустя раздался ужасающий грохот. «Попадание в двигатель», — крикнул водитель. И еще удар.

Пылающие русские танки прекрасно освещали поле боя для хорошо замаскированного советского противотанкового орудия. «Тигр» Болтера стоял на этой сцене, как стационарная цель. Легкая добыча для советского противотанкового орудия.

«Тигр» Болтера объяло пламя, создалась опасность взрыва боекомплекта. Унтер-офицеру оставалось только приказать своим людям покинуть танк. Экипаж выпрыгнул в снег.

Появились советские пехотинцы. Короткий обмен выстрелами из автоматов и пистолетов, Болтер и его люди вбежали в заросли кустарника.

Наконец подошел второй «Тигр». «Он нас видел? — думал Болтер. — А вдруг он примет нас за русских? Лучше быть поосторожней. Но как привлечь его внимание?» Болтер пронзительно закричал, но его голос утонул в шуме боя.

Он решительно вспрыгнул на правый борт «Тигра» и пополз к щели радиста.

В тот момент, когда он добрался до нужного места, радист внутри выкрикнул: «Русские на нашем танке!»

Что теперь? Болтер орал изо всех сил, но услышат ли его в этом страшном грохоте сражения?

«Все, что мне надо, это чтобы командир поднял люк башни и поставил на меня свой пистолет», — подумал он, не отрывая глаз от башни. В это минуту люк на несколько сантиметров приоткрылся.

Унтер-офицер выкрикнул имя командира, к счастью, он сразу понял. Люк распахнулся, три слова команды, и они отправились на поиски остальных членов экипажа Болтера. Один за другим они оказались в танке, и только тогда Болтер осознал, что ранен, и ощутил в своей спине три осколка.

На войне удача и несчастье часто тесно переплетаются. В то время, когда полковник Польман, командир 284-го гренадерского полка, руководил боем в «Шайдисвальде»¹ и действиями своих «Тигров» на передовой, советская авиация совершила мощный налет на командный пункт его полка, находившийся на «окружной дороге». Погибли двадцать три человека из состава мотоциклетного взвода и штаба полка. Это был тяжелый удар.

Тем временем соседний 283-й гренадерский полк под командованием полковника Андоя выдвинулся в направлении электростанции и больницы. Батальоны Андоя подошли в тот самый момент, когда русские начали полномасштабное наступление силами 61-й танковой бригады и стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии.

У электростанции войска Андоя с первой атаки прорвали позиции русских и соединились с теми, кто оставался внутри станции. У больницы бой сложился труднее.

¹ Лесопосадка (нем.).

Комплекс зданий был уже полностью окружен. Русские всеми силами старались сохранить кольцо, чтобы шаг за шагом приближаться к блокированной больнице.

Но 283-й все-таки прорвался в больницу. Их восторженно встретили саперы лейтенанта Бренделя, который со своей 3-й ротой 240-го инженерно-саперного батальона превратил пылающую больницу в надежную крепость. Этой ночью батальон 96-й пехотной дивизии принял на себя прикрытие фланга, и с передовой вывезли раненых.

Следующим утром русские снова пошли в атаку. У всех окоп за мешками с песком лежали саперы, и оттуда они были вынуждены наблюдать, что происходит внизу в окопах: двадцать шесть танков осаждали позиции 9-й роты 283-го гренадерского полка. Они просто утожили окопы. Давили широкими гусеницами пулеметные гнезда и окопы стрелков, стремясь добраться до пехотинцев внутри. У людей Бренделя перехватывало горло.

Спасение пришло от русской зимы на 60-й параллели: температура была 22 градуса ниже нуля и земля замерзла до состояния камня. Такими же твердыми стали и брустверы пехотных блиндажей. Гусеницы танков не смогли серьезно повредить их. Гренадеры просто свернулись в своих стрелковых ячейках. Очень неудобно, без сомнения, но не смертельно.

Когда танки переехали позиции и двинулись к больнице, постоянно стреляя, чтобы подавить обороняющихся, в атаку пошла советская пехота. Они едва ли ожидали какого-либо отпора со стороны немцев.

Но из окопов и стрелковых ячеек 9-й роты поднялись гренадеры, и наступающие русские совершенно неожиданно попали под смертоносный огонь пехоты. Их атака захлебнулась.

Советские танки тем временем оказались в секторе обстрела 2-го дивизиона 36-го зенитного полка и тяжелой артиллерии. Выдвинулись истребители танков полковника Андоля, в небо полетели комья смерзшейся земли. Это было сражение танков с артиллерией.

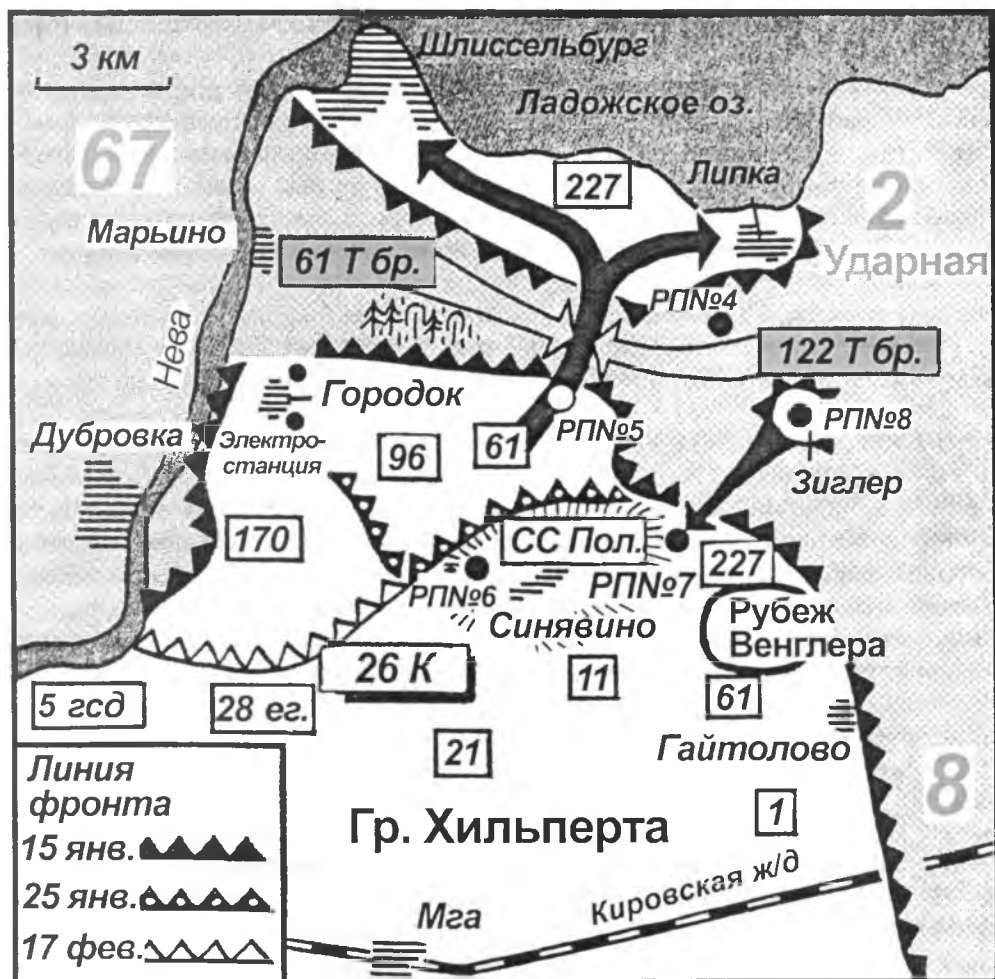
В конце концов артиллерия, зенитки и самоходки 283-го гренадерского полка взяли верх. В финале этой зимней дуэли на краю Сиявинского болота дымилась или горели двадцать четыре советских танка. Так была предотвращена самая серьезная опасность в полосе 170-й пехотной дивизии на берегу Невы.

3. Между Волховом и Шлиссельбургом

Рубеж Венгера — Атака 122-й танковой бригады — Батальон Циглера проходит сквозь порядки противника — Суровые холмы Сиявино — Бой за Рабочий Поселок № 5 — Артиллерийская батарея в «Шайдисвальде» — «Синяя дивизия»¹ у Красного Бора — Могилы в болоте.

Ситуация в центре горловины, у Поселка № 5, в это время тоже усугубилась. Приняли опасный поворот и события на восточном фронте немецкого коридора к озеру Ладога. С раннего утра 12 января семь дивизий советской 2-й ударной армии атаковали немецкие рубежи между Липкой на Ладоге и Гайтоловом севернее Кировской магистрали.

¹ 250-я пехотная дивизия Вермахта, в состав которой входили испанские добровольцы. Называлась «Синей» по цвету синих рубашек испанских фалангистов. В некоторых переводах ошибочно названа «Голубой» — *Прим. ред.*

Карта 25. Советские армии соединились севернее Поселка № 5. Отрезанным немецким частям удалось прорваться на юг.

У Липки, опорного пункта на северном фланге немецких позиций, 2-й батальон 287-го гренадерского полка отражал яростные атаки советской 128-й стрелковой дивизии. Однако южнее, у Поселка № 4, советской 372-й стрелковой дивизии удалось прорвать немецкую оборону. 1-й батальон восточно-померанского 374-го гренадерского полка отошел, но 2-й батальон удержал свои позиции у Поселка № 8 и не уступил ни пяди.

12 января к 16 часам, когда стали опускаться сумерки, люди майора Циглера у Поселка № 8 уже отбили пять мощных русских атак. Советская 372-я стрелковая дивизия была намерена осуществить здесь прорыв любой ценой. Это были полки из Сибири и Азии, наступавшие отчаянно, но померанцы Циглера держались твердо, как деревья в Волховском лесу.

В начале года усиленный 374-й гренадерский полк, ударная часть 207-й пехотной дивизии, был передан в состав 227-й пехотной дивизии для обороны восточной сторо-

ны горловины. 2-й батальон мощно окопался вокруг Поселка № 8. Русские наступали, интенсивно обстреливали позиции и снова наступали.

К 13 января укрепления Циглера сровняли с землей; но немцы удержались, поддерживаемые 196-м артиллерийским полком, чьи передовые наблюдатели находились на линии фронта. Штурмовые полки советской 372-й стрелковой дивизии истекали кровью в древнем, истерзанном снарядами лесу и на замерзшем болоте.

Южнее Поселка № 8 ситуация для немцев развивалась менее благоприятно. Здесь русские создали второй участок прорыва. Полковник Поляков долго готовил к этой атаке свою 327-ю стрелковую дивизию. Они построили точную копию тщательно разведанных укреплений 3-го батальона 374-го гренадерского полка, а также оборонительных сооружений 366-го гренадерского полка полковника Венглера. Копия повторяла каждую деталь: изгородь палисадики, ходы сообщения, пулеметные гнезда и бункеры.

Полковник Поляков нацелил удар в стык между двумя немецкими частями. Здесь советская 327-я стрелковая дивизия должна была отомстить за серьезное поражение, нанесенное 54-й армии в первом сражении на Ладожском озере в конце лета 1942 года.

Тогда Венглер с бойцами из земель Рейн и Вестфалия предотвратил стратегическое расширение участка советского прорыва. На этот раз Поляков намеревался преодолеть немецкую оборону любой ценой. Его штурмовые полки прорвали первую линию немецких укреплений южнее Поселка № 8 и пытались расширить участок прорыва на север и юг. Если бы это им удалось и фронт 227-й пехотной дивизии перестал существовать, то люди Полякова получили бы прямой выход на господствующие высоты Спявину.

Однако советский план провалился. Бойцы Венглера снова удержали опорный пункт с южной стороны участка прорыва. Стрелки 28-й егерской дивизии, вместе с 1-м батальоном 83-го егерского полка, проблись прямо к командному пункту Венглера и усилили там его оборонительный рубеж. Прямо в центре, как скала в прибое, стоял Поселок № 8 с батальоном майора Циглера. Пять сотен немецких солдат сорвали здесь план советского командования: несмотря на полное окружение, померанцы отразили все атаки. Они держались 12 января, 13 января, 14 января. К ним не доходили ни продовольствие, ни боеприпасы. У них не было связи ни с дивизией, ни с полком.

Они, полностью полагаясь лишь на свои собственные ресурсы, батальон Циглера выполнил важнейшую задачу. Вместо того чтобы двигаться на запад, русские были вынуждены оставаться у Поселка № 8. Значительные силы 327-й стрелковой дивизии, а затем и переброшенной советским Верховным Главнокомандованием 18-й стрелковой дивизии были скованы в этом месте.

15 января, через четыре дня бесконечного боя, у немцев стали подходить к концу боеприпасы. Утром после массированного артиллерийского обстрела русские снова атаковали. Они приблизились с криками «Ура!», но пулеметный огонь померанцев их остановил, немного продвинувшиеся русские танки 122-й танковой бригады подорвались на минах. К этому времени у обороняющихся практически закончились снаряды, они вряд ли смогли бы отразить новую атаку. Циглер оказался перед дилеммой — быть уничтоженным или прорваться и спасти хотя бы людей.

Майор собрал своих офицеров и поставил вопрос перед ними. Держаться? Сдаться? Или сделать последнее усилие и попробовать совершить прорыв?

О капитуляции не могло быть и речи, какой смысл добровольно позволить себя убить? Остается прорыв. Но это будет прорыв в неизвестность. Никто не знал, где находится немецкий фронт. Попытки восстановить радиосвязь ни к чему не приводили.

Существуют ситуации, в которых смелость утрачивает свое значение. Готовность бессмысленно погибнуть не является воинской добродетелью. Против стократного превосходства, против града бомб и снарядов ничего не сделаешь одной только силой воли, одним мужеством или преданностью долгу. Действительно, отвага и смелость часто побеждали и превосходящего противника, но в современной войне вооруженный существует определенный предел, когда исход боя определяется количеством — количеством людей и оружия.

Поэтому решение Циглера прорываться было абсолютно правильным и, в лучшем смысле этого слова, мужественным.

Скрытый прорыв из Поселка № 8 начался в 23.00. Впереди шел сам майор, за ним — Оскар Швемм, из города Лодзь, свободно говоривший по-русски, поверх своей униформы Вермахта он надел форму убитого советского лейтенанта. Позади них — значительный штурмовой отряд, затем ударная группа с готовыми к бою винтовками и штыками. Позади на акьясах, небольших в форме лодки лапландских салазках, тащили раненых, каждые салазки тянули два человека. Прикрытие с фланга обеспечивали солдаты с автоматами. Арьергард составляла основная часть батальона. Все знали, как действовать: не стрелять без особого приказа майора, не курить, не разговаривать.

Когда последние подразделения устроили на покидаемых позициях дикий фейерверк, тихая колонна двигалась по колесу в снегу в бледном свете луны при температуре 25 градусов ниже нуля. Они ориентировались на созвездие Ориона, потому что их путь лежал на юг. «Стой!», — вдруг сказал Швемм, намеренно повысив голос. Люди во главе колонны тут же остановились. Перед ними виднелись силуэты нескольких Т-34, это было русское танковое кольцо вокруг Поселка № 8. Швемм направился к ним. Он разговаривал с русским командиром, другие разглядывали их, покуривая и жестикулируя. Лейтенант Беккер готов был поклониться, что слышит биешие сердца всех своих людей, которое разносилось над замерзшим болотом, как удары грома. Наконец Швемм вернулся. Он прокричал несколько русских слов команды, которую никто не понял, и громко выругался. Но Циглеру он тихо сказал:

— Я узнал пароль. «Победа». Может быть, это хорошее предзнаменование.

Столь же важной, как и пароль, была другая часть полученной Швеммом информации. Он узнал расположение главной брешли в советском танковом кольце. Через эту брешль они и вышли. Благодаря паролю они без единого выстрела преодолели второй русский заслон пикетчиков. «Победа!» — выкрикнул Швемм часовому, и колонна свернула влево.

Но признаков фронта по-прежнему не было. Ни шума боя, ни огней в небе, ни сигнальных ракет Верн.

И тут совершенно неожиданно перед ними возникла русская минометная позиция. Швемм сказал пароль, однако русский офицер оказался подозрительным. Он подошел ближе. Солдат из Лодзи быстро сделал несколько шагов ему навстречу и сказал, что его часть идет на фронт со специальным заданием.

Лейтенант Беккер стоял меньше чем в двух шагах от этих двоих. Его рука в кармане шинели сжимала пистолет со снятым предохранителем.

Русский, казалось, не поверил истории Швемма, но в конце концов солдат из Лодзи развеял все его подозрения. Колонна двинулась, но им было неспокойно. Все эти минометы прямо у них за спиной! А вдруг русские заметят что-нибудь?

Циглер шепотом передал команду тыловому прикрытию: «Мы должны ликвидировать минометную позицию!» И батальон привел с собой русского лейтенанта и сорок пленных. Они ухитрились провести их и через передовые русские пехотные опорные пункты, хотя там им пришлось пробиваться с боем.

Через три четверти часа в сером свете утра колонна достигла немецких дозоров. Как рассказывает Циглер, на командном пункте 274-го гренадерского полка устроили большой праздник. Не только потому, что благополучно прибыла ударная группа, которую уже списали, но и потому, что полковнику фон Белову отчаянно нужны были боеспособные солдаты в Поселок № 5, который в это время стал центром сражения в горловине.

На Неве, как и на восточной стороне горловины, русским пока не удалось подавить немецкую оборону на широком фронте. Только два узких клина, пробитых в Марьино на западе и за Поселком № 8 на востоке, медленно продвигались в верхней части немецкого коридора. Но именно здесь, на высоте у Поселка № 5, советские штурмовые соединения намеревались соединиться. Если у них получится, то с Ленинградом будет установлена сухопутная связь и немецкие силы 96 и 227-й пехотных дивизий, которые все еще держались в Шлиссельбурге, Липке и на Ладожском озере, окажутся отрезанными.

Это генерал-полковник Линдеман хотел предотвратить во что бы то ни стало, но двух дивизий 26-го армейского корпуса было недостаточно для ликвидации русских клиньев. 170 и 227-я пехотные дивизии обороняли слишком большие участки фронта, каждая примерно по двадцать пять километров.

После первых нескольких дней ожесточенных боев не осталось резервов ни для наступления, ни для того, чтобы уничтожить клинья или предотвратить их соединение.

14 января 18-я армия подтянула две полковые группы восточнопрусской 61-й пехотной дивизии из мешка у Погостья (района боевых действий на Кировской магистрали в тридцати километрах юго-восточнее Мги) и 15 января бросила их в горловину. Две полковые группы вместо всей дивизии. Один полк пришлось оставить на Кировской железной дороге. Снова борьба малыми силами вместо крупной операции.

Командир 61-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Хюнер сам повел группу. Он ударил за Снявино и Поселком № 5 и соединился с 227 и 96-й пехотными дивизиями, окруженными в Липке и Шлиссельбурге. Однако силы Хюнера были слишком малы, чтобы защитить сухопутный коридор из Поселка № 5 к Ладоге, Шлиссельбургу и Липке от русских, наступавших с востока и запада.

Главный бой разгорелся за жалкое рабочее поселение с несколькими бараками и маленьким торфообрабатывающим заводиком. Просто точка на карте — П5. Но очень кровавая точка. Русские бросили на этот небольшой бастион в болоте две дивизии и две танковые бригады. П5 был своего рода дорожным узлом: через него проходила единственная дорога с севера на юг. По этой дороге снабжались немецкие войска в северной части горловины; если русские займут П5, северная часть немецкого коридора будет отрезана от своих тыловых коммуникаций.

Четыре дня и четыре ночи на жестоком морозе в 25—30 градусов ниже нуля группа Хюнера стояла вдоль низких насыпей подъездных путей к заводу и большим, прямо-

угольных резервуаров, из которых вырезали торф. Они держали открытой спасительную дорогу через Поселок №5.

Все, что было пужно в тот момент, чтобы предотвратить соединение русских, это несколько дюжин танков, батарея штурмовых орудий, артиллерийский полк и несколько батальонов пехоты с противотанковыми ружьями. Но поскольку у немцев не было и этих скромных сил, русским 18 января после ожесточенного сражения удалось взять Поселок №5 и отрезать ударную группу Хюнера.

Статья советской «Истории Великой Отечественной войны» воссоздает картину немецкого сопротивления. В томе 3 читаем:

«Части 136-й стрелковой дивизии дважды врвались в Рабочий Поселок №5, но закрепиться в нем не смогли. Три раза в течение ночи 16 января штурмовали поселок с востока полки 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии, но также успеха не имели. Отдельные подразделения дивизии приближались на расстояние 15—20 метров к вражеским укреплениям, но каждый раз были вынуждены отходить. Гитлеровцы дрались с отчаянием смертников. К концу следующего дня части 18-й стрелковой дивизии при поддержке танкистов 16-й танковой бригады достигли окраины поселка, и борьба шла уже за каждый дом. С утра 18 января боевые действия разгорелись с новой силой. 136-я стрелковая дивизия и 61-я танковая бригада ворвались в Рабочий Поселок №5».

Немецкие глаза видели драматичные часы 17 и 18 января следующим образом. Перед высокой кирпичной стеной торфяного завода в П5 находился бункер, в котором располагался командный пункт генерала Хюнера. При дрожащем свете свечи вечером 17 января генерал изучал карту. Три часа назад армия дала разрешение всем немецким частям, находящимся в северной части коридора, сворачиваться и через П5 отходить на юг, чтобы создать новую основную оборонительную линию вдоль высот у Снявина. Были высланы курьеры, которые теперь рыскали по заснеженному болоту. В Шлиссельбург, Липку и полевые позиции вдоль озера шли радиogramмы: прорывайтесь! С наступлением темноты прорывайтесь в направлении П5.

Это означало, что Поселок №5 нужно удержать любой ценой, чтобы дать возможность пройти отступающим частям.

Задрезжал полевой телефон, связь с корпусом и 18-й армией еще существовала. Хюнер поднял трубку. На другом конце провода был командир 26-го корпуса генерал фон Лейзер. «Какова обстановка, Хюнер?» — «Сказать, что мы в дерьме, было бы слишком оптимистично, господин генерал! Мои последние резервы — один унтер-офицер и двенадцать рядовых. В данный момент они снаружи, ведут контратаку против небольшого прорыва противника непосредственно у моего бункера».

В трубке затрещало.

«Алло, — воззвал Хюнер. — Алло!»

Карта 26. Генерал Хюнер удерживал Поселок №5, пока все немецкие части, находившиеся севернее, не прошли на юг.

Тишина. Генерал посмотрел на своего адъютанта: «Конец. Связь сдохла». — «Не обращайтесь внимания, господин генерал; по крайней мере, никто теперь не сможет нам указывать, что делать», — кротко ответил лейтенант.

Хюнер кивнул и повел по карте карандаш.

Кроме его собственных сил (151 и 162-го гренадерских полков) из ловушки пужно было выпустить группу 328-го полка из Шлиссельбурга, батальон и моторизованное подразделение 96-й пехотной дивизии из Липки, а также артиллеристов, бронемашин, горных стрелков и гренадеров 227-й пехотной дивизии из опорных пунктов на озере Ладога.

Успеют ли они выйти? Русские постоянно наседали, они, естественно, понимали, что происходит, и поэтому стремились взять Поселок № 5 как можно скорее.

Маленький бункер сотрясали удары советской артиллерии. Прибыл связной от полковника фон Белова: «Советские танки идут через железнодорожную насыпь». У Хюнера остался единственный Т-III с длинноствольным орудием. Он был хорошо замаскирован на территории завода. «К бою!»

Лейтенант в танке дал русским подойти совсем близко. Потом, с расстояния примерно в восемь метров, ударил точно в смотровую щель над пушкой третьего в группе советских танков. Тот сразу загорелся. Следующий снаряд поразил первый танк. Второй, зажатый между двумя другими, стал легкой добычей.

Две сотни раненых из бараков и с завода быстро погрузили на салазки. Под наблюдением офицера медицинской службы, молодого лейтенанта, небольшие отряды санитаров и ходячих раненых потянули салазки вниз по дороге к П6. И как раз вовремя. Под прикрытием своей артиллерии русские ворвались на территорию завода и залегли недалеко от бункера.

Адъютант немедленно поднял в контратаку связистов, писарей и курьеров и выбил противника из заводского комплекса.

Ранним утром, еще в темноте, в бункер у кирпичной стены влетел связной. Прибыл 151-й гренадерский полк, передовая часть прорывающихся сил. Решающий момент отхода наступил. Немцы пробивались с ручными гранатами и холодным оружием. Это был кровопролитный марш. По снегам болота, без прикрытия, прямо через позиции двух русских дивизий и двух танковых бригад ударные группы шли к новой главной оборонительной линии Городок — Снявдино. Этот рубеж обороняли саперы 96-й пехотной дивизии, егеря 5-й горнострелковой дивизии и 28-й егерской дивизии, а также стрелки 4-й охранной дивизии СС.

Главным препятствием был Поселок № 5. Там их ждал противник: за кучами торфяных брикетов залегли отряды пулеметчиков, стрелки попрятались в густом подлеске, советские роты наступали с флангов, стараясь отрезать немцев от дороги. Болото поливали огнем и артиллерия, и реактивные минометы.

В 06.00 южнее П5 151-й гренадерский полк натолкнулся на последнюю группу противника. Вперед! Пистолет, штык, ручная граната, лопата — вот и все их оружие.

Командир полка майор Крудски был убит среди первых, рядом с лейтенантом Коппом, командиром 6-й роты и кавалером Рыцарского Креста. Но немцы не только пробивались, но и не бросили ни одного своего раненого и убитого.

Позади них русские снова наступали на коридор. Таким образом, каждая последующая ударная группа должна была заново пробивать себе дорогу. Картина повторялась: они брали раненых в середину колонны, по снегу в три метра глубиной санитары тащи-

ли салазки, снова и снова лошадь тянула доски, на которых лежали четверо тяжелораненых. Вперед! В целом шесть тысяч личного состава и две тысячи раненых были переправлены через болото по этой дороге.

На рассвете генерал Хюнер наконец отдал своей боевой группе в П5 приказ отрываться от противника. Тяжелые потери, понесенные русскими за ночь в бесконечной рукопашной, сократили их риск. Отход оказался менее опасным, чем предполагал генерал. Немецкое прикрытие с фланга устояло. Даже русские танки лишь перешитительно следовали за ними.

В тусклом свете раннего утра массивная гряда Синявинских холмов, как магнит, притягивала к себе взоры солдат. Вот их цель. Там — спасение. Сюда они стремились, шагая по болоту с оружием наготове.

Они, проваливаясь, шли по глубокому снегу. Падали в любое углубление, как только русские пулеметы начинали стучать из укрытий в густом кустарнике или сугробах.

Потом, прикрываемые огнем своих товарищей, медленно и осторожно ползли вперед. Вынуть ручную гранату. Бросай! Вспышка и грохот. Крики и стоны. Вперед!

Среди воронок от снарядов, почти у Синявинских холмов, они уничтожили советскую ударную группу. И в конце концов 20 января бойцы Хюнера дошли до цели. Роты его 151 и 162-го полков теперь насчитывали от тридцати до сорока человек. 1-я рота 162-го гренадерского полка, вступившая в бой 15 января, имея в своем составе сто двадцать восемь человек, сократилась до сорока четырех.

Раненый лейтенант Дрессель, опираясь на самодельный костыль, проковылял мимо первых немецких пикетов впереди своих людей. В пикетах были саперы из 96-й пехотной дивизии, они уже устанавливали мины перед новой основной оборонительной линией на северном фланге Синявинских холмов. Поприветствовав Дресселя и солдат 5-й роты 287-го гренадерского полка, которые пришли из Липки, они задали первые вопросы и сразу замолчали, отошли или вернулись к работе. Было видно, что в роте многих не хватает, а большинство из тех, кто прорвался, в кровавых бинтах и с трудом стоят на ногах.

Когда Дрессель докладывал во временном штабе батальона, там был только капитан Альбрехт, адъютант полка. Командир батальона? Пропал без вести. Адъютант? Убит. Большая часть командиров рот погибли, пропали без вести или получили ранения. В батальоне осталось всего восемьдесят человек.

«Ничего не поделаешь, Дрессель, — все, кто может держать оружие, должны сейчас же вставать на новый рубеж, — сказал Альбрехт. — Рубеж от Городка на Неве через горловину по Синявинским холмам и вниз до рубежа Венглера на восточной стороне нужно удержать любой ценой».

Дрессель кивнул. И, как он, все, кто остался в его роте, все те, кто только что пробился к новой немецкой линии, немедленно снова заняли позиции.

Стояли самые холодные дни той зимы, 35–40 градусов ниже нуля. Днем русские бесконечно обстреливали позиции из артиллерийских орудий и реактивных минометов. Ледяными ночами советская пехота снова и снова атаквала новый и все еще довольно слабый немецкий фронт. Русские хотели во что бы то ни стало завоевать командные высоты у Синявина. Однако новые позиции удалось удержать. Это стало возможным благодаря успешному прорыву немецких частей из северной части горловины; в противном случае не хватило бы наличных сил, чтобы защитить эти стратегически важные высоты южнее Невы.

Карта 27. Русские не достигли своей стратегической цели во втором сражении на Ладожском озере: Кировская магистраль и Мга остались в руках немцев.

Однако отход немцев с южного берега Ладоги, из Липки и Шлиссельбурга, стал огромной психологической победой русских: была прорвана блокада Ленинграда.

Правда, советское Верховное Главнокомандование гигантским количеством живой силы и техники отвоевало лишь узкий коридор от Волховского фронта к Шлиссельбургу, полосу торфяного болота шириной от восьми до одиннадцати километров. Тем не менее с Ленинградом была восстановлена сухопутная связь на приближающееся лето, и, какой бы узкой она ни была, эта дорога заменила «Дорогу жизни», поскольку лед на Ладоге снова стал водой.

План Гитлера задушить город голодом, план, на котором строилась вся стратегия северного фланга, провалился. Естественно, это осознавали финны, союзники Германии на северном фланге Восточного фронта, чьи военные действия зависели от действий немцев. Доверие финнов к своим немецким союзникам сильно пошатнулось, потерпели крах их военные намерения. Финский генерал-фельдмаршал Карл Густав барон фон Маннергейм рассчитывал, как только блокированный город падет, перебросить свои войска, вязнушие в болотах вдоль Карельского фронта блокады, в наступление на Мурманскую железную дорогу. Это отрезало бы жизненно важные северные коммуникации Советского Союза, уничтожило бы дорогу, по которой шли поставки из США. Потеря этой американской помощи поставила бы Россию в сложное экономическое положение и лишила бы советское Верховное Главнокомандование значительной части его наступательных возможностей.

Это показывает, насколько важно было захватить Ленинград, и насколько серьезной, с другой стороны, оказалась незначительная, но политически весомая победа русских на берегу Ладожского озера. Правда, советскому командованию не удалось достичь своей главной стратегической цели второго сражения на Ладоге. Первоначально они надеялись ликвидировать весь немецкий коридор, по меньшей мере, до Кировской

¹ Ошибка в тексте английского перевода. Речь идет о 8000 человек. — Прим. ред.

магистрала, включая Мгу, что обеспечило бы надежную сухопутную связь с окруженным городом и его окончательное освобождение.

Этой цели русские не достигли. Советское наступление разбилось о Сиявинские холмы, на которых не осталось живого места. Генерал-лейтенант А. А. Жданов, член Военного Совета, защитник Ленинграда, отвоевал (фигурально выражаясь) проселочную дорогу вместо широкого шоссе, узкую линию снабжения, которую к тому же контролировали немецкие орудия. С высот у Сиявинна немецкие передовые артиллерийские наблюдатели могли просматривать весь район до самого озера Ладога.

В материальном смысле, таким образом, успех был скромным, за победу заплатили исключительно дорого: две задействованные там советские армии, 2-я ударная и 67-я, только танков потеряли 225. Это больше, чем семь танковых батальонов. Общие потери трудно оценить.

Однако психологическое воздействие на народ и союзников с лихвой компенсировало огромные потери. Вера в победу и доверие к руководству резко возросло. Жданову блистательно удалось превратить прорыв блокады Ленинграда во всенародный праздник.

Когда поздно ночью 18 января 1943 года Ленинградское радио предупредило слушателей, что будет оглашено специальное сообщение, по изможденному городу уже распространялись слухи о прорыве блокадного кольца. Никто не лег спать. Вывесили первые флаги. Из забитых для тепла окон мрачных домов послышалась граммофонная музыка. Снова ожила надежда — надежда на скорый конец страданиям города.

Определенность пришла около полуночи. До этого власти медлили, возможно, хотели окончательно убедиться. Сообщение по Ленинградскому радио началось словами: «Блокада прорвана. Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет. Когда мы хоронили своих близких в мерзлую землю братских могил, мы вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана!»

Общезвестно, что русские не смогли выйти к Кировской магистрали, но этот провал скоро был возмещен: в течение двадцати пяти дней советские рабочие построили временную 35-километровую линию через болото, вдоль берега Ладожского озера, из Полгамы в Шлиссельбург, и оттуда по временному мосту до линии в Ленинград. Эту дорогу, разумеется, немцы в любой момент могли перерезать. Но об этом знали только специалисты.

6 февраля временная железная дорога вступила в действие. В Ленинграде сразу же увеличился хлебный паек: с 250 до 600 граммов для рабочих, со 125 до 400 — для остальных жителей. Эти цифры красноречивее, чем что-либо другое, говорят о том, что Ленинград остался в блокаде. Узкий коридор с импровизированной железной дорогой не обеспечивал регулярного снабжения города-крепости.

Эта ситуация заставила советское командование продолжить бои южнее Ладожского озера, чтобы все-таки выйти на Кировскую магистраль и отвоевать железнодорожный узел Мга. Без промедления начались вторая и третья фазы второго сражения на Ладоге.

Свою прежнюю роль играли два старых краеугольных форпоста немецкой обороны — опорный пункт Городок на Неве с больницей и электростанцией и с другой стороны укрепления 366-го гренадерского полка в Поселке 7, названные по имени командира

полка «рубев Венглера». Именно эти два пункта и препятствие на высоте у Синявина решили исход новой битвы.

Больница в Городке теперь являла собой лишь руины, главные крылья были разрушены, но саперы 3-й роты лейтенанта Бренделя из 240-го инженерно-саперного батальона стойко держались за эти кирпичные развалины. Значительную помощь преимущественно во время советских танковых атак оказывал 1-й дивизион 240-го артиллерийского полка под командованием майора Бауэра.

Орудия стояли на южной кромке леса «Шайдисвальд». Лейтенант Фолькман находился в больнице с самого начала сражения в качестве корректировщика огня. Раз за разом он спасал гренадеров и саперов своевременным заградительным или сосредоточенным огнем по намечавшимся участкам прорыва. В конце дня 17 января батарея по наводке Фолькмана разнесла советские исходные позиции в треугольном лесу. Вдруг связь оборвалась. Орудия больше не выпустили ни единого снаряда. Что произошло?

Радист Фолькмана снова и снова вызывал орудийные расчеты батареи. Ответа не было. Оборвалась связь и с полком.

«Я немного посплю», — сказал лейтенант и лег на койку в подвале. Дым от развалин на первом этаже пропикал через коридоры и лестницы, от зловония слезились глаза, но смертельно усталый Фолькман сразу же уснул. Однако через полчаса его разбудили: «Господин лейтенант, господин лейтенант, установлена связь с полком!»

Фолькман сел: «И что случилось на батарее?»

Унтер-офицер помедлил, потом сказал: «Батарею раздавили советские танки. Погибли, видимо, все. Радист спасся в каком-то укрытии, он время от времени выходит на связь с полковником Херцем».

Лейтенант Фолькман соскочил с койки. Раздавили? Все убиты? «А орудия, что случилось с орудиями?» Унтер-офицер пожал плечами.

До позиций батареи было примерно два километра. Два километра — сначала через кольцо вокруг больницы, потом по участку, простреливаемому противником. Но Фолькман долго не раздумывал. «Я должен узнать, что случилось. Может быть, им нужна помощь. Я иду».

Он сунул за пояс пять ручных гранат, накинул на плечо автомат и вышел в ночь, один. Фолькман перебегал от дерева к дереву, от одного куста к другому, прятался в воронках и заснеженных торфяных выработках.

Дошел до линии заводской железной дороги. За ней должна быть бревенчатая дорога, которая ведет от электростанции к командному пункту дивизиона в Рангуне. Теперь осторожнее. Он, должно быть, почти на месте. Тут он узнал позиции расчета № 1. За брустверами в лунном свете стояли орудия.

Фолькман перепрыгнул бруствер, пагнул, офицер — мертв. Вокруг орудий лежали артиллеристы. Разорваны снарядами. Изрешечены автоматными пулями. Вдруг Фолькман подскокил, затаив дыхание, прислушался. Вот опять — стоп. Он осторожно подполз к орудию № 4. Под станком лежал наводчик, серьезно раненный пулеметной очередью, но живой.

Фолькман шепотом заговорил с раненым. Да, он был в сознании. Когда подошли советские танки, наводчик бросился под станок. Шедшая за танками пехота скосила всех. Майор Бауэр, командир батареи, тоже был на позиции. Он, должно быть, лежит где-то совсем рядом. Фолькман искал его. Нашел. Мертв, как и все остальные.

Как ни странно, по русские оставили орудия нетронутыми. Они, вероятно, намеревались их отбуксировать, явно думая, что они в безопасности и располагают неограниченным временем.

«Пора», — подумал Фолькман. Но сначала поспешил к медицинскому бункеру. Там было пусто. Офицер медицинской службы и его санитар лежали около орудия № 2, мертвые. У входа в бункер Фолькман нашел салазки с ремнем и одеялом, надел на себя ремень и положил на салазки паводчика. Так он отправился в обратный путь. Раненый стоил при каждом толчке салазок. Фолькман покрывался потом, несмотря на мороз в 20 градусов. Его дорогу пересекали советские дозоры. Снова и снова он падал на снег, задерживал дыхание и зажимал рукой рот раненого.

Советская артиллерия поливала снарядами болото и лес. Фолькману пришлось петлять, и он потерял направление. Теперь ему нужно было быть вдвое осторожнее, чтобы не нарваться на пулю какого-нибудь немецкого дозора.

Наконец лейтенант услышал слабые голоса. Говорили по-немецки. Он закричал. Несколько минут спустя его доставили на командный пункт соседней 96-й пехотной дивизии.

Генерал-майор Нёльдехен выслушал рассказ лейтенанта с изумлением. Орудия в порядке? Подполковник Деегенер, начальник оперативного отдела, немедленно собрал солидный штурмовой отряд саперов и гренадеров. Под руководством лейтенанта Фолькмана они пробились к позициям раздавленной батареи.

На этот раз без боя не обошлось. Русские тоже двигались в том же направлении, намереваясь забрать немецкие орудия. Но штурмовой отряд Фолькмана захватил их врасплох и занял орудийные позиции. Другой штурмовой отряд отправил туда из 240-го артиллерийского полка полковник Херц.

К рассвету все погибшие были собраны, орудийные позиции батареи укомплектованы и их оборонительные укрепления восстановлены. Огневая мощь целой батареи была спасена.

В полуразрушенном бункере командира батареи за рацией они нашли раненого героя этой схватки — обер-ефрейтора связиста Паласка. В течение всего боя на орудийных позициях он продержался у своей рации, единственный выживший на командном пункте. Рядом с бункером встал «КВ-1», который постоянно стрелял. Но Паласка снова и снова связывался с полком и смог направить на советские танки огонь других огневых позиций. Его данные были так точны, что советским танкам пришлось снова покинуть занятые позиции.

Генерал-полковнику Линдеману, командующему 18-й армией, сообщили о кровавом инциденте на южной кромке «Шайдисвальда» при утреннем докладе. Он изучал карту в своем командном пункте. «Удастся ли удержать нашу новую оборонительную линию в горловине, Шпет?»

Но прежде чем генерал-майор Шпет, его начальник штаба, смог ответить, Линдеман продолжил: «Нам нужно удержать Снявинские холмы! Только оттуда мы можем не допустить, или помешать, или хотя бы наблюдать движение в русском коридоре между Липкой и Шлиссельбургом. И это не все — если мы отдадим холмы, то не сможем удержать Мгу. А получив Мгу, русские получают Кировскую железную дорогу, и вся блокада Ленинграда, наша стратегическая цель, станет неэффективной».

Генерал-полковник Линдеман был совершенно прав. Маршал Ворошилов, осуществлявший координацию действий фронтов на Ладожском озере, делал все возможное и шел на любые жертвы, чтобы захватить как эти командные высоты между Волховом и Невой, так и опорные пункты на их флангах. Он хотел разорвать кольцо вокруг Ленинграда раз и навсегда.

Русские непрерывно атаковали высоты и опорные пункты в Поселке 7 и Городке. Они обстреливали их из всех видов артиллерии. Они бросали на них танковые полки. Волна за волной налетала авиация и забрасывала эти позиции бомбами. Но все напрасно. Генерал Хильперт, с 24 января командовавший в коридоре всеми войсками, оставил лес «Шайдисвальд» и торфяное болото южнее Поселка 5. Новая основная оборонительная линия шла из Городка прямо через Снявинские холмы на Поселок 7 и «рубеж Венглера».

Временами в коридоре действовало не меньше дюжины немецких дивизий. Кроме старых восточнопрусских дивизий из полосы зоны армии, в боях участвовали 5-я горная дивизия из юго-восточной части Ленинградского кольца и 28-я егерская дивизия с Волхова.

Ударная группа Хюнера держала самый уязвимый северо-восточный край Снявинских холмов. Его саперы и мотоотряд 61-й пехотной дивизии подвергались особенно яростным атакам, но ни разу не уступили русским. Справа и слева от них с такой же стойкостью сражались две другие восточнопрусские пехотные дивизии, 1 и 11-я, а с ними стрелки 28-й силезской егерской дивизии. Смертный рукопашный бой на развалинах церкви в Снявино — один из самых жестоких за всю войну.

Все попытки русских совершить прорыв к Мге через Снявино разбивались об эту «восточнопрусскую фалангу». На ледяном холоде, в метели и под ударами советской артиллерии сокращающиеся роты стояли в своих окопах, опорных пунктах и полузасыпанных воронках от снарядов. Через восемь дней безуспешных атак советское Верховное Главнокомандование осознало, что заметно не продвинулось. Торфяное болото у Снявина было усеяно телами погибших.

Члены Военного совета и командующие двух советских армий спорили с Верховным Главнокомандованием. «Это бесполезно. Мы истекаем кровью, и все равно не можем взять эти холмы. В сущности, их и нельзя взять фронтальной атакой. Немцы мощно укрепили свои позиции. Они стянули в Снявино все, чем располагают, ценой оголения своих глубоких флангов. Теперь эти фланги на Волхове, в районе Погостья и на юго-востоке кольца вокруг Ленинграда, в Колпино, угрожающе ослаблены. Вот где надо ударить!»

Логичный вывод и соблазнительный план — захват в клещи с целью двойного окружения всех немецких сил севернее и восточнее станции Мга. Если получится, то удастся не только выйти на Кировскую магистраль, но и захватить в мешок дюжину немецких дивизий. Сталин и Верховное Главнокомандование с энтузиазмом встретили план своих боевых командиров и приступили к его реализации. Однако Сталин, точно так же, как Гитлер, неизменно недооценивал своего противника. Он опять хотел добиться слишком многого слишком малыми силами.

10 февраля русские начали наступление на окружение в восточном направлении южнее Погостья и из района Колпино и Красный Бор в западном направлении.

На восточном крае наступления советская 54-я армия столкнулась с немецкой 96-й пехотной дивизией, которую перебросили с Сивявинского фронта в Погостье для отдыха и пополнения. Вместо того чтобы наслаждаться заслуженной передышкой, неукomплектованные полки генерала Нельдегена приняли бой в лесу. Вместе с формированиями 61 и 132-й пехотных дивизий они отбили атаку. Немного продвинувшись, русским пришлось остановиться. Они окопались, но немцы в итоге вытеснили их обратно. На западе фронт 4-й охранной дивизии СС и испанской Синей дивизии (250-я пехотная дивизия) выдержал яростное наступление семи советских стрелковых дивизий, пяти бригад и трех танковых бригад.

Испанские батальоны 262, 263 и 269-го гренадерских полков под командованием генерала Эстебана-Инфантеса выстояли перед натиском русских в Красном Бору. Там неприятель атаковал тремя стрелковыми дивизиями и двумя танковыми батальонами; в целом 33 000 человек, примерно 60 Т-34, несколько подразделений противотанковых орудий и 187 артиллерийских батарей, в общей сложности имевших 1000 орудий. Против этой огромной мощи испанцы в своей тридцатикилометровой полосе имели только усиленный пехотный полк в 2500 человек, а также три батальона, в которых было около 2000 человек, несколько частей специального назначения и артиллерию, насчитывавшую двадцать четыре орудия, но ни одного танка.

Между ними и их соседями слева была брешь около шести километров, которая контролировалась только дозорами. Из-за недостатка людей генерал Эстебан-Инфантес не мог создать вторую линию обороны, но он держал в резерве два мотоциклетных эскадрона, две инженерные роты и две артиллерийские части. И это было немного.

После ожесточенного рукопашного боя русским удалось продвинуться на три километра и взять Красный Бор. Но этот успех стоил им 11 000 человек убитыми, и, кроме того, они споткнулись об Ижору. Испанцы стойко сражались кинжалами, лопатами и ручными гранатами. Их исключительная доблесть заслуживает памяти потомков.

Вот один пример. Гренадер Антонио Понте подбил ручными гранатами и минами несколько прорвавшихся советских танков. Его объявили пропавшим. Должно быть, он погиб где-нибудь на льду Невы, или его раздавил танк, или разорвала граната. Понте наградили высшим испанским орденом за мужество Лауреада Сан Фернандо.

«Синяя дивизия» потеряла 3200 человек; ее фузилерный батальон — почти 90 процентов личного состава. Но испанцы удержали свои опорные пункты и таким образом защитили глубокий фланг группы Хильперта. Контратака частей спешно перебросенной баварской 212-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Реймана выбила с позиций несколько советских передовых групп. Это лишило русских надежд на совершение прорыва.

Справа от испанцев 4-я охранная дивизия СС, усиленная частями 2-й мотопехотной бригады СС и «Фламандским легионом», в рукопашном сражении тоже остановила наступление русских через замерзшую Неву.

Обессиленные и подавленные, советские полки отошли на свои исходные позиции. Но через четыре недели передышки, 19 марта, советское Верховное Главнокомандование предприняло еще одну попытку небольшой операции на окружение, на этот раз немного севернее. На Неве, в районе Красного Бора, где четыре недели назад насмерть стояли испанские добровольцы, теперь дивизии советской 55-й армии встретили добровольцы «Фламандского легиона» в окружении охранной дивизии СС.

Когда русские ворвались в немецкие позиции, фламандцы силами батальона во главе со своим командиром капитаном Шеллонгом пошли в контратаку. В ожесточенном рукопашном бою, поддержанные 88-мм зенитными орудиями и несколькими «Тиграми» 1-й роты 502-го танкового батальона, они захватили старую основную оборонительную линию «Синей дивизии» и отразили все последующие советские атаки. Они держались там восемь дней.

Потом к отчаянно защищаемой линии подошли несколько грузовиков с батальоном 5-й горной дивизии, чтобы сменить роту фламандцев. Горные стрелки прыгали в окопы фламандцев, но в большинстве из них обнаруживали лишь трупы. Только сорок пять человек из «Фламандского легиона» взобрались в ожидающие грузовики. Сорок пять из пяти сотен.

Потери с русской стороны были еще более ужасающими. Во втором сражении на Ладожском озере пролились реки крови. Торфяное болото в Синявине, леса у Колпино и Красного Бора являли собой одно жуткое поле брани. Потери русских немецкая группа армий «Север» оценивала в 270 000.

Больница и электростанция в Городке тоже были разрушены артиллерийским огнем, опустошены и покинуты. 17 февраля саперы 170-й пехотной дивизии наконец оставили свой старый опорный пункт на фланге фронта. Примерно в пяти километрах южнее шел новый сокращенный рубеж от Невы через Синявино к «рубежу Венглера», которую обороняли северогерманские и восточнопруссские гренадеры и силезские егеря. Выдержка немецких пехотинцев, саперов, танкистов и артиллеристов, их стойкость в самых страшных погодных и боевых условиях еще раз не позволили противнику достичь своей цели у Ленинграда.

Здесь боевая тактика отличалась от примененной примерно тогда же в полутора тысячах километров южнее генерал-фельдмаршалом фон Манштейном против наступления русских между Доном и Донцом. Командующий группой армий «Юг» добился успеха за счет дерзких операций своих маневренных сил. В коридоре южнее Ладоги, напротив, исход зависел от пехотинцев, отдельных бойцов, поддержанных саперами, танкистами и артиллерией.

Оба метода показывают, что, несмотря на все кризисы, несмотря на все неудачи и тяжелые потери, немецкие армии на Востоке все еще были способны противостоять численно превосходящему противнику благодаря боевому духу, стойкости войск и искусству командиров.

Все советские успехи зимой 1942/43 года основаны на том, что на направлениях их главных ударов немцы не имели даже минимума мобильных резервов — другими словами, не имели сил, которые можно было бы быстро перебросить на угрожаемые направления.

В Сталинграде, на Маныче и Миусе, на Дону и Донце — везде была одна проблема. Не хватало двух-трех опытных мобильных дивизий. Перед немецким Верховным главнокомандованием стояла сложная и важная задача, от решения которой зависела не только судьба немецкого фронта на Востоке, но и исход всей войны, задача — сформировать стратегические резервы, чтобы противостоять массированным советским атакам на всех участках фронта от Арктики до Черного моря.

4. Демянск

Окружение на Валдайской возвышенности — Сто тысяч человек на сторожевом посту — Стержень советской стратегии — Майор фон Розенталь обманывает Тимошенко — Отступление по «Курфюрстендамм» — Отход за десять дней — Спасено двенадцать дивизий — Тимошенко порицает.

Примерно в двухстах пятидесяти километрах южнее Ленинграда, между озерами Ильмень и Селигер, в начале 1943 года немецкий фронт все еще глубоко вклинивался в форме гриба в советскую территорию. Это был фронт немецкого 2-го армейского корпуса вокруг Демянска. В «грибе» находилось двенадцать дивизий, примерно 100 000 человек. Ширина пожки «гриба» составляла лишь десять километров.

История этих людей — одна из самых волнующих историй той войны.

Как вырос этот Демянский «гриб»? Давайте мысленно вернемся в 1941 год, когда во время немецкого наступления того года 2-й армейский корпус под командованием графа Брокдорф-Алефельдта достиг стратегически важной Валдайской возвышенности и перерезал железную дорогу Москва—Ленинград. Но здесь дивизии споткнулись. Здесь всю зиму они удерживали свой передовой бастион. Он действительно был важен в свете намерений возобновить когда-либо наступление на Москву. Демянский выступ в этом случае стал бы идеальной стартовой позицией для нового наступления.

Советский Генеральный штаб прекрасно это понимал, поэтому во время своего великого зимнего наступления 1941—1942 годов он направил свое внимание на холмы Валдая. Русские делали все возможное, чтобы прорваться сквозь немецкий барьер между озерами Ильмень и Селигер и сокрушить немецкий фронт у Ленинграда и Ржева ударом в тыл групп армий «Север» и «Центр».

Дивизии 2-го корпуса стояли твердо. Однако 8 февраля 1942 года их окружили, и впоследствии им пришлось получать снабжение по воздуху. За 14 500 вылетов транспортные части Люфтваффе на своих Ju-52 осуществили первый успешный воздушный мост в военной истории.

В конце апреля 1942 года атакой снаружи и контратакой изнутри мешка была восстановлена связь с основным немецким рубежом на реке Ловать. Возле разрушенной деревни Рамушево 21 апреля в 18 часов 30 минут прорвавшиеся из мешка на запад смогли помахать рукой передовым частям освободительных сил генерала фон Зейдлица-Курцбаха через трехсотметровый поток бурной воды вздутой реки Ловать.

«Они здесь! Они здесь!» — кричали танкисты дивизии СС «Мертвая голова» капитана Георга Бохмана. С противоположной стороны махали руками капитан Петтер и обер-ефрейтор инженерно-саперного батальона 8-й егерской дивизии.

Их разделяла только разлившаяся Ловать. Построенные мосты снова восстановили коридор между основным немецким фронтом 16-й армии от Старой Руссы до Холма и дивизиями в районе Демянска. Конечно, этот коридор, ведущий в демянскую боевую зону, был опасно узок, но 2-й армейский корпус удерживал его. Он преграждал русским сухопутную дорогу между озерами Ильмень и Селигер, он сковывал пять советских армий. Однако весь 1942 год существовала постоянная угроза, что неприятель может отрезать демянский «гриб» у его основания, много месяцев 100-тысячный немецкий войсковой контингент находился на грани катастрофы.

Карта 28. Демянский «гриб» глубоко вклинивался в территорию противника. Гитлер хотел сохранить эту позицию в качестве плацдарма для наступления на Ржев.

шала Тимошенко. Маршал задействовал три армии: 11 и 27-я армии должны были атаковать северный фронт узкой полоски земли от озера Ильмень, а 1-я ударная армия — ударить по коридору с юга.

Тимошенко был абсолютно уверен в победе. В его северную группу входило тринадцать стрелковых дивизий, девять стрелковых бригад и танковые соединения, в общем имеющие 400 танков. Противостояли этой могучей силе три немецкие дивизии: 8-я егерская, 81 и 290-я пехотные дивизии. Южная группа Тимошенко состояла из семи стрелковых дивизий, четырех стрелковых бригад и танковых соединений со 150 танками. Перед ними стояла единственная немецкая дивизия — 126-я пехотная дивизия из земель Рейн и Вестфалия.

Этими силами Тимошенко собирался перерезать пожку демянского «гриба» шириной в десять километров. Всего по пять километров для каждой наступающей группы. Небольшой бросок, и 2-й корпус с 100 000 человек окажется в мешке.

Наступление началось 28 ноября 1942 года с массированной артиллерийской подготовки. За ней последовали ковровые бомбардировки. Русские полностью господствовали в воздухе, у немецких войск в районе Демянска не было существенной поддержки Люфтваффе. Как не было и ни одного значительного танкового соединения. После отхода 8-й танковой дивизии в Витебск у 16-й армии остались только штурмовые орудия и несколько танковых рот, входящих в состав 203-го танкового полка, сформированного во Франции в 1941 году. Этими силами, воевавшими в группе «Заур» у Старой Руссы, командовал подполковник фрайгерр¹ фон Массенбах. Они составляли единственный оперативный резерв армии. У Демянска пехотинцев отделяли от танковых волн Тимошенко только рвы, колючая проволока и мины.

¹ Фрайгерр — феодальный титул в Германии, соответствует титулу барона. — *Прим. ред.*

Советское Верховное Главнокомандование осознавало эту возможность и сделало демянский фронт одним из центров своего большого зимнего наступления 1942 года, наступления, которое, по замыслу Сталина, должно было закончиться полным уничтожением немецкого фронта на Востоке. Демянск являлся важным фактором в расчетах Сталина.

Как Сталинград, предполагалось, станет решающим ударом, который сомнет Южный фронт немцев, так и советское наступление на Демянск представляло собой попытку ликвидировать фронт группы армий «Север». На Волге русским удалось совершить определяющий прорыв и разбить 6-ю армию. На Валдае, напротив, противник прочитался.

Для уничтожения немецкого 2-го корпуса в 100 000 человек Сталин выбрал мар-

Т-34 приближались в клубах дыма, пыли и огня. Рядом с ними с криками «Ура!» наступали стрелковые батальоны.

«Атакуйте немецкие линии! Пройдете первые несколько окопов, и работа сделана», — убеждал русские роты политрук. Это вдохновляло их. В первые часы боя русские осуществили несколько прорывов в северном фронте коридора. Тимошенко ввел в брешь свои резервы.

Генерал-лейтенант Хёне, командовавший войсками внутри коридора, бросил на участки прорыва саперов, связистов, артиллеристов и водителей. В ключевые пункты из Старой Руссы перебрасывали роты и взводы 203-го танкового полка Массенбаха. Капитан Земиш с основной частью 1-го батальона ликвидировал несколько опасных местных прорывов, но теперь им не хватало пехоты.

Непосредственно у Демянска 2-й корпус — теперь из-за болезни Брокдорф-Алефельдта под командованием генерал-лейтенанта Лаукса — тоже собрал свои последние резервы: опустошили штабную роту, взяли всех из рот снабжения и ремонтных мастерских, каждого боеспособного человека отправили на угрожаемые фронты коридора. Но все напрасно.

Послали SOS соседнему 10-му корпусу. Но соединения этого корпуса сами еле справлялись у Старой Руссы.

Послали SOS в 16-ю армию. Командующий армией, генерал-полковник Буш, вслед за тем лично позвонил генералу Лауксу и выразил свое сожаление: «Лаукс, я не могу снять с фронта армии ни единого батальона».

А штаб группы армий? У него тоже не осталось резервов. 11-я армия Манштейна, которая незадолго до этого помогла преодолеть кризис во время первого сражения на Ладоге, была уже далеко. Развитие событий у Сталинграда заставило Главное командование сухопутных войск Германии перебросить генерал-фельдмаршала и его армию с северного фронта на южный. Крупные соединения вели тяжелые бои в Велиже и Витебске. Дело было в том, что фронт пылал на всей своей протяженности.

Таким образом, дивизии Хёне на Валдае оказались ограниченными собственными ресурсами. Небольшие ударные группы противостояли многократно превосходящим силам противника. Дисциплина, боевой опыт и взаимопомощь превратились в решающие факторы. Но там, где не осталось центров сопротивления, потому что артиллерия все разнесла, где нет ни единого действующего противотанкового орудия и ни один пулеметчик больше не может стрелять, — там не поможет ни героизм, ни дисциплина. Там решительный противник может прорваться и раздавить оставшихся защитников. Именно давление и осуществлял Тимошенко. Двести или пятьсот метров в день, в некоторых местах и тысяча. Решительный прорыв в тыл 16-й армии мог произойти в любой момент.

В этой опасной ситуации, когда стало ясно, что дивизии генерала Хёне больше не продержатся, группа армий «Север» пошла на рискованный шаг. В начале декабря генерал-фельдмаршал фон Кюхлер снял три дивизии своей 18-й армии с очень слабых линий вдоль озера Ладога, кольца вокруг ораниенбаумского мешка и с Волхова и отправил их в демянский «гриб». В резерве осталась 28-я егерская дивизия, которую предполагалось перебросить в Финляндию на соединение с 20-й горной армией.

В декабре 1942 года двум северогерманским пехотным дивизиям, 58 и 225-й, а также 254-й пехотной дивизии из земель Рейн и Вестфалия предстояли самые тяжелые бои.

Карта 29. С 28 ноября 1942 года до середины февраля 1943 года маршал Тимошенко пытался «перекусить» десятикилометровый коридор в Демянске.

Решение перебросить дивизии 18-й армии в угрожаемый демянский коридор было правильным и необходимым. В то же время их вывод с северных участков фронта привел к тому, что пять недель спустя, когда русские начали второе сражение на Ладожском озере, немецкие силы в горловине между Ленинградом и Волховом были слишком слабы, чтобы не допустить прорыва блокады Ленинграда.

Опять знакомая ситуация: слишком мало сил. Всегда и везде слишком мало сил. С осени 1942 года на всех фронтах «слишком мало и слишком поздно».

Однако Гитлер не желал отказываться от своей стратегии защиты каждого сантиметра уже завоеванной территории.

Он упорствовал в своей теории, что далеко выдвинутые и уязвимые опорные пункты нужно защищать, чтобы сохранить удобные стартовые позиции для будущих наступлений. Таким образом, беда неумолимо надвигалась.

Спешили с севера отдельные полки и батальоны трех дивизий по прибытии в район Старой Руссы немедленно отправлялись в «гриб» на грузовиках или пешком и тут же вступали в бой.

Особо угрожаемый сектор северного фронта группы Хёне защищали части 8-й егерской дивизии и силезская 81-я пехотная дивизия генерал-майора Хоппе. Эта дивизия находилась в центре наступления русских. Их ударные группы были окружены. Они пробились. Их снова окружили. И опять они пробили кольцо в отчаянной рукопашной схватке. 17 декабря два гренадерских полка 81-й пехотной дивизии, 161 и 174-й, насчитывали в общем 310 человек. Но перед линией фронта в полосе дивизии стояло 170 подбитых советских танков. Эти цифры говорят сами за себя.

17 декабря силезцев сменила 225-я пехотная дивизия. За первые двадцать четыре часа пребывания на передовой бойцы 376-го гренадерского полка под командованием

полковника Лоренца добавили еще восемнадцать Т-34 к тем, что уже стояли на танковом кладбище перед основной немецкой линией обороны.

Южный рубеж «гриба» обороняли части генерал-майора Хоппе, завоевателя Шлиссельбурга. Пятнадцать месяцев назад «лисы из торфяного болота», имея единственный усиленный полк, раздавил Рабочие Поселки восточнее Ленинграда, один за другим, и затем совместно с гамбургской 20-й моторизованной дивизией стремительным штурмом взял Шлиссельбург. Тем временем Хоппе назначили командиром рейн-вестфальской 126-й пехотной дивизии. Его полки вели исключительно тяжелые оборонительные бои, тем не менее русским не удалось пройти основную линию немецкой обороны. К счастью, они слишком долго колебались.

Хоппе собрал свои батальоны, отвел их на сокращенную линию и создал новый оборонительный фронт. Таким образом, смертельно опасный прорыв русских на север был еще раз предотвращен в последнюю минуту. 4 декабря прибыло подкрепление — 209-й гренадерский полк и разведывательный батальон северо-западной 58-й пехотной дивизии.

К удаче немцев, советские танки пошли прямо на штурмовые орудия и зенитные установки штурмовых отрядов 2-го батальона 209-го гренадерского полка, и атаку отбили. Совместно с 58-й дивизией 126-я пехотная дивизия генерала Хоппе разрядила обстановку на Южном фронте коридора и установила новую оборонительную линию, о которую разбились все последующие атаки противника.

154-й гренадерский полк 58-й пехотной дивизии сразу по прибытии был переброшен на северный фронт коридора и сражался в составе 290-й пехотной дивизии.

Самое сложное положение сложилось в Росино. Там русские прорывались на юг при мощной танковой поддержке. Но в ожесточенном бою защитникам и там удалось блокировать прорыв и создать новый рубеж. Тимошенко был остановлен. Его войска неистово старались танками и огнеметами пробить новую брешь, но не смогли. Почти невероятно. Почему Тимошенко при огромном превосходстве в живой силе и технике, при мощном сосредоточении ударов на нескольких пунктах не удалось достичь стратегического прорыва немецкого фронта?

Причины не ограничиваются доблестью защитников, существовал целый ряд решающих факторов. За долгий период «осадного положения» самым тщательным образом были укреплены немецкие оборонительные позиции. Великолепно действовали совместно с пехотой зенитные, самоходные, артиллерийские и штурмовые орудия. Приспособились друг к другу офицеры, унтер-офицеры и рядовые воевавших дивизий. И два командира корпусов, генералы Лаукс и Хёне, были незаурядными офицерами, не только умелыми боевыми командирами, но и прекрасными импровизаторами.

В сражении у Росино особенно выдвинулись два немецких штурмовых орудия 184-го дивизиона. Их действия в боевой зоне 377-го гренадерского полка 225-й пехотной дивизии ясно показывают, почему танковые атаки Тимошенко по обеим сторонам демянского «гриба» снова и снова разбивались о немецкие линии. Зафиксированные донесения командиров этих двух штурмовых орудий — впечатляющее свидетельство того, насколько эффективно действовали эти машины на направлениях главных ударов противника.

Одним из этих штурмовых орудий, Т-III с коротким стволом, командовал унтер-офицер Хорст Нойман, берлинец двадцати одного года. Он получил задание поднять-

ся восточнее Софронково слева от дороги и стрелять по целям на севере. Унтер-офицер Рисс с длинноствольным штурмовым орудием стоял справа от дороги, готовился стрелять на восток. Они находились друг от друга на расстоянии примерно ста метров. Между ними был небольшой холм, самый передовой пункт немецкой отсечной позиции. Там располагался 3-й батальон 75-го егерского полка капитана Видмайера, который на Рождество перебросили из полосы 5-й егерской дивизии в этот ключевой пункт на левом фланге и передали в состав 225-й пехотной дивизии.

Было 09 часов 30 минут. Время от времени стреляли минометы противника. В остальном все было спокойно. Как правило, русские атаквали точно в 10.00. Значит, им, скорее всего, не придется долго ждать. Так и случилось. Через несколько минут началось — реактивные минометы, артиллерия, минометы, стреляющие осколочно-фугасными и дымовыми снарядами.

«Закрывать люки», — приказал унтер-офицер Нойман. Одновременно лязгнули закрываемые люки длинноствольного орудия унтер-офицера Рисса.

Примерно час экипажи штурмовых орудий сидели в своих стальных ящиках. Кругом снаряды дробили землю. Осколки и камни бились о стальные стены. Когда разрыв случался совсем близко, люди внутри орудий задерживали дыхание, ожидая следующего. Будет еще ближе? Или дальше? Дальше. Они вздыхали с облегчением. Вдруг все стихло. Нойман открыл лок башни. Высунулся. В густом дыму ничего не было видно, но опытный командир орудия знал, что до края леса было четыре сотни метров. Там, должно быть, и скрывался противник. Вот откуда он придет.

Они ждали, как на охоте. Для Ноймана в этом не было ничего нового, он уже подбил пятнадцать советских танков.

Дым рассеивался. Нойман не отрывал глаз от небольшого холма в восьми метрах справа от его орудия. И вот он — на горизонте появляется башня танка, весь Т-34. Он быстро приближался.

«Цель справа! Танк!» — крикнул Нойман. Наводчик унтер-офицера уже взял Т-34 на прицел. Из короткого ствола вырвался первый снаряд. «Прямое попадание!» — сказал командир. Наводчик и заряжающий работали как одержимые, орудие выплевывало снаряд за снарядом.

Экипаж первого Т-34 пытался покинуть танк, открылись люки. Но в пятнадцати метрах от обездвиженного советского танка, на противоположном склоне, окопалась немецкая пехота, которая ручными гранатами и пулеметным огнем перебила всех.

Появился второй Т-34. Короткий ствол рывкнул четыре раза. «Он горит!» Еще два русских шестнадцатитонных танка, стреляя, выползли на холм. Их снаряды не достигли цели. Наводчику Ноймана понадобилось по два выстрела на каждого.

По лицу наводчика тек пот. Бой длился всего минуту, а перед штурмовым орудием уже горело четыре танка противника.

«Подняться на холм», — скомандовал Нойман. Орудие с грохотом двинулось вперед. Унтер-офицер Нойман, глядя в оптический прицел, в двухстах метрах заметил еще один приближающийся Т-34. «Огонь!»

Советский танк получил несколько прямых попаданий. Люк танка открылся, и изнутри вырвались языки пламени: один за другим взрывались боеприпасы. Рядом с немецким штурмовым орудием начали со свистом падать снаряды.

«Вражеская артиллерия пытается определить нашу дальность», — спокойно констатировал Нойман в переговорное устройство.

«На сегодня хватит, Хорст?» — спросил водитель. Нойман уже готов был согласиться, когда заметил, что к подбитым советским машинам направляется шестой танк.

«Вон еще один! Огонь!» Исход дуэли решила скорость. Штурмовое орудие было быстрее, и примерно в сорока метрах загорелся шестой танк противника.

Хорст Нойман, всего 21 года, был первым унтер-офицером штурмового орудия, получившим Рыцарский Крест. Его батарею трижды отмечали в официальных сообщениях немецкого Верховного главнокомандования за действия в операциях у Демянска, и впоследствии Ноймана произвели в офицеры за стойкость перед лицом врага.

В последующие две недели Тимошенко непрерывно пытался прорвать северный фронт своими дивизиями и танковыми бригадами, затем их силы иссякли. Более двух сотен развороченных советских танков стояли перед оборонительной полосой немцев.

На южном фронте демянского «гриба» 2 января 1-я ударная армия Тимошенко предприняла еще одну полномасштабную атаку. Опять основной удар приняли на себя обескровленные полки 126-й пехотной дивизии, батальоны и ударные группы 58 и 225-й пехотных дивизий. Тимошенко постепенно смещал сражение дальше на восток, к рубежам 123-й пехотной дивизии и частей 12-й пехотной дивизии. Но и там маршал не нашел слабого места.

Тогда он сдался. За сорок шесть дней, с 28 ноября по 12 января, три его армии потеряли более 10 000 убитыми, а также 423 танка.

Потери немцев были немногим меньше. Ожесточенность сражения подтверждает тем фактом, что в списке погибших, раненых и пропавших без вести в демянском коридоре 17 767 офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Семнадцать тысяч семьсот шестьдесят семь человек за пятьдесят семь дней, с 28 ноября по 23 января! Ужасающее кровопускание, огромная цена за аванпост на Валдайской возвышенности.

Но не могло быть сомнений, что русские снова пойдут в атаку. Не могло быть сомнений, что цена будет расти и рано или поздно погибнет весь гарнизон. Еще один Сталинград.

Стоит ли и дальше идти на такой риск, принимая во внимание недостаточность сил на всех рубежах? Боевые командиры ответили — нет.

Нет ответил и генерал-полковник Цейтцлер, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии. Он старался убедить Гитлера дать санкцию на отвод сил из бастиона на Валдае, но тот сначала был глух ко всем аргументам. «Держаться» — был его тезис. Передовые «крепости» фронта станут, как он полагал, стартовыми позициями для будущих наступлений. Гитлер по-прежнему оставался приверженцем стратегии завоевания Советского Союза посредством оккупации его обширных просторов и экономически важных территорий. Ужасное предупреждение разрушенного Сталинграда немного его поколебало, но он еще был не готов полностью пересмотреть свою позицию.

Когда во второй половине января 1943 года стало ясно, что 6-я армия погибла в Сталинграде, потому что вовремя не получила приказа отходить с Волги на Дон, генерал-полковник Цейтцлер снова обратился к Гитлеру за разрешением избавить 100 000 человек в Демянске от судьбы 6-й армии, спасти эти важные для командования сухопутных войск Германии дивизии.

Гитлер уже не отклонил запрос категорически; теперь он колебался между здравым смыслом и упрямством.

Военный хроникер немецкого Верховного главнокомандования Хельмут Грейпер 30 января 1943 года записал: «Вчера фюрер запросил информацию о снабжении района Демянска, чтобы решить вопрос об его эвакуации. В этой связи он между прочим заметил, что пока находит сложным решить в пользу эвакуации, потому что все еще предполагает предпринять операцию в направлении Осташкова, чтобы блокировать прорыв в линии фронта, хотя и считает уничтожение Ленинграда более важной задачей».

Странная идея — наступление из Демянска в район Ржева! Закрывать 130-километровую брешь между группами армий «Север» и «Центр» наступлением из угрожаемого демянского мешка! Хотя и «считая уничтожение Ленинграда более важной задачей».

Уничтожение Ленинграда! Ровно двенадцать дней назад русские прорвали немецкое кольцо вокруг города, и корпусная группа Хильперта как раз в это время отчаянно отражала яростные атаки многократно превосходящих советских армий у Снявлинских холмов.

Снова было ясно, что Гитлер, когда-то столь трезво и хладнокровно принимавший стратегические решения, теперь патологически принимает желаемое за действительное. Тем не менее 2-й корпус в Демянске избег судьбы 6-й армии. 100 000 человек на Валдае спасли два фактора — мрачное впечатляющее падение Сталинграда и майор по фамилии фон Розенталь.

31 января 1943 года Гитлер, убежденный наконец тяжелыми известиями с Волги, уступил настойчивым требованиям Цейтцлера. На следующий день, 1 февраля, Цейтцлер в радиোগрамме 16-й армии дал 2-му корпусу зеленый свет на эвакуацию. Отход фактически по бездорожью должен был производиться постепенно, с тем чтобы не оставить ни одного орудия.

«Эвакуироваться в течение семидесяти дней», — указывалось в приказе Верховного главнокомандования. Семьдесят дней! Офицеры дивизии улыбались. Много может произойти за семьдесят дней! Несомненно, отход не должен осуществляться за сроки вроде двух с половиной месяцев. И к счастью, как мы увидим, все произошло гораздо быстрее. Отход был закончен за одну седьмую указанного времени, поскольку генерал Лаукс и его штаб самостоятельно готовились к эвакуации задолго до того, как поступил приказ от Верховного главнокомандования.

Уже с середины января Лаукс, по молчаливому соглашению с 16-й армией, производил необходимые приготовления. Начальник оперативного отдела 225-й пехотной дивизии майор фон Розенталь возглавил группу по подготовке эвакуации. Слово «эвакуация», естественно, не могло звучать в официальных переговорах, поэтому в качестве кодового названия использовали термин «операция по уборке мусора». Все непосвященные полагали, что ведутся приготовления к предстоящему наступлению.

Были сформированы эвакуационные и рабочие колонны, проложены рельсовые пути, построены бревенчатые дороги, создана система трасс, радиально выходящих из шляпки «гриба» в коридор, позволяющая выводить одновременно несколько колонн. Люди трудились интенсивно, к работам привлекались и пленные. Снегоочистители пытели по всей территории. Так появились «Шоссе № 1», «Деревянная авеню», «Курфюрстендамм» и «Силезский променад».

Все лишнее из тыловых хранилищ, дополнительные машины и оборудование колонн снабжения свезли к узкоколейной дороге, которая начиналась сразу за рекой Пола и шла через коридор в район Старой Руссы. Там эвакуированный инвентарь собрали в нескольких складах. Оставили только сани, самоходные и на конной тяге, чтобы использовать для отхода по глубокому снегу.

Майор фон Розенталь и его штаб работали днем и ночью. Их «тайная организация» действовала поразительно аккуратно, и у Верховного Главнокомандования не возникло ни тени подозрений.

Когда наконец 1 февраля 1943 года поступил приказ эвакуироваться, основные приготовления были уже завершены. Эвакуацию тяжелого вооружения можно было начать немедленно. К середине февраля, когда в соответствии с приказом отход должен был только начаться, Розенталь уже вывез около 8000 тонн имущества, 5000 конных и 1500 моторных транспортных средств. Корпус информировал начальника Генерального штаба сухопутных войск, что теперь возможно сократить эвакуационный период до сорока дней. Но и это слово не было последним.

С начала февраля 1943 года на Валдае мела страшная пурга, на дорогах, проложенных через лес, появились многометровые сугробы. Для расчистки путей пришлось привозить снегоочистители. Чтобы ввести в заблуждение противника и его источники информации среди местных жителей района боевых действий, использовались все возможные средства маскировки.

Ледяной ветер с озера Селигер обдувал высоту перед основным оборонительным рубежом 32-й пехотной дивизии. Он поднимал снег и быстро заметал следы немецкого дозора, контролирующего сложную местность перед линиями 94-го гренадерского полка. Однако с подветренной стороны огромного сугроба они снова увидели то, на что унтер-офицер Кречмер уже пару раз натыкался, — одинокую лыжню.

Унтер-офицер показал на нее лыжной палкой: «Кто-то прошел здесь не больше получаса назад».

Товарищи Кречмера кивнули. Обер-ефрейтор Берепц сказал: «Неудивительно, что иваны всегда хорошо знают, что творится на нашей стороне. Если он выяснил, что мы планируем отступление, жди атаки».

На лыжах они отправились на командный пункт своего батальона. Унтер-офицер Кречмер доложил: «Лыжный след в направлении линии фронта русских». И, будучи опытным командиром штурмовых отрядов и дозоров, добавил: «Или кто-то из местных жителей, работающий как связной, или советский агент, маскирующийся под местного. Живет, скорее всего, в одной из тех пещер, что здешние используют как убежища».

Об этой опасности знал весь персонал штаба. Когда линия фронта перекрыта неплотно, невозможно предотвратить передвижение агентов противника. Приходится искать другой выход. Другой выход в этом случае означал — дезинформировать противника.

Для этого в начале февраля вдоль всей линии фронта появлялись отряды особого назначения из новых частей и старательно привлекали к себе внимание. В расположении 30-й пехотной дивизии из Шлезвиг-Гольштейна, например, держали «переходящие» отряды полевой дивизии Люфтваффе. В секторе 26-го фузилерного полка такой отряд засветился 12 февраля, активно «занимая» позиции.

Дезинформацию вели и в эфире. В штаб армии посылались незатейливо закодированные радиogramмы с просьбами о подкреплении. Армия отвечала предварительно

оговоренными приказами о подготовке жилья для новых частей и огневых точек для тяжелой артиллерии и минометов. Несуществующие подразделения устанавливали радиопередатчики в хорошо заметных штаб-квартирах.

Связные, партизаны и разведчики докладывали все это советскому командованию, но русские воспринимали информацию с недоверием. Донесения разведчиков из зоны боевых действий, фотографии воздушной разведки действительно говорили об укреплении немецкого фронта у Демянска, но отход был бы логичнее.

Взять допесение о лошадях. Пехотные дивизии возвращали их из тыловых районов на передовую. Разве такая мера не говорит о подготовке к отступлению? И в немецких войсках шли разговоры об отходе. Вскоре размышления солдат дошли до домов местных жителей.

Подозрение или нет, предательство или нет, но советское Верховное Главнокомандование решило предпринять новое немедленное наступление на узкий коридор демянского плацдарма.

«История Великой Отечественной войны» сообщает о соображениях советского командования относительно этой операции. В томе 3 читаем: «Широко развернувшееся наступление Красной Армии на юге, на центральном участке фронта и под Ленинградом сковало силы врага, истощило его резервы. Создалась благоприятная обстановка для ликвидации демянского плацдарма, на котором были сосредоточены главные силы 16-й немецкой армии — всего 12 дивизий». Справедливый и логичный вывод.

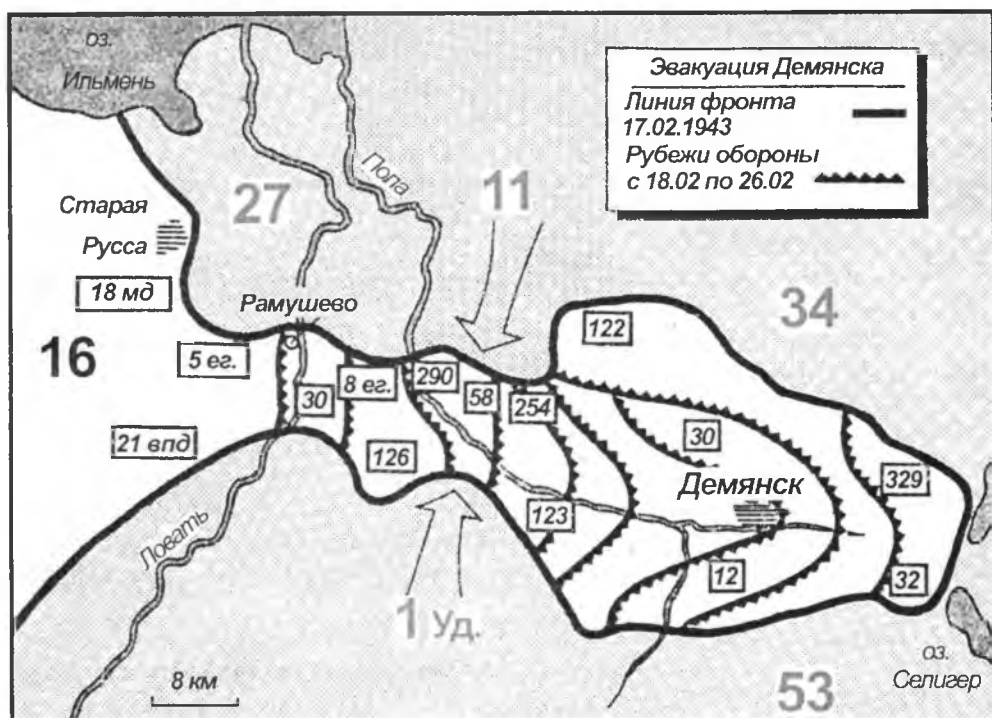
Немецкая 18-я армия, сосед 16-й армии слева, была серьезно поглощена событиями под Ленинградом. 59-й корпус южнее Демянска, под Витебском, вел тяжелые бои на стыке групп армий «Центр» и «Север». 9-я армия у Ржева уже больше двух месяцев еле справлялась с обороной. И дальше на юг генерал-фельдмаршал фон Манштейн нуждался в каждом батальоне, чтобы остановить танковую группу Попова и наступление Ватутина через Донец на Днепр.

Поэтому было совершенно ясно, что 16-я армия не может рассчитывать на эффективную помощь своих соседей в случае, если обстановка вокруг Демянска снова накалится. А собственных резервов у 16-й армии совсем не осталось. Ее самая последняя танковая часть, 203-й танковый полк, приказом Генерального штаба сухопутных войск в начале года был отправлен во Францию.

Русские об этом знали, и знание ситуации придавало им уверенности. Снова именно маршал Тимошенко получил приказ Ставки захватить 100-тысячный немецкий войсковой контингент в районе Демянска. Ясно, что карьера маршала окажется в опасности, если он и на этот раз не справится с задачей. «Донской лис» поэтому бросил все наличные силы в наступление на самом узком участке коридора.

В понедельник, 15 февраля, в 06.00 немцы проснулись в своих блиндажах внутри демянского «гриба» от неожиданного огневого вала советской артиллерии. «Дьявол! — говорили они. — Русские в конце концов решили взять нас в последнюю минуту!»

Как мы можем прочесть в «Истории Великой Отечественной войны», советские операции были тщательно скоординированы. За три дня до этого, 12 февраля, началось новое наступление на Ленинградском фронте, южнее Ладожского озера. Таким образом, немецкая 18-я армия была связана, и группа армий «Север» не могла на этот раз получить какие-либо резервы из этого источника.

Карта 30. Операция по эвакуации демянского «котла». Двенадцать дивизий отошли за десять дней.

На ржевском выступе и на участке прорыва у Великих Лук русские тоже перешли в наступление, поэтому нельзя было ожидать помощи и от соседней группы армий. Таким образом, дивизиям 16-й армии на Валдае пришлось справляться с этой новой смертельной угрозой без всякой посторонней помощи.

С 07.00 Тимошенко атаковал северный фронт демянского коридора шестью стрелковыми дивизиями и тремя танковыми полками; его удар пришелся на позиции трех немецких дивизий — 290, 58 и 254-й пехотных дивизий.

На южном фронте коридора советская 1-я ударная армия шестью стрелковыми дивизиями и тремя стрелковыми бригадами атаковала полки 126-й пехотной дивизии генерала Хоппе. Шесть против одного! И в первой волне русского наступления, кроме того, участвовали пятьдесят Т-34.

Были опасные вклинения, особенно в южном секторе 126-й пехотной дивизии. Но ни где Тимошенко не удалось осуществить прорыва. Немецкое командование прекрасно понимало, что это только прелюдия. Пока русские задействовали всего две армии, но еще пять стояли вокруг демянского «гриба». Пять армий против 12 дивизий! Полномасштабное наступление со всех сторон могло начаться в любую минуту. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и, прежде всего, критическое положение на Южном фронте коридора, нельзя было терять ни минуты, фронт нужно было немедленно сократить, генерал Хёне нуждался в резервах для угрожаемых участков коридора. А потом — выскользнуть из ловушки!

Генерал Лаукс связался с 16-й армией по направленной радиолинии и высказал свои опасения командующему. Эту полезную и безопасную радиосвязь обеспечил 1-й полк связи Люфтваффе в мае 1942 года. Прекрасная связь и, самое главное, исключая потери, которые были неизбежны при ремонте кабелей дальней связи. Пока ее не установили, 3-я рота 1-го полка связи Люфтваффе за несколько недель потеряла пятьдесят человек убитыми и сто ранеными при ремонте и обслуживании кабелей дальней связи — половину роты. Теперь подобное осталось в прошлом. А новой линии к тому же были не страшны помехи.

— Ваши предложения? — спросил командира корпуса генерал-фельдмаршал Буш, человек здравого смысла.

— Эвакуацию следует начать немедленно, господин генерал-генерал-фельдмаршал, — сказал Лаукс.

— Это реально? — дрогнул Буш.

— Вполне, — успокоил Лаукс. И это действительно было реально.

Подготовительная работа специальной группы фон Розенталя шла так активно, что Лаукс мог теперь взять обязательство завершить отход за двадцать дней. Двадцать дней вместо первоначально предусмотренных семидесяти. Ввиду опасности ситуации Ставка фюрера согласилась, сигнал к началу эвакуации отослал немедленно. Было 17 февраля 1943 года.

К концу дня в сгущающихся сумерках дивизии, расположенные на самом востоке и севере, двинулись к первой линии обороны. Шлезвиг-гольштейнская 30-я и мекленбургская 12-я пехотные дивизии, стоявшие на фланговых опорных пунктах, остались на своих позициях еще на двадцать четыре часа. Самый дерзкий и самый опасный отход в истории войны начался.

Боевой журнал шлезвиг-гольштейнской 30-й пехотной дивизии предоставляет впечатляющую картину четкости, с которой производилась эвакуация, организационного мастерства сотрудников штаба и строжайшей дисциплины войск. Все было заранее продумано.

Управление транспортными потоками и контроль передвижений обеспечили беспрепятственное прохождение колоннами перекрестков и мостов. Все движение было спокойным и даже неторопливым. Без освещения. В полной тишине. При поломках машины оттаскивали с дороги, чтобы произвести ремонт на быстро расчищенном участке обочины, и потом снова ставили в колонну. Постоянным напоминанием об опасности служил отдаленный орудийный огонь из коридора. Если стены коридора сдадут, войска ждет беда.

Но бойцы не выказывали первозидности, они полностью доверяли полкам, которые несколько месяцев держали оборону в коридоре десятикилометровой ширины. Смогут и следующие двадцать дней. Каждый час фронт вдоль самого узкого участка усиливали резервами из отходящих дивизий.

Но многое еще могло пойти не так. Каждое сражение — математическое уравнение со многими неизвестными. Одно из них — противник: кто знает, что он планирует и что сделает? Другое — погода. И вот погода начала брать свое. Начался буря, за несколько часов замело все дороги и рельсовые пути. Люди и лошади с трудом преодолевали глубокий, рыхлый снег. Машины по оси проваливались в белую массу. Появились пробки. Создалась угроза срыва графика, хотя до сих пор все работало как

часы. Вмешался и противник. К утру 19 февраля советское командование осознало, что позиции на восточном крае зоны боевых действий пусты. Русские начали преследование кавалерией и соединениями лыжников. Погода им благоприятствовала. Быстрые лыжные батальоны мчались сквозь снежную бурю, прорывались через немецкие прикрития и пытались овладеть дорогами, чтобы заблокировать отход немецких дивизий.

Ойттинский 1-й батальон 6-го пехотного полка под командованием майора Фогеля двигался походным порядком, падал редкий снег. Неожиданно появились русские. Людям Фогеля пришлось вступить в рукопашный бой и при помощи ручных гранат и холодного оружия пробивать себе путь. Через занесенные глубоким снегом поля, мимо занятых противником деревьев роты в конце концов вышли на нужную дорогу.

Но одно обстоятельство сильно подбадривало бойцов: впервые за много месяцев они могли не экономить боеприпасы. Горы снарядов в полевых складах, которые ранее бдительно учитывал карандаш интендантов, теперь казались бесконечными. И их нужно было использовать до конца. Поэтому все орудия стреляли с полной нагрузкой.

Ночью с 19 на 20 февраля точно в соответствии с графиком был снят третий оборонительный рубеж — линия фронта широкой аркой охватила город Демянск, таким образом, шоссе и мосты через реки Явон и Пола были сохранены для отходящих частей. Хорошо укрепленные позиции обороняли полки 12, 30 и 122-й пехотных дивизий. Под их прикрытием механизированные и конные части тяжелой и легкой артиллерии, зенитные и штурмовые орудия, а также войска связи и полевые госпитали пошли через город. Двигающиеся походным маршем колонны гренадерских полков были направлены по дороге в обход Демянска.

В свирепом буре каждому человеку приходилось быть осторожным, чтобы не потерять из виду идущего впереди, не отстать от своей колонны, не сойти с протоптанной тропы. Патрули на лыжах обеспечивали заслоны между движущимися колоннами. Их задачей было не позволить русским просочиться в отступающие соединения. Корпус и дивизии отдали строгие приказы на привалах не разводять открытого огня, чтобы не привлекать внимания противника.

Но это все равно случилось. Одна колонна проходила мимо склада на окраине Демянска, начальник склада щедро раздавал запасы проходившим войскам. Кроме прочего, у него было несколько бочек французского коньяка, и бойцы наполнили им свои фляжки. Холодная ночь соблазнила их выпить лишнего.

С опьянением пришла беспечность. Скоро небольшой деревянный дом недалеко от главной улицы Демянска охватило пламя. Пожар произвел отрезвляющий эффект, по было поздно. Сильный ветер понес яростный дождь искр по улицам и переулкам городка. Искры влетали в щели кое-как заколоченных досками окон и вылетали через гнилые крыши в чердаки. Пожар быстро распространялся. Языки пламени дрожащим светом освещали подводы и спешащие колонны.

Движение через город было серьезно дезорганизовано. Телефонные провода, соединяющие штабы тылового прикрытия с корпусом, плавилась от жара горящих домов. Было слишком поздно спасать что-либо. Демянск выгорел дотла — осталось единственное здание, полевой госпиталь с пятьюдесятью тяжело ранеными советскими солдатами. Его спасли от огня немецкие саперы. Раненых оставили на попечение их русского доктора и среднего медицинского персонала.

Противник теперь энергично преследовал отступающие немецкие соединения. Тыловое охранение вело изнуряющие бои. Особенно опасная ситуация сложилась у мостов через реки Пола и Явон. Однако нигде подвижным войскам Тимошенко не удалось разбить или окружить немецкие дивизии. Пятая и шестая оборонительные линии были оставлены согласно плану.

27 февраля, через десять дней после пачала отхода, демянский плацдарм и коридор были эвакуированы. За десять дней выполнили задачу, планировавшуюся на двадцать, а первоначально на семьдесят дней. Фантастическое достижение.

Даже советская военная история не может отрицать успеха немцев и, соответственно, провала Тимошенко. «Недочеты в управлении войсками» отмечаются в «Истории Великой Отечественной войны», опубликованной в хрущевскую эпоху.

Маршал Тимошенко считается ответственным за немецкий успех. Правда, примерно 2000 квадратных километров территории было оставлено русским. Но ни одного боепособного орудия, ни одной действующей машины, ни одной готовой к стрельбе вышки не попало в руки Тимошенко. Несколько сотен тонн боеприпасов взлетело на воздух, 1500 машин было приведено в негодное состояние, как и 700 тонн продовольствия, которое невозможно было вывезти. Оставлено было только 10 000 заботливо ухоженных могил — молчаливых свидетелей четырнадцати месяцев ожесточенных боев вокруг Демянска.

Двенадцать дивизий — т.е. 100 000 человек со всем их вооружением — были спасены. Они стали существенным резервом для группы армий угрожаемого северного фронта и позволили генерал-фельдмаршалу Бушу отразить последующие советские удары через Ловать в тыл группы армий «Север». В течение следующих нескольких недель в районе Старой Руссы только армиям Тимошенко предстояло потерпеть серьезные поражения в пяти главных сражениях.

5. Операция «Движение буйвола»

Ржев — преграда на пути русского потока — Четыре летних и четыре зимних сражения — Фронт должен быть на 300 километров короче — Отступление для 250 000 человек — «Ваши офицеры пакуют чемоданы!» — «Адские сады» саперов — Мост, взорванный по телефону — Фантастическое отступление — Высвобождены двадцать две дивизии.

Из всех бесчисленных русских городов и деревень, которые во время Второй мировой войны находились в центре или рядом с центром решающих сражений, таких, как у Демянска, примерно полдюжины вписаны в военную историю как названия глав. Десять тысяч солдат помнят эти ключевые точки войны в России и не забудут их никогда. Такие названия, как Сталинград, Севастополь, Ростов. Конечно, Ленинград и Москва. И Ржев, городок на Верхней Волге. В начале войны он насчитывал 54 000 жителей и тысячелетнюю, яркую историю.

С октября 1941 года по март 1943 года этот город являлся важнейшим пунктом Восточного фронта. Из-за своего удобного географического положения в верховьях Волги, откуда столетиями сплавляли лес, Ржев всегда был весьма желанной добычей и яблоком раздора князей и великих князей Литовских, Тверских и Московских. Его часто уговаривали и часто завоевывали. С незапамятных времен он оставался предметом

экономического и военного соперничества между Балтикой и Верхней Волгой. Стратегическое положение Ржева определило его судьбу и во время Второй мировой войны. В октябре 1941 года гренадерские батальоны восточнопрусской 206-й пехотной дивизии и разведывательный батальон 26-й пехотной дивизии из земель Рейн и Вестфалия взяли Ржев в ходе наступления на Москву и в результате стали первыми немецкими подразделениями, вышедшими на Волгу, самую большую реку в Европе, национальную гордость России.

Напрасно русские пытались вытеснить немцев. Во время своего первого крупного зимнего наступления они сосредоточивали усилия на этом направлении. Им удалось освободить город Калинин, тоже расположенный на Волге, вынудить немецкое командование оставить эту самую восточную позицию их движения на Москву. Однако Ржев немцы отстояли, и он превратился в основной оплот группы армий «Центр» на стратегических подступах к Москве.

В январе и феврале 1942 года Сталин лично приказал генерал-полковнику Еременко с его ударной армией выбить с позиций дивизии немецкой 9-й армии. Тот сначала предпринял неудачную фронтовую атаку на Ржев, а затем попытался его окружить. В ожесточенном и кровопролитном сражении полки 9-й армии не уступили, и гвардейцы Еременко отошли на юг через замерзшие озера, чередой идущие от Осташкова. Создалась серьезная угроза группе армий «Центр» с севера.

Однако Ржев, как Демянск, непоколебимо стоял огромной преградой на пути потока Еременко, потока, который был остановлен у Велижа и Великих Лук. Именно в районе Ржева 9-я армия под командованием генерал-полковника Моделя совершила перелом в ходе первого русского зимнего наступления на Центральном фронте.

Еще четыре лета и четыре зимы Ржев стоял, как скала. Офицеры и рядовые 9-й армии превзошли все образцы военных достижений. И генерал-полковник Модель в этих операциях проявил себя как один из главных стратегов обороны последней войны.

Советские специальные публикации по истории Второй мировой войны свидетельствуют, какую тревогу вызывал у советского командования тот факт, что Ржев оставался в руках немцев. Армия Моделя была нацелена на Москву, как кулак, — Кремль находился всего в 200 километрах. Пока войска Моделя находились в пределах 200 километров от Москвы, угроза советской столице сохранялась. И поскольку Гитлер имел шанс возобновить поход на сердце СССР, существовал военный смысл держаться за Ржев.

Крах Сталинграда, однако, окончательно положил конец всем надеждам на новое полномасштабное наступление на Москву. После потери 6-й армии с четвертью миллиона человек немецкое командование больше не имело живой силы для столь крупной наступательной операции.

Но Гитлер продолжал откладывать решение (точно так же, как в Демянске) оставить этот уязвимый и поглощающий силы выступ 530 километров длиной. Он упрямо спорил по этому поводу с Главным командованием сухопутных войск, с группой армий «Центр» и боевыми командирами.

Сегодня, с высоты нашего общего знания, легко критиковать Гитлера за нерешительность. Однако в то время подобное решение действительно было исключительно трудным. После поражений в первую русскую зиму ржевский выступ остался единственным передовым немецким бастионом на пути к Кремлю и последней оставшейся в руках Германии частью земли на Волге. Там, на этом выступе, находилась Вязьма,

город с давней историей, место, где в 1941 году в решающем двойном сражении у Вязьмы и Брянска было сломлено последнее советское сопротивление на подступах к Москве и взято в плен 630 000 человек.

Потом зима заморозила плоды победы на этом историческом поле битвы. Допустим, представится возможность попытаться еще раз?.. Предположим, появится еще один шанс?.. Какой военачальник мог бы закрыть глаза на такую вероятность? Какой генерал с готовностью сдаст подобный плацдарм?

Эвакуировать Ржев означало не просто оставить оборонительный рубеж или позицию; это означало забыть обо всех надеждах на победу. Гитлер знал: если его войска покинут город, они вряд ли смогут вернуться.

Однако крах Сталинграда и последующий кризис на всех участках фронта, от Ленинграда до Харькова и Кавказа, заставили Гитлера прислушаться к настойчивому совету своего начальника Генерального штаба. 6 февраля 1943 года он дал согласие на отвод 9-й армии и части 4-й армии из ржевского выступа на отсечную позицию, короче прежней на триста километров, и формирование хорды к арке прежнего клина.

Великому отступлению дали кодовое название операция «Движение буйвола». На подготовку гигантского исхода Главное командование сухопутных войск Германии отдало 9-й армии четыре недели. Четыре недели! Это должно было обеспечить переход войск к обороне на новых позициях до наступления распутицы.

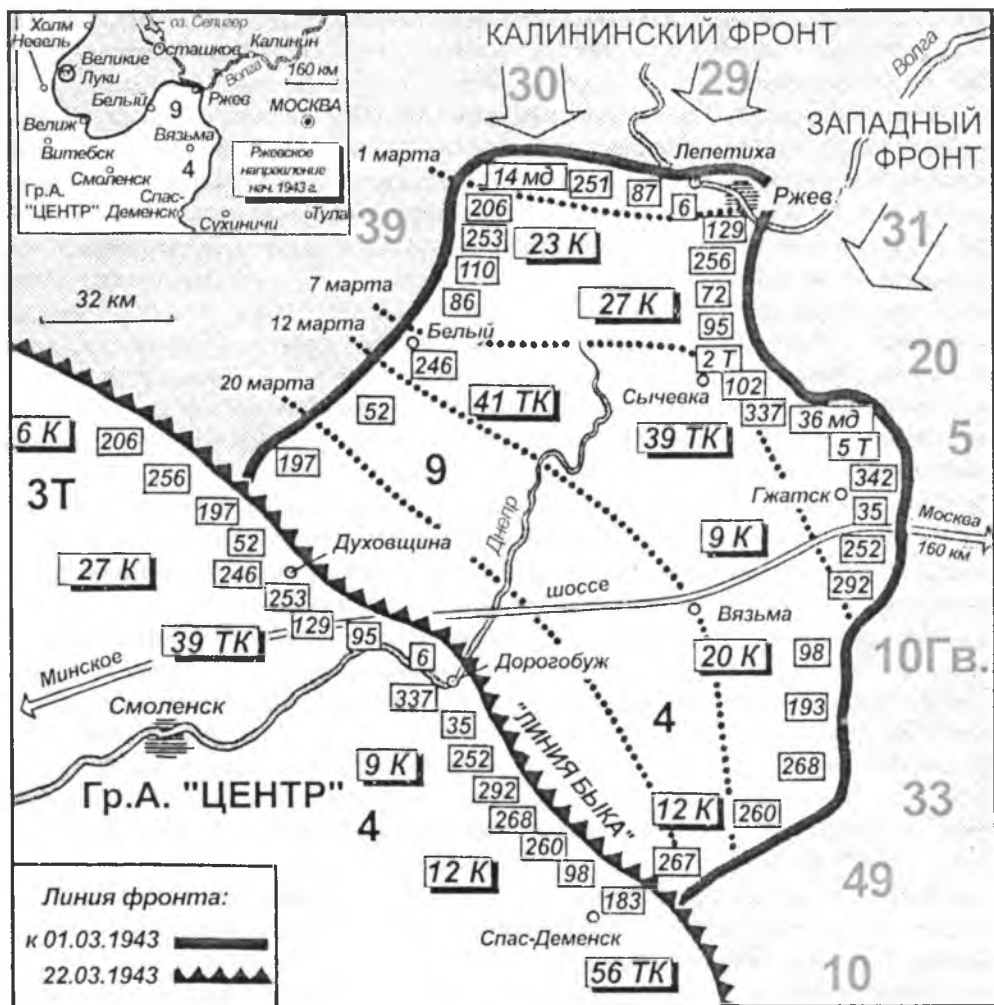
Генерал-полковник Модель сидел с ближайшими сподвижниками на передовом командном пункте у Сычевки и отводил каждому свою задачу. Начальник штаба, полковник фрайгерр фон Элверфельт, начальник оперативного отдела и офицеры транспортной службы склонились над грудой карт и бумаг. Присутствовал также старший офицер инженерно-саперных войск армии.

Что нужно сделать? Прежде всего, произвести рекогносцировку новых оборонительных полос. Затем должны быть созданы отдельные линии обороны для прикрытия отхода.

А потом собственно эвакуация района боевых действий глубиной более ста километров. Построить около 200 километров дорог для автомобильного транспорта, проложить примерно 650 километров рельсовых путей для саней и транспорта на конной тяге. И это в середине зимы. Все вооружение и другое имущество эвакуировать, в том числе крупный рогатый скот, зерно и сельскохозяйственное оборудование (для этой цели имелись 200 железнодорожных составов и колонны автотранспорта грузоподъемностью 10 000 тонн). Разработать графики загрузки для каждого вагона и каждой машины. В расчетах учитывались даже седельные выюки кавалеристов и мотоциклистов.

Ничего не пускалось на самотек. Особенно важной задачей являлась эвакуация 60 000 гражданских, семьдесят мужчин и женщин, сотрудничавших с немцами. Их нельзя было обречь на советские репрессии. Наконец, когда железнодорожные перевозки будут завершены, демонтировать и собрать примерно 1000 километров рельсов и 1300 километров проводов.

Важнейшей основой этой огромной операции был график движения для двадцати девяти дивизий, а также войск армии и Главного командования сухопутных войск Германии — в целом 250 000 человек с оружием и боевой техникой. И все это перед лицом мощного противника. Необходимо было скоординировать боевую готовность и транспортирование, отход и бон. Грандиозное предприятие.

Карта 31. Чтобы удержать ржевский выступ, требовалось двадцать девять дивизий. В результате операции «Движение буйвола» весной 1943 года линия фронта сократилась, и двадцать две дивизии были спасены. Таким образом, появился солидный резерв.

Важную задачу составляла секретность. Все пужно было хранить в тайне, даже от своих собственных войск. Однако снова все усилия в конечном счете оказались бесполезными. Примерно в середине февраля, когда немецкие войска в основном еще пребывали в неведении по поводу секретной операции «Движение буйвола», русские громкоговорители на передовой уже подстрекали немецких рядовых и унтер-офицеров: «Ваши офицеры пакуют чемоданы. Смотрите, чтобы они не бросили вас одинх!» Советская разведка опять была прекрасно осведомлена. «Вертер» обслуживал «Начальника» очень хорошо.

В действительности немецкие офицеры имели достаточно проблем, кроме своих чемоданов. Один из вопросов, доставлявший им головную боль, состоял в том, базиро-

вать отход на санях или колесном транспорте. В тот момент, в середине февраля, еще лежал глубокий снег. Но как будет в начале марта? Они видели только один выход — готовить оба варианта.

1 марта наступила оттепель, дороги развезло. В 19.00 — начало отхода, значит, колесные машины. Армия приняла вид гигантской скрипучей гусеницы. Телефонные провода смотаны, мины заложены. Но с наступлением ночи температура снова неожиданно упала. На всех дорогах — лед. Итак, в конце концов все-таки сани. Лихорадочно все перенесли. Точно в 19.00 начали отход первые соединения, контакт с противником сохраняли только тыловые отряды.

Батальоны мюнстерской 6-й пехотной дивизии снялись с позиций на Волге недалеко от Ржева. Они двигались колонной в ночи. Их тянули к земле винтовки, лопаты, рапцы и ручные грапаты. После долгой позиционной войны войска отвыкают от маршей. В молчании они устало тащились рядом с санями и телегами. Колонны становились длиннее и длиннее. В конце концов, на рассвете роты достигли первых подготовленных и укрепленных позиций в снегу. Они прошли тридцать километров.

На позициях у Волги тем временем остались только тыловые части — одна треть первоначального состава. Где накануне стояли девять групп, теперь было три. Люди перебегали от одной огневой точки к другой, стреляя из винтовок и пулеметов, дабы создать у противника впечатление полного заполнения позиций.

Но русские имели подозрения и решили убедиться. Как только забрезжил рассвет, перед траншеями 9-й роты 58-го гренадерского полка появились призрачные фигуры. Они сразу же одолели защитников. Вот они уже в окопе. Командир тылового отряда полка лейтенант Хотцель тогда находился именно в этом секторе. Известный своим хладнокровием, он сначала приказал одному из пулеметчиков непрерывно обстреливать продольным огнем пространство перед позицией, чтобы не позволить другим русским приблизиться к окопам. Потом с небольшим отрядом атаковал захваченную часть окопа с обоих концов.

Через полчаса дело было сделано. Русские, которые выбрались из окопа на нейтральную полосу, не смогли взять с собой ни одного пленного, а именно это было их главной задачей. Советские командиры остались в неопределенности.

Однако в левой части сектора старой позиции на Волге ситуация развивалась более угрожающе. Там, на выступе у Лепетихи, русские предварили свою атаку смертоносной минометной бомбардировкой, потом две сотни красноармейцев выскочили из оврага на противоположной стороне и побежали по льду реки.

К счастью, советский минометный огонь не причинил заметного ущерба малочисленным немецким порядкам. Когда красноармейцы оказались на льду, люди Хотцеля уже ждали их за своими легкими пехотными орудиями и пулеметами. Русским нужно было пересечь Волгу, а потом полосу открытой земли. Когда они были на середине реки, Хотцель скомаандовал: «Открыть огонь!»

Орудия и пулеметы выдали очереди и попали прямо в наступающую пехоту. Лишь немногие добрались до немецких окопов, там, побежденные, они сдались.

Так, горстка отважных гренадеров, вооруженных только пехотным оружием, прикрыла тылы отходящих соединений. Через двадцать четыре часа после отхода основной части сил тыловое прикрытие оставило свои позиции и закрепилось на новой оборонительной линии примерно в шести километрах дальше.

Дела принимали серьезный оборот. К этому моменту русские, должно быть, уже заметили отвод войск. И, конечно, они начнут яростное преследование крупными силами, чтобы догнать уходящие немецкие дивизии, отрезать им пути к отступлению, окружить как можно больше соединений и уничтожить их.

Это следовало предотвратить любой ценой. Тыловое охранение, как правило, не могло сдерживать противника надолго. Как же тогда эффективно замедлить погоню русских?

Разрушение всех дорог, рельсовых путей, мостов и зданий, что так основательно проделывали русские во время немецкого наступления и что Ставка фюрера приказывала делать всем армиям на Южном фронте еще со времен сталинградской катастрофы, на самом деле, не обеспечивало результативного сдерживания противника. Более того, практика показывала, что обычно тыловому охранению не хватает ни времени, ни людей для действенного уничтожения всех жизненно важных объектов.

Существовала, однако, и другая возможность. И в Первую, и во Вторую мировые войны одним из наиболее эффективных средств задержать преследующего противника были мины; их использовали самым разным образом. Прежде всего, применяли противотанковые мины, которые взрывались, когда на них проезжало что-нибудь тяжелое: бронемашина, грузовик или орудие. Противопехотные мины приводились в действие от самого легкого прикосновения и либо сразу же взрывались, либо сначала подпрыгивали вверх примерно на три метра и затем взрывались, в этом случае осколки поражали и голову, и тело человека.

Этими дьявольскими яйцами были буквально вымощены эвакуированные немецкие позиции, окопы и блиндажи, переправы через реки и ручьи, размокшие дороги и перекрестки. Соединенные заряды коварно располагались в фальшивых камнях на дорогах.

Но в этом виде традиционного минирования для русских не было ничего нового. При отступлениях в первые два года войны они приобрели в этой области богатый опыт и стали непревзойденными мастерами в искусстве минной войны. В результате они знали, где ожидать минирования и как обезвредить эти подарки. Обычное минирование, таким образом, не могло надолго остановить их на открытых пространствах. Требовалось придумать что-либо более эффективное.

Старшие офицеры инженерно-саперных войск 9-й армии и его корпуса знали свое дело. Они прошли Первую мировую войну, а некоторые и Африку, где Роммель продемонстрировал виртуозное искусство использования мин для защиты и блокировки уязвимых районов пустыни.

Эти «адские сады», как Роммель обычно называл изощренные минные поля, являлись безупречными ловушками смерти, соединяя психологический и собственно военный эффект. Формирования противника, попадая в такие «адские сады», немедленно теряли свою наступательную силу. Поскольку когда впереди идущего человека разнесит на куски, когда машины разлетаются на составные части и даже танки останавливаются, тогда, разумеется, никто не рискнет сделать шаг, пока землю не прощупают сантиметр за сантиметром. Прибывшие саперы со своими электрическими миноскателями, которые отзываются на любой металл, часто обнаруживают только фальшивки — специально закопанные пустые железные банки или осколки снарядов. И как только посетитель «адского сада» снова становится беспечным, он может наступить наasto-

ящую мину и погибнуть. А если он вовремя заметит опасность и выкопает мину, и еще одну рядом, и другую, он все равно может взлететь на небо, потому что часто под первым разминированным слоем оказывается слой скрытых мин.

Африканские «адские сады» Роммеля во Ржеве посадили нестандартным образом.

Опытные саперы 9-й армии придумали совершенно новый способ прятать свои мины. Они крепили взрывные устройства к входным дверям в жилые дома. Когда дверь открывали, смерть была с порога огнем и осколками. Детонаторы скрытых противотанковых мин цепляли топкой проволокой к окнам. Открывали окно — смерть. Смерть могла таиться даже за безобидными лестницами, ручными тележками, лопатами и заступами. Как только инструмент брали в руки, подрывные мины-ловушки приводились в действие незаметной проволочкой. Коварные адские машины скрывались в печках, скрепленные проволокой с печной заслонкой. Они присоединялись к крышкам соблазнительно приоткрытых коробок с «документами» — всегда предмет особого интереса русских. Саперы, специально обученные подобного рода минированию, часто ставили свои ловушки под огнем наступающего противника. Эффект такой миной войны был ошеломляющим. Чего не могли добиться самые крупные тыловые прикрития, мины выполняли самым впечатляющим образом. За первые двадцать четыре часа своего яростного преследования русские понесли такие тяжелые потери в «адских садах» Ржева, что возникла своего рода паника. Воздух гудел от русских радиogramм с предупреждениями, наводящими ужас донесениями и настойчивыми инструкциями быть предельно осторожными. Боязнь скрытых немецких мин преследовала русские войска, как привидение, эффективно замедляя их наступление.

Службы радиоперехвата отступающих дивизий были в состоянии отследить опустошительный эффект немецких мин, благодаря тому, что советские радиogramмы обычно передавались в прямом эфире. Так, 206-я пехотная дивизия перехватила следующее послание русского командира в свою дивизию: «Я поставил лошадь в коношню и вошел в дом — раздался большой взрыв. Ни коношни, ни лошади. Эти проклятые фрицы поставили мины везде, только не там, где мы ожидали». В другой радиogramме войскам приказывалось не входить ни в какие здания, не пользоваться никакими колодцами, не поднимать никакие предметы, пока отряды саперов не исследуют землю. Возник минный психоз, лишавший смелости, хладнокровия и духа победителя. Именно такую цель и ставил себе Модель.

Всего лишь за двадцать один день он эвакуировал ржевский выступ. За двадцать один день дивизии 9 и 4-й армий с боями отошли на 160 километров. Они оставили полосу фронта шириной в 530 километров и через 160 километров заняли новый рубеж, шириной только 200 километров. Сокращение составило 330 километров, была спасена целая армия. Высвободился личный состав штаба армии, личный состав штабов четырех корпусов и двадцать две дивизии, включая три танковые. Это был стратегический шаг, имеющий решающее значение. Для группы армий «Центр» это означало конец ужасного периода без резервов, наступившего после тяжелых потерь сталинградской зимы.

Однако официальная советская военная история отказывается признать успех Моделя. Она отказывается признать, что, столкнувшись с группами советских фронтов, чьи дивизии непрерывно атаквали немецкий выступ, полутора немецким армиям удалось отойти, не испытав серьезных проблем. Советские армии не совершили ни еди-

ного вклинения, не нанесли ни одного значительного удара во фланг, не говоря уж об окружении.

Это обстоятельство предполагает серьезную критику тактического мастерства советских военачальников того времени. Вот почему советские военные историки так болезненно реагируют на любой анализ данной операции.

Это просто противоречит исторической правде, когда советская «История Великой Отечественной войны», том III, утверждает: «Решительными действиями Калининский и Западный фронты препятствовали планомерному отводу войск противника. Немецкие войска бросали на дорогах военное имущество, неся большие потери в живой силе и технике».

И затем продолжает: «В послевоенный период некоторые западногерманские военные историки пытаются представить отступление немецко-фашистской группировки с ржевско-вяземского плацдарма как образец «планомерного и удачного отступления» и называют командующего 9-й армией генерал-полковника Моделя «львом обороны». О том, насколько лживы эти утверждения, свидетельствуют колоссальные потери врага при отходе с плацдарма. Поспешно отступая из Ржева под ударами Красной Армии, гитлеровцы не успели даже эвакуировать город».

В подтверждение этого тезиса в публикации цитируются записки генерала Гроссмана, командира мюнстерской 6-й пехотной дивизии. Однако Гроссман, хроникер операций в районе Ржева, доказывает в описании боев своей старой дивизии, действовавшей там до самого конца, прямо противоположное, такой же вывод он делает и при описании отступления в целом.

Дошедшие до нас в полной сохранности боевые журналы 78-й штурмовой и 98-й пехотной дивизий тоже предоставляют убедительные факты. Утверждение, что Модель не эвакуировал Ржев, опровергается интересным и, возможно, уникальным в военной истории эпизодом. Гитлер, сделавшийся подозрительным после многочисленных неприятностей вследствие того, что вовремя не взрывали мосты, решил лично убедиться в том, что большой мост через Волгу в Ржеве действительно будет взорван после отступления немецких войск.

Излишне говорить, что Гитлер не собирался лично отправляться во Ржев. Вместо этого ему пришла в голову необычная идея руководить взрывом моста по телефону. Была, соответственно, установлена телефонная связь между штабом Гитлера в Виннице и бригадой минеров на ржевском мосту. Прижав к уху трубку, фюрер и Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами Германии таким образом лично осуществлял руководство взрывами на обеих сторонах реки. Он имел возможность слышать звуки рухнувших массивных быков моста. Лишь это акустическое доказательство убедило его в том, что приказ действительно был выполнен. Только через несколько часов после этого взрыва и отхода последнего немецкого арьергарда в городе появились первые советские разведчики.

Строго согласно плану, дивизии Моделя и левое крыло 4-й армии генерала Хайнрихи до наступления распутицы заняли недавно созданную и хорошо укрепленную линию от Спас-Деменска через Дорогобуж на Духовщину, новую «линию Буйвола». 29 000 саперов и строительных подразделений за семь недель подготовили позиции, обнесли их колючей проволокой и минными полями, усилили опорными пунктами и бункерами. Основная часть сил прибыла, развернулась и стояла твердо.

Немецкий фронт удержался. Драматичные зимние сражения 1942—1943 годов завершились. С успешной эвакуацией ржевского выступа у групп армий «Север» и «Центр» больше не осталось критических точек. На юге весь индустриальный регион Донецкого бассейна снова оказался в руках немцев.

6. Великие Луки

Крепость на болоте — Три дивизии против одного полка — Гвардейский стрелок Александр Матросов — Безуспешная попытка деблокировать город — Пятнадцать танков прорываются в крепость — Дифтерия на опорном пункте «Будапешт» — Один кусок хлеба и восемь патронов в пистолете — «Я пришел из Великих Лук» — Повешено по одному человеку каждого звания.

Картина зимних сражений не будет полной без упоминания о боях у Великих Лук, древней крепости в обширном болотистом районе севернее Витебска, между реками Ловать и Западная Двина. Живописный древний город, с 30 000 жителей в начале войны, Великие Луки обычно привлекали группы иностранных туристов своим фольклором.

Город приобрел важное значение во время немецких наступательных боев 1941 года и сохранял его в период первого советского контрнаступления из района Москвы. В августе 1941 года нижнесаксонская 19-я танковая дивизия, части гессенской 20-й танковой дивизии и пехотинцы 253-й пехотной дивизии после ожесточенного сражения взяли город штурмом.

Четыре с половиной месяца спустя была предпринята первая советская попытка освободить крепость на болоте. 9 января 1942 года генерал-полковник Еременко и генерал Пуркаев двинули свои ударные армии через цепь озер из Осташкова в направлении Витебска, имея в виду атакой на окружение овладеть обширным районом западнее Москвы и уничтожить немецкие армии группы «Центр», которые готовились к прыжку на столицу. Но в ожесточенном сражении немецкая пехота остановила советский удар. Русские растратили свои силы в боях у Холма, Велижа и Великих Лук.

Части 83-й пехотной дивизии, спешно переброшенной из Франции в Россию, удержали «город на болоте», крепость на пересечении жизненно важных дорог из Ленинграда, Киева и Москвы в Белоруссию и в Прибалтику.

Все лето 1942 года советская 3-я ударная армия снова и снова пыталась подавить оборону Великих Лук неожиданными массированными артиллерийскими бомбардировками. Однако немецкий 277-й гренадерский полк под командованием полковника фон Раппарда укрепил свои позиции. Были трудности со снабжением, поскольку непрерывного фронта просто не существовало ни с одной, ни с другой стороны Великих Лук. С северной стороны, особенно в направлении Холма и Ловати, стояли только слабые пикеты. Лишь южнее Холма снова начиналась непрерывная линия, которую обороняла 8-я танковая дивизия. Однако личный состав дивизии вынужден был с изумлением наблюдать, как южнее, где фронт внезапно заканчивался, русские безнаказанно мобилизовывали молодых людей, уводили весь крупный рогатый скот и собирали все, что попадало под руку. В этой ситуации важнейшую роль играли немецкие бронепоезда — бронепоезд № 3 из Мюнхена и вспомогательный бронепоезд № 28. Без них доставить что-либо в Великие Луки было бы просто невозможно.

19 ноября 1942 года на Южном фронте началось второе крупное советское зимнее наступление, главные удары наносились в Сталинграде и на Дону. На северном фронте в это время советские крупномасштабные атаки имели целью сковать немецкие силы и ликвидировать эти раздражающие немецкие преграды в районе Витебска. Советская 3-я ударная армия должна была в конце концов добраться до Витебска. Однако, чтобы взять Витебск, нужно было сначала захватить Великие Луки.

Генерал Пуркаев атаковал город тремя дивизиями. Три дивизии против одного полка. Русские обошли Великие Луки с севера и юга, через цепь опорных пунктов 83-й пехотной дивизии, и окружили город. Внутри крепости находилось 7500 немцев под командованием подполковника фон Сасса, оборонявших линию фронта в двадцать один километр: гранатометчики, артиллеристы, саперы, хозяйственные и медицинские части 83-й пехотной дивизии. Они были усилены, или просто к ним присоединились, оказавшиеся внутри «крепости» после отступления следующие части: железнодорожники, строители, части 3-го полка реактивных минометов «Небельверфер»; 17-й легкий разведывательный батальон; немецкий батальон самообороны; батальон эстонских добровольцев, сформированный из эстонцев, основная часть которых во время боя группой перешла из Красной Армии; три роты 286-го зенитного дивизиона; рота легких зенитных орудий и 2-я рота тяжелых минометов 736-го артиллерийского дивизиона армии; 3-й дивизион 183-го артиллерийского полка и части 70-го моторизованного артиллерийского полка. Миниатюрный Сталинград.

Генерал Пуркаев, естественно, хотел взять город штурмом. Но попытка не удалась, он тогда начал систематично поливать Великие Луки артиллерийским огнем и бомбить его с воздуха. Здание за зданием, бункер за бункером, улица за улицей превращались в развалины. Огонь пожирал руины.

Немцы получали свое скудное продовольствие и боеприпасы с воздуха. Поскольку слишком значительная часть поставок падала за пределами немецкой территории всего в одиннадцать квадратных километров, впервые для доставки стали использовать пикировщики «Штука». С этой целью 6-й воздушный флот сформировал смешанное боевое подразделение. Его возглавлял Хайнц-Иоахим Шмидт, командир 4-й бомбардировочной авиаэскадры. Она базировалась на Большом Ивановом озере, чтобы быть как можно ближе к угрожаемому городу. Несмотря на огромное превосходство русских в воздухе, несмотря на их зенитные орудия, расположенные вокруг всей крепости на болоте, авиация делала все возможное, чтобы сбросить «поставочные бомбы» на последовательно уменьшающуюся немецкую территорию. Как правило, контейнеры с продовольствием и боеприпасами попадали точно в цель. Тем не менее очень скоро рацион пришлось сократить на 25 процентов, а потом и наполовину.

13 декабря после мощной артиллерийской подготовки четыре стрелковые дивизии и танковая бригада генерала Пуркаева пошли в решающую атаку с западной стороны города. Яростное сражение произошло за мост через Ловать. Его оборонял лейтенант Альбрехт с ротой саперов, русские имели превосходство в численности более чем в десять раз. Снова и снова русские роты врываются на маленький немецкий плацдарм. Каждый раз их вытесняли в рукопашном бою саперными лопатами, штыками и ручными гранатами. Лейтенант Альбрехт получил серьезное ранение в горло, он лежал на своем командном пункте, но продолжал руководить оборонительными действиями своих саперов.

Карта 32. Первая попытка спасти окруженный город Великие Луки с северо-запада окончилась неудачей.

На второй день Рождества, 26 декабря 1942 года, русские крупными танковыми силами атаковали с юга и юго-запада. В отчаянном уличном бою они узким фронтом пробились через город. Тяжелые пехотные и противотанковые орудия были уничтожены, и немецкие опорные пункты оказались практически беспомощными перед лицом танков противника.

Советские стрелковые батальоны сражались с поразительной отвагой. Особенно комсомольцы, фанатичные молодые коммунисты, в последующие несколько недель прославили себя преданностью долгу. Рядовой 254-го гвардейского стрелкового полка Александр Матросов ценою жизни заслужил звание Героя Советского Союза.

Матросов положил конец тяжелым потерям своей роты у немецкого дзота, откуда непрерывно бил пулемет. Он подполз к амбразуре и накрыл ее собственным телом. Его

пальцы продолжали крепко стискивать ствол пулемета, когда он уже давно умер. Рота Матросова воспользовалась перерывом в огне и подавила дзот.

В начале 1943 года в замерзшем болоте осталось только два опорных пункта — крепость и железнодорожная станция. Оборону крепости держал капитан Дарниелде с батальоном 83-й пехотной дивизии, они контролировали территорию площадью не более чем 100 на 250 метров.

На станции в восточной части города стоял подполковник фон Засс с 1000 человек, они обороняли разрушенные железнодорожные сооружения и бараки. Войска надеялись, что их не оставят. Именно эта надежда помогала им держаться, несмотря на сильный мороз и изнуряющий голод. Из сорока пяти сброшенных на их позиции контейнеров в цель попали только семь. Три сотни лошадей, первоначально находившихся в городе, давно уже съели. На десять человек приходился один батон хлеба в день, двадцать человек должны были делить одну банку тушенки.

Сегодня нам трудно себе представить, через что прошли эти люди. Без сна, элементарной гигиены, во вшах, грязные и голодные, они все равно сражались. Каждый день на них валились примерно 3000 снарядов и бомб. Им не хватало времени убрать с дороги своих мертвых. Раненые лежали в развалинах, за ними присматривали лишь время от времени. Питьевую воду нужно было носить с риском быть убитым из пруда на нейтральной полосе. А в этом пруду лежал подбитый советский танк со всем своим мертвым экипажем.

Но где же проходила основная немецкая линия? Неужели ничего не делалось, чтобы спасти окруженный город? Попытки, конечно, совершались. Но опять недостаточными силами.

Первой на месте оказалась 8-я танковая дивизия генерала Бранденбергера.

Полки этой дивизии из Берлина и Бранденбурга, которая с самого начала действовала на Востоке и имела специфический характер, поскольку в ней служило много офицеров из Прибалтики, только что покинула свои позиции южнее Холма. Ее предполагали перебросить по железной дороге в район Сталинграда, однако это похвальное намерение пришлось отложить, принимая во внимание развитие событий у собственного порога дивизии.

Вечером 21 ноября 8-й мотопехотный полк по телефону получил приказ: «Немедленно атаковать противника, который уже пересек железную дорогу Ленинград—Одесса и наступает западнее Великих Лук. Полк таким образом спасет Новосоколыньки».

«Спасет» — самое точное слово. Новосоколыньки, тыловая база и центр полевых госпиталей, уже подверглись атаке советских танковых батальонов и моторизованных бригад. Местечко защищали снабженческие части 3-й горной дивизии под командованием полковника Джобски.

На следующее утро у Горок полк вышел на неожиданные его силы противника и успешно вытеснил их с позиций. На следующий день два мотопехотных полка дивизии пробились на восток: 28-й полк подполковника барона фон Вольфа атаковал высоту восточнее Горок, а 8-й полк выступил в направлении Великих Лук.

2-й батальон 8-го мотопехотного полка капитана фон Минцлаффа, усиленный дюжиной захваченных танков, выбил русских из деревни Глазыри. Дела начали продвигаться.

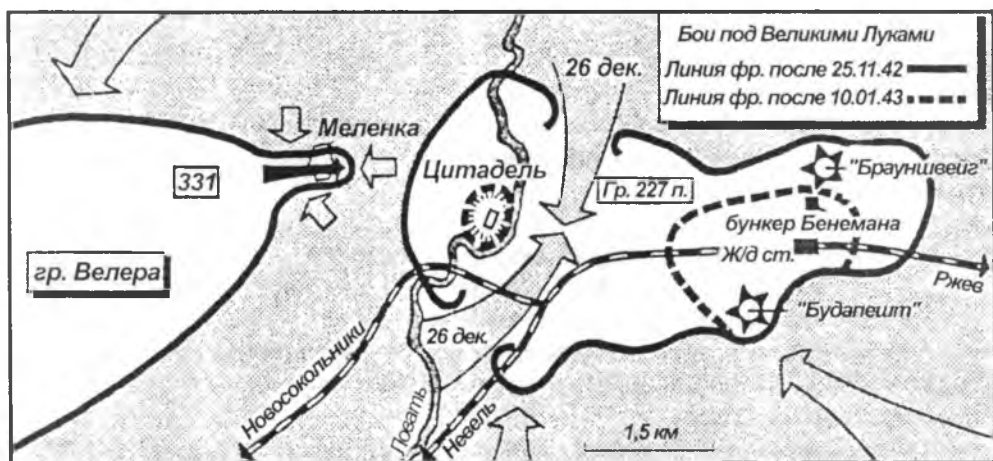
Майор Шмидт сдерживал противника теми немногими танками, что остались в 10-м танковом полку. Батальон Минцлаффа штурмом овладел высотой восточнее деревни. Оттуда они могли видеть пожары в Великих Луках. Опять наступил момент, когда не хватает того единственного батальона, который решает исход схватки. У танков Шмидта кончились снаряды, 1-й батальон все еще не подошел, 2-й батальон нуждался в перегруппировке для обороны. Вскоре противник снова собрался с силами, и советские полки начали контратаку.

На выручку опять пришел опытный 80-й артиллерийский полк полковника фон Скотти, непревзойденного мастера направлять и концентрировать огневую мощь своего полка. Артиллеристы несли основную нагрузку в сражениях с того самого времени, когда 8-я танковая дивизия практически лишилась бронетехники: всего лишь захваченные русские танки, несколько чешских боевых машин «Шкода-38»¹ и немецких Т-IV. Батальоны были остановлены. Даже вмешательство ударной группы Джашке с частями гамбургской 20-й мотопехотной и 291-й пехотной дивизий не смогло изменить ситуацию. Первая попытка добраться до окруженного города Великие Луки с северо-запада провалилась.

Полковник фон Скотти был в состоянии помочь осажденным лишь тем, что приказал выдвинуть свои длинноствольные орудия на передовую и обстреливать полки 3-й ударной армии генерала Пуркаева во время их ударов по городу.

Тем временем велась подготовка к деблокаде Великий Лук с юго-запада. Пока дивизии 59-го корпуса генерала Курта фон Шевалери обороняли линию вокруг Витебска, генерал Вёлер, бывший начальник штаба 11-й армии, сформировал группу, которая к 24 декабря уже находилась на расстоянии десяти километров от Великих Лук.

¹ Танки Т-38(ч).

Карта 33. Вторая атака с целью деблокировать Великие Луки тоже захлебнулась в нескольких километрах от города. Сопротивление внутри крепости было сломлено.

Ударные группы 291 и 331-й пехотных дивизий; части усиленного 76-го мотопехотного полка и 10-го танкового полка; 237-й дивизион штурмовых орудий продвинулись через Новосokolыники и уже видели окруженный город. Но там войска и машины, понеся тяжелые потери, застряли в глубоком снегу. Однако Велер не сдался.

Австрийская 331-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта доктора Франца Байера в итоге оказалась в четырех километрах от западной окраины Великих Лук, но дальше продвинуться не смогла.

Только четыре километра! Совсем не расстояние — но оно отделяло рай от ада.

Последнюю попытку предприняли 9 января. Ударная группа майора Трибуканта, командира 5-го батальона, пошла на крепость: несколько бронетранспортеров из 8-й танковой дивизии, танки 1-го батальона 15-го танкового полка и штурмовые орудия 118-го усиленного танкового батальона.

«Двигайтесь и стреляйте!» — таков был приказ. Не останавливайтесь. Экипажи подбитых машин должны были без промедления выбираться на броню других. Таким методом «безостановочного движения» Трибуканту действительно удалось прорваться через кольцо противника. Несколько его танков и бронетранспортеров остались на поле боя, но группа вышла к цели.

Точно в 15.06 истощенные люди Дарнедде увидели с крепостного вала цитадели свои танки. Они плакали от счастья и обнимались. «Они сделали это! — слышалось отовсюду. — У них получилось!»

Пятнадцать боевых машин с лязгом въехали во двор крепости, среди них последние три танка 1-го батальона 15-го танкового полка лейтенанта Коске. Однако военная удача снова отвернулась от батальона Дарнедде. Как только обоиденные русские поняли, что немцы прорвались внутрь, они сосредоточили на крепости огонь своей артиллерии.

Трибукант немедленно приказал танкам выбираться из небольшого двора среди руин, в который вела единственная дорога. Но все, казалось, теперь было против него. Именно в тот момент, когда один из пятнадцати танков проходил в ворота, в него попало четыре снаряда. Танк с разорванными гусеницами заблокировал выход другим. Небольшие силы

Трибукаита оказались в ловушке и превратились в мишень яростного огня из орудий всех калибров. Один танк за другим пали жертвой советской бомбардировки. Уцелевшие танкисты Трибукаита присоединились к обороняющимся в качестве пехоты.

15 января в крепость попытался пробиться парашютный батальон, но и эта попытка провалилась.

16 января в восточную часть Великих Лук пришла новая беда — в опорном пункте «Будапешт» началась дифтерия. Здание командного пункта 2-го батальона 277-го пехотного полка и перевязочный пункт с тремя сотнями раненых горели. Снаружи стояли русские танки. Теперь майор Швабе сдался. Подполковник фон Засс в своем разрушенном командном пункте тоже капитулировал.

Когда генерал Вёлер получил донесение о сложившейся ситуации, он решил положить конец трагедии внутри крепости и радировал майору Трибукаиту, который как старший офицер принял на себя командование с 9 января: «Пробивайтесь в западном направлении на соединение с основными силами».

Пробиваться — великолепно. А как раненые? Трибукаит посоветовался с Дарнедде. Они решили, что раненых придется оставить. Чтобы избежать паники, прорыв держали от них в секрете. Посвятили только офицера медицинской службы и четырех сапитаров, которые должны были остаться с ранеными и разделить их печальную судьбу. Капитану доктору Верхайму, офицеру медицинской службы, вручили запечатанный пакет для вскрытия только через два часа после прорыва.

В 02 часа ночи бойцы собрались, их осталось 180 человек. Все знали, что поставлено на карту. И они выступили с решимостью, на которую способны лишь смертники. Они прорвались через три советские полосы. Они подавили противотанковое орудие и два пулеметных гнезда. Они уничтожили русский опорный пункт и в 05 часов 30 минут, в конце концов, прибыли на основную немецкую оборонительную линию с семью пленными.

Раненые в крепости, естественно, поняли, что происходит. С полными ужаса глазами они прислушивались к каждому шороху. Они услышали слова команды, и как только стало тихо, началась ирреальная операция: тридцать раненых, которые полагали, что могут держаться на своих ногах, выступили под командованием лейтенанта и унтер-офицера. Восемнадцать из них после ужасающего пути оказались у своих.

Позднее и третья группа отправилась к немецким позициям.

В целом из восточной части Великих Лук вырвалось восемь человек, и после самых невероятных переживаний они пробилась к немецким рубежам. Восемь из тысячи. Одним из них был лейтенант Бенеман, командир 9-й роты 183-го артиллерийского полка. История его пути через линии противника — одна из самых драматичных одиссей из хроники спасений, составляющей особую главу войны в России. Она заслуживает места на страницах этой книги.

Дата — 13 января, время — 19.00. Несколько опорных пунктов еще держались среди железнодорожных насыпей. Лейтенант Бенеман посчитал людей в своем бункере. Сорок один. Двадцать из них, тяжелораненые, лежали на койках и на полу.

Люди представляли собой печальное зрелище. Несколько ночей подряд они стояли в окопах, немного холодного суррогатного кофе во фляжке и одна седьмая батона хлеба в ранце — вот и весь их дневной рацион.

В 22.00 прервалась связь с наблюдательным пунктом. Часовой, которого только что сменили в укрытии рядом с бункером, доложил:

«НП и командный пункт батальона расстреляны советским танком. Они горят».

Ясно, что артиллерийскому командиру майору Хеннигсу пришел конец. Меньше чем двенадцать часов назад он прозвонился в бункер: «Вы держите бункер, Бенеман! Я держу НП».

Людей клонило в сон, печем дышать. Раненые стонали, у санитаров не осталось ни морфия, ни бинтов.

На рассвете, около 07.00, Бенеман пошел в укрытие напротив, чтобы взглянуть самому. Дела принимали угрожающий оборот. Дом был сильно поврежден. В полу снаряд проделал большую дыру, через нее можно влезть под пол и смотреть, что происходит снаружи через пробойны в паружной стене.

Бенеман ясно видел на НП русских. Понятно, что скоро они атакуют бункер.

T-34 уже неторопливо двигался вдоль окопа. Бенеман наблюдал за ним и поэтому не заметил, что происходит сзади. Вдруг раздался шум, русские команды, выстрелы. Русские подошли к укрытию и бункеру с другой стороны.

Бенеман бросился под доски пола. Меньше чем в двух метрах от него, у внешней стены, стояли русские солдаты. Они бросали в дверь гранаты и стреляли из автоматов в амбразуры бункера.

Кто-то из немцев закричал: «Не стреляйте — мы сдаемся. Здесь все раненые!»

Русский ответил по-немецки: «Выходите!» Дверь бункера открылась. Люди Бенемана, пошатываясь, вышли с поднятыми руками.

«Где оружие?» — спросили первого немца. Он мотнул головой в сторону бункера.

«Несите. Быстрее, быстрее», — кричали русские. Люди вернулись и вынесли свое оружие и боеприпасы.

К этому времени на место прибыл переводчик. Он приказал пленным входить в укрытие с поднятыми руками.

Бенеман отполз как можно дальше от дыры в полу и вжался в угол. Сверху начался допрос.

«Офицер?» — первый вопрос, как обычно. Потом: «Профессия?» Когда отвечали «рабочий», переводчик говорил: «Хорошо».

«Крестьянин? Хорошо».

Один из них ответил: «Служащий». И переводчик сказал:

«Тоже хорошо».

Один вопрос задавали постоянно: «Фото?» Это означало фотоаппарат. Но только один немецкий унтер-офицер имел этот желанный предмет.

После допроса пленных заставили прыгнуть в окоп. «Быстро, быстро!» Затем их повели к «Красному дому».

Раненые натягивали на плечи шерстяные одеяла и шли, шатаясь. Плохого обращения не было, только непрерывные крики: «Давай, давай — быстрее, быстрее!» Сопровождаемые нервным и угрожающим лязгом ружейных затворов.

Весь день Бенеман пролежал под полом укрытия. В середине дня прошла длинная колонна пленных, человек 500—600. Они являли собой страшное зрелище. Несколько офицеров шли по снегу в носках, у них отняли ботинки.

«Все, что угодно, только не это, — подумал Бенеман. — Все, что угодно». В эту минуту человек из Нижней Саксонии принял решение: плен не для него. У него не было карты — только карманный компас. В карманах — пистолет, восемь патронов и днев-

ная пайка, одна седьмая батона хлеба. Вот и все его снаряжение. Хватит ли, чтобы пересечь огромное болото и выйти к главным немецким силам?

Было 19 часов 30 минут. Начинаясь первая ночь исхода Бенемапа. Он выполз из своего укрытия, выпрыгнул из окна, смело прошел по окопу и потом скатился по склону направо.

Яркая луна заливала зловещим светом разоренную землю, снег похрустывал под его ботинками. Теперь осторожнее. Бенемап подошел к месту, где русские разрезали колючую проволоку, чтобы вывести пленных.

Именно здесь намеревался выскользнуть и Бенемап. «Стой», — позвал голос. Бенемап продолжал бежать. Снова возглас: «Стой!»

Дьявол. Он упал в снег. С полчаса притворялся мертвым. Потом пополз вперед, через проволочное ограждение.

Неожиданно вокруг все зашевелилось. Русские солдаты собирали неоседланных лошадей и гнали их в направлении Максимова. Это была удача. Один человек, идущий с табуном, не будет привлекать внимания.

Бенемап спешил. Вдруг он остановился: и правда, кто-то скрюченный лежал на снегу. Не двигается. Он осторожно приблизился — мертвый немецкий солдат. Через пятьдесят метров — другой. Ужасающие знаки вдоль дороги. Через каждые тридцать—пятьдесят метров лежал бездыханный солдат. Свернувшийся калачиком. Или завернувшийся в одеяло. Или полностью растянувшийся на снегу. Все они раненые, очевидно, хотели немного отдохнуть на пути в плен и при этом замерзли до смерти.

Еще долго его сопровождали эти страшные дорожные знаки. Бенемап шел, не останавливаясь. Ночь была ясной и тихой. Он взглянул на компас. Четыре дня назад он взял азимут на триангуляционной точке в четырех километрах северо-западнее города. Туда он теперь и направлялся.

Болото во всех направлениях пересекали следы сапей. При приближении советской санной колонны Бенемапу приходилось прятаться в кустарнике.

Через четыре километра он оказался в триангуляционной точке и поспешно перебежал первый большой путь снабжения с востока на запад. За эту ночь ему нужно было пересечь еще шесть—восемь таких укатанных снежных дорог. Вдоль дороги или по снежным сугробам пролегалли русские телефонные кабели. В эту первую ночь Бенемап перерезал их перочинным ножом. Потом он уже не делал лишних движений.

Транспорта было немного. Он видел не больше двадцати машин, все они двигались уверенно с включенными фарами. Им, естественно, нечего было опасаться партизан. К 24.00 Бенемап вышел к замерзшей реке Ловать. Ему нужно было ее перейти, на другой стороне параллельно реке шла дорога из Невеля в Старую Руссу. Он пошел на север.

Около 05.00 он перешел Несву, а потом последнюю дорогу с востока на запад около деревни Молоди. Бенемап узнал об этом, наблюдая местность в свой бинокль: Молоди была единственной деревней, которая выступала из леса.

Начинало светать, а дневной свет — враг диких животных и людей в бегах. Ему нужно было найти укрытие. Он нашел его в сотне метров от дороги — заросли шивяка больше шести метров высотой. День тянется долго, а при двадцати градусах ниже нуля, когда человек вынужден оставаться на одном месте, он и вовсе кажется бесконечным. Лейтенант посчитал вокруг себя деревья, высчитал расстояния и каждые пол-

часа делал десять приседаний. Потом, для разнообразия, бегал на месте или стучал по телу руками.

Наконец спустились сумерки. Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как он вышел в путь.

Он спал только стоя и сосал снег, когда хотел пить. Чтобы справиться с голодом, он ел хлеб маленькими кусочками. Он отламывал практически крошку и долго ее жевал. Если он жевал достаточно долго, хлебный мякиш совсем размякал. Прежде всего, ему нужно было не торопиться, проглатывая его.

Во вторую ночь продвижение было особенно трудным. Сначала его путь лежал через густой лес, а снег был глубоким. Потом через плоское болото с высокими зарослями камыша и ивняка. Бенеман устало шел вперед и во второй раз вышел к реке Несва. И тут это случилось. Он подскользнулся, скатился по крутому берегу и ударился головой об лед. Поднялся на ноги, восстановил дыхание. А прямо напротив него, на противоположном берегу замерзшей реки за ним с любопытством наблюдал советский часовой. Русский щелкнул затвором винтовки, но не более.

Бенеман прирос к земле. Прошла минута. Две минуты. На берегу появился второй русский. Они обменялись несколькими словами. Второй сбегал с берега и крикнул: «Пароль!»

Бенеман побежал. Сзади просвистели пули. Он вскарабкался на берег, бегом бросился к канаве, упал в нее и прижался к земле. Вокруг него раздавались голоса.

«Они найдут тебя, найдут», — повторял он себе. Но его не нашли. Луна зашла, стало темно. Это спасло Бенемана. Когда звуки удалились, он продолжил путь, теперь на запад. Он установил свой компас на 40 — направление яркой звезды, и держался этого курса.

Вокруг стоял темный густой лес. Зигзагообразные следы животных в глубоком снегу были единственным свидетельством жизни. Бенеман пошел по следам. Здесь не нужно было бояться наткнуться на человека, поэтому он продолжал идти, даже когда стало светло. В 08.00 лес закончился, его окружал высокий камыш. Бенеман ступал медленно и осторожно.

Неожиданно послышались голоса. Он выглянул из камыша, затаил дыхание, увидел, что находится прямо в середине полосы советских сторожевых застав. Каждые две сотни метров пулемет, перед ними и между ними — часовые с винтовками.

Он пополз в снежную яму, оттуда осмотрелся. Сжевал последнюю крошку хлебной корки и проглотил несколько пригоршней снега.

Время шло. Мороз пробирал до костей, охватывал мозг и сердце. Его дыхание замедлилось, Бенеман посчитал пульс. Сорок пять ударов в минуту. Почти критическая точка, за ней смерть от холода.

В 17.00 русских часовых стали менять. Вот его возможность. Низко наклонившись, Бенеман пошел между часовыми. Однако проскользнуть через линию фронта в ярком свете лупы надежды не было. В то же время у него не было сил ползти обратно.

Невзирая ни на что, он пошел обратно, повернул на север. Откуда-то справа крикнули: «Пароль!» Он не обратил внимания. Раздалась одна автоматная очередь и три короткие из пулемета.

Он пересек открытое пространство, обходя заросли, в которых стояли заставы, прошел немногим больше километра и неожиданно оказался в середине основной обо-

ропительной линии русских. Теперь он знал, где находится линия фронта. Пулеметный огонь в западном направлении позволил ему различить позиции. Согнувшись вдвое, он пошел через линии, потерял перчатки, разорвал шапку на две части и завернул в них руки, чтобы не обморозить их, разгребая снег.

Силы теперь быстро иссякали. Он разговаривал сам с собой, почти вслух. «Я больше не могу идти», — сказал он и осел. Но через мгновение снова поднял себя: «Я могу еще немного!»

Это повторялось каждые полчаса. Каждый раз он оставался в снегу до той самой критической точки, за которой безразличие может означать смерть. И каждый раз заставлял себя подняться. Он шел по заячьему следу, идущему на свет луны, на запад. С 02 часов планета Венера указывала ему направление. В 04 часа, в конце третьей ночи и начале третьего дня, он вдруг оказался перед амбаром, внутри было сено. Он упал. Спать!

Однако голод, жажда и боязнь замерзнуть до смерти не позволили ему отдаваться лихорадочной дремоте больше двух часов. Он снова поднял себя. Он не мог умереть в этом амбаре, он должен выйти. Он вышел наружу. Рассветало. Он побрел вперед, увидел несколько изб.

«Пароле!» — крикнул кто-то. Пускай кричат. Он равнодушно переставлял ноги. Десять шагов. Двадцать. Вдруг что-то пронеслось в его мозгу: «Что сказал тот голос? Пароле? Это последнее «е» — точно не может быть частью русского слова? А вдруг?..»

Но думать было слишком трудно. У него получалось очень медленно. Его мозги, казалось, замерзли, как камень.

Он протаскился по открытому месту еще метров пятьсот, но мозги продолжали мешать. Пароле! Может, это немец его спрашивал?

Наступал день. В дневном свете он смог различить железнодорожную колею. Железная дорога! Вдруг он снова стал опытным офицером-артиллеристом. Это, должно быть, линия на Локню, часть магистрали Одесса—Ленинград. А этот участок, между Локней и Новосокольниками, западнее Великих Лук, был в руках немцев. Он знал это точно. В последней боевой сводке, которую он слушал на своем НП, сообщали, что этот сектор железной дороги в ходе операции по деблокаде заняла ударная группа 8-й танковой дивизии.

Нет оснований сомневаться. Так или иначе ему конец. Поэтому он развернулся и побрел к избам, к человеческому жилью. Добрался до одинокой избы, достал пистолет, постучал. Дверь открыл старик, уставился на него. Бенеман показал внутрь: «Немцы или русские?»

Старик покачал головой: «Немцы», и показал на каменный дом. Бенеман вывалился из двери, потащился напротив. Его губы задрожали при виде знака на входе: 5-я рота 80-го полка самоходных орудий. «8-я из Коттбуса», — пробормотал он. Он знал знаменитую 3-ю легкую дивизию, которую в 1940 году преобразовали в 8-ю танковую дивизию, она воевала на северном и центральном фронтах.

Он ввалился в дверь, в большую комнату, где располагался командный пункт. Все окаменели, увидев в дверях это привидение, — изнуренную фигуру с рукой, завернутой в кусок камуфляжной шапки, бородатым лицом, обезображенным морозом.

Похожий на привидение человек завороченно смотрел на железную печку и белый эмалированный немецкий армейский чайник, в котором разогревался суррогатный кофе.

Он поднял его, поднес к губам и начал пить. Все пил и пил. Потом поставил. И только потом произнес первые слова: «Я пришел из Великих Лук».

Тогда остальные вскочили на ноги и подставили ему стул. Он упал на него и смеялся, смеялся. По его обмороженному белому лицу ручьями текли слезы. Он шел шестьдесят часов, на жестоком морозе прошел сорок километров. И его не поймали. Он спасся из ада Великих Лук — он, лейтенант Бенеман, из 9-й роты 183-го артиллерийского полка.

Таким образом Бенеман избежал плена и последующей мести фанатичного советского руководства. После войны они собрали из своих лагерей воевавших в Великих Луках немцев, привезли их обратно в крепость и там судили трибуналом. По одному человеку каждого звания приговорили к смертной казни через повешение — одного генерала, одного полковника, одного подполковника, одного майора, одного капитана, одного лейтенанта, одного унтер-офицера, одного обер-ефрейтора и одного рядового.

29 января 1946 года их публично повесили в Великих Луках на площади Ленина. Среди повешенных был командир 277-го пехотного полка и бывший комендант города, командиры рот, железнодорожники, младшие командиры и рядовые. Всех остальных, которых смогли собрать, приговорили к двадцати или двадцати пяти годам тюремного заключения. Только одиннадцать из них дожили до возвращения в Германию между 1953 и 1955 годами.

Вот что происходило в Великих Луках, одной из ключевых точек зимнего сражения 1942—1943 годов. Конец этой решающей операции положил генерал более могущественный, чем кто-либо на любой из сторон, — грязь.

Часть четвертая

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

1. Что дальше?

Мобилизовано 11 200 000 человек — Наступление или оборона — Бей врага, когда он обескровлен — Неверное решение.

Кто не видел русской распутицы, тот не знает, что такое грязь. В конце марта 1943 года пришла оттепель, и война на земле остановилась. Все ботинки, все машины, все военные передвижения застряли в глубоком месиве. Фронт зафиксировался. Он шел от Ленинграда через Старую Руссу по выступам у Орла и Курска к Белгороду, потом вдоль Дона и Мюса вниз к Азовскому морю. На Кубанском плацдарме стояла 17-я армия, охраняя подходы к Крыму и таким образом прикрывая южное крыло немецких армий на Востоке. Эта линия фронта, закостеневшая в грязи, положила конец кризисному периоду. Большой оползень, вызванный крахом Сталинграда, был остановлен, главная опасность немецкому фронту на Востоке предотвращена, ситуация стабилизировалась.

Однако грязь высохнет, и за оттепелью последуют весна и лето. И что будет тогда? В этом состоял стратегический вопрос. Как следует продолжать войну на Востоке, принимая во внимание войну в целом? Две кампании с целью поставить Советский Союз на колени полностью провалились.

Как, учитывая эти поражения и сложности, нужно строить стратегию на Востоке? На что может надеяться немецкое командование? Осталась ли вообще какая-либо надежда?

Одно было ясно. Весенняя распутица 1943 года предоставила немецкому командованию драгоценную передышку. С ликвидацией емких выступов впервые за многие месяцы появились резервы. Время, резервы и вооружение — вот три основные составляющие войны.

Когда у Адольфа Гитлера возникла идея операции «Цитадель», он думал не только о военном походе. Его секретная директива, датированная апрелем 1943 года, требующая отправлять в Германию с завоеванных территорий всех военнопленных и работоспособных гражданских, показывает, насколько ясно он осознавал трудности в немецкой экономике. Не хватало не только солдат, но и рабочих. И чем больше людей в Германии призывалось на военную службу, чтобы увеличить армию, тем меньше их становилось на военных заводах, шахтах, транспорте и полях.

В январе 1943 года Верховное главнокомандование Вермахта затребовало 800 000 человек — но даже самый безжалостный призыв смог предоставить только 400 000.

Карта 34. Шестьдесят одна советская армия выстроилась перед немецким фронтом после Курской битвы. Что будет дальше?

Эти люди были потеряны для военной промышленности, и их места поэтому требовалось заполнить иностранными рабочими, прежде всего с Востока.

Неудивительно, таким образом, что в своих «Инструкциях по захвату военнопленных, рабочей силы и трофеев» Гитлер сформулировал, что важной целью всех военных операций, не считая уничтожения войск противника, является захват военнопленных и гражданских лиц для работы на военных объектах. Война возвратилась в свою самую примитивную форму: ее цель снова — трофеи и рабы.

Эти усилия принесли свои плоды. В мае 1942 года в армии было 9,4 миллиона человек, весной 1943 года это количество возросло до 11,2 миллиона. Тем не менее гражданских рабочих в это время стало 36,6 миллиона человек, тогда как в мае 1942 года было 35,5 миллиона. Другими словами, Германия имела на два миллиона больше солдат и на один миллион больше рабочих.

Заметно увеличилось и производство, несмотря на воздушные бомбардировки и опасения по поводу продовольствия. Альберт Шпеер, новый босс военной промышленности, организовал массовое производство важнейшей военной продукции. Тогда как в начале 1942 года в месяц производилось только 350 танков и 50 штурмовых орудий, к началу 1943 года количество производимых танков увеличилось в два раза, а штурмовых орудий — в четыре.

Искусство инженеров и руки миллионов мужчин и женщин на разбомбленных фабриках сотворили — другого слова не подберешь — новое оружие. Это, прежде всего, тяжелые танки «Тигр» типа I и IA, новый средний танк «Пауэра», огромные штурмовые орудия типа «Фердинанд», тяжелые самоходные противо-

танковые и зенитные орудия. Все надеялись, что эти успехи инженеров изменят ситуацию на полях сражений.

Лишь в одной области наблюдалась странная и необъяснимая бездеятельность — немецкое военное руководство оказалось не способно расслышать приближающиеся шаги атомной эры. Немецкие физики постоянно писали докладные записки и поднимали этот вопрос на конференциях. Они указывали на возможность разработки абсолютно нового типа оружия, основанного на феномене ядерного деления. Однако управление военных разработок отклоняло их предложения, поскольку было «принципиально решено», что не будет приниматься к рассмотрению оружие, разработка которого требует более девяти месяцев.

Легко, оглядываясь в прошлое, утверждать, что в 1943 году войну в любом случае уже нельзя было выиграть. Немецкие военачальники понимали это уже тогда. Перед ними стоял вопрос: «Что можно сделать, чтобы она не закончилась катастрофой?»

Ответ не обязательно указывает на политическую революцию, восстание или убийство тирана, а раскрывает другие более или менее революционные варианты.

Трезвая оценка военной и экономической ситуации показывает, что с военными успехами весны 1943 года и новой экономической мобилизацией немецкое командование получило еще один шанс выработать продуктивную стратегию войны в России: стратегию, базирующуюся уже не на возможности завоевать огромный Советский Союз — пагубная иллюзия, — а на упрямом факте, что немецких сил в лучшем случае хватит на то, чтобы ослабить Красную Армию и поколебать власть Сталина настолько, что Кремль пойдет на переговоры. Не победа, но ничья. Таков был естественный вывод из прошлого опыта. Поймет ли Гитлер настоятельную необходимость, сумеет ли вовремя повернуть руль?

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, человек, проявивший себя как один из самых важных генералов на всех фронтах, являлся принципиальным сторонником идеи, что войну на Востоке надо вести так, чтобы, по крайней мере, не кончить военной катастрофой. Такое ведение войны, разумеется, не скроет провала кампании, но все-таки сделает его менее заметным.

К тому же правду уже и так больше нельзя было скрыть. План, стоявший за операцией «Барбаросса», план разбить Советский Союз быстрым блицкригом, овладеть его экономическими богатствами и захватить в клещи позиции Британской империи в Африке, на Ближнем Востоке и Персии гигантской операцией через Кавказ и Египт — этот план провалился раз и навсегда после отступления немцев из Эль-Аламена и с Кавказа. Вот почему немецкому командованию теперь нужно было удовлетвориться много меньшим и попытаться добиться на Востоке урегулирования путем переговоров.

Решительный момент наступил. Целая эпоха оказалась на перепутье. Но еще оставалось время предотвратить нависшую катастрофу, исправить ошибку 22 июня 1941 года. История грозно встала на линии фронта от Балтики до Черного моря. Редко судьба до такой степени висит на волоске. В то же время — действительно ли оставался шанс на ничью?

Дорога от Сталинграда до Донца недешево обошлась и русским. Сталин не достиг поставленной цели — окружить немецкий южный фланг. Красная Армия понесла тяжелейшие потери.

Каковы же тогда были перспективы? Генерал-фельдмаршал фон Манштейн думал так: «Наступление с далеко идущими целями, подобное тем, что мы осуществляли в предыдущие годы, теперь нам не по силам. Придется ограничиться обороной».

Оборона! Какого рода оборона? Существует два вида оборонительных операций — жесткая оборона всех завоеванных территорий и гибкая оборона, соединяющая отступления и контратаки. Жесткая оборона была не реальна, у Германии не хватало для этого сил: фронт от Черного моря до Северного Ледовитого океана оказался слишком длинным, чтобы превратить его в непреодолимую оборонительную линию. Группа армий «Юг», например, имела только сорок одну боевую и три охраняющие дивизии на участке фронта в 760 километров. Согласно правилам оборонительной стратегии, нужно было на двадцать—тридцать дивизий больше. При жесткой обороне существовала опасность, что русские, при их огромном количестве людей, артиллерии, танков и воздушных сил, атакуют с сокрушительным превосходством в нескольких местах одновременно и прорвут немецкий фронт.

Советское Верховное Главнокомандование действительно, в течение зимы 1942—1943 годов овладело этой моделью в совершенстве. Как только участок немецкого фронта был прорван, русские немедленно направляли крупные ударные соединения в другой.

Таким образом, немецкое командование было вынуждено постоянно перебрасывать свои стратегические резервы и немногочисленные подвижные соединения, чаще всего не успевая доставить их в нужное место вовремя. В результате — советские вклинения, окружение отдельных участков фронта и, наконец, отступления, влекущие за собой серьезные потери в живой силе и технике. Сражение между Кавказом, Волгой и Донцом — прекрасная тому иллюстрация.

Ясно, что в 1943 году стратегия упрямо держаться за свои позиции уже не оставляла надежды на успех. На чем же тогда строилась вера Манштейна на ничью? Манштейн говорил: «Нам остается использовать те факторы, в которых Германия пока еще превосходит противника. Даже будучи вынуждены уйти в оборону, мы должны пытаться нанести противнику болезненные удары, причиняющие значительный ущерб, потерю большого количества личного состава и, в общем, предрасполагающие его к переговорам. Нам нужно создать себе возможность осуществлять эти мобильные операции, которые составляют нашу главную силу».

Другими словами, идея заключалась в том, чтобы не уходить в оборону полностью, а позволить противнику идти в наступление, а потом, когда его наступательные силы истощатся, нанести удар. Манштейн практически продемонстрировал действенность такой стратегии весной 1943 года в крупном оборонительном сражении в междуречье Дона и Днепра. Если войну приходилось продолжать — а требование «безоговорочной капитуляции», выдвинутое тем временем союзниками в Касабланке, не оставляло Германии альтернативы — тогда только стратегия Манштейна давала надежду избежать несомненного военного поражения.

Но все, кто думал, что Адольфа Гитлера можно убедить признать факты и отказаться от своих экстравагантных планов, были горько разочарованы. Как только отступления и сокращение линии фронта весной 1943 года предоставило ему небольшие тактические и стратегические резервы, он начал предаваться лихорадочным ил-

люзиям. Самопадеющая гордыня Гитлера была сильнее его рассудительности. Он снова поддался искушению пойти в наступление. Курский выступ, этот балкан между Орлом и Белгородом, соблазнил его предпринять операцию на окружение, названную «Цитадель».

На эту карту он поставил все свои резервы, в частности танковые войска, которые только что были реорганизованы Гудерманом. Он желал уничтожить основную часть советских танковых соединений, сконцентрированных на Курском выступе и непосредственно за ним, и таким образом ликвидировать весь главный советский резерв 1943 года. Он верил, что в результате решающего сражения он возвратит себе инициативу на Восточном фронте. Он в самом деле мечтал о том, что за этой операцией последует наступление на Москву.

Гудерман, Манштейн, Модель и многие другие генералы закликали его оставить эту фантазию. Они указывали ему на риск подобных операций и, конечно, на недопустимость дальнейшего откладывания летнего наступления. Штаб оперативного руководства тоже выступал против: ввиду растянутости фронта и угрозы вторжения на Западе и в Италии резервы могли понадобиться везде. Были дни, когда Гитлер прислушивался к их предупреждениям, когда он колебался и почти отказывался от своего рискованного предприятия. Но в конце концов он бросил все, что имел, в кровавую битву под Курском.

Мы уже знаем, что произошло. Операция «Цитадель», раскрытая агентурой, потерпела неудачу. Стратегические резервы, только что с таким трудом сформированные и пополненные, были израсходованы; новые танковые войска с первыми батальонами «Пантер» и ротами «Тигров» сошли на нет в атаках на мощные советские оборонительные порядки Курского выступа.

И тут разразилась катастрофа. Советское командование сделало именно то, что Манштейн советовал делать Гитлеру, — ударило, когда противник растратил свои силы. Когда Курская битва достигла кульминации, русские предприняли полномасштабную атаку в тыл армии Моделя, наступавшей с севера на юг. На севере Курского фронта они, таким образом, заставили немцев прекратить наступление и, воспользовавшись замешательством, прорвали линии 2-й танковой армии в районе Орла.

Там, с 12 июля 1943 года и далее, отвлекающая советская атака севернее Курска развернулась в ожесточенное оборонительное сражение, в которое была вовлечена значительная часть наступавшего фланга 9-й армии. И хотя катастрофический прорыв в глубокий левый фланг южного крыла группы армий «Центр» снова был блокирован, русские тем не менее добились прекращения операции «Цитадель» в тот самый последний момент, когда Манштейн и Модель могли привести ее к победному исходу.

В результате положение немецкого Верховного командования теперь было хуже, чем до стабилизации фронта весной 1943 года. Почти все его резервы были растрачены: основные моторизованные силы на Восточном фронте либо уничтожены, либо сурово потрепаны. Линия напряжена до критического состояния. Наступил момент, которого Советское Главнокомандование дождалось двенадцать месяцев, момент, о котором Сталин мечтал с лета 1942 года. Гитлер упустил не только победу, но и надежду на ничью.

2. Последствия Курской битвы

Русские наступают на всех участках — Белгород и Орел потеряны — Драма в Ахтырке — «Ваш генерал все еще в лесу?»

Несмотря на сложившуюся в середине 1943 года чрезвычайно сложную ситуацию, немецким армиям на Востоке все-таки удалось достичь и некоторых замечательных успехов. 2-я танковая и 9-я армии под командованием генерал-полковника Моделя записали на свой счет исключительные оборонительные победы на Орловском выступе. Измотанные боями дивизии опять предотвратили советский прорыв к Брянску и Днепру.

Однако Красная Армия не остановилась. 17 июля крупные силы двух фронтов по обеим сторонам Изюма атаковали позиции немецкой 1-й танковой армии на Среднем Донце. Генерал-полковник фон Макензен со своим ослабленным корпусом все-таки отбил атаку и сдержал противника. Однако по фронту 6-й армии генерала Холлидта на Миусе — реке около Азовского моря, за которую ожесточенно сражались уже с декабря 1941 года, — русские прорвались восточнее Сталина, у Куйбышево, на восточный берег Миуса и в дальнейшем до Мариновки в секторе саксонской 294-й пехотной дивизии. 513-му гренадерскому полку пришлось оставить небольшой городок, однако дивизия смогла блокировать опасный прорыв.

Маштейн бросил туда с севера танковый корпус СС, сюда — опытную 16-ю мотопехотную дивизию и впоследствии также 23-ю танковую дивизию. Этим подвижным соединениям удалось предотвратить самую серьезную угрозу, остановив советское наступление в сердце Донецкого бассейна. Однако, чтобы окончательно ликвидировать опасность, паличных сил уже не хватало. Повторялась губительная ситуация «слишком мало и слишком поздно».

Практически как только танковый корпус СС завершил контратаку и к 3 августа вышел на старую основную оборонительную линию вдоль фронта 6-й армии, его пришлось снова отозвать и перебросить на север.

Правда, теперь началась долгожданная эвакуация Кубанского плацдарма, 13-я танковая дивизия и другие формирования двинулись из Крыма на север. Но когда на Миусе и Среднем Донце урегулировали опасную ситуацию, обрела очертания новая серьезная угроза в районе Белгорода, на северном крыле группы армий «Юг». Немецкая воздушная разведка обнаружила крупные силы советских войск восточнее города. Крупномасштабное наступление советского Воронежского фронта через Харьков на Днепр казалось неминуемым.

Сталин намеревался повторить попытку, неудавшуюся весной 1942 года: он хотел отрезать немецкие армии группы армий «Юг» от их тыловых коммуникаций и нанести им, а также армиям группы «А» сокрушительное поражение. Генерал армии Ватутин и член Военного совета Никита Хрущев 3 августа 1943 года после мощной артиллерийской подготовки предприняли полномасштабное наступление с обеих сторон города; в этом наступлении они задействовали пять армий.

Согласно советским источникам, Ватутин имел шестикратное превосходство в артиллерии и танках. На участке прорыва на километр линии фронта приходилось 370 орудий и минометов; за стрелковыми дивизиями стояли корпуса еще двух элитных тан-

ковых армий, 1 и 5-й гвардейской. Их бронетехника составляла огромную ударную мощь — 112 танков на километр фронта.

Жесточкий бой разгорелся в секторе 2-й танковой армии в районе Орла. Но дальше на юг положение было еще хуже. В то время как 6-й армии пока удавалось держаться на своей недавно отвоеванной основной оборонительной линии, катастрофа на Южном фронте быстро надвигалась с обеих сторон Белгорода, где немецкий фронт был серьезно ослаблен переброской нескольких подвижных формирований в 6-ю армию и на южное крыло группы армий «Центр» у Орла.

Через три часа сражения советские стрелковые дивизии 5 и 6-й гвардейских армий глубоко вклинились в немецкие порядки. Ватутин выслал вперед две свои танковые армии. Они вспоролли немецкий фронт на стыке 4-й танковой армии Гота и его соседа с юга, оперативной группы «Кемпф»; глубоко вклинились в немецкую оборонительную зону, обошли Харьков и направились к Полтаве. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн немедленно стянул тактические резервы со всех частей своего фронта, но Белгород уже нельзя было спасти.

К довершению бедствия, Модель увязал в еще более серьезных проблемах на Орловском выступе. 2-й танковой армии, в конце концов, пришлось оставить Орел, чтобы избежать риска опасного окружения.

Белгород пал! Орел пал! Харьков в безнадежном положении! Может, общий коллапс на этот раз неизбежен?

Кремль, естественно, полагал именно так, и вечером 5 августа Сталин впервые с начала войны приказал произвести в Москве оглушительный артиллерийский салют. В специальных сообщениях величественно объявляли: Белгород и Орел освобождены. Два исторических, стратегических и транспортных центра Украины и Центральной России взяты. Празднование и комментарии ясно показывали, что Кремль больше не боится в будущем потерять эти города. Русские понимали, что они на пути к победе. И салюты в Москве вдохновляли советских командиров в районе Белгорода на достижение большой цели, поставленной маршалом Сталиным девять месяцев назад, — оттеснить немецкую группу армий «Юг» от Днепра в направлении Азовского моря и там ее уничтожить.

Судьба Манштейна уже предreshена? Между 4-й танковой армией Гота и оперативной группой «Кемпф» зияла опасная брешь в пятьдесят пять километров. Дорога для русских на Днепр была широко открыта. Более того, Гитлер облегчил Сталину задачу, приказав 11-му корпусу генерала Рауса, отступавшему по шоссе в направлении Харькова, двигаться в город. И снова скомандовал: «Харьков удержать лобовой ценой».

Генерал-полковник Гот отвел свою 4-ю танковую армию обратно на юго-запад, чтобы организовать новый оборонительный рубеж севернее Харькова. Вопрос был в том, возможно ли это. Нижнесаксонская 19-я танковая дивизия с 48 и 3-м танковыми корпусами участвовала в тяжелых боях на участках советского прорыва и в это время пробивалась обратно через русские позиции.

В середине дня 6 августа генерал-лейтенант Густав Шмидт, командир 19-й танковой дивизии, находился на командном пункте 48-го танкового корпуса. Командир корпуса генерал фон Кнопельсдорф показал ему на карте, где он собирается установить линию заграждения 4-й танковой армии в районе Грайворон—Ахтырка. «Главное, как можно скорее доставить туда наши силы, Шмидт. Передовые части дивизии «Великая

Германия» уже заняли свой участок. Нам нужно остановить русских, иначе всю группу армий ждет полная катастрофа!»

Шмидт кивнул и уверенно сказал: «Мы сможем, господин генерал!» Он повел свои полки в направлении Ахтырки. Однако он не знал, что русские уже нагнали его дивизию. Советские танковые соединения находились у него в тылу и утром 7 августа перерезали шоссе у Грайворона, где должна была пройти новая отсечная траншея корпуса.

Никто не заметил надвигающейся беды. Только несколько часов назад транспортные части 19-й танковой дивизии спокойно прошли по этой дороге. Ничего не подозревающая дивизия направлялась в Ахтырку, чтобы подготовиться к бою новые рубежи.

Генерал Шмидт на своем командирском танке шел впереди колонны. Его радист вертел ручки рации и заметил адъютанту лейтенанту Кёне: «Необычная напряженность радиообмена русских. Они болтают так оживленно, как будто находятся в разгаре сражения».

Кёне не успел ответить. Как гром среди ясного неба посыпались противотанковые снаряды. Они летели из леса с обеих сторон шоссе и точно накрыли колонну. Машинны разворотило. Море огня. Запах гарни. Дым.

Взрыв прямо перед танком командира дивизии остановил его в воронке. «Вылезайте!» — крикнул генерал. Экипаж выпрыгнул в придорожную канаву.

Теперь на дороге появились Т-34 и за несколько минут добились колонну. Лейтенант Кёне видел, как пулеметной очередью убили подполковника фон Унгера, начальника оперативного отдела. Один Т-34 шел прямо на них. Немцы друг за другом побежали в лес. Русские были везде. Они как смогли укрылись за стволом большого дерева — генерал, лейтенант Кёне, обер-ефрейтор Шутте, их водитель и радист. Всю их огневую мощь составляли два карабина и два пистолета.

Тут их заметила группа русских пехотинцев и начала стрелять. Очень скоро в их карабинах закончились патроны.

Генерал что-то шепнул Кёне, потом громко сказал Шутте и радисту: «У нас нет надежды. Вы двое попытайтесь прорваться. Лейтенант Кёне и я постараемся отвлечь русских и прикрыть вас огнем».

Шутте с удивлением посмотрел на своего генерала. Отвлечь русских? Прикрыть огнем? Когда они знают, что в пистолетах у генерала и Кёне осталось только по патрону?

Генерал-лейтенант Густав Шмидт из Каршторф-он-Унштруте, родившийся в 1894 году, кавалер «Железного креста» с дубовыми листьями, догадался, о чем думает его водитель, боевой товарищ в течение многих лет, улыбнулся и повторил с притворной суровостью: «Идите: это приказ! — И добавил, обращаясь к Шутте: — Если у вас получится — найдите мою жену, передайте, что я люблю ее, и расскажите ей все».

Они побежали. Сначала радист. Потом водитель. Им не удалось убежать далеко. Они попали прямо к русским, их взяли в плен и доставили в старый сарай, где располагался командный пункт дородного генерал-майора. Когда их допрашивали в присутствии генерала, вошел лейтенант и что-то доложил.

Русский через переводчика спросил Шутте: «Ваш генерал все еще в лесу?»

Шутте осторожно ответил: «Мы не знаем, где генерал».

Тогда советский генерал отправил их обратно с русским лейтенантом, пятью солдатами и ручной тележкой. Тела генерала Шмидта и лейтенанта Кёне лежали под деревом.

Когда отряд с двумя мертвыми вернулся в штаб русской бригады, Щутте и радист вытянулись перед русским генералом, и Щутте сказал: «Господин генерал, мы просим разрешения похоронить наших генерала и лейтенанта».

Переводчик перевел. Советский генерал кивнул и сказал своему лейтенанту: «Покажите им хорошее место!»

Они похоронили своих погибших на краю деревни Березовка. Было 7 августа 1943 года, 15.00 часов. Через пять лет и три месяца обер-ефрейтор Щутте вернулся домой из советского плена.

Часть пятая

НА ДНЕПР

1. Четвертая битва за Харьков

11-й корпус в безнадежном положении — Пашика в 282-й пехотной дивизии — Советские танки входят в город — 6-я танковая дивизия спасает день — Т-34 Ротмистрова бегут в укрытие — Драма у моря подсолнухов — Гитлер: «Харьков сдавать нельзя» — Манштейн: «Лучше я потеряю город, чем армию» — «Мой фюрер, я прошу свободы действий».

Полковник Зёргель, командир 73-го мотопехотного полка, принял командование шж-несаксонско-вестфальской 19-й танковой дивизией после смерти генерала Шмидта. Русские энергично наступали, и основная часть дивизии в результате оказалась в мешке у Грайворона, где уже находились 255-я пехотная дивизия, части 57 и 332-й пехотных дивизий, а также силезская 11-я танковая дивизия. Командование этими силами взял на себя генерал Поппе.

Четыре советские армии атаковали окруженные ежами позиции ударных групп, но прорвать стены мешка не смогли. Напротив, 11 и 19-я танковые дивизии, сконцентрировав все свои штурмовые орудия и танки, пробили коридор, и в драматичной борьбе окруженные полки пехотной дивизии сумели прорваться в направлении Ахтырки, где передовые части дивизии «Великая Германия» уже приготовили для них позиции. Они развернулись и заняли новую линию.

Таким образом, 48-й танковый корпус генерала фон Кнопельсдорфа, совместно с другими быстрыми дивизиями танковой армии, опять остановили советское наступление на Днепр между Сумами и Ахтыркой. Однако недостаток мобильных резервов не позволил перекрыть разорванный во многих местах фронт, и опасность советского прорыва сохранялась. Это опасение тяжелым бременем лежало на испытанной группе армий «Юг». Если противник предпримет атаку на прорыв северо-западнее Харькова или южнее, у Мнуса, тогда ничто не мешает ему выйти к Днепру.

Эти «письмена на стене», или скорее на карте обстановки, очень беспокоили всех офицеров. Если русские сейчас смогут форсировать Днепр, группе армий конец. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, нужен, по крайней мере, минимум резервов. Однако откуда они возьмутся при стратегии держаться за все и ничего не сдавать? Харьков был последним примером этой стратегии. Гитлер приказал защищать город. Но если выполнить его приказ, не будет ли его возможная потеря означать также и потерю всего 11-го корпуса с его шестью дивизиями? Целых шесть дивизий! Как раз те силы, которые, если оставить Харьков, могли бы

предотвратить опасность на Миусе и северном крыле группы армий. Но Гитлер приказал: «Харьков удержать».

Обеспечить выполнение этого приказа должен был генерал танковых войск Эрхард Раус, австриец, опытный и имеющий множество наград танковый командир, о котором мы уже говорили на страницах этой книги — в ту ледяную повогоднюю ночь 1942—1943 годов, на поле битвы у Таципской, когда судьба Сталинграда еще не была предрешена. Теперь на Донце он и его 11-й корпус снова получили задачу в решающий момент остановить главный советский удар.

Армии генерала Ватутина, прорвавшись через северное крыло 4-й танковой армии Гота, уже заливали Полтавский бассейн. Если теперь армии Степного фронта генерала Конева сумеют быстро пробиться через Харьков к Днепру, группе армий Манштейна придет конец, а группа армий фон Клейста в Крыму будет отрезана.

Именно эта забота не давала генерал-фельдмаршалам спать. Жизненно важно было, чтобы генерал Раус не позволил Коневу прорваться и сковывал бы его силы, пока генерал-полковник Гот не остановит танковые армии Ватутина.

Со своими собственными четырьмя дивизиями (168, 198, 106 и 320-й пехотными дивизиями), а также с двумя формированиями 4-й танковой армии, которые были приданы 11-му корпусу после русского прорыва (167-й пехотной дивизией и 6-й танковой дивизией) Раус медленно отступал к внешнему оборонительному поясу Харькова.

Стояли жаркие осенние дни. Над дорогами висели густые облака пыли.

«Харьков удержать!»

Шесть месяцев назад даже отборные полки мотопехотной дивизии «Великая Германия» и две танковые дивизии СС «Рейх» и «Лейбштандарт» оказались не способны отстоять город. А теперь его удержат шесть жестоко потрепанных дивизий? 11 августа Гитлер отправил в Харьков испытанную берлинскую 3-ю танковую дивизию прикрывать открытый левый фланг генерала Рауса.

Полки генерала Вестховена двинулись с Миуса, этой реки осетров, загрохотали мимо Сталина и через поле битвы, откуда в конце июля тяжелыми контратаками выбили с позиций батальоны советской 5-й ударной и 2-й гвардейской армий.

Сидя в бронетранспортере командира 2-й роты 3-го мотопехотного полка, оберфельдфеер Отто Теннинг снова увидел страшное поле сражения, где несколько дней назад его дивизия уничтожила советский плацдарм.

Тысячи тел русских лежали на огромной выжженной солнцем равнине. Многие из них и сейчас крепко сжимали руками свои штыки или короткие рукоятки противотанковых ручных гранат.

Тошнотворный запах смерти разливался над полями. Солдаты в бронетранспортерах зажимали носы платками. Содрогнувшись, Теннинг сказал себе: «Вот наша работа».

Поднявшаяся пыль осаждалась на машинах 3-го мотопехотного полка и пеленой закрывала зрелище. Пыль садилась на руки, каски, лица и на зеленые помидоры, которые Теннинг положил на броневой лист над сиденьем водителя рядом с пулеметом, чтобы они быстрее дозрели на солнце. Люди ехали сражаться за Харьков. Они почти доехали до деревни, о которой никто из них до сих пор не слышал, до деревни, чье название навсегда врежется им в память как место кровавого побоища — Полевое.

3-я танковая дивизия действовала на левом открытом фланге 11-го корпуса в окрестностях Харькова. Слева от нее не было ничего, только брешь в линии фронта, отделя-

ющая 4-ю танковую армию Гота от оперативной группы Кемпфа, брешь, через которую входили армии генерала Ватутина. Некоторые из них уже окружали город.

Огромные склады, созданные в районе Харькова по приказу Гитлера и содержащие трехмесячный запас всего, что может понадобиться двум армиям, были обречены. Все, чего так не хватало в Германии, здесь в неимоверных количествах вот-вот попадет в руки противника.

Один из таких складов группы армий «Юг» находился в колхозе «Фески» примерно в двадцати пяти километрах северо-западнее Харькова. В огромных пакгаузах и подземных погребках, оборудованных подъездными путями, соединяющимися с основной линией, хранилась годовая продукция алкогольной промышленности Франции, а также миллионы сигарет, сигар и банок консервов. Достаточно для спокойной жизни среднего по величине города в течение шести месяцев.

У начальника снабжения 3-го танкового корпуса сердце обливалось кровью при мысли, что этот склад тоже скоро окажется в распоряжении врага. Поэтому он послал сообщения во все дивизии, с которыми мог связаться: высылайте весь свободный транспорт и забирайте, сколько сможете увезти.

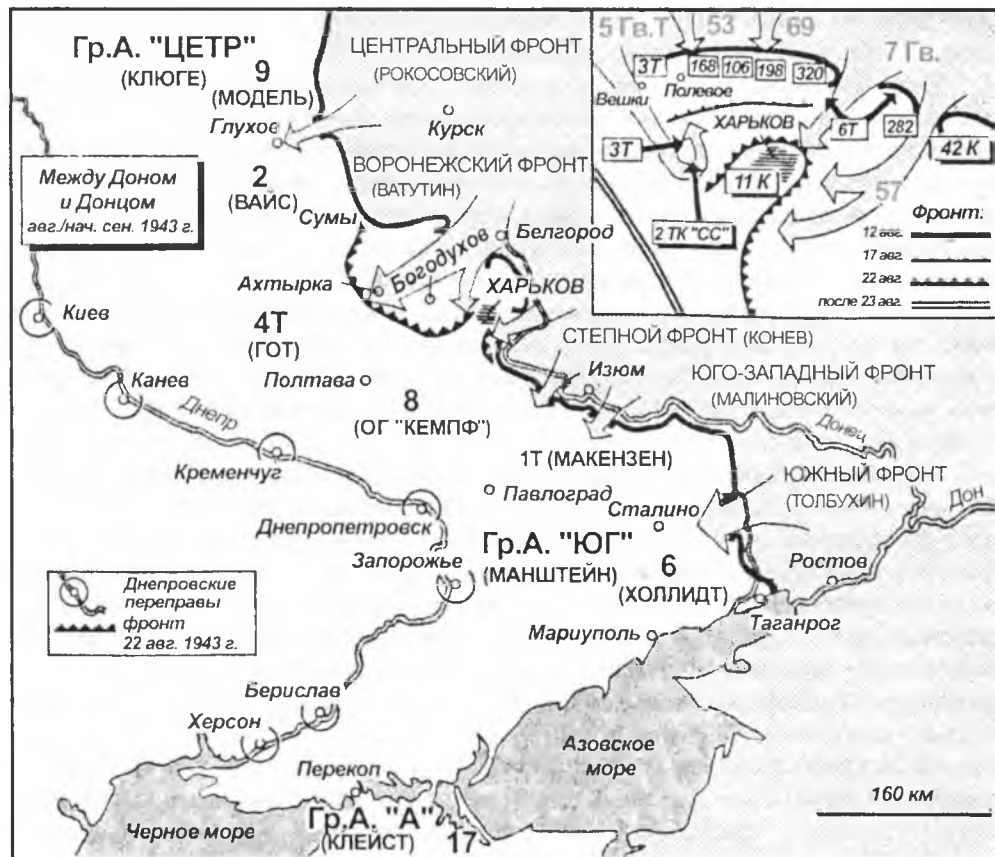
Он не слишком обольщался. Уже давно все части жаловались на недостаток транспорта, когда вставала какая-либо транспортная задача. Но на любой войне, когда это вопрос еды или алкоголя, солдаты независимо от национальности неизменно преодолевают все затруднения. К своему удивлению, начальник снабжения обнаружил перед складом большое количество машин.

Это было новое подтверждение (если вообще нужны какие-либо подтверждения), как раздуты, несмотря на обратные утверждения, транспортные подразделения многих соединений. Они развозили значительную часть содержимого складов, чем, конечно, помогали службе снабжения, но часто во время отступлений перегружали главные дороги и мешали передвижению боевых сил.

Правда, сейчас в случае с «Фески» эта дурная практика сослужила хорошую службу. За два дня транспорт примерно дюжины дивизий взял на борт основную часть ценных товаров и доставил их войскам оперативной группы «Кемпф». Это соединение только что переименовали в 8-ю армию, и теперь ею командовал генерал Вёлер, бывший начальник штаба Манштейна. Единственное, что не вызвало интереса солдат, — большие оплетенные бутылки с водкой. Их оставили, в конце концов и так было трудно выбрать между французским козьим, испанским порвейином и итальянским кьянти. Кому нужна водка?

Никто, разумеется, не подозревал, что проигнорированная русская водка превратится в эффективное секретное оружие. Но случилось именно так. Как только русские добрались до склада, боевой дух их полков на время испарился. Им потребовалось около трех дней, чтобы опустошить все оплетенные бутылки с водкой. Поразительное достижение.

Отто Тешинг записал в своем дневнике: «Пока «товарищи» на другой стороне, забыв об этой проклятой войне, отсыпались с похмелья, недавно переброшенная моторизованная дивизия СС «Викинг» спокойно окопалась на высоте за «Фески». Таким образом, прорыв во фланг группы Рауса с севера не состоялся. Харьков оказался в безопасности еще на сорок восемь часов. А это в сложных расчетах Манштейна значило немало.

Карта 35. Четвертое сражение за Харьков. Город держался. Тем не менее 22 августа 1943 года Манштейн приказал 11-му армейскому корпусу оставить Харьков. Корпус был ему нужен, чтобы предотвратить советский прорыв к Днепру.

Однако военная удача капризна. Очень редко она долго держит одну сторону. Война не математическая задача. Исход всех сражений в значительной степени зависит от непредсказуемых составляющих: силы духа солдата, решительности командира, а также и от робости командира, страха и, самое худшее, паники, которая может охватить часть.

Это снова проявилось в Харькове. Новая 282-я пехотная дивизия, сформированная во Франции в 1942 году, многие офицеры и солдаты которой не имели боевого опыта на Востоке, стояла на стыке 11 и 52-го корпусов. Она еще была оснащена конным транспортом, пулеметами «MG-34», а для противотанковой обороны имела только 37-мм орудия.

В ходе боя полкам дивизии пришлось отступить со своих хорошо укрепленных позиций на Дону. 10 августа 848-й гренадерский полк на левом крыле был неожиданно атакован крупным советским танковым соединением.

Оказаться в центре танковой атаки во время отступления — очень опасное дело даже для опытных и закаленных в боях частей. 848-му гренадерскому полку оно оказа-

лось не по силам. Полк понес тяжелейшие потери, и распространилась паника. Полк разбежался, его остатки отступили в Харьков.

Инцидент вызвал цепную реакцию на слабом немецком фронте. Вся дивизия оказалась охваченной смятением, советские танковые части беспрепятственно прошли через отступающие немецкие войска. Подполковник фон Лоффельхольтц, начальник оперативного отдела, отчаянно пытался остановить разбегающихся немцев, но не смог. В отчаянии по поводу трагедии, за которую он ни в коем случае не нес ответственности, по которой могла привести к потере Харькова, он встретил советские Т-34 один с пистолетом в руках. Русские танки, раздавив его, прогромыхали в направлении Харькова. Они вошли в восточную часть города, ударили по тракторному заводу. Они въехали в ворота цехов, где работали сталевары, где стучали пневматические кузнечные прессы, где десятки тысяч рук производили детали для немецких танков. Означало ли это конец немецкого сопротивления в Харькове? Ослабнет ли оборонительная мощь немецких дивизий в панике и хаосе?

С ужасом штаб группы армий наблюдал падение боевого духа. Впервые с начала войны возникла пугающая мысль, что могут понадобиться суровые военные трибуналы, чтобы остановить разложение. 12 августа состоялось серьезное обсуждение, не стоит ли применить последнее средство устрашения в любой армии — расстрелять каждого десятого солдата 282-й пехотной дивизии. Идею не воплотили в жизнь. Войска, несмотря на перенапряжение, собрались. Положение спасла испытанная рейнвествальская 6-я танковая дивизия под командованием полковника Кризоли. Она взяла штурмом тракторный завод, выбила русских из города и ликвидировала опасный прорыв в Харькове.

Русские затем попытались счастья на западе. Город теперь был окружен, остался лишь узкий коридор. В бой за столицу Донецкого бассейна вступила прославленная советская 5-я гвардейская танковая армия.

Полки 3-й танковой дивизии вели ожесточенные бои у деревни Полевоe, на участке главного удара советского наступления. Орудия 75-го танкового артиллерийского полка стреляли, пока стволы не раскалялись докрасна. С советских самолетов сбрасывали листовки. «Бойцы 3-й танковой дивизии, — говорилось в них, — мы знаем, что вы отважные воины. Каждый второй в вашей дивизии имеет Железный крест. Но на нашей стороне каждый второй солдат имеет миномет. Сдавайтесь!» Рядовые 3 и 394-го мотопехотных полков были мрачными, однако они презрительно отшвыривали листовки ногами. Солдат с такими послужными списками невозможно склонить к капитуляции.

Под палящим солнцем лежали бесконечные поля подсолнухов. За полями генерал Раус в шахматном порядке расположил свои противотанковые и штурмовые орудия и расчеты 88-мм зениток. Восемьдесят артиллерийских батарей завершали прикрытие северной стороны коридора в Харькове. Подходила и танковая дивизия СС «Рейх»; ее «Пантеры», «Тигры» и штурмовые орудия затаились на исходных позициях, а два мотопехотных полка заняли хорошо замаскированные отсечные траншеи вдоль железнодорожной магистрали Харьков—Богодухов.

С русской стороны наступление вела 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Сталин приказал: «Город должен быть взят незамедлительно».

Его нетерпение объяснялось курьезным обстоятельством. Из-за ошибки в оперативной сводке он уже сообщил военным атташе союзников в Москве, что Харьков осво-

божден, и ему не хотелось давать опровержение. Его приказ мотивировался престижем, а престиж обычно неважный советчик. Немецкая воздушная разведка 4-го воздушного флота обнаружила подготовку к фронтовой атаке коридора. «Штуки» 8-го воздушного корпуса генерала Зайдемана спикировали на русские позиции. Формирование располагало только 1800-килограммовыми бомбами — гигантскими бомбами, предназначенными для бомбежки военных кораблей. Теперь эти тяжелые бомбы рушились на деревни и леса, где сконцентрировались танки Ротмистрова. Вздвигались огромные фонтаны земли, а взрывы, подобные землетрясениям, ощущались далеко вокруг. Советскую атаку отложили на двадцать четыре часа, но Ротмистров был последователен.

К утру 19 августа, невзирая на заградительный огонь немецкой артиллерии, танки Ротмистрова двинулись тремя клиньями через воронки и поля подсолнухов прямо на главную дорогу из Ахтырки в Харьков. Они атаковали и оказались на шахматной доске противотанковых и зенитных орудий. То, что несколько недель назад случилось с немецкими танковыми полками и дивизионами штурмовых орудий в Курской битве, теперь переживали советские танковые батальоны на подходах к Харькову: хорошо спланированная противотанковая оборонительная система была их в огромных количествах. Последние прорвавшиеся группы были атакованы затаившимися «Пантерами», «Тиграми» и штурмовыми орудиями, уничтожены или обращены в бегство. На поле битвы осталось сто восемьдесят четыре подбитых Т-34. Но Сталин жаждал Харькова.

На следующий день генерал Ротмистров изменил свою тактику. Огромным танковым клином — двести Т-34 — он пошел в наступление вдоль железнодорожной линии. Бронированная армада исчезла на двухстах гектарах подсолнухов. Будто скошенные невидимым жнецом, подсолнухи выше человеческого роста падали под гусеницы танков. Стальной флот приближался. Однако на краю этого моря подсолнухов лежали в засаде охотники — фаланги «Пантер», «Тигров» и штурмовых орудий типа «Фердинанд». Между ними возвышались непреодолимые 88-мм пушки.

Из-под покрова подсолнухов стали показываться танки Ротмистрова. «Оголь!» Раскат грома, блеск молний и языки пламени. Звук, похожий на звон церковных колоколов. Сто пятьдесят русских танков были разбиты на краю поля подсолнухов.

Но Ротмистров имел в резерве еще сто шестьдесят танков. И Сталин жаждал Харькова.

Небо стало кроваво-красным от дыма, шум сражения стих, наступила темная и душная ночь. Незадолго до полуночи с поля подсолнухов снова донесся ляг гусениц и рев моторов. Было поволуние, и в темноте человек не мог видеть собственной руки. На этот раз генерал Ротмистров хотел взять в союзники темноту. Сигнальные ракеты прорезали ночь.

«Посты, к бою! Атакуют танки противника». Данные для стрельбы: «На час; бронбойные — сто — оголь!» Т-34 получил прямое попадание и быстро загорелся, как факел. В его свете бойцы увидели на дороге приземистые танки противника. Скоро в бой с противником вошли немецкие танки.

«Пантеры» и Т-34 таранили друг друга, стреляли в упор. Русские прорывались через немецкую противотанковую оборону смело и решительно, но тут в бой вступила основная часть немецких танков.

Место ночного боя освещалось заревом схватки, видимость составляла примерно сто метров. Это была гигантская ночная дуэль двух танковых армий. Горящие танки,

подбитые штурмовыми и противотанковыми орудиями, служили ориентирами для Т-34 в их попытке прорыва.

Через три часа все стихло. Никто не знал исхода. Но на рассвете стало ясно: генерал Раус, опытный командир многих танковых батальонов, выиграл эту дуэль. Более восьмидесяти развороченных Т-34 лежали на поле битвы. Из прорвавшихся на пятнадцать километров танков противника только три достигли западной окраины Харькова. Там они натолкнулись на штаб 106-й пехотной дивизии, чей противотанковый расчет подбил два из них и захватил трети.

Однако дивизии 11-го корпуса тоже понесли тяжелые потери. 394-й мотопехотный полк 3-й танковой дивизии сократился до двух стрелковых рот. Многие офицеры всех частей погибли в бою. В разведывательном батальоне капитана Дайхена осталось всего восемьдесят человек, а в 331-м гренадерском полку 167-й пехотной дивизии — двести.

Сходным образом обстояли дела и в других частях 11-го корпуса. В 6-й танковой дивизии осталось пятнадцать машин, в 503-м батальоне «Тигров» — девять, в трех дивизионах штурмовых орудий вместе — двадцать четыре. Но Харьков отстояли. И советская 5-я гвардейская танковая армия потерпела поражение.

В штабе группы армий «Юг» генерал Буссе фиксировал приходящие донесения. Харьков удержали. Однако генерал-фельдмаршал фон Манштейн был не в настроении стремиться к эффектным победам. Рано или поздно Харьков окружат. И это будет означать не только то, что полдюжины дивизий окажутся в ловушке, но и то, что русские получат возможность двигаться мимо города к Днепру, в тыл 8-й армии. Склоняясь над своей картой, Манштейн сказал Буссе: «Я лучше потеряю город, чем армию».

Манштейн не знал о приказах советского Верховного Главнокомандования, но он сделал прозорливое предположение, и история подтвердила его правоту. 10 августа советское Верховное Главнокомандование отдало приказ перерезать все основные дороги от Харькова к Днепру вместе со всеми тыловыми коммуникациями 8-й армии Манштейна и 1-й танковой армии. Такова была ставка. Не только Харьков.

Манштейн обратил внимание Гитлера на эту возможность, однако Гитлер категорически требовал оборонять Харьков. «Сдача этого города может иметь серьезные политические последствия, — заклинал он генерал-фельдмаршала. — От этого зависит позиция Турции. И позиция Болгарии. Если мы оставим Харьков, то потеряем лицо в Анкаре и Софии».

Но Манштейн остался тверд. «Я не готов пожертвовать шестью дивизиями из сомнительных политических соображений», — сказал он Буссе.

Манштейн помнил Сталинград. Поэтому 22 августа он приказал оставить Харьков. Жестокая битва за важный советский центр Донецкого региона, город, который за двадцать два месяца четыре раза переходил из рук в руки, завершилась.

Гитлер неохотно согласился. Он смирился с решением Манштейна, поскольку не был пока способен обходиться без его стратегического таланта на юге Восточного фронта. Но с этого момента яд подозрения по поводу его лучшего солдата начал разъедать сердце фюрера. Манштейн, лучший генерал на Восточном фронте, продолжал оттягивать катастрофу при помощи своей искусной системы останавливать прорывы. Это была рискованная игра резервами. Чтобы отвратить опасность прорыва противника на своем северном крыле в районе Харькова. Манштейн был вынужден снять силы с южного крыла и перебросить их на север. Но как только поло-

жене там взяли под контроль, возник кризис на юге, где русские теперь ударили по сильно ослабленному фронту.

Когда войска еще эвакуировали Харьков, армии советского Южного фронта под командованием генерал-полковника Толбухина форсировали Миус и прорвали порядки 6-й армии Холлидта. Менее трех недель назад танковому корпусу СС, дивизиям 29-го армейского корпуса (23 и 3-й танковым дивизиям и 16-й мотопехотной дивизии) удалось стабилизировать фронт Холлидта. Но теперь танковый корпус СС и 3-я танковая дивизия находились на северном крыле, и дорога Толбухину была открыта. Он мог ударить глубоко в сердце Донецкого бассейна, прежде всего по Запорожью на Днепре. Если у него получится, Крым и немецкая 17-я армия на Кубанском плацдарме будут отрезаны.

Но как этому помешать? Нет необходимости быть штабным офицером, чтобы понять, как нужно действовать. И Манштейн не подбирал слова, описывая ситуацию своему Верховному Главнокомандующему Адольфу Гитлеру: если Главное командование сухопутных войск Германии настаивает на своем приказе защищать Донецкий бассейн, тогда должны быть предоставлены как минимум шесть танковых дивизий! Если Главное командование сухопутных войск Германии не располагает такими силами, тогда уязвимый выступ на Миусе удержать нельзя, и фронт должен быть отведен настолько, чтобы можно было, в конце концов, остановить противника на сокращенной и более выгодной оборонительной линии. «В этом случае я прошу свободы действий», — написал Манштейн Гитлеру в Восточную Пруссию.

Никакие другие слова не вызывали у Гитлера большей тревоги, чем «свобода действий». В его глазах генерал, требующий свободы действий, находился на грани мятежа. Гитлер по телефону из «Вольфшанце» дал ответ, отражающий панику, начавшуюся в Ставке фюрера после запроса Манштейна: «Ничего не предпринимайте. Я выезжаю».

2. Бои на Миусе

Совещание в Виннице — Решается судьба Донецкого бассейна — Советский прорыв у Куйбышево — 6-я армия Холлидта держаться больше не может — 29-й корпус окружен — «Прижмуть штыки!» — Спасение за линией «Черепаша» — Русские атакуют широким фронтом — Манштейн и Клюге требуют назначения главнокомандующего Восточным фронтом — Под угрозой все южное крыло — Срочная радиограмма Манштейну — Отступление за Днепр наконец, санкционировано.

В лесах вокруг Винницы летом жарко и душно, нет ни прохладной тени, ни освежающего ветерка... Зной украинского лета тяжело охватывает хвою сосен. Неподходящее место для людей, зависящих от погоды.

Ставка фюрера под названием «Вервольф», откуда Гитлер руководил летней кампанией 1942 года, была, таким образом, не лучшим выбором. Восприимчивый к погоде Гитлер плохо себя чувствовал в этом климате. Он почти постоянно находился в дурном расположении духа, был агрессивен и никому не доверял.

Он был счастлив снова покинуть свой передовой штаб в конце октября 1942 года, с тех пор бункеры стояли пустыми. Только арсеналы, центры связи и помещения охраны занимали тыловые службы группы армий «Юг». «Вервольф» служил командным пунк-

том Гитлера только на время его редких инспекций в центральный сектор Восточного фронта. Он очень неохотно отправлялся в душные леса за Днепром. Он не любил их. Он никогда не был там счастлив. В тяжелых испарениях соснового бора ему не везло, и мучили головные боли.

Поэтому он пребывал в раздражении, когда 27 августа ему пришлось отправиться из его любимого «Вольфшанце» в Восточной Пруссии на Украину. В огромном четырехмоторном «Кондоре» его сопровождали всего несколько человек. Передовой отряд вылетел на быстрых «Хейнкелях» коммодора Бауэра накануне, чтобы подготовить все в Виннице.

«Вервольф» выглядел таким же уединенным и спокойным, как и летом 1942 года. За исключением того, что тогда немецкие армии рвались к Сталинграду и на Кавказ, тогда как теперь, летом 1943 года, они отступали. Винница лежала на пути полномасштабного советского наступления.

Гитлер собрал Манштейна и командующих его армиями на совещание в Виннице. Генерал-фельдмаршал по собственной инициативе привез с собой также командира 11-го корпуса генерала Рауса, защитника Харькова, который прибыл прямо с основного сражения. С ним был командир 23-й танковой дивизии генерал фон Форман, чьи полки вместе с 16-й мотопехотной дивизией и ударными группами 17-й танковой дивизии в течение последних двух недель отражали атаки девяти советских дивизий и девяти танковых бригад в районе Изюма на Среднем Донце. Командующий группой армий «Юг» имел, таким образом, двух важных свидетелей, чья порядочность, принимая во внимание их собственные действия и образцовую службу войск под их командованием, не могла быть поставлена Гитлером под сомнение. Их свидетельства по поводу опасного перенапряжения фронта должны были быть услышаны.

Манштейн привел две цифры, доказывающие серьезность проблемы. Группа армий «Юг» в тяжелых боях последних нескольких месяцев потеряла в целом 133 000 человек; однако получила в пополнение только 33 000. Дефицит составил 100 000 человек. Генерал-фельдмаршал был готов дать и более детальную информацию. 6-я армия Холлидта за период с 17 июля по 21 августа 1943 года потеряла 23 830 человек; на их место поступило 3312 человек. Дефицит: 20 000 человек. 1-я танковая армия генерал-полковника фон Макензена потеряла за тот же период 27 291 человека; пополнение составило 6174 человека. Дефицит: 21 000 человек.

Цифры, которые Манштейн привел Гитлеру, говорили сами за себя. Манштейн продолжил: «Таково положение на нашей стороне, мой фюрер. А здесь, — он протянул допесенке 6-й армии об обстановке за предыдущую ночь, — здесь информация о противнике, мой фюрер». И повернулся к командующему 6-й армией: «Генерал Холлидт, не могли бы вы представить фюреру сравнительную картину сил с нашей стороны и со стороны противника?»

Пехотному генералу Холлидту, опытному командующему армией в ключевых точках Восточного фронта уже с ноября 1942 года, не нужно было заглядывать в бумаги. Он держал в голове впечатляющие цифры своей 6-й армии: «В моем 29-м корпусе осталось 8706 человек. Перед ними стоят 69 000 русских. В моем 17-м корпусе 9284 человека; они противостоят 49 500 русских. Мой 4-й корпус относительно благополучен: он имеет 13 143 человека против 18 000 русских. В целом 31 133 немецких солдата против 136 500 русских. Соотношение в танках примерно такое же:

Толбухин вчера использовал в операции 165 танков — у нас было 7 танков и 38 штурмовых орудий».

Холлидт замолчал. Манштейн немедленно взял инициативу в свои руки и хладнокровно продолжил: «Противник усиливает натиск. Силами, которыми мы располагаем, удержать Донецкий бассейн невозможно, мой фюрер. В 1-й танковой армии дела не лучше. 8-я армия и 4-я танковая армия тоже не в состоянии сдержать прорыв русских к Днепру. Более того, как мы знаем, положение на южном крыле группы армий «Центр», у 2-й армии, также исключительно тревожное. Либо вы даете нам свежие силы, а это значит двенадцать дивизий, либо Донецкий бассейн нужно оставить, чтобы освободить необходимые силы внутри самой группы армий. Другого выхода я не вижу».

Гитлер попытался уйти от принятия решения. Он признал сложность положения. Ему известно о тяжелых потерях, особенно среди командного состава, и он благодарит всех командующих за действия их войск. Однако потом он резко потребовал защищать каждый сантиметр земли, пока противник не убедится в бессмысленности своих атак. Но и Манштейн не отступал. Подкрепление или отход, настаивал он. «Где я найду подкрепление?» — возразил Гитлер.

Манштейн ответил: «Передайте в резерв соединения, которые смогут высвободить группы армий «Центр» и «Север», чтобы мы могли использовать их здесь, в месте главного советского удара».

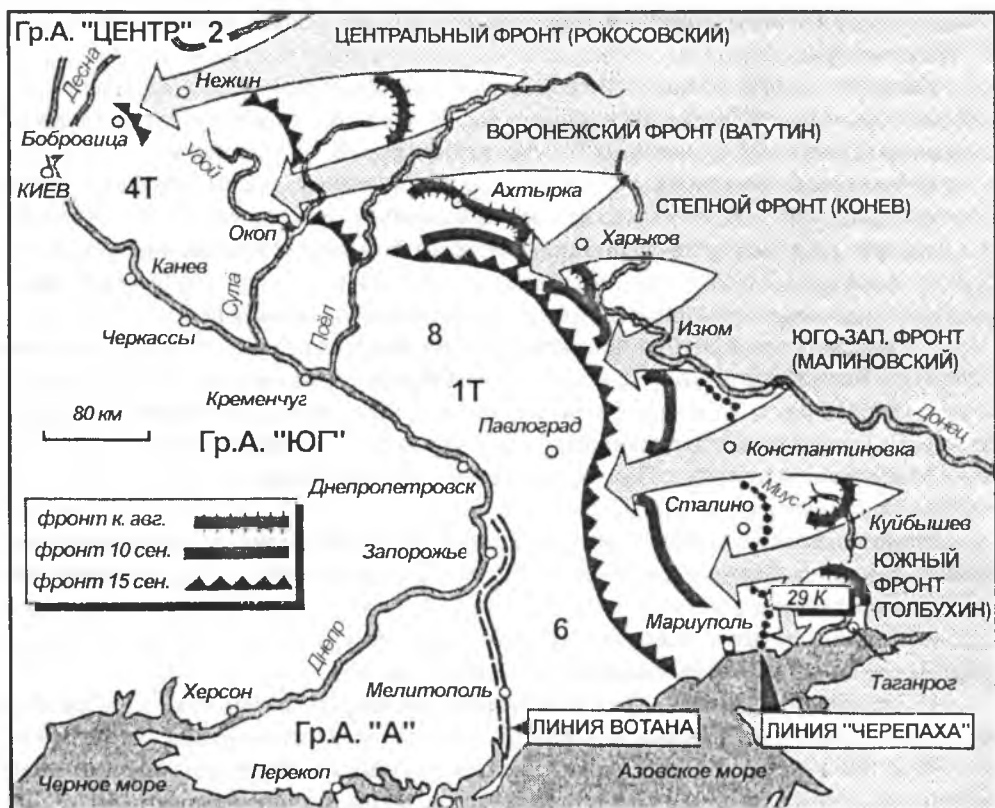
«Я должен обдумать это», — уклончиво сказал Гитлер. Но Манштейн не отставал. «Время принимать решение настало», — упорствовал он.

И Гитлер принял решение. Поскольку он считал добровольную эвакуацию жизненно важного в экономическом отношении Донецкого региона недопустимой, он пообещал Манштейну немедленное подкрепление несколькими дивизиями, которые он возьмет у группы армий «Центр». Более того, изнуренные боями соединения его группы армий будут заменены другими с более спокойных участков фронта.

Манштейн и его генералы с воодушевлением возвратились в свои штабы. Они начали разрабатывать планы на новую ситуацию. Но все напрасно.

На следующий день русские, как будто они присутствовали за столом переговоров в Виннице, атаковали два фланга группы армий «Центр» Клюге и осуществили местные прорывы во фронтах и 2-й, и 4-й армий. В создавшихся условиях не могло быть и речи об оговоренной (и на самом деле уже приказанной) переброске войск на помощь Манштейну. Генерал-фельдмаршал фон Клюге немедленно, 28 августа, лично встретился с Гитлером и объяснил ему, что не может передать ни одной дивизии. Группа армий «Север», которая пока успешно удерживала свой громадный фронт, отказалась предоставить свои соединения. Манштейн ничего не получил. И, как он и ожидал, положение стало все более критическим, особенно на Миусе.

В ночь с 27 на 28 августа два мобильных советских корпуса прорвали слабые линии 6-й армии, повернули на юг к Мариуполу и по трем незащищенным лоцинам Елапчикка прошли в тыл 29-го корпуса. Любое промедление было бы исключительно опасным. Измотанные соединения 6-й армии Холлидта воевали на фронте в двести километров без каких-либо стратегических резервов. Последние десять дней дивизии 29, 4 и 17-го корпусов пытались сдерживать полномасштабное наступление всеми возможными мерами. Но Холлидт, очень осторожный командир, испытывал недостаток в людях даже больше, чем в оружии.

Карта 36. Оборона Донецкого региона группой армий «Юг». 14 сентября 1943 года советские дивизии прорвали северный фланг группы армий.

Личный состав штаба и войска танкового корпуса СС и «Лейбштандарт» Гитлер перебросил в Италию; дивизия «Мертвая голова» сражалась у Харькова; 16-я мотопехотная дивизия, 17 и 23-я танковые дивизии с начала августа действовали в качестве пожарных бригад 1-й танковой армии в районе Изюма. Таким образом, 6-я армия осталась с тремя ослабленными корпусами. На километре фронтовой линии стояли в среднем сто тридцать — сто шестьдесят человек. Как они могли остановить натиск советских масс?

Десять дней назад, 18 августа, в секторе 17-го корпуса между Калиновкой и Высокой 175,5, советская 2-я гвардейская и 5-я ударная армии прорвали фронт 294-й пехотной дивизии. Советское командование теперь бросало в узкую брешь у Кульбисшево один корпус за другим. Ширина этой брешы первоначально составляла только три километра. Всего три километра. Какая возможность для Холлидта, если бы он имел самые скромные тактические резервы.

Однако русские были прекрасно информированы о положении на немецкой стороне. С абсолютной беззаботностью Толбухин вводил свои дивизии в опасно узкий канал. И у Холлидта не было сил перекусить его, когда он составлял всего три километра.

Напрасно ударная группа 3-й горной дивизии Пикера и передовые части 13-й танковой дивизии, переброшенные из Крыма, бросались на фланги коридора, который тем временем уже был расширен до тринадцати километров. Напрасно штурмовые орудия 259-й бригады вместе с танковой ударной группой 13-й танковой дивизии немедленно контратаковали с юго-запада в северном направлении. Они отвоевали полкилометра, потом еще полкилометра и, в конце концов, вошли в район прорыва на шесть километров. Однако на последний удар у них не хватило сил.

Все случилось так, как должно было случиться. 6-я армия больше не смогла сдерживать советский прорыв. 28 августа корпус противника двинулся на юг и 29 августа достиг берега у Таганрога.

29-й армейский корпус, стоявший вдоль Азовского моря, оказался в окружении. 11-я нижнесаксонская и 17-я франконская пехотные дивизии вместе с центральногерманской 13-й танковой дивизией отчаянно старались отвратить уничтожение. Остатки разбитых 15-й полевой дивизии Люфтваффе и билефельдской 336-й пехотной дивизии вырвались из мешка через основную часть сил противника. 30 августа 1943 года, благодаря энергичной поддержке «Штука» авиаэскадры Руделя, 13-й танковой дивизии и 259-й бригаде штурмовых орудий в конце концов удалось разорвать советское кольцо у Федоровки. В образовавшую брешь бросились пехотные дивизии, которым генерал Бранденбергер приказывал выходить 31 августа. В самом центре находилась 17-я пехотная дивизия генерала Циммера из Нюрнберга. 21-й гренадерский полк полковника Пройса прорвался из советского кольца через холмы у Торопиловской.

Южнее 11-й и 336-я пехотные дивизии с боями выходили с северного берега Азовского моря в направлении Мариуполя и Мелитополя. Этой усиленной ударной группой командовал генерал-лейтенант Рекнагель. «Примкнуть штыки! Выступаем!» Каждый человек, включая последнего водителя, знал, чем он рискует. Как в давние дни больших немецких наступлений традиционный боевой клич «Ура!» снова разнесся над полем битвы между Миусом и Азовом. Острее клина составили зенитные и штурмовые орудия.

У них получилось. Ценой огромных жертв дивизии соединились с главными силами. Начальник оперативного отдела 11-й пехотной дивизии подполковник Франц нес в кармане перехваченную радиограмму от 30 августа командующего советской 51-й армией генералу, командиру его 19-го танкового корпуса. «К 12 часам дня немецкий генерал Рекнагель должен стоять передо мной на базарной площади Таганрога как пленный». Но 19-й танковый корпус не мог сослужить такой службы своему командующему армией.

Судьба 29-го корпуса показывает, какой безрассудной игрой стало сражение на Миусе. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн не был склонен продолжать ее. В резком телефонном разговоре он потребовал разрешения Гитлера отвести 6-ю армию примерно на шестьдесят пять километров. Новая линия называлась «Черепаша». Армейские инженеры и срочислужащие строительные рабочие из организации Тотта в лихорадочной спешке возвели ее в качестве преграды, защищающей важный индустриальный центр Сталино. Устоит ли она? Как долго она сможет продержаться? От этого зависела судьба всего Донецкого региона, обладание которым — как продолжал повторять своим генералам Гитлер — было обязательным условием продолжения войны.

Сталин понимал трудности Гитлера, и поэтому не дал никакой передышки его южному флангу группы армий Манштейна. В первые дни сентября в районе Изюма

Малиновский нанес удар по 1-й танковой армии и северному флангу 6-й армии, одновременно генерал Ватугин приготовился к полномасштабному наступлению против 4-й танковой армии Гота в районе Ахтырки. Степной фронт генерала Конева двинулся на позиции 8-й армии, ударив из района Харькова с севера и востока и, в конце концов, вынудил генерала Вёлера в очередной раз отвести свою армию. Кризисы везде. Ничего, кроме кризисов.

Манштейн позвонил Клюге. Два маршала, командующие в ключевых точках Восточного фронта договорились вместе вылететь в Восточную Пруссию и заставить Гитлера принять конкретные фундаментальные решения. Он должен выслать им подкрепление. И, что не менее важно, они хотели убедить Гитлера отказаться от опасного и непродуктивного сосредоточения ответственности, налагаемой на него должностями главы государства, Верховного Главнокомандующего Вермахта и Главнокомандующего сухопутных войск.

Маршалы требовали сосредоточить командование всеми театрами военных действий в одних руках несущего полную ответственность начальника общего Генерального штаба. Гитлер, более того, должен был отказаться от личного руководства операциями на Востоке и назначить главнокомандующего всем Восточным фронтом, который будет осуществлять полное и независимое руководство операциями в России. Они хотели положить конец личному пагубному вмешательству Гитлера в ведение войны в России.

Этот шаг представляет собой легальное выступление самых старших боевых командиров против опасного сосредоточения власти в руках высшего руководства рейха — шаг исторического значения, по до сих пор недостаточно известный и по достоинству не оцененный.

Встреча в Ставке фюрера в Восточной Пруссии состоялась 3 сентября. Однако человек в «Вольфшанце» был не готов подчиниться своим маршалам. Правда, Клюге удалось исторгнуть из него согласие на отход южного крыла группы армий «Центр» за Десну; Гитлер также согласился оставить Кубанский плацдарм и перебросить 17-ю армию в Крым; он наконец разрешил Манштейну отвести 6-ю армию с Мюса на линию «Черепаша», если уж нет другого выхода. Но это все.

Гитлер снова не смог заставить себя принять серьезное решение. Он остался верным своим ужасным заблуждениям, отказывался признать силу противника и просто не желал видеть, что это вопрос уже не достижения победы, а избежания поражения. Поэтому он принимал полумеры, выбирал краткосрочные решения и прибегал к уловкам. Сдать Донецкий бассейн? Безусловно, нет. Снять силы с других театров военных действий и перебросить их на Восточный фронт? Безусловно, нет. Категоричнее всего он отверг идею о назначении главнокомандующего Восточным фронтом.

Ничего не достигнув, оба генерал-фельдмаршала возвратились к своим сдерживающим сильный натиск фронтам. В этот вечер союзники высадились в Италии.

Через три дня пришлось расплачиваться за безответственную беспечность Ставки фюрера. Мощным ударом 3-й гвардейской армии встык немецких 1-й танковой армии и 6-й армии Юго-Западный фронт генерал-полковника Малиновского прорвал новую оборонительную зону «Черепаша» с обеих сторон Константиновки. Два подвижных русских корпуса прошли мимо оставшихся опорных пунктов 62 и 33-й пехотных дивизий, через брешь примерно пятидесяти километров ширины, в направлении Павлюграда. Так или иначе, генерал Фреттер-Пико с 23-й танковой дивизией и ударной группой 16-й

мотопехотной дивизии сумел перехватить противника. Генерату фон Форману даже удалось 11 и 12 сентября совместно с 9-й танковой дивизией перекрыть брешь между 6-й армией и 1-й танковой армией. В стремительном броске усиленный батальон «Пантер» 23-й танковой дивизии под командованием капитана Фрица Фехнера перекрыл путь снабжения советского 29-го танкового корпуса. Но какой прок? Обессиленным пехотинцам пришел конец.

Советские танки снова совершили прорыв на запад. Их передовые соединения быстро двигались к переправам через Днепр у Днепропетровска. Одновременно армии советского Центрального фронта генерала Рокоссовского ударили встык групп армий «Центр» и «Юг» и крупными силами прорвались сквозь фронт 2-й армии.

Северному флангу 4-й танковой армии Манштейна пришлось отступить. Во фронте образовалась новая опасная брешь. У русских не осталось преград на пути к Среднему Днепру, и под угрозой оказался Киев. Манштейн не мог пустить дело на самотек.

7 сентября он отправил Гитлеру срочную радиogramму: «На сегодняшний момент группе армий противостоят пятьдесят пять советских дивизий и два танковых корпуса. Подтягиваются дополнительные силы с других советских фронтов. Здесь, на Южном фронте, русские сосредотачивают свой главный удар. Я пужаюсь в подкреплении или свободе действий для дальнейшего отхода на более короткий и более выгодный рубеж».

Резкий и решительный топ радиogramмы заставил Гитлера осознать, что Манштейн не шутит. Еще раз, 8 сентября, он сел в свой четырехмоторный «Кондор» и вылетел в Запорожье, в штаб Манштейна. Гитлер был мрачен. В Ставке фюрера с минуты на минуту ожидали безоговорочной капитуляции итальянских союзников Германии. Европейский южный фланг, соответственно, оказался без прикрытия, враг — в тылу Германии. Стоя перед своей огромной картой обстановки в Запорожье, Манштейн, в присутствии генерал-фельдмаршала фон Клейста и недавно назначенного командующего 17-й армией генерала инженерных войск Енеке, представил фюреру детальную картину сражения последних нескольких дней. Он обратил особое внимание на опасность, угрожающую его северному крылу, где русские провели все приготовления для окружения группы армий. «Если это произойдет, две армии будут потеряны, мой фюрер, и ничто не вернет их обратно».

Рука Манштейна опустилась по карте к фронту 6-й армии. «И здесь дела не лучше. Марнуполь под угрозой. Ширина бреши тут пятьдесят километров. У меня не осталось сил перекрыть ее и удержать линию «Черепаша». Нравится это нам или нет, но придется отступить».

Гитлер слушал очень внимательно. «Что вы предлагаете?» — спросил он.

У Манштейна ответ был готов: «Прежде всего, я предлагаю немедленно отвести группу армий «Центр» обратно к Днепру. Это сократит ее фронт на треть. Освободившимся таким образом силами можно укрепить оборонительные порядки на Днепре, включая подходы к Крыму на Нижнем Днепре, и удержать линию фронта от Запорожья к Мелитополью, «линию Вотана».

Гитлер покачал головой. Нет. Отвести группу армий «Центр» к Днепру? Не может быть и речи. Это повлечет слишком большие потери материальной части. И займет слишком много времени.

Возражения Гитлера показывали, что он не имеет представления о том, какие быстрые полномасштабные передвижения постоянно совершал Манштейн в течение пос-

ледних месяцев. Только искусство Манштейна в этой области позволяло до сих пор предотвращать катастрофу, много месяцев угрожающую южному флангу. Однако Гитлер отказывался видеть это.

Но он хотя бы понял, что, для того чтобы удержаться, группа армий «Юг» нуждается в срочном подкреплении, и пообещал Манштейну корпус с четырьмя дивизиями из группы армий «Центр». Он должен был быть передан немедленно, на стыке двух групп армий, чтобы предотвратить окружение северного фланга Манштейна. Гитлер, кроме того, пообещал ему еще четыре дивизии, чтобы, в конце концов, можно было обезопасить наиболее важные переправы на Днепре. До сих пор не велось никакой подготовки к действительно эффективной обороне рек и мостов в случае советского прорыва.

Как известно, в начале августа 1943 года Главное командование сухопутных войск Германии завершило проект создания «Восточного вала» (укреплений на Днепре) и представило доклад Гитлеру. 12 августа он приказал незамедлительно начать работы. Однако ничего, кроме непосредственного охранения, сделано не было. Это упущение скоро приведет к беде.

И наконец, чтобы убедить Манштейна твердо держаться перед Днепром, Гитлер пообещал ему части 17-й армии, которые с 4 сентября выводились с теперь бессмысленного Кубанского плацдарма обратно в Крым.

Манштейн, которого раньше столько раз обманывали, предложил отдать все эти приказы прямо сейчас, из Запорожья. Но Гитлер сердито отверг это предложение. Тем не менее, поднимаясь на борт своего «Кондора», чтобы лететь обратно в Ставку, он еще раз повернулся к Манштейну и сказал ему успокаивающе: «Вы получите свои дивизии для днепровских мостов; приказ будет отдан сегодня вечером».

Приказ действительно был отдан. Группе армий «Центр» приказывалось передать 4 и 8-ю танковые, а также две пехотные дивизии. Однако его не выполнили. Генерал-фельдмаршал фон Клюге нашел для себя невозможным передать их. И все осталось, как было.

Двадцать четыре часа спустя Манштейн в ярости позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Цейтцлеру. «Будьте добры проинформировать фюрера, — начал он, — что он может ожидать гибельного советского прорыва к Днепру в любую минуту». В рапорте, посланном по телетайпу, он добавил последнее предложение, которое зафиксировало для истории, кто, вследствие своих полумер, несет ответственность за мрачные события последних недель: «Если бы была проявлена предусмотрительность и подкрепление, жизненно необходимое теперь вследствие сложившейся ситуации, подошло заблаговременно, сегодняшний кризис, который может привести к окончательному провалу на Восточном фронте и, следовательно, к провалу войны в целом, был бы предотвращен».

До сих пор никто из генералов так решительно не складывал вину за катастрофу на Востоке на Адольфа Гитлера. И его реакция? Никакого ответа из Ставки фюрера. Однако Гитлер ошибался, если полагал, что может связать Манштейна своими приказами, просто храня молчание.

Советское Верховное Главнокомандование не принимало во внимание желания Гитлера. Сталин не ждал. Он не дал своим войскам времени на отдых, как надеялись в Ставке фюрера, а подстегивал усталые армии продолжать атаки на северный фланг Манштейна. «Разбейте группу армий «Юг» — это ключ к победе», — призывал Сталин.

Карта 37. В середине сентября 1943 года начался самый дерзкий отход в военной истории. Примерно миллионная немецкая армия была отведена с линии фронта в тысячу километров по шести днепровским мостам и на другом берегу снова развернулась на рубеже в шестьсот пятьдесят километров.

На освобожденных территориях, во всех городах и деревнях, он мобилизовал каждого, способного держать оружие. Подростки и старики записывались в батальоны обслуживания складов. Их одевали и обучали по дороге на фронт. Они получали винтовку, форму или форменные штаны, пару обуви и иногда стальную каску. Их учили заряжать и стрелять. Больше ничему. И они шли в атаку. Таким способом всего за три недели советский Южный фронт мобилизовал на побережье Азовского моря 80 000 человек. Это была всепародная война.

14 сентября произошло то, на что надеялся Сталин и что предвидел Манштейн, — советские дивизии Воронежского фронта разгромили северный фланг группы армий, прорвали немецкий фронт и двинулись на юго-запад, в направлении Днепра. Русские

вышли к Окопу между реками Сула и Юдай и оказались всего в ста двадцати километрах от Черкасс. Севернее, в районе Нежин-Бобровица, передовые части Центрального фронта Рокоссовского были в семидесяти четырех километрах от Киева, столицы Украины. Создалась угроза, что русские могут захватить важнейшие переправы через Днепр в тылу немецкого фронта.

К этому моменту были упущены все возможности перебросить резервы, остановить противника перед Днепром. Они были упущены вследствие пагубной нерешительности Гитлера. Манштейн лаконично доложил в Ставку фюрера: «Противник прорвался к Кременчугу и Киеву. Завтра утром я приказываю 4-й танковой армии, обходя Киев, отступить к Днепру, чтобы предотвратить окружение и уничтожение армии малыми группами перед рекой». Однако Манштейн также объявил немедленное отступление к Днепру 8-й армии и 1-й танковой армии. И добавил такое предупреждение: «Остается сомнительным, удастся ли нам переправиться через реку без подхода прикрывающих сил».

В оперативном управлении Главного командования сухопутных войск Германии началось смятение: даже генерал-фельдмаршал фон Клюге, обычно поддерживавший стратегию Гитлера держаться за все, прислал в высшей степени тревожную радиogramму. «Отступление основной части моих сил к “Восточному валу” становится неизбежным», — докладывал он. Гитлер тем не менее срочно сообщил Манштейну: «Приказ не отдавать. Фюрер завтра ожидает вас с докладом в “Вольфшанце”».

Четвертое совещание Гитлера со своими маршалами открылось в атмосфере крайнего напряжения. «Сейчас решается судьба не днепровской линии или экономически важных регионов Донбасса, решается судьба всего Восточного фронта», — начал Манштейн.

Его мужественные слова и стоящие за ними упрямые факты заставили наконец Гитлера увидеть очевидное. Он согласился на отвод главных сил за Днепр и Десну. Только южный фланг 6-й армии должен был держать «линию Вотана» восточнее Днепра — от Мелитополя к излучине Днепра у Запорожья. 15 сентября Манштейн отдал соответствующие приказы. Важное решение было принято. Однако было ли оно принято вовремя? Или уже слишком поздно? Смогут ли войска добраться до переправ и форсировать реку до того, как их нагонят русские?

Начинался захватывающий период в истории войны.

3. «Восточный вал»

Величественная река Днепр — Стена, защищающая экономические богатства — Запорожская плотина — Приказ в девяносто строк — Эвакуация линии фронта в тысячу километров — Бесконечный переход — Выжженная земля.

Днепр — какая река! После Волги и Дуная третья по величине река в Европе, вторая — в Европейской России. Она берет начало на Валдайской возвышенности, течет на юг 2283 километра и впадает в Черное море. Это линия жизни изобильной Украины. На ее берегах стоит колыбель русской государственности. Могучая река: до сорока метров глубиной и до трех километров шириной. Как почти у всех русских рек, ее западный берег крут и обрывист, а потому представляет собой идеальную оборонительную позицию.

Легко понять, почему летом 1943 года эта река воплощала тайные надежды немецкого Генерального штаба и воюющих войск. Здесь, за естественной преградой, можно возвести мощную оборонительную зону — «Восточный вал», о которой Главное командование сухопутных войск Германии мечтало еще со времен поражения под Курском. Здесь можно ждать Красную Армию, здесь ее можно остановить.

Гитлер знал о позиции своих генералов вот уже несколько месяцев. Однако, поскольку его стратегическое кредо требовало «держаться любой ценой» и отступление, даже в качестве стратегического сдерживающего действия, в его глазах являлось смертным грехом, он долго запрещал создание укреплений, бункеров и траншей на западном берегу Днепра. «Простое знание, что позади них есть хорошо оборудованная линия, будет побуждать моих генералов и войска к отступлению», — полагал Гитлер. Только в середине августа, когда русские уже спосили все на пути к Днепру, он скрепя сердце санкционировал начало работ на «Восточном валу» вдоль Днепра и Десны. Он санкционировал — но не выделил на это рабочих рук.

Теперь, в середине сентября, ошибки многих месяцев требовалось возместить за несколько дней или часов.

Положение стало крайне опасным. Поскольку если наступающие русские не будут остановлены у днепровского барьера — что тогда? Крым будет потерян. Украина будет потеряна. В пределах досягаемости русских окажутся границы Румынии. Было совершенно очевидно: судьба войны на Востоке в самом деле решается на Днепре.

Для Сталина Днепр являлся самой заманчивой стратегической, экономической и политической наградой. Величественная река была не только военной линией, она была также последним серьезным препятствием на пути к жизненно важному сырью Украины и Румынии. Пока Вермахт контролирует житницу России, плодородные регионы западнее Днепра, будут хлеб и молоко, яйца и мясо. Но еще важнее, что за Днепром были не только плодородные поля — под черной землей этих полей лежали самые желанные сокровища индустриальной эры. В Кривом Роге добывали украинскую железную руду. В Запорожье и Никополе — ценные марганец и цветные металлы, медь и никель, которые так необходимы военной промышленности. Более 30 процентов потребностей Германии покрывались из этих источников.

И наконец, за этим трехкилометровым противотанковым рвом по имени Днепр находились нефтяные промыслы Румынии, в то время, в 1943 году, самые крупные в Европе после русских.

Скважины Румынии удовлетворяли половину общих потребностей Германии в нефтепродуктах. Без этой нефти крупномасштабные операции мобильных войск и значительных воздушных сил станут невозможны и война будет проиграна. Пока Германия контролирует румынскую нефть, ей не нужно беспокоиться о топливе для танков и самолетов. Днепр стал рекой, определяющей судьбу войны. В том случае если немецкие силы смогут удержать его, руководство рейха сохранит военную и экономическую способность.

Это не просто предположение, базирующееся на немецком сверхоптимизме, но положение, полностью разделяемое официальной советской «Историей Великой Отечественной войны», том 3. Кажется неправдоподобным, что даже летом 1943 года человек в «Вольфшанце» продолжал закрывать глаза на факты. 21 июня 1943 года, когда Манштейн поставил перед Главным командованием сухопутных войск Германии воп-

рос: удерживать ли Донецкий регион или важнее дать русским этим летом самим истечь кровью на Днепре, Главное командование сухопутных войск Германии ответило: «Фюрер хочет и то и другое!»

Фюрер хочет и то и другое. Но получить и то и другое было не суждено.

Сталин давно понял важность днепровской преграды для будущего течения войны. И он полагал, что его оппонент в Восточной Пруссии так же трезво оценивает ситуацию и постарается вовремя отойти за этот оборонительный рубеж. Именно по поводу подобного отхода и беспокоился Сталин. Он считал своевременное отступление немцев за укрепленную днепровскую линию самой большой угрозой своим шансам на победу. Вот почему уже с весны 1943 года он подгонял своих маршалов: вы должны помешать немцам организовать оборону за Днепром, вы должны помешать им любой ценой. Нам нужно выйти к Днепру! Это было желанием, надеждой и основной идеей советского Генерального штаба.

Советский план на лето и осень 1943 года, естественно, строился на этой идее. Советское Верховное Главнокомандование в ходе летнего наступления планировало разбить южный фланг немецких армий на Востоке и, разбив успех, форсировать Днепр. Для достижения этой цели Сталин привлек все наличные силы. Согласно «Военно-историческому журналу», советское Верховное Главнокомандование сосредоточило на своем южном крыле 40 процентов всех стрелковых соединений и 84 процента танковых соединений.

Сталин таким образом достиг гигантского сосредоточения сил. И в людях, и в технике он имел шестнадцатикратное превосходство над противником. То, что он готовил, было самой крупной советской операцией Второй мировой войны. Все было поставлено на эту карту — армии, оружие, партизаны, разведка и пропаганда. Боевой дух войск был поднят на необычайную высоту. Днепр объявили священной целью, завоевание которой будет означать зарю победы.

Сталин апеллировал не только к чести и патриотизму своих генералов, командиров и солдат, но и к их тщеславию. 9 сентября в директиве всем фронтам и армиям Сталин обещал офицерам, старшинам и рядовым самые высокие награды, в случае если они проявят себя в боях за Днепр и Десну.

Интересно, что при этом советское командование не применяло немецкий принцип, что каждый солдат — не важно рядовой или генерал — может получить за храбрость любую награду. Директива Сталина обнаруживает классовую структуру, отголосок старой имперской немецкой армии. За успешные действия на Днепре командующим армиями обещали орден Суворова I степени; командирам дивизий и бригад — орден Суворова II степени; командирам полков и батальонов — орден Суворова III степени. Другим чинам, проявившим выдающийся героизм в боях за великую реку, обещалось представление к званию Героя Советского Союза.

В среду 15 сентября в Запорожье, городе в излучине Днепра, стоял типичный день позднего русского лета. С реки дул прохладный ветерок. Массивная красивая плотина, в то время самая большая в Европе, предоставляла войскам идеальное место для купания. Плотина являла собой огромную впечатляющую конструкцию: 2500 метров длиной, с проходящими по ее верху железнодорожной линией и двухрядным шоссе. Турбины электростанции вырабатывали 550 000 киловатт и снабжали электроэнергией весь западноукраинский промышленный регион. Это сооружение было предметом гордости большевистского режима, символом реализации коммунистической задачи электрифи-

кации и индустриализации всего государства. По этой причине электростанция носила имя Ленина, человека, который в 1920 году отчеканил лозунг: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны».

Во время отступления в 1941 году русские по специальному приказу Сталина разрушили свое техническое чудо на Днестре. Оно не должно было попасть в руки немцам. Плотину взорвали, судоходный шлюз затопили. Но либо им не хватило времени на дальнейшее разрушение, либо то, что было сделано, показалось достаточным, но электростанция осталась нетронутой. Однако попавший в нее случайный снаряд вызвал серьезный пожар, вода залила оборудование, и электростанция некоторое время не работала. Хотя после первого сложного ремонта плотины производство электроэнергии возобновилось, потребовалось еще три года усердной работы, чтобы в начале 1943 года оно возросло до прежних объемов.

С этого времени генерал-майор Киттель, военный комендант Запорожской плотины, заботливо охранял этот промышленный бриллиант. Два зенитных полка прикрывали плотину и электростанцию от атак с воздуха; боны и торпедные сети военно-морских сил защищали их от дрейфующих мин, воздушных торпед и внезапных нападений советских десантников. Когда фронт приблизился, Киттель усилил охраняющие сооружения отряды посредством «личного набора». Кто бы из отставших солдат ни появился в Запорожье, он задерживал его и определял в ударную группу. В этой своеобразной разношерстной компании, сформированной генералом для защиты города и плотины, было представлено поддожинны различных дивизий.

Штаб группы армий «Юг» располагался в административном здании в западной части оживленного и чистого промышленного города. 15 сентября 1943 года ближайший соратник Манштейна генерал Буссе сидел в штабе. Он заканчивал приказ на отступление. Генерал-фельдмаршал появился поздно ночью, после возвращения из Ставки фюрера, вместе с начальником оперативного отдела полковником Шульце-Бютгером. Они еще раз просмотрели приказ. Он начинался так: «Группе армий отступить на «линию Вотапа» на Днестре. Скорость отхода определяется исключительно поддержанием боеспособности войск».

Поддержание боеспособности. Это очень беспокоило Манштейна. Каждый офицер его штаба знал, насколько серьезной была его обеспокоенность. Буссе, который как начальник штаба отвечал за координацию всех стратегических мероприятий, сформулировал это так: «Все, что им теперь нужно, это один-два генерала, овладевшие нашими принципами ведения танковой войны, — и мы в беде. Они ударят в бреши, которые неизбежно появятся, когда наши силы начнут отходить к мостам, и выйдут к переправам на Днестре раньше нас. Им нужен один Гудериан — и Господи, помилуй нас!»

«Мы должны надеяться, что они еще не усвоили урока, — сказал Манштейн. — Последние недели склоняют меня к мысли, что нет».

Манштейн намекал на развитие критической ситуации в Ахтырке и Сталино. Там русские упустили уникальную возможность решительным танковым ударом с севера на юго-запад прорваться к Днестру, оттеснить группу армий «Юг» обратно к Азовскому морю и спокойно уничтожить ее восточнее немногочисленных переправ через Днестр.

Хотя советские генералы и осуществили глубокое вклинение в немецкий фронт, им не удалось развить свой успех. Они пока не взрастили Гудерианов, Роммелей, Готов и тем более Манштейнов. Пока нет.

Приказ Манштейна на отступление, от которого зависела жизнь и смерть четырех армий, состоял из девяноста отпечатанных на пишущей машинке строчек. Только девяносто строк. В них излагался план сражения исключительной важности. Последние два пункта, номера 7 и 8, проявляли стиль руководства Манштейна. В них говорилось: «(7) Все принимаемые решения и отдаваемые приказы, основанные на вышеизложенных директивах, должны строиться на понимании, что только полноценные силы преодолевают препятствия, поэтому никакая операция, тем более отступление, не может быть осуществлена войсками, потерявшими боеспособность или боевой дух. Армиям предстоит не просто передвигаться к целям, перечисленным в данной директиве, а ежедневно демонстрировать свое абсолютное превосходство. (8) Армиям безотлагательно докладывать о своих намерениях... на их основе группа армий будет координировать действия».

Для Манштейна эта операция была самой сложной и самой опасной за всю войну. Его силы вели тяжелые оборонительные бои с превосходящим по силам и уверенным в себе противником. 1000-километровый фронт был прорван на многих участках. В этих условиях силы четырех армий, состоящих из пятнадцати штабов корпусов, шестидесяти трех с половиной дивизий и всего, что сопровождает этого рода образования (примерно миллион военнослужащих и гражданских сотрудников Вермахта), нужно было с боями отвести назад на несколько сотен километров, не теряя сплоченности и без паники. Миллион бойцов нужно было снять с линии фронта протяженностью около 1000 километров; три из четырех армий, с их пятьюдесятью четырьмя с половиной дивизиями, нужно было оттянуть к шести мостам, чтобы форсировать, повзводно, одну из величайших рек Европы.

Но это только половина задачи. На другой стороне реки 1-я танковая армия, 8-я армия и 4-я танковая армия, а также их северные соседи группы армий «Центр» должны были снова как можно скорее развернуться на фронте в 720 километров, пока отчаянно преследующий противник сам не вышел на западный берег. На карте изображается этот самый дерзкий и самый рискованный отход в военной истории. Если он получится, серьезнейший кризис будет преодолен; если нет — немецкие армии на Востоке ждет поражение и возможная потеря миллиона человек.

Хотя собственно военный аспект отступления и не был особенно сложным, существовал целый ряд дополнительных задач, добавлявших проблем группе армий. Требовалось эвакуировать примерно 200 000 раненых вместе с госпиталями и персоналом немецкого, венгерского, румынского, словацкого и украинского отделений Красного Креста; а также огромное количество русского гражданского населения. Опыт недавних отступлений показал, что на всех отвоеванных территориях Красная Армия немедленно мобилизует всех здоровых мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет и зачисляет их в боевые части. «История Великой Отечественной войны» сообщает, что одна единственная 13-я армия в начале сентября в отвоеванных районах своего участка фронта зачислила в свои ряды 30 000 человек и таким образом пополнила соединения. Этим людям давали оружие по прибытии в подразделения, часто во время сражения — оружие убитых и раненых.

А на Южном фронте было двадцать пять советских армий, и все они именно так производили призыв. Генерал Неринг, тогда командовавший 24-м танковым корпусом, в комментариях по поводу этой практики заметил: «Эти люди не были 100-процентными солдатами, но они бежали вместе с другими, они бросались в брешь на линии фрон-

та и затопляли пас». В этом и состоял смысл подобного массового набора. Чтобы не допустить такого опасного увеличения рядов Красной Армии, мужчины призывного возраста, рабочие основных промышленных предприятий и крестьянских хозяйств были эвакуированы с немецкими силами. В секторе группы армий «Юг» их насчитывалось примерно 200 000. Поскольку их семьям тоже было разрешено отправляться с ними, реальное количество людей, следовавших за отступающими немцами, было примерно вдвое больше.

В результате за немецкими полками, украинскими полицейскими и вспомогательными частями, эскадронами добровольцев из кавказских народов, туркменскими легионами и колоннами рабочих тащились огромные разношерстные толпы гражданских. Им разрешалось брать с собой имущество и домашних животных. По дорогам и проселкам к Днепру двигались бесконечные процессии. Все население сдвинулось с места. Лейтенант из Гамбурга писал своей матери: «Этот переход волнующий и переальный, необычный и зловещий в одно и то же время. Поднялось и население, и армия; и все направляются к великой реке, которая, мы надеемся, снова даст нам надежную оборонительную линию».

Но Красную Армию нужно было лишить не только живой силы. Специальным приказом рейхс-маршала Геринга, отданным от имени Гитлера 7 сентября, командующим армиями предписывалось вывозить все запасы продовольствия и сырья, все поголовье скота колхозов и совхозов, станки и сельскохозяйственные машины. Зерно и масличные культуры, лошади, крупный рогатый скот, овцы и свиньи, молотилки и трактора, токарные станки и инструменты, а также все транспортные средства — все нужно было взять с собой за Днепр. И наконец, подвижной состав, при помощи которого осуществлялся этот великий исход. Ничего нельзя было оставить, только землю.

Но и это не все. С целью задержать русских на последней стадии их продвижения восточнее Днепра как можно дольше, так чтобы они не смогли немедленно подойти к реке, зону от девятнадцати до сорока километров приказывалось превратить в пустыню. То, что невозможно было вывезти, требовалось разрушить — взорвать, сжечь, разорить: каждый дом, каждый мост, каждую дорогу, каждую тропу, каждое дерево и каждый сарай. Враг должен был оказаться в пустыне, где он не найдет места, чтобы преклонить голову для отдыха, не найдет еды и питья. Выжженная земля. Впервые этот метод должен был быть включен в немецкий стратегический план в полном масштабе; впервые должен был быть применен ужасающий бич огня и разорения. Метод, который Сталин неоднократно использовал в 1941 и 1942 годах, хотя и с переменным успехом.

Итак, немецкие силы из Донецкого региона и Восточной Украины выступили на запад. С ними двинулись 200 000 голов скота и огромное количество лошадей — 153 000. Прижавшись друг к другу вспотевшими крупами, они пошли по черной земле Украины в тучах пыли, как огромные колонны пленных. Примерно 270 000 овец погнали на запад; примерно 40 000 крестьянских телег затряслись в направлении Днепра. И когда солнце исчезло в черных тучах пыли, поднятой этим бесконечным переселением, 3000 железнодорожных составов застучали по рельсам между Сталино и Киевом, увозя зерно, подсолнечник, людей, трактора, молотилки, станки и поврежденные танки.

Как бы ни были впечатляющи эти цифры, немецкое командование ошибалось, веря, что при поспешном отступлении можно землю разорить или ее широкий пояс превратить в непроходимую пустыню.

Несколько сотен тысяч голов скота, лошадей и овец не выигрывают войны. Разрушенные фабрики и шахты не парализуют промышленность стойкой пацни навечно. Меры подобного рода не гарантируют победы, но могут надолго испортить репутацию народа.

Войска инстинктивно это понимали. Манштейн сам приказал ограничить эти меры совершенно необходимым, с военной точки зрения. Директива группы армии оговаривала, таким образом, что остающееся население должно быть обеспечено зерном и скотом в количестве, достаточном, чтобы дожить до следующего урожая.

В секторе 6-й армии оставили одну пятую всех запасов зерна. Боевой журнал армии, однако, сетует, что эта мера, продиктованная соображениями гуманности, привела к военному ущербу, поскольку Красная Армия по прибытии немедленно конфисковала эту малость. Сей факт действительно подтверждается в «Истории Великой Отечественной войны», хотя и интерпретируется иначе: люди, заявляется, спрятали зерно от немцев, чтобы передать его Красной Армии, когда их освободили.

Очень скоро стало ясно, что приказ оставить после себя только «выжженную землю» может быть выполнен лишь частично. В большинстве случаев военные операции и с опозданием начатое отступление не оставляли войскам времени произвести разрушения. Это подтверждают записи в боевых журналах многих дивизий. Типичен отчет 23-й танковой дивизии: «Операция «Выжженная земля» осуществлялась дивизией, как и ее соседями, лишь короткое время, поскольку оказалась невыполнимой». Сходные заявления можно обнаружить в служебных рапортах «Великой Германии» и многих других дивизий.

Генерал Неринг, чей танковый корпус сражался в ключевых точках группы армий Манштейна и в данное время воевал юго-восточнее Киева, докладывал: «В районе моего 24-го танкового корпуса «выжженная земля» не проводилась из-за недостатка времени. Оставлено большое количество скота и продовольствия. Несколько амбаров сожжено, но деревни нетронуты». Генерал Буссе, начальник штаба Манштейна, сообщает: «Выжженная земля» осуществлена лишь в узкой полосе земли на берегу противника. Больше было нереально. Однако мера, бесспорно, создала для противника трудности при подготовке к форсированию реки».

Тем не менее немецкий Вермахт до сего дня жестко клеймят за эвакуацию и разрушения в Донецком регионе. После войны генералы, офицеры и другие чины получили в Советском Союзе суровые приговоры, некоторые из них были приговорены к смертной казни. Даже генерал-фельдмаршал фон Манштейн в 1949 году в Гамбурге был приговорен Британским военным судом. Известно, что по семнадцати пунктам обвинения в «выжженной земле» Манштейн был оправдан, поскольку суд признал военную необходимость этих мер. Только в одном пункте Британский суд не усмотрел военной необходимости — насильственном вывозе части гражданского населения. На этом основании среди других, Манштейн был признан виновным. Приговор Британского военного суда впоследствии сократили, но он тем не менее способствовал укреплению точки зрения, в Германии и за рубежом, что «выжженная земля» — непростительное изобретение немцев. Это не так. Никто не хочет искать оправданий тому, что происходило в России, — однако историю нельзя смешивать с пропагандой.

«Выжженная земля» — мрачная картина пылающих деревень, горящих городов, черных грибов дыма, поднимающихся над взорванными промышленными предприятиями — не является принадлежностью исключительно кампании в России. «Выжжен-

ная земля» не была придумана между Донцом и Днепром. Стратегия опустошения стара, как сама война. И во Второй мировой войне не Гитлер, а Сталин первым объявил ее и сделал неотъемлемой частью своих операций.

3 июля 1941 года, через десять дней после нападения немцев, в своей первой переданной по радио речи он объявил населению, войскам и партизанам: «Нам предстоит организовать беспощадную борьбу. Враг не должен получить ни одной машины, ни одного литра бензина, ни единого куска хлеба. Колхозникам нужно уводить скот и увозить зерно. Что нельзя эвакуировать, следует уничтожить. Взорвать мосты и дороги. Сжечь леса и склады. Мы должны создать врагу невыносимые условия».

Не папоминает ли это слова, которые в драме Генриха фон Клейста «Битва Германца» Германц, или Арминнус, предводитель германских племен в борьбе против римских легионов, произнес своим князьям в 9 году: «Если вы уведете своих жен и детей на правый берег Везера... если вы разорите свои поля и убьете свои стада, если вы сожжете родные дома — тогда я ваш слуга».

Они сожгли свои дома. Они убили свой скот. Точно так же, как отступающие легионы Цезаря после их первой переправы за Рейн в 55 г. до н.э. пожгли фермы и деревни, увели крупный рогатый скот и уничтожили урожай.

В 1689 году французский военный министр Лувуа приказал снести с лица земли немецкое пфальцграфство, чтобы создать защитный пустынный пояс вдоль восточной границы Франции. «Brûlez bien le Palatinat», — подгонял он французских генералов. В полосе земли в сто шестьдесят километров длиной и восемьдесят километров шириной, от Гейдельберга до реки Мозель, на густонаселенной и возделанной территории, огонь и меч создали «выжженную землю».

Через пятнадцать лет после Лувуа, в ходе войны за Испанское наследство, британцы под командованием Джона Черчилля, знаменитого первого герцога Мальборо, применяли тактику «выжженной земли» в районе Ингольштадт—Аугсбург—Мюнхен, чтобы лишить какого-то ни было крова французские и баварские войска.

Примерно в то же время шведы Карла XII создали зону «выжженной земли» в России, восточнее Ворсклы, для защиты своих зимних квартир от царских войск. Шведский король, в сущности, перенял тактику Петра Первого, который годом раньше опустошил Смоленскую область и тем самым помешал походу шведов на Москву.

Русские, безусловно, прекрасно владели этим средством. Они весьма успешно применили его против шведов за несколько лет до этого на Неве. Генерал Шереметев писал тогда царю: «Рад сообщить, что Всемогущий Господь и Святая Богородица ответили на твою молитву: мы увезли и разорили все, так что в этой земле ничего не осталось».

Через сто лет в другом письме из России говорилось о «выжженной земле». Его отправил полевой почтой из Березины простой крестьянский сын из Франции, мушкетер великой армии Наполеона: «Русские уничтожили свои запасы, увели скот, подожгли свои дома и мельницы, разрушили колодцы». Его родители читали эти известия с ужасом.

Великий родоначальник европейской военной науки прусский генерал Карл фон Клаузевиц вносит в эту картину дополнительные штрихи: «...они также разрушили мосты и снесли верстовые столбы, вследствие чего были утрачены средства ориентации».

Даже в Западном полушарии, в Америке, колыбели современной цивилизации, мы встречаемся со стратегией опустошения. Авраам Линкольн, освободитель рабов и са-

мый популярный американский президент, в 1865 году применил «выжженную землю» в качестве решительной формы борьбы во время Гражданской войны. И его генералы «выжигали» без оглядки. Профессор Вильямс, их американский современник, писал о генерале Гранте, командующем Линкольна, которого он называл «первым великим человеком нашей эры»: «Он понимал, что уничтожение экономических ресурсов противника суть такая же эффективная и обоснованная форма ведения войны, как и уничтожение его армии».

И подчиненный Гранта, генерал Шерман, действовал таким же образом. Он сжег Атланту, спалил штат Джорджия, опустошил один из самых богатых районов американского Юга. Не вследствие бесчеловечности, а следуя логике войны. Когда мэр Атлалпты выразил протест, Шерман ответил: «Война жестока и не может быть другой».

Война жестока. Везде. И она будет еще более жестокой, принимая во внимание современные средства ведения войны. Каждый, кто когда-либо вел войну, всегда прибегал к практике «выжженной земли». Французы и шведы, американцы и англичане, русские и немцы, японцы и китайцы.

Кто первым отчеканил выражение «выжженная земля» и где, установить трудно. Но земля выжигалась. Во все времена и на всех широтах земного шара — на Рейне и Неккаре, на Одере и Висле, на Дунае, Ваале в стране буров и на Чатахучи в Америке. Однако выжженная земля на Днепре тяжелее всего давит на нашу совесть: ее угли все еще тлеют.

4. Гонка к реке

Сквозь дождь и грязь — Кто быстрее? — Партизанский отряд имени Чапаева посылает донесение Ватушину — Тревога у Канева — Три крика выти — Лодки на почной реке — Советская переправа у Григоровки — В «мюкром треугольнике» на Привяти — Мост у Канева.

Шел проливной дождь. Черная плодородная земля Украины отпивалась после жаркого лета. Вся пыль превратилась в грязь, кругом была сплошная трясина. Очень скоро проселочные дороги стали непроезжими болотами. Грузовики завязли, конный транспорт передвигался с большим трудом, справлялись только тяжелые трактора и гусеничные машины. Дивизии, полки и батальоны потеряли мобильность. И это уже в середине сентября. Волновал вопрос: неужели наступила осень? Если так, немецкие армии ожидают большие проблемы на пути к желанной «линии пантеры», немного восточнее Днепра. Никто не ожидал такой ранней осени.

Группа армий «Юг» довела до своих армий директиву Манштейна от 18 сентября как можно скорее отступать за реку и на западном берегу разворачивать мобильные соединения, чтобы укрепить все угрожаемые участки между мостами. На данный момент силы вдоль реки состояли исключительно из снабженческих частей, ремонтных служб, учебных частей, железнодорожных команд, а также нескольких вспомогательных и транспортных подразделений. Началась гонка по грязи.

1-я танковая армия Макензена пробивалась к плацдармам Запорожья и Днепропетровска. 19 сентября, в прекрасное осеннее воскресенье, после тяжелого оборонительного боя оперативная группа 40-го танкового корпуса генерала Хайнрици на парамах форсировала реку у Антоповки, южнее Днепропетровска. Через двадцать четыре часа

она снова перешла на восточный берег по Запорожской плотине, чтобы занять полукруговой плацдарм, прикрывающий город и плотину. На этом плацдарме, выступающем на двадцать километров к востоку, стоял 17-й корпус со своими пехотными дивизиями. Русские, к счастью, пока ограничивались дозорами, а основная часть 3-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Лелюшенко еще не подошла. В широкой днепровской долине царил мир. Лишь транспортные и тыловые части спешили на запад, напоминая о надвигающихся событиях. Переправы у Кременчуга и Черкасс были целью 8-й армии Вёлера.

Критическая ситуация сложилась в секторе 4-й танковой армии. Двумя корпусами, 7 и 13-м, она пробивалась к немецкому плацдарму у Киева, все время испытывая натиск со стороны противника. Ее 24-й танковый корпус, переданный в 8-ю армию, должен был форсировать реку у Канева, в ста двадцати километрах южнее Киева. Корпусом командовал генерал Неринг. На нем лежала тяжелая ответственность. Советская 3-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Рыбалко, составляющая передовой клин советского наступления на Днепр, старалась обогнать немцев и форсировать реку раньше Неринга. 24-й танковый корпус опять оказался в ключевой точке сражения — как это уже не раз бывало в ходе боев между Доном и Днепром.

Машины и двигающиеся походным маршем колонны дивизий мучительно преодолевали путь из Оршицы к Днепру — штифбаварская 10-я мотопехотная дивизия; 57, 34 и 112-я пехотные дивизии. Их полки были сформированы в Верхней Баварии и Рейн-Гессене, Мозеле, землях Рейн и Вестфалия. Смогут ли они форсировать реку раньше русских?

«К счастью, грязь мешает и русским», — утешал начальник штаба полковник Хессе капитана доктора Кёне, офицера разведки корпуса. Кёне был в отчаянии по поводу того, что никто из его офицеров до сих пор не вернулся из разведки. «Лейтенанту Веберу вчера потребовалось двенадцать часов, чтобы покрыть десять километров, господин полковник», — причитал Кёне.

«Не плачьте», — сказал ему начальник штаба. — Грузовик с документами по Боннской операции тоже застрял. Дивизии тонут в грязи, и их командиры считают нас сумасшедшими, когда мы просим их отступить. Они не видят необходимости в отступлении, раз русские не преследуют их. Но они не знают положения армии; они не знают, что нам нужно отступить, если мы не хотим, чтобы нас обошли с флангов. Поэтому нам нужно поторопиться и выйти к этому мосту».

Развернув на коленях карту, Хессе изучал последние изменения. «Русские наступают в широкие бреши, которые, естественно, появились в результате отхода наших армий к немногочисленным мостам, — думал он вслух. — Они пытаются выйти к реке и, если удастся, форсировать ее раньше нас». Карта ясно отражало это стремление: район отступления корпуса, обозначенный голубым, лежал в окружении жирных, красных стрел русских. Ни справа, ни слева от корпуса других немецких частей не было.

В этот момент влетел лейтенант Грейнер, переводчик штаба корпуса. Он был с ног до головы в грязи после долгой и сложной обратной поездки из штаба 10-й мотопехотной дивизии. Его доклад не вызывал энтузиазма: «Люди пробиваются по грязи. Они не спали уже несколько дней, на них нет сухой нитки. И постоянные бои. Но они держатся. Днепр манит их, как мираж. Подполковник де Мезире, начальник оперативного отдела, сказал мне: «Солдаты мечтают о крепкой оборонительной линии. Они мечтают о бунке-

рах и казармах, где, в конце концов, смогут расслабиться, пайти сухую койку и конец этого отступления. Конец вечного страха попасть в засаду, быть обойденным с фланга или отрезанным!»

Хессе слушал с каменным выражением лица. Бункеры! Оборонительная линия! Отдых и безопасность! Сказать лейтенанту, что он верит в это? Сказать ему, что на их будущем участке за Днепром их, скорее всего, не ждет ничего, кроме нескольких траншей и спасательной части? А возможно, и не это, а русские. Но он не стал говорить лейтенанту о своих опасениях. Вместо этого он спросил намеренно официальным тоном:

— Что в полосе 10-й дивизии делают русские?

Грейнер понял намек. В конце концов, он состоял в отделении разведки, которое должно обрабатывать сообщения противника. Поэтому он ответил:

— Русские уже перебрасывают войска на запад, к Днепру, по железной дороге Полтава—Киев.

— Вы серьезно, Грейнер?

— Совершенно серьезно, господин полковник. Генерал Шмидт и его офицер разведки капитан князь Кафель специально поручили мне проинформировать вас. Согласно надежным разведывательным данным, русские отремонтировали поврежденную железную дорогу с поразительной быстротой, собрав рабочую силу, которая нам и не снилась, и уже используют линию. Сигнальное оборудование, естественно, еще не работает, поэтому они ведут составы на запад на глаз. Поезда уже прошли Гребенку.

— Это делает ситуацию еще более угрожающей, — заметил полковник Хессе.

21 сентября, около 16 часов, на стол командующего 8-й армией генерала Вёлера в его передовом командном пункте у Смелы положили пачку перехваченных партизанских радиogramм, переданных в открытом эфире. Они были подписаны: «Отряд Чапаева» и, очевидно, в ответ на запрос, сообщали, что на западном берегу Днепра в излучине севернее Канева немецких войск нет.

Сведения были точны. Кроме немецкой штрафной роты, на западном берегу в днепроградской излучине между деревнями Григоровка и Ржичев ничего не было. Вёлер забеспокоился. Воздушная разведка докладывала, что русские передовые части в этом районе находятся недалеко от реки. Может, Ватутин планирует внезапное нападение севернее Канева? Вёлер бы не удивился. Советский генерал-полковник за последние месяцы проявил себя как великолепный тактик и смелый командир.

Вёлер незамедлительно набросал приказ Нерингу. Радиogramма поступила в 24-й танковый корпус в 20 часов 45 минут: Нерингу приказывалось немедленно перебросить мобильные силы через Канев на южный берег угрожаемой днепроградской излучины.

Однако Вёлер понимал, что даже подвижные части 24-го танкового корпуса не могут летать. Если русские собираются форсировать реку 22 сентября, то ни одна из частей Неринга не сможет попасть туда вовремя. Что нужно делать?

У генерал-майора доктора Шпайделя, начальника штаба 8-й армии, была идея. В Черкассах, южнее Канева, находился военный учебный центр группы армий «Юг». Им придется справиться. В 22 часа 30 минут коменданту центра по телефону поступил приказ срочно сформировать из слушателей курса отряды, перебросить в Канев и развернуть их на западном берегу севернее города. Через два часа люди погрузились в

грузовики и поехали в ночь. Дождь прекратился. Ветер и теплая погода быстро высушили дороги, но все равно было прохладно. Над Днепром клубился туман, он скрывал противоположный берег. Он скрывал то, чего боялись Вёлер и Неринг.

Гвардии рядовой И.Д.Семенов осторожно раздвинул камыши и взгляделся в реку. Прислушался. Ничего. Рядом с ним к земле припали партизаны.

— Где эта лодка? — спросил Семенов.

— Пять шагов отсюда, под берегом. Закрыта камышами.

— Пошли. — Семенов три раза крикнул выпью. Камыши зашелестели. Показались еще три гвардейца — В.Н.Иванов, Н.Я.Петухов и В.А.Сысолятин; поползли за Семеновым и партизанами. Они не знали, что в этот момент к ним были прикованы глаза истории. Они не знали, что их имена войдут в анналы. Они даже не знали, получится ли у них — смогут ли они переплыть большую реку первыми из 3-й гвардейской танковой армии или даже из всей Красной Армии, которая сейчас наперегонки движется к Днепру. Самым молодым из них был Петухов, юноша восемнадцати лет, остальным не больше двадцати двух. Все четверо — члены комсомола. Какова была их задача?

Как верно предположил генерал Вёлер, радиogramмы от партизанского отряда Чапаева, сообщавшие генерал-полковнику Ватутину о незащищенном западном берегу у Григоровки, оказались весьма значимыми. Умный советский командующий тотчас воспользовался случаем. Излучина Днепра, выступающая к северо-востоку, по тактическим соображениям и так казалась удобным местом для форсирования реки; а благоприятные сведения от партизан окончательно склонили чашу весов в ее пользу. Ватутин позвонил генералу Рыбалко. Рыбалко встретил идею с энтузиазмом. Он сам позвонил в свою 51-ю гвардейскую танковую бригаду.

— Товарищ командир, ваше передовое соединение на реке?

— Так точно, товарищ генерал.

— Есть у вас связь с партизанским отрядом Чапаева?

— Так точно, товарищ генерал.

Небольшая пауза, и решительный приказ:

— Тогда форсируйте реку!

Три слова, но от них зависела великая битва за Днепр.

— А саперы и средства переправы?

В голосе Рыбалко послышался металл:

— Вы не можете их ждать. Сами делайте плоты или идите вплавь. Понятно?

— Так точно, товарищ генерал.

И 51-я гвардейская танковая бригада форсировала реку на плотях и вплавь.

Лейтенант Синашкин, командир пулеметной роты бригады, получил приказ форсировать Днепр между деревнями Григоровка и Зарубенцы. Его рота переправлялась первой. Рядовые Семенов, Иванов, Петухов и Сысолятин были добровольцами из его роты. Перевалило за полночь... Туман с реки начал подниматься быстрее. Видимость сократилась до шестидесяти—семидесяти метров. Почти бесшумно Семенов и его товарищи подползли к берегу. Здесь! Они раздвинули камыши, столкнули лодку в воду.

Теперь тише. Партизаны обмотали уключины старыми мешками. Гвардейцы уже завернули свои автоматы в тряпки, чтобы случайно не звякнуть. Они осторожно забрались в лодку, стараясь ее не опрокинуть. Семенов перевалился через борт и оттолкнулся ногой. Из подхватило течением, но сильный Сысолятин уже опустил весла в воду и

начал энергично грести. Партизан на носу правил небольшим рулем. Лодку сносило течением.

— Гребите сильнее, или нас отнесет слишком далеко, — зашипел партизан. — Еще сильнее.

Сысолятин греб изо всех сил. Как черная тень, в ночи проступил крутой западный берег.

— Еще несколько гребков.

— Хватит — теперь пусть песет.

— Прыгайте.

Семенов выпрыгнул из лодки. Вода дошла ему до пояса, но дно реки было твердым. Он вытянул лодку на берег.

Они прислушались. Ночь мирно дышала. Партизан, рыбак из Григоровки, высадив гвардейцев в нужном месте — в двухстах метрах севернее деревни. Здесь им предстояло огнем привлечь к себе внимание немецких часовых и имитировать попытку высадки десанта, чтобы стянуть в это место сторожевые заставы. А лейтенант Синашкин тем временем с основной частью роты и 120 партизанами форсирует реку на тысячу метров севернее, сразу за Зарубенцами, и создаст там первый небольшой плацдарм для бригады, которая должна последовать за ними. Сразу после высадки рота должна была предпринять атаку на Григоровку. Около 02.00 перед немецкими часовыми на окраине Григоровки раздались выстрелы четырех гвардейцев.

«Строиться! Бегом!» — закричал в деревне немецкий унтер-офицер. Там размещался взвод штрафной роты. Один взвод! Люди, которым тюремное заключение было заменено службой на Восточном фронте, и больше никого на Днепре у Григоровки. Семенов и его четыре сослуживца маневрировали между крестьянскими хатами, снова и снова выпускали автоматные очереди, сейчас они были в одном месте, а через минуту где-нибудь еще. Они создали впечатление, что у Григоровки десантировался целый батальон.

Рота Синашкина тем временем форсировала реку выше и ниже деревни Зарубенцы, молча и без единого выстрела. Как они это сделали? Были ли у них инженерно-саперные подразделения? Понтонные? Паромы? Надувные лодки? Ничего этого у Синашкина не было. Его люди сколотили по несколько досок и перекладин, привязали к ним бочки. Это были их плоты — одни меньше, другие больше. На каждом переправлялись четыре человека и одно орудие. Хорошие пловцы цеплялись за плоты и помогали править. На рассвете рота Синашкина пошла в атаку и выбила немецкие пикеты из деревень Зарубенцы и Григоровка.

Итак, утром 22 сентября русские форсировали Днепр севернее Канева. Они создали плацдарм, когда 24-й танковый корпус, который должен был занять и оборонять этот сектор, все еще находился восточнее Канева на противоположном берегу реки. Дорога ему была открыта. От Канева вниз до юго-востока от Киева, вдоль всех отведенных корпусу девятиста пяти километров течения, не было ни одной настоящей боевой части.

В воздухе пахло бедой. Вдобавок к этому советская 13-я армия примерно в то же время 22 сентября форсировала реку в 195 километрах севернее, у Чернигова, точно на стыке групп армий «Юг» и «Центр». В этом месте переправу ожидали меньше всего, потому что там, где в Днепр впадает Припять, реку окружает большое болото.

Однако с середины сентября партизаны скрытно прокладывали через болото хорошо замаскированные бревенчатые дороги и таким образом обеспечили советские соединения короткими и скрытыми выходами к реке. В результате 26 сентября русские создали небольшой плацдарм, который, как палец, грозно указывал в сторону польской границы.

Правда, слабым ударным группам 2, 8 и 12-й танковых дивизий, а также 20-й мотопехотной дивизии удалось окружить плацдарм в треугольнике Днепр—Припять, а пехотные дивизии, переброшенные из других секторов фронта, смогли заблокировать наиболее опасные на тот момент вклинения. Тем не менее брешь в линии фронта между группами армий «Центр» и «Юг», безусловно, должна была стать ареной опасных событий.

Но не сейчас. Правда, некоторые дальновидные сотрудники немецкого Генерального штаба, восточного его отделения, постоянно говорили об опасности припятской дельты; однако в сентябре эту угрозу затмевала более близкая — угроза, исходящая от плацдарма лейтенанта Синашкина у Григоровки. Советские военные публицисты называли его «Букринским плацдармом».

Утром 22 сентября 1943 года внимание всех штабных офицеров в зоне группы армий «Юг» было приковано к этой рыбацкой деревне. В 11.00 зазвонил телефон в комнате коменданта военного учебного центра в Черкассах. На линии был лично генерал Вёлер, командующий 8-й армией. Он спросил:

— Сколько человек вы вчера отправили в Канев?

— Сто двадцать курсантов унтер-офицеров, господин генерал.

— Сто двадцать? — Он помолчал. — Немедленно на грузовике доставьте этих сто двадцать человек в Григоровку. Им предписывается контратаковать высадившиеся силы противника и заблокировать их.

Сто двадцать курсантов унтер-офицеров военного учебного центра — все, что 22 сентября в 11.00 командующий 8-й армией мог противопоставить советскому Букринскому плацдарму. Ясно, что это только капля в море, но других сил просто не было. Дивизии Неринга должны были защищать от яростных атак противника Каневский плацдарм, его первые подвижные соединения форсируют реку не раньше вечера 22 сентября. А за двенадцать часов многое может произойти.

В конце концов, лихорадочные телефонные переговоры принесли проблеск надежды. У Киева части 19-й танковой дивизии уже перешли Днепр 21 сентября и теперь стоят недалеко от города. В танковый разведывательный батальон дивизии позвонили, когда там обедали. «По машинам!» — И они понеслись в самый угрожаемый на данный момент пункт всего Восточного фронта. Проследовал ганноверский 73-й мотопехотный полк майора фон Менца, за ним двинулась основная часть дивизии.

От Киева до Григоровки было меньше ста километров. По хорошей дороге. Два с половиной часа для разведывательного батальона, если действительно постараться. Для 8-й армии это были два часа тревоги. Вдруг русский генерал заметит свою уникальную возможность, прорвется с плацдарма до Россавы и вобьет клин между 8-й армией и 4-й танковой армией?

В 19 часов 28 минут 22 сентября на командный пункт генерала Неринга на восточном берегу в Прохоровке поступила радиограмма от Вёлера: «Наличные силы перебросить на западный берег как можно скорее, чтобы усилить разведывательный батальон

19-й танковой дивизии, ведущий тяжелые бои в излучине Днепра». Как можно быстрее! Неринг надеялся сделать это следующим утром. Однако генерал Рыбалко тоже знал свое дело.

Утро 23 сентября началось у Неринга с неприятного сюрприза. «Атакуют танки противника!» — раздался крик. Десять, двадцать, тридцать — сорок четыре Т-34 громыхали по восточному берегу Днепра, двигаясь с севера в направлении передовых линий 253-го гренадерского полка из состава 34-й пехотной дивизии Мозеля. На броне танков ехали советские пехотинцы. Намерение русских было очевидно — им был нужен мост, они стремились помешать корпусу Неринга форсировать реку. Смелый и логичный план генерала Рыбалко. И казалось, все идет по его плану.

После тяжелых боев предыдущих дней 253-й гренадерский полк полковника Хиппеля сократился до нескольких сотен человек. Русские прорвали основную оборонительную линию и двинулись к мосту. В нескольких километрах перед мостом, в Решетках, располагался командный пункт 14-й роты. Капитан Августин имел 75-мм противотанковое орудие, два самоходных орудия с расчетами, принадлежащих 3-й роте, 34-й батальон истребителей танков и две дюжины солдат. Он увидел надвигающуюся опасность, забаррикадировался в немногочисленных домах Решеток и стоял насмерть. Своими крошечными силами Августин подбил шестнадцать Т-34, пехоту противника оттеснил за гапки. Дюжина Т-34 повернула обратно и рассредоточилась, но одиннадцать прорвались. Они загромыхали в направлении моста. Там оставался только небольшой прикрывающий отряд с противотанковыми и зенитными орудиями.

Наступил один из тех моментов, когда вся кампания может зависеть от мужества и самопожертвования нескольких человек. И они справились. В штабе корпуса полковник Хессе тем временем наскреб в своей дивизии все наличное противотанковое оружие, бросил его на подходы к мосту и отдал под командование полковника Фердинанда Хиппеля, командира 253-го пехотного полка.

Полковник встретил советские танки всем, что имел. Противотанковыми орудиями, пехотными пушками и минами атаку Т-34 отбили. К 10.00 угрозу отвели. Но через полчаса, в 10 часов 30 минут, 8-я армия переслала Нерингу радиogramму от 4-й танковой армии: «Части 19-й танковой дивизии, ведущие бои в Григоровке, испытывают большие трудности. Нуждаются в срочной помощи».

Было 14.00 часов. Командный пункт Неринга теперь находился в Келеберде на восточном берегу Днепра. Зазвонил полевой телефон. На линии был Вёлер: в днепровской излучине дела все хуже. Зарубенцы в руках противника. В Григоровке бои. Враг рвется на запад и юго-запад, на парамах переправляет через реку орудия и машины.

К счастью, несколько дней назад Неринг отправил за Днепр свои транспортные части и тыловые службы. Поэтому он мог рискнуть быстро пропустить по мосту боевые формирования, хотя противник и оказывал мощное и опасное давление. Он перенес свой передовой командный пункт прямо к въезду на мост с восточной стороны; назначил ответственным за плацдарм генерала Аугуста Шмидта, командира 10-й мотопехотной дивизии. Начальником его оперативного отдела был опытный штабной офицер, подполковник де Мезире. Именно эта дивизия из Нижней Баварии теперь отвечала за безопасность форсирования реки всего корпуса.

Лейтенант Ренатус Вебер, заслуживающий доверия хроникер из состава 24-го танкового корпуса, описывает свои впечатления в письме домой: «Когда мы 23 сентября

пробивались к Днепру, преодолевая противодействие русских танков, я вспомнил о трагедии шведского Карла XII, который в 1709 году был вынужден с остатками своей армии сдаться русским в Перевалочной, потому что не смог форсировать реку. У нас, к счастью, был наш железнодорожный мост». Действительно, к счастью.

Это был мост в Каневе. Инженерно-саперные части 24-го танкового корпуса надстроили на нем второй ярус — над железнодорожным мостом возвели пешеходный таким образом, что движение по железной дороге не прекращалось в течение всего строительства, а теперь по мосту, кроме поездов, одновременно стали передвигаться войска и их машины.

С 15.00 по этому необычно высокому мосту, двухъярусному шедевр военных инженеров, двигались полки. В штабе корпуса у восточного въезда обстановка была напряженной. Кто выиграет эту гонку? Когда появятся русские самолеты и начнут бомбить мост? Странно, что их еще нет. Но они не появились.

В 21.15 баварские полки 57-й пехотной дивизии полковника Тровитца были на другой стороне. Они незамедлительно развернулись и заняли берег с обеих сторон моста. Теперь пошла гессенско-вестфальская 112-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Либа. Чтобы не оторваться от основной части корпуса, им приходилось двигаться к мосту форсированными маршами, часто покрывая без остановки по шестьдесят километров.

Сразу после полуночи по мосту застучал по доскам 258-й гренадерский полк. Его 7-ю роту вел лейтенант Иссельхорст. В 1-м взводе, в левой колонне, шел обер-ефрейтор Хельмольд из Дюссельдорфа — усталый, истощенный, дрожащий. Полк немедленно двинули в северном направлении вдоль реки, в излучину Днепра, против русских, высадившихся у Григоровки.

Мозельская 34-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Хохбаума тоже перешла мост под покровом темноты и тоже была сразу же отправлена на левый фланг полосы корпуса. Последней начала переходить мост 10-я мотопехотная дивизия. Ее ударные группы все еще защищали постепенно уменьшающийся плацдарм на восточном берегу. В 03 часа 30 минут 24 сентября нижнебаварские полки наконец перешли днепровский мост. Занималась заря.

Генерал Неринг стоял у моста, вглядываясь в серое небо. Появятся ли русские самолеты? Они не появились. Очень странно. Ни единого воздушного налета на мост. Непостижимо. Неужели в армии генерала Ватутина нет воздушных сил?

Ватутин, конечно, имел воздушные силы. Его фронту была придана вся 2-я воздушная армия, но сейчас она была полностью задействована на прикрытии от атак Люфтваффе войск, переправляющихся в излучине Днепра. У генерал-лейтенанта Красовского не было ни одного свободного самолета, чтобы атаковать мост у Канева. Все машины требовались ему для другой крупной операции, единственной в своем роде операции за всю войну, операция, которая, по мнению Сталина, приведет к окончательной победе на Днестре. На немецкой стороне тем временем никто и не подозревал об этом большом сюрпризе.

Неринг смотрел на проходящие колонны. «Сколько нам еще потребуется времени?» — спросил он стоящего рядом лейтенанта Вебера. «Около часа, господин генерал». Оценка Вебера оказалась правильной. К 04.30 24-й танковый корпус перешел на западный берег всеми своими соединениями. Тринадцать с половиной часов. Потрясающее достижение. Однако оно также говорит о том, как серьезно сократились проходившие дивизии.

Неринг пересек реку последним. Теперь на восточном берегу остались только небольшие прикрывающие отряды и маленькие тыловые бригады, которые будут охранять пандус, пока мост не взорвут. На берегу их ждали надувные лодки и десантные шлюпки — они уже не смогут попасть на другой берег по мосту. Их задача была самой сложной на войне — действовать в качестве тылового прикрытия, сдерживать противника как можно дольше. Когда можно отходить? Как долго рисковать оставаться? В критический момент некому приказывать командиру тылового прикрытия. Ответственность лежит на нем одном. Без чьих-либо советов он должен идти трудной дорогой долга. Это сложная должность.

Точно в 05.00 генерал Аугуст Шмидт, командир 10-й мотопехотной дивизии, стоял в небольшом овраге на западном берегу с капитаном Бопштом, командиром 10-го инженерно-саперного батальона. Перед ними унтер-офицер склонился над взрывной машинкой.

— Все готово?

— Все готово, господин генерал!

Слава Богу, эти два офицера были люди думающие. Всего двадцать четыре часа назад они вовсе не были уверены, что для взрыва каневского моста «все» будет «готово» в нужный момент.

Командир корпуса, начальник штаба и начальник инженерной службы беспокоились, можно ли будет прикрепить к мосту заряды раньше, чем до него доберутся русские. Это было общей проверкой нервов. А теперь все было готово. Генерал Шмидт еще раз поднялся на место, откуда он мог видеть мост, и еще раз посмотрел на него в свой бинокль. На мосту было спокойно и безлюдно. Генерал повернулся: «Давай!»

Сапер унтер-офицер нажал ручку. Все бросились на землю. Грохот, как при ударе грома. Вспышки молний. В небо полетели обломки. Дым и пыль. Когда дым рассеялся, от массивного моста остались несколько разрушенных опор. Балки и доски покачивались на волнах Днепра.

Только теперь все задумались о том, почему советское Верховное Главнокомандование не сделало ни единой попытки овладеть этим днепровским мостом. Ни с помощью воздушно-десантных войск, ни посредством решительной танковой атаки, ни руками партизан, которых была масса в окрестных лесах. В чем причина такого провала? Или русские сомневались в своей способности успешно справиться с операцией по захвату переправы, которую немцы неоднократно осуществляли на начальных стадиях войны? Например, танковый прорыв Манштейна к Двинску¹. Или рейд Гудериана к мосту через Десну у Новгорода-Северского. Или захват Байнхардтом моста через Волгу в Калининe. Или пример дерзкого удара во время отступления, который нанесла 16-я мотопехотная дивизия по мосту через Маныч в январе 1943 года. Русские на Днепре ничего подобного не предприняли. Они положились на свое умение импровизировать и были уверены, что справятся без всяких мостов. И все говорило за то, что они окажутся правы.

Они форсировали великую реку во многих местах, быстро и без потерь, используя лишь подручные средства. И не только в излучине Днепра у Переяславля или выше по течению у Чернигова. За несколько оставшихся дней сентября русские совершили двадцать три переправы через Днепр на протяжении 700 километров от Лоева до Запорожья.

¹ В Латвии — Даугавпилс.

Однако русские тем не менее допустили в своих расчетах одну ошибку. Они действительно быстро переправили через реку свои роты, батальоны и даже полки и создали на другой стороне плацдармы; однако им было трудно расширить эти плацдармы в масштабах, которые бы позволили предпринять с них серьезное наступление. Они испытывали огромные трудности при попутной переправе танков, тяжелой боевой техники и боеприпасов. Для этого требуются солидные мосты, а их невозможно было построить с мелких плацдармов.

Осознав свою ошибку, советское командование попыталось быстро ее исправить радикальным образом. Оно предприняло операцию, подобную которой русские осуществляли лишь один раз в течение всей войны.

5. Букринский плацдарм

Русские форсируют реку — Отовсюду плохие вести — Мельница в Колеснице — «К бою!» — Три советские бригады десантируются навстречу смерти.

Обер-ефрейтор Хельмольд уже несколько месяцев так хорошо не завтракал, как 24 сентября. Всю ночь его рота была на марше. Все шли и шли. Однако в конце пути, на рассвете, солдаты ликовали. Они вырвались наконец из этой мышеловки перед каневским мостом. Теперь они немного отдохнут. Но первым делом — завтрак. Дежурный походной кухни выдал джем, сардины, солонину и натуральный кофе. После завтрака все растянулись на соломе. Спать. Было 08.00. Однако им не пришлось воспользоваться заслуженным отдыхом. «Командиров рот — к командиру полка!» — разнеслось по сараю.

Лейтенант Иссельхорст вскочил на ноги: такие неожиданные вызовы всегда сулят неладное. И правда, десять минут спустя поступил ненавистный приказ: «На построение! Приготовиться к отправке!» Последовала традиционная неразбериха: «Где, черт побери, мой...», «У тебя нет?..» Каждое второе предложение начиналось с солдатского ругательства. Снаружи послышался шум моторов грузовиков. По крайней мере, не придется идти пешком. Однако, когда пехоту везли на машинах, это обычно означало, что положение критическое.

Когда 7-я рота построилась, лейтенант Иссельхорст быстро обрисовал картину. Русские форсировали Днепр севернее, у Григоровки. Им предстоит их сдерживать до прихода более крупных немецких сил.

«Старая история», — заворчали солдаты. Лейтенант Кирберг погрузился со своим 1-м взводом на грузовики, и они отправились.

Новости из районов переправ русских в излучине Днепра приходили неутешительные. В то же время, учитывая, что 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко находится на правом берегу уже сорок восемь часов, странно, что дела не идут еще хуже.

24 сентября русский плацдарм в районе Григоровка—Букрин составлял примерно четыре километра в глубину и шесть километров в ширину. Шестью танками и двумя батальонами русские к вечеру 24 сентября оттеснили 19-й танковый разведывательный батальон майора Гудериана, который бросился на блокирование плацдарма. Русские наступали из днепровской излучины на юго-запад. В пятнадцати километрах выше по

течению, около деревни Балыка, примерно тысяча человек советской бригады 14-й армии генерал-лейтенанта Москаленко в это время тоже уже форсировала реку и в юго-восточном направлении наступала на ослабленные передовые части 19-й танковой дивизии, кроме которых в этом районе больше никого не было. Было очевидно, что две советские группы намереваются соединиться.

19-й танковый разведывательный батальон противостоял противнику и в Балыке, и в Букрине. Майор Гудериан, младший сын генерал-полковника, проявил себя одаренным импровизатором. На линии сражались ремонтные и транспортные отряды. Русские держались. Но выбить их с позиций в узких оврагах, пересекающих высокий западный берег реки, было невозможно.

Неринг перебросил к Балыку усиленный танковый разведывательный батальон 10-й мотопехотной дивизии под командованием майора Вальдемара. Но как только он приказал ему отправляться, поступило другое неприятное донесение. Утром 24 сентября недалеко от деревни Стайки, еще на пятнадцать километров выше, форсировала реку и закрепилась в оврагах на берегу советская ударная группа в пятьдесят человек. На борьбу с этой новой опасностью были посланы части 34-й пехотной дивизии, моторизованные на импровизированной основе. «Ликвидируйте плацдарм и уничтожьте силы противника на этой стороне реки», — звучал их приказ.

Однако даже этот крошечный плацдарм ликвидировать было невозможно. Все та же старая история: если уж русские закрепились, выбить этих непревзойденных мастеров упорной обороны трудно. Они будут стрелять, вжимаясь в землю на своих огневых точках или за брустверами; они практически никогда не сдаются, пока не заглянут в дуло немецкого ружья или не почувствуют штык у своей спины. У Стайки, кроме того, местность особенно благоволила к русским. Овраги и расщелины утеса крутого берега предоставляли идеальное укрытие, низина перед их позициями легко простреливалась пулеметами, так что все атаки немцев захлебывались.

Немецкие ударные группы заблокировали русских. Они обстреливали их из минометов. Артиллерийскими и пехотными орудиями отрезали от снабжения. Перехваченные радиogramмы противника свидетельствовали о тяжелых потерях. А через три дня начался голод.

Но русские не отступили. И хотя плацдарм был совсем небольшим, он тем не менее требовал постоянного надзора и блокады, иначе он неожиданно мог стать опасным. И такого рода опасность угрожала по всему фронту. Неринг продолжал перебрасывать все новые ударные группы из Канева к местам переправ противника, прежде всего в район Балыка и Букрин—Григоровка.

В опускающихся сумерках 24 сентября батальон 258-го пехотного полка майора Хертеля окапывался на подходе к Григоровке. 7-я рота находилась на мельнице в Колесище. Все работали лопатами, когда раздался крик: «Вражеские самолеты!»

Русские самолеты с ревом приближались. Все попрыгали в траншеи и окопы. Некоторые советские машины, казалось, летели необычно низко. За ними, как на параде, по два в ряд, шли крупные соединения больших машин — сорок пять, по меньшей мере. Слева — такая же вереница. Это были тяжелые транспортные машины. Они летели на высоте 2000—2400 метров. Быстрые истребители и перехватчики находились на флангах и над транспортными формированиями. «Никогда раньше не видел в небе так много русских», — заметил унтер-офицер Шомбург.

Они не сбросили бомбы, не стреляли из своих пушек и пулеметов. Они пронеслись над немецкими линиями со стороны Днепра абсолютно беспечно. Конечно, они и не догадывались, что под ними в траншеях и опорных пунктах находились немцы.

На Днепре рано сгустились сумерки. Был конец сентября, и темно становилось около 17.00 часов. Но почему в русских самолетах горит свет? А теперь некоторые из низко летящих машин даже освещают мощными прожекторами поросшую кустарником землю. «Что, черт возьми, они делают?» — забормотал Хельмольд. Рядом с ним унтер-офицер прижимал к глазам бинокль. «Валяют дурака», — процедил он, не отрываясь от бинокля. В следующую минуту его подозрения подтвердились. «Они прыгают, — закричал он. — Парашютисты!» Он выхватил свою ракетницу и запустил белую ракету. В ее слепящем свете было прекрасно видно опускающихся парашютистов.

Далее произошло одно из самых драматичных, редких и захватывающих событий в истории войны. Документы, которыми располагал автор настоящей книги, с немецкой стороны включают личные записи и мемуары генерала Неринга, боевые журналы участвовавших немецких частей и воспоминания многочисленных свидетелей; с советской стороны — очерки и мемуары, опубликованные после 1962 года, в частности Г.П.Софронова.

Это было поразительное дело. Обер-ефрейтор Хельмольд и его рота не могли прийти в себя. Крупномасштабная десантная операция? С этим не сталкивались даже самые старые участники русской кампании. До некоторых из них доходили слухи о том, что в феврале 1942 года транспортные части вюртемберг-баденской 260-й пехотной дивизии имели столкновения с советскими воздушно-десантными бригадами в тылу 13-го армейского корпуса. Кроме этого, говорили только о русских десантах в пять—восемьдесят человек, преимущественно для диверсий или доставки специального вооружения и командиров в партизанские отряды.

Хельмольд и его товарищи с изумлением наблюдали за происходящим, но громкий приказ лейтенанта Иссельхорста вернул их к действительности: «Открыть огонь по вражеским парашютистам!» Немедленно начался фейерверк: щелчки ружейных выстрелов, треск пулеметных очередей. Пули рвали парашюты, люди падали вниз, как камни. Когда парашюты оставались нетронутыми, парашютисты, медленно опускаясь, были обречены — легкая мишень для сотен стрелков.

С высоты холма, на котором стояла мельница, на левом крыле батальона залаяла 20-мм зенитная пушка. Она била по скоплениям самолетов, одному из них разорвало фюзеляж. Из огня и дыма прыгали парашютисты. Большая часть парашютов не раскрывалась, но и под теми, которые удалось раскрыть, люди все равно погибали, снесенные на землю обломками машины.

Новые и новые транспорты гудели, пролетая над мельницей в западном направлении. К этому времени стало темно. Трассирующие снаряды и сигнальные ракеты ярко освещали небо и заставляли фосфоресцировать белоснежный шелк парашютов. Контейнеры с оружием, боеприпасами и продовольствием медленно опускались вниз. Неподалеку, в перелеске, парашюты запутывались в деревьях. Некоторые деревья были украшены, как причудливые рождественские елки.

Подбежал майор Хертель: «Часть Пфайфера и часть Цорна — за мной». Люди помчались за своим командиром батальона. Через полчаса они привели первых пленных. Русские, как скоро выяснилось, входили в 5-ю гвардейскую парашютную бригаду, ос-

новая часть которой была сброшена западнее, в Дударях. У Колесище, в зоне боевых действий 112-й пехотной дивизии, десантировались группы, потерявшие связь с основными силами.

Были организованы поисковые отряды, пункты сбора донесений. Где бы ни находили на земле парашют, поблизости были русские десантники. Их вылавливали по одному, пока они не сориентировались или не объединились в группы. «Руки вверх!» И каждый, кто быстро не поднимал руки, падал, сраженный ручной гранатой или пулеметной очередью. На рассвете гренандеры увидели на крыле ветряной мельницы в Колесище свисающий разорванный парашют, красный от крови покалеченного мертвого человека, который все еще болтался на стропях.

Западнее, в районе Дударей, где десантировалась основная часть бригады, случилось то же самое. Там русские упали прямо на колонну 10-й мотопехотной дивизии, двигающейся в направлении Балыка. И непосредственно в деревне Дударя они попали в зону батальона бронетранспортеров 73-го мотопехотного полка. Он являлся передовым подразделением нижнесаксонской 19-й танковой дивизии, которая под командованием полковника Каллнера подтягивалась из Киева на помощь своему испытывающему трудности разведывательному батальону.

Трудно было найти более неудачное место для высадки воздушного десанта. Русские прыгали в район, ошестинившийся немецким оружием. Они спускались, как снежная буря, но это была буря смерти.

Подполковник Биндер, в то время начальник оперативного отдела 19-й танковой дивизии, дает следующее драматичное описание: «Первый десант был сброшен в 17.30. Еще в небе русские попали под огонь пулеметов и многозарядного 20-мм зенитного орудия. Советское формирование было совершенно открыто — большие машины появлялись по одной, самое большее по две, с интервалом в полминуты, и так сбрасывали своих парашютистов. Это делало наше противодействие еще более эффективным. Некоторые самолеты, по всей вероятности, заметили неладное, повернули обратно на север. Наш мощный заградительный огонь и повсюду сияющие белые сигнальные ракеты, очевидно, лишили русских присутствия духа. Они начали сбрасывать людей беспорядочно, в разных местах. Разбитые на маленькие и очень маленькие группы, они были обречены. Они пытались укрыться в узких оврагах, но очень скоро их отыскивали, убивали или брали в плен».

Лишь командиру бригады удалось собрать вокруг себя 150 человек и создать плацдарм в лесу восточнее Грушево. Там он оказал неистовое сопротивление. 3-я рота 73-го мотопехотного полка под командованием лейтенанта Гольдмана смогла себе представить, что случилось бы, если бы русские совершили высадку в более благоприятных условиях и имели время окопаться для обороны. Среди них, безусловно, были меткие стрелки со стальными нервами. Рота Гольдмана понесла тяжелые потери — большинство из них погибли от выстрелов в голову. Лишь в самом жестоком бою удалось победить этих 150 человек, их командир попал в плен. Несколько групп пробились к партизанам, действовавшим в обширных лесах западнее Черкас.

Какова была цель этого кровопролитного советского предприятия? Было сброшено три бригады, в общем, около 7000 человек: 5-я бригада возле днепровской излучины в районе Дударя, 3-я бригада на болотистой реке Россава и части 1-й бригады сразу за каневским мостом. Несколько отрядов этой бригады приземлились

заметно южнее, в районе боевых действий немецкого 3-го танкового корпуса, соседа Неринга справа.

Захваченные приказы и карты раскрыли две цели. С одной стороны, советское Верховное Главнокомандование хотело прикрыть от немецких контратак тактически важный Букринский плацдарм. 5-я парашютная бригада должна была предотвратить переброску немецких резервов с юга и юго-востока в направлении Днепра и для этого создать барьер западнее Канева. 3-я бригада, сковывая немецкие тактические резервы, должна была продержаться в районе Шандра—Липовый до подхода советской 40-й армии.

План был хорош. Однако приведен в исполнение слишком поздно. Немецкие соединения уже находились в тех самых местах, куда парашютные бригады должны были их не допустить.

Кроме этой тактической цели, воздушно-десантная операция трех бригад преследовала более серьезную стратегическую цель. Это становится ясно при взгляде на карту района выброски десанта: 1-я и 3-я бригады, а также западные группы 5-й бригады имели задачу закрепиться по болотистым берегам реки Россавы. Совместно с силами, форсировавшими Днепр в районах Балыка, Бжичева и южнее Канева, они должны были сформировать крупный плацдарм и таким образом создать второй заслон вокруг букринской переправы. В этом случае был бы обеспечен большой район для будущего сосредоточения двух советских армий.

Согласно показаниям захваченного в плен командира 5-й бригады, за первой высадкой предполагалась, 26 или 27 сентября, другая крупномасштабная воздушно-десантная операция юго-восточнее каневского моста. Транспортные самолеты должны были доставить тяжелое вооружение и танки. Небольшие подразделения, сброшенные 24 сентября в район боевых действий 3-го танкового корпуса, являлись лишь передовыми и прикрывающими силами для этой операции. Полный провал первой фазы, очевидно, привел к отмене второй.

Все, в сущности, спланировано было умно, но плохо реализовано. В результате получили военную катастрофу. В районе высадки между Дударями и Россавой в первые двадцать четыре часа было обнаружено 1500 парашютистов, 692 посчитали убитыми, 209 человек взято в плен. Среди пленных были также дирижер военного оркестра и библиотекарь 5-й бригады. Какого черта их послали в бой? «Приказ», — ответили оба на допросе. «Приказ, — ответил и захваченный командир бригады. — Мне сказали взять всех до одного». И он взял всех, хотя только половина из них прыгала в среднем семь—десять раз. Другая половина не имела ни одного прыжка и была собрана из семи полков. Медицинский персонал полностью состоял из женщин.

Их обмундирование и вооружение было также разнообразно, как и их состав: на некоторых летная спецодежда, на других кожаные куртки, а у многих солдатская форма. Однако женщины, доктора и санитарки были поразительно хорошо экипированы.

Но самый необъяснимый аспект всей операции — это высадка вечером, когда нормально это делается днем. Правда, русские любили ночь и обычно ориентировались в темноте много лучше, чем немцы. Но, даже принимая во внимание это обстоятельство, десант в сумерках был серьезной и роковой ошибкой. Парашютные войска не слишком мобильны сразу после высадки, поскольку у них нет транспортных средств. Темнота к тому же мешает разбросанным людям собраться вместе. Следует добавить и тот факт,

что из соображений секретности части и их офицеры узнали об операции за полтора часа до вылета. Вследствие чего офицеры, независимо от чина и должности, не имели возможности изучить район цели на карте. Они прыгали в совершенно незнакомую местность.

Напрасно офицеры пытались сориентироваться по пометкам на картах, поспешно сделанным во время полета. В темноте они не могли их различить. Многие из пленных скорбно признавали: «Это была беда!»

Другую беду являла собой некомпетентность многих летчиков. Они путались, теряли свое место в формировании, сбрасывали людей не в том месте, а натолкнувшись на зенитки, поднялись выше 3000 метров, что привело к еще большему разбросу парашютистов и контейнеров. Многие из парашютистов к тому же оказались не готовы встретить сопротивление; они полагали, что совершают нечто вроде тренировочного прыжка на свободную от врага территорию и не рассчитывали на какой-либо отпор. Когда после прыжка они оказались под смертоносным огнем, то испытали не просто удивление, а шок. Долетевшие до земли невредимыми и годными к бою оказались деморализованными. Генерал Неринг обобщил свое суждение в следующих выражениях: «Советское командование просто неумело выбрало время, район высадки и определило возможности этой операции. Разумная стратегическая идея была реализована по-дилетантски. Ясно, что среди них не оказалось профессионалов. Части находились слишком далеко друг от друга, чтобы они могли быстро собраться для систематических скоординированных действий.

Разумеется, к счастью для нас и к несчастью для русских, в районе выброски двигались три немецкие дивизии. Но и без этого обстоятельства операция все равно окончилась бы крахом, потому что время для нее было упущено. Если бы высадка состоялась до того, как 24-й танковый корпус форсировал реку (т.е. в его тыл на дальнем берегу) с одновременным захватом или разрушением моста в Каневе, то это поставило бы наш корпус в действительно критическое положение. И не только корпус, но и всю армию.

При первых лучах солнца 23 сентября, когда эти сорок советских танков пошли в наступление из лесов у Канева, ворвались в район всего в нескольких километрах от восточного подхода к мосту и были остановлены лишь в последний момент, стала очевидной вся опасность нашего положения. Для русского командования это был великий момент, тогда совместная операция наземных и воздушных сил могла бы достичь своей стратегической цели дестабилизации нашего фронта на Днепре.

Несомненно, внезапный захват моста десантом с воздуха даже днем 23 сентября мог бы стать решающим...».

Однако двадцать четыре часа спустя, 24 сентября, когда 24-й танковый корпус Неринга уже переправился через реку, советское командование упустило свой грандиозный шанс. Оно задействовало парашютные бригады слишком поздно и некстати. Но тогда история войны есть история упущенных возможностей.

Катастрофа на Букринском плацдарме, скорее всего, стала тяжелым ударом для советских воздушно-десантных сил. Они не оправились от него до самого конца войны и не предпринимали больше каких-либо серьезных операций.

Долгое время советские военные историки хранили полное молчание по поводу этой неудачной операции трех парашютных бригад. В «Истории Великой Отечественной войны» и многих официальных работах советских историков вообще не говорится

о Каневской воздушно-десантной операции. Только крошечный символ на карте № 56 в «Истории Великой Отечественной войны» намекает на нее: под названием деревни Великий Букрин находится аккуратный красный парашютик. Однако в тексте нет ни слова комментария, ни сноски. Только этот крошечный символ увековечивает для посвященных, что произошло в небе над излуциной великого Днепра между Киевом и Каневом 24 сентября 1943 года.

Лишь в самое последнее время в советских военных журналах начали обсуждать эту операцию. Их статьи подтверждают немецкую картину и даже более очевидно раскрывают неудовлетворительность проведения операции. Вот пример.

5-я воздушно-десантная бригада высадилась более чем в тридцати километрах от указанного места. Для того чтобы ввести в заблуждение немцев, был принят ряд абсурдных предосторожностей: войскам на соответствующих участках фронта сообщили о десанте, только когда высадка уже состоялась. Командир 5-й воздушно-десантной бригады передал приказ об операции в свои части в 16.00 24 сентября — т.е. за полтора часа до вылета. Где же найти время, чтобы объяснить людям задачу?

И сам план. Он разрабатывался бюрократически и без учета реальной обстановки на фронте. Доставка бригад на аэродромы должна была состояться между 17 и 21 сентября; из-за большой нагрузки на железнодорожный транспорт она фактически продолжалась до 24 сентября — т.е. дня операции.

Но впереди ожидало и худшее. Вследствие плохой погоды многие транспортные самолеты опоздали или совсем не прибыли на свои аэродромы погрузки. Таким образом, самолетов оказалось много меньше, чем требовалось. И наконец, из-за «плохого состояния» ни одна из машин не взяла на борт двадцать парашютистов, как было предусмотрено, а только пятнадцать, самое большее восемнадцать человек. Таким образом, все планы были сорваны.

Не лучше складывались дела и в 3-й воздушно-десантной бригаде. Она сбросила 4575 человек, но без их 45-мм орудий. Тринадцать машин не нашли района высадки и возвратились на базу. Два самолета потеряли цели и сбросили парашютистов глубоко в тылу противника. Другой самолет десантировал их прямо в Днепр: все утонуло. Еще один настолько отделился от района цели, что все парашютисты оказались в советском тылу.

В 5-ю воздушно-десантную бригаду пришли только сорок восемь транспортных самолетов вместо шестидесяти пяти. Вылет задержался на полтора часа из-за проблем с топливом. Более того, топлива не хватало и на аэродромах. Самолеты взлетали по одному, без графика. Тем не менее 5-й бригаде удалось десантировать два батальона, в целом более 1000 человек. Последующие высадки были отменены из-за недостатка топлива.

А что случилось с теми, кто десантировался? Согласно советским источникам, сорок три группы, в целом 2300 человек под командованием офицеров 3 и 5-й бригад, влились в ряды партизан в немецком тылу, главным образом в лесах между Каневом и Черкассами, где давно уже существовали партизанские лагеря.

Только 2300 из почти 7000. Радиооборудование — другая печальная история. У командира 3-й воздушно-десантной бригады и его начальника штаба не было радиопередатчика. Вследствие ужасной спешки во время посадки многое оборудование потерялось и большая часть командиров осталась без радиосвязи. Чтобы установить связь,

ночью с 27 на 28 сентября сбросили три группы парашютистов с радиопередатчиками; они не попали в цель. Вслед за тем, 28 сентября, самолет По-2 взял на борт радиооборудование; его сбили. Только в самом конце сентября 40-й армии удалось выйти на связь с 600 парашютистами в лесах Канева.

Удивляет также, что советское Верховное Главнокомандование не включило в план этой операции партизанские формирования в лесах около Канева, хотя, говорят, что в этих лесных районах действовало семь партизанских отрядов. Неужели не пришло в голову генералам Ставки? Или боевая мощь партизан в то время не была такой значительной, каковой ее считают сегодня? В любом случае неудавшаяся воздушно-десантная операция западнее Канева показала, что летом 1943 года русские еще не слишком хорошо владели этим средством ведения войны.

Маршал артиллерийских войск Воронов совершенно прав, когда в своих мемуарах с сожалением замечает: «Очень печально признавать, что мы, пионеры воздушно-десантных операций, не имели реальных планов на использование этих войск». Воронов прав во всех отношениях: Красная Армия действительно являлась пионером воздушно-десантных операций. Парашютистов использовали при маневрах на Кавказе еще в 1932 году.

В посмертно опубликованных записках генерала Кестринга, многие годы служившего военным атташе в Москве, читаем: «Во время маневров в Кавказских горах я впервые наблюдал совершенно новое применение парашютных войск. Впечатление незабываемое, к тому же много лет спустя в Министерстве воздушного флота Германии, мне сказали, что снимки этого и последующих прыжков парашютистов, которые я отослал в Берлин, побудили Геринга учредить свои парашютно-десантные войска».

Ученики впоследствии превзошли своих учителей. По всей вероятности, проблемы технического обеспечения и подготовки личного состава парашютно-десантных войск оказались для Красной Армии неразрешимыми.

Часть шестая

МЕЖДУ КИЕВОМ И МЕЛИТОПОЛЕМ

1. Деревня под названием Лютеж

Сержант Нефедов и двадцать два солдата — Роковая полоска днепровского берега — Танки Кравченко переходят Десну вброд — Ставка меняет свой план — Ночная перегруппировка.

Вечером 25 сентября 1943 года генерал Рыбалко имел только неясные подозрения по поводу судьбы, постигшей первую крупномасштабную советскую воздушно-десантную операцию. Он все еще надеялся, что его парашютисты достигли тактического успеха хотя бы в нескольких точках, и пытался посредством ударов с небольшого плацдарма в районе Букрина и Балыка установить с ними связь и оказать им помощь.

Однако молчание радиоприемников объяснялось отнюдь не техническими проблемами. Разрозненные группы, которые еще прятались в лесах около деревень Дудари, Шандра и Бучак, немецкие поисковые отряды выловили в последующие несколько дней.

Эта операция серьезно обеспокоила немецкое командование. Они не могли поверить, что русские ограничатся единственной попыткой. В штабах фюрера, группы армий и армии опасались последующих десантов. Они боялись, что русские любой ценой будут стремиться создать стратегический плацдарм, чтобы развернуть на правом берегу крупные танковые силы. Вследствие этих опасений к концу месяца были подтянуты немецкие 20-я мотопехотная 7-я танковая дивизии.

Приказ по группе армий «Юг» показывает, что генерал-фельдмаршал фон Манштейн не сомневался относительно цели Ватутина. Манштейн радировал Вёлеру: «8-й армии как можно скорее ликвидировать форсировавшие реку силы противника, чтобы предотвратить переправу его танковой армии».

Упомянутая Манштейном в приказе танковая армия — 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко. Манштейн имел серьезные основания считать ее ночным кошмаром. Однако она нанесет свой неожиданный удар вовсе не здесь, у Букрина, а совсем в другом месте. Неожиданность началась с рискованной операции одного сержанта.

Через сорок восемь часов после неудачного воздушного десанта у Букрина в ста двадцати пяти километрах севернее, у самых ворот украинской столицы, был предпринят другой рейд — рейд, который стал поворотным для сражения на Среднем Днепре. История этого рейда еще раз доказывает, что даже в современной войне ход событий часто определяют отдельные смелые личности.

Когда ударные группы генерала Неринга еще вылавливали у Букрина последних советских парашютистов, передовые части советской 38-й армии (т.е. 240-я стрелковая

дивизия) вышли к реке возле деревни Сваромье, выше Киева. На противоположном, немецком, берегу находился городок Лютеж. Этот сектор оборонял 13-й корпус генерала Хауффе, а крутой 100-метровой высоты берег держали гессенская 88-я и бранденбургская 208-я пехотные дивизии. Днепр в этом месте 650—750 метров шириной и от 6 до 20 метров глубиной, ниже Киева он значительно шире.

Согласно приказу Сталина от 9 сентября, 38-я армия готовилась форсировать реку с ходу, однако, как и в букринской излучине семьдесят два часа назад, ни саперы, ни средства переправы еще не подошли. Поэтому в окрестных лесах нарубили деревьев и связали их в плоты. Когда 26 сентября стемнело, ударные группы 931-го стрелкового полка отплыли от восточного берега на плотях и небольших рыбацких лодках. Они почти достигли западного берега, когда вдруг ружейный выстрел разорвал ночь: немецкий часовой заметил маленькую флотилию. Сигнальные ракеты взлетели в темное небо и залили реку сияющим светом. Лодки и плоты стало видно, как мишени в стрелковом тире. Застучали немецкие пулеметы. Трассирующие пули показывали, куда попадали очереди. Прошили первую лодку. Вторую. На низких плотях красноармейцы лежали ничком и плыли по течению, пули пролетали над ними или чмокали в воду. Но тут вступили в дело немецкие легкие пехотные орудия. Прямые попадания топили плоты один за другим. Попытка переправы 931-го стрелкового полка провалилась.

В нескольких километрах южнее подобную попытку предприняли 836 и 842-й батальоны стрелкового полка, но тоже на половине пути попали под немецкий заградительный огонь. 836-й батальон полностью погиб, ни один красноармеец не достиг берега. Судьба основной части 2-го батальона 842-го стрелкового полка была немногим лучше. Однако около 04.00 часов один взвод, 2-й взвод 5-й роты под командованием сержанта Нефедова, сумел добраться до немецкого берега на четырех рыбацких лодках. Их было двадцать два человека и сержант, они окопались на крутом берегу примерно в двухстах метрах от реки. Все их вооружение составляли восемь автоматов, пять карабинов, один легкий и один тяжелый пулемет. Со своей удобной позиции Нефедов и его бойцы утром 27 сентября отбили немецкие контратаки силами взвода и роты.

Все та же старая история — решительный командир с горсткой стойких советских солдат. Каждого из них приходилось выковыривать из его огневой точки отдельно.

К вечеру 27 сентября у Нефедова осталось только десять человек. Он связался со своим полком и передал точные координаты группы. И в течение ночи с 27 на 28 сентября русским удалось доставить к нему семьдесят пять красноармейцев на пятнадцати рыбацких лодках. Более того, на рассвете к Нефедову на маленьких плотях переправились капитаны Сава и Ванин, каждый с ударной группой.

К 30 сентября 240-я стрелковая дивизия перебросила таким образом два полка с полевой артиллерией и части полка тяжелых минометов. Плацдарм теперь имел по фронту три километра и в глубину полтора. Никто ни с немецкой, ни с русской стороны и не подозревал, что эта короткая полоска крутого берега является плацдармом, ударом с которого будет решен исход битвы за Днепр. Несколько дней шли ожесточенные бои за Лютеж. Если он падет, русские положат начало стратегическому плацдарму. Его взяли. Теперь встал вопрос, сможет ли 13-й корпус генерала Хауффе отбить Лютеж или, по крайней мере, блокировать плацдарм противника.

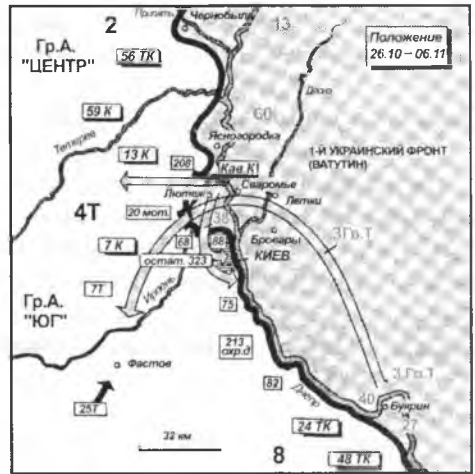
Поздно вечером 3 октября у Бровар на командном пункте генерал-лейтенанта Кравченко, командира советского 5-го гвардейского танкового корпуса, зазвонил полевой телефон: «Генерал должен немедленно прибыть в штаб Воронежского фронта, его срочно желает видеть генерал армии Ватутин. Это очень срочно», — повторил дежурный офицер. Кравченко прыгнул в штабной автомобиль и помчался на всей скорости. Следующий час представляет особый интерес для истории войны.

Вот как Кравченко описывает события: «Ватутин и член Военного совета Хрущев сообщили мне об успешной переправе 240-й стрелковой дивизии. Однако Хрущев добавил ложку дегтя: «Переправившиеся части понесли тяжелые потери и ведут ожесточенные оборонительные бои. Неизвестно, смогут ли они удержаться на этом клочке земли правого берега, если мы не поддержим их танками». В этот момент вмешался Ватутин: «К несчастью, между вашим танковым корпусом и Днепром протекает Десна шириной триста тридцать метров. Строительство моста в данных условиях займет по меньшей мере восемь—десять дней. Но через восемь дней может оказаться слишком поздно; мы должны обеспечить танковую поддержку немедленно. Ваш корпус ближе всех. У нас нет выбора — нужно провести танки по дну Десны. Вам придется найти брод».

Кравченко был сильным человеком и понял ситуацию. Все, что он сказал: «Я найду, товарищ командующий». Он сразу поехал обратно в корпус, который развернулся в лесу северо-западнее Бровар, в нескольких километрах от Десны.

Рассказ Кравченко продолжается так: «Рыбаки на Десне и танкисты 20-й бригады знали мелкое место около деревни Летки. Комсомольцы стали нырять, чтобы проверить речное дно. Дно песчаное и, значит, проходимое, но глубина все равно около семи метров. Это слишком для наших Т-34. Мы поэтому должны были превратить наши танки в импровизированные подводные лодки. Все щели, люки и жалюзи корпусов и башен танков задраили паклей с солидолом или смолой и, кроме того, покрыли промасленным брезентом. Воздух поступал в двигатели через башенные люки, а выхлопные газы выходили через рукава, которыми удлиннили выхлопные трубы. Брод обозначили двумя рядами вех. Танки прошли по этому своеобразному коридору на первой скорости, водители работали вслепую, по командам своих командиров, которые находились в башнях».

«История Великой Отечественной войны» с полным основанием восхищается этим замечательным достижением. Но когда там заявляется: «Еще никогда танковые войска не преодолевали вброд таких водных преград», это справедливо только для Красной Армии. Потому что за два года до этого, 22 июня 1941 года, немецкий 18-й танковый

Карта 38. У городка Лютеж, севернее Киева, русские взяли реваши за поражение у Букриша. Ватутин внезапно начал наступление, форсировал Днепр, взял Киев и двинулся в юго-западном направлении.

полк 18-й танковой дивизии генерала Неринга перешел вброд Буг севернее Брест-Литовска, где глубина реки превышала двенадцать метров. Общеизвестно, что эти «ныряющие танки» специально готовили к операции, но они ехали полностью вслепую, так как даже башни находились под водой.

Но вернемся к рассказу Кравченко. Генерал сообщает: «Преодолев Десну, корпус устремился к Днепру. Но эта река была слишком глубока, чтобы перейти ее вброд. Поскольку у нас не было понтонов, девяносто Т-34 нужно было переправить подручными средствами. Операцию выполнили при помощи двух больших барж с незначительными повреждениями, которые отступающие немцы бросили на мелкой воде у берега. Каждая баржа выдерживала три танка. За ночь с 5 на 6 октября баржи десять раз ходили за реку и доставили туда шестьдесят танков. Они сразу шли в бой. Через двадцать четыре часа плацдарм был расширен до десяти километров по фронту и шести километров в глубину».

С этого момента танковый корпус Кравченко играл ключевую роль в советской обороне плацдарма на западном берегу Днепра. Т-34 не дали пехотной дивизии генерала Хауффе прорваться в оборонительные позиции русских. Лютежский плацдарм держался твердо. В результате советское Верховное Главнокомандование оказалось в совершенно новой ситуации. В плане операции Ставка не предусматривала наносить главный удар из Лютежа, решающее наступление должно было начаться из Букринской излучины. Там Ватутин сосредоточил три крупные армии, с опытной и хорошо вооруженной 3-й гвардейской танковой армией генерала Рыбалко в качестве ударного объединения.

В директиве Ставки от 29 сентября Рыбалко предписывалось прорвать немецкую оборону в районе Киева операцией на окружение, предпринятой с Букринского плацдарма, взять украинскую столицу с юга и затем двигаться на юго-запад, чтобы окружить все немецкое южное крыло. Этот план снова отражал старую мечту Сталина об окончательном уничтожении группы армий Манштейна.

Однако расчеты Сталина опять были чересчур оптимистичны. 24-й танковый корпус Неринга и 48-й танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа, который перебросили в этот сектор, помешали исполнению плана Сталина. Верно, что новая попытка 7-й танковой дивизии в начале октября прорваться в Григоровку с северо-запада и раздавить советский плацдарм тоже закончилась ничем, но, по крайней мере, этот плацдарм был теперь надежно блокирован. Контратака 112-й пехотной дивизии и 2-го батальона 258-го гренадерского полка, благодаря смелому удару роты Иссельхорста, закончилась захватом высот вдоль Днепра южнее Григоровки. Сплошная и непреодолимая немецкая оборонительная линия, таким образом, перекрыла Ватутина путь на запад. Он был замкнут в своем плацдарме. Все попытки прорвать немецкий фронт ни к чему не привели. Дважды в течение октября русские начинали наступление и дважды откатывались назад.

«История Великой Отечественной войны» резюмирует поражение на Букринском плацдарме в следующих выражениях: «Боевые действия в районе Букрина показали, что здесь трудно рассчитывать на успех». Это было замечательное оборонительное достижение немецкого корпуса.

Ввиду сложившейся обстановки, советское Верховное Главнокомандование изменило свой план. Драматические обстоятельства, при которых это было сделано, описа-

ны маршалом Гречко, в то время заместителя Ватутина, в блистательном эссе, опубликованном в 1963 году. В нем весьма поучительно раскрывается секрет победы русских на Днестре.

«18 октября, — рассказывает Гречко, — Военный совет фронта доложил советскому Верховному Главнокомандованию, что 38-я армия подавила сопротивление противника на Лютежском плацдарме севернее Киева. Есть возможность развить успех, но фронт не располагает необходимыми силами. Советское Верховное Главнокомандование никак не отреагировало на эту важную информацию».

«Через несколько дней, — продолжает Гречко, — член Военного совета фронта снова написал в Верховное Главнокомандование. Существует возможность, напомнил он, добиться решающей победы с Лютежского плацдарма, но для этого требуется перебросить в этот сектор танковую армию».

Ясно, что Ватутин хотел уйти с Букрина, где советские силы были скованы, и перенести главный удар наступления в Лютеж. Однако Сталин не имел в виду отказываться от Букринского плана. Ситуация была сходна с немецкой: боевым генералам было трудно со своим главнокомандующим.

Невозможно понять, Сталин ли в конце концов принял аргументы Воронежского фронта (который, кстати, 20 октября был переименован в 1-й Украинский), или Ватутин, Хрущев и Гречко действовали на свой страх и риск. Гречко пишет: «Военный совет фронта решил перенести направление главного удара с Букрина в Лютеж. Это означало, что всю 3-ю гвардейскую танковую армию, несколько стрелковых корпусов и основную часть артиллерии следовало отвести с Букринского плацдарма и перебросить в район Лютежа, на расстояние примерно двести километров. Операция не из легких, требовалось два раза форсировать Днепр и один Десну. И все под носом врага, который не должен был ничего заметить, потому что успех операции зависел от стратегической внезапности».

Это решение, раскрываемое в рассказе Гречко, отражает совершенно новый подход к ведению боевых действий. Впервые русские отказывались от характерной для себя особенности держаться за принятое однажды решение до конца, не обращая внимания на потери. В этом случае Ватутин и Гречко выбрали тактику Манштейна, которую шахматисты называют рокировкой, и, таким образом, сделали свой первый шаг к современной стратегии. Он включал, кроме того, искусство скрывать сосредоточение войск и вводить противника в заблуждение. И в этом отношении Ватутин и Гречко показали себя истинными мастерами.

Гречко сообщает: «Перегруппировка началась ночью с 25 на 26 октября. Формирования 3-й гвардейской танковой армии, 7-го артиллерийского и 13-го стрелкового корпусов, а также других подразделений покинули плацдарм. Проливной дождь сокращал видимость и заглушал шум. Войска собрались на другой стороне реки; днем они отдыхали, а ночью двигались по четырем дорогам, параллельным линии фронта. Марш завершили за семь ночей. Были приняты тщательные меры для сохранения скрытности передвижения. Для формирований на марше был установлен полный запрет на переговоры в эфире, а все средства связи 3-й гвардейской танковой армии оставили на Букринском плацдарме и по ним велись активные переговоры. На место выведенных танков и машин поставили макеты. Они выглядели так правдоподобно, что в конце октября немецкие Люфтваффе дважды их бомбили. Отвлекающие атаки с плацдарма заставили

немецкое командование предположить, что готовится наступление. Нашей целью было предотвратить отвод с плацдарма немецких войск и по возможности склонить противника к переброске дополнительных резервов в место предполагаемого главного удара. Навели через Днепр ложные мосты, чтобы создать картину подтягивания свежих сил и укрепить противника во мнении, что главный удар будет наноситься здесь, в районе Букрина. Маскировка полностью удалась. Манштейн не только не отвел какие-либо войска от Букрина, но и на самом деле усилил их».

Таким образом, действия в Букрине стоят в одном ряду с самыми крупными и решающими дезинформациями последней войны. Генерал-фельдмаршал Монтгомери, непревзойденный мастер вводить в заблуждение противника, дважды в крупных масштабах использовал это средство. Один раз в Северной Африке, в решающей битве при Эль-Аламейне, когда он убедил Роммеля в намерении атаковать с севера при помощи искусно сделанных ложных сооружений на юге. Второй раз летом 1944 года, когда его макеты на Британских островах отвлекли Гитлера от неизбежной второй высадки во Франции и таким образом удержали его от своевременной переброски всех наличных сил в Нормандию.

Конечно, советская перегруппировка не прошла для немецкого командования, как полагает Гречко, полностью незамеченной. Штаб 4-й танковой армии, согласно боевому журналу Гота, прекрасно знал, что крупные советские танковые силы форсировали Десну и движутся в северо-западном направлении. К счастью для русских, плохая погода помешала активной воздушной разведке, поэтому в журнале зафиксировано: «Невозможно установить их местонахождение».

Разведка Гота также установила сосредоточение моторизованных соединений в районе Лютежа. Гот даже решил танковым ударом положить конец этим приготовлениям противника, однако Гитлер запретил эту атаку.

Таким образом, Лютеж, теперь изобилующий оружием, стал воротами, из которых русские готовились внезапно выйти и начать свое большое наступление. Ватутин продолжал подготовку без помех. К началу ноября он сосредоточил восточнее реки три армии, танковый и кавалерийский корпуса; сконцентрировал фантастическое количество артиллерии. Гречко пишет: «Две тысячи орудий и минометов, а также пять сотен установок реактивной артиллерии были готовы к бою на плацдарме. Таким образом, на участке 38-й армии плотность артиллерии достигала более трехсот стволов на один километр фронта. Это означает орудие или миномет на каждые десять метров. Никогда раньше наше наступление не поддерживалось таким количеством артиллерии. В целом советские войска на участке прорыва в Лютеже значительно превосходили немецкие — по пехоте в три раза, по артиллерии в четыре с половиной, по танкам в девять».

Русский план заслуживал таких усилий.

В чем же состоял этот план? Взятие Киева на этот раз с севера; уничтожение немецкой 4-й танковой армии; захват транспортных центров западнее Днепра, включая Житомир, Бердичев и Винницу, глубоко в тылу немецкого фронта; и, наконец, поворот на юг с целью окружить и уничтожить все немецкое южное крыло. Дерзкий удар.

Удастся ли? Сможет ли Сталин в конце концов совершить то, к чему он стремился уже со времен Сталинграда?

2. Цель — Киев

В подвале школы в Петровцах — Атака гвардейцев — Полоса фронта соединений с Северного моря и из Бранденбурга прорвана — Танки с оглушающими сиренами и слепящими фарами — Киев спасти нельзя — Гибель 88-й пехотной дивизии — Трагедия 25-й танковой дивизии — Неудавшийся немецкий удар — Гот смещен.

Деревня Новые Петровцы находилась на Лютежском плацдарме сразу за советской линией фронта. В подвале разрушенной школы располагался командный пункт генерала Ватутина. Всего в пятидесяти метрах были передовые командные пункты 3-й гвардейской танковой армии и 38-й армии. Два командующих армиями, генерал Рыбалко и генерал Москаленко, и члены Военных советов их фронтов работали в непосредственной близости от войск. Командиры корпусов и дивизий тоже оборудовали свои штабы поблизости. Возможно, военная история не знает другого подобного случая, чтобы такое количество старших офицеров, вплоть до командующего фронтом, собиралось на столь малом пространстве, вблизи основной оборонительной линии, в середине плацдарма до отказа набитого войсками.

На сей раз скопление генералов на линии фронта ни в коем случае не было ошибкой — оно являлось частью плана. Кроме прочего, войска должны были осознать исключительную важность предстоящей операции, требующей особого напряжения сил от каждого: от командующего армией до последнего стрелка. Устраивались собрания, на которых выступали политработники, члены Военных советов, уважаемые коммунисты и имеющие много наград солдаты. Всячески создавалась атмосфера всеобщего подъема и уверенности в победе.

Отличившихся красноармейцев торжественно принимали в ряды Коммунистической партии; только в октябре на 1-м Украинском фронте в члены и кандидаты в члены партии вступили 13 000 человек. Публично давались клятвы, что люди не пожалеют жизни для победы и Киев будет взят к двадцать шестой годовщине Октябрьской революции. Широкую огласку получили слова сержанта Валентина Комиссарова: «Я буду сражаться, пока в моих жилах течет кровь, пока мои глаза могут видеть, а руки держать оружие».

1 ноября в подвале школы Никита Сергеевич Хрущев в присутствии Ватутина представил членам Военных советов общий план операции. «Во что бы то ни стало надо освободить Киев к празднику», — объявил он.

Во что бы то ни стало.

Ватутин не постоял за ценой.

На рассвете 3 ноября две тысячи орудий и пятьсот реактивных установок открыли огонь по немецким позициям в Лютеже. Сорок минут снаряды рвали утренний туман. Как только туман начал подниматься, появились самолеты советской 2-й воздушной армии и начали бомбить немецкий фронт. После этого стрелковый полк 38-й армии, поддержанный 5-м гвардейским танковым корпусом Кравченко, пошел в наступление. «Ура!»

Удар пришелся на три немецкие дивизии — 88, 68 и 208-ю пехотные дивизии: части из Франконии, Гессена и Бранденбурга. Артиллерийская подготовка была настолько массовой, что на первых нескольких сотнях метров советские стрелковые соедине-

ния практически не встретили сопротивления. Лишь к середине дня немецкое противодействие окрепло. Тем не менее дивизиям генерала Москаленко удалось разорвать немецкий фронт на участке более девяти километров и вклиниться в оборонительную зону противника на расстояние от шести до девяти километров.

Генерал-полковник Гот бросил против прорвавшихся советских соединений свою гамбургскую 20-ю мотопехотную дивизию под командованием генерала Яуэра, а также части бранденбургской 8-й танковой дивизии. Тщетно. Остановить наступательный порыв шести стрелковых дивизий и одного танкового корпуса было невозможно.

Когда солдаты из Гамбурга прибыли на отведенный им рубеж, там уже шел рукопашный бой. Русские попали на место раньше них. Гренадерские полки оборонялись отчаянно и беспощадно. Они предпринимали контратаки, уклонялись от встречных ударов, снова шли в атаку. С ними сражались ударные группы тюрингской 7-й танковой дивизии. Им удалось даже отвоевать некоторую территорию.

В этот момент Ватутин начал второй этап своего наступления. Вечером 4 ноября он двинул в бой танковые бригады 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко. Они вошли в брешь, прорванную 38-й армией, обошли свою пехоту и продолжили движение.

Наступила ночь. И началось то, чего немцы, за это время перегруппировавшиеся к обороне, еще никогда не испытывали. На поле битвы стало светло как днем, и воздух наполнился адскими звуками: танки Рыбалко надвигались на немецкие позиции с зажженными фарами и включенными сиренами, безостановочно стреляя из пушек. На броне танков сидели пехотинцы двух стрелковых дивизий, 167 и 136-й. Таким паровым катком они глубоко въехали в немецкий фронт. Рыбалко рассчитывал, что слепящие фары вызовут панику. Он также помнил об эффекте «иерихонского средства», которое использовали немецкие «Штуки» против советских пехотинцев: сирены, завывающие при пикировании «Штук», неизменно приводили русскую пехоту в состояние, близкое к паническому. Рыбалко надеялся достичь сходного результата своей пронзительной, ослепляющей бронированной армадой. И он преуспел в этом на многих участках ослабленного фронта 13 и 7-го корпусов.

Более эффективным, естественно, был огонь многочисленных бригад Т-34. Несмотря на контратаки своей танковой группы, 7-я танковая дивизия генерала фон Мантойфеля не смогла помешать русским форсировать Ирпень в восьми километрах западнее Киева и двинуться по Житомирской дороге в направлении Фастова, важнейшего железнодорожного узла юго-западнее Киева. Успешно начатая контратака основной части 7-й танковой дивизии и полков 20-й мотопехотной дивизии была отбита ударами с обоих флангов. Бойцы из Тюрингии и Франконии были вынуждены отступить. 90-й гренадерский полк из Бергедорфа отеснили в северный район города; 5 ноября после наступления темноты полк под командованием капитана Отто пробился из города, забрав с собой всех своих раненых.

88-я пехотная дивизия отступила в западный район Киева. Командир дивизии, генерал-майор Рот, старался восстановить порядок в своих частях, но был ранен в бою с передовыми частями русской пехоты.

На командном пункте 4-й танковой армии генерал-полковника Гота один взгляд на карту обстановки давал представление о намерениях русских. Танковая армия генерала Рыбалко нацеливалась в обход Киева на крупные стратегические и вспомогательные

коммуникации группы армий Манштейна. 38-я армия генерала Москаленко, напротив, наступала прямо на украинскую столицу.

Мелкий дождь делал день над полем битвы у Киева прохладным и серым. Погода то была серой, а вот стратегическое положение генерал-полковника Гота — черным. Опять, как все последние месяцы, у немцев не было достаточных резервов. Гитлер продолжал держать несколько свободных танковых дивизий в низовьях Днестра, потому что ни в коем случае не хотел потерять район Никополя с его месторождениями марганцевой руды. Фюрер также беспокоился о подходах к Крыму.

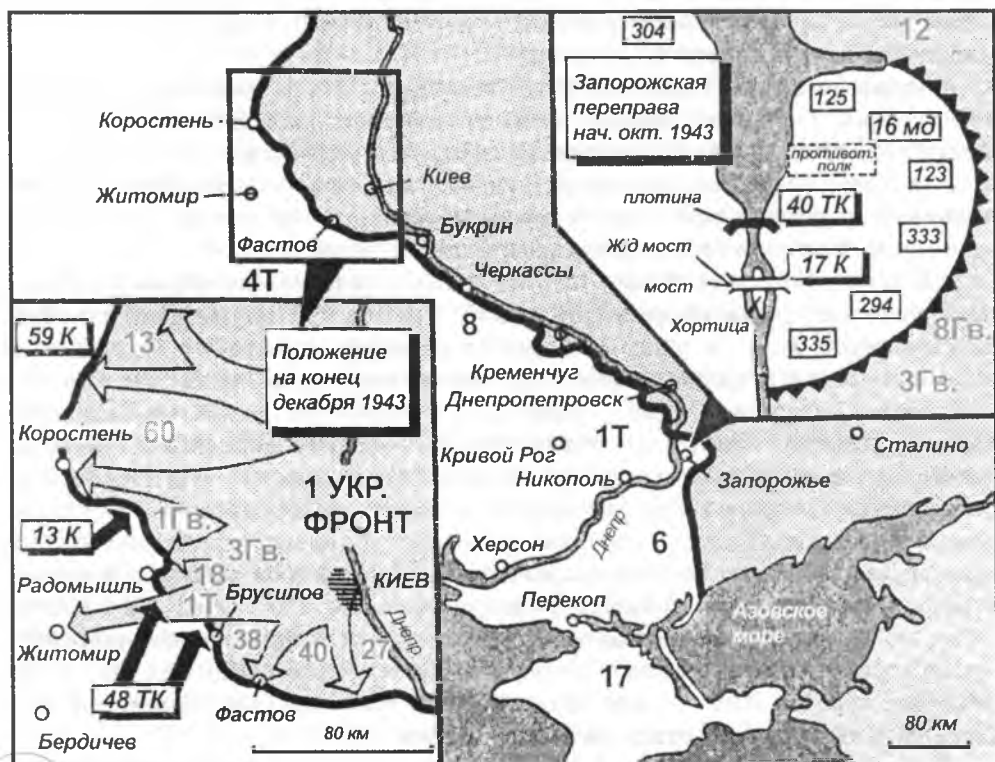
По этой причине тюрингско-гессенская 1-я танковая дивизия в конце октября была перебросена из Греции в Кировоградскую область. Эта пополненная и отдохнувшая дивизия должна была контратаковать в районе к северу от Кривого Рога, но до сих пор занималась сменой тропического обмундирования на необходимое зимнее. Другой крупный резерв, 17-ю армию, Гитлер держал в Крыму, потому что не хотел, чтобы этот выход на румынскую нефть попал в руки русских. Все попытки Манштейна получить какие-либо соединения 17-й армии для сражения за Днестр наткнулись на категорический отказ фюрера. Он приводил политические и экономические соображения. «Эвакуация Крыма, — возражал Гитлер, — произведет неблагоприятное впечатление на соседних турок, румын и болгар». Все та же старая дилемма, которая постоянно заканчивалась конфликтами Манштейна с Гитлером: усилить северное крыло группы армий Манштейна, чтобы предупредить угрожающее ему стратегическое окружение, или отдать приоритет политическим интересам? Для решения обеих проблем сил не хватало. Гитлер осознавал дилемму. «Но, — выговаривал он Манштейну, — это риск, на который придется идти, и я готов взять ответственность на себя».

Генерал-полковник Гот сидел в своем командном пункте у Макарово, на шоссе Киев—Житомир, склонившись над картами. Начальник штаба, генерал-майор Фапгор, докладывал: «Киев уже не спасти. 7-я танковая дивизия, 20-я моторизованная дивизия и ударная группа танковой дивизии СС «Рейх» вытеснены от города. Внутри Киева 88-я пехотная дивизия больше не может сдерживать неблагоприятное развитие событий. Сейчас важнее вовремя остановить опасное наступление, которое подвижные советские соединения нацеливают на наши тыловые коммуникации в районе Фастов—Бердичев—Житомир. Если мы потеряем сортировочные станции Фастова и Казатина, под угрозой окажется дорога, жизненно важная для всей группы армий».

Гот кивнул. Зазвонил полевой телефон. Это был 7-й корпус, просили помощи. Но что мог дать Гот? События развивались неумолимо. Советская 38-я армия штурмовала Киев. Основная часть немецкой 88-й пехотной дивизии погибла в пылающем городе. Лишь ее остатки без тяжелого вооружения и боевой техники пробились на юг и запад.

Ночью 6 ноября, когда занималась заря годовщины Октябрьской социалистической революции, по Крещатику, центральной улице Киева, загрохотали передовые части 5-го гвардейского танкового корпуса генерала Кравченко. Пехотинцы с автоматами из 4-й отдельной разведывательной роты вошли в развалины здания обкома Коммунистической партии и подняли там красное знамя. Через три дня после начала наступления украинская столица снова была в руках русских.

Вряд ли хоть что-либо функционировало нормально в немецких войсках в районе к северу от Киева: танковые части в основном посылались в бой, невзирая на их состояние; главные силы 19-й танковой дивизии и вовсе перебросили в Букрин. Единственно,

Карта 39. Обходя Киев, танковая армия Рыбалко нацеливалась на линии снабжения группы армий Манштейна. Критическая ситуация создалась также на Запорожском плацдарме. В ночь с 14 на 15 октября генерал Хайрици был вынужден отдать приказ взорвать электростанцию и плотину.

кто работал отменно, — это немецкие железнодорожники. В Киеве не оставили ни одного паровоза. Железнодорожники дивизии «Рейх» и полевой железнодорожный диверсионно-десантный отряд в целом отправили 24 911 вагонов, груженных трофейным имуществом.

Героем дня был Никита Сергеевич Хрущев. Первый секретарь Коммунистической партии Украины вошел в Киев в генеральском мундире, его чествовали как освободителя. Настал его великий день.

Генерал Рыбалко, истинный победитель, не заботился о восхвалениях. С бригадами своей 3-й гвардейской танковой армии он промчался мимо города в направлении на юг. Получив там отпор со стороны 10-й мотопехотной дивизии, он быстро перегруппировался и двинулся в широкие бреши во фронте 7-го корпуса юго-западнее Киева. Он прошел сектор реки Ирпень и перерезал тыловые коммуникации немецких войск, еще оборонявшихся у Киева. Он заблокировал большие дороги, ведущие в Киев, и 7 ноября взял Фастов, транспортный центр в пятидесяти километрах юго-западнее Киева, город, через который шли все линии снабжения северного фланга группы армий Манштейна. Танковые силы Рыбалко смели два стрелковых батальона местной обороны, сборный батальон, сформированный из военнослужащих, находящихся в отпуске, и несколько

зенитных расчетов, принадлежащих боевым и прожекторным подразделениям, которым было приказано оборонять город. Несколько человек из штаба 7-й танковой дивизии, брошенные на место 5 ноября, не смогли предотвратить катастрофу и были вынуждены пробиваться обратно в дивизию пешком.

На этот раз события развивались слишком стремительно даже для немецких железнодорожников, которые из Киева двинули поезда в Фастов. Там на подъездных путях огромных сортировочных станций стоял весь подвижной состав, в том числе сорок пять паровозов. Не удалось спасти ничего — а на Востоке подвижной состав более ценен, чем где-либо еще. Это была беда, но еще страшнее был тот факт, что Рыбалко уже находился в тылу группы армий «Юг».

Когда известие о падении Фастова дошло до Манштейна, он тут же вылетел в Растенбург встретиться с Гитлером, чтобы убедить его перебросить три танковые дивизии, предназначенные для оборонительных боев на Нижнем Днестре, для контратаки в районе Фастова.

Но Гитлер снова отказал. Его страх потерять месторождения полезных ископаемых и Крым победил заботу о судьбе северного крыла Манштейна. Манштейн пришел в отчаяние. «Если дела пойдут плохо, мой фюрер, вся группа армий «Юг» будет обречена», — предупредил он Гитлера.

Это предупреждение спровоцировало небольшую уступку — фюрер санкционировал использование двух танковых дивизий (1-й танковой дивизии и танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») не в низовьях Днестра, а в Киеве. Однако оба формирования еще находились в пути, и нельзя было рассчитывать на их быструю доставку.

Таким образом, не обсужден был единственный вопрос, оказавшийся роковым, — использование 25-й танковой дивизии. Ее предполагалось ввести в бой в Фастове прямо с поездов, которыми их перебрасывали из Франции.

Дивизию сформировали только летом, усилили пополненным 9-м танковым полком, доставленным из Норвегии во Францию, и там же она приобрела первый боевой опыт. Теперь ее везли к 4-й танковой армии. Командовал дивизией генерал фон Шелль, опытный солдат. Но все ли определяет командир? Дивизия не сплотилась, она еще ни разу не воевала как дивизия и, кроме того, совершенно не представляла, что такое Восточный фронт. Однако генерал-полковнику Готу не дали выбора. Несмотря на все опасения, он был вынужден бросить ее в бой у Фастова в надежде сохранить за собой транспортный центр.

Решение Гота основывалось к тому же еще на одном соображении. Генерал фон Шелль получил от Гудериана не только 9-й танковый полк (90 танков Т-IV), но и полный 509-й батальон тяжелых танков — 45 «Тигров». 135 боеспособных танков давали реальную надежду. Рыбалко, по приблизительным оценкам, имел примерно столько же — и у него были Т-34.

Однако снова мы сталкиваемся с фактом, что исход сражений и целых кампаний нередко определяется ошибками, неразберихой и неверными приказами. Батальон «Тигров» и основная часть танкового полка 25-й танковой дивизии, которые могли изменить судьбу Фастова, вообще туда не попали. Когда мотопехотные части дивизии выгружались в Бердичеве, чтобы двигаться на Фастов, танковых частей там не оказалось. За сутки до этого их отправили железной дорогой на юго-восток, и в этот момент они

подъезжали к станции Кировоград, в 195 километрах от Бердичева. Кировоград, конечно, являлся первоначальным местом назначения дивизии, армия просто вовремя не переориентировала танковые части.

В результате расчеты штурмовых орудий, артиллеристы и саперы оказались перед танковыми бригадами Рыбалко без танков. 146-й мотопехотный полк южнее Фастова практически сразу натолкнулся на крупные группы Т-34 55-й гвардейской танковой бригады. Русские дозоры вовремя заметили немецкие колонны, и командир бригады спокойно подготовил внезапную атаку. 9-ю роту немцев расстреляли. 6-я рота напрямиком направилась в ад: командир роты, почти весь младший командный состав и 160 солдат погибли под огнем Т-34. Началась паника, охватившая весь 2-й батальон.

Несмотря на эти тяжелые потери, генерал фон Шелль лично снова повел свои батальоны вперед, однако их боевой дух уже иссяк. Когда два дня спустя передовые части 9-го танкового полка наконец прибыли из Кировограда, сильно поредевшие батальоны предприняли новую атаку на Фастов под командованием своего командира дивизии и потеснили русских. Они уже пробились прямо на окраины города, один штурмовой отряд даже захватил подъездные пути. В ожесточенном сражении их снова выбили. Но они опять прорвались. И снова отступили. В конце концов, контратака застопорилась на высоте в двух с половиной километрах от города. Решающий глубокий прорыв во фланг русских уже был невозможен, немцы понесли слишком большие потери. Когда обер-ефрейтор Фитшеп прибыл с группой отставших в 6-ю роту, то из 12 человек нашел лишь двух солдат и одного унтер-офицера. Рота сократилась до 75 боеспособных людей. До семидесяти пяти. Десять дней назад во Франции в поезд погрузилось 240 человек.

Тем не менее несчастливая 25-я танковая дивизия добилась одного важного результата — она остановила продвижение Рыбалко на юг и, совместно с ударной группой дивизии СС «Рейх», 10-й мотопехотной дивизией и вновь прибывшей 198-й пехотной дивизией, блокировала советский прорыв. Это предоставило Манштейну достаточно времени, чтобы подтянуть свежие силы для массивной контратаки.

Шанс Сталина на уничтожение немецкого южного фланга опять был упущен. Конечно, русские существенно продвинулись на запад и захватили Житомир с огромными складами 4-й танковой армии. Но 13-му корпусу генерала Маттенклота удалось на данный момент остановить вклинение 8-й танковой дивизией и 20-й мотопехотной дивизией. Севернее 59-й корпус с 291-й пехотной дивизией и оружейным расчетом корпуса «С» предотвратил советский прорыв на стыке групп армий у Коростеня. Самая серьезная угроза Манштейну миновала. Его 48-й танковый корпус представлял собой мощную силу из шести танковых и нескольких гренадерских дивизий; они теперь стояли южнее линии из Фастова в Житомир, готовые ударить во фланг наступающим на запад русским.

Впервые Манштейн поистине вырвал у Гитлера значительные боевые силы. Дивизии доставили со всех частей Европы — из Норвегии, Греции и Северной Италии. Среди них были отборные и частично заново вооруженные части с большим опытом сражений на Восточном фронте, такие, как 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт», 1 и 19-я танковые дивизии. Командиром корпуса назначили генерала Германа Балка, одного из лучших боевых командиров Вермахта. Но для того чтобы нанести решительное поражение уже сосредоточившимся на Киевском плацдарме четырем русским армиям плюс

двум отдельным корпусам и отбросить их обратно за Днепр, шести дивизий 48-го танкового корпуса было недостаточно.

Гудериан это понимал. 9 ноября он попросил у Гитлера пополнения. «Перебросьте все свободные дивизии групп армий «Юг» и «А», даже если риск достаточно велик», — предложил он. Однако Гитлер решил в пользу контрудара, который он, как обычно, принял с неадекватными силами. И за ошибку пришлось заплатить. Правда, 59-й армейский корпус стабилизировал ситуацию у Коростеня, а 48-й танковый корпус возвратил район Житомир—Радомышль—Брусилів—Фастов и своей успешной контратакой еще раз продемонстрировал, что немецкие танковые войска, когда ими управляют опытные командиры, способны на многое и в пятую зиму войны. Превосходящего по силам противника обошли ловким маневром, его наступление остановили и уничтожили целый корпус. Однако невозможного не добились — Киев остался в руках русских. Наступательная мощь 4-й танковой армии иссякла. Русские удержались в сердце своего стратегического плацдарма у Киева.

Этот плацдарм составил в глубину более 80 километров и по фронту около 190 километров. В таком огромном секторе немецкий фронт был теперь отодвинут от Среднего Днепра. Советский клин, усиленный наступательными войсками, опасно выступал к западу.

Генерал-полковник Гот, военачальник, проявивший себя в тысячах сражений, стал козлом отпущения и понес ответственность за ситуацию, которая сложилась исключительно вследствие ошибок Гитлера. Ему было приказано передать командование 4-й танковой армией генералу Раусу.

3. Запорожье

Крепость на Днепре, защищающая фланг — Шесть дивизий и полк тяжелых штурмовых орудий — Малиновский атакует тремя армиями — Запечатанный пакет на парашюте — Черно-красный легион Сталина — Уплотины критическое положение — «Хайтрици, вы рискуете головой!» — Двести тонн динамита — Значительная советская победа.

Опасность таилась не только в районе Киева. В Кременчуге и Черкассах ситуация тоже была мрачной: здесь генерал-полковнику Коневу частями 2-го Украинского фронта при активной поддержке смелых партизанских отрядов удалось создать мощный плацдарм. Однако самым уязвимым пунктом с середины октября стало Запорожье. Запорожье с его гигантской плотиной и огромной «Ленинской» электростанцией — гордостью советской энергетики — являлось для советского командования особенно драгоценной целью, в эмоциональном смысле сходной со Сталинградом.

Запорожье играло значимую роль и в плане Гитлера. У него были серьезные основания, когда, примерно в середине сентября, он потребовал, чтобы Манштейн создал крупный плацдарм для обороны города и плотины. Генерал-фельдмаршал не слишком обрадовался, поскольку каждый полк был нужен ему на западном берегу. Однако Гитлер остался непреклонен. На кону находилась энергетическая мощь в полтора миллиона киловатт — энергия, питающая западноукраинский промышленный регион. Работы на кировоградских металлургических заводах и шахтах Кривого Рога шли полным ходом. И поставить все это под угрозу вследствие потери электроэнергии из Запорожья?

Однако пастойчивость Гитлера объяснялась не только экономическими соображениями, не менее важными являлись стратегические. Пока на восточном берегу существует плацдарм у Запорожья, русские не могут рискнуть пойти в наступление между излучиной Днепра и Азовским морем к низовьям реки и Крыму. Запорожский плацдарм идеально прикрывал фланг 6-й армии и одновременно угрожал советским войскам, наступавшим на Днепропетровск с севера.

Вот тут Манштейну было нечего возразить. Советская история войны тоже подтверждает, что этот немецкий плацдарм представлял собой серьезное препятствие для советских операций на днепровском направлении. Запорожье, эта крепость на фланге, предотвращала удар по Крыму. Гитлер поэтому был прав, требуя защищать плацдарм не на жизнь, а на смерть.

Неблагодарная задача «стоять насмерть» была возложена на опытный 40-й танковый корпус генерала Хайнрици. Из его трех танковых дивизий и пехотных дивизий 47-го армейского корпуса генерала Крейзинга была образована армейской величины ударная группа Хайнрици. Ей надлежало стоять на часах у запорожской плотины. Понятно, что этих сил было недостаточно для обороны и западного берега, и участка восточного берега сорок на девятнадцать километров. Этот бастион, по сути, защищали шесть дивизий и один полк тяжелых штурмовых орудий. А советское Верховное Главнокомандование выставило против них целый фронт: три армии, воздушную армию и два танковых корпуса — включая такое знаменитое объединение, как 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова, защитника Сталинграда. Три армии и воздушный флот против шести с половиной дивизий. Превосходство — десять к одному.

Тем не менее первые крупномасштабные советские атаки были успешно отражены. Успех в основном принесли боевой дух рейн-вестфальской 16-й мотопехотной дивизии графа Шверина и оборонительная мощь 656-го полка тяжелых самоходных орудий под командованием подполковника фон Юнгенфельдта. Супертяжелые штурмовые орудия «Фердинанд», известные так же, как «Тигры Порше», своими 88-мм пушками подбивали один Т-34 за другим; 150-мм гаубицы на сорока семи боевых машинах 216-го штурмового танкового батальона поистине являлись передвижными крепостями с потрясающей огневой мощью.

К несчастью, полк фон Юнгенфельдта располагал только одним штурмовым танковым батальоном и всего двумя дивизионами «Фердинандов». В два-три раза больше — вместе с несколькими пополненными пехотными и танковыми дивизиями — и они наверняка изменили бы ход сражения у Запорожья. Но с одним полком тяжелого противотанкового оружия эту битву выиграть было невозможно.

Положение генерала Хейнрици вызывало тревогу. Силы его дивизий убывали, подкрепление не подходило. Хуже всего обстояли дела со снабжением — боеприпасов так не хватало, что с начала октября нельзя было обстреливать колонны противника, даже развернувшиеся в пределах досягаемости.

Утром 10 октября Малиновский начал новую атаку. Он бросил в бой всю группу армий, все три свои армии. Он снова выбрал для атаки воскресенье, рассчитывая, что воскресная атмосфера сделает немцев менее бдительными. Наступление началось с массированного артиллерийского огня из всех орудий. Впервые русские задействовали отдельные артиллерийские дивизии. Это обеспечило быстрое сосредоточение огня на ключевых точках — дело первейшей важности в подобных сражениях на прорыв. Толь-

ко впоследствии, после эксперимента с 18-й артиллерийской дивизией, и немецкое командование пошло по этому пути, создав артиллерийские бригады и пародные артиллерийские корпуса.

Интенсивность обстрела немецких линий у Запорожья была беспрецедентной, Малиновский буквально завалил снарядами внешний оборонительный обвод немцев. Затем он запустил свой паровой коток.

В южном секторе наступления, у Ново-Александровки, против прорвавшихся русских выступили штурмовые танки майора Хорстмана. Впереди, стоя в башне, шел лейтенант Вайсбах. Лейтенант Хофер добрался до противотанкового рва. Южнее главной дороги унтер-офицер Ледер и обер-ефрейтор Хаберман остановили атаку русских на Ново-Александровку и отбросили их обратно на исходные позиции. Вечером на подступах к плацдарму дымились сорок восемь разбитых танков противника.

То же самое произошло и на следующий день. Русская атака. Немецкая контратака. Пехота Хайнрици тоже храбро держалась перед лицом неослабевающей наступательной активности противника во второй и третий дни сражения. Русские постоянно подтягивали из тыла свежие силы. Они шли в атаку. Их убивали. Они отступали. И снова шли в атаку.

Утром 12 октября произошел случай, представляющий интерес для истории войны. Генерал-лейтенант Раух, командир 123-й пехотной дивизии, переслал генералу Хайнрици советскую посылку, сброшенную на парашюте в секторе Рауха. В ней содержался запечатанный конверт. Адрес был напечатан: генералу Эрвину Рауху, командиру 123-й пехотной дивизии.

«Дорогой Раух! Я неоднократно пытался связаться с тобой через парламентаров, но твои люди неизменно в них стреляли... Поэтому я выбрал этот способ...

Я уверен, что ты вспоминаешь те дни, когда мы вместе учились в Военной академии...

Твоя дивизия в безнадежном положении... Твоя дивизия окружена, ее ожидает судьба Сталинграда... Переходи на нашу сторону вместе с дивизией, в полном составе... Я оговорил с советским Верховным Главнокомандованием особенно почетные и благоприятные условия и для твоей дивизии, и лично для тебя... Достойное обращение, пленные сохраняют свое личное имущество, офицеры — личное оружие. Дивизия останется вместе и будет задействована на работах... После войны твоя дивизия будет отправлена домой первой». Подпись: фон Зейдлиц, генерал артиллерии.

Это письмо генерала фон Зейдлица, который попал в плен к русским у Сталинграда, было средством психологической войны со стороны противника. Солдаты 304-й пехотной дивизии, стоявшей севернее плотины, прикрывая западный берег Днепра, столкнулись с еще более впечатляющим выступлением национального комитета «Свободная Германия». Командир дивизии доложил, что лодки с развевающимися черно-бело-красными флагами и людьми, распеваящими немецкий гимн, пытались переплыть Днепр в полосе дивизии, но были оттеснены огнем.

Голос сталинского черно-бело-красного легиона раздавался также в войсковых радиоприемниках. Полковник Ганс Гюнтер ван Хувен, много лет командовавший 440-м батальоном связи танкового корпуса и поэтому знакомый с техникой связи своего прежнего подразделения, в эфире обращался к своим молодым лейтенантам. Ван Хувен тоже был взят в плен у Сталинграда как начальник войск связи и вступил в Национальный комитет.

Хувена очень любили в батальоне, а в штабе 40-го танкового корпуса всегда ценили здравые суждения этого командира. Поэтому его сладкая песня, обещающая «уважительное обращение и хорошее питание в плену», действительно вызывала сомнения. Предложения пылко обсуждались, но в целом отвергались. Войска не принимали того, что борьба против Гитлера и его политической системы может вестись на поле сражения или обманом своих собственных товарищей.

13 октября, на четвертый день битвы, русским удалось совершить крупное вклинение в немецкую оборону. Наступил кризис. Угроза прорыва к плотине стала реальной.

Боевой журнал 40-го танкового корпуса не оставляет сомнений в серьезности сложившейся в тот день ситуации. Переданное по радио сообщение о советском вклинении очень встревожило штурмовой танковой батальон полка тяжелых самоходных орудий. Восемь Т-34 и два полка советской пехоты продвинулись уже на пять километров. И снова могучим штурмовым танкам удалось спасти ситуацию: три Т-34 были подбиты, остальные отошли. Русская пехота рассеялась. Однако было очевидно, что, принимая во внимание соотношение сил, такие опасные ситуации будут повторяться снова и снова, а машины полка тяжелых самоходных орудий фон Юнгенфельдта не могут быть везде одновременно.

Ударная группа Хайнрици именно на подобный случай приказала построить небольшие, но эффективные прикрывающие позиции на подходах к плотине и железнодорожному мосту, чтобы обеспечить прикрытие при минировании. Эта работа требовала серьезной подготовки — нужно было понизить уровень воды в водохранилище минимум на пятнадцать метров, чтобы внезапная волна не повредила мосты ниже по течению в секторе 6-й армии.

Более того, для заполнения минных камер требуется двадцать четыре часа. Однако вместо того чтобы возложить решение о времени начала подготовки к взрыву на ответственного боевого командира, как предлагал начальник штаба 1-й танковой армии генерал Венк, Главное командование сухопутных войск Германии категорически оставило за собой санкционирование всех мер этого рода. Хайнрици чувствовал себя, как кошка на раскаленной крыше.

Утром 13 октября русская артиллерия впервые целенаправленно обстреляла плотину. Генерал немедленно потребовал от Главного командования сухопутных войск Германии свободы действий. Ответа не поступило. Через несколько часов угроза советского прорыва начала приобретать реальные очертания. Новое обращение в Главное командование сухопутных войск Германии. Хайнрици находился на командном пункте у восточного подхода к плотине. Каждые пять минут он звонил в свой узел связи: «Есть инструкции из “Вольфшанце”?» — «Нет, господин генерал». Офицер разведки майор Кандутш не отходил от телефона ни на минуту: командиры дивизий постоянно спрашивали указаний. Однако «Вольфшанце» хранило молчание. Гитлер еще спал. И ни у кого в Ставке фюрера не хватало мужества разбудить его. Генерал Хайнрици поэтому сам связался с генерал-полковником фон Макензеном, командующим 1-й танковой армией. «Господин генерал-полковник, я готов отдать приказ заполнять минные камеры и понижать уровень воды в водохранилище — под мою ответственность».

Макензен не возражал, ему были понятны опасения Хайнрици. Он лишь лаконично заметил: «Хайнрици, вы рискуете собственной головой». Хайнрици не испугался.

14 октября русские совершили новое глубокое танковое вклинение в направлении водохранилища. В последний момент ударным группам 16-й мотопехотной дивизии и 421-му гренадерскому полку 125-й пехотной дивизии удалось его блокировать. Сильный артиллерийский огонь повредил подготовленные огнепроводные шнуры, идущие к минным камерам на плотине. Офицерам начальника инженерных войск армии пришлось снова идти вперед ремонтировать поврежденные шнуры и закладывать новые.

Двести тонн динамита (вес десяти груженых вагонов) были заложены в турбинный зал электростанции. Сорок тонн размещены в минных камерах непосредственно в плотине плюс сто авиационных бомб, все по 500 килограммов, что составляет еще пятьдесят тонн.

Хайприци назначил взрыв железнодорожного моста на 18 часов 45 минут, плотины — на 20.00. Однако начальник инженерных войск армии еще не мог позволить надавить на рукоятки взрывателей, нужно было известить 16-ю мотопехотную дивизию, прикрытые, защищавшее мост и плотину.

— Пошлите радиogramму в 16-ю, сообщите, что взрыв через два часа, — приказал офицеру связи майору Брауну начальник оперативного отдела. Через несколько минут офицер вернулся взволнованный:

— Господин майор, с 16-й нет связи.

— Дьявол!

Послали на вездеходе¹ лейтенанта Кристиана Штокле из оперативного отдела штаба 40-го танкового корпуса. «Вам нужно найти графа Шверина. Как это сделать — решайте сами».

Лейтенант Штокле выехал. Запорожье горело из конца в конец. Даже деревья вдоль дороги пылали, как факелы. Подозрительно большое количество войск спешило на запад в направлении железнодорожного моста, однако никто из них не знал, где сейчас находится командный пункт 16-й мотопехотной дивизии. Следуя солдатской интуиции, Штокле направился к крестьянской хате на северной окраине города. Совершенно верно — там, в темной хате, при свете свечи и окруженный офицерами своего штаба, сидел генерал, изучая карту. Лейтенант вручил ему пакет и доложил ситуацию. Граф Шверин немедленно выработал план действий: «Мы будем держаться, пока все не перейдут!» И 16-я мотопехотная дивизия удерживала свои позиции перед двухрядным железнодорожным и автомобильным мостом до самой последней минуты. Что не пересекло мост к часу «Ч», было переправлено на лодках и плотах на остров Хортица в середине реки. Для штурмовых орудий Юнгенфельда, которые все еще прикрывали фланг южнее Запорожья на Мелитопольском шоссе, навели переправу.

С 14 на 15 октября, около полуночи, мост и плотина были взорваны. Раздался страшный гром, однако, несмотря на огромное количество взрывчатки, в массивной 800-метровой бетонной плотине образовалось лишь несколько проломов, через них с ревом понеслась вода. Волна высотой в несколько метров накрыла землю и деревни в долине реки. Советские передовые части осторожно начали прощупывать окраины города, осматривательно приближаться к восточному въезду на плотину.

Южнее через реку переправляли последние тяжелые штурмовые орудия.

¹ «Фольксваген» — машина по типу джипа. — Прим. пер.

4. Борьба за «линию Вотана»

Каток Толбухина движется к Мелитополю — Русские идут в атаку тридцать раз; тридцать раз их отбивают — В немецкой 6-й армии осталось двадцать пять танков — Корпус пробивает себе дорогу — Армия спасена — Но Крым отрезан.

Победа русских в Запорожье не была эффектной: нельзя было объявить об огромных немецких потерях. Тем не менее это одна из наиболее значительных и влекущих за собой серьезные последствия побед, достигнутых советскими войсками на Днестре в течение 1943 года. «История Великой Отечественной войны» справедливо замечает: «В результате освобождения Запорожья существенно изменилась обстановка на юге Украины». Абсолютная правда. Потому что теперь русские могли выйти в низовья Днестра и на подходы к Крыму. Советское Верховное Главнокомандование, не медля ни минуты, начало наступление против 6-й армии.

Никакая армия в мире не может целый год, постоянно отступая, вести ожесточенные оборонительные бои без подкрепления или достаточного пополнения оружия и боеприпасов. Неумолимый закон чисел действовал на Нижнем Днестре, как в любом другом месте. Шесть советских армий наступали на одну немецкую. Генерал-полковник Холлидт имел одиннадцать с половиной немецких и две румынские дивизии — соединения, которые были измотаны месяцами оборонительных сражений и отступлений.

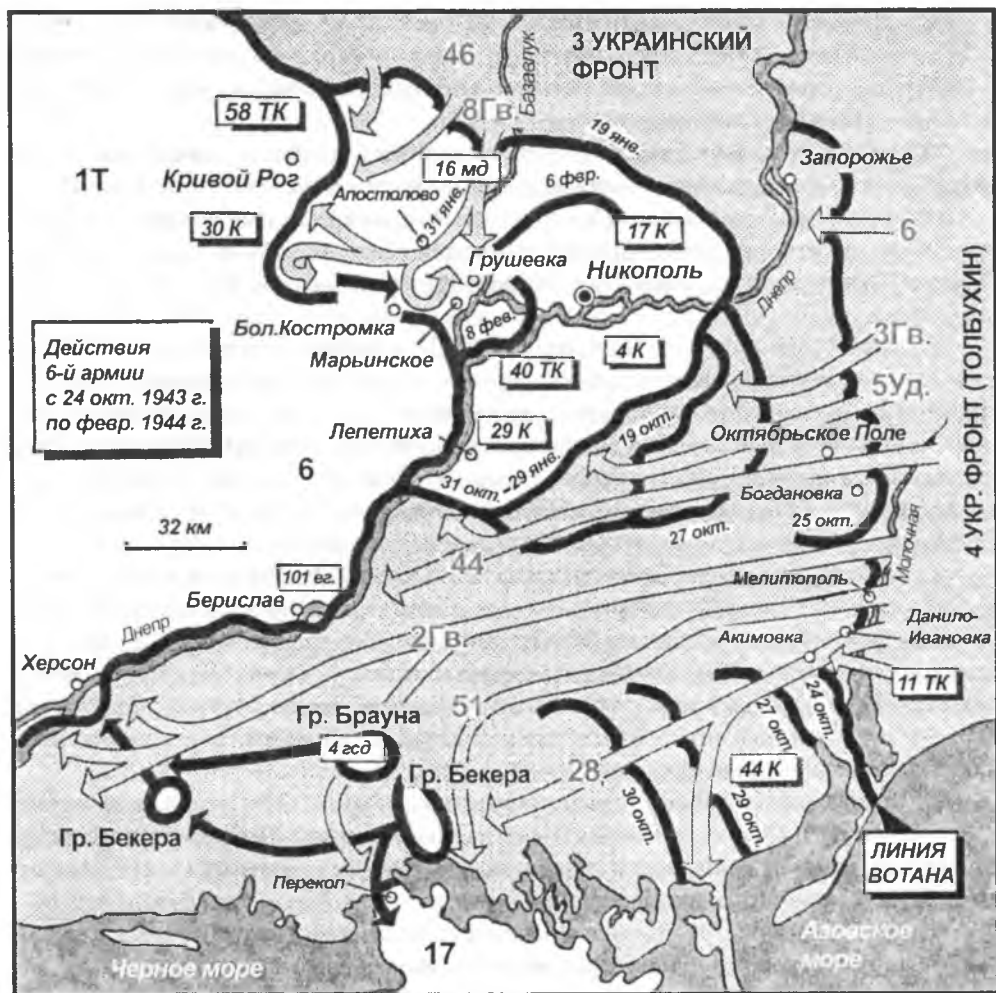
Дивизии 29-го корпуса отвели на «линию Вотана». В процессе этого трудного отхода 55-й гренадерский полк 17-й пехотной дивизии за три дня подбил сорок Т-34.

Однако даже самые доблестные соединения не в состоянии остановить наступление шести советских армий в степи, где нет никаких преград. Превосходство русских по численности превышало все, испытанное в прошлом. В начале октября они штурмовали «линию Вотана» в составе сорока пяти стрелковых дивизий; двух моторизованных, трех танковых и двух кавалерийских корпусов.

На немцев двигались восемьсот танков. Четыреста артиллерийских орудий и 200 реактивных минометов поддерживали наступление. 6-я армия содрогнулась от такого удара. Две ее танковые дивизии и три дивизиона штурмовых орудий встали на пути русского катка, имея 181 танк и штурмовое орудие. Ослабленные полки пехотных дивизий вцепились в сухую землю Ногайской степи. Гранатометчики, горные стрелки и солдаты полевых дивизий Люфтваффе понимали, что решается в этом месте. Они должны удержаться на треугольнике плоской степи между Запорожьем, Азовским морем и устьем Днестра — иначе 17-я армия в Крыму будет потеряна.

Но как им выполнить свою задачу в этой проклятой степи? На бескрайнем пространстве не было настоящих шоссе, только проселки и грязные дороги от Днестра к фронту. А теперь, с приходом осени, песчаные бури вздымали землю со стихийной силой. Между немецкими войсками и морем не было ни единой реки, за которой можно было бы окопаться, ни единой гряды холмов, за которую можно было бы зацепиться. Их артиллерия незащищенной стояла на плоской равнине. Не было ни дерева, ни куста, которые бы прикрыли орудия от наблюдателей противника.

Хваленая «линия Вотана» представляла собой наскоро отрытый противотанковый ров, прикрытый несколькими пехотными траншеями по краю степи. Лишь приподнятые берега реки Молочная создавали небольшое естественное препятствие. И именно тут решалась судьба Крыма и Румынии.

Карта 40. Сражение на Нижнем Днепре закончилось потерей сухопутной связи с Крымом. В будущем предполагалось восстановить эту связь ударом с Никопольского плацдарма.

В течение двух недель, с 27 сентября до 8 октября, 6-я армия удерживала свой фронт. Потом подошла и ее очередь. 9 октября в 10.00 часов, абсолютно необычное время, Толбухин открыл решающее сражение. Оно началось с адского артиллерийского огня. За час на полоску земли шириной пятнадцать километров обрушилось 15 000 снарядов. Один снаряд на каждые три метра. Потом пошла советская пехота. Уверенная в победе, плечом к плечу, с криками «Ура!». После своей артиллерийской подготовки русские не рассчитывали на сколько-нибудь существенное сопротивление немцев, однако их ожидал неприятный шок. Из распаханной степи по советским шеренгам застучали пулеметы. Зарывкали полевые гаубицы. Завыли минометы «Небельвельфер». Штурмовые полки Толбухина рассыпались и отступили. Снова пошли и снова были отбиты. Они пошли на следующий день, в воскресенье. И в понедельник. И во вторник. И в среду. Каждый день. В течение двух недель.

«Наша цель — уничтожение немецкой 6-й армии. Когда она будет разбита, откроется дверь в Крым, — каждое утро наставлял генерал-полковник Толбухин командиров 4-го Украинского фронта. — Наша цель имеет решающее значение для исхода всей войны. Она оправдывает любые жертвы».

Самая жестокая борьба разгорелась вокруг Мелитополя на южном фланге «линии Вотана». Советская пехота оставила горы трупов, советский 11-й танковый корпус потерял сотни Т-34. 6-я армия Холлидта снова сражалась с призраком Сталинграда — поскольку то, что Толбухин готовил дивизиям Холлидта, было Сталинградом на Днепре. По жестокости сражение у Мелитополя ни в коем случае не уступает Сталинградскому.

Богдановка, Октябрьское Поле, Акимовка, Данило-Ивановка и поля южнее Мелитополя — места сражений, менее прославленные популярными историями войны, чем связанные с трагедией у Сталинграда, тем не менее здесь происходили кровопролитнейшие бои последней войны. Тридцать раз русские штурмовали Октябрьское Поле, тридцать раз их отбивали. Это были тяжелые дни для стрелков 3-й горной дивизии, гренадеров 258 и 17-й пехотных дивизий, бойцов ударной группы 13-й танковой дивизии майора фон Газа. Русские в этих боях потеряли шестьдесят два танка.

Так же успешно оборонялись полки на полях южнее Мелитополя. Многие солдаты, воевавшие тогда между Запорожьем и Азовским морем, забывали номера дивизий, но их боевые эмблемы помнились. И когда они видели их на дорожных указателях, то знали, на кого они могли рассчитывать справа или слева, — крест лотарингской 79-й пехотной дивизии, белый ромб 111-й пехотной дивизии, девятиконечная звезда гессенской 9-й пехотной дивизии, голова собаки вестфальской 336-й пехотной дивизии, штык 17-й пехотной дивизии из Франконии.

На северном фланге также отчаянно сражались танки 17-й танковой дивизии вместе с гренадерами 101-й стрелковой и 302-й пехотной дивизий. 13-й танковый разведывательный батальон капитана Шутца защищал уязвимые фланги. Его части были отважны и дисциплинированы. До самого конца.

Однако положение генерал-полковника Холлидта на востоке было безнадежным с самого начала. В конце концов, закон чисел взял свое.

Мелитополь пал 23 октября. Это открыло русским возможность ударить в южном направлении на Крым. Толбухин бросил на решающий прорыв все, чем располагал. Он двинул на фронт три свежих стрелковых корпуса. Он сосредоточил на участке прорыва четыре сотни танков.

24 октября он атаковал сектор 44-го корпуса юго-западнее Мелитополя шестью стрелковыми дивизиями и пустил танки в две волны. Немецких гранатометчиков подавили. Навстречу врагу двинулись спасательные части и штурмовые орудия. Девяносто четыре танка Толбухина были подбиты, и атака захлебнулась. Эти дни — одни из самых страшных дней всей войны.

Это дни танковой группы фон Хаке. Танками, штурмовыми орудиями и бронетранспортерами 13-й танковой дивизии полковник фон Хаке остановил продвижение противника. Это также дни, когда 336 и 370-й артиллерийские полки и 93-й дивизион тяжелых штурмовых орудий встали и сражались до последнего солдата: сначала они использовали свои штурмовые орудия и пушки, потом автоматы, штыки, саперные лопаты и ручные гранаты. И истекли кровью.

В середине дня 27 октября 73-я пехотная дивизия доложила, что у них осталось 170 человек — одна сотня ее прежнего состава. И это в дивизии, которую передали в 6-ю армию только 4 октября. 111-я пехотная дивизия сократилась до 200 человек. Тяжелое вооружение дивизий и корпусов было потеряно на 60 процентов. Вся армия располагала только 25 боеспособными танками и штурмовыми орудиями. Правда, ремонтные службы работали активно и старались восстановить танки и другое вооружение как можно скорее, не отдыхая даже при отступлении, однако потери были слишком велики. Русские тоже понесли ужасающие потери и лишились сотен танков. Однако всегда и везде у них было на один батальон, один полк или один корпус больше, чем у Холлидта. Согласно советским источникам, в каждый момент сражения у русских было десятикратное превосходство в силах.

Соответственно, танковые соединения советской 51-й армии генерал-лейтенанта Крейзера, в конце концов, опрокинули правое крыло 73-й пехотной дивизии в районе Мелитополя и разорвали немецкий фронт на участке в пятнадцать километров.

Генерал-полковник Холлидт был не в состоянии достаточно быстро освободить силы, чтобы заблокировать эту брешь. Как у прорвавшей плотины, края брешни обваливались все больше и больше, она становилась все шире, и в нее хлынули дивизии Толбухина. Справа от советской 51-й армии и ее 19-го танкового корпуса пошел механизированный корпус 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Захарова. Он затопил небольшую немецкую ударную группу, еще остававшуюся на своих позициях, и скоро расширил участок прорыва до сорока пяти километров. Поток нарастал. Суждено ли основной части 6-й армии, запово созданной после Сталинграда, снова погибнуть — на этот раз в безводной Ногайской степи?

Закрывать 45-километровую брешь не удалось. 6-я армия оказалась разрезанной на две части — меньшую часть на юге и большую на севере, обе отчаянно сражались, стараясь избежать окружения.

На юге 44-й корпус генерала Ангелиса находился в сложнейшем положении. Превосходящие силы противника стояли и перед ним, и в его тылу. Между корпусом и Нижним Днепром — пятьдесят километров пустыни.

Однако войска показывали все, на что способны. 4-я горная дивизия генерал-майора Брауна действовала как таран для отступающего корпуса. Небольшая танковая группа 13-й танковой дивизии полковника фон Хаке усилила ударную группу и своими немногочисленными танками прикрывала фланг дивизии. С боями они продвигались к Днепру. Южнее них группа Беккера с 370-й пехотной дивизией, остатками 336-й пехотной дивизии и румынскими полками пробивала себе дорогу на запад. Порядки советской 51-й армии, которая стремилась на юг, преодолели обе группы.

Советская 2-я гвардейская армия тем временем прорвалась на запад и начала движение к устью Днепра. Но и этот опасный удар противника был отбит. В начале ноября группа Беккера, 13-я танковая дивизия и остатки румынских полков прошли отсечные позиции 4-й горной дивизии. Через Днепр переправились у Херсона на плотках и по поштонному мосту.

44-й армейский корпус был спасен. Кроме войск, было выведено около 15 000 автомобилей, примерно столько же единиц гужевого транспорта и большое количество тяжелого вооружения. Самый крупный советский прорыв и самое крупное преследование этой войны не достигли главной цели. Немецкая 6-я армия отвела свои соединения

на новую оборонительную позицию между Крымом и Никополем, в полном составе и боеспособности.

Но (и это очень важное «но») подходы к Крыму, которые определяли движение мысли Гитлера и решения Главного командования сухопутных войск Германии в течение последних месяцев, были потеряны. Полуостров, где все еще находилась немецкая 17-я армия, оказался отрезанным от всех сухопутных коммуникаций. Ужасная драма началась. Время 17-й армии истекало.

Стремительное развитие событий у южной группы Холлидта означало, что русские могли диктовать ход операций и двум корпусам северной группы. Восстановить потерянную связь на северных подходах к Крыму оказалось невозможно. Даже Главное командование сухопутных войск Германии смирилось с ее потерей. Корпуса северной группы 6-й армии откатали свои фронты. Им было приказано создать большой плацдарм на южном берегу Днепра перед Никополем с целью защиты важных марганцевых рудников. Однако в этом состояла лишь половина задачи. Гитлер имел в виду большее. Не менее важной, чем руда, была надежда очень скоро снова перейти в наступление с этого выступающего клина, ударить по подступам к Крыму, отрезать крупные советские силы, которые вышли в дельту Днепра, и восстановить связь с 17-й армией.

Хороший план — на бумаге. Но выдавать желаемое за действительное не есть стратегия. Тем не менее последующие несколько недель прошли под знаком этой надежды.

5. К западу от Никополя

Калмыки против партизан — «Простите меня, женщины» для группы Шернера — Гвардейцы Чуйкова жасзедут победы — Рукопашная — Пурга у Мариинского — Шестнадцать метров соломы между войной и миром — Шестнадцать дивизий спасают только людей — Никопольский мешок разорван.

В начале февраля 1944 года в маленьком селении Нижней Баварии родители горного стрелка Герхарда Эртля получили по полевой почте письмо от сына. В письме он спрашивал: «Вы знаете, сколько километров от Мюнхена до Никополя? Одна тысяча шестьсот девяносто восемь километров! Я увидел на дорожном указателе, который наши артиллеристы поставили на огневой позиции». Никополь — в 1698 километрах восточнее Мюнхена. Для сравнения, знаменитое итальянское аббатство Монте-Кассино, которое в это время тоже ежедневно фигурировало в немецких сводках, было значительно ближе. Всего 708 километров отделяли Мюнхен от Центральной Италии, где немецкие парашютные части и гранатометчики в феврале 1944 года не пускали американцев к альпийским перевалам.

Собственно говоря, по правилам цензуры рядовой Эртль не должен был упоминать, что он находится на Никопольском плацдарме либо цензор обязан был это вычеркнуть. Однако к началу 1944 года цензура стала довольно мягкой. Кроме того, его родители уже знали об этом от его раненого товарища, а замечание Герхарда являлось ответом на вопрос из письма его матери.

Неудивительно, что матери в Мюнхене, Вене, Дюссельдорфе, Шверине, Кенигсберге, Бреслау и Дрездене интересовались Никополем. Все в Германии в начале 1944 года знали название этого советского города никеля на Днепре. Всю первую неделю

января каждое официальное сообщение Верховного главнокомандования начиналось словами: «На Никопольском плацдарме...»

В феврале формулировка стала приобретать многозначительные оттенки. Теперь официальные сообщения Верховного главнокомандования начинались так:

4 февраля: «В районе Никополя вчера...»

5 февраля: «В зоне боевых действий Никополя русские усилили...»

6 февраля: «В районе Никополя наши дивизии продолжают...»

7 февраля: «В районе Никополя враг продолжает крупными силами...»

9 февраля: «С боевым подъемом наши войска в тяжелом оборонительном сражении у Никополя отразили...»

И 10 февраля: «На Восточном фронте попытки противника западнее Никополя снова закончились провалом...»

И наконец, 11 февраля: «Наши войска на Восточном фронте снова отразили многочисленные мощные советские атаки в районе западнее Никополя и южнее Кривого Рога».

Затем на семь дней название Никополь исчезло из официальных сообщений. О плацдарме на Днепре не говорили ни слова. Что же замалчивалось?

Утром 15 февраля на Нижнем Днепре разыгралась пурга. Температура быстро упала до пятнадцати градусов ниже нуля. Резкий ледяной ветер и темнота стали фоном, на котором состоялся финальный акт никопольской драмы.

Позиции плацдарма к югу от Днепра были потеряны в течение двух недель. Правда, русские не сумели прорвать оборонительные рубежи немцев. В тяжелом оборонительном бою южнее реки восточнопрусская 24-я танковая дивизия, например, снова и снова разрешала кризисные ситуации мощными контрударами своих танковых групп. Эта дивизия вывела из строя 290 вражеских танков, 130 противотанковых орудий, 60 пушек всех калибров, 31 миномет и 25 самолетов, взяла в плен более 800 человек. Ее собственные потери составили 500 человек, включая выдающегося офицера, капитана Георга Михаэля, кавалера «Железного креста» с дубовыми листьями, уроженца Гамбурга.

Однако одной отвагой битвы не выиграть. В конце января удар советской 8-й гвардейской армии силами девяти стрелковых дивизий и нескольких танковых бригад с севера через бреши во фронте 16-й мотопехотной дивизии в тыл плацдарма радикально изменил положение.

Командовал немецкими войсками на плацдарме генерал Фердинанд Шернер. Здесь Гитлер доверил угрожаемый участок человеку, идеально соответствующему задаче. В 1942 году Шернер еще командовал австрийской 6-й горной дивизией, с которой мы встречались у Мурманска; потом ему дали 19-й горнострелковый корпус на Арктическом фронте, и с октября 1943 года он принял опытный 40-й танковый корпус, с личным составом штаба которого, переименованного в группу Шернера или оперативную группу «Никополь», он с 25 ноября руководил обороной плацдарма. Каждый офицер Генерального штаба знал этого сложного боевого командира. Он славился поразительной храбростью, твердостью и решимостью, большим тактическим искусством и верой в железную дисциплину. Он был абсолютно бесстрашен. В Первую мировую войну молодым лейтенантом баварского пехотного полка немецкого Альпийского корпуса он штурмовал господствующую горную крепость Монте-Коловрат вместе с вюртембергским горным батальоном Роммеля и взял высоту 1114 далеко позади прорванного Изонцо

фронта. 24 октября 1917 года в признание этого подвига его удостоили высшей награды за отвагу кайзеровской армии, орденом «За заслуги». Роммель со своими вюртембергскими стрелками поддержал фронтальную атаку баварцев, взял штурмом горный массив Монте-Матте на пятьдесят километров северо-восточнее и за это достижение получил орден «За заслуги» 27 октября. Два отчаянно храбрых лейтенанта 1917 года стали выдающимися и дерзкими командирами Второй мировой войны.

Уже с конца 1943 года Шернер энергично и осмотрительно оборонял Никопольский плацдарм от значительно превосходящего по силам противника. Это было нелегко. Позиции по фронту составляли сто двадцать километров. Практически без глубины. В десяти—пятнадцати километрах за линией фронта протекал Днепр, 650—1300 метров шириной, а перед ним к тому же находились плавни — обширные болотистые низины, в которых скрывались партизаны.

Эти таящиеся в недоступных болотах силы представляли бы серьезную угрозу немецким порядкам, если бы не унтер-офицер Вилли Лилингаль. Этот солдат из Гамбурга появился в конце ноября с калмыцким майором Абушиновым. С ним пришли пять кавалерийских эскадронов — 1200 калмыцких добровольцев из степей Калмыкии. Эти смертельные враги русских сражались на стороне немцев с лета 1942 года. С женами и семьями они последовали за 16-й мотопехотной дивизией из широких пространств вокруг Элисты на запад. Это были лучшие разведчики и лучшие охотники за партизанами. Они держали партизан из плавней под неусыпным контролем.

В начале сражения два корпуса — 29 и 4-й — были приданы 40-му танковому корпусу с обозначением группа «Шернер». Вместе они имели девять пехотных дивизий плюс одна танковая дивизия (24-я) в качестве тактического резерва. Позже к группе присоединился 17-й корпус генерала Крейзинга. Рассудительный начальник штаба Шернера, полковник фон Кальден, являлся идеальным партнером для жесткого и бескомпромиссного командира. Шернер принял решение Гитлера защищать передовой выступ, несмотря на сложную ситуацию. Но когда 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова 31 января и 1 февраля нанесла свой смертельный удар с севера в тыл плацдарма, Шернер не стал колебаться или ждать каких-либо решений фюрера. Операция «Простите меня, женщины» была начата. Это случилось 2 февраля и означало, что, вопреки всем приказам из «Вольфшанце», позиции по Днепру будут оставлены. Соединения Южного фронта перешли реку по двум постоянно обстреливаемым мостам в Никополе и Лепетихе и выступили против 4-го гвардейского механизированного корпуса и других формирований советской 8-й гвардейской армии, наступавших с севера.

Положение снова стабилизировали. В последнюю минуту, в самую последнюю минуту советский прорыв к Днепру опять был предотвращен и небольшой коридор между рекой и городком Апостолово сохранен. Шернер теперь приводил в исполнение свой план выхода из захлопнувшейся западни, не допуская попыток вмешательства со стороны Гитлера. «Без колебаний!» — звучал его девиз, в отличие от постоянной нерешительности фюрера. Так генерал и его начальник штаба довели до конца блистательную смелую операцию на прорыв.

Шернер, всегда находившийся на передовой, точно знал, чего может ожидать от своих утомленных формирований. Именно это знание позволило ему в последний момент не дать уверенному противнику выйти к реке.

3-я горная дивизия, первой выведенная группой Шернера с плацдарма, обеспечивала прикрытия фланга западнее Грушевки. За ней последовала 17-я пехотная дивизия, которая заняла сектор у Маринского. 8 февраля ударные группы «Циммер» и «Лорьх» предприняли оттуда атаку на Апостолово частями 17 и 3-й дивизий под руководством 4-го корпуса. Целью атаки была железнодорожная линия и станция Ток-Апостолово. Атака группы «Мпх» закончилась успешно, но потребовала огромных усилий от grenадеров и горных стрелков, в особенности от 17-й пехотной дивизии, которой нужно было глубоко внедриться в район прорыва противника. Гранатометчикам пришлось привязывать свою обувь, чтобы не потерять ее в грязи, доходившей до колен. Эта украинская грязь отличалась невообразимой вязкостью. Даже десять лошадей не могли вытащить маленькое противотанковое орудие, если оно застряло в этой жиже.

С немощным трудом защитная линия вдоль узкого коридора была усилена. Под ее прикрытием соединения 17-го корпуса двинулись в западном направлении. 8-ю гвардейскую армию Чуйкова сдерживали западнее Апостолава.

С 10 февраля передовое подразделение линдебергской 24-й танковой дивизии преграждало путь русским, которые пробивались к станции Апостолово, даже оттеснили их обратно в город. Это создало условия для поддержания коридора открытым.

Небольшими ударными группами из ослабленных полков 3-й горной дивизии, 97-й стрелковой дивизии, 17-й пехотной дивизии и 258-й пехотной дивизии генерала Блеера Шернер снова и снова отражал полномасштабные атаки противника по флангам узкого коридора. 8-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Чуйкова отчаянно старалась пробить немецкий барьер, обеспечивающий выход из никопольской ловушки. Напрасно. Победитель Сталинграда на этот раз переоценил мощь своей знаменитой армии — первоначально 62-й, а после Сталинграда получившей звание гвардейской.

Дивизии Шернера отходили с Днепра. 125-ю пехотную дивизию перебросили на усиление 4-го корпуса, следовавшие за ней соединения перешли реку Базавлук по мостам в Грушевке и в Первицком. Русские оказывали сильное давление. В Грушевке был единственный маленький мост. Папка могла поставить под угрозу всю операцию. Генерал Шернер поехал к переправе. 8 февраля он встал с несколькими военными полицейскими на подходе к мосту. Снова и снова он приказывал легким зенитным орудиям стрелять по верху голов немецких транспортных частей, стремящихся на мост, — грубое, но эффективное напоминание держать строй.

97-я стрелковая дивизия и самые передовые части 24-й танковой дивизии тем временем обороняли западный край спасительного выхода — деревню Большая Костромка. Бои доходили до рукопашной. На дальней стороне стояли каринтийцы и штирийцы 3-й горной дивизии и франконцы 17-й пехотной дивизии. Несмотря на сложный грунт и неблагоприятную погоду, они окопались между Маринским на Днестре и Верхне-Михайловкой. С севера на соединение с войсками группы Шернера двигалась нижнеавстрийская 9-я танковая дивизия под командованием генерала Джолассе.

Утром 15 февраля 1944 года обер-ефрейтор Бергман из 138-го горнотанкового полка на страшном морозе лежал за своим пулеметом, не зная общей обстановки. Он знал только, что фронт у Маринского нужно удержать, иначе вся группа Шернера окажется в беде.

Русские наступали снова и снова. Они твердо решили прорваться. Падающий снег сократил видимость до десяти метров. Бергман отстреливал одну патронную ленту за

другой. Вдруг он упал на бок. Из зияющей раны на голове заструилась кровь. Его второй номер схватился за пулемет. Он начал стрелять влево, откуда доносился шум боя перед соседним пулеметом, который вдруг замолчал. «Если их подавили, красные пойдут в эту брешь, — пробормотал раненый Бергман. — Я долже пойти посмотреть, что случилось». Он выполз. Но на половине пути замер. Лицо вниз. Мертв.

Но Мариинское, краеугольный пост коридора спасения, удержали. Его удержали, потому что каждый совершал нечеловеческие усилия — как Бергман или как лейтенант Хольциппгер двадцати четырех лет, который у Верхне-Михайловки подбил девять Т-34 двумя штурмовыми орудиями горного дивизиона штурмовых орудий и таким образом предотвратил вклинение советской танковой бригады.

Вечером горные стрелки начали отход. Подошла 387-я пехотная дивизия и вместе со 125-й пехотной дивизией слева приняла прикрытие коридора.

Бушевала пурга, закутавшись, люди с трудом преодолевали ветер и шли по компасу, потому что видно было не дальше собственной руки. Они две недели не выходили из боя и шатались от усталости. Некоторые падали на землю, но это означало смерть, и поэтому товарищи заставляли их подниматься. Сквозь пургу они добрались до деревни Большая Костромка. Из-за пурги наткнулись на советскую ударную группу, которая прорвалась через ослабленный немецкий опорный пункт 24-й танковой дивизии. Затворы их винтовок замерзли, стрелять было невозможно, им пришлось примкнуть штыки. По меньшей мере несколько домов на юго-западной окраине оказалось в их руках. Потом бой утих. Русское оружие и русский боевой дух тоже замерзли под ледяным дыханием степи.

В секторе 2-го батальона 144-го горнострелкового полка тридцатиградусный мороз даже привел к необычному перемирию. Свои и чужие заметили скирду соломы и одновременно к ней подошли. Обнаружив друг друга, замахали руками: «Нихт война!» Русские устроились с восточной стороны, а немцы — с западной. Шестнадцать метров соломы отделяли мир от войны. Шестнадцать метров соломы и жестокая пурга обеспечили мирную ночь. На следующее утро две группы молча разошлись, каждая в своем направлении. Потом они развернулись, чтобы снова продолжить войну.

В ночь с 15 на 16 февраля операция закончилась — войска вышли из никопольской ловушки. Этой же ночью британские бомбардировщики сбросили 3300 тонн бомб на Западный Берлин. А через два дня, 18 февраля, Никополь снова фигурировал в официальном сообщении немецкого Верховного главнокомандования. «В тяжелых боях за Никополь», — говорилось в нем — и потом эвфемистическим языком военных сводок сообщалось об окончательной потере плацдарма.

В официальном сообщении не раскрывалось, что же произошло в действительности. Но из методичного боевого журнала, который вел для 6-й армии майор доктор Мартин Франк, все становится ясно. Вот как он подвел итог: «Шестнадцать дивизий 6-й армии потеряли большую часть своих машин. Вынужденно оставлено значительное количество оборудования службы тыла, в частности пекарни и полевые кухни, а также много тяжелого вооружения. Однако личный состав дивизий был спасен».

Самым убедительным доказательством четкости отступления является тот факт, что Шернер не оставил ни единого раненого. В сложнейших условиях более 1500 человек вывезли на крестьянских санях под прикрытием эскадрона казаков 40-го танкового корпуса. Офицер разведки майор Кандутш в своем дневнике сделал такую за-

пись по поводу финального акта в Никополе: «Мешок разорван. Шернер сказал «до свидания». Без него и его начальника штаба мы сейчас, возможно, уже бы маршировали в сторону Сибири. Все, кто воевал в Никополе, никогда не забудут, чем мы обязаны Шернеру».

6. Зимняя драма на Среднем Днепре

Критическая ситуация у Кировограда — Генерал в разведке — Окружены четыре дивизии — «Я прорываюсь» — Широкий танковый клин — Великолепный маневр 3-й танковой дивизии — Большие клещи — Олимпийский медалист Хассе приносит себя в жертву — Бои с 67-й танковой бригадой Конева — Беспощадные воздушные удары Руделя.

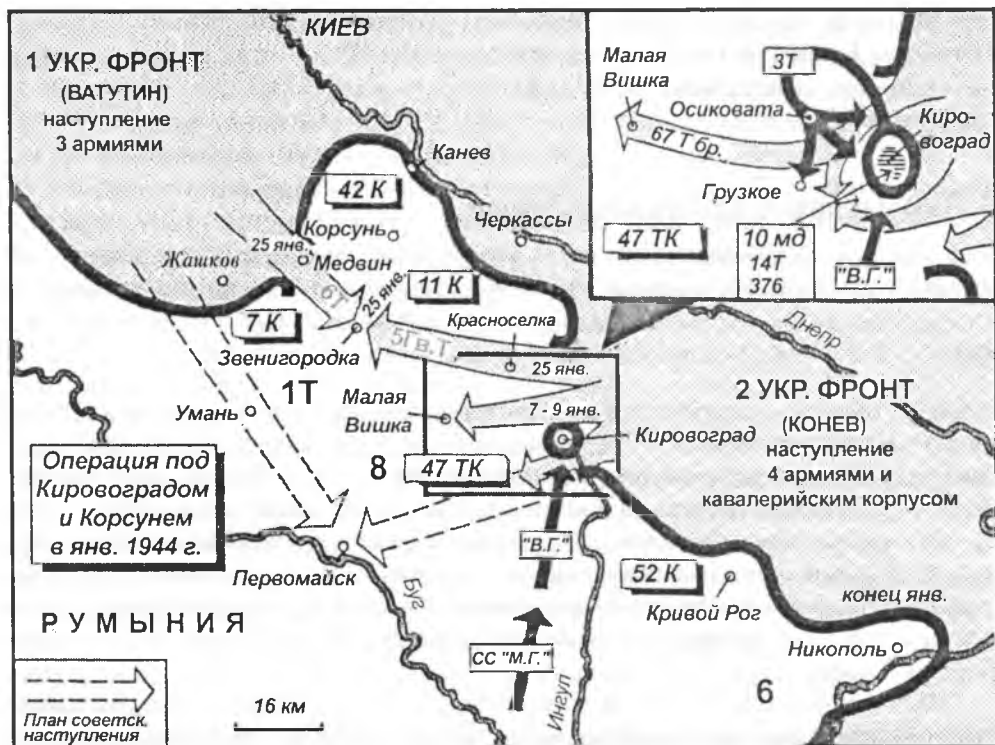
Сталинград находится на Волге, Дон знаменует начало немецкого поражения, а Днепр стал кровавым водоразделом последней войны. Практически в тот самый час, когда ударная группа Шернера выходила по коридору между Апостолово и Марнинское, в трехстах километрах севернее, на Среднем Днепре, близилась к завершению другая драма.

Время действия — 7 января 1944 года, место действия — командный пункт берлинской 3-й танковой дивизии в Лелековке. Полдень, но внутри маленькой крестьянской хаты так темно, что начальник оперативного отдела был вынужден зажечь керосиновую лампу. Подполковник Вильгельм Фосс пододвинул стул к печке, на столике перед ним — карты.

Фосс всегда очень занят. Новый командир 3-й танковой дивизии, генерал Байерлейн, большую часть дня проводит на передовой, он командует, следуя принципам своих учителей Гудериана и Роммеля. И сегодня он с самого утра в танковом разведывательном отряде, чтобы видеть ситуацию своими глазами, «адскую ситуацию», как он заметил.

С 5 января русские обходили Кировоград с севера, через реку Ингул, двумя механизированными корпусами, 7 и 8-м. Последние донесения также подтверждали движение крупных танковых формирований южнее города. Собирались ли русские привести к успешному завершению ожесточенное сражение, продолжавшееся вокруг Кировограда уже с середины октября? Два месяца они пытались добиться прогресса в этом секторе — с того самого момента, когда в октябре форсировали Днепр южнее Кременчуга. Однако Коневу не удавалось совершить решительный прорыв. В последний момент какое-нибудь соединение, какая-нибудь немецкая дивизия неизменно вставали на его пути. Например, 23-я танковая дивизия. Или танковый полк дивизии «Великая Германия», который нанес тяжелое поражение танковым бригадам Конева. В один знаменитый понедельник, 18 октября, унтер-офицер Зепп Рампель из 11-й роты на «Тигре» подбил восемнадцать русских танков. Его наградили Рыцарским крестом, но до того как орден смогли повесить ему на шею, он погиб в бою за Кировоград.

11-я танковая дивизия тоже сражалась с превосходящими русскими силами с большой изобретательностью. Генерал фон Витерсхайм заманил русскую танковую бригаду в засаду, которую он устроил в овраге, где разместил все свои противотанковые орудия и поврежденные танки. При входе в овраг находился 15-й танковый полк подполковника Лаухерта. Когда советская бригада вошла в ловушку, открыли огонь. Из строя вывели три дюжины советских танков.

Карта 41. Соединение в Первомайске: армии 1-го Украинского фронта нацеливались на бессарабский Буг в тылу немецкой 8-й армии. Другую часть клещей составлял 2-й Украинский фронт Конева. Однако грандиозный план провалился. Был сформирован лишь небольшой «котел» — Корсунский.

У Кировограда воевала и саксонская 14-я танковая дивизия. Высота 190 стала полем боя ударной группы Домаска.

Десантники 2-й воздушно-десантной дивизии генерала Рамке провели здесь жестокий декабрь и подтвердили свою ценность в качестве «пожарных бригад». Одно имя особенно часто звучало тогда в этой дивизии — доктор Шмидер, хирург и заместитель командира 1-й медицинской роты. Он имел поистине легендарную репутацию в парашютных частях: «Шмидер поставит тебя на ноги» — стало почти поговоркой. Его репутация основывалась на знании, что каждого серьезно раненого солдата он обязательно доставит в госпиталь — даже если того придется погрузить в генеральский автомобиль.

Кировоград стал свидетелем всей трагедии, всех страданий большого сражения. Каждый десятый из воевавших в России знает Кировоград. Это было одно из тех мест, где война шла особенно ожесточенно. Немцы настроились не сдаваться, а Конева не отступал. Большой замысел Ставки заставлял его быть непреклонным. Решающие причины состояли не только из стратегических, план Конева включал завоевание жизненно важного в экономическом отношении западноукраинского города Кировоград. А добиваясь этой цели, он окружил бы в этом районе четыре немецкие дивизии.

Чтобы произвести рекогносцировку своей ненадежной позиции, генерал Байерлейн с рассвета находился с разведывательным патрулем.

Теперь было 12.00 часов. Бескрайняя снежная гладь лежала в неясном свете. Понесся шум моторов, лязг танковых гусениц — возвращалась колонна Байерлейна. Генерал выбрался из бронетранспортера, несколько раз похлопал руками: при двадцати градусах мороза в холодной командирской машине удовольствие небольшое. Потом вошел в хату и присоединился к Фоссу.

— Положение осложняется, — сказал он. Склонился над картой и объяснил: — Русские обходят Кировоград. Они уже отрезали путь снабжения с запада. Я никогда не видел ничего подобного. С танковыми колоннами движется огромная гусеница колонны снабжения, в основном на конной тяге.

Фосс кивнул:

— И я так думаю, господин генерал. Телефонная связь с корпусом потеряна. Контакт по радио тоже нет.

— А какие известия от наших сопредельных дивизий?

— Их разведка сообщает то же самое, господин генерал. И у них тоже нет связи с корпусом. Сомнений не остается — мы уже окружены. Ловушка захлопнута.

Ловушка действительно захлопнулась, и в ней было четыре дивизии — 3 и 14-я танковые дивизии, 10-я мотопехотная дивизия и 376-я пехотная дивизия.

Байерлейн подошел к печке. Он находился на Восточном фронте только десять недель. До своей первой зимней битвы, осенью 1941 года на пике немецких побед на Востоке, его перевели от русских морозов на палящее солнце африканской пустыни. Там, в немецком Африканском корпусе, он служил начальником штаба Роммеля.

Таким образом, он не пережил ни печально известной русской зимы 1941/42 года, ни отступлений 1942—1943 годов. И он перенял от Роммеля принцип, что решение боевого командира важнее приказов, подписанных на зеленом сукне стола в Ставке фюрера.

— Придется пробиваться, — сказал генерал. — Для меня Кировоград звучит слишком похоже на Сталинград.

— Я — за, — кивнул Фосс. — Но у нас строгий приказ фюрера удерживать город любой ценой.

Байерлейн отмел это возражение:

— Мы не удержим его, сидя здесь в бездействии. Через несколько дней наша боевая мощь иссякнет, а никакое снабжение теперь не проходит, у нас практически не осталось боеприпасов. Но если мы сейчас захватим инициативу, если вырвемся из окружения и будем действовать против Кировограда извне, тогда, возможно, мы и добьемся чего-нибудь. Пока у нас еще есть шанс, и сделать так наша задача. Цель танковой дивизии — мобильные боевые действия, а не оборона укрепленного района.

Таково было кредо немецких танковых командиров школы Гудериана. Байерлейн его придерживался и был полон решимости продолжать в том же духе. Ему, к счастью, не было необходимости обращаться за разрешением, поскольку в данный момент он не имел связи ни с корпусом, ни с каким-либо иным вышестоящим командованием. Связи по телетайпу тоже не было; никакого ответа не поступало уже несколько часов. Это было возвращение к прежнему положению боевого командира.

Встал интересный вопрос. Ведение последней войны в значительной степени определялось прогрессом средств связи. Серьезные оперативные решения можно было передать или начать приводить в исполнение в течение нескольких минут. Передислокация крупных соединений могла быть скоординирована с молниеносной быстротой. Если в прошлом курьеры должны были загонять своих лошадей только для того, чтобы обнаружить, что все равно опоздали, теперь требовалась лишь зашифрованная радиogramма, неприслушиваемый разговор на дециметровую волну через сотни километров или диалог по телетайпу.

Однако достоинства современных средств коммуникации часто уничтожались своим недостатком — они ограничивали свободу боевых командиров во время сражений. Можно беспрестанно задавать вопросы, муштровывать командиров и менять приказы, не зная местных условий. Таким образом, и на немецкой, и на русской стороне в последнюю войну инициативу боевых офицеров и командующих держали в узде. Это обстоятельство имело особенно катастрофические последствия в критических ситуациях. Сталинград — самая яркая иллюстрация, а было много и других убедительных случаев. Так неожиданный обрыв связи мог явиться для боевого командира счастливой паузой, во время которой он мог полагаться только на собственное суждение и собственную совесть солдата.

Генерал получил такую паузу в Кировограде. Командиры других дивизий, которые имели опыт Восточного фронта, не чувствовали себя способными последовать за ним. Однако он не упал духом.

Байерлейн обсудил свой план с генералом Аугустом Шмидтом, командиром 10-й мотопехотной дивизии, и договорился, что его полки возьмут на себя полосу обороны 3-й танковой дивизии.

Сразу после обеда Байерлейн собрал своих офицеров. «Сегодня ночью мы прорываемся. Не для того, чтобы спасти себя, а для того, чтобы обеспечить себе оперативную свободу», — объявил генерал. Офицеры отреагировали с энтузиазмом. Тут же был отдан боевой приказ — абсолютно нетрадиционным образом, непосредственно командирам частей.

Было сформировано пять ударных групп — А, В, С, D, E. Группа А должна была выступить в роли огненного тарана, со всеми наличными танками, ротой бронетранспортеров, саперами и самоходной артиллерией. Затем ударная группа В, состоящая из саперов, артиллерии и 3-го мотопехотного полка под командованием полковника Вельмана. В группу С вошли колонны снабжения, поврежденная техника на буксирах и раненые с медицинскими частями. Ударную группу D составлял усиленный 394-й мотопехотный полк подполковника Бойермана. Группа E, тыловое прикрытие, состояла из танкового разведывательного батальона майора Дайхена. Прикрытие с фланга обеспечивали самоходные орудия и зенитки. Район сосредоточения — Лелековка, пригород Кировограда. Время прорыва: сумерки.

Никогда прежде дивизия не строилась так быстро, офицеры и рядовые действовали с подъемом. В 17 часов 30 минут дивизия была готова. Начальник связи отослал последнюю радиogramму в корпус и армию: «3-я танковая дивизия пробивается из кольца в северо-западном направлении, чтобы блокировать брешь во фронте и действовать в тылу противника с целью деблокады окруженного города». После этого Байерлейн объявил молчание в эфире. Никакой контрприказ уже не мог быть получен.

Стояла темная безлунная ночь. Небо было затянуто облаками. Температура — двадцать пять градусов ниже нуля. Под ногами скрипел снег.

Они двинулись. Танки образовали широкий клин. Без фар. Без открытого огня. Без единого выстрела. Генерал на своем вездеходе в лидирующей группе. Вдруг вспышки. Противотанковые орудия! Первый танк подбит. Он загорелся, пламя осветило приближающиеся колонны. Однако темнота делала очертания неясными, и все казалось больше, мощнее, многочисленнее. Русским 3-я танковая дивизия, наверное, показалась армией-привидением. Они отчаянно стреляли из всех орудий и таким образом выдали свои позиции. Люки танков захлопнулись. Атака!

Танки бешено рванулись. Их прикрывал огонь артиллерии. Саперы и гранатометчики последовали за танками. За считанные минуты передовые машины достигли советских позиций, гранадеры и саперы их зачистили. Соппротивление русских быстро ослабело. Они бросили противотанковые и зенитные орудия, отступали в беспорядке. Впоследствии пленные говорили, что внезапная атака в зловещем свете произвела впечатление гигантского наступления по крайней мере танкового корпуса и вызвала панику среди солдат, которые чувствовали себя в полной безопасности.

К рассвету дивизия прорвалась сквозь русское кольцо, понесла лишь незначительные потери — один танк и его экипаж. Отбили Владимировку и перекрыли крупную брешь. Генерал немедленно развернул дивизию и утром 8 января двинулся на Осиковата, в тыл советского кольца вокруг Кировограда.

Полный масштаб угрозы между Днестром и Бугом ясно виден на оперативной карте 47-го танкового корпуса.

7 января генерал фон Форман был вынужден эвакуировать свой передовой командный пункт на северной окраине Кировограда. Он перенес штаб в Малую Виску, на сорок пять километров западнее. Генерал не мог руководить своим исключительно мощным корпусом из семи дивизий (почти армия) среди неразберихи основной оборонительной линии, а в Малой Виске он получил общий обзор, находился рядом с железнодорожной линией из Первомайска, по которой осуществлялось снабжение, и большим аэродромом 4-го воздушного флота, где стояла авиаэскадра пикировщиков «Штука» подполковника Руделя, готовое вмешаться в борьбу на любом из угрожаемых участков.

Ночью с 8 на 9 января генерал фон Форман и его начальник штаба полковник Рейнхард при свете свечи склонялись над картами, с первого взгляда на которые становилось понятно направление главного советского удара. Армии 1-го Украинского фронта, группа армий Ватутина, одержав победы у Киева и прорвавшись в районе Бердичева, теперь стремились на юго-восток, к бессарабскому Бугу, в тыл немецкой 8-й армии. Прорыв Конева у Кировограда представлял собой вторую часть наступления Ватутина, вторую половину клещей, и тоже был нацелен на Буг. Этот удар наносился в юго-западном направлении. Обе группировки должны были соединиться в районе Умань—Первомайск почти на румынской границе.

Если эта крупномасштабная операция закончится успешно, то не только 8-я армия будет окружена, но ее уничтожение настолько продвинет силы Малиновского, что и немецкая 6-я армия неизбежно будет обречена. Ничто в этом случае не сможет спасти от уничтожения немецкую 17-ю армию в Крыму. Фактически именно эту цель уже давно преследовал Сталин — ликвидация немецкого южного фланга, великая победа.

В мерцающем свете свечи Форману и его начальнику штаба стала ясна надвигающаяся катастрофа. Предотвратить прорыв на Умапь с северо-запада было задачей 1-й танковой армии, которую генерал-фельдмаршал фон Манштейн перебросил в этот район. «Справится ли генерал Хубе?» — с тревогой спрашивал Форман. Но что бы ни случилось там, его 47-й танковый корпус должен остановить прорыв у Кировограда. Форман и Рейнхард приступили к разработке планов. Что же можно предпринять?

Южнее Кировограда дела обстояли совсем плохо. Советские танки находились уже в пятидесяти километрах юго-западнее города, и ничего не было между ними и румынской границей. Оставалась одна надежда — к ним форсированными маршами двигались дивизия «Великая Германия» и части танковой дивизии СС «Мертвая голова». Они ударят во фланг советским 18 и 29-му танковым корпусам и навяжут сражение. Но смогут ли остановить?

А что с самим Кировоградом? 8 января три немецкие дивизии все еще были окружены в городе — 10-я мотопехотная, 14-я танковая и 376-я пехотная дивизии. Подтвержденный приказ от Гитлера пригвоздил их к своим позициям: Кировоград защищать до конца, как «крепость».

Таким образом, благодаря дерзкому прорыву только 3-я танковая дивизия Байерлейна была теперь в состоянии отвести серьезнейшую угрозу севернее Кировограда. Она сметет два советских механизированных корпуса, которые уже прорвались, и таким образом создаст возможность для освобождения окруженных немецких дивизий. Вот как нужно сделать. Вот как единственно можно это сделать.

Приказы. Телефонные звонки. Радиограммы. Время — 02.00. И тут в ночные размышления и планирование вмешались ружейные выстрелы и грохот танковых пушек. Зарывали зенитные батареи на аэродроме. Танковая тревога. В штабе 47-го танкового корпуса находился адъютант — выдающийся немецкий спортсмен — майор Хассе, акробат и золотой медалист Олимпийских игр 1936 года в Берлине.

Когда Хассе открыл дверь в комнату, сквозняк загасил свечи. В темноте майор спокойно произнес: «Нужно уходить, господин генерал. В деревню прорвались советские танки. Я с личным составом штаба возьму на себя оборону командного пункта».

Смело и хладнокровно, как на показательных выступлениях по акробатике, Хассе организовал для обороны писарей, связных, курьеров-мотоциклистов и солдат батальона связи корпуса. У них были только мины и пехотное оружие, танковый корпус не располагал противотанковым оружием.

Русские танки с пехотой на бортах двигались по деревне, стреляя в дома, поджигая машины и открывая огонь по всему, что попадалось им на глаза. Это была целая танковая бригада, 67-я из 8-го механизированного корпуса. Она превратила деревню в груды развалин и повернула к аэродрому.

Генералу фон Форману и его штабным офицерам с трудом удалось выбраться из деревни, захватив лишь самые важные секретные документы и карты обстановки. Майор Хассе пожертвовал своей жизнью. Его убили в бою так же, как и дежурного офицера лейтенанта Беккера и многих бойцов батальона связи корпуса.

Кроме двух радиопередатчиков, аппаратура связи штаба корпуса, столь ценная и необходимая в современной войне, была потеряна. Пока не доставили новое оборудование, генералу фон Форману и его командирам пришлось находиться на узле телефон-

ной связи 8-й армии в Новомиргороде, чтобы быть уверенным, что в этот критический момент он сможет управлять своим корпусом.

Советские бригады продолжали время от времени неожиданно появляться в тыловых районах. Но, несмотря на эти удручающие случаи, план Формана был реализован. Смелыми атаками Байерлейн сначала ударил по советскому 7-му и затем по 8-му механизированным корпусам; он сковал противника боями местного значения, остановил его дальнейшее продвижение на запад и таким образом принес необходимое облегчение трем немецким дивизиям, окруженным в районе Кировоград—Лелековка.

Двадцать четыре часа спустя у Гитлера вырвали разрешение на свободу действий группы в Лелековке. После энергичной контратаки в ночь с 9 на 10 января трем дивизиям удалось без дальнейших потерь отступить через Ингул в район западнее Грузкого. Там они создали мощный барьер, соединившись слева с 3-й танковой дивизией и справа с моторизованной дивизией «Великая Германия». Несомненно, полки генерала Хёрнлайна оправдали надежды Формана. Эти испытанные части вместе с 3-й танковой дивизией «Мертвая голова» остановили русских южнее Кировограда. Опасность миновала.

А что же рейд 67-й танковой бригады Конева? Чего достигли ударные группы прославленной гвардейской танковой армии Ротмистрова, которые должны были стать пионерами активно начавшегося советского соединения на Буге? Они завязли в боях с поисковыми отрядами 47-го танкового корпуса. Многие из них пали жертвой этого впускающего страх «противотанкового артиллериста из Люфтваффе», подполковника Руделя. Со своей противотанковой эскадрой он преследовал противника на заснеженной равнине между Малой Виской и Грузким, безжалостно подбивая танк за танком. Кого Рудель и его эскадра не могли подбить сами, они выводили прямо на противотанковые отряды 47-го танкового корпуса. Не ушел ни один.

В эти критические дни января 1944 года генерал фон Форман записал на свой счет очень важную оборонительную победу у Кировограда. Противник не достиг своей цели окружить немецкую 8-ю армию и таким образом создать предпосылку для уничтожения немецкого южного фланга. Смелые и мобильные действия ослабленных, но решительных дивизий нанесли тяжелые потери противнику, посредством наступательно организованной обороны остановили его победоносное продвижение и сорвали план Сталина. В основе этого успеха лежали верные в военном отношении действия генерала, основанные на здоровой оценке ситуации, но противоречащие специальному приказу фюрера. Когда стал очевиден благоприятный исход прорыва из Кировоградского мешка 3-й танковой дивизии, Байерлейн и его полки были отмечены в официальном сообщении Верховного главнокомандования. Однако наград не последовало. Награда за успех при неповиновении — этого Гитлер не смог бы проглотить. Тем не менее четыре месяца спустя Байерлейн получил на тот момент лучшую в смысле вооруженности танковую часть — танковую дивизию Лера.

Две недели официальные сообщения немецкого Верховного главнокомандования ежедневно упоминали театр боевых действий у Кировограда, всегда в связи с кровопролитными боями, серьезными угрозами и критическими ситуациями. Потом это название исчезло из официальной хроники войны. Появилось другое название. Практически каждый день официальное сообщение Верховного главнокомандования начиналось словами: «Юго-западнее Черкасс». Но юго-западнее Черкасс находилось примерно в пятидесяти километрах севернее Кировограда.

Изменились названия, сдвинулся театр военных действий, но цель противника осталась прежней — уничтожение немецкой 8-й армии.

Советское командование и после своего провала у Кировограда не отказалось от этой цели. Оно продолжало ее преследовать, хотя уже и не в форме крупного стратегического окружения с соединением в районе Умань—Первомайск, а в меньшем масштабе. Русские намеревались перерезать выступ 8-й армии, выдающийся далеко на восток и все еще достигающий Днепра у Канева и юго-восточнее Корсуни. Этот выступ перекрывал им путь. Как клин, он разделял две советские армии — фронты Ватутина и Конева — и таким образом представлял собой постоянную угрозу их флангам.

Именно по этой причине Гитлер теперь настаивал на удержании этого последнего участка линии фронта по Днепру. Он намеревался при первой возможности снова пойти вперед, ударить с этой выгодной позиции по Киеву, который находился лишь в 65 километрах, и восстановить оборонительный рубеж на Днепре. Выступ составлял примерно 95 километров по фронту и 130 километров по глубине, площадь — около 8000 квадратных километров.

Опасный выступ обороняли два корпуса — 11-й армейский корпус генерала Штемерманна и 42-й армейский корпус генерал-лейтенанта Либа, в общем, шесть с половиной дивизий численностью около 56 000 человек.

Цель противника не являлась секретом для немецкого командования, еще 24 января разведка боем 3-й танковой дивизии установила присутствие крупных сил противника в Красноселке, в сорока километрах севернее Кировограда. Естественно, разведка не выяснила полный состав того, что Конев сосредоточил в этом пункте: четыре советские армии и кавалерийский корпус сосредоточились на северном фланге немецкой 8-й армии против корпуса генерала Штемермана.

Часть седьмая

ТРАГЕДИИ НА ЮЖНОМ КРЫЛЕ

1. Черкассы

56 000 человек в безнадежном положении — Ловушка захлопывается в Звенигородке — Ошибка, которая дорого обошлась армии генерала Конева — Освободительная группа «Запад» берет Лысянку — Злополучная высота 239 — До линии внешнего окружения осталось только десять километров — «Пароль — «свобода», цель — Лысянка, 23 часа» — Ад между Журжицами и Почапичами — Резня на высоте 222 — Драма на реке Гилой Тикич — Гибель командира корпуса — Баланс сражения.

Конев начал наступление 25 января. После массированного артиллерийского обстрела советские гвардейцы пошли в атаку. 4-я гвардейская армия генерала Рыжова должна была совершить первое вклинение, однако немцы оказались готовы к нападению, пехота стояла твердо. Смертоносный огонь крупных частей немецкой артиллерии прижал полки Рыжова к земле.

Коневу пришлось раньше, чем он планировал, двинуть вперед свои танки — знаменитую 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника Ротмистрова. Но даже герои Прохоровки на этот раз ничего не добились. Атаки Ротмистрова захлебнулись под огнем тяжелых немецких противотанковых орудий и длинноствольных пушек «Паулер».

Однако немецкое ликование длилось недолго. С наступлением темноты правое крыло гессенской 389-й пехотной дивизии уступило упорным атакам танковых бригад Ротмистрова.

Бог войны благоволил Коневу. Генерал-полковник разглядел свой шанс и двинул в прорыв свежие силы. Штемерман устоял, перекрыв брешь двумя танковыми дивизиями. Он спрямил свой фронт, высвободив таким образом баварскую 57-ю пехотную дивизию генерала Тровитца, и бросил ее в бой.

Главный удар наносился по Капитановке на левом крыле армии. Там 26 января 11-я дивизия из Силезии и 14-я танковая из Центральной Германии еще раз успешно отстояли свои позиции, но их малочисленные мотопехотные полки больше не могли держать сектор.

Дальнейший ход сражения определила драматичная мера Конева. Вот как генерал фон Форман описывает события: «Невзирая на потери — и я подчеркиваю, совершенно невзирая на потери, — массы русских около полудня устремились на запад, обходя немецкие танки, которые стреляли в них из всего, чем располагали. Это была ошеломляющая картина, потрясающая драма. Другого сравнения я не нахожу — прорвало плотину,

и громадный поток хлынул на равнину мимо наших танков, окруженных немногочисленными гренадерами, как мимо скал, возвышающихся в бурлящем потоке. Мы поразились еще больше, когда чуть позже кавалерийские соединения трех советских дивизий сомкнутым строем помчались сквозь наш заградительный огонь. Ничего подобного я давно не видел — это казалось нереальным».

Подобное описание столь выдающегося и опытного генерала, как фон Форман, позволяет составить представление о драматичном характере ситуации.

В Капитуловке фронт прорвали. И катастрофы редко разражаются по одиночке. Тревога, которую все боевые командиры испытывали в начале января по поводу второй части русских клещей (удара крупных подразделений 1-го Украинского фронта от Киева через Белую Церковь на юго-восток) начинала оправдываться: три советские армии, включая 6-ю танковую армию генерала Кравченко, подавили слабый оборонительный рубеж 7-го корпуса на западной стороне немецкого выступа в секторе 1-й танковой армии.

Баварская 88-я и баденвюртембергская 198-я пехотные дивизии бросились против массы советских танков, дивизии смяли. Во фронте образовалась широкая брешь, у немцев не осталось резервов, чтобы ее перекрыть. Не встречая сопротивления, красные подразделения двинулись на юго-восток, на соединение с войсками генерала Конева, действовавшего в северо-западном направлении. Лишь сто километров разделяли эти два авангарда части — совсем не расстояние для танковых соединений. Если они соединятся, ловушка захлопнет на Каневском выступе два немецких корпуса.

И они соединились. Танковые экипажи Кравченко и Ротмистрова встретились у Звенигородки 28 января. Надвигалось роковое сражение у Черкасс.

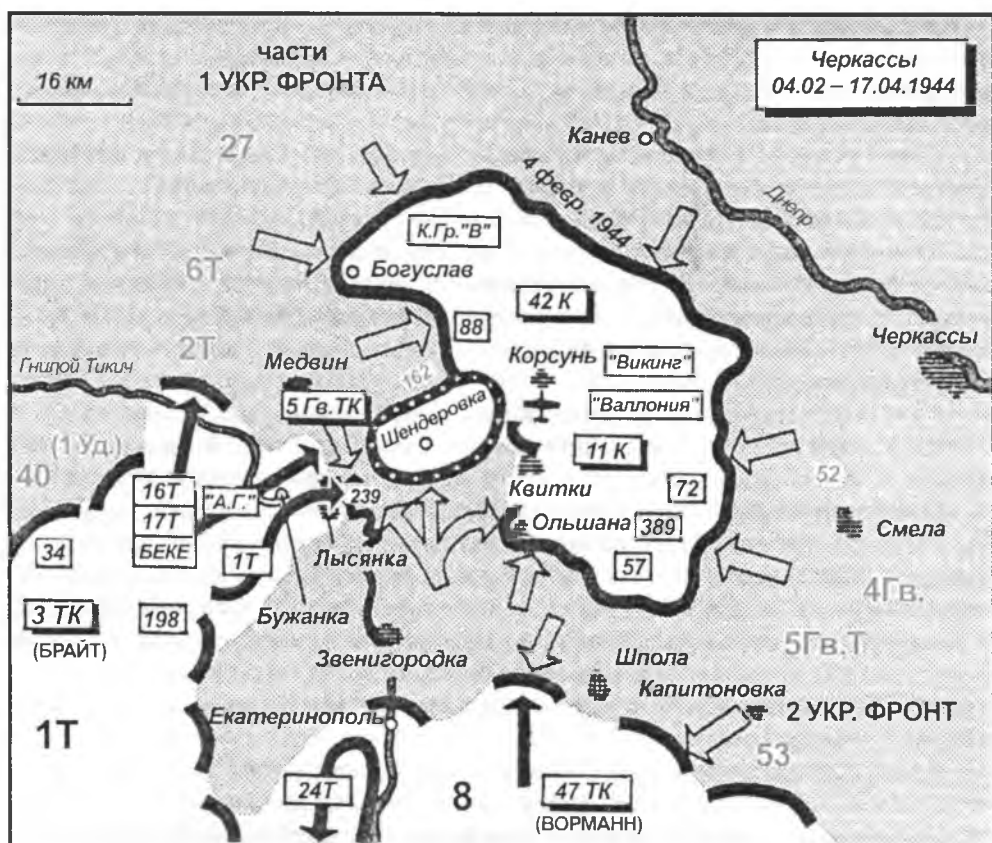
И снова русские успешно применили рецепт, опробованный в Сталинграде. Двойным окружением отрезали немецкий Каневский выступ, простирающийся на восток к Днепру. В мешке оказались 42 и 11-й корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в девяносто пять километров. Через эту широкую брешь красный поток теперь мог устремляться к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не осталось.

Советское командование опять получило тот самый шанс, который три недели назад имело у Кировограда, но потеряло из-за 47-го танкового корпуса генерала фон Формана и героически сражавшихся дивизий 8-й армии. Реализует ли советское Верховное Главнокомандование полученную возможность на этот раз? «Что собираются предпринимать русские? — спрашивал Манштейн своих командиров на совещании в Умани 28 января. — Вцепятся зубами в мешок или пойдут дальше?»

«Что собираются предпринимать русские?» — спрашивал и командир 47-го танкового корпуса генерал фон Форман своего начальника штаба Рейнхарда в Новомиргороде.

«У Конева уже подтянулось огромное количество крупных формирований. Наверное, он обойдет мешок, оставив его в надежном кольце, и двинется к Бугу? Как сделал в 1942 году Еременко в Сталинграде, когда он пошел на Дон в обход города?»

Со стратегической точки зрения, продвижение в 95-километровую брешь по абсолютно не защищенной территории напрашивалось само собой: решительная крупномасштабная операция, которая должна привести к уничтожению немецкого южного фланга. В сущности, альтернативы не было — при условии, что и великий координатор советского штаба, маршал Жуков, верно оценивал положение на 2-м Украинском фронте.

Карта 42. Шесть с половиной немецких дивизий оказались окружены в Корсунском мешке, также известном как черкасский. Немецкое Верховное главнокомандование предпринимало невероятные усилия, чтобы освободить их. 3-й танковый корпус прорвался к кольцу, окружающему город, на расстояние девять километров.

Но может ли кто-нибудь оценивать ее не верно? Может ли кто-нибудь просмотреть катастрофическую ситуацию немцев? Если репутация партизан была справедлива хотя бы наполовину, тогда, без сомнения, советский штаб должен был располагать необходимой информацией.

И уж во всяком случае, 28 января советские боевые командиры должны были узнать от собственного гражданского населения, что непрерывного немецкого фронта уже не существует. Летом 1941 года, когда русские оказались точно в такой же ситуации, как немцы сейчас, Гудериан, Гот и Клейст предприняли крупную операцию на окружение и сокрушили Красную Армию в Европейской России. Постигнет ли такая же участь немцев? Нет. Советское Верховное Главнокомандование не использовало своей возможности провести крупномасштабную решающую операцию.

До сего дня не получено удовлетворительного ответа на вопрос, почему зимой 1943–1944 годов Ставка, и в частности маршал Жуков и генерал армии Конев, пропустили между пальцев уникальный шанс уничтожить немецкий пожный фронт западнее Днепра. Переоценили силы немцев? Или недооценили ситуацию в мешке? Какой бы ни была

причина — Конев и Жуков предпочли менее серьезное решение и сконцентрировали всю силу своих шести, а впоследствии семи армий, включая две первоклассные танковые армии и несколько отдельных танковых корпусов, на ликвидации шести с половиной немецких дивизий.

Неэкономное усилие и постижимое только при предположении, что русские имели абсолютно превратное представление о силах немцев внутри мешка. Все свидетельствует за то, что советская операция строилась на простой, но нелепой ошибке. Русские, очевидно, были уверены, что окружили основную часть немецкой 8-й армии, в частности ее танковые подразделения, а также штаб армии. Эту точку зрения подтверждает разговор, который полковник Калинов, тогда служивший в 6-м управлении Генерального штаба Красной Армии, 3 февраля имел с полковником Квачом, начальником командирского поезда Конева.

Квач сказал Калинову: «В мешке у Канева окружена немецкая 8-я армия генерал Вёлера. В ней не меньше девяти лучших моторизованных дивизий Вермахта, а также дивизия СС и моторизованная бригада «Валлония». Готовится новый Сталинград».

Очень интересно. Но Калинов разговаривал не только с Квачом; он также имел беседу с самим Коневым. И генерал армии подтвердил эту информацию. «На этот раз мы это сделаем, — сказал Конев. — Я взял немцев в клещи и не позволю им снова выскользнуть». Сомнений не остается — Конев верил, что вся 8-я армия вместе с ее командующим и десятью с половиной дивизиями находится у него в мешке. Таким образом, он оценивал количество окруженных более чем в 100 000. Эта ошибка в свою очередь определила цифры потерь и пленных, которые даже в Германии появились в печати и до сих пор не вызывают сомнений.

Одной причиной ошибки Конева, весьма вероятно, послужила 112-я пехотная дивизия. В целях маскировки она обозначалась корпус «Б» и состояла из трех сильно потрепанных пехотных дивизий. Остатки силезской 332-й, саксонской 255-й и саарской 112-й пехотных дивизий соединили как «дивизионные группы» под командованием штаба 112-й пехотной дивизии. Их совокупная боевая мощь равнялась одной пехотной дивизии. Корпусом «Б» командовал полковник Фуке.

Другим источником ошибки русских, возможно, явился тот факт, что в мешке также находились группы силезского 417-го гренадерского полка с частями инженерно-саперного батальона 168-й пехотной дивизии; баварский 331-й гренадерский полк 167-й пехотной дивизии; 108-й мотопехотный полк 14-й танковой дивизии; батальон силезской 213-й дивизии местной обороны и лыжный батальон 323-й пехотной дивизии. Регистрируя пленных из этих частей советские власти, скорее всего, решили, что дивизии присутствовали в полном составе.

В чем бы ни состояли причины ошибки, русские атаковали свой «новый Сталинград» огромным количеством войск, главными силами двух фронтов. Руководил операцией генерал армии Конев, командующий 2-м Украинским фронтом.

Немецкое командование скоро заметило сверхпредусмотрительные шаги русских. 31 января взвод радиоперехвата 47-го танкового корпуса отследил радиограмму от советского командира саперов у Шполы. Этот словоохотливый офицер советского 20-го танкового корпуса докладывал в свою армию о закладке минных полей.

Минные поля означали, что прорвавшиеся русские организовывали оборонительные рубежи на южном крае мешка, хотя на тот момент там не было никого, от кого

необходимо было бы обороняться. В самом деле, с тыла мешок был совершенно открыт.

В оправдание Коневу следует сказать, что трудно было ожидать, что на Днестре остались немецкие дивизии. Гораздо разумнее было бы им развернуться и попытаться соединиться с 47-м танковым корпусом. Однако Гитлер остановил логичный ход событий, издав новый приказ «держаться». Либу и Штемерману, двум командирам окруженных корпусов, было приказано любой ценой держать всю свою линию в триста двадцать километров сильно поредевшими шестью дивизиями и, более того, прикрыть свой тыл, установив там новый рубеж. Сформируйте круговую оборону и не уступайте! Указание Гитлера в Сталинграде! Как тогда он не хотел разрешить уходить с Волги, так и теперь он неумолимо держался за последний участок Днестра, не желая отказываться от своего плана использовать Каневский выступ в качестве исходной позиции для нового наступления на Киев, когда придет это время. А что касается реальных обстоятельств, так Гитлер отказывался признавать их. «Действительность — *c'est moi*»¹, — по всей вероятности, был его девиз.

Приказ Гитлера «держаться» означал, что генералу артиллерии Штемерману, командующему окруженными войсками с 31 января, пришлось продлить его и без этого растянутый 320-километровый фронт, чтобы с молниеносной быстротой установить новую 100-километровую линию для прикрытия тыла на юге. Принимая во внимание общую обстановку, этот маневр не должен был закончиться успехом, однако это случилось благодаря неуверенности русских.

1 февраля по замерзшей земле между Днестром и Бугом мела метель. На Украине была середина зимы с морозами в пятнадцать градусов ниже нуля и снежными сугробами по два метра. В брешу восточнее Умани высаживался из поезда разведывательный батальон 1-й танковой дивизии, чтобы укрепить слабые формирования 198-й пехотной дивизии. Колонны снабжения в мешке волокли свои сани от одной ударной группы к другой. Советские воздушные силы не мешали — плохая погода держала их на земле. Правда, немецкие поставки по воздуху тоже прекратились, но это казалось небольшой ценой за погоду, которая помогала обороне и делала возможными быстрые незаметные передвижения. «Дай Бог, чтобы она постояла», — молились и офицеры, и солдаты.

Но в ночь с 1 на 2 февраля, против всех ожиданий, развезло. Наступила оттепель. И с теплым ветром на черную землю пришла распутица. Распутица — украинское «бездорожье», период, когда все тонет в море густой вязкой грязи, когда крестьяне лежат на своих печках. Но войска Штемермана не могли улечься по печкам. Им нужно было идти, переносить позиции, отражать атаки прорвавшегося врага. И все это по колено в черной трясины. Она стягивала у солдат обувь, срывала гусеницы у бронетранспортеров и тракторов, затягивала лошадей. Не поворачивалось ни одно колесо. Только танкам и штурмовым орудиям 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг» удавалось продираться по этой трясине, да и то при максимальной скорости два-три километра в час и огромном расходе топлива. В дополнение ко всем проблемам ночью вернулся мороз. Танки вмерзли в глубокую грязь, утром их освобождали паяльными лампами.

Тем не менее Штемерман постоянно перегруппировывался. Он перехватывал атаки русских на западе и юго-востоке, он сокращал фронты, освобождал силы и перебра-

¹ Это я (фр.). — Прим. пер.

сывал их на угрожаемые участки. 42-й корпус отошел от Днепра. На юго-востоке 11-й корпус шаг за шагом отводил назад свою главную оборонительную линию. Таким образом в одном месте можно было освободить батальон, чтобы послать в какой-то угрожаемый сектор, а в другом месте отвести ударную группу, чтобы перекрыть прорыв.

Только одно имело значение — как можно дольше сохранять непрерывность линии фронта и центр окружения, деревню Корсунь с ее передовым аэродромом. Именно за Корсунь происходило сражение в течение первых двенадцати дней. Русские поэтому совершенно правы, говоря о «Корсунском мешке». Формулировка «Черкасский мешок» появилась в официальном сообщении немецкого Верховного главнокомандования, и она не совсем точна.

Вот так 56 000 человек — баварцы, гессенцы, франконцы, австрийцы, саксонцы, уроженцы палатината Саар, а также бельгийцы, голландцы и скандинавы из добровольческих полков войск СС — противостояли наступлению шести русских армий.

Катастрофа в Сталинграде явилась следствием господства принципа «слишком мало и слишком поздно». Слишком много времени было упущено в ноябре 1942 года на подготовку операции спасения, и слишком мало сил в конце концов выделило на нее немецкое Верховное главнокомандование. Урок Сталинграда пошел впрок не только боевым штабам, но и Ставке фюрера. Именно поэтому на сей раз Гитлер очень быстро отреагировал на кризис в районе Черкассы—Корсунь и сразу после окружения дал разрешение генерал-фельдмаршалу фон Манштейну сосредоточить две крупные танковые группы на уничтожении прорвавшего немецкий фронт противника и восстановлении связи с корсуньской группой.

Гитлер намеревался задействовать девять танковых дивизий, сконцентрированных в 3 и 47-м танковых корпусах под командованием двух опытных командиров, генералов Брайта и фон Формана. Среди них было несколько великолепных, хорошо вооруженных и очень опытных дивизий, каждая из которых стоила советского танкового корпуса: 1-я танковая дивизия, 16-я танковая дивизия и 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

План деблокировки был смел и с дальним прицелом. Манштейн планировал не только прорвать мешок, но и уничтожить крупные силы противника, захватив их в клещи. Посредством танкового удара в стиле Гудериана предполагалось перехватить русских севернее Звенигородки, защитить Канев, освободить окруженные дивизии и снова закрыть огромную брешь между 1-й танковой армией и 8-й армией. Командующие армиями опять смотрели более оптимистично, офицеры и солдаты в окружении обрели уверенность. Их решимость держаться укреплялась надеждой, что стоять им придется только пять—десять дней, пока не начнется операция снаружи.

Но какая польза от повелительных радиogramм из Ставки фюрера в армии и корпусе? Между Днепром и Бугом был генерал куда более могущественный, чем Гитлер, — на украинских полях сражений его приказы весили много больше, чем гитлеровские в лесах Растенбурга: распутица, весенняя грязь командовала парадом. Самые лучшие планы и самое большое мужество бесполезны, когда люди застревают в грязи, когда орудия тонут в трясины, когда бронетранспортеры без движения стоят на дорогах. Как совершить какое-либо передвижение? Но соединения должны двигаться, поскольку большую часть танковых дивизий нужно передислоцировать на большие расстояния и радиально нацелить на Корсуньский выступ.

Что представляли собой передвижения войск, драматично описано в боевых журналах 1, 14 и 16-й танковых дивизий, но особенно впечатляет путь 24-й танковой дивизии. В начале 1944 года эта дивизия находилась на театре военных действий Апостолово—Никополь, где была единственным свежим и быстрым резервом Шернера. Надвигающаяся катастрофа в Корсуни привлекла внимание Гитлера к этому боевому формированию. Он решил забрать дивизию у Шернера и перебросить ее на север — расстояние более трехсот километров. Там она должна была возглавить, как таран, наступление 47-го танкового корпуса.

С великим напряжением ожидал генерал фон Форман свой «таран». Он поднялся на самолете, чтобы осмотреть путь, по которому должна прийти дивизия. Наконец он разглядел на земле полки знаменитой восточнопрусской дивизии. Но танки, машины и гранатометчики двигались не по дороге, а по морю грязи. Днем колонны прочно увязали, и только в короткие почные часы, когда грязь отвердевала от мороза, они могли немного продвинуться. Танки вынуждены были работать тракторами.

Колошны упрямо продвигались на север, километр за километром, подстегиваемые своими офицерами, которые каждый вечер выслушивали лекцию командира дивизии фрайгера фон Эдельсхайма о том, что судьба 56 000 человек в корсунском мешке зависит от скорости передвижения 24-й танковой дивизии. И преемники древней восточнопрусской 1-й кавалерийской дивизии достигли своей цели. Вечером 3 февраля генерал фон Эдельсхайм доложил, что его дивизия с самыми передовыми частями танковой группы готова вступить в бой следующим утром. Передовые части уже стояли южнее Звенигородки, где русские пять дней назад соединились и таким образом замкнули кольцо окружения. Перед ними был танковый корпус Ротмистрова — не такой уж неодолимый противник для восточных пруссов.

План Формана был ясен и прост. 24-я танковая дивизия Эдельсхайма утром 4 февраля прорывает порядки русских навстречу ударным группам четырех окруженных дивизий, которые вели бои последние четыре дня, а некоторые и сейчас сражались несколько восточнее. Учитывая растянутость противника, план представлялся надежным и по всем разумным расчетам должен был привести к успеху. Однако дела повернулись по-другому.

В тот самый момент, когда операция по спасению частей, окруженных в корсунском мешке, должна была начаться, изменилась к худшему ситуация в Никополе. Русские вышли Шернеру в тыл и угрожали всей оперативной группе. Поскольку после отхода 24-й танковой дивизии в 6-й армии не осталось крупных резервов, она, естественно, обратилась за подкреплением. И Гитлер, беспокоясь о никопольской группе, 3 февраля решил, что 24-я танковая дивизия должна немедленно вернуться в Апостолово.

Все протесты, все аргументы, что дивизия уже развернулась на исходные позиции для атаки, а из-за грязи танковые части все равно попадут в Апостолово не раньше, чем через несколько дней, — все эти возражения не возымели действия. Даже тот факт, что 6-й армии требовалась не танковая дивизия, а пехотная, Гитлер отметал.

Кругом! Через реки грязи, а потом в длинный объезд по железной дороге дивизия двинулась обратно. Нечего и говорить, что она прибыла слишком поздно, чтобы решительно изменить ситуацию в Апостолове или спасти плацдарм Шернера. Ее танковые формирования сыграли некоторую роль в поддержании открытым узкого эвакуационного коридора, но предотвратить потерю плацдарма было уже невозможно.

А вот в Корсуньском мешке дивизия, более чем вероятно, сковала бы основные силы Советов и дала возможность 47-му танковому корпусу прорвать кольцо окружения. Два корпуса вышли бы из окружения и создали предпосылки для решающей операции. Однако упрямство Гитлера оказалось сильнее его разума, и этой великолепной восточнопрусской дивизии досталась поистине трагическая роль — в Звенигородке ей не позволили решительно вмешаться, а в Апостолово она попала слишком поздно, чтобы отвести беду.

И эта глупость была не последней. Теперь, после отвода 24-й танковой дивизии, после провала запланированной совместной освободительной атаки 3 и 47-го танковых корпусов, было бы разумно сразу бросить 3-й танковый корпус в наступление на мешок, не тратя времени на второстепенные цели, особенно когда 1-я танковая дивизия уже двигалась из Бердичева, и ее передовые ударные группы могли взять на себя прикрытие открытого фланга южнее 198-й пехотной дивизии.

Ничего подобного! Ставка фюрера настояла на том, чтобы 3-й танковый корпус сначала атаковал в северном направлении, в соответствии с прежним планом. На высоте Медвин корпус должен был развернуться на восток, чтобы окружить и уничтожить советские силы, стоящие между кольцом окружения и 47-м танковым корпусом. Это был неплохой план, но его успех зависел от слишком большого количества «если бы»: если бы танковый корпус смог одну за другой разбить пять армий противника, если бы не было густой грязи, если бы все еще сохранялись условия 1941 года. Ужасающая глупость и безрассудство!

Утром 4 февраля генерал Брайт начал наступление. На исходных позициях находилась лишь часть его сил: только 16 и 17-я танковые дивизии и полк тяжелых танков Бёка. Но они все равно пошли. Впереди танки Бёка — могучая фаланга из тридцати четырех «Тигров» и сорока семи «Пантер». Их фланги прикрывали 34 и 198-я пехотные дивизии, а также передовые части танковой дивизии СС «Лейбштандарт». Они двинулись на север через грязь и позиции противника. Один километр. Два километра. Десять километров. И все. Распутица и четыре советских танковых корпуса положили конец продвижению Брайта.

Генерал не сдался. Теперь подошла основная часть испытанной дивизии «Лейбштандарт» и передовые группы 1-й танковой дивизии. Брайт бросил их в бой. Двум опытным формированиям действительно удалось отвоевать некоторое пространство и дать возможность 16-й танковой дивизии продвинуться еще немного. К 8 февраля «Тигры» и «Пантеры» Бёка вышли на реку Гнилой Тикич с частями 16-й танковой дивизии и «Лейбштандартом». Этой реке суждено было сыграть решающую роль в судьбе Корсуньского мешка.

Несмотря на все их невероятные усилия, полкам 3-го танкового корпуса не удалось пройти дальше. Наступление в северном направлении завязло в тридцати километрах от края мешка. Гитлер наконец понял свою ошибку и дал разрешение пойти самым коротким путем, нанося удар непосредственно на восток. 1-я танковая дивизия, первоначально защищавшая восточный фланг, 11 февраля превратилась в передовой отряд «освободительной группы Запад». Смелым рейдом танковая группа генерала Колля овладела деревней Бужанка на реке Гнилой Тикич и быстро захватила оставшийся неповрежденным мост. Они создали плацдарм. Оттуда пролегал самый короткий путь к фронту окружения. Однако русские тоже об этом знали. В результате противник и господствующий

щие высоты с северной стороны вынудили 1-ю танковую дивизию найти другое убежище — Лысянку. Эта деревня располагалась на трассе полетов немецких Ju-52 и He-111, которые обеспечивали снабжение с воздуха дивизий Штемермана в Корсуньском мешке. И они неплохо справлялись со своей задачей, 8-й воздушный корпус генерала Зайдемана задействовал 1536 самолетов. Расстояние от Умани до Корсуни составляло только 97 километров, и, хотя погода была плохой, а советская зенитная артиллерия мощной, экипажи майора Кнаппа за две недели доставили в окружение 2026,6 тонны грузов, а «Юнкерсы», кроме того, эвакуировали 2825 раненых. Под гудящим воздушным мостом транспортных машин Зайдемана «Пантеры» и гранатеры 1-й танковой дивизии в ночь с 11 на 12 февраля совершили внезапный прорыв в южную часть Лысянки.

Усиленный 1-й танковый полк ворвался в растянувшуюся деревеньку через минные поля и противотанковые укрепления.

Лейтенант Силиокс из 1-го танкового полка крепче прижался ухом к наушнику, услышав свое имя по радио. Говорил командир полка, подполковник Франк:

— Силиокс, быстро к мосту.

С танками 2-й роты Силиокс помчался к восточному мосту на виду у Т-34, противотанковых орудий и полевой артиллерии.

— Переезжай!

Грохот. Водитель вывернул «Пантеру» в сторону. В эту минуту перед ними обрушились опоры моста. Силиокс выругался и повел танки 1-го батальона вниз к реке. Гранатеры зачистили южную окраину деревни. Это произошло 12 февраля.

13 февраля унтер-офицер Ганс Штриппель на своей «Пантере» вброд форсировал тридцатиметровый Гнилой Тикич в предварительно разведанном мелком месте. Его группа последовала за своим опытным танковым командиром. В кильватере танков в ледяной, доходящей до плеч воде пошел лейтенант Лебен с гранатометчиками 113-го полка. На другой стороне их ждала дюжина Т-34 советского 5-го гвардейского танкового корпуса. Однако «Пантеры» Штриппеля взяли верх. Две роты «Пантер» 1-го батальона под командованием капитана Крамера развили успех. Поздно ночью немцы создали плацдарм почти в километр глубиной.

Четырнадцатое пришлось на понедельник. Новая неделя не обещала ничего хорошего. Температура понизилась, но недостаточно, чтобы образовавшийся на реке лед выдержал машины, поэтому ничего не доставили.

Неожиданно ситуация радикально изменилась. В 17 часов 45 минут в сгущающихся сумерках унтер-офицер Штриппель со своей ротой внезапным ударом захватил сорокатонный мост на северо-восточной окраине Лысянки. Обладая сверхъестественным даром бороться с танками, он подбил два хорошо замаскированных Т-34, охраняющих подход, — его пятьдесят девятый и шестидесятый трофеи.

Известие об этом распространилось с невероятной быстротой, причем никто не знал как. На рассвете прибыл командир корпуса генерал Брайт. На командном пункте 1-й танковой дивизии он встретился с генералом Коллем. Если им вообще суждено добиться успеха — сейчас самое время действовать. Главный удар перенесли на правый фланг корпуса. Приказ: следующая цель — высота 239.

Эта господствующая высота находилась на подходе к мешку в трех километрах северо-восточнее Лысянки. Если ее захватить, операция по деблокаде, считай, состоялась. Оттуда до линии внутреннего окружения только десять километров. Десять кило-

метров, или 10 000 метров, — тридцать минут для бегуна по гаревой дорожке стадиона. Для более чем 10 000 человек под смутным зимним небом Черкас это была вечность.

Высота 239. Просто географическая точка. Однако ее склоны и окружающие ее овраги щедро политы человеческой кровью, она прочно вписана в историю войны в России.

Танковая группа Франка, усиленная «Тиграми» и «Пантерами» полка тяжелых танков Бёка, пошла на штурм высоты 239, 16-я танковая дивизия в это время отражала контратаки противника. Однако командир советского 5-го гвардейского танкового корпуса тоже понимал значение этой высоты. Снова и снова он наступал и с севера, и вниз по главной дороге из Медвина, и из лесов на юге и востоке. Так, 16 февраля он пустил двадцать Т-34 с востока и тридцать Т-34 с юго-востока. Артиллеристы полковника Кота прижали русскую пехоту к земле. «Пантеры» рассеяли группы советских танков. Унтер-офицер Штриппель завершил успех, подбив своими семью «Пантерами» двадцать семь Т-34. Фантастическое достижение, однако оно не привело к успеху.

Капитан Эбеллинг с 70 гренадерами и тремя танками под командованием лейтенанта фон Дорнберга взяли Октябрь, на полдороге к высоте 239, но затем атака захлебнулась под советским заградительным огнем и давлением пехоты противника.

Опять и опять советы предпринимали массированные удары из густых лесов с обеих сторон дороги. Ни жертвы, ни заклинания уже не имели значения. Ни атаки усиленного мотопехотного батальона «Лейбштандарта», ни «Штуки» Руделя не могли изменить ситуацию.

Вечером 16 февраля во 2-м батальоне 113-го мотопехотного полка оставалось 60 человек. Шестьдесят из 600. Немногим лучше обстояли дела у 1-го мотопехотного полка или «Лейбштандарта». На переключках в ротах доходили до десяти, самое большее до двенадцати. Командиры рот и взводов погибли или были ранены. Та же картина в инженерно-саперных подразделениях и танковом полку — боеспособны 12 «Пантер» и несколько Т-IV. 16-я танковая дивизия скочила кровопролитными оборонительными боями на дороге из Медвина в восьми километрах севернее Лысянки. На западе 17-я танковая дивизия все еще отчаянно сражалась с советским танковым корпусом. Силы дивизии «Лейбштандарт», главные силы которой вели ожесточенные бои у селения Вишegrad, были на исходе. От 198-й пехотной дивизии остался только номер. Было абсолютно ясно — спасательная операция 3-го танкового корпуса провалилась. В десяти километрах от советского кольца вокруг 56 000 человек генерала Штемермана наступление захлебнулось. Вечером 16 февраля начальник штаба 1-й танковой армии генерал Венк прибыл на своем вездеходе посмотреть, нельзя ли что-нибудь предпринять с его прежней 1-й танковой дивизией, и обнаружил, что силы 3-го танкового корпуса недостаточны, чтобы сломить мощное сопротивление противника.

А там, в мешке, полки в ожидании замерли на своих стартовых позициях. Они прислушивались к выстрелам танковых пушек. Они всматривались в сполохи огня там, на западе. И спрашивали: «Еще не идут?»

Человек на линии фронта неизбежно видит только небольшую часть боя — ровно столько, сколько могут охватить его собственные глаза. Он сражается на своем посту: в танке или за орудием. Атакует или отражает атаку противника. Видит врага, бросающегося на него с диким криком, видит белки его глаз. Он побеждает или побеждают его.

Но общая тактическая и стратегическая картина сражения остается скрытой от него огнем и дымом, постоянными ожесточенными батальями за перелески и речушки, холмы и рвы, деревни и овраги. Только человек, изучающий ежедневную карту обстановки, может почувствовать пульс сражения и разглядеть в этом хаосе систему.

Карта обстановки сражения у Корсуньского мешка открывает четкую и исторически значимую картину, раскрывает систему в мрачных и кровавых событиях, происходивших юго-западнее Черкасс.

7 февраля немецкое Верховное главнокомандование осознало, что плацдарм удерживать невозможно и быстрый прорыв к окруженным извне становится все более проблематичным. Окружение представляло собой тетраэдр вокруг двух центров — Корсунь и Городище. Его 45-километровая ось проходила с северо-запада на юго-восток. Выгодная позиция для наступательных действий 47-го танкового корпуса с юга, поскольку южная оконечность мешка почти доходила до Шполы, откуда генерал фон Форман намеревался нанести удар. Но когда после пагубных метаний 24-й танковой дивизии ждать успеха на юге стало бессмысленно, окруженным войскам потребовалось перегруппировываться на запад, чтобы оказаться как можно ближе к 3-му танковому корпусу. Это означало — сменить позиции и изменить форму плацдарма таким образом, чтобы его продольная ось шла с востока на запад. Похоже на разворот боевого корабля посреди вражеского моря.

7 февраля в 11 часов 40 минут 8-я армия, под чьим началом находились окруженные войска, по радио отдавала инструкции двум корпусам: «Группе Штемермана сократить линию фронта и развернуть плацдарм в направлении Шендеровки, чтобы, когда придет время, прорываться навстречу силам, предпринимавшим наступление на прорыв блокады».

Генерал Штемерман немедленно приступил к выполнению трудной задачи. На востоке батальоны войск СС оставили Городище, на севере 88-я пехотная дивизия ушла из район Яновки. Корсунь с ее аэродромом являлась опорным пунктом, к которому группа Штемермана была привязана снабжением. Звучит не слишком сложно, а на деле эта

Карта 43. Корсуньское кольцо окружения развернулось навстречу силам, пытавшимся освободить окруженных. Сначала операция развивалась успешно, но ошибки планирования привели к катастрофе: высота 239 осталась в руках противника. 3-й танковый корпус оказался неспособен ее взять.

перегруппировка была неправдоподобно трудоемкой. Все дороги страшно развезло, и единственным проходимым местом стали железнодорожные насыпи.

За три дня, с 11 по 13 февраля, основная перегруппировка была завершена. Предстояло отбить деревни Шендеровка, Новая Буда и Комаровка, чтобы обеспечить удобный плацдарм для прорыва на юго-запад.

Атака 72-й пехотной дивизии Мозеля на Новую-Буду по характеру и жесточечности была типичной для первой фазы прорыва. Русские укрепились в надежно оборудованных, вырытых в снегу позициях на вершине абсолютно открытого склона. Немцы должны были наступать по снежному насту, представляя собой великолепную мишень. Сложную задачу поручили 105-му гренадерскому полку. Майор Кэстнер решил идти ночью.

Простой план полностью строился на боевом искусстве каждого отдельного бойца. Это была война в ее изначальном смысле — человек против человека. Впереди таранный клин со штыками, саперными лопатами, автоматами и пулеметами. Затем главные силы частей с тяжелым вооружением — четыре орудия 172-го артиллерийского полка, каждое тащили восемь лошадей.

Было 11 февраля, 20 часов 30 минут. Луна скрылась, ночь стояла темная и холодная. Не издавая даже шороха, люди подвигались к советским позициям. Белые камуфляжные халаты делали их невидимыми. Ни звука. Ни слова. Никакого огня. Они слышали, как русские разговаривали на первом опорном пункте. Вдруг советский часовой что-то заметил. Окликнул: «Стой, пароль!»

«Вперед!» — крикнул в ответ капитан. Они уже на бегу начали стрелять, прыгнули в окопы. Каждый, кто оказал Роту сопротивление, остался на земле. Наконец зачистили траншеи по обе стороны, и внезапное нападение достигло цели. Одним мощным прыжком полк ворвался в глубоко эшелонированные советские позиции. Сквозь пургу и огонь противника подтянулись части с орудиями и захватили подножие высоты 200. Сразу после полуночи вышли на дорогу Сухини—Шендеровка. С востока на Шендеровку двигалась ничего не подозревающая колонна русских грузовиков, среди них выделялись несколько реактивных минометов. «Зенитные орудия, вперед!» С расстояния две сотни метров немецкие 20-мм самоходные зенитные орудия расстреляли конвой. Грузовики везли моторное топливо и сразу превратились в огромные столбы пламени, осветив заснеженную дорогу. Атака на Новую Буду началась в 01.00. К 02.30 деревня оказалась в руках немцев. Разбуженные от сна советские транспортные и кавалерийские части не стали оказывать сопротивления и отступили, 250 человек было взято в плен.

Справа от 72-й пехотной дивизии гамбургский мотопехотный полк СС «Германия» наступал на Шендеровку, второй воротный столб будущего прорыва. Здесь тоже шел жестокий рукопашный бой. Таким же кровопролитным было и последующее сражение за Комаровку, в шести километрах от края мешка.

13 февраля, в воскресенье, Корсунь эвакуировали на восток. В обмен на западе 72-я пехотная дивизия наконец взяла Комаровку и удерживала ее, несмотря на яростные контратаки противника. В деревеньке Новая Буда штурмовая бригада бельгийских добровольцев «Валлония», имея шесть танков, четыре противотанковых орудия и четыре роты от пятидесяти до ста человек, тоже отразила все атаки русских. Бригада потеряла более двухсот своих бойцов, погиб и первый командир бригады, подполков-

ник Люсьен Липпер, в прошлом офицер Генерального штаба Бельгии. Командование принял офицер штаба бригады лейтенант Леон Дегрель, это он не отступил перед мощным противником.

15 февраля 72-я пехотная дивизия захватила маленькую деревню Килки, севернее Комаровки. «Овладение этой деревней жизненно важно для прорыва из окружения», — радировала дивизия в 105-й гренадерский полк. Люди майора Кэстнера поняли. Килки взяли.

В это самое время 1-я танковая дивизия и полк тяжелых танков Бёка безуспешно старались овладеть господствующей высотой 239, чтобы совершить последний рывок навстречу передовым подразделениям Штемермана. И этот шаг оказался им не под силу. Налеты авиаэскадры пикировщиков «Штука» Руделя помогли им остановить советские контратаки и призвать противника к земле, но дальше повторялась старая история — им не хватало десятка танков, полдесятка гренадерских батальонов и, самое главное, горючего для «Пантер» подполковника Бёка.

В окружении тем временем войска, приготовившись пробиваться навстречу своим освободителям, опасно сосредоточились вокруг Шендеровки в районе шесть на восемь километров. Они еще не знали, что операция по их освобождению застопорилась, и все ждали приказа, который будет означать — свобода. Если этого не произойдет достаточно скоро, они обречены; потому что, если Советы отследят их позиции и начнут обстреливать артиллерийскими орудиями, результаты окажутся катастрофическими.

Русские, разумеется, использовали все доступные им средства, чтобы выяснить обстановку внутри окружения. Члены национального комитета «Свободная Германия» пошли в разведку через линию фронта в форме немецких офицеров. Так, 11 февраля один из таких офицеров появился на позициях 1-го танкового разведывательного батальона и начал задавать вопросы о целях, вооружении и численном составе. Его проверка привела к приказу: «Арестовать!» Правда, к этому моменту шпион уже исчез. В некоторые штабы дивизий под белыми флагами и после предварительных объявлений являлись советские офицеры с предложениями обсудить условия капитуляции.

10 февраля, согласно боевому журналу 3-го танкового корпуса, генерал фон Зейдлиц в качестве президента «Союза немецких офицеров» и заместителя председателя национального комитета «Свободная Германия» обращался к окруженным войскам по радио с призывом сдаться и обещал достойное содержание, полную безопасность и использование части в ее прежнем полном составе под руководством их офицеров. Декларация не оказала воздействия на моральный дух военнослужащих. Большая часть офицеров и рядовых, которые слушали радио или читали разбрасываемые листовки, просто не обращали на это внимания. Имя Зейдлица не было для них достаточно весомо, чтобы серьезно рассматривать его предложение.

И 56 000 человек в крошечном кольце, обстреливаемые не только листовками, но и советской артиллерией, все ждали своего освобождения. Их положение усугублялось с каждым часом. В конце концов, генерал-фельдмаршал фон Манштейн решил отдать приказ на прорыв без дальнейших консультаций со Ставкой фюрера. Его решение основывалось на ясном и откровенном докладе начальника штаба 1-й танковой армии генерал-майора Венка.

15 февраля в 11 часов 05 минут 8-я армия радировала в мешок: «Возможности боевой активности 3-го танкового корпуса ограничены. Группе Штемермана самостоя-

тельно пробиваться в район Журжинцы к высоте 239 (на соединении с 3-м танковым корпусом). В этом приказе было заложено зерно будущей трагедии, потому что в нем не сообщался один важный факт — факт, что высота 239, несмотря на непрекращающиеся попытки полка тяжелых танков Бёка и танковой ударной группы 1-й танковой дивизии, до сих пор не была захвачена 3-м танковым корпусом. Штемерман, однако, из этой формулировки не мог не заключить, что, добравшись до господствующих высот, он окажется на немецкой территории. В действительности он встретился там с мощными советскими танковыми силами. Этот факт — корень страшной трагедии в Черкассах. Утром 15 февраля 8-я армия все еще надеялась, что передовые части 1-й танковой дивизии или полк Бёка с шестнадцатой попыткой смогут, в конце концов, взять высоту своими последними «Тиграми». Однако последующее замечание генерал-майора доктора Шпайделя, начальника штаба 8-й армии, заставляет предположить, что эта надежда не была достаточно основательной и поэтому более чем вероятно, что армия намеренно не уточнила это важное и чреватое обстоятельство, дабы не лишать уверенности измотанные дивизии Штемермана с самого начала: чтобы добиться успеха в таком рискованном предприятии, требуется все мужество и вся вера в победу.

Штемерман, должно быть, заподозрил что-то. Он не только запросил сбросить для прорыва дополнительные боеприпасы, но и вечером 16 февраля также радировал в 8-ю армию: «Группа Штемермана может прорвать собственный фронт окружения, но не в состоянии совершить второй прорыв к 3-му танковому корпусу».

Достаточно ясно. Это означает: условием прорыва я считаю ликвидацию советских позиций на гряде холмов вокруг высоты 239. Это требование настойчиво стремились выполнить бойцы 3-го танкового корпуса, но в создавшихся условиях оно оказалось неосуществимо. Стал бы Штемерман прорываться, если бы ему сказали об этом? Или начал бы медлить и колебаться, как медлил и колебался Паулюс в Сталинграде четырнадцать месяцев назад?

Поднимался призрак Сталинграда. Там сходные сомнения привели к фатальной задержке прорыва и в конце концов к катастрофе. К тому же Ставка фюрера до сих пор не дала разрешения на прорыв. В любой момент — как в случае со Сталинградом — она могла наложить вето.

И тогда Манштейн, ответственный командующий, решил разубить гордиев узел. Отбросив в сторону все обстоятельства, соображения и вопросы ответственности, он 16 февраля радировал генералу Штемерману следующий лаконичный, но четкий приказ: «Пароль — «свобода», цель — Лысянка, 23 часа».

Рация 42-го корпуса получила радиограмму, через несколько минут она легла на рабочий стол полковника Франца, начальника штаба группы Штемермана. Он вздохнул с облегчением — ясный приказ действовать. Сталинграда не будет. Планы прорыва, уже несколько дней лежавшие в ящиках штабных офицеров, начали лихорадочно претворяться в жизнь.

Командный пункт ответственного за прорыв 42-го корпуса располагался в крестьянской хате в северо-западной части Шендеровки. В мешке остались только три другие деревни — так сильно он сократился. Из них Новую Буду, до тех пор обороняемую доблестными валлонами, скоро оставили, а в Хильки и Комаровке продолжали отражать настойчивые советские атаки. Хаты Шендеровки были переполнены ранеными. С

10 февраля из-за грязи стало невозможно пользоваться аэродромом в Корсуни, и раненых здесь уже было четыре тысячи. Четыре тысячи горьких трагедий. Между ними втискивались командные пункты батальонов, полков и дивизий. На деревенских улицах, в огородах и вокруг домов стояли орудия, ожидающие ремонта танки, полевые кухни, грузовики, сапи. И везде жгли небольшие костры — в соответствии с приказом войска сжигали все документы, боевые журналы и все дорогие сердцу личные вещи, такие, как письма, записные книжки, сувениры. Ничего нельзя было оставить, кроме того немного, что нужно человеку для рукопашной и что он может унести на собственной спине. Ничего полезного не должно было попасть в руки противника. Эвакуировать требовалось только оружие, боевые машины и полевые кухни. Девушек, работавших в частях связи, распределили по разным подразделениям, а их охрану возложили на опытных командиров. Каждый знал, что их ждет, если они попадут к Советам. Но, несмотря на всю заботу, почти все они погибли.

Майор Хермани, начальник оперативного отдела 42-го корпуса, собрал командиров всех частей, чтобы представить им план прорыва. Секретов больше не было. Каждый человек должен был точно знать, что предстоит и что ему нужно делать, когда будет некого спрашивать.

Карта обстановки висела на стене. Свет свечи мерцал по красным и синим стрелкам на карте. «Вот линия Хильки—Комаровка. Мы выступаем тремя танковыми клиньями. Глубоко эшелонированными. Без артиллерийской подготовки. Первый этап должен быть максимально бесшумным. Противника нужно вытеснить штыками. Одним быстрым движением прорываемся в район Журжишцы и к высоте 239. Там нас встретит 3-й танковый корпус».

Хермани легко провел рукой по карте. Его оптимизм пуждался в обосновании. Поэтому он обосновал его. Несколько карандашных линий прояснили ситуацию: корпус «Б» справа, 72-я пехотная дивизия в центре, моторизованная дивизия СС «Викинг» слева. Примерно 40 000 человек. Командует генерал Либ. Штемерман остается с аррьергардом: баварской 57-й пехотной дивизией генерала Тровитца и баварско-судетской 88-й пехотной дивизией генерала графа Риттберга. Части 389-й пехотной дивизии, кроме дивизиона истребителей танков, а также остатки 167 и 168-й пехотных дивизий были приданы 57-й пехотной дивизии, таким образом, генерал Тровитц имеет еще 3500 человек. Дивизия графа Риттберга несколько слабее. Прикрытие тыла, получается, обеспечивают 6500 человек. Нетранспортабельных раненых придется оставить с медицинским персоналом для передачи противнику. Это был самый болезненный аспект плана. Не все его выполнили.

Затем пришла пора самой сложной части инструктажа — офицеры должны убедить своих солдат написать письма домой и на всякий случай обменяться ими, чтобы быть уверенными, что семья получит последнее «прости».

Начальник оперативного отдела добавил несколько важных слов по поводу товарищества, которое в последующие часы подвергнется самому серьезному испытанию. Товарищество — затертое слово, но скоро станет ясно, что стоит за ним для каждого отдельного человека.

У начальника оперативного отдела читаем: «Четверг, 16 февраля, 22 часа. Мы сидим в нашем командном пункте, молчим. Больше не надо отдавать приказы, не надо

писать директивы — впервые за двадцать дней, с тех пор как нас окружили. Каждый думает о доме. Последнее письмо с “гражданки” сожжено, как и все те вещицы, к которым так привязался за четыре года войны — фотографии жен и детей, “Фауст” Гете или “Женщины в мировой истории” Юджина Рота».

В тот момент, когда уже было совершенно очевидно, что на высоте 239 Штемермана встретят не немецкие патрули, а советские танки, 3-й танковый корпус решил сообщить ему полную правду о плацдарме в Лысянке. Полковник Мерк, начальник штаба группы Брайта, который вернулся из советского плена только в 1955 году, рассказал автору этой книги, что в ночь с 16 на 17 февраля делались попытки связаться со Штемерманом, однако его рация уже не отвечала. Когда в эфир запускали это важное сообщение, в кольцо уже начали действовать на прорыв.

В Шендеровке творилось нечто невообразимое. Путь подхода трех дивизий проходил по деревне. По узкой улице. Единственный мост через овраг перекрыл танк, повредивший и проезжую часть, инженерам потребовалось несколько часов усердного труда, чтобы протолкнуть его вперед, потом они принялись за мост.

Движение тем временем застопорилось. Все кричали. Повсюду рвались советские снаряды. Каждый снаряд находил свою жертву. Раненых тащили в хаты. У дверей в штаб корпуса лежал штабной офицер, которому осколком снаряда оторвало голову.

Было 22 часа 30 минут. Низколетающие He-111 сбрасывали ящики с боеприпасами. Они с грохотом падали прямо на полевые кухни и крестьянские хаты. Бомбардировка противника становилась все яростнее. Прямо перед штабом корпуса было две воронки. Прибыл генерал Либ, в своей любимой белой меховой шапке, спокойный и оптимистичный. С ним был начальник штаба 11-го корпуса полковник Гедке, они обсуждали последние детали операции.

Пробило 23 часа — час «Ч». Ночь абсолютно темная: ни луны, ни звезд. Термометр показывал четыре градуса ниже нуля, но с северо-востока завывал ледяной ветер. К счастью, он дул в спину колоннам и в лицо часовым неприятеля. Временами сильные порывы ветра поднимали снег. Выгодная погода для тех, кто надеется остаться незамеченным.

Корпус «Б» наступал на правом крыле, впереди шли части 258-го полка. На левом крыле — 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг»; ее возглавлял 5-й танковый разведывательный батальон. За ним двигался батальон истребителей танков гессенской 389-й пехотной дивизии, чья 3-я рота была сформирована из остатков 66-го зенитного батальона, павшего в Сталинграде. Батальон тогда сократился до девяноста семи человек, 3-я рота — до тридцати. Центр клина образовывала 72-я пехотная дивизия со 105-м гренадерским полком впереди.

У майора Кэстнера была захваченная советская карта с участком его наступления в масштабе 1:10 000, эта карта и компас с призмой-отражателем составляли великолепное средство ориентации, что было очень важно вследствие бездорожья: их путь пролегал по полям и пастбищам, по замерзшей грязи, покрытой снежным настом. Кэстнер дал своим людям подробные инструкции: не производить лишних звуков, не прикуривать сигарет и, самое главное, разрядить все оружие, чтобы какой-нибудь уставший солдат не открыл огонь раньше времени и таким образом не лишил бы операцию необходимого элемента внезапности. Первую советскую линию взяли штыками. Преодолели и вторую. Только в одном месте произошла отчаянная рукопашная с орудийным расче-

том. Основная часть дивизии следовала за ними. Может, и дальше дело пойдет так же легко? Время — 03 часа 30 минут. Кэстнер, капитан Мот и лейтенант Бендер изучали карту: они находятся у оврагов юго-восточнее Журжинцы, перед ними, на гряде холмов, дорога на Почапинцы, которая ведет прямо на высоту 239.

Все еще стояла кромешная темнота. Если все идет по плану, самые передовые дозоры 1-й танковой дивизии уже вышли на дорогу. Тем не менее: осторожно — разведчики вперед! Лейтенант Бендер вернулся скоро. «Танки есть, — сказал он, — но не немецкие. Полдесятка Т-34 стоят точно на южном выходе из Журжинцы. И километрах в двух дальше на юго-восток, на той же дороге силуэты других Т-34».

Это могло означать, что высота 239 в руках неприятеля. Несмотря на объявленное радиомолчание, Кэстнер решил сейчас же передать эту неожиданную и опасную информацию в дивизию. Затем они снова молча двинулись вперед. Он еще раз напомнил своим людям: «Стрелять только в случае крайней необходимости».

Узкой колонной полк стремительно пересек дорогу, точно между танковыми заставами. Русские ничего не заметили. Теперь осторожнее. Мягкие подошвы сейчас были важнее ручных гранат. Они прошли метров двести, когда головной дозор остановился. Унтер-офицер бесшумно приблизился к Кэстнеру и шепотом доложил: «Впереди позиции противника, господин майор. Развернуты на запад. Но я думаю иваны спят».

Развернуты на запад. Это может быть только советская оборонительная линия против немецких сил, идущих на подмогу. Другими словами, последняя преграда. «Вперед!» — скомандовал Кэстнер. И снова они пошли с ружейными прикладами, лопатами, штыками. Молча, без каких-либо боевых кличей. Отчаянно. Никто не подозревал, что настоящая драма у Черкасс только начинается.

Схватка была короткой. Русские отступили, но они дико стреляли во всех направлениях. И огонь привлек внимание 5-го гвардейского танкового корпуса, чьи Т-34 прикрывали дорогу Журжинцы—Почапинцы. Русские танки включили фары, выпустили сигнальные ракеты и увидели приближающиеся к дороге по открытому месту главные силы 72-й пехотной дивизии.

«Смотрите! Немцы! — закричали командиры танков. — Огонь!» Началась неравная битва, немцев вдавили в землю.

Но роты 105-го гренадерского полка спешили вперед. Снова заметили очертания трех танков. Кэстнер сам подполз поближе. Это «Пантеры»! И тут он увидел немецкий крест. Вскочил на ноги и навстречу лучам восходящего солнца во весь голос закричал пароль: «Свобода! Свобода!»

Башенные люки «Пантер» широко распахнулись. Бойцы Кэстнера вышли к передовой линии 1-й танковой дивизии, занимаемой 1-й ротой эрфуртского 1-го танкового полка. Лейтенант фрайгерр фон Домберг выбрался из своего танка навстречу Кэстнеру. Они смогли!

105-й гренадерский полк вышел из окружения. Три недели назад, когда ловушка захлопнулась, в полку было 27 офицеров и 1082 рядовых, осталось 3 офицера и 216 рядовых. Только 219 человек. Но они вывели 11 легких и один тяжелый пулемет, один миномет и одно пехотное орудие. И каждый доставил свою винтовку или автомат. Сам прорыв стоил им не более двух десятков раненых. Но какова судьба остальных?

В секторе моторизованной дивизии «Викинг», слева от 72-й пехотной дивизии, 5-й танковый разведывательный батальон лейтенанта Дебуса тоже быстро справился с пер-

вым этапом. Как только последние боевые машины 5-го танкового полка отразили ночную контратаку на восточную окраину Шендеровки, они с первой же попытки прорвали на западе советскую линию окружения и подавили противотанковые и пулеметные огневые точки. Первые позиции на высоте у Почапинцы взяли штурмом.

Танковый разведывательный батальон СС вышел на дорогу у высоты 239 примерно в то же время, что и 105-й гренадерский полк Кэстнера. Теперь они стояли перед основной линией окружения. Лейтенант Дебус различил на высоте мощный советский танковый рубеж, но решил атаковать.

Было 04 часа 30 минут. Первая атака захлебнулась под русским огнем у подножия холма. Бойцы Дебуса и наступавшая за ними валлонская штурмовая бригада попали под продольный пулеметный огонь. Четыре-пять «Пантер» изменили бы ситуацию, но у разведывательного батальона был лишь один Т-III. Остальные в Шендеровке вели жестокие танковые бои с преследующими Т-34 и ИС-2 и пожертвовали собственной жизнью ради остальных. Дебус попытался снова. Опять безрезультатно. Советские оборонительные порядки, теперь уже совсем проснувшиеся, были слишком мощны.

В это время начала подтягиваться основная часть моторизованной дивизии «Викинг», приблизились волны 72-й пехотной дивизии, которые не смогли пересечь дорогу севернее, присоединилась и группа «Б». Их дела сложились не лучше, чем у других: полковник Фибиг с 112-й дивизией без единого выстрела взял первый опорный пункт, но затем, ударив на юго-запад, они вынуждены были отклониться к югу.

Начинался рассвет. Советские танки и противотанковые орудия теперь прицельно поливали смертельным огнем немецкие колонны, которым негде было укрыться на заснеженной степи. Немецкие противотанковые орудия и полевые гаубицы застряли в ледяных оврагах, несмотря на то что их тянуло по восемь—десять лошадей, людям поэтому нечего было противопоставить натиску неприятеля и пришлось спасаться бегством. Они хлынули на юг. Все надежды на организованную операцию улетучились. Каждый самостоятельно искал выход из этого хаоса.

Целыми формированиями в несколько сотен человек, меньшими группами и даже поодиночке они стремились выйти из пределов досягаемости русского огня. В конце концов, все снова повернули на запад, в сторону свободы. Советскую пехоту разогнали штыками, советскую кавалерию отразили, но с советскими танками бороться было нечем.

В 3-й роте 389-го дивизиона истребителей танков не осталось ни одного из их 20-мм зенитных орудий, но бойцы волокли ручную тележку с двенадцатью реактивными противотанковыми гранатометами. Ротой командовал унтер-офицер Краузе (если горстку из двадцати человек все еще можно называть ротой). Они никак не могли преодолеть овраг: танки противника стреляли с высокого края вниз. «За мной», — сказал Краузе обер-ефрейтору Фрицу Хаманну, командиру орудия № 2. Они взяли по три «базуки» и осторожно выбрались на край оврага, где стояли советские танки. Выстрел. Еще один.

Первые два Т-34 загорелись, и дым прикрыл двух гранатометчиков. Хаманн подбил еще два, Краузе — один. Командиры оставшихся четырех потеряли присутствие духа и отъехали. Дорога была свободна. Овраг немедленно заполнился устремившимися вперед колоннами, он вел в небольшую березовую рощу у Почапинцы, где можно было найти укрытие.

Ни официальное сообщение Верховного главнокомандования, ни представление к награде не расскажут об этом подвиге — доблести неизвестных героев операции по прорыву из Корсуньского кольца.

Основная часть группы «Б» под командованием полковника Фуке с формированиями 188-го артиллерийского полка в первой фазе наступления, используя удобный момент для вклинения, пошла в атаку через дорогу с обеих сторон высоты 239. Они добились успеха. Группы полка пробились через лес, где их не могли достать танки, и вышли на Октябрь и Лысянку — хотя и без какого-либо тяжелого вооружения.

В штабе корпуса ничего об этом еще не знали. Генерал Либ и личный состав его штаба начали первую фазу прорыва из Шендеровки. Начальник штаба и начальник оперативного отдела стояли у крестьянской хаты, прислушивались.

Мимо молча двигались колонны. Цокот лошадиных копыт по замерзшей земле скрадывали ночь и ветер. Подошел командир корпуса: «Есть донесения с фронта?» — спросил он. Обычный вопрос на самом деле. «Нет, господин генерал». Звуков боя не доносилось ни из Комаровки, ни из Хильки. Но ведь передовые части уже должны быть там? «Что вы думаете по поводу этой тишины?» — спросил Либ. Франц слегка охрипшим голосом ответил: «Мне приходит в голову только одно — первая волна уже прорвала окружение штыками». — «Тогда вперед, господа», — сказал Либ, надел свою высокую шапку из белого меха и зашагал к дому, где стояла его лошадь. Он выглядел как великий князь.

Сразу после полуночи генерал Либ установил свой командный пункт на западной окраине Хильки. Деревня являлась правым флангом немецкого коридора, и ее следовало удерживать любой ценой. А русские настойчиво наступали, они уже вышли на восточную окраину деревни. Ситуация накалялась. Если противник отобьет деревню, коридор будет перекрыт.

«Мне нужна надежная ударная группа, чтобы остановить русских, — простонал Либ. — Кто у нас остался?»

В свет свечей выступил австрийский артиллерийский командир и спокойно проговорил: «У меня осталось только сто человек, но я удержусь, господин генерал, — можете на меня положиться». И он стоял, пока не прошел последний человек. И даже вывел из этой горячей точки свой арьергард.

В 06.00 личный состав штаба корпуса Либа ускакал из Хильки с последней колонной.

«Кто сообщит Штемерману, что мы прорываемся и больше не сможем получать его приказы?» — обратился Либ к начальнику оперативного отдела. Франц указал на всадника. Капитан фон Мейерхаймб, офицер разведки, вызвался добровольцем. Участник скачек с препятствиями из Мекленбурга молча приложил пальцы к каске, развернул своего пегого и через мгновение мчался неистовым галопом прямо сквозь артиллерийский огонь противника.

Колонна Либа быстро продвигалась вперед, представляя собой мрачное зрелище, напоминающее отступающих солдат Наполеона. С краю скакал майор Ганшов, начальник снабжения, на могучем сером, рядом бежал его огромный немецкий мастифф. «Передайте моей жене, что я люблю ее, — сказал Ганшов майору Хермани в Хильки. — Меня убьют». И медленно продолжил: «Присмотрите за моей собакой. Я не хочу, чтобы она стала бездомной». Хермани не мог забыть эти слова, глядя на скачущего рядом с колонной Ганшова. «Может ли человек предчувствовать смерть?» — думал он.

В это время года рассвет на Западной Украине обычно наступает около 06 часов. Но 17 февраля 1944 года, в тот кровавый четверг, метель не давала лучам солнца пробиться. Колонна двигалась вперед по заснеженной открытой равнине. Скрипели сани, в них стонали раненые. Большинство частей проигнорировали приказ оставить своих раненых, потому что слишком хорошо знали Советы.

Издали донесся шум сражения. Войска начали нервничать. Артиллерия противника усилила огонь, ударила прямо в колонну. Все разбежались. Лошади понесли. Чалого Хермани убило, майор в оцепении оглядывался, искал своего конюха и полевую сумку. Но как в таком хаосе можно найти человека, не говоря уж о сумке? С правого фланга начал бить пулемет. Они оказались у советского танкового рубежа между Журжинцы и Почапинцы и, как колонны до них, попытались отойти влево.

Под полковником Францем тоже убили скакуна. Последние машины и орудия застряли на ледяном склоне оврага. Противотанковая артиллерия противника била прямой наводкой. Вокруг носились лошади с полной сбруей. Франц поймал себе артиллерийскую лошадь, впрыгнул в седло и взлетел на склон. Его ждал шок — приближалось примерно пятнадцать Т-34. Они прогрохотали через узкий выход из оврага, где столпились вереницы крестьянских саней с флагами Красного Креста, из пулеметов покосили лошадей и гусеницами раздавили сани.

«Свињи! Свињи!» — задохнулся Франц. Он знал, что колонны эвакуировали серьезно раненных дивизии «Викинг», генерал Гилле не захотел их оставлять без защиты. Примерно 140 человек погрузили на гусеничные машины под командованием доктора Иссельштайна, остальных 100, а также примерно 30 с менее серьезными ранениями с перевязочного пункта корпуса «Б» — на крестьянские сани с доктором Тоном, начальником медицинской роты дивизии «Викинг». Для них война закончилась, когда на глазах полковника Франца доктору Тону удалось спасти не более десяти человек. Колонны доктора Иссельштайна танки расстреляли западнее Шендеровки, сам он тоже погиб.

Среди этого ада неожиданно послышался звук множества охрипших голосов. Франц повернул голову. Разве это возможно? Неужели это еще может быть в 1944 году? Из оврага выскочил всадник, направляя массу в 3000—4000 человек на длинную линию вражеских танков и позиции противотанковых орудий на краю леса, блокирующих дорогу к спасительным деревьям. Это был подполковник Мюллер, он возглавлял массивный прорыв частей 72-й пехотной дивизии через русские линии к лесу, где они могли бы укрыться от танков. Полковник Франц присоединился к наступающей колонне. Ее простреливали русские пулеметы, противотанковые орудия пробивали в ней широкие бреши.

Между танками ИС-2 и Т-34 было расстояние в 50 метров. Не больше 50 метров. В эту щель Франц направил свою храпящую лошадь. Теперь от края леса его отделяло только поле. Вдруг в голову лошади со свистом впился осколок снаряда. Она рухнула на передние ноги, перевернулась на мерзлой земле. Франц успел освободиться из стремян и остался невредимым. Его снайперская винтовка с оптическим прицелом лежала рядом с головой лошади. Он поднял ее и побежал к лесу.

Всегда интересно проследить, чего можно добиться одной решимостью, и для военных полезно учитывать ограниченность эффекта применения танковой техники без поддержки пехоты в условиях фанатичного массового прорыва. На немецкой стороне в первый год войны долго верили, что в сражениях на окружение прорывы противника не

преодолеют немецкие танковые барьеры. Во второй половине войны русские, похоже, встали на эту ложную точку зрения. Если бы советский командир, ответственный за высоту 239, или сам генерал армии Конев имели бы возможность наблюдать события у леса в Почапинцах утром 17 февраля, они бы поняли свою ошибку.

Все больше и больше частей 72-й пехотной дивизии, корпуса «Б», дивизии «Викинг» и 389-й пехотной дивизии добивались до леса. Они прорывались сквозь линии танков, хотя казалось, что дорога полностью перекрывалась огнем русских. Конечно, они оставили в оврагах за Почапинцами свои последние машины, штурмовые и полевые орудия, бронетранспортеры и сани. Конечно, не все сохранили даже свое личное оружие. Они спасли только свою жизнь. И очень скоро убедились, что худшее еще впереди.

Лес, в котором полковник Франц нашел временное укрытие, внезапно наполнился криками. Раздались выстрелы. Два валлона из бельгийской добровольческой бригады доложили: «Пулемет противника блокирует выход из леса, по опушке прорваться невозможно. Мы уже понесли потери — убитыми и ранеными».

Полковник Франц взял свою снайперскую винтовку и отправился с валлонами к опушке. Пулемет находился на противоположной стороне. В оптический прицел Франц прекрасно видел русских. Три человека. Расстояние 300 метров. Франц быстро выстрелил три раза. Потом махнул рукой и побежал по ложбине. Другие подождали, пока он сделает первые пять шагов. Русский «Максим» молчал, и все побежали за Францем. Вперед. На юго-запад.

Командир корпуса старался внести какой-то порядок в свои колонны из 3000–4000 человек. Офицеры и рядовые были измучены, физически и морально, но они хорошо понимали, что дисциплина лучше, чем беспорядочное «каждый за себя». Сбоку от Франца оказался майор Хермани. «Господин полковник, — сказал он, — теперь, когда мы встретились в этом аду, с нами уже ничего не случится».

Однако неудачи продолжали их преследовать. На высоте 222, восточнее Лысянки, они уже решили, что вышли к немецким аванпостам, но пять или шесть бронемашин на небольшом холме оказались Т-34. Они опять понесли тяжелые потери. У Хермани в руках разорвало автомат.

Важно было не останавливаться. Бежать! Бежать! И поэтому, тяжело дыша, они бежали до самой реки Гнилой Тикич.

Стрелки часов подвигались к 11. Еще издали они увидели волны: река была больше тридцати метров шириной, глубина доходила до шести метров, течение быстрое. Крутые берега покрывала корка льда.

Моста видно не было.

Мост 1-й танковой дивизии и временный пешеходный мост, быстро построенные иенским 37-м танковым инженерно-саперным батальоном под прикрытием последних grenадеров «Лейбштандарта», находился всего в двух с половиной километрах севернее. Всего два с половиной километра! Но кто мог об этом знать. А всеми ими руководило одно желание — перебраться через реку, на противоположный берег, где их не смогут достать советские танки.

Это страстное желание не оставляло места здравому смыслу. Огромное разочарование, постигшее их на высоте 239, деморализовало людей. Они чувствовали себя преданными, ссорились и сыпали проклятиями. Все, чего они хотели, это выбраться из этого ада.

Температура пять градусов ниже нуля и ледяной ветер. Но какая разница? Четыре Т-34 уже в нескольких сотнях метров от плотной толпы, вот они уже открыли огонь осколочными снарядами. Это внушало ужас. Группы в тридцать—сорок человек без оглядки попрыгали в ледяную воду. Тонули десятками. Среди льдин несло трупы лошадей. Только тридцать метров, и ты там. Но даже тридцать метров ледяного потока требуют силы и ясной головы. Эта проклятая паника!

Полковник Франц выбрал открытую воду и несколькими мощными гребками покрыл расстояние до противоположного берега, прямо к иве, которая свесила в воду ветви, как будто протягивая руку помощи. Но то, что так заманчиво обещало спасение, чуть не погубило Франца. Его шинель зацепилась за ветку и потянула под воду, пальцы полковника одеревенели, тело отяжелело. Неужели конец? Если бы не молодой лейтенант Гульденпфенниг, который заметил, что случилось с полковником, и помог ему выбраться на берег, Франц погиб бы, как очень многие другие. Хермани переплыл реку благополучно.

В месте, где к реке вышла часть «Викинга», генерал Гилле убедил людей обеспечить безопасную переправу. В своей меховой куртке и с покрытой шишечками тростью он стоял на берегу. Он привел сюда 4500 человек, 70 процентов своей дивизии, и не собирался терять их теперь. Генерал приказал загнать в реку последний трактор, надеясь использовать его в качестве опоры для пешеходного моста, однако мощное течение снесло его, как и все остальное.

Гилле тогда отделил тех, кто не умеет плавать, и построил цепочки, в которых между ними поставил тех, кто хорошо держится на воде. Генерал первым вошел в воду во главе первой цепочки. Но на середине реки третий в цепи вдруг отпустил руки, человеческий мост сломался. Помогите! Крики и проклятия. Беспомощных людей унесло потоком. Подполковник Шонфельдер, начальник оперативного отдела Гилле, собирал оставшихся на берегу. Еще одна попытка. И снова многие утонули.

Капитан Дорр из полка СС «Германия» подошел к реке с сарьегардом. На санках и досках они тащили по снегу последних выживших раненых. Гренадеры Дорра вместе с оказавшейся в мешке группой 14-й танковой дивизии прикрывали колонну раненых. Отражая смертоносные танковые атаки, «Викинг» понес самые тяжелые потери из всех прорывавшихся соединений.

А эта группа там у реки? Что они делают? Это бельгийцы из бригады «Валлония». На крестьянских санях вместе с другими ранеными они привезли тело своего командира, подполковника Люсьена Липперта, погибшего в бою 13 февраля. Они не оставят его русским. Завернутое в палаточный брезент тело доставили на другой берег четыре человека. Там они снова тащили его по снегу и ледяным скатам, пока не вышли к дозорам 3-го танкового корпуса.

Капитан Вестфаль, старший офицер в штабе Гилле, пытался переправить через реку последний Т-III, но это оказалось невозможно. Самому Вестфалю пришлось переправляться вплавь. Его благополучная переправа означала спасение не только еще одного доблестного офицера, но и важного свидетеля судьбы генерала Штемермана.

Снова и снова повторяется легенда, что Штемерман был застрелен СС. Однако это не так. Штемерман погиб от выстрела русского противотанкового орудия. Обстоятельства его гибели следующие. В ложбине около Почапицы генерал, уже потеряв свою машину из-за поломки двигателя, наткнулся на вездеход начальника оператив-

ного отдела дивизии «Викинг». Поскольку у машины спустило шину, Шонфельдер и Вестфаль, чтобы осмотреться, пешком поднялись по ледяному склону, край которого постоянно обстреливали. Именно в этот момент прибыл Штемерман со своим адъютантом: он очень устал, увидев машину, захотел подняться наверх, не меняя шины, однако водитель не смог этого сделать и застрял. В этот момент в машину попал снаряд противотанкового орудия, оторвало всю заднюю часть. Штемерман и его адъютант были убиты осколками.

Русский рабочий и водитель вытащили их из машины, потом побежали наверх и доложили Шонфельдеру и Вестфалю:

- Генерал и его адъютант мертвы.
- Действительно мертвы, может быть, серьезно ранены?
- Нет, господин подполковник, — прямо в спину попало. Убиты наповал.

Капитан Шонфельдер на этом основании отдал приказ, чтобы никакие машины больше не поднимались по этому проклятому склону.

Это достоверный рассказ об обстоятельствах гибели генерала Штемермана.

Гнилой Тикич, этот яростный поток, выявил не только всю подноготную человеческой души — трусость, малодушие, но и сияющие вершины героизма, товарищества и самопожертвования.

Унтер-офицер Вёлер, например, три раза переплывал реку. С помощью своеобразной водной упряжи, которую он наскоро соорудил из ремней и подтяжек, он в целости доставил на другой берег троих солдат, которые не умели плавать. Два унтер-офицера 389-й пехотной дивизии протащили через реку привязанных к доскам раненых. К реке вышли и пять отставших от 3-й роты 389-го истребительно-противотанкового дивизиона, среди них был унтер-офицер Краузе. Они привели с собой полдесятка русских, которых они взяли в плен, когда подавили позиции их противотанкового орудия. Когда немцы сняли свои шинели, чтобы идти в воду, русские отчаянно затрясли головами. Эти простые мальчики поступили по-другому: они растегнули шинели, соскользнули с берега в реку, дав полам раскрыться на воде, как крылья. И поплыли.

Обер-ефрейтор Фриц Хаманн не поверил русскому методу. В излучине, где река замерзла почти до половины, он заметил, как очень молодые мальчики ползли по льду на животах, и попытался сделать то же самое. Однако под ним лед начал трескаться, и он провалился. Вылез, упираясь локтями, и снова провалился. Так, метр за метром, он продирался по трескавшемуся льду, цеплялся за плывущие льдины. Это продолжалось полчаса. Абсолютно обессиленный, он ухватился за приклад карабина, который протянул ему товарищ, чтобы вытащить на берег. Спасен!

Но где же другие? Никого не видно. Даже Краузе. Он, шатаясь, побрел вперед. Не оглядываться. Эта река текла через преисподнюю войны.

Генерал Либ попробовал переправиться на своей лошади. Но мерин не выдержал. Утонул. А генерал выбрался на другой берег.

Полковник доктор Хон, опытный командир 72-й пехотной дивизии, тоже переплыл Гнилой Тикич с большинством своих людей из Мозеля. Мокрый, он стоял на западном берегу, пока благополучно не выбралась последняя группа.

Полковник Фуке, командир группы «Б», до реки не дошел. В бою на русской противотанковой огневой точке его серьезно ранили. Позже он умер в советском плену.

Когда первые спасшиеся, больше мертвые, чем живые в своей смерзшейся до каменного состояния одежде, доползли до аванпостов и пикетов «Лейбштандарта» и 1-й танковой дивизии в Лысянке, находящиеся там части представили себе отчаянность положения в двух с половиной километрах южнее плацдарма. Штурмовые отряды 37-го танкового инженерно-саперного батальона выступили вниз по реке под прикрытием гранатометчиков и роты танков. Отряды пытались криками привлечь внимание прибывающих на восточный берег прорывающихся частей и направить их к северу, к переправе 1-й танковой дивизии в Лысянке.

Некоторые группы понимали крики и сигналы с западного берега, но быстро распространяющаяся паника мешала организованно продвинуться к мосту. Советские танки у реки усугубляли хаос. В конце концов, тюрингские инженеры майора Брауна под прикрытием «Пантер» эрфуртского 1-го танкового полка навели в нескольких точках аварийные пешеходные мосты, люди начали переправляться по этим мостам. Таким образом, по крайней мере, тыловое прикрытие, тоже отклонившееся к югу, теперь имело возможность не прыгать в ледяную воду.

Генерал Тровитц вывел свою баварскую 57-ю пехотную дивизию и остатки 389-й дивизии целиком, несмотря на ожесточенные арьергардные бои. Он переправил через реку более 3000 человек, а также всех раненых, которых он взял с собой, всего 250 человек. С 3500 бойцами он прикрыл тылы группы Штемермана. Сам Тровитц одним из последних вышел из корсуньского ада, получив серьезное ранение.

Генерал граф Риттберг, командир 88-й пехотной дивизии, тоже подошел к переправам на реке Гнилой Тикич с большей частью своих людей. Баварцы, уроженцы земли Саар и швабы 246-го гренадерского полка держали северный фронт мешка вдоль высоты 192 еще в ночь с 16 на 17 февраля и отступали лишь постепенно. Ограниченный только собственными ресурсами, полк пробился к реке. С основной частью дивизии двигалась также необычная колонна — русские женщины, которые боялись преследований Советов за работу на немцев.

Когда граф Риттберг, артиллерист из Вердена и известный акробат, увидел, что даже опытные офицеры теряют на переправах присутствие духа, становятся грубыми и расталкивают всех локтями, чтобы быстрее попасть на мост, он спросил с присущим ему сарказмом: «С каких это пор офицеры получили право отступать первыми?» После этого все пошло спокойнее.

Последние части добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония» достигли плацдарма 1-й танковой дивизии в Лысянке несколькими путями. До утра 17 февраля арьергард валлонов оборонял деревню Новая Буда. Затем, в соответствии с приказом, он последовал за своей первой волной, обошел колонны прорыва и оказался в танковой ловушке севернее Почапинцы вместе с бойцами дивизии «Викинг». Валлонам удалось достичь оврага и, подбив два Т-34, укрыться в лесу южнее высоты 239. Там Леон Дегрель собрал всех своих оставшихся. Он оборонялся в лесу в нескольких километрах восточнее Лысянки до сумерек. Тихо, без единого выстрела, Дегрель вышел к передовым дозорам 1-й танковой дивизии 18 февраля. С ним было 3000 человек, включая многочисленных гражданских и последних 632 валлонов его бригады.

А майор Ганшов? Начальник снабжения 42-го корпуса, который отправился к реке Гнилой Тикич на сером, с предчувствием смерти? Он не вышел из окружения. Его мастифф переплыл реку с ординарцем хозяина. Незадолго до этого майор пытал-

ся разведать для группы безопасный путь, но потом у реки видели лишь одного копя, без всадника.

3-й танковый корпус, и в частности 1-ю танковую дивизию, обвиняют в том, что, когда для корсуньских дивизий наступил час «Ч», их части не смогли совершить последнего усилия и избавить прорывающиеся силы от голгофы высоты 239. Это обвинение полностью беспочвенно. 1-я танковая дивизия удерживала плацдарм у Лысянки девять дней абсолютно недостаточными силами. Когда генералы Либ и Гилле 17 февраля достигли Лысянки, дорогу через Гнилой Тикич обеспечивали всего двенадцать бое-способных Т-IV и Т-V, несколько поврежденных танков, использовавшихся стационарно, восемьдесят гранадеров и три группы танковых инженеров. Люди под командованием генерал-майора Колля, полковника Зота и подполковника доктора Бёка из всех сил противостояли яростным советским контратакам. Благодаря их доблести выходящие части получили возможность отступить через Бужанку. Капитан, доктор Конингсхаузен, добился, чтобы серьезно раненных по воздуху вывезли в Умань из Лысянки и Бужанки.

1-я танковая дивизия обороняла свой плацдарм, пока утром 19 февраля туда не вышли последние части. Сделать больше было не в ее силах. К середине 1944 года ослабленные немецкие части никакой доблестью или самопожертвованием не могли загладить серьезные, даже фатальные ошибки, допущенные за последние несколько месяцев высшим командованием на полях сражений между Киевом и Кировоградом.

Вечером 16 февраля, когда полк тяжелых танков Бёка и танковая ударная группа 1-й танковой дивизии истекали кровью у дороги Журжинцы—Почапинцы, генерал Брайт наступал на советские порядки двумя батальонами «Лейбштандарта». Целая дивизия, возможно, и смогла бы прорвать советскую оборону — если бы она была. А два батальона? Это невыполнимая задача, даже для первоклассных батальонов.

Понеся тяжелейшие потери, батальоны застряли на ледяных склонах высот 239 и 222. И это не удивительно. Конев сконцентрировал в районе прорыва две танковые армии. Кроме них, он располагал дюжиной дивизий двух стрелковых армий, а также отдельными кавалерийскими соединениями.

Два батальона противостояли двум армиям.

Разумеется, русские тоже были измотаны и давно утратили свою прежнюю энергию. Это, возможно, объясняет, почему немцы прорвались через внутреннее кольцо окружения так быстро и почти без потерь. Однако советские рубежи на гряде холмов между Журжинцы и Почапинцы, господствовавших над обледенелыми склонами, представляли собой идеальную оборонительную позицию.

Если прорыв группы Штемермана тем не менее обеспечил спасение 60 процентов сил, то это потрясающее достижение. Из окружения вышло примерно 35 000 человек. Их доставили в район сосредоточения восточнее Умани. Это не умаляет победы русских. Ее значение заключается в уничтожении боевой мощи шести с половиной немецких дивизий. Шесть с половиной дивизий потеряли все свое вооружение. Правда, брешь во фронте между немецкими 8-й армией и 1-й танковой армией была временно перекрыта контратакой двух танковых дивизий. Но как долго можно удерживать этот слабый фронт?

Командирский поезд Манштейна пыхтел из Умани в Проскуров, по магистрали Днепропетровск—Львов, через заснеженные просторы Западной Украины.

Генерал-фельдмаршал навешал спасшихся из Корсуньского мешка в госпиталях и сборных пунктах в Умани, говорил с офицерами и солдатами. В истории Черкасс была поставлена точка, однако имелись новые проблемы. Будут ли русские ждать, пока брешь во фронте кое-как снова перекроют? Это один вопрос. А другой — чем перекрывать эту брешь? За исключением добровольческой штурмовой бригады «Валлония», соединения, вышедшие из Корсуньского мешка, были больше не способны к боевым действиям. Да и 632 оставшихся в живых валлона отправили на Запад для отдыха. Это означает, что шесть с половиной дивизий потеряны для дальнейших операций. В центре фронта Манштейна не хватает шести с половиной дивизий. Рискованная ситуация.

И это положение подчеркивает важность советского успеха в Корсунь. Стратегические последствия этой победы были куда более важными, чем немецкие потери, хотя по сей день Советы посредством забавного жонглирования цифрами убитых и пленных превращают потери в главный результат Корсуньской битвы. Советский историк профессор Тельпуховский, например, исчисляет немецкие потери в 52 000 убитых и 11 000 пленных. Советская «История Великой Отечественной войны» говорит о 55 000 убитых и 18 000 пленных.

Это абсурдные цифры. Получается, что из 56 000 окруженных примерно 73 000 были убиты или взяты в плен. Документальные свидетельства представляют другую картину. Пришло время принять факты.

Ежедневный доклад 8-й армии на вечер 11 февраля 1944 года оценивает личный состав двух окруженных корпусов, включая русских добровольцев, в 56 000 человек. Из них в целом 2188 раненых были оставлены. Около 35 000 человек, согласно сведениям начальников штабов окруженных корпусов, вышли из окружения и были зарегистрированы приемными пунктами как прибывшие. Боевые журналы дивизий и полков тоже подтверждают эти данные. Их средние потери составили 20—30 процентов. Таким образом, в список потерь в Черкассах входят 18 800 человек. Нечего и говорить, что ни в какой баланс нельзя свести лишения, страдания и смерть. Трагедия этого заброшенного украинского холма, высоты 239, и Богом забытой реки Гнилой Тикич ушла в историю. Как и все ее стратегические последствия.

2. «Котел» Хубе

Доклад отдела иностранных армий Востока — Цейтцлер идет на хитрости — Между Припятью и Карпатами — 1-я танковая армия попадает в окружение — Манштейн предъявляет Гитлеру ультиматум — Столкновение в Бергхофе — Телефонный звонок от Хубе — Гитлер сдается — «На запад; приказ последует» — Жуков идет напрасно — Через четыре реки и сквозь две вражеские армии — Вперед, к разворачивающемуся кольцу — Встреча в Бучаче — Большая ловушка Сталина открыта — Удаление спасителя.

Командирский поезд Манштейна медленно проходил станцию Винница. Комендант станции и офицеры стояли на платформе, отдавая честь. Генерал-фельдмаршал в штабном вагоне с генералом Буссе и полковником Шульце-Бютгером работали с картами. Лейтенант Штальберг, дежурный офицер, держал папку с донесениями и радиосообщениями и передавал бумаги через стол, одну за одной.

Не нужно было быть пророком, чтобы прочесть на картах обстановки и во фронтовых донесениях самое мрачное будущее. Резервы группы армий израсходованы, подвижные дивизии сильно потрепаны постоянными боями. Пехотное наполнение главной линии обороны как у 8-й армии, так и у соседней с ней слева 1-й танковой армии, исключительно слабое. Лишь в районе между дельтой Днепра и Шепетовкой осталось нечто похожее на непрерывный фронт. Оттуда до болот Припяти, на участке более восьмидесяти километров, стоял единственный ослабленный армейский корпус, нюрнбергский 13-й корпус генерала Хауффе. На нем лежала тяжелая ответственность — оборонять от русских стратегически важную полосу твердой земли южнее Припятских болот. Вот уже несколько месяцев угроза на этом участке была достаточно серьезной, с тех самых пор как советская 13-я армия в середине ноября пересекла «мокрый треугольник» между Днестром и Припятью.

Хауффе, компетентному офицеру Генерального штаба, удалось замедлить продвижение противника, но не остановить. Теперь русские в составе шести армий находились в районе Ровно, почти на старой границе Польши. Они угрожали важному железнодорожному узлу Ковель с западной стороны болотистого района, и удар по северному крылу Манштейна казался неминуемым.

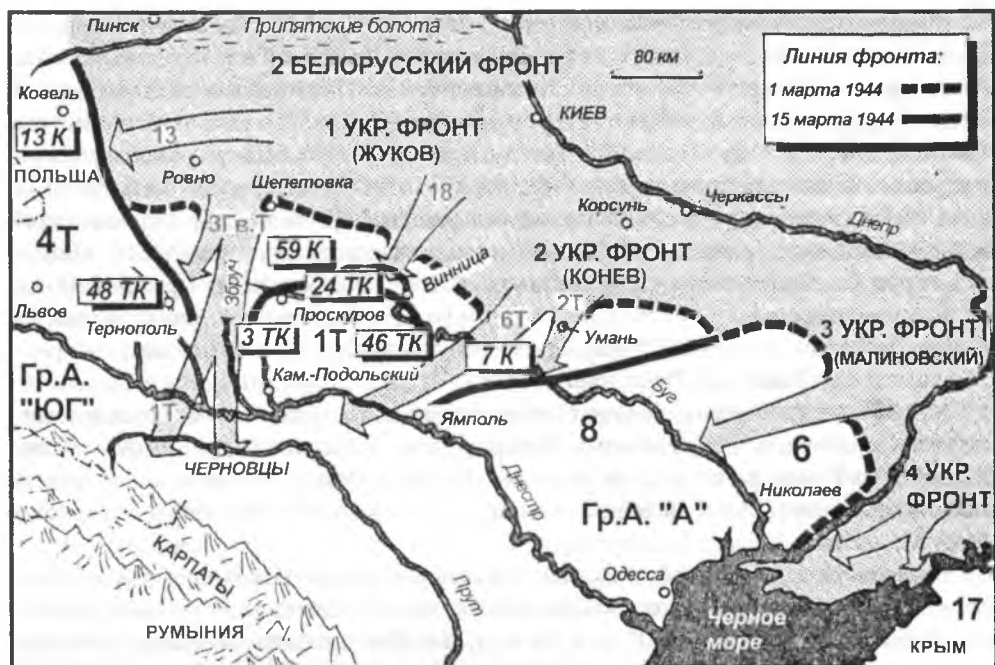
Генерал-фельдмаршала беспокоило угрожающее развитие событий. Из своих поездок на фронт 59-го армейского корпуса, которым командовал его бывший начальник штаба генерал-лейтенант Шульц, он знал, как сильно растянуты войска на самых передовых опорных пунктах. Снова и снова он предупреждал Ставку фюрера, настойчиво просил подкрепления и предлагал сосредоточить армию за угрожаемым районом Ровно.

Однако Гитлер только пожимал плечами: «Где мне найти эту армию?» Таким образом, опять предстояло выкручиваться самим. 4-я танковая армия, которой теперь после смещения Гота командовал австрийский танковый генерал Раус, занял позиции вокруг Тернополя. 1-ю танковую армию, в свою очередь, перебросили в район восточнее Шепетовки. Все, что теперь был в состоянии сделать Манштейн, дабы отвести угрозу окружения, это ослабить собственный центральный участок, переводя танковые соединения за северное крыло группы армий, чтобы быть готовым к худшему на этом участке. Танковую дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» перебросили в район южнее Шепетовки; 1, 6 и 16-ю танковые дивизии — на Буг, 11-ю танковую дивизию отвели.

Пока все хорошо. Однако эти импровизированные меры создали новую угрозу — отвод более половины танков от 8-й армии заметно ослабил и так слабую линию. А против 8-й армии в это время стояли советские армии 2-го Украинского фронта, которые Конев собрал для наступления на Корсунское окружение. Теперь после короткой передышки они снова были готовы к атаке. Шесть армий! Вёлер, напротив, практически не имел танков и, кроме того, потерял в Черкассах шесть с половиной дивизий. Факты говорят сами за себя.

Конев в результате получил реальный шанс овладеть Бессарабией и Румынией. Хотя удержать фронт было бы нетрудно, если бы Гитлер более энергично привлек наличные силы.

Никогда еще советские стратегические намерения не были так очевидны. Сосредоточение сил противника, география и политика полностью раскрывали планы России. Дезертиры и пленные предоставляли последние детали.

Карта 44. Опасный момент на немецком южном фланге весной 1944 года: советские войска наступают в направлении Карпат, окружают 1-ю танковую армию. Единственная цель оставалась на юге, на Днестре. Однако Манштейн приказал прорываться на запад.

Это подчеркивает один интересный документ. В начале марта Рейнхард Гелен, в то время полковник Генерального штаба, представил оценку ситуации, в которой четко описал намерения противника. На основе разведывательных данных Гелен проанализировал планы Ставки с поразительной точностью. Он доложил: «Русские готовы осуществить операцию на окружение немецкого южного фланга. С этой целью в ближайшее время 1-й Украинский фронт предпримет крупномасштабное наступление против нашего 59-го корпуса южнее Припятских болот, чтобы ударить в направлении на Польшу. Одновременно они повернут на юг к Днестру, чтобы обойти немецкий южный фланг.

2-й Украинский фронт Конева будет наступать из района Звенигородки, с целью прорвать ослабленную 8-ю армию, ударить в направлении Румынии и совместно с 1-м Украинским фронтом окружить силы наших 1-й и 4-й танковых армий, которые еще находятся восточнее Днестра».

Такова была оценка Гелена.

Однако Гитлер отказался признать эту очевидную опасность. Он остался глух ко всем предложениям и положился на весеннюю распутицу, которая, как он верил, парализует все крупномасштабные операции.

Но русский «генерал Грязь» не считал, что должен подчиняться Гитлеру, и задержался. Снег и дождь сменяли друг друга, температура колебалась около нуля, в результате продвижение противника, особенно ночью и утром, происходило без заметных задержек.

В «Вольфшанце» царило уныние. Как убедить Гитлера найти силы для разрешения столь опасной ситуации?

Цейтцлер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, шел на всяческие уловки. С надеждой он спрашивал Гитлера: «Мой фюрер, представьте, что вы русский, что бы вы сделали сейчас?» Единственный логичный ответ, как полагал Цейтцлер: «Пошел бы в наступление». Но Гитлер угрюмо ответил: «Ничего!» Глупо, и Гитлер понимал это, не хуже Цейтцлера. Но своим «ничего» он пытался прикрыть собственную несостоятельность. Он не желал уступать ни пяди земли. Крым? Нужно держать. Норвегия? Нужно держать. Венгрия? Нужно оккупировать. Италия? Нужно защищать. Франция? Ничего оттуда не выводить — напротив, добавить силы, чтобы быть готовыми к вторжению.

Гитлер желал оборонять все. Он забыл мудрость прусского Фридриха Великого, который сказал: «Тот, кто будет защищать все, не защитит ничего». Гитлер настаивал на своей стратегии «укрепленных центров» и требовал фанатичной обороны пунктов, которые он лично выбрал. Он верил, что подобные преграды могут остановить русский поток, как это случилось в Кольберге в 1807 году.

Утро 4 марта 1944 года, суббота, показало Адольфу Гитлеру, как жестоко он заблуждался. 1-й Украинский фронт, самая мощная группа армий Сталина, атаковал левое крыло Манштейна. Удар направлял маршал Жуков. Он заменил генерала Ватутина в конце февраля, после того как на Ватутину напали и серьезно ранили украинские националисты. Энергичный советский генерал Ватутин умер 15 апреля. Он был одним из лучших и одним из немногих в полном смысле слова современных военачальников, каких когда-либо выпускали академии Красной Армии. И этот выдающийся генерал сгинул в критический момент войны. Его место занял Жуков, приближенный Сталина и до того времени представитель советского Верховного Главнокомандования и координатор действий в решающих сражениях. Сей деятельный и жесткий маршал с этого момента и до конца войны оказывал сильное влияние на все военные операции на Восточном фронте.

Сражение началось. Жестокая битва между Припятью и Карпатами. Советская 13-я армия атаковала 13-й корпус генерала Хауффе и в тяжелом бою выбила с позиций его слабую пехоту. Южнее Жуков силами четырех армий ударил по 59-му корпусу генерала Шульца. Адской бомбардировкой он размолотил его позиции и, в конце концов, разорвал немецкий фронт. Ударные группы русских танковых армий устремились на юго-запад между отчаянно оборонявшимися опорными пунктами 7-й танковой дивизии и мимо позиций 96 и 291-й пехотных дивизий. Танковая дивизия СС «Лейбштандарт» немедленно контратаковала, но не смогла предотвратить глубокое вклинение. Двенадцать часов спустя Жуков бросил в пятидесятикилометровую брешь свою 18-ю армию.

Таким образом, немецкая 4-я танковая армия оказалась расколотой на две части. Формирования 13-го армейского корпуса были вытеснены на запад и северо-запад, тогда как 96 и 291-й пехотным дивизиям 59-го армейского корпуса пришлось отойти в сектор 1-й танковой армии.

Вот теперь тщательные приготовления Манштейна оправдались сторицей. Два танковых корпуса, сосредоточенные за северным флангом, — 3-й под командованием Брайта и 48-й корпус Балька — вовремя вышли на сцену и предотвратили худшее. Бальк перехватил разбитые немецкие соединения и медленно начал отступать в направлении Тер-

нополя. 7-я танковая дивизия, танковая дивизия СС «Лейбштандарт» и части 68-й пехотной дивизии встали в круговую оборону. 3-й танковый корпус Брайта ликвидировал вклинения противника. 59-му корпусу под прикрытием контратаки основной части 1-й танковой дивизии и полка тяжелых танков Бёка удалось вернуться на исходные позиции. Однако теперь настало время расплатиться за спасение северного крыла. Платить пришлось 8-й армии.

На рассвете 5 марта более 1000 орудий и минометов обрушили огонь на левое крыло 8-й армии в районе Умани. Потом пошли армии 2-го Украинского фронта Конева с 415 танками и 247 самоходными орудиями. Генералу Вёлеру нечем было действительно противостоять такой армаде. Его разбили, армии расчленили. Через пять дней танки Конева штурмом взяли ожесточенно обороняемую Умань, затем рванулись к Бугу. С поистине поразительной находчивостью они форсировали реку и продолжили продвижение в направлении на Днестр.

Одновременно еще две советские гвардейские армии, 5 и 7-я, пошли в наступление на Нижнем Днестре. Они сковали силы 6-й армии Холлидта и таким образом лишили Вёлера возможности получить какую-либо помощь из этого квадрата. Все операции этого наступления были великолепно скоординированы, как и предсказал полковник Рейнхард Гелен в своем анализе разведывательных данных.

16 марта Конев перерезал жизненно важную железнодорожную магистраль Львов—Одесса, парализовав главный путь снабжения немецкого южного крыла. К 17 марта ударные группы Конева форсировали 275-метровый Днестр, последнюю русскую реку перед Карпатами, и одновременно прошли на северо-запад, чтобы окружить немецкую 1-ю танковую армию. Катастрофа надвигалась со сверхъестественной быстротой. 26 марта русские передовые гвардейцы пересекли румынскую границу. Красная Армия ступила на землю Юго-Восточной Европы.

У Жукова дела подвигались не так стремительно, как у Конева. Немецкие танковые соединения оказали армиям 1-го Украинского фронта упорное сопротивление. 1-й танковой дивизии удалось освободить войска 96 и 291-й пехотных дивизий, которые были оттеснены на юго-восток. Полковник Чарли Ноймайстер, известный австрийский спортсмен, с батальоном веймарского 1-го мотопехотного полка и только что высадившимися с поездов солдатами, оборонял Старо-Константинов с такой стойкостью, что привел русских в отчаяние. Тем не менее фронт был прорван на участке 59-го корпуса между Шепетовкой и Ровно.

3-му танковому корпусу пока удавалось держаться на Буге мобильной обороной, танковые части и пехота 59-го корпуса в последний момент предотвратили окружение сил, отступающих на Проскуров. Однако ожесточенная оборона Старо-Константинова, Проскурова и Городка не могла изменить ситуацию. Бесконечный поток советской пехоты и танков полз на юг через грязь и притоки Днестра.

29 марта Жуков форсировал Днестр и взял древний буковинский городок Сернауты, теперь известный как Черновцы. Его соединения теперь широким фронтом вторглись в тыл группы армий «Юг». С востока соединения 2-го Украинского фронта Конева приближались к собственным передовым частям.

Кошмар, уже год преследовавший Манштейна и который он надеялся предотвратить, теперь становился реальностью. Это была катастрофа. 4-я танковая армия расчленена и отброшена на запад. 8-я армия разбита. 6-я армия на Нижнем Днестре отде-

лена и в нескольких местах расчленена армиями 3-го Украинского фронта Малиновского. И что хуже всего, 1-я танковая армия генерала Хубе оказалась в ловушке между Бугом и Днестром, от главных сил 4-й танковой армии ее отделяет брешь более 80 километров. Если 22 окруженные дивизии, среди которых лучшие танковые соединения, постигнет судьба Сталинграда, тогда уже ничто на земле не спасет 800-километровый южный фронт. Плотины прорвется, и Красная Армия ринется на запад, не встречая никакого сопротивления. Сталин стоял на грани достижения своего великого триумфа, к которому он стремился со времен Сталинграда. И Адольф Гитлер был в этом его лучшим союзником.

Его непомерные требования к боевым войскам, упрямые приказы «держаться», пагубные настояния защищать каждую пядь земли истощили силы Восточного фронта. Большинство дивизий уже отдали все силы в сражениях, непрекращающихся с момента начала «Цитадели». Настало время платить по счетам.

Это самая захватывающая фаза войны. В ней содержится секрет немецкого поражения, но она также делает очевидным трагический факт, что на Восточном фронте был испытанный в сотнях сражений немецкий генерал, который мог изменить ход событий самым коренным образом. В этот черный час между Бугом и Днестром он еще раз проявил свой талант — в последний раз. И это обстоятельство тоже превращает последнюю фазу в одну из великих глав истории Второй мировой войны.

23 марта Манштейн из своего штаба во Львове — или Лемберге, как называли его немцы, — запросил Гитлера быстро доставить подкрепление для восстановления связи с окруженной 1-й танковой армией.

В данный момент армию можно было снабжать только по воздуху, а Манштейн имел печальный опыт подобного рода. Сталинград служил одним из устрашающих примеров снабжения по воздуху, дела на Днестре складывались не лучше. В последнюю неделю марта разыгрались метели; к тому же в связи с отступлением аэродромы приходилось переносить практически каждый день. Генерал Хубе уже отдал приказ избавиться от любого балласта, чтобы каждую каплю горючего сохранить для танков и самоходных орудий. В момент кризиса самое главное было поддержать мобильность, пусть даже ценой потери материальной части, удобств и документов личного состава.

Таким способом Хубе пока был на ходу. Постоянными контратаками немцы не позволили противнику завершить окружение на севере и северо-западе. И достигли этого, несмотря на строгую экономию боеприпасов даже для личного оружия. Однако, вне всякого сомнения, это не могло продолжаться бесконечно.

Положение требовало быстро принять одно важное решение: когда и где совершать прорыв? И опять жизненно важное решение превратилось для фюрера в драму. Несколько дней Гитлер посвятил ведению операций на всех театрах военных действий из Берхтесгадена. С ближайшими соратниками он сидел в своем «Орлином гнезде» в Бергхофе, устремив взор на юг. Там разрастался кризис. Европейское южное крыло трещало по швам — за линиями союзников Германии в Болгарии, Румынии и, прежде всего, в Венгрии. Союзники проявляли раздражение. Это предвещало беду.

24 марта из Бергхофа пришел ответ на запрос Манштейна: 1-й танковой армии держать свой фронт на Буге и восстановить перерезанные тыловые коммуникации собственными силами.

Генерал-фельдмаршал во Львове пришел в ярость. Снова Сталинград, путь к катастрофе. Он немедленно связался с Бергхофом по специальной защищенной от прослушивания линии. Было 13.00 часов. Ответил генерал Цейтцлер.

Манштейн начал: «Приказ держаться и одновременно перекрывать огромную брешь между 1 и 4-й танковыми армиями невыполним. Будьте любезны проинформировать фюрера, что я отдам 1-й танковой армии приказ прорываться, если к 15 часам не получу его твердых гарантий, что мне будет выслано подкрепление».

Это был ультиматум, неприкрытая угроза неподчинения генерал-фельдмаршала своему главнокомандующему.

15.00 часов. Нет ответа из Бергхофа.

Время шло. Оно играло против 1-й танковой армии и на руку Жукову.

15 часов 30 минут. Начальник оперативного отдела группы армий «Юг» составлял предварительный приказ на прорыв 1-й танковой армии. Задачу 1-й танковой армии изменили уже накануне, генералу Хубе было приказано восстановить связь с 4-й танковой армией на реке Серет. Попросту говоря, это означало: «Готовьтесь прорываться на запад».

16 часов. Телефонограмма из Бергхофа. Офицер оперативного управления уполномочен передать следующее: фюрер санкционирует восстановление 1-й танковой армии ее западных связей, однако продолжает настаивать на удержании фронта, какой он есть на настоящий момент.

Когда генерал Буссе передал сообщение генерал-фельдмаршалу, Манштейн холодно заметил: «Расплывчатый ответ. Прорывайтесь и в то же время держитесь. Хотел бы я знать, как это можно сделать».

Буссе кивнул: «Как в Сталинграде». Буссе был прав. Тогда, в декабре 1942 года, Гитлер тоже наконец согласился на прорыв 6-й армии при условии, что она одновременно удержит Сталинград и свои позиции на Волге. Вследствие этого невыполнимого условия спасение 6-й армии оказалось невозможным. Неужели эта катастрофа повторится с 1-й танковой армией? Манштейн твердо решил любой ценой не допустить ничего подобного.

Он еще раз позвонил Цейтцлеру:

— Приказ фюрера невыполним. Разве не понятно?

— Не для меня, — ответил Цейтцлер. — Однако фюрер по-прежнему не осознает всей опасности положения.

— Вот как? — сказал Манштейн. — В таком случае я буду действовать, как того потребует обстановка.

24 марта телетайпным сообщением № 58683/10 в 17 часов 35 минут Манштейн передал в 1-ю танковую армию предварительный приказ на прорыв в западном направлении. Полчаса спустя о приказе проинформировали Гитлера. Однако он не обрушил проклятий на голову Манштейна. В 19.00 он вызвал Шмундта: «Срочно сообщите Манштейну, чтобы он прибыл сюда завтра доложить обстановку». И Шмундт отправил генерал-фельдмаршалу срочную радиogramму, полученную во Львове в 19.30: «Фюрер приказывает генерал-фельдмаршалу фон Манштейну прибыть к нему с докладом в Бергхоф завтра, 25 марта».

Огромное окно в гостиной Гитлера в Бергхофе превращало обшитую панелями комнату в открытую сцену. Фоном был пейзаж Берхтесгадена. На этой сцене Манштейн

собирался скрестить шпаги с Адольфом Гитлером. Здесь, на первозданном фоне гор, произойдет сражение, в котором решится судьба двадцати двух дивизий, или более 200 000 тысяч человек, станет ясно, что их ждет — спасение или гибель.

Полковник Шульце-Бютгер разложил карты на большом столе у окна. Манштейн доложил ситуацию. С убедительной логикой он изложил свое требование: 1-я танковая армия наступает своими танковыми силами в западном направлении через две советские армии в тылу южного фронта и таким образом соединяется с 4-й танковой армией. Для этого она должна отвести свои восточный и северо-восточный рубежи. Однако, принимая во внимание наличные силы, эта операция может успешно завершиться только при том условии, что 4-я танковая армия пройдет на восток навстречу силам 1-й танковой армии примерно половину их пути прорыва. В конце концов, придется покрыть почти восемьдесят километров контролируемой противником территории. Для этой цели 4-й танковой армии, в настоящее время ведущей тяжелые бои в районе Тернополья, необходимо свежее подкрепление в составе, по меньшей мере, одного танкового корпуса.

Гитлер молча выслушал, держа руки на столе. Теперь он поднялся и набросился на Манштейна: «И где я должен взять подкрепление для 4-й танковой армии? Во Франции неминуемо вторжение — я не могу вывести оттуда ни единого батальона. В Венгрии ненадежное отношение Хорти делает необходимым военную оккупацию, и я не отведу оттуда ни единого полка без риска нарваться на грязные политические происки Хорти. И поскольку вы сами сказали, что прорыв может быть успешным только в случае удара 4-й танковой армии свежими силами на восток, весь разговор теряет смысл. 1-я танковая остается там, где она находится, и расчищает свои тылы собственными силами. Другого выхода нет».

Гитлер прорывал эти предложения яростно и быстро. В раздражении он вылил на генерал-фельдмаршала целую лавину обвинений — в том, что тот растратил свои резервы, что постоянно требует пополнения на важные операции и сомнительные. «Вы все хотите руководить. А в результате постоянно отступаете дальше и дальше».

Манштейн побагровел. Присутствующих охватила дрожь. Сейчас они схватятся. Генерал-фельдмаршал принял вызов. Ледяным тоном, намеренно спокойно он проговорил: «Вы, мой фюрер, только вы виноваты в том, что произошло. Восемь месяцев вы ставите нашим силам на южном фланге одну стратегически невыполнимую задачу за другой. Чтобы справиться с ними, не предоставляете ни необходимого подкрепления, ни свободы действий. И если уж вы так поступали, то не сетуйте теперь на катастрофичность ситуации. Ответственность за нее полностью лежит на вас».

До того как Гитлер смог собраться и ответить ему, Манштейн продолжил: «Однако никакие счета уже не могут изменить ситуации. Я должен отдать приказ на прорыв 1-й танковой армии сегодня — иначе она обречена. Прошу вашей санкции».

Цейтлер не успел вмешаться, как Гитлер развернулся. Выходя, он произнес: «Я не могу согласиться с вами. Мы обсудим остальные проблемы на вечернем совещании». И покинул комнату. Он оставил после себя атмосферу всеобщего смятения. Манштейн спокойно вышел в небольшую оранжерею, подошел к генералу Шмундту, адъютанту и военному наперснику Гитлера, и проговорил: «Соблаговолите проинформировать фюрера, чтобы он доверил кому-нибудь другому командование группой армий, если находит, что не может согласиться с моими взглядами». Застегнул ремень, надел фуражку и вышел.

Карта 45. Маршал Жуков ожидал, что 1-я танковая армия будет прорываться в южном направлении, через Днестр. Поэтому он перебросил свои основные силы на юг, чтобы там перехватить Хубе. Однако немецкий корпус ударил в западном направлении. Жуков слишком поздно осознал свою ошибку.

Манштейн остановился в берхтесгаденском «отеле». Как только он вошел в комнату, раздался телефонный звонок. Звонил генерал Буссе из Львова. После схватки с Гитлером Манштейну предстояло объясняться с генералом Хубе. Этот замечательный командующий 1-й танковой армией донимал штаб группы армий, требуя разрешения на прорыв — однако не на запад, а на юг, через Днестр, где на рубеже примерно в сто километров фронт окружения образовывали только река и незначительные советские разведывательные силы.

У Хубе были веские аргументы за прорыв на юг, вопреки его первоначальному плану. Только 24 марта он отдал приказ, в соответствии с идеей Манштейна, на прорыв в западном направлении севернее Днестра, прикрывая северный и восточный фронты. Но 25 марта ситуация изменилась к худшему. Глубокое вклинение противника юго-западнее Проскурова было быстро развито на юг, в результате оказались отрезанными части 59-го корпуса и 3-й танковый корпус. Противник блокировал дороги в западном направлении и угрожал Каменец-Подольскому и Хотину.

Командующий 1-й танковой армией и его начальник штаба, полковник Карл Вагнер, сошлись во мнении, что изменение ситуации лишило армию свободы действий.

Теперь, когда освободившиеся на севере силы придется бросить на ликвидацию угрозы южнее Каменец-Подольского, прорыв в западном направлении представлялся слишком опасным. Взвесив все возможности, они решили, что меньший риск представ-

ляет прорыв на юг, где все инженерно-саперные батальоны и мостостроительные колонны уже сосредоточились на Днестре. Вот соображения, которые Хубе изложил по телефону начальнику штаба Манштейна Буссе и которые Буссе теперь передавал генерал-фельдмаршалу в Бертехгаден.

Разумеется, соблазнительная идея выводить окруженную армию без кровопролитного сражения через все еще свободный Днестр. Гораздо соблазнительнее, чем прорыв на запад, где полдюжата рек и придется сразиться с двумя первоклассными советскими армиями. Прорыв на юг, конечно, куда меньший риск. А Хубе слишком хорошо знал, какой риск сопряжен с прорывом через сильную армию противника. Трагедия Черкасс происходила на глазах 1-й танковой армии. Хубе не хотел, чтобы его дивизии столкнулись с подобного рода испытаниями: вот почему он настойчиво требовал немедленного согласия Манштейна на прорыв в южном направлении.

Однако Хубе не имел возможности адекватно оценить общее развитие обстановки. Если его армия отойдет на юг, брешь между ней и 4-й танковой армией станет огромной, и русские наконец получат открытый путь в Галицию. Им останется только продолжать движение.

А что выиграет 1-я танковая армия? Ничего. К 25 марта передовые танковые части Жукова и Конева уже были южнее Днестра. Главные силы 1-го и 2-го Украинских фронтов подтягиваются форсированными маршами.

Таким образом, 1-я танковая армия, выйдя из окружения севернее Днестра, попадет в другой мешок, еще более опасный, поскольку в тылу будут непроходимые Карпаты.

Манштейн видел эту опасность. Что еще важнее, он видел стратегическую необходимость не допускать расширения бреши между 1 и 4-й танковыми армиями. Какой смысл в отходе 1-й танковой армии в безвыходные склоны Карпат, если русские вследствие этого спокойно пойдут через Галицию в Бреслау и Прагу?

Нет — Хубе придется пробиваться на запад. Его путь должен пройти прямо между двумя советскими армиями, спешащими на юг. Это приведет к боям, но кроме спасения армии принесет стратегическое преимущество, поскольку армии Жукова, в свою очередь, окажутся отрезанными от своих тыловых коммуникаций и парализованными. Спасение 1-й танковой армии станет в то же время основой общего оздоровления ситуации. Это был план Манштейна.

Генерал-фельдмаршала обвиняют, что его план был авантюрой. Подобная критика недооценивает Манштейна как стратега. Он никогда не путал дерзость с азартной игрой или прозорливость с безрассудством. Группа армий в прорыве на запад видела не только необходимость, но и реальный шанс на успех.

Решающим фактором выбора западного направления, кроме стратегических соображений, послужил тот факт, что группа армий располагала информацией о расстановке сил противника. Манштейн знал о намерениях Жукова вплоть до последних деталей. Полковник фон Бламродер, офицер разведки группы армий, прослушивал штаб советского фронта, который прорвал немецкий фронт. Персонал Бламродера выяснил частоты русских передовых радиопередатчиков и расшифровал коды штаба. Бламродер, таким образом, читал все приказы и донесения советских 1 и 4-й танковых армий в районе прорыва южнее Тернополя. Расшифрованные радиogramмы раскрыли все передвижения, дневные цели и, главное, силы соединений Красной Армии.

В довершение удачи людям Бламродера также удалось перехватить и расшифровать радиogramмы начальника снабжения 1 и 4-й танковых армий Жукова. В результате Манштейн знал об этих двух армиях больше, чем сам маршал Жуков. Дважды в день штаб Манштейна точно информировали, сколько боеспособных танков имеет каждая танковая бригада Красной Армии. Это была идеальная форма разведки. Манштейн как будто сидел за рабочим столом Жукова.

Вот еще одна иллюстрация, где в современной войне находятся самые важные и самые надежные источники информации — источники, чье количество и качество информации заставит позеленеть от зависти любого агента — виртуоза шпионажа. А что говорить о скорости, с которой подобная информация пересекает границы! Какой великолепный разведчик может сравниться с этой техникой? Манштейн находился в огромном преимуществе.

Жуков скомандовал: «1-й танковой армии наступать к Днестру в направлении на Черновцы». «Хорошо», — принял к сведению Манштейн. Следующий приказ Жукова: «4-й танковой армии ждать подхода своих пехотных дивизий». Еще лучше — теперь известно, что севернее Верхнего Днестра у русских есть слабый участок, полоса советской 4-й танковой армии — раз ее пехота еще не подтянулась.

Из радиопереговоров противника выяснилось, что Жуков твердо рассчитывает на немецкий прорыв на юге через неконтролируемый район берега Днестра. Действительно, он явно хотел побудить Хубе предпринять именно такой шаг и соответственно планировал собственные операции. Однако Манштейн не собирался оказывать Жукову подобной услуги. Вот почему, несмотря на все возражения Хубе, Манштейн дал приказ на прорыв в западном направлении.

25 марта в Берхтесгаден, когда генерал-фельдмаршал с начальником оперативного отдела штаба еще раз просматривали свои записи телефонного разговора с Буссе, Шульце-Бютгер заметил: «Нужно подробно объяснить Хубе наши основания. Может быть, стоит отправить к нему кого-нибудь».

Манштейн покачал головой. «Нет времени. Не сомневаюсь, что Буссе ясно пояснил Хубе и Вагенеру, почему мы не согласны с их оценкой обстановки и из каких соображений пробиваться надо на запад, а никак не на юг».

Около 19 часов 30 минут генерал-фельдмаршал еще раз отправился в Бергхоф, на сердце у него было тяжело.

«Весной пахнет», — пытался Шульце-Бютгер завязать разговор в машине. Генерал-фельдмаршал поднял глаза на горы в снежных шапках. Весна? На Востоке, где сейчас на волоске висит судьба 1-й танковой армии, на несколько дней вернулась зима, с ледяным ветром, метелями и сильным морозом. Удастся ли ему вывести дивизии Хубе из белого ада Каменец-Подольского? Манштейн размышлял: «Сейчас войска, должно быть, перегруппировываются, чтобы начать прорыв на запад двумя параллельными группами, к рекам Серет и Стрипа, как только будет получен сигнал. — Манштейн держал всю обстановку в голове. План был хорош. — Генерал Хубе, взявший штурмом Сталинград, — один из самых бесстрашных боевых командиров. Да и войска готовы на все. Должно получиться. — Улыбка освещала лицо Манштейна, он чувствовал подъем. В воображении он проделывал все, что предстоит Хубе: — 46-й танковый корпус держит южный фронт кольца и отражает все советские попытки окружения. 3 и 24-й танковые корпуса, 59-й армейский корпус постепенно отдаляются друг от друга и двумя больши-

ми клиньями наступают на запад, к Серету и потом к Стрипе. Туда, к ним навстречу, пробьется 1-я танковая армия. Вот как это должно быть сделано».

На ступеньках входа в Бергхоф маршала поприветствовал генерал Шмундт и передал ему телетайпное сообщение, несколько минут назад полученное от генерала Буссе из Львова: 1-я танковая армия снова запрашивает «разрешения на прорыв в южном направлении». Хубе направил запрос в штаб группы армий в 19.20. В последнем предложении говорилось: «Прорыв на запад невозможен из-за особенностей местности».

Хубе имел в виду не только четыре крупные реки, текущие с севера на юг, но и тот факт, что русские плотно контролировали основные пути отступления, и ситуация на северном фронте кольца заметно усугубилась после глубокого прорыва противника. Силы, нацелившиеся на прорыв, теперь должны были сдерживать русских. Призрак Сталинграда!

Генерал Хубе, как докладывал Манштейну Буссе, уже направил своему корпусу предварительный приказ прорываться в южном направлении, отменив предыдущие директивы ориентироваться на запад. Как только будет получено кодовое слово «Литцман», операция начнется. И Хубе теперь запрашивал разрешения генерал-фельдмаршала немедленно дать сигнал.

Манштейн молча прочел срочное сообщение, затем передал его Шульце-Бютгеру. Не говоря ни слова, прошел за Шмундтом в большую комнату, где Гитлер у камина разговаривал с Кейтелем.

Когда Манштейн поднял руку в приветствии, Гитлер, улыбаясь, пошел ему навстречу и сердечно поздоровался. Не осталось и следа от его прежней ледяной неуступчивости, это, казалось, был совсем другой человек. Он проговорил: «Манштейн, я все обдумал и принимаю ваш план прорыва 1-й танковой армии в западном направлении. С тяжелым сердцем, но я все-таки решил передать 4-й танковой армии 2-й танковый корпус СС с 9 и 10-й танковыми дивизиями СС из Франции, а также 367-ю пехотную дивизию и 100-ю горнострелковую дивизию из Венгрии. Я перебрасываю эти формирования немедленно, чтобы Хубе мог встретить контратакой в районе юго-западнее Тернополя».

Манштейн внимал с изумлением. И облегчением. Он выиграл день. Гитлер отступил по всему фронту. Здравый смысл победил. Разумеется, Манштейн еще не знал, какую цену фюрер заставит его заплатить за это торжество. Манштейн был достаточно мудр, чтобы не выпячивать своего триумфа. Он делал вид, что это решение — результат анализа ситуации, тщательно проделанного Гитлером. Теперь генерал-фельдмаршал изложил фюреру детали операции. Освобождение двадцати двух дивизий предстало как составная часть нового стратегического плана. Его целью являлось восстановление прочной линии фронта между Карпатами и болотами Припяти соединениями 1-й танковой армии и усиленной 4-й танковой армией. 8-я армия вместе с 6-й армией группы армий «А» образуют щит на подходах к Румынии. Перевалы в Карпатах держит венгерская армия. Если этот план будет успешно осуществлен, главная опасность окажется позади.

Но на данный момент все зависит от того, освободится ли 1-я танковая армия от мертвой хватки противника. Она должна прорываться на запад, а не на юг, как планирует Хубе. Через сорок минут после полуночи, в конце долгого дня в горной крепости Гитлера, Манштейн радировал Хубе: «На запад: приказ последует. Манштейн». Жребий был брошен.

В 02 часа 50 минут Шульце-Бютгер, начальник оперативного отдела Манштейна, отослал по телетайпу окончательный приказ 1 и 4-й танковым армиям. Его отправили и в 8-ю армию, для информации. Началось большое рискованное предприятие — переброска целой окруженной армии, постоянно ведущей бои, на расстояние почти в сто километров к западу, через две вражеские армии и четыре большие реки.

Уже совсем ночью, устав после дня сражений с Гитлером, Манштейн отправился по серпантинной дороге из Бергхофа в Берхтесгаден. Следующим утром он вылетел обратно во Львов. Несколько часов спустя он был с 4-й танковой армией, в штабе генерала Рауса. Там уже планировали освободительный контрудар на Серет. Раус, правда, беспокоился по поводу окруженного в Тернополе гарнизона, но нанесение большого удара было сейчас важнее.

В кольце тоже активно готовились к прорыву. 4-й воздушный флот генерала Деслоха обеспечивал поставки. Миссией руководил генерал Морцик, ответственный за транспортные самолеты. 26 и 27 марта возникали затруднения, но потом все пошло гладко — топливо, боеприпасы и продовольствие доставили, раненых вывезли.

Крупные силы Жукова тем временем ждали Хубе южнее Каменец-Подольского на Днестре. Там Жуков намеревался перехватить немецкие соединения, если — а он верил, что будет так, — они попытаются отступить через Днестр. И какой он готовил им прием! Остатки немецкого южного фронта погонят в Карпаты. Умный план. Не считая, что немцы не собирались ему следовать.

Но Жуков был в себе уверен. Он перебросил на южный берег Днестра 1-ю танковую армию со всеми ее мобильными корпусами, атаковал Черновцы, Коломью и Станислав. Таким образом, ожидая, что немцы будут прорываться на юг, он фактически отвел от кольца окружения свои главные силы. Пагубная ошибка. Когда они понадобились ему на севере, на решающем театре военных действий, перебросить их было уже невозможно.

Генерал Хубе с начальником штаба полковником Вагеном тем временем сидели в крестьянском доме в Дунаевцах, северо-восточнее Каменец-Подольского. Они поняли, что дела идут совсем неплохо. Группа Мауса своими тремя дивизиями уже почти соединилась с 4-й танковой армией. 1-я танковая дивизия продолжала удерживать угловой пункт — Городок. 59-й корпус овладел районом Фрамполь-Ярмолинцы. 17-я танковая дивизия атаковала Каменец-Подольский. Воздушные поставки происходили бесперебойно. Внутри мешка командир транспортных самолетов организовал свои так называемые специальные отряды — четыре человека со всем необходимым оборудованием для разметки посадочных полос и точек сброса. Они располагали радиомаяками, посадочными огнями и разного рода сигнальными ракетами. Каждый день, в соответствии с передвижениями армии, они размечали посадочные полосы и точки сброса. Много изменилось со времен Сталинграда. Теперь операцию строили на организации дела, а не на пустых обещаниях.

Хубе и Вагнер знали об этом, однако знали и то, что метания во время подготовки прорыва — сегодня на запад, завтра на юг — ослабили моральный дух войск. Теперь было важно восстановить их доверие. И поэтому в ночь с 27 на 28 марта всем окруженным частям отправили следующую радиограмму: «1-я танковая армия прорвется и на своем пути одолеет любого врага». Это была правильная нота — боевой клич для войск.

Армия образовала две группы прорыва. Северной, группе фон Шевалери, предстояло прикрыть северный фланг, создать плацдарм за рекой Сбруч, затем овладеть основ-

ными переправами через Серет и держать их открытыми. Южная группа прорыва, группа Брайта, должна была выбить противника из района Каменец-Подольского и прорваться через Сбруч на Окопы.

29 марта передовые ударные группы северного клина прорыва, как фантастический охотник, устремились в направлении на Сбруч. Передовые подразделения вестфальской 16-й и тюрингской 7-й танковых дивизий подавили сопротивление противника. 1-я танковая дивизия, отходившая с фронта после них, догнала арьергард 24-го танкового корпуса.

И у южной группы наступление шло по плану. 17-я танковая дивизия генерала фон Медена и 371-я пехотная дивизия ударили на юго-запад. Восточнопруская 1-я пехотная дивизия и баден-вюртембергская 101-я горнострелковая дивизия, действуя как арьергард 46-го танкового корпуса, совместно с частями танковой дивизии СС «Рейх» сковали северное крыло 2-го Украинского фронта Конева. Кольцо окружения пришло в движение. Оно изменило свою форму. Повторилась процедура операции в Черкассах — ось, первоначально ориентированная на север—юг, была развернута в направлении восток—запад. Что бойцу в его ударной группе, взводе или роте, должно быть, казалось полным хаосом или неподготовленной импровизацией, на карте обстановки выглядело чудом стратегической координации и подтверждало искусное руководство наверху и безукоризненную дисциплину до самого последнего солдата.

Успешное начало вдохновило. Группа Шевалери создала несколько плацдармов за рекой Сбруч — один в Скала даже с неповрежденным мостом. Первая фаза захвата противника врасплох удалась. Она удалась, потому что Жуков недостаточно плотно перекрыл кольцо на западе. А причина, почему он этого не сделал, крылась в его уверенности, что Хубе будет прорываться на юг. Когда маршал понял свою ошибку, время уже ушло. Для решающего сражения операции прорыва на фланге 1-й танковой армии он сумел перебросить с южного берега Днестра лишь один танковый корпус. Этого было недостаточно.

Напрасно Жуков по телефону орал на командиров корпусов своей 1-й танковой армии: «Разворачивайтесь! Обратно на север!» Однако погода и дороги тоже воевали против русских. Было просто невозможно снова перебросить на северный берег Днестра достаточно сил, чтобы вовремя и эффективно блокировать переправы через Сбруч и Серет. Поздно.

В этой ситуации Жуков попробовал компенсировать свою роковую ошибку, прибегнув к нелепой и топорной психологической войне. Возможно, хоть эта уловка приведет его к победе. Должно быть, маршал страшно разозлился или окружил себя дурными советчиками, если рассчитывал на успех подобного предприятия. 2 апреля в 10 часов 56-й танковый корпус, 3-й танковый корпус и многие штабы дивизий получили открытую радиограмму на немецком языке — слова, по крайней мере, были немецкие — следующего содержания:

(1) Чтобы избежать дальнейших жертв, я предлагаю прекратить бессмысленное сопротивление до конца дня 2 апреля и капитулировать со всеми вспомогательными частями. Вы окружены со всех сторон, надежды беспочвенны. Из окружения вам не вырваться.

(2) Если вы не капитулируете до конца дня 2 апреля 1944 года, каждый третий, не принявший предложения положить конец бессмысленному сопротивлению, будет расстрелян. Это наказание за бессмысленное сопротивление. Сдаваться группами, вы окружены в три кольца. Каждый офицер, добровольно прекративший сопротивление, сохранит оружие, награды и транспорт.

Маршал Советского Союза,
командующий фронтом Жуков

Не успели немецкие командиры прийти в себя от изумления по поводу этой дикой чуши, как в 13 часов от русских поступила дополнительная радиограмма. По всей вероятности, более компетентные в немецком языке советники получили известие о панической акции Жукова и попытались несколько причесать устаревшую тарабарщину первоначальной радиограммы. В новой говорилось:

В 11 часов был передан искаженный перевод следующего предложения командующего фронтом, маршала Советского Союза Жукова. Следует читать так: немецкие солдаты и офицеры, добровольно сложившие оружие, могут рассчитывать на достойное обращение. Расстреляны будут только те командиры, причем перед строем своих частей, которые, несмотря на то что предложение маршала адресовано им, откажутся прекратить сопротивление к концу сегодняшнего вечера. Они будут наказаны за бессмысленное пролитие крови вверенных им войск.

Маршал Советского Союза,
командующий фронтом Жуков

В лингвистическом смысле радиограмма теперь была абсолютно корректной, но по-прежнему оставалась весьма сомнительной в смысле военных традиций. На поверку угроза укрепила, а не ослабила боевой дух немецких войск.

Между Днестром и Серетом мела пурга, на дорогах сплошные запасы. Однако решимость солдат только возрастала. Конечно, они подчас выходили из себя и сыпали проклятиями, для дурных офицеров настали тяжелые времена. Но такая погода давала одно преимущество — силы Красной Армии вставали на их пути лишь изредка. Еще более впечатляющим был успех немецких Люфтваффе, которые, несмотря на погоду, продолжали поставки. Практически не чувствовалось недостатка горючего или боеприпасов — машины генерала Морцика, ответственного за транспортные полеты, вылетали каждую ночь. Ночью была лучше видимость, и не было советских истребителей. Русские не имели возможности поднимать ночные истребители.

Однако продовольствия не доставлялось ни крошки. Еду войска должны добывать сами. Им приходилось обходиться тем, что найдут, и собственными ресурсами армии, в кои входили и несчастные лошади, почти всех их съели.

4 апреля был удачный день. После ночного мороза дороги затвердели, все передвижения происходили без затруднений. Дивизии получили достаточно боеприпасов и топлива, воздушный мост работал превосходно. Арьергард группы Брайта уже подходил к Сбручу. Хорошо продвинулась 1-я танковая дивизия. 7-я танковая дивизия наступала на важную дорогу Чертков—Бучач.

«Наших еще не видно?» — спрашивали солдаты и офицеры. Пока нет. Но штабы уже получили сообщение из группы армий с точными указаниями, как совершать соединение с освободительными силами 4-й танковой армии у Бучач на реке Стрипа. Группа Шевалери перекрывает для противника Серет у Черткова и прикрывает северный фланг западнее реки. Крупные передовые отряды возьмут дорогу Чертков-Бучач и будут держать ее открытой. Тем временем группа Брайта займет переправы через Стрипу и откроет переправу у Бучач с юга. Для защиты южного фланга переправы через Днестр будут блокированы и мост взорван.

План был выполнен. Это звучит так просто. Но успешное выполнение плана обеспечили огромные усилия, трудовые и боевые. Безымянный героизм современной войны на уничтожение не имеет в себе ничего романтического. Сверхчеловеческие усилия солдат того времени заставляют содрогнуться, когда о них читаешь сегодня.

Майор Удо фон Альвенслебен, офицер разведки 16-й танковой дивизии, в своем дневнике описывает рейд, в ходе которого 1-я танковая дивизия 2 апреля захватила два 60-тонных моста через Серет.

Как в старые времена блицкрига — стремительно, смело, мощным ударом. Но в каких условиях было совершено это дело? Альвенслебен пишет: «Солдаты привязали подошвы веревками, потому что быстрый марш — половина победы. Еды практически нет. Горсть снега часто единственное подкрепление. Хуже всех раненым. В машины берут только с серьезными ранениями; все остальные, даже с ранениями ног, вынуждены идти. Многие сдаются. Многих не находят, и они умирают, одни, рядом с грязной дорогой, или выбирают печальный жребий плена». Картина Альвенслебена характерна для всех дивизий в мешке Хубе.

5 апреля в штабах 1-й танковой армии напряжение возросло. Сможет ли освободительная группа 4-й танковой армии прорвать с запада советскую оборону? Им предстояло покрыть пятьдесят километров. Только пятьдесят километров. Навстречу Хубе двигался 2-й танковый корпус СС, который Манштейн вырвал у Гитлера во время драматичной стычки в Бергхофе, в его составе были две танковые дивизии СС («Фрундсберг» и «Гогенштауфен») и 100-я горнострелковая дивизия. Они двигались вперед через грязь и русские линии. В середине дня Хубе получил радиogramму от Манштейна: «2-й танковый корпус СС, наступающий с севера на запад в направлении на Бучач, в настоящее время преодолевает препятствия».

Преодолевает препятствия. Хубе выругался.

Жуков тем временем безуспешно старался ударить во фланг группы Брайта силами своего 11-го гвардейского танкового корпуса, который он спешно перебросил через Днестр обратно на север. Однако ничего не получалось. Группа Брайта подбила тридцать пять танков, нанесла большой урон корпусу и отбросила его обратно за Днестр. На сей раз Жуков стал жертвой «слишком мало и слишком поздно».

После морозной и ветреной ночи наступил рассвет 6 апреля. Гранатометчики рейнвестфальской 6-й танковой дивизии пробивались к Бучачу. Русские бригады 4-й танковой армии упорно оборонялись, но бойцы 114-го мотопехотного полка майора Сталя знали, что наступило время идти до конца. Они сражались как обреченные. И взяли город. Дивизии Хауссера тоже знали, что самое главное — не дать противнику перевести дух и не потерять скорости.

В 17 часов сломила последнее сопротивление противника и вошла в город 10-я танковая дивизия СС, дивизия «Фрундсберг» под командованием генерал-лейтенанта фон Тройнфельда. Через пять минут солдаты «Фрундсберга» и 6-й танковой дивизии хлопали друг друга по спине: «Мы смогли!» Связь с основными силами, нарушенная в течение двух недель, была восстановлена. Окружение, державшее 200 000 человек, прорвано. Ловушка Сталина открыта.

Однако человек, разработавший этот план, сломивший упрямство Гитлера и еще раз предотвративший катастрофу на южном крыле, уже не получил радостной радиogramмы: «Связь восстановлена». Манштейн был смещен. Лучший стратегический ум немецкого Вермахта был оставлен не у дел. 30 марта Гитлер вызвал его в Берхтесгаден. Нацепив ему Рыцарский крест, он объявил: «Я решил расстаться с вами и назначить кого-нибудь другого в группу армий». После наступившей паузы добавил: «Время операций закончилось. Теперь мне нужны люди, которые могут твердо держаться».

Это была месть Гитлера за поражение в Бергхофе 25 марта.

Время операций закончилось! Гитлер так же мог сказать: «Война проиграна». Потому что когда это можно довести войну до успешного завершения без операций? Места Манштейна и генерал-фельдмаршала фон Клейста, который тоже был смещен, заняли два «твердых защитника», опытные и жесткие руководители обороны Модель и Шернер. Модель принял командование группой армий Манштейна, которую немедленно переименовали в группу армий «Северная Украина». Шернер возглавил бывшую группу армий «А», теперь названную группой армий «Южная Украина».

Генерал-полковник Хубе, командующий 1-й танковой армией, прожил после спасения своей армии только две недели. Он погиб при трагических обстоятельствах, его самолет разбился, когда он возвращался от Гитлера, получив Рыцарский крест. Скорбный конец для отважного офицера и выдающегося боевого командира.

Соединение в Бучаче, разумеется, было только началом собственно операции по прорыву. Ударные группы 6-й танковой дивизии генерала фон Вальденфельса в Бучаче находились в уязвимом положении и были снова отрезаны от корпуса Брайта стремительным наступлением советской 4-й танковой армии. Дивизии корпуса застряли на грязных дорогах, дивизия «Фрундсберг» тоже потеряла связь со своим корпусом. И 600 тонн предназначавшихся для 1-й танковой армии грузов, которые следовали за корпусом Хауссера, все еще были далеко. По этим ужасным дорогам колонны продвигались крайне медленно.

Жуков не оставлял надежды снова нарушить недавно восстановленную связь между немецкими соединениями. Однако военная удача опять сопутствовала Моделю. Смелыми и дальними операциями после перегруппировки своей группы армий ему удалось не только завершить освобождение 1-й танковой армии, но и стабилизировать фронт на южном крыле.

По всей вероятности, Жуков был немало удивлен, когда прямо в середине его триумфального наступления ему нанесли сокрушительные удары. 3-й танковый корпус Брайта разбил советские войска на северном берегу Днестра и оттеснил четыре русские стрелковые дивизии обратно за реку. 2-й танковый корпус СС атаковал через реку Стрипа, отвоевал почти шестнадцать километров территории и вынудил пять советских танковых корпусов и четыре стрелковые дивизии отойти на линию обороны северо-восточнее Бучача.

24 и 46-й танковые корпуса и 59-й армейский корпус Модель отвел обратно к реке Стрипа. Таким образом, 1-я танковая армия снова оказалась в сплошном фронте, и самая крупная операция по прорыву во Второй мировой войне завершилась. Армия Хубе не только была спасена, но и уже снова вела бои, как оборонительные, так и наступательные. Опасная брешь севернее Днестра была ликвидирована.

Для русских исход этой великой битвы между Днестром и Серетом оказался горьким разочарованием. Наступление Жукова, такое многообещающее вначале, захлебнулось. Несмотря на огромное превосходство в силах, советский маршал не только не достиг своей цели, но и понес тяжелые потери во время финальной фазы сражения. Он просчитался, был слишком уверен в победе и недооценил все еще значительную мощь и военное мастерство немцев. И получил урок.

3. Битва в Крыму

Политика и стратегия — Эвакуация запрещена — Военно-морской флот гарантирует 50 000 тонн — Сталин боится пикирующих бомбардировщиков — 17-я армия ждет — Бой на Турецком валу — Кодовое слово «Орел» — Успешное отступление в Севастополь — «Крепость держать» — Сапун-гора потеряна — Последний фронт на полуострове Херсонес — Все ждут Военно-морской флот — Последние 10 000 человек — Мрачный конец.

Если Господь решит наказать, то сначала он отнимет разум. Битва в Крыму, третья катастрофа на немецком южном крыле весной 1944 года, — лучшая иллюстрация этого старого афоризма. Если чего-то и можно было избежать, так это бедствия, обрушившегося на 17-ю армию на этом несчастном полуострове в Черном море между 20 апреля и 12 мая 1944 года.

До этого момента на южном фланге Восточного фронта все шло относительно хорошо. Выход 17-й армии с «большой земли» в начале сентября 1943 года был частью общего немецкого отступления, она оставила Кубанский плацдарм и переправилась в Крым без заметных потерь. Главное командование сухопутных войск Германии назвало операцию «Кримхильда», играя словами — названием полуострова в 16 000 квадратных километров, по-немецки Крым, и именем белокурой героини саги о нибелунгах.

Форсирование Керченского пролива 17-я армия совершила успешно. За 34 дня военно-морские суда и инженерные средства перевезли 227 484 немецких и румынских солдата, 72 899 лошадей, 28 486 рабочих, 21 230 автомобилей, 27 741 гужевое транспортное средство и 1815 орудий. Это происходило на глазах советского Черноморского флота, чьи крупные корабли стояли в кавказских портах Батуми и Потти, однако из страха перед эскадрильями немецких пикирующих бомбардировщиков не совершили ни единой серьезной попытки вмешаться в операцию «Кримхильда» с моря.

Сомнительно, что после эвакуации Кубани было разумно оставлять половину 17-й армии в Крыму вместо того, чтобы перебросить все ее силы — а не отдельные части — на угрожаемые участки немецкого южного фланга на «большой земле», т.е. на фронт 6-й армии на Миусе или фронт группы армий «Юг» на Днестре. С ее шестнадцатью дивизиями генерал-фельдмаршал фон Манштейн куда успешнее разрешил бы многие критические ситуации между Мелитополем и Киевом. Либо двинуть всю 17-ю армию в Крым, что, возможно, обеспечило бы более эффективную оборону. Снова не сделали ни того, ни другого, а пытались одновременно убить двух зайцев.

Карта 46. Гитлер руководствовался политическими и экономическими соображениями, настаивая на обороне Крыма, даже когда его отрезали от всех сухопутных связей. Он опасался, что эвакуация Крыма и последующая потеря контроля над Черным морем подтолкнет Турцию в стан противника. Он также хотел предотвратить превращение полуострова в воздушную базу для налетов на румынские нефтяные промыслы.

Причины, которые приводил Гитлер, чтобы защищать «Крымскую крепость», нельзя было сбросить со счетов. Примерно в середине августа он сам забавлялся идеей перебросить шестнадцать немецких и румынских дивизий генерал-полковника Енеке с Кубанского плацдарма за Днепр, на новый «Восточный вал». Шестнадцать дивизий! Примерно столько не хватало Манштейну, чтобы предотвратить советский прыжок через Днепр.

Однако Гитлеру пришлось отказаться от заманчивой идеи. Маршал Антонеску, глава румынского государства, опасаясь за безопасность румынского побережья, неистово возражал против подобного оголения восточных черноморских бастионов. Король Болгарии тоже был против сдачи Кубани. Приняли во внимание и Турцию, это важное нейтральное государство на южном побережье Черного моря.

Когда ход военных событий сделал эвакуацию Кубани неизбежной, политические и военные соображения относительно балканских союзников Германии и нейтральной Турции немедленно сосредоточились на Крымском полуострове.

17-я армия, совместно с немецкими военно-морскими силами и соединениями Люфтваффе, держала русских в Черном море под полным контролем. До начала апреля 1944 года войска не позволяли превратить Крым в советскую воздушную базу для налетов на румынские нефтяные промыслы или в стартовую площадку для высадки на румынском или болгарском побережье. Турция продолжала соблюдать нейтралитет по поводу немецкой демонстрации сил в Черном море и, несмотря на давление Запада, позволяла торговым судам союзников Германии проходить через пролив Дарданеллы. И, наконец, немецкие силы в Крыму продолжали составлять угрозу для советского южного фланга на «большой земле».

Ситуация изменилась самым драматическим образом, когда фронт Толбухина 24 октября 1943 года прорвал оборону немецкой 6-й армии севернее Мелитополя и двинулся

через Ногайскую степь к низовьям Днепра. Если он ударит за Перекопский перешеек, 17-я армия будет полностью отрезана от «большой земли». Сталинград!

Генерал-полковник Эрвин Енеке, командующий 17-й армией, особенно болезненно реагировал на эту ситуацию, поскольку он командовал 4-м корпусом в Сталинграде до середины января 1943 года. Енеке видел надвигающуюся опасность и разработал план своевременного прорыва армии через Перекопский перешеек и соединения с основными немецкими силами на Нижнем Днепре. Важнейшим словом было «своевременный».

Прорыв армии готовился на 29 октября, однако 28 октября в 21 час Гитлер запретил операцию. Могла ли она завершиться успехом — другой вопрос. Советские танки 2-й гвардейской армии Толбухина вышли на Перекоп к 30 октября. Что было бы с 17-й армией, если бы они нанесли по ней удар во время прорыва? Ведь у 17-й армии было только две бригады штурмовых орудий и несколько подразделений 88-мм зенитных орудий, она в основном состояла из частей на конной тяге.

Однако запрещение Гитлера основывалось на других соображениях. Он продолжал склоняться к обороне Крыма, исходя из политических и стратегических мотивов, даже после того, как были отрезаны все сухопутные коммуникации. Укрепил его в этой точке зрения командующий Военно-морским флотом Германии, контр-адмирал Дениц. Уход из Крыма, предупреждал он Гитлера, будет иметь опасные последствия для ситуации на море. А что касается снабжения 17-й армии, то это не проблема; Военно-морской флот может гарантировать доставку 50 000 тонн грузов в месяц. А если все-таки возникнет необходимость эвакуации, Военно-морской флот может обеспечить и ее. Наличными судами можно вывезти до 20 000 человек со всем их вооружением за четыре дня. Это значит, что всю 17-ю армию в составе 200 000 человек, с лошадьми и материальной частью вывезут за сорок дней, при плохой погоде потребуется не более восьмидесяти дней.

Странно ли, что после таких заверений Гитлер в октябре 1943 года издал приказ оборонять Крым, несмотря на потерю сухопутных коммуникаций?

Сначала события полностью подтвердили обоснованность такого решения. Немецкие и румынские дивизии Енеке отразили попытки противника прорваться на полуостров у Перекопа и Керчи. Правда, Советам удалось создать небольшие плацдармы у Керчи и в заливе Сиваш — Гнилом море, — но развить успех они не смогли. Снабжение армии тоже происходило бесперебойно, регулярные рейсы совершались в Севастополь и Евпаторию из портов Одесса и Констанца. Срочные перевозки производили эскадрильи больших шестимоторных самолетов — эвакуацию раненых, доставку важного подкрепления. Все шло гладко. Румынские и немецкие эсминцы прикрывали флаги и водили свои транспорты по Черному морю, как будто на военных базах Кавказского побережья не было советских боевых кораблей, крейсеров и эсминцев.

Сегодня мы знаем, почему тяжелые корабли Сталина залегли в портах, как медведи в берлогах во время зимней спячки: страх перед немецкими пикирующими бомбардировщиками и штурмовиками, базирующимися в Крыму, крепко привязывал их к якорным цепям. Сталин не желал рисковать своими большими кораблями и, как впоследствии подтвердил адмирал Октябрьский, каждая военно-морская операция проходила только с его личной санкции.

Таким образом, контроль немецкого Военно-морского флота над Черным морем обеспечивался 1-м воздушным корпусом генерала Дихмана и соединениями поддержки

наземных сил. Эти 120—160 «Штук», самолеты поддержки наземных сил и истребители полковника Бауэра 1-го воздушного корпуса являлись альфой и омегой обороны Крыма. Несмотря на все достижения Военно-морского флота, снабжение и, следственно, судьба 17-й армии (как, несомненно, было при всех окружениях в войне на Востоке) полностью зависели от Люфтваффе, от надежной крыши над головой, от немецкого контроля в русском небе. Мы сейчас увидим, как трагически подтвердился этот тезис.

Генерал Енеке имел в Крыму тринадцать дивизий: шесть немецких пехотных дивизий, из которых с самого начала было только полторы, три румынские горные дивизии, две румынские кавалерийские дивизии и две румынские пехотные дивизии. После передачи 13-й танковой дивизии в 6-ю армию танков не осталось, но, с другой стороны, было две прекрасных бригады штурмовых орудий: 191-я под командованием отважного майора Альфреда Мюллера и 279-я капитана Хоппе, а также горнострелковый полк «Крым», 275 и 279-й зенитные дивизионы. Среди специальных соединений была еще 9-я зенитная дивизия генерал Пикерта, которая эффективно контролировала Перекопский перешеек своими 88-мм орудиями. Если признать, что эти формирования представляли значительную угрозу советскому флангу на «большой земле», нельзя отрицать, что крымский бастион имел определенное стратегическое значение, естественно, пока существовал немецкий плацдарм в Никополе, восточнее Днепра, и, таким образом, сохранялась возможность удара на восстановление сухопутной связи с Крымом. При этой угрозе русским приходилось держать крупные силы на путях отхода из Крыма и перед Керчью. В конце концов, вокруг Крыма были сосредоточены три армии плюс танковый корпус, несколько отдельных бригад и в целом тридцать стрелковых дивизий. Шесть немецких и семь румынских дивизий, следовательно, сковывали серьезные силы противника.

29 ноября капитан Ганс Рупрехт Хенсель, офицер оперативного отдела штаба 17-й армии, записал в своем дневнике: «Крым как остров, окруженный бурунами прибой». Молодой офицер также заметил, что во многих штабах царит одно желание — уйти из Крыма. Хотя, казалось, никто в Крыму не относился к войне всерьез. Многие штабы использовали инженерно-саперные части на благоустройстве своих квартир вместо строительства укреплений. Целые дома были перестроены в традиционном немецком народном стиле, тогда как люди могли бы заниматься ремонтом и укреплением разрушенных русских оборонительных сооружений.

Причиной такого настроения являлась понятная тревога, знание, что силы армий недостаточны для отражения полномасштабного советского наступления с севера и востока, не говоря уж об ударе где-нибудь вдоль 650-километровой береговой линии. Любой офицер был в состоянии видеть это и, уж конечно, каждый командир дивизии, а командующий армией и его знающий начальник штаба, генерал-майор риттер¹ фон Ксиландер, представляли положение еще отчетливее. Их усилия поэтому направлялись на убеждение Гитлера отозвать свой приказ оборонять Крым и начать подготовку к организованной и своевременной эвакуации 17-й армии по морю.

В ноябре 1943 года был разработан план действий по тревоге «Гребная лодка», затем «Гидросамолет» и, наконец, в начале апреля, вариант плана «Орел». Основная идея состояла в том, что в течение шести-семи дней войска из всех секторов полуострова отходят в укрепленный район Севастополя, откуда их эвакуируют морем. Чтобы по-

¹ Риттер (нем.) — рыцарь — феодальный титул, приставка к фамилии. — *Прим. ред.*

мешать преследованию русских танковых соединений, на широких открытых пространствах Крыма построили отсечные позиции с отсечными траншеями и противотанковыми рвами. Основная из них, «линия Гнейзенау», вокруг Симферополя, перекрывала основные дороги к городу. Севастополь нужно было удерживать примерно три недели. За этот период армия должна была погрузиться на суда в порту и на пристанях.

Таким образом, 17-я армия ждала. Она ждала русских и ждала приказа на эвакуацию. 5-й корпус генерала Альмендингера с 73 и 98-й пехотными дивизиями, а также румынская 6-я кавалерийская дивизия и румынская 3-я горная дивизия находились далеко на востоке, у Керченского пролива. 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада блокировал Перекопский перешеек на севере и вдоль дамбы на Сиваше; в него входили 50 и 336-я пехотные дивизии, румынские 10 и 19-я пехотные дивизии и румынская 9-я кавалерийская дивизия. Румынский 1-й горнострелковый корпус двумя дивизиями прикрывал прибрежные районы и занимался борьбой с партизанами в тылу полуострова. 111-я пехотная дивизия, переброшенная в Крым в начале марта 1944 года, составляла резерв армии. По одной бригаде штурмовых орудий определили на северный и восточный фронты.

С середины марта 1944 года всем было очевидно, что момент советского крупномасштабного наступления уже надвигается. Никопольский плацдарм пал. Немецкий фронт группы армий «А» на «большой земле» оттеснили за Днестр. Одесса, база снабжения 17-й армии, осталась без защиты и 10 апреля перешла в руки противника. Русское южное крыло уже не было зажато между излучиной Днепра и Перекопом и получило свободу передвижения. Удар по Крыму теперь становился логичным стратегическим ходом. И Сталин его сделал.

Он начал наступление 7 апреля. Семь-восемь батальонов атаковали опорные пункты румынской 10-й пехотной дивизии на Сиваше. Полномасштабное наступление на северный фронт Крыма началось около 09 часов следующего дня. 4-й Украинский фронт генерала Толбухина двинул вперед две армии. После мощной артиллерийской подготовки танковый корпус с пятью сотнями танков и восемнадцать пехотных дивизий атаковали позиции трех дивизий 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада.

Восточные бранденбуржцы 50-й пехотной дивизии твердо стояли на Турецком валу и вместе с частями нижнесаксонской 111-й пехотной дивизии контратакой ликвидировали советские прорывы. Саксонская 336-я пехотная дивизия на западной стороне Сивашского фронта тоже удержалась. Но румынская 10-я дивизия, на которую пришелся главный удар с советского плацдарма на Сиваше, дрогнула. После упорного сопротивления ее полки были смяты на нескольких участках.

9 апреля капитан Хенсель, видевший поступающие в штаб армии донесения, записал в своем дневнике: «Северный фронт докладывает о крупномасштабной атаке противника с исключительно мощным артиллерийским и минометным огнем. 5-й пехотной дивизии пришлось отступить на новый рубеж. Еще серьезнее положение у румынской 10-й пехотной дивизии на Сивашском фронте. Армия запросила группу армий санкционировать «Орел». Это означает отступление к Севастополю. Решение пришло ночью. «Орел» начинается».

Его запись от 10 апреля: «Северный фронт больше не удержать. 50-й пехотной дивизии почти удалось отступить на линию А-1, хотя и с большими потерями. Но русские танковые соединения теперь наступают в брешь на румынском секторе, угрожая тылам

других ударных групп. Мы лихорадочно готовим к заполнению войсками линии Гнейзенау. Мне приказали лететь на Керченский фронт к 5-му корпусу с планами отступления к Севастополю. «Совершенно секретные» документы. Мы приземлились в Ленинском. Я вручил документы командиру артиллерии корпуса полковнику Бруну. 5-му корпусу приказано ближайшей ночью отходить в направлении на Севастополь».

73 и 98-я пехотные дивизии и две румынские дивизии 5-го корпуса получили кодовое слово «Орел» в Пасху. Штурмовым частям выступить в 19 часов. Крайний срок. Расстояние через линию Парпач до линии Гнейзенау составляло 240 километров.

Началась драматичная гонка. Как только немецкие части оставляли рубеж, тут же подтягивались русские, оказывая мощное давление. На страницах этой книги мы уже встречались с их командующим — генералом армии Еременко. Теперь он командовал отдельной Приморской армией: двенадцать стрелковых дивизий, одна танковая бригада с сотней танков и воздушная флотилия ринулись на арьергарды отступающего немецкого 5-го корпуса.

Еременко сразу понял, что происходит. Не понять было трудно. Известили не разведчики, а сами занервничавшие и зачастую уже недисциплинированные соединения. Некоторые румынские части, подразделения немецких Люфтваффе и Военно-морского флота пренебрегли приказами по сохранению секретности. Вместо соблюдения радиомолчания начались бесконечные переговоры. Румыны, а также немецкие морские артиллеристы бросились «использовать» свои боеприпасы, которые не могли забрать с собой; поджигали казармы и наблюдательные вышки, волокли фугасы на аэродром в Багерово. Штабы и командиры с яростью наблюдали за этим опасным разгулом недисциплинированности, но справиться с ним не могли.

В результате русские были предупреждены об отступлении фактически до того, как оно началось. Таким образом, когда последние боевые части в предусмотренное время оставляли свои позиции, противник немедленно следовал за ними. Ужасная гонка произошла между моторизованными советскими частями и войсками 5-го корпуса, которые после долгой позиционной войны утратили навык быстрого передвижения, к тому же у них был в основном гужевой транспорт. Гонка в любом случае была безнадежной, поскольку Еременко в полной мере использовал свое техническое превосходство.

Русские танковые и моторизованные войска были быстрее. Тем не менее немецкие 73 и 98-я пехотные дивизии достигли линии Парпач к 12 апреля, хотя и ценой значительных потерь. Противника сдерживали до наступления темноты. Орудия артиллерийских полков действовали на главной линии обороны. Их огонь эффективно разметал группы русских танков.

Поскольку русские уже продвинулись к Симферополю с севера и в любой момент могли развернуться в тыл 5-го корпуса, корпус повернул на юг, с тем чтобы продолжить отступление в западном направлении по прибрежной дороге через Судак и Ялту.

13 апреля корпус подошел к подножию перевала на Яйле севернее Сали. Две ударные группы 98-й пехотной дивизии, одна под командованием полковника Фольхабера и другая — полковника Шмидта, окопались еще до рассвета. Колонны пошли на перевал.

В 9 часов со стороны Старого Крыма появились первые советские танки. Конец колонны группы Альмендингера только входил на перевал. Противотанковое орудие 198-го дивизиона истребителей танков вступило в бой с советским передовым подраз-

делением. Командир орудия и его расчет действовали как на учении. В конце концов девять танков противника загорелись у подножия перевала, заблокировав дорогу остальным. Это спасло немецкую колонну.

Тщетно генерал Рейнгардт, командир 98-й пехотной дивизии, представлял командира орудия к Рыцарскому кресту. Если кто-нибудь и заслуживал этой награды, так это именно этот унтер-офицер. Однако он ее не получил. Впоследствии генерал-фельдмаршал Кейтель объяснил Рейнгардту: никаких наград отступающим войскам!

Перевести через перевал артиллерийские орудия оказалось невозможным. Шесть лошадей на одно орудие не справлялись с задачей. Машины и орудия пришлось взорвать, лошадей пристрелить. К вечеру 13 апреля 5-й корпус достиг Судака, к утру 14 апреля — Алущты. При переходе по горным тропам на прибрежную дорогу корпус прикрывали от неприятных сюрпризов партизан небольшие ударные группы. Когда колонны проходили, прикрывающие отряды присоединялись, усиливая арьергард.

15 апреля корпус выступил очень рано в направлении на Ялту. Тыловое прикрытие обеспечивала 98-я пехотная дивизия. С тех пор как в феврале 1944 года генерал Гарайс заболел, дивизией командовал генерал-майор Рейнгардт. Командир дивизии ехал в автомобиле связи с арьергардом. Снова и снова колонна попадала под обстрел партизан. В 13 часов войска прикрытия достигли Ялты. На центральной улице ждал начальник штаба 5-го корпуса полковник Хепп. Рейнгардт поприветствовал его и доложил:

— Девяносто восьмая пехотная дивизия прибыла без происшествий; мы получим паек, дозаправимся и продолжим марш в пятнадцать часов.

Однако у начальника штаба были другие инструкции:

— Господин генерал, командир корпуса приглашает вас прибыть в клуб румынских генералов. Он намеревается отдохнуть здесь до завтрашнего утра.

— Что? Отдыхать до утра? — заворчал Рейнгардт. — Но здесь мы не можем обеспечить себе безопасность! Посмотрите вокруг! Эти крутые горы Яйлы подходят прямо к городу. И эта узкая отмель. Наши люди до смерти устали. Они заснут, и их перебьют, как собак. Ладно, идем!

Вместе с Хеппом Рейнгардт зашагал в клуб румынских генералов. Он вошел в столовую строго по этикету — в перчатках, с головным убором у локтя. Доложил командиру корпуса генералу Альмендингеру:

— Девяносто восьмая пехотная дивизия прибыла без происшествий; мы получим паек, дозаправимся и продолжим марш в пятнадцать часов».

Альмендингер отменил формальности в сторону: «Раздевайтесь, Рейнгардт, пообедайте с нами. Отдохнем здесь до завтра.

Однако Альмендингер, хотя и родился в Вюртемберге, не знал шваба Рейнгардта.

— Нет, господин генерал, — твердо проговорил он. Альмендингер посмотрел на него с удивлением. Но Рейнгардт не дал ему шанса:

— Господин генерал, если нас атакуют, мы не сможем здесь защититься. Наши люди измучены — надо заставлять их двигаться. Если мы остановимся здесь, они заснут и погибнут до того, как мы сможем организовать какое-либо сопротивление. Поэтому я прошу, со всем моим уважением, продолжить марш в пятнадцать часов.

Вмешался говоривший по-немецки румынский генерал и отменил риск быть атакованными партизанами ночью. Однако Рейнгардт не отступил. И в конце концов Альмендингер согласился. Они выступили точно в 15.00. Во главе полковник Фольхабер со

своей ударной группой. За ним четырехствольные зенитные установки. Затем немецкие и румынские штабы, войска связи и хозяйственные части. Потом ударная группа подполковника Готтига и в конце ударная группа майора Меца, в чью задачу входило прикрывать колонну от атак с тыла. С ней двигались последние штурмовые орудия 191-й бригады.

Все командиры ударных групп имели приказы размещать своих бойцов на автомобилях таким образом, чтобы они могли простреливать обе стороны дороги. Не останавливаться при обстрелах противника. Поврежденные машины немедленно сталкивать под обрыв и их экипажи размещать на идущих за ними. Марш продлится до 22 часов, привал до восхода луны, около 2 часов, и затем снова на марш.

Как только ударная группа Фольхабера вышла из города, начали стрелять с гор. Согласно приказу, солдаты открыли огонь, не останавливая машины. К ним присоединились зенитные орудия, их трассирующие снаряды указывали направление. Это оказалось действенным. Партизаны оставили колонну в покое и больше не появлялись до самого Севастополя.

16 апреля с 10 до 11 часов в укрепленный район Севастополя прибыли последние части 5-го корпуса. Примерно 10 000 военнослужащих корпуса, которые погрузились на суда 1-й флотилии лейтенанта Гиле в портах южного побережья, уже сошли на берег в бухте Балаклава. Задача была выполнена. 240-километровая гонка с противником, в десять раз превосходящим по силам, была выиграна. Ее выиграла благодаря разумному и последовательному руководству, а также дисциплинированности и высокому моральному духу войск. Теперь все надеялись на скорую эвакуацию с обреченного полуострова. Их ждало разочарование. 5-й корпус выдвинулся в свой участок обороны крепости. Поднялся занавес на последний акт.

А что происходило в это время с 49-м горнопострелковым корпусом генерала Конрада? 12—13 апреля его израненные полки вышли на линию Гтейзену после контрудара соединений 191 и 279-й бригад штурмовых орудий, которые несколько облегчили их положение. Они окопались. Советские танковые соединения продолжали преследование и ударили за их отсечные позиции. Люфтваффе и штурмовые зенитные отряды генерала Пикерфа обеспечили им временную передышку. 27-я авиаэскадра бомбардировщиков, чьи действия направлял генерал авиации Дихман с передовых пехотных опорных пунктов, с низкой высоты сбрасывали бомбы на советские танковые части и подбили более пятидесяти танков. Однако что это изменило? 13 апреля Советы были в Симферополе. За двенадцать часов до этого там еще находился штаб генерал-полковника Енеке. Вот как быстро развивались события.

14 апреля основная часть корпуса Конрада, к счастью, со своей спасенной тяжелой артиллерией, вошла в северный район севастопольских укреплений. Некоторое время спустя за ней последовала ударная группа генерал-лейтенанта Сикста, который с разношерстным собранием зенитных и транспортных частей, а также подразделениями 50-й пехотной дивизии отбил все русские атаки на передовой аэродром Сарабуз. Советские танки организовали плотное преследование, однако полковник Бетц, комендант крепости Севастополь, сковал их у Бахчисарая блокирующей группой в составе двух батальонов пехоты, шести зенитных частей и полудюжины штурмовых орудий. Ядром этой блокирующей группы был импровизированный зенитный бронепоезд, созданный генералом Пикертом; этот поезд уже успешно воевал на Турецком валу в октябре 1943 года.

Он предоставил 49-му горнострелковому корпусу жизненно необходимые двенадцать часов, чтобы войти в укрепления. К 16 апреля 17-я армия уже приняла участие в боевых действиях против русских атак в крепости Севастополь. Когда Бетц оставил свой рубеж в Бахчисарае и отходил в крепость, его отступление уже прикрывали изнутри крепости орудия 336 и 111-й пехотных дивизий.

Просто чудо, что этот отход под натиском превосходящего противника завершился успешно. Ясно, что русские сами не верили, что такое может произойти, и поэтому не предприняли никаких особых мер. Они не высадили десантов своим значительно более сильным флотом на южном побережье Крыма, чтобы перерезать пути отступления 5-го корпуса; не произвели, как можно было бы ожидать, налетов воздушных сил на две запруженные дороги, по которым двигались немецкие и румынские колонны. Советская сторона вообще не совершила ни одного резкого движения. Генерал Конрад до конца использовал все свои возможности на севере, как сделал это и 5-й корпус на юге.

Конечно, дивизии достигли крепости в плохом состоянии. Румынские части находились на грани расформирования и немецкие дивизии являлись не более чем усиленными полками. Боевой состав армии на 16 апреля сократился до 19 500 человек. Немецкие потери составили 13 131 человек, румынские — 17 652. Количество состоящих на довольствии в армии на 18 апреля упало до 124 233.

Эвакуация морем бесперебойно происходила с 12 апреля. В это время эвакуировались тыловые службы, транспортные части, военнослужащие Восточного легиона, военнопленные и гражданские. К 20 апреля в целом эвакуировали 67 000 человек — более 7000 в день. Еще восемнадцать дней, и задача могла быть выполнена. Могла! Это оптимистичное «могла» отмечает критическую точку крымской катастрофы.

С 12 августа эвакуация происходила гладко и без каких-либо потерь. Немецкие Люфтваффе все еще базировали в Крыму эскадрильи 1-го воздушного корпуса, все еще имели взлетно-посадочные полосы внутри укрепленного района и все еще держали под контролем воздушные силы Красной Армии. Формирования дальнего действия и поддержки наземных сил Толбухина и Еременко лишь начинали перешитильно атаковать немецкие аэродромы, порты и главный район обороны. Налеты на немецко-румынские конвои тоже были сверхосторожными и нанесли совсем незначительный урон. Наступающим соединениям советских 8 и 4-й воздушных армий явно не хватало тактического опыта.

Еще более важным являлся тот факт, что весь апрель и советский Черноморский флот не смог нанести ни одного значительного удара по немецким конвоям. Операции его подводных лодок были слабыми, в них никогда не участвовало больше пяти—восьми лодок одновременно, что не позволяло достичь успеха, вследствие героических действий немецких противолодочных сил. Советские торпедные катера атаковали только ночью и неизменно не добивались результата. Главные силы советского Черноморского флота продолжали стоять в своих потайных местах. В результате прекрасно оборудованный порт Севастополь можно было использовать с максимальной нагрузкой.

Все выглядело обнадеживающе. Оборонительные и отсечные позиции в укрепленном поясе можно было успешно оборонять по меньшей мере две-три недели. До этого времени, следовательно, передовые аэродромы внутри укрепленной территории защищены от огня советской артиллерии. Одно зависело от другого: чем дольше продержится оборонительный пояс вокруг Севастополя, тем дольше смогут оставаться Люфтваф-

фе; чем дальше будут оставаться Люфтваффе, тем дальше может продолжаться эвакуация. Оптимистичная картина. 17-ю армию можно спасти, все части можно спасти, даже — при умных и смелых действиях — прикрытие последнего боя. 17-я армия была в этом убеждена, как явствует из рассказа подполковника фрайгерра фон Вайтерхаузена, в то время начальника оперативного отдела армии.

Однако ее судьбу уже решали на небесах. Все надежды рухнули. Гитлер снова принял одно из своих непостижимых решений. 12 апреля он приказал: «Севастополь оборонять. Боевые соединения не эвакуировать». Напротив, все батальоны перебросить в крепость. Севастополь должен устоять! Здесь и только здесь началась трагедия шести немецких дивизий, многие из которых имели долгую и славную историю.

Енеке, как и Шернер, который принял командование группой армий «Южная Украина» после смещения Клейста 31 марта, и, конечно, Цейтцлер, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, — все тщетно старались убедить Гитлера отменить свой глупый приказ. Альмендингер повторил попытку, воспользовавшись вызовом в Ставку фюрера. Аргумент Гитлера, что потеря Крыма поколеблет позицию Турции и ослабит надежность румын и болгар, естественно, имел значение до отступления группы армий «А» к Днестру западнее Одессы. Но какой смысл в разумных доводах, когда упрямый факт соотношения сил лишает всех шансов удерживать Севастополь более чем три недели?

Драматичное перетягивание каната боевых командиров и Гитлера отражается и в попытках Шернера. Интриган Шернер использовал правильную тактику: 18 апреля в 10 часов 30 минут он позвонил Цейтцлеру и привел следующие доводы: «Приказ фюрера оборонять Севастополь, конечно, будет выполнен. Но я хотел бы обратить внимание, что оружие и боеприпасы, которые попадут в Крым, будут потеряны для жизненно важной операции группы армий «Южная Украина» на Днестре — решающей схватки, которую нужно выиграть любой ценой».

Ответ Цейтцлера показывает, что Шернер взял правильную ноту. «Я полностью с вами согласен, — сказал он, — однако, чтобы убедить фюрера санкционировать эвакуацию Севастополя, полезно было бы иметь более точные данные о состоянии 17-й армии».

В 22 часа 05 минут Шернер в новом телефонном разговоре с Цейтцлером подчеркнул, что «решение по поводу Севастополя необходимо принять до 20 апреля, потому что к этому времени все несущественные транспортные части уже покинут город». Шернер объяснил свой график Цейтцлеру: вечером 19-го эвакуация нестроевого персонала Вермахта будет завершена; тогда настанет очередь румын. Ежедневно вывозят 7000 человек. Однако ситуация в небе над Крымом постоянно осложняется. Артиллерия противника уже покрывает всю укрепленную территорию, за исключением вершины полуострова Херсонес. «Судьба группы армий будет решаться на «большой земле», у группы армий Вёлера, а не в Севастополе», — заключил Шернер.

На следующий день Шернер продолжил подталкивать Цейтцлера, позвонив в 21.30: «Решение по поводу Крыма необходимо принять сейчас. Обстановка в воздухе и на море серьезно осложнилась, наш Военно-морской флот теперь вынужден вести бои и на пути туда, и на пути обратно, а потери Люфтваффе трудно возместить. Эвакуация займет, по меньшей мере, две недели. Вот почему необходимо начать немедленно. И не забудьте вот что. На самом деле у нас нет пяти дивизий для обороны — фактически это уже пять немецких полков. Румыны вообще не боеспособны».

Несмотря на эти весомые доводы, Гитлер на вечернем совещании 19 апреля отверг предложение Шернера. Он снова запретил эвакуацию боевых частей. Однако Шернер не сдался.

21 апреля он вылетел в Бергхов чтобы лично убедить Гитлера отменить приказ оборонять город. Генерал-полковник Шернер доказал своему главнокомандующему, что Севастополь, в конце концов, невозможно защитить.

Гитлер разговаривал с ним вкрадчиво. «Поведение Турции, — сказал он, — после падения фронта у Перекопа и Керчи становится неопределенным и теперь зависит от того, удержим ли мы Крым, другими словами, Севастополь». Именно это послужило решающим фактором в его решении оборонять. «Для того чтобы вести войну, мне прежде всего нужны две вещи — румынская нефть и турецкий хром. Потеряем и то и другое, если я сдам Крым». Затем он смягчил свою формулировку: «Крым, разумеется, нет необходимости оборонять вечно, только восемь—десять недель. Когда ожидаемое вторжение на Западе будет успешно отражено, спустя немного времени Севастополь можно будет потихоньку эвакуировать, без какого-либо политического риска».

Никто и никогда не мог устоять перед красноречием Гитлера. В своей попытке добиться эвакуации Крыма Шернер в этот момент допустил ошибку. Он знал, что в наличии нет резервов, по крайней мере для Крыма, и поэтому попытался обойти Гитлера, сказав: «Мой фюрер, Севастополь можно удержать только в том случае, если предоставить 17-й армии подкрепление».

Роковая ошибка. Шернер недооценил Гитлера. Теперь у фюрера было генеральское «если», и он немедленно за него ухватился: «Очень хорошо, я направлю вам подкрепление».

Шернера обошли. Гитлер, само собой, слова не сдержал, и Шернер получил лишь два пехотных батальона в 1300 человек, пятнадцать противотанковых орудий, десять минометов и четыре полевые гаубицы. Но фюрер пообещал, и таким образом надежды Шернера получить санкцию на эвакуацию Севастополя испарилась. Итак, в Крыму тоже торжествовала стратегия Гитлера «держаться за все».

В июле 1942 года, когда генерал-фельдмаршал фон Манштейн атаковал Севастополь, крепость защищали семь русских стрелковых дивизий, четыре десантные бригады и одна кавалерийская дивизия. Противник укрепился в бетонных блиндажах и глубоких забетонированных крытых траншеях; самая современная артиллерия крупного калибра была установлена в подземных фортах. Несмотря на это, русские не смогли удержать Севастополь. Манштейну понадобился как раз месяц, чтобы его взять.

В апреле 1944 года крепость защищали фактически пять немецких полков. Их артиллерия состояла из уцелевшего вооружения одного корпуса. Правда, основная оборонительная линия была хорошо укреплена, позиции защищали проволочные заграждения, однако надлежащие опорные пункты по глубине были построены лишь в отдельных тактически важных местах. Второй или третьей линии обороны со стоящими в них резервами просто не существовало. Старые советские блиндажи и форты не отремонтировали, и их можно было использовать только в качестве госпиталя или сборной позиции. На юго-востоке Севастополя позиции были совсем плохи. Пехотные траншеи недостаточно глубоки. У 5-го корпуса не осталось тяжелой артиллерии и почти не было тяжелого пехотного вооружения. В 98-й пехотной дивизии не хватало даже инструмента. Генерал Рейнгардт вынужденно отдал приказ собирать по всей укрепленной терри-

тории кирки и лопаты, армейским саперам пришлось делать для них ручки. Только тогда начались земляные работы. И такую «крепость» сейчас готовились штурмовать двадцать девять советских дивизий, один танковый корпус, три артиллерийские дивизии и дюжина отдельных бригад, в целом 470 000 человек. Ее обстреливали 6000 орудий и атаковали 600 танков.

В последний момент, 27 апреля, когда катастрофа стала неизбежной, генерал-полковник Енеке направил телетайпное сообщение, предназначавшееся Гитлеру, в штаб группы армий. Шернер немедленно отправил его в Ставку фюрера. Енеке, который 24 апреля запрашивал информации по поводу обещанных ему в качестве подкрепления двух дивизий, теперь категорически требовал прислать одну дивизию немедленно. Вдобавок он требовал «свободы действий».

Свобода действий! Фраза, которую Гитлер ненавидел, как самого дьявола. Генерал-полковника Енеке вызвали к Гитлеру с докладом. Его сместили. Командовать армией поставили генерала пехоты Альмендингера. Генерала Копрادا, командира 49-го горнострелкового корпуса тоже освободили. Его должность занял генерал Гартман, кавалер ордена Железного креста с дубовыми листьями, человек выдающейся храбрости, но со значительными физическими недостатками — у него была одна рука и одна нога.

Полномасштабное русское наступление началось 5 мая в 09 часов 30 минут. Сражение открыли 400 тяжелых орудий и 400 реактивных минометов. Удар пяти советских стрелковых дивизий пришелся на 336-ю пехотную дивизию. Однако саксонцы генерала Хагемана стояли непоколебимо. Они продержались двенадцать часов. Двадцать четыре часа. Тридцать шесть часов. 7 мая северный фронт все еще держался.

Но теперь Еременко ударил по южному и восточному фронтам 5-го корпуса. Приморская армия ввела в бой 320 орудий на каждые полтора километра фронта. Они разнесли немецкие опорные пункты и огневые точки. Потом пошли бригады Еременко. Они атаковали слабые полки 73, 111 и 98-й пехотных дивизий.

Прорвали фронт 73-й пехотной дивизии, глубоко вклинились в секторе 111-й пехотной дивизии. К 18 часам немецкие потери в этих двух секторах фронта дошли до 5000 человек. 5-й корпус сражался в древних, широко известных со времен Крымской войны 1855 года точках: Саперной горке, Английском кладбище, Сапун-горе.

Форт «Максим Горький II», поврежденный в 1942 году, служил полевым госпиталем. Раненые лежали там длинными рядами. Раздавались стоны, стояло зловоние. К пристани на берегу была прорыта траншея, чтобы доставлять раненых для эвакуации. На воде впризгу на волнах качалось что-то странное.

Что случилось, описал в своем дневнике капитан Хенсель под датой 22 апреля: «В соответствии с приказом на эвакуацию всех лошадей застрелили и сбросили в море. Они стояли в очереди, терпеливо ожидая, когда придет их час. Бухта была забита тысячами лошадиных трупов. Волны покачивали их вверх и вниз». Избиение лошадей — одна из многочисленных бессмысленностей, совершенных в Крыму. Румыны сочли, что слишком долго убивать каждого старого друга по отдельности, поэтому они пригнали животных к обрыву и стреляли из пулеметов. Несколько часов подряд.

Кульминация наступила 8 мая. Русские прорвались на Сапун-гору. Все попытки перехватить их и отбить высоту с пресловутым виноградником, Николаевкой и кладбищем были тщетны. Армия сражалась там отчаянно, на какое-то время 2-му батальону 282-го гренадерского полка капитана доктора Финке удалось выбить противника, но

пенадолго. Доктор Фишке погиб. Армия приказала возобновить контратаки. Что еще она могла сделать? Приказа на эвакуацию не поступило — значит, Севастополь нужно защищать. Однако без Сапун-горы это совершенно невозможно. Что произойдет, если эти высоты уже потеряны?

В этом случае только остатки армии смогут отступить на последний рубеж у Херсонеса. И если они не найдут там судов — что тогда?

Когда противник взял Сапун-гору, 17-я армия собрала все свои резервы и пошла в контратаку. В полдень подполковник фрайгерр фон Вајтерхаузен, начальник оперативного отдела, доложил в группу армий, что контратака захлебнулась. «Мы сделали все, чтобы отбить жизненно важные высоты». Но, несмотря на их отвагу, ключевые отсечные позиции были потеряны.

В этой ситуации 8 мая в 21 час 15 минут генерал-полковник Шернер передал в Ставку фюрера: «Прошу приказа на эвакуацию, дальнейшая оборона Севастополя невозможна».

Теперь Гитлеру пришлось уступить фактам. К 23 часам поступило его согласие. Он горько заметил начальнику Генерального штаба: «Самое плохое в этой вынужденной эвакуации, на мой взгляд, это то, что русские смогут вывести из Крыма свои войска и бросить их против группы армий «Южная Украина». И уже ни слова о Турции.

В 02 часа 15 минут 9 мая генерал Альмендингер имел в руках приказ на эвакуацию крепости. Армия немедленно отступила на свой последний редут — херсонесские позиции на самой западной оконечности побережья.

К 16 часам последние боевые группы 50-й пехотной дивизии оставили руины Севастополя и заняли северную часть новой оборонительной линии. Вечером погиб полковник Бетц, доблестный комендант крепости; с 1 мая, после ранения генерала Сикста, Бетц командовал 50-й пехотной дивизией с дальновидностью и отвагой.

Херсонесские позиции были разумно расположены и хорошо укреплены. Основную оборонительную линию составляла непрерывная пехотная траншея с многочисленными ходами сообщений. Были возведены бетонные блиндажи для солдат, боеприпасов и продовольствия. Это помогало сохранить присутствие духа. Еды запасли много, поскольку на Херсонесе нет питьевой воды, завезли достаточно содовой. Небольшими ударными группами, составленными из остатков всех родов войск Вермахта, командовали опытные артиллерийские и пехотные офицеры. В секторе 98-й пехотной дивизии весь личный состав, имеющий хоть какой-нибудь боевой опыт, собрали в боевой и тактический резерв и держали в готовности за опорными пунктами гренадеров. Набралось 250 человек. На тот момент заметная сила.

Нечего и говорить, что русские организовали решительное преследование и активно пытались прорвать последний плацдарм 17-й армии, однако, несмотря на огромное превосходство в силах, им сначала не удалось добиться успеха.

Но не все решает отвага. Наступил момент, когда 17-я армия теряла главный козырь своей обороны — с полуострова отводились воздушные формирования генерала Дихмана. Русские, которые с Сапун-горы прекрасно видели Херсонес, точно накрыли артиллерией последний немецкий аэродром. Вечером 9 мая, когда взлетная полоса покрылась воронками, Дихман был вынужден приказать последним тринадцати истребителям: «Эвакуация — обратно на “большую землю”!» Плацдарм лишился воздушного зонта. С «большой земли» Люфтваффе могли осуществлять лишь ограниченные операции немецкими истребителями или штурмовиками.

Такие двухмоторные истребители, когда они имелись в наличии, сопровождали конвои. С этого времени только очень отважные пилоты авиаэскадры Ju-52 после наступления темноты садились на импровизированную взлетную полосу Херсонесского полуострова, чтобы эвакуировать раненых. В течение ночи 10 мая таким образом вывезли тысячу человек.

10 мая 1944 года страшным ударом открылся финальный акт трагедии. Этот удар подтвердил тесную связь воздушных, морских и сухопутных сил при осуществлении боевых действий.

Как только Гитлер отдал приказ, Военно-морской флот начал свою тщательно подготовленную, крупномасштабную операцию по эвакуации. Пройдет ли она успешно? От ответа на этот вопрос зависела судьба, спасение или уничтожение 17-й армии. Первый конвой тут же вышел в море. Путь от Констанцы в Крым занимал одну-две ночи плюс день. Огромная разница в сравнении с Дюнкерком, где британцам в 1940 году удалось перевезти через Ла-Манш целую армию, потому на переправу уходило лишь несколько часов.

10 мая, около 02 часов, к Крыму подошли два транспорта, «Тотила» и «Тея». Они встали в двух милях севернее мыса Херсонес, чтобы не оказаться в пределах досягаемости советской артиллерии. Погрузку осуществили катерами и баржами. «Тея» взяла на борт 5000 человек, «Тотила» — 4000. И тут пришла беда. Под прикрытием истребителей появились советские бомбардировщики. Немецких истребителей рядом не было. В 05 часов 45 минут «Тотила» получила три прямых попадания и загорелась, ее стало сносить в море. Через два с половиной часа она затонула. Спаслись только несколько сотен человек. «Тею» постигла та же участь. Советский торпедный самолет повредил ее настолько серьезно, что около 15 часов она тоже затонула. Здесь спаслись 400 человек — 400 из 5000. Одним ударом было уничтожено восемь тысяч человек. Что же дальше?

17-я армия планировала погрузиться на корабли в ночь с 10 на 11 мая. На позициях оставалось примерно 80 000 человек. Военно-морской флот дал согласие. Вмешался лично Дениц. Отправили все, что было на плаву: в море находилось более 190 немецких и румынских боевых кораблей и торговых судов. Они могли взять на борт 87 000 человек. Более чем достаточно. К тому же к 8 мая на «большую землю» уже отправили много раненых и гражданских, таким образом, на полуострове оставалось только 50 000 человек.

План сработал. Все выглядело не так уж плохо. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Неожиданно против Крымской армии восстали небеса, разразился шторм. График нарушился. Командующий флотом в Крыму контр-адмирал Шульц со своими офицерами лихорадочно искали выход. Но что они могли сделать против шторма в 8 баллов? Многим конвоям с почти не годными для плавания судами пришлось вернуться или лечь в дрейф. Другие конвои отстали. Скоро стало ясно, что суда не дойдут до Херсонеса раньше 11 мая. Погрузку, таким образом, пришлось отложить на следующую ночь, с 11 на 12 мая. Но это означало, что херсонесские позиции нужно было держать еще двадцать четыре часа.

Батальоны стояли. Полный ужас этой импровизированной операции стал ясен из донесения генерала Рейнгардта, командира 98-й пехотной дивизии. 10 мая 1944 года противник атаковал особенно яростно, семь раз, каждый раз несколькими волнами. И

каждый раз их отбивали. Один пробившийся танк подбили прямо перед первым окопом, он стал прекрасной защитой от пуль.

К вечеру, когда Рейнгардт вернулся с передовой в штаб дивизии, позвонил генерал Гартман, командир 49-го горнострелкового корпуса. Гартмана, преемника генерала Конрада, солдаты называли Железным Густавом.

«Рейнгардт, — говорил Гартман, — Рейнгардт, вы — центр сражения. Если ваш фронт прорвут, для кораблей будет все кончено!»

Разговор слышали офицеры, и поэтому Рейнгардт ответил: «Господин генерал, нет причин для волнений. Сегодня в моем секторе русские предприняли семь атак и семь раз отступили. Они нигде не прорвались. И потом — какие корабли? Я не вижу никаких кораблей. Мы сможем продержаться наш сектор еще двадцать четыре часа — пока не подойдут корабли».

После этого генерал Рейнгардт бросился на деревянную скамейку, чтобы хоть немного поспать. Примерно в то же время пришло извещение к другому хроникеру боев в Крыму. Капитан Хенсель в своем дневнике дает следующее описание эвакуации личного состава штаба 17-й армии: «10 мая 1944 года. Форт постоянно обстреливают артиллерия и минометы. Но по подземным ходам можно выйти к обрыву на берегу. В темноте мы спустились по веревочным лестницам и с 01 часу ночи ждали среди скал. Два часа прошло без всяких признаков жизни. Только русские снаряды пролетали над головой в сторону моря. Мы находились в нейтральной полосе. Почти расстались с надеждой. Когда рассветет, будет уже поздно. Но вдруг они появились. Командир по громкоговорителю позвал нас подниматься на борт. В море ждали два торпедных катера, они не могли подойти прямо к берегу, потому что кругом были скалы. К счастью, море не штормило, и мы поплыли на небольших лодках, по восемь человек в каждой. Дело шло медленно, а уже начинало светать. Но наконец мы были готовы выйти в открытое море. Каждый катер принял на борт около 50 человек. На полной скорости мы пошли в юго-западном направлении. Неужели действительно вырвались из ада? Впереди еще оставалось 400 километров с возможными опасностями, такими, как, например, подводные лодки и вражеские самолеты. Берег Крыма медленно исчез из виду в легком тумане утра. Под палубой люди жались друг к другу. Я остался на палубе, кое-как нашел укрытое место рядом с торпедой. Через восемь часов катера вошли в спокойные воды порта Констанца. Мы были спасены».

Тем временем продолжались бои за последние бастионы. Русские возобновили наступление 11 мая. В 20 часов они сосредоточили массированный огонь на пристанях. Через некоторое время сократили дальность, снова начали поливать главную оборонительную линию, потом пошли в атаку по всему фронту. В секторе 98-й пехотной дивизии, у «Артиллерийской горки», им удалось совершить прорыв, его ликвидировали не медленной контратакой.

В течение дня 11 мая все части получили приказы к 23 часам отойти к различным пунктам посадки и окопаться там для самообороны. Приказы были отданы и на тот случай, чтобы войска имели возможность погрузиться на любые корабли, которые смогут найти, если суда не подойдут в указанные места. Ввиду сложившейся ситуации этот приказ, конечно, был необходим, но он также открыл дверь хаосу и панике.

Русские, к счастью, не отследили последнего отхода. Телефонная связь между штабами еще функционировала, и Рейнгардт позвонил в полк. Последовала предварительно

согласованная игра вопросами и ответами: «Привет, как дела? Все в порядке?» Ответ: «Все в порядке, на передовой тихо». Рейнгардт: «Отлично, тогда я могу спокойно выпить чаю». Это было кодовое слово, которое означало — отступать к местам погрузки.

Около 24 часов Рейнгардт связался с пунктами погрузки дивизии: получил прежний ответ — кораблей нет.

Кораблей нет. Что пошло не так? Эвакуационный флот стоял на рейде в достаточном количестве — но они не знали, как подойти к берегу.

В 21.30 адмирал Шульц поднялся на борт командирского судна 1-й флотилии торпедных катеров. Он намеревался лично вести конвой к стоянкам, поскольку была нарушена радиосвязь. Частоты единственного доступного канала были так забиты, что приказы уже нельзя было передавать каждому судну в отдельности. И это не все. Казалось, сам дьявол воюет на стороне русских. Шульц отправил всем судам распоряжение следовать как можно ближе ко входу в Камышовую бухту, откуда он сам поведет их к местам посадки. Однако эта радиограмма, которую адмирал лично отнес в узел связи, так и не была получена. Либо ее не передали, либо она исчезла на переполненной частоте.

Стояла темная ночь, но адмирал Шульц возлагал свои надежды именно на темноту. В темноте советская артиллерия не могла бомбардировать точечную цель, а воздушные силы Красной Армии не имели опыта ночных полетов.

Торпедный катер понесся по волнам. Офицеры с волнением поднесли к глазам ночные бинокли. Что, черт возьми, это такое? «Туман», — сказал обер-лейтенант. Они были обескуражены. «Но откуда он поднимается?» Облако густого белого тумана двигались в море со стороны полуострова. Оно становилось все гуще и гуще. Пристани и пирсы теперь можно было разглядеть лишь с очень близкого расстояния. И это был не туман, а дымовая завеса, как бы неправдоподобно это ни казалось. Откуда?

В последние несколько месяцев Военно-морской флот установил вдоль портовых сооружений и на побережье систему дымовых завес и несколько сотен ящиков с дымовыми зарядами. В случае крупных налетов вражеских воздушных соединений на военные объекты, и в частности пристани и стоянки, следовало прятать их от глаз противника дымовыми завесами, чтобы сделать невозможной прицельную бомбардировку. Теперь, к несчастью, эти ящики подожгла артиллерия противника. Удивленные и обрадованные, что укрылись от глаз неприятеля, немногочисленные немецкие части к тому же включили оставшиеся нетронутыми генераторы дыма для, как они думали, большей безопасности. Вряд ли они понимали, что делают.

Теперь беда стала неизбежной.

Правда, Шульц нашел транспорт «Дакия» и привел его к берегу. Он также нашел еще несколько других судов, но шестьдесят из них остались на рейде. И они не ждали: с рассветом многие вернулись в Констанцу, пустые.

Единственная возможность интенсифицировать поиски судов — отправить за ними оставшиеся лодки флотилии МТВ. Но эта флотилия являлась единственной боевой частью адмирала на случай атаки советских военно-морских сил. Мог ли он исключить такую возможность? Что произошло бы в этом случае? Тогда все суда оказались бы в самой серьезной опасности. Кто может бросить камень в адмирала за то, что он оставил в резерве свое единственное оружие?

Таким образом в беде оказались последние 10 000 человек Крымской армии. Те самые, которые сражались до самого конца.

Частью вследствие солдатской интуиции, частью по везению генерал Рейнгардт нашел пять плоскодонных барж. Доблестный командир привел их прямо к берегу. Рейнгардт отыскал и десять небольших судов сопровождения. При помощи курьеров и громкоговорителей он собрал свою дивизию и все находящиеся поблизости части 117-го гренадерского полка 111-й пехотной дивизии и погрузил их на найденные суда.

Последнюю баржу генерал задержал. Он приказал ее командиру не отправляться, пока он сам не поднимется на борт. А он не поднимался, потому что там он уже не сможет осуществлять командование. Генерал хотел сколько возможно подождать отставших. Они действительно появились, включая полковника Хайдлена, начальника штаба 46-го корпуса, и подполковника Беккера, начальника оперативного отдела 73-й пехотной дивизии. И много других офицеров и рядовых. В 03 часа, уже на рассвете, Рейнгардт приказал отправляться. Остатки 98-й пехотной дивизии были спасены.

О драме, разыгравшейся в пункте погрузки 50-й пехотной дивизии, сухим языком фактов рассказывается в истории дивизии. Полки держали свои позиции до последнего момента. Здесь русские тоже не заметили их отхода.

121-й полк погрузился. Но у пристани 123-го гренадерского полка была только одна баржа, она могла взять на борт лишь несколько сотен человек. Подошла еще одна. Солдаты построились в две шеренги и стали подниматься.

Стой! На борт подняли несколько раненых. Места больше нет.

Майор Тешпер приказал офицерам сойти на берег. Молча, как будто это было абсолютно естественно, все офицеры вышли обратно. Майор повел оставшихся в укрытие. Они окопались для своего последнего боя. Спиной к воде, небольшая ударная группа 50-й пехотной дивизии заняла оборонительную позицию. Они держались еще шесть часов, потом их раздавили. Но 2800 человек их дивизии эвакуировались. Остальные полегли в землю полуострова.

У 336-й пехотной дивизии было так же. Большинство бойцов 73-й пехотной дивизии спасли баржи, а остальных — морской охотник. Генерал Боме, командир дивизии, был взят в плен на своем командном пункте.

За последние три дня из Херсонеса эвакуировали тридцать девять тысяч восемьсот восемь человек. Тридцать одна тысяча семьсот восемь из них прибыли в порт назначения.

А что со 111-й пехотной дивизией, полки которой были переброшены на усиление Крыма в марте? Именно этой дивизии был нанесен самый тяжелый удар. В темноте и тумане ни один из шестидесяти транспортов не нашел дороги к местам их посадки. Ни один.

Наступал день — 12 мая. В голубом небе засияло солнце. Т-34 атаквали последнюю линию прикрытия, защищавшего пристани нижнесаксонской дивизии. У бойцов только винтовки и несколько пулеметов. Все тяжелое вооружение уже разбито.

Подполковник Франц, офицер разведки, жег на берегу секретные документы. Сопротивление сломлено. Распространилась паника. Лейтенант Готтлиб, адъютант 117-го артиллерийского полка, нашел доску и побежал с ней в воду, чтобы уплыть в море. Его потопили пулеметной очередью с советского истребителя. Только четыре недели назад этот молодой офицер вынес из-под страшного огня противника тело своего брата, чтобы похоронить его за немецкой линией фронта.

Неожиданно появились несколько немецких штурмовых судов. Унтер-офицер спросил: «Господин подполковник, в какую сторону Турция?» Потом запрыгнул на борт уже переполненного судна, и они отвалили.

Русские танки держали дистанцию. Берег обстреливала артиллерия. Огневой вал постепенно сдвигался вперед. Ближе и ближе. Полоска земли между скалами и прибором была меньше тридцати метров. И несколько тысяч людей толпились на ней в грязи, гальке и камнях.

Затем медленно подъехали танки. Их люки были открыты. Генерал Грунер пошел в направлении Т-34. Рывкнула пушка — генерал медленно осел на землю.

Сопровождавшие танки советские пехотинцы, казалось, были просто в ярости. Они кричали, стреляли, били ружейными прикладами. Один немецкий унтер-офицер отказался отдать свой Золотой крест. Они сказали: «Хороший солдат» — и... скосили очередь.

Офицеров отбирали и уводили. Раздавались звуки выстрелов и крики. Фриц Нидзведски, связной роты, а прежде много путешествовавший официант из отеля «Эдем» в Берлине, вместе с Зеппом Протзнером, водителем офицера разведки, схватили подполковника Франца и втолкнули в группу рядовых. Те плотно сомкнулись вокруг него и скрыли от глаз русских его красные офицерские канты.

Служивших у немцев русских построили на скале и расстреляли. Жестокий конец.

Шесть месяцев спустя подполковника Франца допрашивал советский офицер в московской тюрьме. Русский был вежлив и пытлив. Он особенно интересовался операцией 111-й пехотной дивизии в Крыму. И он сказал: «Мы не торопились брать Крым. В конце концов, он являлся нашим самым большим лагерем военнопленных. Немцы фактически были пленниками на полуострове с ноября 1943 года. Они сами себя снабжали. Сами себя охраняли. Они уходили в отпуск и даже возвращались за собственный счет».

Если бы конец Крыма не был таким ужасным, можно было бы согласиться с русским офицером. Однако баланс слишком мрачен, чтобы отделаться от него остротой.

Количество убитых и раненых за период с 8 апреля по 13 мая составило 57 500: 31 700 немцев и 25 800 румын. Кроме того, сравнение цифр эвакуации показывает, что неизвестна судьба еще 20 000 тысяч. Это катастрофа сталинградского масштаба.

Небольшой полуостров был своего рода микрокосмом всей войны. То, что произошло на этой территории примерно в сто шестьдесят квадратных километров, типично для всего Восточного фронта — от Петсамо на Крайнем Севере до Кавказа.

Дисциплинированность и доблесть, повиновение и самопожертвование, как и подлость, жестокость и первобытная дикость проявлялись здесь наряду с глупостью и ошибками, честолюбием и страхом, фанатизмом и пьянством. Вся война в России отразилась здесь, как в капле воды.

И поэтому в Крыму, как и везде, проявили себя факторы, которые не поддаются точной оценке, — стратегические ошибки, экономические и политические соображения, законы сухопутной, морской и воздушной войны. Все это сыграло свою роль на столь ограниченной территории, и то, что здесь случилось, повлияло на общее развитие событий.

Гитлер и Сталин сошлись, разыграли свои козыри и обнаружили свои слабости.

И люди, приказывавшие или исполнявшие приказы между Гнилым морем и пляжами Ялты, тоже были такие же, как везде на Востоке, воюющие на передовой или планирующие операции у карты. Битва в Крыму — подлинный микрокосм всех баталий во второй половине войны в России.

Часть восьмая

КАННЫ ДЛЯ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»

1. Развертывание

Пример из древней истории — Гитлер ожидает наступления из Галиции — Сталин находит самое слабое место — Десятикратное превосходство — Прения в Кремле — Рокоссовский выходит вон.

2 августа в год 216 до Рождества Христова армия карфагениян под командованием Ганнибала столкнулась с римской армией под предводительством консула Теренция Варро у деревни Канны в Южной Италии. У римлян было численное преимущество, однако великолепная конница Ганнибала более чем компенсировала разницу в количестве.

Сражение началось. Две армии двинулись навстречу друг другу. Ганнибал разыграл свой козырь: командир конницы Гасдрубал ударил по слабой римской кавалерии на правом крыле римской армии. Римские всадники посыпались в реку Ауфидус. Тогда, пройдя в тылу римской пехоты, Гасдрубал сзади атаковал левое крыло, где вторая группа римской кавалерии в 3000 всадников сражалась с легкой конницей карфагениян. И он победил римскую кавалерию, а потом с тыла пошел в наступление на римскую пехоту.

Что выиграл Теренций Варро от того, что его тяжело вооруженная пехота превосходила карфагенских наемников? С конницей Гасдрубала в тылу и карфагенской пехотой на флангах участь римлян была предрешена. Первое сражение на уничтожение подходило к концу — окружение основных сил противника подвижными частями с последующим наступлением пехоты на окружение с обоих флангов.

Граф фон Шлиффен, прусский генерал-фельдмаршал, оставил блистательное исследование этого сражения. Римлян, объяснил он, постепенно сжимали. Их силы были на исходе. Ганнибал объехал поле кровавого сражения, ободряя энергичных воинов и поднимая на смех вялых. Устав от резни, они, в конце концов, взяли в плен 3000 оставшихся в живых римлян. На небольшом пространстве остались 48 000 тел. Консул Эмиллий Павел и проконсул Сервилий были среди убитых. Варро с несколькими конниками и тяжелыми пехотинцами удалось спастись. В деревне Канны и двух римских лагерях еще несколько тысяч человек попали в руки победителей.

Вот что Шлиффен писал в 1909 году: «Это блестящее сражение на уничтожение. За прошедшие две тысячи лет абсолютно изменились оружие и способы боя. Войска уже не бьются друг с другом короткими мечами, а стреляют друг в друга через тысячи метров; место лука заняла пушка, место пращи — пулемет. Вместо бойни у нас теперь есть

капитуляция. Однако общая схема сражения осталась прежней. Бой на уничтожение и сегодня можно вести по тому же плану — плану, разработанному Ганнибалом в давно забытые времена».

Граф Шлиффен был абсолютно прав. Летом 1944 года Канны римлян были снова разыграны в России, на Березине.

Как весь путь немецко-русской войны размечен ошибочными решениями, так и финальный акт кампании тоже открылся трагической ошибкой немецкого Верховного главнокомандования. С нее началось решительное поражение на Востоке, катастрофа на центральном фронте летом 1944 года.

Кто в 1941 году мог подумать, что горделивые армии группы «Центр» всего через три года потерпят самое большое поражение в военной истории, допустят сражение на уничтожение, беспрецедентные Канны?

Немецкие армии группы «Центр» являлись острием наступательного клина в операции «Барбаросса». Своими двумя танковыми группами и тремя мощными пехотными армиями они должны были смять главные силы советских войск западнее Днепра и затем нанести молниеносный удар в сердце Советского Союза — Москву.

Группа армий с захватывающей дух быстротой промчалась через Брест-Литовск в Минск и через Днепр в Смоленск. Потом Гитлер начал колебаться, повернул от «московского плана», развернулся вниз в Киев, чтобы сначала захватить столицу Украины. Только после недель в грязи, после наступления зимы возобновили поход на Москву. Но к тому времени было уже поздно. Русская зима с ее сибирскими морозами и свежими сибирскими войсками оказалась не по зубам немецким войскам и их вооружению. Группу армий «Центр» разбили на подходах к Москве.

События зимы 1941 года привели к решительному повороту в войне в России. Фокус немецкой стратегии переместился с центра и чисто военных соображений, нацеленных на столицу противника и центральные коммуникации, на экономические цели на юге Советского Союза, цели, которые Гитлер, в отличие от его генералов, считал решающими для исхода войны, — уголь, сталь и нефть. Донецкий бассейн и Кавказ превратились в главные поля сражения. Там наносились главные удары. Там кидали жребий на победу или поражение.

Группа армий «Центр» после ее отступления с подходов к Москве стала для немецкого Верховного главнокомандования «второстепенным театром военных действий». Дерзкая 2-я танковая армия Гудериана, которая согласно плану «Барбаросса» должна была обойти Москву с юга и захватить столицу СССР в течение двадцати месяцев, до августа 1943 года, находилась на своих отсечных позициях вокруг Орла, куда она отступила после трагедии в Туле. Еще одно указание на то, что после своей победы на Волге Сталин намеревался наступать на немецкий фронт не в центре, а на юге.

Тщетно генерал-фельдмаршал фон Манштейн дергал Ставку фюрера с самого Сталинграда: «Решение будут приниматься на юге — вот почему мы должны быть сильными». Снова и снова он просил усилить южный фланг, если необходимо, то за счет других групп армий. Гитлер так не сделал.

Таким образом, на юге проигрывали одно сражение за другим. Теряли также завоеванные богатства: железо и уголь, никель и марганцевую руду, зерно Украины, не говоря уж о фланговом бастионе — Крыме. Теряли из-за ошибок!

Карта 47. Четыре русских фронта численностью 2 500 000 человек изготовились к атаке на выступ группы армий «Центр». Для обороны выступа генерал-фельдмаршал Буки имел четыре армии, примерно 400 000 человек. Однако Гитлер не верил, что русские предпримут фронтальное наступление; он боялся операции на окружение из Галиции через Львов на Кенигсберг. Поэтому он ослабил группу армий «Центр» и перебросил почти все находящиеся в России танковые войска в район группы армий «Северная Украина».

Карта обстановки на июнь 1941 года ясно проявляет трагическое развитие событий на юге Восточного фронта. Советы продвинулись далеко на запад. Их фронт проходил из Одессы на Черном море по северным склонам Карпат в Коломью и там резко поворачивал к северу, к Припятским болотам севернее Ковеля. Оттуда огромный клин группы армий «Центр» выступал к востоку более чем на 400 километров и у Орши и Могилева даже на 50 километров за Днепр. Тыловые коммуникации этого выступления уже находились в угрожаемом положении на юге, с западной стороны Припятских болот.

Эта угроза, слава Богу, в прямом смысле слова увязла в русской весенней грязи, и немецкое Верховное главнокомандование в результате выиграло столь необходимую передышку. И с ней шанс на стабилизацию, хотя и на импровизированной основе, серьезного угрожаемого сектора фронта между Карпатами и Припятскими болотами.

«Вольфшанце» и Мауэрвальд волновал один вопрос: что сделает Сталин, когда распутица закончится? Где он предпримет свое летнее наступление? Это было главнейшей, решающей проблемой 1944 года.

Ответ, который дали себе Гитлер и его советники, был неверным. И этот неверный ответ, основанный на неправильной оценке ситуации, привел к катастрофе.

Восемнадцать месяцев Гитлер отказывался признать, что Сталин совершенно очевидно стремится подавить южное крыло. Восемнадцать месяцев он недооценивал Красную Армию и ее растущий военный опыт. Теперь он совершал новую ошибку. Он верил, что Сталин может искать решения только на юге — просто потому, что в Галиции у него появляется стратегическая возможность наступать на Варшаву и Вислу и таким образом в тыл группы армий «Центр». Гитлер отбросил все сомнения: русские, сказал он, ударят между болотами Припяти и Карпатами! Они должны ударить там!

Ночь за ночью он разглядывал карту обстановки, изучая ее и составляя свои планы. И в каждом плане он приписывал своему оппоненту собственные мысли. Разумеется, было бы заманчиво охватить выступ огромными клещами и отрезать две группы армий с семью армиями. В конце концов, от верховий Припяти до побережья Балтики было только 450 километров без каких-либо значительных препятствий. Прекрасная пробежка. Это, несомненно, смелая и соблазнительная идея для отважного генерала с достаточными силами. Интересно, что не только Гитлер, но и его советники, такие, как генерал-полковник Йодль и генерал Хойзингер, этот пронизательный начальник оперативного управления, поддались привлекательности этого плана. Его привлекательность была столь велика, что Ставка фюрера продолжала верить в операцию в Галиции, даже когда после 10 июня поступало все больше донесений об активности противника перед фронтом группы армий «Центр». Все они расценивались как уловки русских.

Идея операции «Висла—Балтика» так увлекла Ставку фюрера, что у них даже мысли не возникало, что русские могут как-никак планировать и что-нибудь другое. Все предостережения и призывы боевых командиров были напрасны.

В результате Главное командование сухопутных войск Германии сосредоточило в Галиции все наличные резервы, прежде всего танковые дивизии. Четыре танковых корпуса в составе восьми танковых и двух мотопехотных дивизий. Значительная сила.

Другие участки фронта, в частности группы армий «Центр», безжалостно оголялись. Немецкое Верховное главнокомандование уверенно ожидало наступления по фронту группы армий «Северная Украина». И ее новый командующий, генерал-фельдмар-

шал Модель, был столь же оптимистичен, как само Главное командование сухопутных войск Германии: впервые, подчеркивал он, мощный советский удар натолкнется на соответствующий немецкий ответ.

Напрасная надежда. Это показывает, как слабо было информировано немецкое Верховное главнокомандование, как мало реальных фактов оно знало. Годами Ставка фюрера недооценивала русских; теперь она переоценила свою стратегическую прозорливость.

Летом 1944 года советское Верховное Главнокомандование не вынашивало столь далеко идущих стратегических планов, какие ему приписал Гитлер. Опыт на Днестре и Днепре заставил Сталина отказаться от грандиозных проектов. Катастрофы танковой группы Попова и 6-й армии в сражениях в Красноармейском и Харькове сделали его осторожнее. К тому же он редко атаковал противника в его самых сильных точках. А блистательные успехи разведки давали ему возможность строить свои планы на точном знании положения противника. Летом 1944 года этот метод привел к прямой противоположности того, чего ожидали немцы. Сталин сделал то, что в последний момент хотел сделать Манштейн на Курском выступе, когда он оценил мощь русской обороны по флангам, — атаковал выступ фронтально, в точке, где противник был слаб или, по крайней мере, слабее, чем на флангах.

Именно поэтому Сталин начал наступление на группу армий «Центр». Гитлер, к сожалению, не имел в ставке противника «Вертера», который информировал бы его так, как был информирован Сталин.

Степень, до которой немецкое Верховное главнокомандование до самой последней минуты продолжало настаивать на своей стратегической ошибке, показывает выступление генерал-фельдмаршала Кейтеля, начальника Генерального штаба Главного командования Вермахта, сделанное им 20 июня 1944 года по поводу общей военной обстановки. Он объяснил, что русские не предпримут наступления, пока Западные державы не добьются каких-либо заметных успехов силами, высадившимися в Норвегии 6 июня. И тогда главный советский удар будет нанесен в Галиции, а не по группе армий «Центр».

Сорок восемь часов спустя шеф немецкого Верховного главнокомандования был сильно разочарован. Русские атаковали. И не в Галиции.

22 июня 1944 года была годовщина операции «Барбаросса» — третья годовщина нападения Германии на Россию. Со своим безошибочным чутьем на то, какое впечатление производят подобные годовщины на русскую душу, Сталин использовал чувства для фанатического подъема боевого духа войск. Так же как он приказал взять Киев к годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1943 года, так теперь он назначил годовщину немецкого вторжения в Советский Союз днем «Д» для решающего наступления летом 1944 года.

Чтобы заставить немецкое командование как можно дольше гадать, где будет нанесен главный удар летнего наступления, маршал Жуков, один из двух представителей Ставки для координации действий, решил начинать поэтапно по 720-километровому ослабленному фронту группы армий «Центр». Великий час настал.

Первый акт разыграли партизаны. В ночь с 19 на 20 июня территорию за линией фронта сотрясли крупномасштабные диверсии. К рассвету 10 500 взрывов повредили железнодорожные линии от Днепра на запад, были взорваны основные мосты, нарушено снабжение, часто более чем на двадцать четыре часа.

Не только железные дороги были парализованы — много хуже, что в тысячах мест были перерезаны телефонные линии. И поскольку в 1944 году не существовало такой вещи, как контроль за движением поездов по радио, отказал весь управляющий аппарат начальника транспорта группы «Центр». Тотальный паралич железнодорожного движения явился решающей причиной катастрофического развития событий в последующие сорок восемь часов. Железнодорожный транспорт, в конце концов, был источником жизненной силы военной организации. Прекратилось движение — жди общего паралича.

Полковник Теске, начальник транспорта, осознал полноту этого коллапса, облетая территорию на своем «Шторхе». Все станции и перегоны были перегружены, паровозы едва тащились, на нескольких еще двигающихся поездах люди висели гроздьями, даже на локомотивах, это в основном были раненые из угрожаемых районов.

Следующие цифры проиллюстрируют проблему. 1 июля нужно было эвакуировать из Минска около 8000 раненых. 7 июля в сторону группы армий двигались 98 эшелонов. Всего в тот день в районе группы армий находилось 216 составов, а именно: 138 с войсками, 59 со снабжением, 12 для Люфтваффе и семь для железнодорожных войск. Они двигались с огромным трудом. Срочные грузы не доходили до фронта — ни войска, ни боеприпасы.

Второй акт великой битвы начался 22 июня. 1-й Балтийский фронт и части 3-го Белорусского фронта атаковали 3-ю танковую армию генерал-полковника Рейнгардта с обеих сторон города Витебска на Двине. Через двадцать четыре часа наступление распространилось на полосу 4-й армии генерала фон Типпельшkirxa. Здесь советский 2-й Белорусский фронт атаковал район Днепра между Оршей и Могилевом. Наконец 24 июня Ставка бросила 1-й Белорусский фронт Рокоссовского против 9-й армии генерала Йордана. Этот удар нацеливался на Бобруйск на Березине.

Таким образом, только 24 июня немецкое командование осознало, что русские наносят свой большой решающий удар по всему фронту группы армий «Центр». 23 июня Ставка фюрера все еще тешила себя иллюзией, что атаки русских в центре не более чем отвлекающий маневр для ожидаемого наступления из Галиции. Двадцать четыре часа спустя Гитлер понял свою роковую ошибку.

Мощность советского наступления, сокрушающее превосходство в артиллерии, танках и самолетах поддержки наземных сил стали очевидными через первые сорок восемь часов. С ужасом Гитлер и его советники вглядывались в панические донесения с фронта. Они увидели то, что не смогла отследить немецкая разведка, — привлечение беспрецедентных советских наступательных сил, неотразимую волну, которая в течение нескольких часов смывает все на своем пути.

Генерал-фельдмаршал Буш оборонял восточный участок группы армий «Центр», фронт шириной примерно в 720 километров, тремя армиями в составе тридцати четырех дивизий. Его ослабленная 2-я армия на Припяти прикрывала южный фланг и соединение с группой армий «Северная Украина». Единственная танковая дивизия, 20-я, несколько дней была развернута за 9-й армией у Бобруйска. Практически все остальные танковые дивизии Восточного фронта находились в Галиции или в районе западнее Ковеля, ожидая противника, который там не наступал. А были ли там другие резервы? За 4-й армией Буш держал одну 14-ю пехотную дивизию; на правом крыле 3-й танковой армии у него находилась 95-я пехотная дивизия. В Могилеве, т.е. в сек-

торе 9-й армии, стояла мотопехотная дивизия «Фельддренхалле», но она еще пополнялась, и на левом крыле — 707-я пехотная дивизия. И все. Или почти все — был еще 6-й воздушный флот генерал-полковника риттера фон Грайма. Однако на день наступления он имел сорок боеспособных истребителей. Всего сорок. Остальные — в Германии или во Франции, где только три недели назад, 6 июня, вторжение союзников началось с сокрушительного превосходства в воздухе. Это был второй фронт, который Сталин годами просил союзников открыть. Сталин подождал еще шестнадцать дней, чтобы убедиться, что эта действительно массированная, многообещающая и успешная поддержка западных держав. Когда стало ясно, что операция в Норвегии не просто еще один Дьепп, а настоящее вторжение, предпринятое всей военной мощью, которую Запад сумел собрать, Сталин тоже ударил. Теперь он был уверен, что Гитлер не привезет из Франции ни единой дивизии, ни единого танка, ни единого самолета, чтобы помочь своей группе армий «Центр».

Маршал Жуков и маршал Василевский, два аса Красной Армии, осуществляли командование советскими войсками, противостоящими теперь тридцати четырем дивизиям Буша. Русские превосходили немцев по численности в отношении шесть к одному, а по вооружению — более чем десять к одному. К атаке развернулись четыре русских фронта в составе четырнадцати армий, усиленных танковыми объединениями и пятью воздушными армиями. Это составляло примерно 200 дивизии с 2 500 000 человек. И какое вооружение! В целом 6000 танков и штурмовых орудий, 45 000 орудий и минометов, 7000 самолетов, не считая соединений авиации дальнего действия. Не говоря уж об автоматическом оружии, взрывных устройствах и автомобилях.

Перед лицом настолько превосходящих сил немецкие армии, отражавшие все атаки противника в течение зимы 1943/44 года, были в безнадежном положении. Абсолютно безнадежном не только вследствие материального превосходства противника, но и потому, что жесткие приказы Гитлера «держаться» лишали их свободы стратегического маневра и серьезно затрудняли даже тактические действия. И наконец, третьей помехой являлось то, что многие дивизии были привязаны к так называемым «укрепленным районам». На самом деле! К линиям крепостей и фортов прошлой войны. К этой идее подтолкнул Гитлера опыт Первой мировой войны, в особенности тактика Вердена и Дойя-монта. На этом устаревшем опыте Гитлер построил новую стратегию «держаться» — стратегию численно меньших сил, и таким образом он надеялся остановить русское крупномасштабное наступление.

Идея была достаточно незамысловата. Важные узлы связи, центры снабжения и места политического и исторического значения нужно было защищать всеми возможными способами, до последнего патрона. Таким образом, эти «крепости» должны были связать значительные силы противника, чтобы снабжение прорвавшихся соединений оказалось нарушенным и они потеряли бы свою наступательную мощь.

На территории группы армий «Центр» такими «укрепленными районами» были объявлены города Слуцк, Бобруйск, Могилев, Орша, Витебск и Полоцк; на их оборону отвели по одной дивизии, за исключением Витебска, куда поставили три.

План был внешне убедителен, но с одной загвоздкой. Идея сработает только в том случае, если противник действительно атакует эти «укрепленные районы» и сосредоточит там свои силы. А если нет? Предположим, он вообще не станет их атаковать и просто обойдет, оставив сей караул в стороне, не позволит себе замедлить наступление?

И кое-что еще. В случае прорыва противника немецкие армии и корпуса не могли даже надеяться снова перекрыть разорванный фронт, потому что наличные дивизии будут прикованы к «укрепленным районам».

Однако Гитлер отменил все эти возражения своих боевых командиров. Он отказывался видеть, что летом 1944 года на поле сражения вышла совершенно новая Красная Армия, а не та, с которой он воевал в 1941 или 1942 годах. Офицеры и красноармейцы извлекли важные уроки из операций 1943 года. Самое главное, они научились сосредоточивать свои усилия на направлениях главных ударов, максимально использовать подвижные войска и крупные танковые соединения.

Кроме того, русские не испытывали недостатка в вооружении и боеприпасах. В 1944 году советская военная промышленность достигла своего зенита. Обращаясь к русскому патриотизму, большевистская система подняла народ на поразительные усилия. Не последнюю роль в этом сыграли и военные успехи по освобождению огромных территорий, и пагубная оккупационная политика Гитлера с ее философией «излишних рас». И наконец, к 1944 году достигли пика поставки американцев: многие дивизии Красной Армии передвигались на американских грузовиках, стреляли американскими снарядами, ели канадский хлеб и одевались в форму, пошитую из американского сукна.

Таким образом, решающее советское летнее наступление происходило на подъеме как военной промышленности Советского Союза, так и боевого духа войск. Германия, напротив, находилась на спаде. 20 июля, в день покушения на Гитлера, Третий рейх был подавлен, а в Советском Союзе испытывали грандиозный взрыв патриотических чувств. Давались сотни тысяч торжественных обещаний; сотни тысяч советских граждан клялись сражаться до последней капли крови.

Приведем только один из многих примеров: Вера Прошина, девушка-радистка из 103-й танковой бригады, так выразила свои мысли и чувства в массовой печати: «Сегодня исполняется моя заветная мечта — бить гитлеровцев из танка, отомстить за страдания народа, отомстить за мое собственное горе. Фашисты убили моих папу и маму, поэтому я буду беспощадно уничтожать их и покажу, на что способна советская девушка. Смерть проклятым захватчикам!»

Такие публичные клятвы красноармейцев и офицеров тысячами листовок распространялись по фронту и повторялись в массовом порядке. Это поддерживало преданность, мужество и боевой дух.

Что же касается стратегических решений, стоящих за «Белорусской операцией», как называли крупное летнее наступление, у нас есть более выдающийся свидетель, чем Вера Прошина. Маршал Рокоссовский, командующий 1-м Белорусским фронтом, наступавшим в секторе немецкой 9-й армии, написал исключительно познавательное эссе, раскрывающее различные и до того времени неизвестные факты по поводу борьбы, которую генералы вели со Сталиным в связи с планом этой операции.

Рокоссовский, дважды Герой Советского Союза, когда-то каменщик и драгунский унтер-офицер в царской армии, был типичным генералом, порожденным революцией, — смелый, хладнокровный, с природным стратегическим даром и дерзостью драгунской бравადы. Человек с непринужденными манерами и несомненным обаянием — наследие, по всей вероятности, польской стороны его предков. Во многих отношениях Рокоссовский мало отличался от Манштейна.

Цель освободить Белоруссию, пишет Рокоссовский, была поставлена заинтересованным фронтам еще осенью 1943 года, «когда мы наступали к Днепру. Однако тогда задача оказалась неразрешимой, поскольку мы понесли слишком тяжелые потери в ходе летних сражений. Когда войска нашего фронта вышли на Сож и Днепр, сопротивление противника заметно возросло, и нам пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы форсировать Сож и продвинуть наши армии в междуречье Днепра и Припяти. Для чего-то еще сил оказалось недостаточно. Мы вынуждены были сделать паузу, чтобы снова собраться с силами». Таков рассказ Рокоссовского.

Примерно в середине марта 1944 года Сталин позволил Рокоссовскому и ознакомил его с общими задачами его фронта. В начале мая 1944 года начали детально прорабатывать план операций. Сектор Рокоссовского должен был наносить главный удар. Первый этап включал захват Бобруйска, центр транспортных коммуникаций в середине лесистого и болотистого края в низинах реки Березина.

Бобруйск имел решающее значение для последующей операции против Брест-Литовска. Рокоссовский и его штаб пришли к заключению, что наступление нужно осуществлять в форме захвата в клещи двумя армиями и танковым корпусом с каждой стороны — одна часть движется на Бобруйск с северо-запада, из района Богачева, а другая наступает с юга, в направлении Бобруйска и Слуцка. Однако советским генералам тоже приходилось иметь дело с имеющим собственные стратегические идеи диктатором — очень часто таким же твердолобым, как Гитлер.

Совещание по обсуждению плана проходило в Ставке Сталина 22 и 23 мая. Решение Рокоссовского вызвало яростное несогласие. Сталин и несколько членов Ставки требовали сконцентрировать все силы в едином наступательном ударе с Днепровского плацдарма. Аргументы опытного генерала, что для такого движения недостаточно оперативного пространства, что территория слишком сложна и наступление откроет свой фланг с севера, категорически отменялись, Сталин упрямо настаивал на едином ударе. Как у Гитлера были его «укрепленные районы», так у Сталина была своя теория сосредоточенных ударов, которую он упрямо хотел применять повсюду. Он, конечно, был прав в принципе, но в данном конкретном случае ситуация требовала отступить от этого правила. Однако Сталин отказывался признавать очевидное. Интересно посмотреть, какими методами он старался навязать свою волю маршалам и командующим фронтами. Вот рассказ Рокоссовского:

«Сталин приказал мне на двадцать минут выйти в другую комнату и обдумать предложение Ставки. Потом я должен был вернуться. Но мне нечего было обдумывать. Когда время вышло, я вернулся и продолжал настаивать на своей точке зрения. Меня снова послали в другую комнату. Снова на двадцать минут. Во время второй ссылки ко мне присоединились министр иностранных дел Молотов и правая рука Сталина Маленков. Они порицали мой спор с Верховным Главнокомандующим и просили принять предложение Ставки. Я ответил, что убежден в правильности моей позиции, и, если Ставка прикажет проводить наступление по своему плану, я буду просить освободить меня от командования фронтом. Я вернулся в конференц-зал, но опять не смог убедить Сталина и его советников. Меня в третий раз послали в другую комнату. Но когда я вернулся и все равно настаивал на своей позиции, план одобрили».

Разумеется, не без едкой реплики Сталина по поводу упрямства армейских генералов и предупреждения о полной ответственности за операцию. Рокоссовский принял ответственность. Он отстоял свой план.

2. Наступление

«Гроза пять, пять, пять» — Роковое промедление — Бобруйская ловушка — Кровавая Березина — Витебск взят в клещи — «Лично ручаюсь за бой до конца» — Ответ найден: советское господство в воздухе.

Уже с самой первой попытки русские глубоко прорвали левое крыло группы армий в секторе 3-й танковой армии. За двадцать четыре часа «укрепленный район» Витебска оказался в красных клещах.

То же самое происходило и у 4-й армии. Дивизии советского 2-го Белорусского фронта ударили на Оршу и Могилев и скоро прорвали широкую брешь во фронте армии генерала Типпельскирха восточнее Могилева. За Могилевом стояла танковая дивизия «Фельдхеррхалле», бывшая 60-я моторизованная дивизия из Западной Пруссии и Данцига; своим новым именем она была обязана присоединенному к ней гвардейскому полку СА.

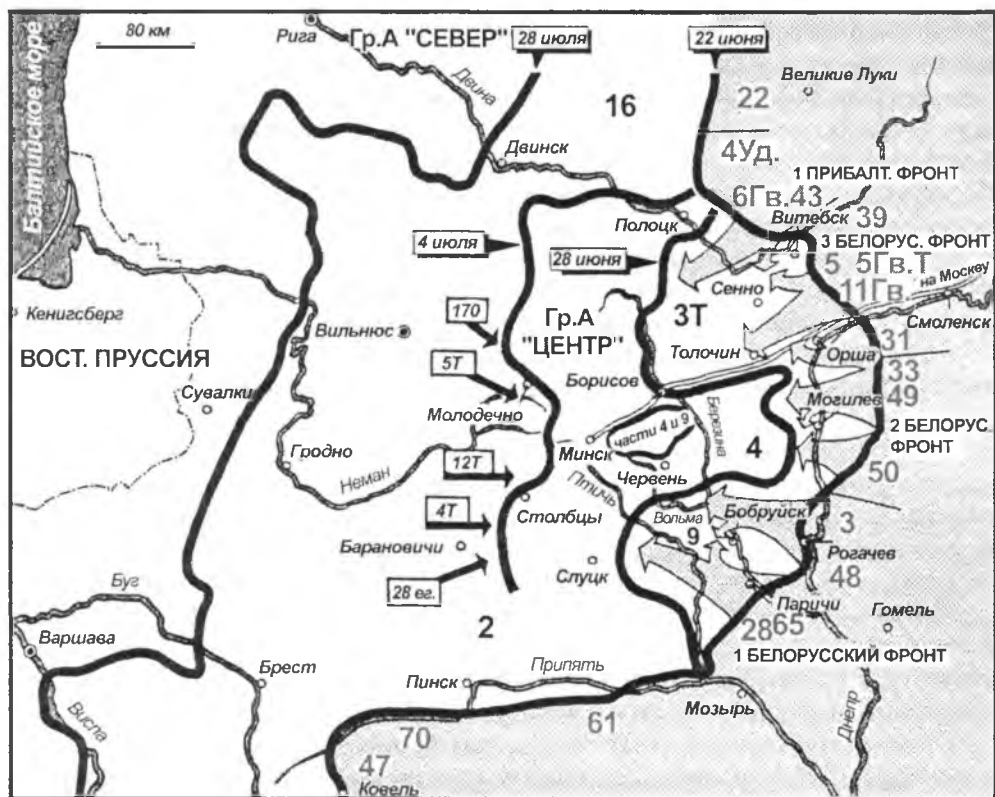
Участие дивизии в летнем наступлении было типично для происходящего между Днестром и Березиной. С середины мая, после тяжелых боев севернее Витебска, она находилась на резервной позиции для отдыха и пополнения. Части ее артиллерийского полка и танкового батальона все еще оставались в Германии. Пополнение в основном прибывало из Норвегии, где люди привыкли к спокойной жизни на оккупированной территории, а не к тяготам войны на Востоке. Последний транспорт появился примерно в середине июня, за восемь дней до наступления. Не имея никакого боевого опыта, люди попали прямо в жестокое сражение.

Вечером первого дня наступления «Фельдхеррхалле» получила приказ «перекрыть брешь восточнее Могилева». Когда командир дивизии генерал фон Штейнкеллер доложил командиру 39-го корпуса, генерал Мартинек покачал головой: «Какую конкретно брешь вам предстоит перекрыть? Там кругом одни бреши. Ваше место на Березине, чтобы у нас там сохранялась отсечная линия, куда мы сможем отойти, когда уже будет невозможно держаться на Днестре. А это случится очень скоро».

Мартинек был совершенно прав. Березина протекает примерно в семидесяти километрах западнее Днестра. Если бы «Фельдхеррхалле» действительно стояла там, вместе с 18-й мотострелковой дивизией, многого удалось бы избежать. Поскольку именно на Березине в скором времени и произошла катастрофа.

Однако приказы требовали другого. «Фельдхеррхалле» вступила в бой в ста километрах восточнее Березины, за Днестром. В безнадежной позиции. Капля в море. «В течение ночи с 25 на 26 июня, — докладывал позже генерал фон Штейнкеллер, — мне удалось, по большей части благодаря удаче, а не умелому командованию, отвести мои дивизии обратно через Днестр в Могилев».

Пока генерал вел свои танковые формирования против советских танков, его начальник оперативного отдела подполковник Фельш 24 июня в 14 часов получил от 12-го армейского корпуса следующую радиограмму: «Войскам пробиваться на запад; 12-й пехотной дивизии оборонять Могилев». С этого момента оперативный район, по сути, уже не контролировался. Дороги на запад были переполнены груженными автомобилями и частями самых разных дивизий, отступающими без ясной цели в любом возможном направлении. А советские танки снова и снова атаковали эти колонны.

Карта 48. 22 июня 1944 года русские начали общее наступление на выступ группы армий «Центр». «Укрепленные районы» Витебск, Орша, Могилев и Бобруйск были взяты в клещи, но основная часть наступающих советских войск продолжила движение на запад. Таким образом, гитлеровская стратегия «укрепленных районов» потеряла крах: слабый фронт обрушился, главные силы 4 и 9-й армий оказались окружены между Минском и Березиной.

Напрасно Модель, вновь назначенный командующий группой армий, старался стабилизировать отсечный рубеж между Барановичами и Двиной посредством контратак спешно подтянутых дивизий. Через пять недель после начала своего наступления русские уже были на Висле и у границ Восточной Пруссии.

Именно в этот момент Советы нанесли свой главный удар по правому крылу группы армий — 1-й Белорусский фронт Рокоссовского атаковал Бобруйск.

Генерал Батов, командующий советской 65-й армией, выбрал для своего танкового удара по Бобруйску то место, где генерал Йордан и его немецкая 9-я армия ожидали его меньше всего — через пятисотметровое считавшееся непроходимым болото. Великолепная операция. Под прикрытием дымовых завес армейские инженеры уложили через болото подготовленные гати, как это делается при наведении моста через реку.

«Гроза пять, пять, пять», — проскрипели рации командиров танков. Это был сигнал к атаке Донского танкового корпуса по дороге через болото 24 июня. Пехота тоже получила сигнал и пошла по коварному болоту, охраняемому лишь тонкой линией немецких пикетов 36-й моторизованной пехотной дивизии. Они перешли болото, как лыжники заснеженные просторы — на ноги они падали самодельные ивовые мокроступы.

Вот еще пример русской находчивости. Болото, дремучий лес и ночь были их излюбленными условиями, и они использовали их неподражаемо.

41-й танковый корпус был захвачен врасплох. Что предпринимать генералу Хоффмайстеру? Его танковый корпус был танковым лишь по названию — кроме 36-й мотопехотной дивизии в него входили две пехотные дивизии. Понятно, что следовало бросить в контратаку против внезапного танкового удара противника на шоссе Могилев—Бобруйск 20-ю танковую дивизию, которая стояла на исключительно удобной резервной позиции около Бобруйска. Однако генерал Йордан, несомненно, надеясь, что 41-й корпус сможет справиться с критической ситуацией самостоятельно, целый день колебался, прежде чем принять это логичное решение. Его промедление оказалось роковым. И такого рода провалы обычно опытных командиров тоже являлись типичными для этого губительного сражения. А возможность была совершенно очевидной.

Восточнее бобруйского моста через Березину стоял усиленный 2-й батальон 21-го танкового полка гессенской 20-й танковой дивизии. Он был прекрасно расположен и мог отразить удары противника с юга и севера. Батальон имел прекрасное вооружение — около сотни боеспособных Т-IV. Однако он не получил приказа. В конце концов, командир батальона, майор Пауль Шульце, действуя по собственной инициативе, тремя ротами пошел на танки советской 48-й армии севернее Бобруйска. Но он не мог помешать прорыву танкового корпуса советской 3-й армии еще севернее на стыке с 4-й армией. Шульце оставил роту с двадцатью Т-IV в качестве тактического резерва и с остальными танками снова ударил во фланг прорвавшемуся неприятелю.

Как только он выступил, из армии поступил противоположный приказ: идти южнее Бобруйска. Штаб 9-й армии наконец осознал, что главная угроза исходит от Донского танкового корпуса Батова, наступающего к шоссе. Несмотря на это, отзывать танки Шульце из атаки, чтобы перебросить их на юг, было грубейшим просчетом. В результате крупные силы немецких танковых войск не смогли эффективно противостоять ни на одном из угрожаемых участков.

Майор Шульце совершенно справедливо заметил: «Пока мы путешествовали с севера на юг, русские разнесли опорные пункты наших пехотных дивизий и пошли дальше. Таким образом, на всем моем пути к южной полосе 9-й армии я встречал только отступающие войска».

Тем не менее контратака группы танков началась успешно. Но в то время как танки еще ликвидировали русские прорывы во фронте, в их тылу уже горели деревни. Русские прорвались на северо-западе и угрожали танковой ударной группе Шульце с тыла.

Майор вывел танковую роту лейтенанта Бегемана из боя и направил ее обратно на север, чтобы держать открытыми перекрестки и мост восточнее Бобруйска.

Поразительно видеть, чего мог добиться единственный крупный танковый отряд под смелым и решительным командованием. Но к сожалению, в этом районе других таких не было. В самом деле, вся группа армий «Центр» располагала еще только двумя танковыми батальонами и несколькими частями штурмовых орудий. Более трети из них находились не там, где надо, — т.е. перед 2-й армией. Такими скромными силами, независимо от их вооружения и блистательного руководства, невозможно было остановить наступление четырнадцати русских армий и нескольких отдельных танковых корпусов.

Неуверенное командование генерала Йордана обеспечило группе армий ее первое решительное поражение. Оно стоило генералу его поста. Этот, несмотря ни на что, выдающийся военачальник стал первым козлом отпущения большого летнего сражения. Его сместили и заменили генералом фон Форманом, опытным и энергичным командиром, но он принял 9-ю армию не в лучший момент.

К утру 28 июня 1944 года донесения корпусов об обстановке не оставили сомнений по поводу масштабов катастрофы. Основная часть 9-й армии была окружена в Бобруйске на восточном берегу Березины, и советские передовые отряды продвигались через реку в западном направлении.

29 июня «укрепленный район» Бобруйск пал. В отчаянном броске ясной ночью мотострелковые и танковые роты 20-й танковой дивизии пробивались из города через советские блокирующие соединения. Командиры трех жестоко потрепанных пехотных дивизий и начальник оперативного отдела 20-й танковой дивизии, подполковник Шонайх, хладнокровно организовывали этот последний прорыв.

Вперед шли гренадеры. За ними последние несколько танков майора Шульце. Затем десять штурмовых орудий капитана Браде. В мучительном сражении им удалось пробиться. Таким образом, по крайней мере часть 41-го танкового корпуса и 35-го армейского корпуса соединились с главными силами. Однако 5000 раненых остались в Бобруйске. Около 80 000 человек спаслись из бобруйской ловушки, когда 4 июля полковник Демме, командир 59-го мотопехотного полка, вышел на отсечную линию 9-й армии с тыловым прикрытием 20-й танковой дивизии. Тридцать тысяч из примерно 100 000. Никто не знает, сколько солдат утонули в вероломной, кровавадной Березине или сложили головы в обширных лесах и болотистых низинах.

Удар Рокоссовского по южному крылу, против немецкой 9-й армии, удался. Он достиг цели раньше графика: Ставка назначила окружение Бобруйска на восьмой день летнего наступления, а фактически оно состоялось на четвертый.

А как развивались события у 3-го Белорусского и 1-го Балтийского фронтов на северном крыле группы армий «Центр», где атакам русских противостояла немецкая 3-я танковая армия? Здесь первой стратегической целью русских являлся Витебск. «Укрепленный район» на Двине окружили двумя мощными клешнями, но прямо атаковать не стали. Еще одна иллюстрация неэффективности гитлеровской стратегии («укрепленных районов»).

Сей могучий удар тоже застал командование 3-й танковой армии врасплох. По правде говоря, генерал-полковник Рейнгардт, командующий армией неоднократно привлекал внимание к угрозе в этом секторе. Примерно в середине мая в своей оценке ситуации он указывал генерал-фельдмаршалу Бушу на крупное сосредоточение войск противника перед левым флангом армии и сделал отсюда вывод, что основной упор в обороне следует сделать на район севернее Витебска. Однако генерал-фельдмаршал Буш и Главное командование сухопутных войск Германии не согласилось с выводом Рейнгардта. Они не верили в операцию на окружение с целью выйти в немецкий тыл; они крепко держались за желаемое: за то, что основной удар будет нанесен по самому Витебску и поэтому, без сомнения, будет остановлен гарнизоном, действующим как дамба на пути водного потока.

«Что я могу сделать?» — неоднократно говорил Буш своему начальнику штаба, генерал-лейтенанту Кребсу, в своем штабе в Минске. — «Что я могу сделать?» Он имел в

виду, что невозможно изменить взгляд Гитлера на обстановку. И поскольку ответа на этот вопрос не было, он успокаивал себя мыслями, что опытная 3-я танковая армия станет преградой так или иначе.

Однако армия Рейнгардта уже не имела своей прежней боевой мощи. Почти треть ее дивизий отослала на другие участки фронта. Из своей мощной артиллерии она сохранила менее половины. Единственный резерв составляли 14-я пехотная дивизия и несколько инженерно-саперных батальонов. В тылу армии находились только 201-я дивизия и батальон местной обороны. Но Ставка фюрера действовала так, как будто ничего не изменилось. Нормально: сил меньше, а задачи больше — для немецкого солдата нет ничего невозможного!

Таким образом, действуя в соответствии с директивами Гитлера, Буш к тому же приказал 3-й танковой армии сосредоточить три-четыре дивизии, другими словами, более трети всех ее сил внутри «укрепленного района» Витебска. Протесты были тщетны. Нелепый приказ.

А что мог сделать Рейнгардт? Он получил приказ. Сомнительный, но тем не менее приказ. И этот приказ требовал укрепить Витебск как можно сильнее, развернуть внутри крепости целый корпус с четырьмя дивизиями. Штаб фюрера был убежден, что русские будут штурмовать город, и поэтому считал необходимым встретить их там двадцатью—тридцатью дивизиями. Однако русские не стали штурмовать, просто обошли крепость с ее четырьмя дивизиями и, таким образом, разрушили всю немецкую концепцию обороны.

Встает вопрос: как могло немецкое командование столь глубоко заблуждаться по поводу сил и намерений противника?

В том, что немецкая сторона не могла проникнуть в главные стратегические намерения советского Верховного Главнокомандования, ничего удивительного нет — у них просто не было агентов внутри высшего советского руководства. Германия не имела ни доктора Зорге, ни «Вертера». Но как остались сокрытыми для немцев цели командиров на передовой — это поистине удивительно. Как правило, воздушная разведка, дезертиры, армейские разведчики, перехваченные телефонные переговоры и радиogramмы дают достаточно оснований, чтобы сделать заключения о тактических намерениях противника. Радиоперехват часто добивался весьма значительных успехов в этом отношении. Почему этого не произошло в группе армий «Центр» летом 1944 года?

Ответ на этот вопрос дает генерал-лейтенант С. Покровский, в то время начальник штаба советского 3-го Белорусского фронта. В интересном рассказе он раскрывает потрясающие детали русских методов дезинформации и маскировки. Войска, например, рыли окопы и строили оборонительные укрепления практически до начала наступления. Таким образом, они и сами верили, что дивизии готовятся к продолжительной позиционной войне. И все это исключительно для того, чтобы ввести в заблуждение немецкую воздушную разведку, разведчиков и информаторов. Чтобы сохранить планы в секрете, строжайшие правила секретности налагались даже на старший командный состав. Письменные документы, имеющие отношение к операции, могли готовить только определенные офицеры и передавать только лично и в руки. Существовал строгий запрет на передачу связанной с операцией информации по техническим средствам связи — по телефону, телетайпу или радио. Письменные директивы готовились отдельно для каждой армии, и только после 20 июня — т.е. за два дня до начала наступления. Это

были драконовские, затрудняющие работу и абсолютно исключительные меры, но они, вне всякого сомнения, принесли свои плоды.

Поскольку гигантское сосредоточение более чем двадцати армий с 207 дивизиями невозможно было скрыть в русском тылу, советский Генеральный штаб принял особые меры, чтобы поставить немецкую воздушную разведку в безвыходное положение. Специальные отряды истребителей постоянно находились в небе и вступали в схватки с немецкими разведывательными машинами. Разумеется, эти меры были успешны не на сто процентов, но они значительно осложняли немецкой разведке сбор основополагающей информации.

Но всегда хоть что-нибудь да идет не так, и никакой план не бывает совершенным. В начале июня в зоне боевых действий силезской 252-й пехотной дивизии сбили русскую «швейную машинку», один из этих медленных устаревших разведывательных самолетов. В нем находился советский майор из штаба воздушной дивизии, и в его сумке нашли несколько исключительно интересных рукописных документов 3-й воздушной армии, исходя из которых можно было сделать далеко идущие заключения о надвигающемся наступлении. Командир дивизии, генерал-лейтенант Мельцер, передал дело в 9-й корпус. Но какой прок от раскрытия секретов, в которые никто не хочет верить?

Генерал-полковник Иван Данилович Черняховский, командующий 3-м Белорусским фронтом, был одним из самых одаренных советских генералов. Не седовласый воин, состарившийся на службе революции, а человек нового поколения, лишь тридцати восьми лет. Смелый боевой командир, страстно интересовавшийся современным оружием и техническими достижениями. По характеру идеальный тип для советской системы командования, основанной на сотрудничестве командующего, начальника штаба и члена Военного совета, так называемой коллективной системы. Он погиб в бою в Восточной Пруссии в 1945 году.

Черняховский и его правый сосед, отважный и предусмотрительный генерал армии Баграмян, начали наступление согласно указаниям Ставки. Прежде всего, грандиозная артиллерийская подготовка из 10 000 орудий. Затем воздушная бомбардировка двумя воздушными армиями, более 1000 бомбардировщиков. Потом двинулись войска. Четырьмя стрелковыми армиями в первой волне 3-й Белорусский фронт атаковал немецкий 6-й корпус южнее Витебска. Основную тяжесть приняла на себя 299-я пехотная дивизия. Ее раздавили. Пошла вторая волна. На скрытых позициях у Черняховского стояли танковый корпус, еще одна подвижная группа механизированных соединений и кавалерия. Как только немецкий фронт был прорван, в брешь устремились танки и механизированные бригады, они подавили последние немецкие центры сопротивления и двинулись мимо Витебска в южном направлении.

1-й Прибалтийский фронт Баграмяна следовал той же схеме тремя общевойсковыми армиями и танковым корпусом. Баграмян ударил по 9-му корпусу генерала Вутмана севернее Витебска. Ожесточенное сражение разгорелось на участке силезской 252-й пехотной дивизии. Русские совершили прорыв. Немцы контратаковали. Танковый удар. Налет бомбардировщиков. Через двенадцать часов силезцам пришлось отступить. 9-й корпус отошел на позиции прикрытия в тридцати километрах от Витебска. Там генералу Вутману на какое-то время удалось восстановить фронт.

Да какая польза? Баграмян и Черняховский обошли их внутренние фланги слева и справа. В течение трех дней «укрепленный район» Витебска был окружен. Великая на-

дежда, что Витебск станет преградой, что генерал Гольвитцер с четырьмя дивизиями своего 53-го корпуса будет защищать его до последнего патрона, чтобы сковать главные силы советских войск, испарилась.

Генерал-полковник Рейнгардт понял угрозу и в последний момент вырвал из города одну из дивизий, 4-ю полевую дивизию Люфтваффе. Но ранним утром 24 июня это уже не имело значения. Было слишком поздно. 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова набросилась на нижний конец полосы твердой земли между Днепром и Двиной, идущей через болота к Минску. Прорыв совершен, и армия Ротмистрова вышла к настоящей стратегической цели в полосе 3-го Белорусского фронта — удару вниз по шоссе на Минск. По той самой дороге, по которой танковые дивизии Гудериана однажды промчались в обратном направлении из Брест-Литовска к Днепру, всего за пятнадцать дней.

К 24 июня советские армии прошли мимо Витебска глубоко в тыл немцев, и «укрепленный район» потерял свое значение. Дивизии внутри него были обречены, а в это время их очень не хватало на прорванных фронтах. И сейчас это ясно даже ребенку, однако Ставка фюрера отказывалась понимать очевидное и пошла на половинчатые меры. В 18 часов 30 минут Гитлер радировал Гольвитцеру санкцию на прорыв 53-го корпуса, одновременно приказав: «Одна дивизия остается в Витебске и продолжает оборону. Доложите имя командира».

Таким образом, одна дивизия теперь должна была сделать то, что не смогли сделать четыре! С тяжелым сердцем армия выбрала для смерти и славы 206-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Хиттера. Но ничего не выиграли. В любом случае разрешение на прорыв остальных дивизий пришло слишком поздно — вечером 24 июня. 25 июня в 13 часов 12 минут в 3-й танковой армии получили радиограмму от генерала Гольвитцера: «Ситуация радикально изменилась. Полностью окружены. 4-й полевой дивизии Люфтваффе больше не существует, 246-я пехотная дивизия и 6-я полевая дивизия Люфтваффе ведут тяжелые сражения на нескольких направлениях. Ожесточенные бои в зоне застройки Витебска».

53-й корпус с его 35 000 человек пошел на смерть. В 19 часов 30 минут командир корпуса радировал из Витебска: «Лично ручаюсь за бой до конца. Гольвитцер». Это был намеренный намек на историческое донесение, посланное кайзеру Вильгельму 23 августа 1914 года командиром гарнизона в Тсингтао в Восточной Азии. Капитан Мейер-Вальдек тогда сообщил из крепости, находившейся в 11 000 километрах от дома: «Лично ручаюсь за исполнение долга до конца». «Конец» наступил за два с половиной месяца до того, как донесение было получено, когда он с 4000 человек решил защищать Тсингтао против 40 000 японцев.

Сил Гольвитцера едва хватило на два дня. Это была его последняя радиограмма из города. Утром 26 июня он приготовился к прорыву в юго-западном направлении. С частью своих соединений он 27 июня вышел в район в девятнадцати километрах юго-западнее Витебска. Что случилось дальше, излагается в «Истории Великой Отечественной войны»: «Одной немецкой группе примерно в 8000 человек удалось вырваться из Витебского мешка, однако вскоре ее снова окружили. Утром 27 июня остатки дивизий противника приняли ультиматум советского главнокомандующего и капитулировали. Противник потерял 20 000 человек убитыми и более 10 000 солдат и офицеров были взяты в плен. Среди них командир 53-го армейского корпуса генерал Гольвитцер и начальник штаба полковник Шмидт».

А что случилось с восточнопрусской 206-й пехотной дивизией, которая должна была оборонять Витебск? Бесконечный поток радиogramм с приказами из Ставки фюрера, «206-й пехотной дивизии держать город до подхода помощи», ни в коем случае не мог изменить факта, что против волны советского наступления уже нечего было держать. Дивизии в районе прорыва на левом фланге группы армий были раздавлены, Витебск превратился в могильный курган. Поэтому 26 июня в 16 часов 45 минут генерал-лейтенант Хиттер под свою ответственность приказал прорываться. Прорыв начали около 22 часов. Раненых погрузили на телеги и артиллерийские тягачи.

Ударные группы прошли примерно пятнадцать километров, потом их окружили соединения советской 39-й армии. Новая попытка прорваться сквозь русские порядки с примкнутыми штыками и криками «Ура» провалилась. Это был последний бой восточнопрусских 301, 312 и 413-го гренадерских полков, имевших долгую и славную историю. Тех, кто уцелел, убили или захватили в плен в небольшом перелеске. Лишь несколько групп стойких отчаянных офицеров и солдат спаслись на рискованных тропах. После долгого марша они добрались до немецкого фронта и рассказали историю гибели своей дивизии.

Военные документы находились в Рудольштадте в Тюрингии, а не в Восточной Пруссии, где формировалась дивизия, поскольку туда уже приближался противник. Потребовался долгий упорный труд, чтобы установить имена двенадцати тысяч военнослужащих дивизии — катастрофа в Витебске привела также к утрате всех бумаг. Двенадцать тысяч извещений в конце концов отправились к ближайшим родственникам пропавших. 18 июля дивизию официально объявили погибшей и отдали приказ об ее расформировании. Официальную дату гибели дивизии сделали ее новым номером полевой почты: 18744, как будто выбили дату смерти на надгробном камне.

Среди бумаг в архиве Рудольштадта снова и снова вставал вопрос: почему целая дивизия сгинула так быстро и так ужасно?

Почему русские смели с поля боя так много отважных, опытных, стойких дивизий и за сорок восемь часов ввергли группу армий «Центр» в абсолютную катастрофу?

Задавать эти вопросы — значит, искать факторы, стоящие за советской победой. Может быть, их огромное численное превосходство? Однако немецкий фронт на Востоке часто успешно противостоял численно превосходящему противнику. Может быть, мощь советской артиллерии? Но в этом нет ничего нового, и конечно же не здесь причина катастрофы, немецкие дивизии не единожды сталкивались с такой плотностью артиллерийского огня. Решающий фактор состоял совершенно в другом — не в оглушающем численном превосходстве и великолепном вооружении Красной Армии, а прежде всего в появлении превосходящих красных воздушных сил, они решающим образом изменили баланс сил. Советское превосходство в воздухе явилось самым неприятным сюрпризом для немецких войск на Востоке. Долголетний немецкий контроль за небом над полями сражений в России неожиданно закончился. Воздушные силы союзников очистили русское небо. Не кто иной, как западные союзники! Через первые сорок восемь часов вторжения во Францию стало ясно, что исход событий на Западе зависит от того, будет ли положен конец господству Эйзенхауэра в воздухе. Это господство парализовало все контратаки немецких танковых войск: самолеты разбили моторизованные дивизии, когда те только направлялись к побережью; оно пошатнуло «Атлантический вал» и сверху вывело гитлеровскую европейскую крепость из боя. Герман Геринг не

предусматривал подобного поворота событий. Поэтому в первые дни июня 1944 года Гитлеру ничего не оставалось, как совершенно лишиться свой Восточный фронт всех эскадрилий Люфтваффе и перебросить их на Запад.

22 июня, когда началось советское наступление, 6-й воздушный флот имел, как уже говорилось выше, только сорок истребителей. Сорок истребителей против пяти советских воздушных армий в составе семи тысяч боевых самолетов. Разумеется, Люфтваффе спешно перебросили на угрожаемый участок фронта все оставшиеся на Востоке машины, но это была лишь капля в море. Поражение в воздухе было абсолютным. На Западе немецких эскадрилий не хватило, чтобы бросить вызов господству Эйзенхауэра в воздухе, и на Востоке немецкие войска в решающий момент оказались без крыши, без помощи, которая в современной войне составляет жизненно важную необходимость. Таким образом противник получил контроль в небе, что и явилось решающим фактором катастрофического поражения группы армий «Центр».

Решающая роль воздушных сил в наземных операциях с полной очевидностью проявилась на центре советского наступления, в полосе немецкой 4-й армии. Там генерал армии Захаров повел свой 2-й Белорусский на последние немецкие позиции на Днепре. Главный удар русских наносился через Днепр на Могилев. Здесь тоже советской группе армий в составе трех армий и воздушной флотилии противостояла одна немецкая армия. Другими словами, двадцать две советские стрелковые дивизии и четыре отдельные танковые и механизированные бригады выстроились против десяти немецких дивизий, среди которых, правда, были такие отборные соединения, как 78-я штурмовая дивизия, 18-я мотопехотная дивизия и 12-я пехотная дивизия.

Баланс, разумеется, был рискованным, но ни в коем случае не катастрофическим. Хотя безусловным недостатком, конечно, являлся тот факт, что как раз накануне советского наступления было произведено несколько изменений в высшем немецком командовании. Генерал Типпельскирх принял командование 4-й армией после Клюге только на первой неделе июня; его 12-й корпус перешел к генерал-лейтенанту Винценцу Мюллеру. Поменялось также командование в 35 и 41-м корпусах после смещения генералов Визе и Видлинга, соответственно последовали изменения в дивизиях. Это никак не повышало боевого настроения в войсках. Хуже всего, что ответственность за центральный участок группы армий, с Оршей и укрепленным Могилевом, доверили новому командующему, который еще никогда не командовал армией. А у него к тому же была особенно сложная задача: он получил приказ при любых обстоятельствах удержать позицию на Днепре, которая, как шпилька, впивалась в тело противника. Правда, Типпельскирх располагал поддержкой двух бригад штурмовых орудий и одного танкового батальона. Значительная сила — но недостаточная, чтобы компенсировать слабость немецких позиций.

Маршал Жуков понимал, что немецкая 4-я армия будет особенно крепким орешком. По этой причине он использовал 4-ю воздушную армию маршала Вершинина преимущественно в этом секторе. Воздушным силам предстояло побить козыри Типпельскирха, и они справились прекрасно. Вершинин тщательно разведал оборонительные укрепления 4-й армии на глубину более тридцати километров, в частности немецкие огневые точки.

Одновременно с первой волной пехоты Захарова появились советские штурмовики. Они разбомбили немецкие позиции, из пулеметов расчистили все подходы, пушка-

ми пробуровили бункеры командных пунктов, точечными бомбардировками разрушили мосты, ковровыми — ликвидировали минные поля и проволочные заграждения. И затем немцы увидели нечто для себя новое — над полем сражения на низкой высоте летели специальные самолеты, атакуя ошеломленные немецкие штурмовые орудия. Это была методика Руделя. Маршал Вершинин учредил для таких целей особые воздушные дивизии поддержки сухопутных войск. Русские опять оказались способными учениками. Против красных соколов не было защиты, ни одного немецкого истребителя.

Однако козырным тузом противника явилась воздушная операция против немецкой артиллерии, она стала решающей фазой сражения между Днепром и Березиной. Вследствие недостаточности боевой мощи немецкой пехоты и нехватки танков артиллерия превратилась в основу немецкой обороны. Для усиления противотанковой обороны многие орудия были размещены на передовых склонах или открытых позициях. Группа армий, армии и корпуса рассчитывали на решающее слово артиллеристов в отражении опасных атак советских танковых корпусов и механизированных бригад. Советское Верховное Главнокомандование вовремя разгадало эту тактику или, возможно, было проинформировано о ней своими секретными службами. В любом случае красные воздушные силы рассчитали верно.

Посредством хорошо подготовленных воздушных ударов русским удалось уничтожить предварительно разведанные или быстро засеченные позиции немецкой артиллерии. Хребет немецкой обороны был сломан. Что могла сделать немецкая пехота против моторизованного или механизированного противника! Та же дилемма возникла на западе. Советские самолеты поддержки наземных сил разбомбили отступающие колонны немецких тыловых служб и резервных частей на мостах и дорожных развязках. Эффект был страшный, на дорогах возник хаос: невозможно ни вывести часть, ни двигаться дальше. Столкнувшись с господством противника в воздухе, немецкие дивизии оказались в безнадежном положении и вследствие незащитности зачастую впадали в панику. Немецкое командование не могло справиться с ситуацией.

Ничто не подчеркнуло с такой очевидностью изменение военной обстановки на Восточном фронте, как сокрушительное превосходство советских воздушных сил. Благодаря Эйзенхауэру, Сталин завоевал русское небо. Без защиты сверху никакой фронт на земле устоять не может. Русские запомнили это в 1941 и 1942 годах. Теперь сей закон современной войны подтвердил свою непреложность на примере немецких армий — и на Востоке, и на Западе.

3. Прорыв

Карта обстановки в штабе группы армий в Минске — Модель назначен спасти ситуацию — Гигантское окружение — Жуков распекает своих генералов — «Каждый за себя» — Тридцать один генерал погиб в бою или захвачен в плен — Война подходит к границе Восточной Пруссии — Группа Диркса пробивается к своим.

28 июня 1944 года была среда. Тридцатая годовщина убийства наследника австрийского престола Франца-Фердинанда сербским анархистом Принципом. Это убийство спровоцировало начало Первой мировой войны. Однако в немецком штабе между Минском и Березиной головы были заняты не историческими воспоминаниями, карта обстанов-

ки в штабе группы армий производила ужасное впечатление. Непрерывного определенного фронта не осталось, везде прорывы. Все усилия генерал-фельдмаршала Буша убедить Гитлера отказаться от жесткой оборонной стратегии и разрешить армиям группы перейти к мобильной обороне ни к чему не привели. Генерал-фельдмаршал Буш был прекрасным боевым командиром — но он не был стратегом класса Манштейна. Кроме того, северный фронт, где он успешно командовал армией, предоставлял мало возможностей оттачивать мастерство генерала. Но самое главное, он не мог дать отпор Гитлеру и слишком часто уступал его приказам. Снова и снова превосходящая военная хватка Буша отступала перед лицом красноречия и политических аргументов Гитлера. А теперь, когда приказы фюрера ввергли группу армий в катастрофу, Буша сделали виноватым и вышвырнули. Оскорбленный и глубоко страдающий, он молча покинул свой штаб. Его преемником стал этот великий «твердый защитник», генерал-фельдмаршал Вальтер Модель. Он принял командование центральным фронтом, одновременно сохранив пост командующего бывшей группой армий Манштейна «Юг», теперь группой армий «Северная Украина». В результате под командованием Моделя оказалась почти половина Восточного фронта. Никогда еще Гитлер не наделял одного человека подобной ответственностью, почти реализовалась старая мечта Манштейна о главнокомандующем Восточного фронта. Однако эта мера тоже была принята слишком поздно.

Мы видели, что Модель, вдохновенный импровизатор и бесстрашный человек с железными нервами, разрешил серьезные кризисы во Ржеве, Орле и в районе Ленинграда. Сумеет ли он на этот раз отвести опасность, угрожающую группе армий «Центр»?

Он пытался всеми возможными способами. Однако даже Модель не может поднять армии из ничего. Без эффективных Люфтваффе, без достаточного противотанкового оружия, без минимума мобильных и пехотных резервов даже такой смелый и удачливый генерал, как Модель, не может противостоять советскому сокрушающему наступлению.

27 июня Жуков бросил 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова на узкую полосу земли между Двиной и Днепром. Через Толочини и Сенно она промчалась по шоссе к Борису в верхних Березинах. Там в это время высаживалась с поездов доставленная из Ковеля 5-я танковая дивизия. Вместе с охранными частями генерал-лейтенант Декер остановил передовые отряды Ротмистрова. В тот же день в секторе 4-й армии русские захватили железнодорожную станцию Орша.

Пришняя во внимание обстановку, Модель сразу по вступлении в должность решил перейти к гибкому ведению военных действий. 5-я танковая дивизия стала ядром группы фон Заукена, перекрывающей широкую брешь севернее Минска; подтягивающиеся 12 и 4-я танковые дивизии бросили в район Столбцы южнее Минска, чтобы держать открытыми переправы на Березине для 4-й армии. 2-я армия получила приказ наступать бригадами штурмовых орудий и кавалерийскими частями на соединение с 9-й армией и таким образом восстановить связь с 4-й армией. Напрасно. Все было напрасно. Советское продвижение уже нельзя было остановить.

Минск, столица Белоруссии и место расположения штаба группы армий «Центр», пал 3 июля. Город оставался в руках немцев три года. Из Минска шло шоссе на Москву, кратчайшая дорога в сердце СССР. Изгнание немцев из этого важнейшего центра Белоруссии имело, таким образом, символическое значение. Минск был первым крупным городом, захваченным в ходе немецкого танкового блицкрига в 1941 году. Теперь сей

центр Западной России был освобожден. Неудивительно, что 3 июля 1944 года в Москве раздался грандиозный салют.

Сдачей города дело не ограничивалось. Значительная часть 4-й армии и соединения 9-й армии попали в окружение юго-восточнее Минска. Чтобы спасти то, что еще можно спасти, Модель попытался создать новый фронт за Минском, перед линией Барановичи—Молодечно, и тем временем остановить противника свежими силами из секторов групп армий «Север» и «Северная Украина». Главными точками этой оборонительной войны стали перекрестки основных дорог через обширные лесные массивы Центральной России, узкие проходы между болотами и речные переправы. Цель состояла в том, чтобы мобильными действиями перехватить противника. От этой фазы битвы зависела судьба последних соединений 4 и 9-й армий, которые все еще сражались у Минска, пытаясь вырваться из окружения. Для освободительной операции Модель подтянул три танковые дивизии, а также стрелковую и две пехотные дивизии.

Силезско-судетская 5-я танковая дивизия севернее Минска расчистила важную железнодорожную магистраль Минск—Молодечно—Вильнюс и шоссе, по которым прибывало подкрепление из группы армий «Север». Померанская 12-я танковая дивизия встала на пути передовых отрядов советского 1-го гвардейского танкового корпуса юго-восточнее города. Вюрцбургская 4-я танковая дивизия и силезская 28-я стрелковая дивизия обороняли отсечные позиции на Немане с обеих сторон Столбцов, держа открытой единственную дорогу отступления на Барановичи. Северогерманскую 170-ю пехотную дивизию двинули к Молодечно.

Таков был метод Моделя. Он затыкал самые опасные бреши, укреплял разваливающийся фронт и постоянно находился в войсках, подбадривая, вмешиваясь и даже возглавляя атаки.

Жуков скоро заметил новый стиль командования на немецкой стороне. Он знал по Ржеву и Орлу, на что способен Модель, этот маршал уже вырывал добычу прямо у него из рук.

Сражение персонифицировалось в схватку двух энергичных, сильных личностей. Дуэли суждено было состояться в Барановичах.

Жуков беспрестанно подгонял 65-ю армию Батова: «Не давайте им передышки, продолжайте бои и возьмите эту станцию Барановичи!»

Всю неделю Батов и его штаб находились на передовой. 7 июля, когда дивизия генерала Фроленко уже сражалась на окраине Барановичей, а Сивашская дивизия практически вышла к городу с востока, генерал, усталый и грязный, приехал обратно в штаб армии в деревне Велке, чтобы немного поспать, помыться и поесть горячего. Однако Батов не посоветовался с маршалом Жуковым. Только он закончил бриться, его заляпанные грязью сапоги снова были почищены и на столе перед ним стоял стакан с дымящимся чаем, как снаружи, завизжав тормозами, остановилась машина.

Начальник штаба Батова выглянул в окно. Жуков! Оба быстро обулись и выскочили на крыльцо доложить представителю Ставки о последних успехах на подступах к Барановичам. Однако Батов не успел произнести ни слова. Уткнув руки в боки, на лестнице стоял Жуков. «Вы бреетесь! Поливаете себя одеколоном? — заорал он, не поздоровавшись. — Почему вы не взяли Барановичи?» Потом спросил ледяным тоном: «Где карта обстановки?» Они вошли в комнату. Жуков совсем не впечатлился подробным докладом Батова, а продолжал распекать его за то, что Барановичи все еще не взяты.

Радецкий, член Военного совета, белый от ярости, попытался прийти на помощь своему командующему и объявил, что с минуты на минуту ждет известий, что наши войска вошли в город. «И почему вы так уверены? — спросил маршал с презрительной усмешкой. — Есть только один способ убедиться, — добавил он. — Вы сейчас же поедете в Барановичи и не вернетесь, пока город не будет взят». Он резко повернулся, сильно пнул скамейку в угол, хлопнул дверью и исчез. Двадцать четыре часа спустя в официальном сообщении объявили: «Барановичи освобождены». Жуков выиграл.

Жуткая жара с тучами комаров обволокла низины в междуречье Березины и Вольмы. Генерал фон Штайнкеллер сидел под ивой у небольшой речушки, держа на коленях планшет с картами. Война крутилась вокруг трех названий — Минск, Червень и Борисов. Они были окружены в этом проклятом, кровавом треугольнике. Здесь, как скот, погибала большая часть двух армий: остатки пяти корпусов 9 и 4-й армий находились в этом знойном мешке. Они пытались прорваться на запад, мимо Минска, к какой-нибудь немецкой отсечной линии.

«Есть новости по поводу ситуации, Ратцель?» — спросил Штайнкеллер командира артиллерийского полка. «Ничего, кроме того, что говорили в официальном сообщении!» — ответил подполковник. Что говорили в официальном сообщении! Кроме этого, они ничего не знали. Вот на какой информации они основывали свои шаги, вот на каком основании выбирали направление прорыва. Однако официальное сообщение Верховного главнокомандования не донесение об обстановке, напротив, в нем приукрашивается ситуация, чтобы поддержать боевой дух и веру в победу. А никаких оснований для оптимизма в горячем треугольнике Минск—Червень—Борисов не было и в помине.

Самой опытной частью был артиллерийский полк дивизии «Фельдхеррнхалле», почти все его унтер-офицеры давно воевали на передовой. По этой причине артиллеристы с орудиями 1-го легкого дивизиона — единственного оставшегося в полку — неизменно возглавляли все попытки прорыва. Кроме них, дивизию составляли несколько сотен гранадеров, шесть танков, около шестнадцати разведывательных бронемашин и дюжина грузовиков, заполненных ранеными.

Совещание командиров всех наличных частей с командирами корпусов сошлось во мнении, что прорываться надо на северо-запад. Но потом из официального сообщения Верховного главнокомандования они узнали, что немецкие танковые дивизии наступают в направлении Минска. Значит, им следует изменить направление своего прорыва? Они решили идти на запад или юго-запад.

У людей появилась новая надежда. Штаб мюнхенского 27-го корпуса, части 78-й штурмовой дивизии, 14-й пехотной дивизии, силезская 18-я мотопехотная дивизия и 57-я пехотная дивизия двинулись в западном направлении. «Фельдхеррнхалле» взяла немного юго-западнее. Но дорога не была свободна. Тщетно ударные группы 57-й пехотной дивизии генерала Тровитца и другие части, поставленные под его начало, атаковали отсечные позиции советского 1-го гвардейского танкового корпуса, результата они не добились.

5 июля в 19 часов 30 минут генерал Фолькерс радиogramмой распустил свой корпус, дав следующую команду: «Пробиваться в западном направлении, на свое усмотрение. Начало в 22 часа 30 минут». Как бы ни было болезненно это решение, оно было воспринято с облегчением. Быстро отдали приказы, в 22 часа 20 минут артиллерия вы-

дала свои последние залпы. Грохот орудий покрыл шум двигателей; последними снарядами взорвали орудия. С решимостью смертников полки пошли на прорыв. Все необязательное было оставлено. Больных и раненых, неспособных передвигаться, сосредоточили в центре кольца окружения, чтобы передать в руки русских.

В 23 часа они изготовились к атаке. Главной целью стали Барановичи. Несколько частей запели «Дойчланд юбер аллес»¹. Горели деревни, кругом рвались снаряды, стреляли из автоматов. И посреди всего пронзительные, леденящие кровь крики «Ура» наступающих отчаявшихся частей. Такое проявление яростной храбрости застало русских врасплох. Они прорвались. Однако не вырвались на свободу, колонны просто оказались в новом окружении. Русские находились в Минске уже три дня, они находились в Слуцке уже пять дней, и сейчас они стояли в тридцати километрах восточнее Барановичей. А Барановичи все еще были в 170 километрах.

Пока войска продолжали двигаться на запад, многие дивизии еще оставались вместе, но севернее дороги Червень—Минск окопались крупные силы противника, и они отразили все попытки немцев днем продвинуться через дорогу в южном направлении. Беспрестанные массированные налеты русских штурмовиков опустошили немецкие колонны. Пришел конец всем скоординированным действиям.

Многие группы попытались отступить вдали от основных дорог. Одну такую ударную группу вел генерал Траут, опытный командир 78-й штурмовой дивизии. Генерал-лейтенант Винценц Мюллер пытался вывести из ловушки остатки висбаденского 12-го корпуса. После гибели генералов Мартинекка и Шинеманна он принял на себя командование также 39-м танковым корпусом и теперь тщетно стремился пробиться на запад. Теперь это было уже невозможно. Прославленные дивизии с многовековыми традициями, дивизии, которые мы встречали на бесконечных дорогах России и на самых важных участках сражений, теперь истекали кровью. Группу Траута скосили в ожесточенной схватке с войсками советской 49-й армии. Прорваться удалось лишь нескольким танкистам 5-го танкового батальона майора Реттермайера. 8 июля Винценц Мюллер прекратил сопротивление в Чалине и сдался представителям штаба стрелкового корпуса советской 15-й армии. Когда он капитулировал, немецкий фронт был уже отброшен далеко за Минск.

Три недели спустя русские обошли Брест и вышли к Мемелю и Висле, где немецким соединениям прикрытия наконец удалось на время остановить их продвижение. За пять недель они покрыли 700 километров, при постоянных боях, что практически соответствует темпу блицкрига танковых групп Гудериана и Гота по дороге Брест—Смоленск—Ельня в 1941 году.

Однако завоеванная территория не составляла главного достижения. Главным было уничтожение группы армий «Центр», невосполнимые потери воинских соединений. Из 38 боеспособных немецких дивизий 28 были разбиты. Примерно 350 000—400 000 человек были ранены, убиты или пропали без вести. Из них, согласно советским источникам, 200 000 погибли и 85 000 попали в плен.

Наиболее выразительным свидетельством катастрофы является тот факт, что из 47 генералов, воевавших на передовой в качестве командиров корпусов и дивизий, 31 остался на поле брани либо попал в плен. Из этих тридцати одного, 10 погибли в бою или

¹ Немецкий национальный гимн. — *Прим. ред.*

пропали без вести; 21 оказался в плену. Ужасающий список для различных корпусов был вот таким:

3-я танковая армия

53-й армейский корпус	генерал пехоты Гольвитцер	взят в плен
246 п. д.	генерал-майор Мюллер-Билофф	взят в плен
4 в п. д.	генерал-лейтенант Писториус	погиб в бою
6 в п. д.	генерал-лейтенант Пешль	погиб в бою
206 п. д.	генерал-лейтенант Гиттер	взят в плен
6-й армейский корпус	генерал артиллерии Пфайфер	погиб в бою
197 п. д.	полковник Хане	пропал без вести
256 п. д.	генерал-майор Вистенхаген	погиб в бою

4-я армия

39-й танковый корпус	генерал артиллерии Мартинек	погиб в бою
110 п. д.	генерал-лейтенант фон Куровски	взят в плен
337 п. д.	генерал-лейтенант Шниеманн	погиб в бою
12 п. д.	генерал-лейтенант Бамлер	взят в плен
31 п. д.	генерал-лейтенант Охснер	взят в плен
22-й армейский корпус	генерал-лейтенант Винценц Мюллер	взят в плен
18 мп. д.	генерал-лейтенант Цутаверн	покончил с собой
267 п. д.	генерал-лейтенант Дресхер	взят в плен
57 п. д.	генерал-майор Тровитц	взят в плен
27-й армейский корпус	генерал пехоты Фелькерц	взят в плен
78 шт. д.	генерал-лейтенант Траут	взят в плен
260 п. д.	генерал-майор Кламмт	взят в плен

9-я армия

Начальник инженерных войск	генерал-майор Аузел Шмидт	взят в плен
35-й армейский корпус	генерал-лейтенант фрайгерр фон Литцофф	взят в плен
134 п. д.	генерал-лейтенант Филипп	покончил с собой
6 п. д.	генерал-майор Гейне	взят в плен
45 п. д.	генерал-майор Энгель	взят в плен
41-й танковый корпус	генерал-лейтенант Гофмайстер	взят в плен
36 п. д.	генерал-майор Копрадн	взят в плен

Задетствованный в боях резерв

95 п. д.	генерал-майор Михаэлис	взят в плен
707 п. д.	генерал-майор Гир	взят в плен
«Фельдхеррнхалле» мп. див.	генерал-майор фон Штайнкеллер	взят в плен
Начальник Бобруйского гарнизона	генерал-майор Хаманн	взят в плен

Детального анализа просто не требуется. Сталин осуществил свои желанные Канни. Объяснения возможны, как и оправдания, но факты отрицать нельзя.

Крах группы армий «Центр» не являлся отдельной военной неудачей, не был несчастным случаем, следствием неблагоприятного стечения обстоятельств. Это результат непомерных требований, предъявлявшихся к войскам, результат спада в немецкой военной промышленности и надвигающегося коллапса рейха. Такова была мера немецкой катастрофы. И такова также мера русской победы. В сущности, русские и сами поразились размерам своей победы. Они не ожидали подобного далеко идущего успеха за

столь короткое время. Глубина операции 3-го Белорусского фронта планировалась в 180 километров — до верховий Березины. Поэтому 28 июня Ставка спешно выпустила другую директиву, на форсирование Березины и продолжение наступления в направлении Минска. О степени царившего в Ставке замешательства по поводу собственного успеха свидетельствует тот факт, что 2-й Белорусский фронт получил приказ освободить Минск не позже 8 июля, тогда как войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов взяли его еще 3 июля.

События развивались со скоростью лавины, опережая какое-либо планирование.

К концу июля 1944 года война подошла к границе Восточной Пруссии. И к Висле. Поднимался занавес перед последним актом. Началось сражение за Германию.

Огромными колоннами советские армии четырех фронтов уходили из Белоруссии по пыльным, сожженным солнцем дорогам на запад, к Висле. «Мы — на Берлин», — смеялись красноармейцы.

«Мы — на Берлин!»

Но ночью, когда красноармейцы искали крыши в деревнях или заворачивались в шинели у костров, другая армия начинала свой марш. Тихо, небольшими группами в двадцать—тридцать человек, зачастую и меньше, иногда парами или даже по одному, тысячи немецких солдат двигались на запад через территорию противника. Это были стойкие и бесстрашные солдаты, те, кого не устраивал советский плен. Большинство из них были совсем молодыми, но опытными. Эксперты полагают, что их количество составляло 10 000—15 000. Они начали свой марш на Березине; шли на запад, где надеялись найти немецкий фронт. Днем они прятались у больших дорог, совершали нападения на плохо охраняемые тыловые колонны и полевые кухни, пересекали густые чащи. Они охотились, и за ними охотились. Они питались незрелыми ягодами, колосьями с полей или полусгнившей картошкой из старых запасов. Они крали в загонах овец, ловили кур, коров и телят. Пили из ручьев и луж. Днем они прятались, а ночью выходили на поиски еды и шли на запад.

Русские вскоре обнаружили это ночное передвижение по своей стране. Многие немцы переоделись в гражданскую одежду, но некоторые были в форме, с оружием или без него. Русские создали специальные отряды для охоты на немцев, мобилизовали своих партизан. Знавшие немецкий язык офицеры в немецкой форме представлялись отставшими и собирали солдат. На самом деле они вели их в руки советских специальных отрядов. Самолеты на бреющем полете день за днем облетали леса и поля, высматривая убежища ночной немецкой армии. Началась безжалостная битва, битва, о которой не рассказывали в официальных сообщениях. Никакие списки награждений не отмечают отчаянные схватки, которые вели остатки 9 и 4-й армий за свою свободу и жизнь. Они знали, что их ожидает, если они попадут в руки специальных частей. Всех, кого обнаруживали специальные отряды, стреляли или забивали до смерти — в плен брали очень редко, и только солдат.

Немногие вырвались. В целом восемь сотен. Они добрались до немецкого фронта на Висле, в Восточной Пруссии или в Румынии — за семь-восемь недель на своих ногах. Восемьсот из по меньшей мере 10 000.

Одной из групп на этом пути была группа Диркса. В Паричах на Березине 8-я рота 36-го армейского артиллерийского полка, входившего в 20-ю танковую дивизию, прикрывала отход через реку пехоты 35-го корпуса. Рота держала мост и шоссе. Совершен-

но неожиданно они оказались в центре бобруйской катастрофы. В составе 383-й пехотной дивизии рота претерпела ужасы сражений на прорыв.

Одиссея обер-ефрейтора Йоханнеса Диркса началась в зарослях колючего кустарника. Сначала он был один. Потом к нему присоединились обер-ефрейтор Бриксиус и четыре солдата. Так они выступили в первую ночь.

Днем они прятались на болоте. Страдали от голода. В ушах отдавались шаги советских колонн, идущих на запад по расположенному невдалеке шоссе. У Диркса была карта, у Бриксиуса — компас. С их помощью они планировали свой маршрут.

Сначала ягоды были совсем зеленые, но с каждым днем они становились все спелее. Люди судили о времени по цвету ягод.

Случались перестрелки с русскими патрулями и поисковыми отрядами. Им попадались другие немецкие группы. Они наткнулись на экипаж сбитого He-111, те присоединились, потом снова разошлись. На бревне они переправили через Птич тех, кто не умел плавать. Пересекли шоссе из Минска в Брест-Литовск, по которому они часто ездили в отпуск. С пистолетом в руке реквизировали хлеб и несколько фляг с молоком, куда труднее было добыть горсть соли и коробок спичек. Встретили большую группу беглецов — сорок человек под командованием полковника, но снова расстались — в каждой группе свои законы.

К Дирксу присоединился взвод 52-го полка реактивных минометов «небельверфер». Их лейтенант пошел под начало к обер-ефрейтору. Сейчас командование распределялось в соответствии с личными качествами, а не по чинам. «Куда идем, Диркс?»

Они рассмотрели карту. Кругом был редкий лесок, они решили двигаться в направлении Восточной Пруссии.

Переправились через Неман. С проворностью старого браконьера, за считанные минуты, бесшумно, мясник Якобс убил в загоне овцу. Они связали ей ноги, нацепили на палку и двинулись. В лесу разделали добычу.

Проходили неделя за неделей. Их форма превратилась в лохмотья, они совсем исхудали, лица закрыли бороды, видно было только глаза. Но в глазах была стойкость. Они стали похожи друг на друга, эти люди, идущие из Минска на запад, люди, возвращающиеся из окружения на Березине. Позади остались болота Припяти и Ново-Городок. Они прошли осушенный район Немана в малонаселенной Литве. Они шли вперед. Это была уже 7-я неделя.

Где же немецкая главная оборонительная линия? Они встречали следы недавних боев: ясно, что война шла где-то впереди, а они все не могли ее догнать. Однако им доставалось снова и снова. Обер-ефрейтор Райль и обер-ефрейтор Хуммель получили ранения, раны были серьезные, и умирающих оставили. Вдруг они услышали голоса войны: залпы пушек, стрекот пулеметов — они показались им такими родными.

Свекла была их основным блюдом, зерна ржи — десертом. Перед ними находилась позиция русского миномета. Они попытались проскользнуть мимо, но их заметили. Начали стрелять, ранили всех, к счастью, не в ноги. Укрытие предоставило ржаное поле. Их нервы напряглись до предела, они находились между русским наблюдательным пунктом и главной советской оборонительной линией. Кругом на высотах стояли русские орудия. Было 14 августа 1944 года.

Ночью стало холодно. Бауэр и Диркс прижались друг к другу, чтобы согреться. Унтер-офицер Зайтц стонал от боли, его лихорадило. Часы, казалось, тянулись вечно.

Сесть было нельзя — кругом русские. Они размяли несколько колосков ржи и жевали зерна. «Получится ли у нас следующей ночью?» — шепнул Бауэр.

Диркс кивнул. «Одно я знаю точно, — тихо проговорил он. — Пути назад нет. Либо мы сделаем это, либо...»

Они сделали. На последний шаг их толкнула судьба. Советский часовой их заметил, Диркс ударил его: «Вперед!»

Русские начали стрелять из минометов. Хорошо! Это показывает, что впереди нет русских траншей. Однако траншея все-таки была. Пустая. Они перебрались. Еще одна. Пустая. Наконец, немецкие голоса.

«Наши!»

В пятнадцати километрах восточнее Сувалко 14 августа группа Диркса вышла к фронту немецкой 170-й пехотной дивизии. Четыреста пятьдесят километров по прямой, а фактически шестьсот километров, учитывая обходы, — вот какое расстояние им пришлось пройти. И по территории противника.

Расчет противотанкового орудия стал их приветственным комитетом. Их проводили на передовой командный пункт полка. За столом сидел адъютант. Диркс выпрямился как шомпол: «Пять немецких солдат из окружения на Березине через сорок девять суток прибыли!»

Многое произошло с 27 июня до 14 августа. Люди прошли долгий путь. Еще более долгая дорога ждала их впереди.

Документы

Документ № 1: Боевой приказ на Курскую битву

Боевой приказ № 6 (Цитадель) от 15.04.1943 г.

Фюрер

Ставка фюрера, 15 апреля 1943 г.

ОКХ, Генеральный штаб сухопутных войск

Начальник оперативного управления

№ 430246/43 сов. секр., старш. ком.

Совершенно секретно

13 копий

Только для высшего командного состава

Копия № 4

Для передачи только через офицера

Штаб 2-й армии, начальнику оперативного отдела. 591/43

Совершенно секретно, только для командования.

17.04.43 г. ditto

Боевой приказ № 6

Я решил, как только позволит погода, приступить к операции «Цитадель», которая должна стать первым из наступательных ударов в этом году.

Поэтому данное наступление имеет жизненно важное значение. Оно должно принести нам быстрый и полный успех. В результате него мы должны захватить инициативу на весенне-летний период. По этой причине все приготовления необходимо вести с большими предосторожностями и энергией. На направлении главных ударов надлежит задействовать лучшие соединения, лучшее вооружение, лучших командиров и крупные запасы боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат должен быть убежден в решающей важности предстоящего наступления. Победа под Курском должна стать сигналом для всего мира.

В соответствии с этим я приказываю:

(1) *Цель наступления* заключается в охвате войск противника в районе Курска за счет мощных, сосредоточенных, беспощадных и быстрых бросков одной армии из района Белгорода и одной из района южнее Орла и окружении противника путем концентрического наступления.

В ходе наступления предстает создать сокращенный по протяженности и экономичный в плане расходования живой силы фронт по линии Нежега — участок Короча — Скородное — Тим — восточнее Щигры — район Сосна.

(2) Жизненно важно

(а) сохранять *фактор внезапности* возможно дольше и особенно — держать противника в неведении относительно времени наступления;

(b) *сосредоточить наступающие войска на наиболее коротком участке фронта*, чтобы нанести удар на одном дыхании до момента соединения двух атакующих армий в районе расположения противника и таким образом закрыть котел; с этой целью необходимо достигнуть подавляющего местного превосходства за счет всех боевых средств (танков, штурмовых орудий, артиллерии, реактивных минометов «Небельверфер» и т. д.);

(c) настолько быстро, насколько только возможно, осуществлять подход войск *из тыловых районов* к районам прорыва с целью прикрытия флангов наступающих войск, чтобы они могли направить все усилия только на продвижение вперед;

(d) сразу же нанести удар *в направлении кольца окружения* со всех сторон, чтобы не дать противнику передышки и тем ускорить его уничтожение;

(e) проводить атаки *насколько быстро*, чтобы противник не имел ни возможности вывести войска из окружения, ни перебросить им в помощь резервы с других участков;

(f) посредством *создания новой линии фронта* возможно быстрее высвободить войска, особенно подвижные соединения, для выполнения дальнейших задач.

(3) *Группе армий «Юг»* начать действовать главными силами с рубежа Белгород—Томаровка, осуществить прорыв через рубеж Прилепы—Обоянь и выйти на соединение с наступающей армией группы армий «Центр» в районе восточнее Курска. Для обеспечения наступления с востока как можно быстрее выйти на рубеж Нежега—Короча—Скородное—Тим, но чтобы избежать угрозы крупным сосредоточениям войск с направления Прилепы—Обоянь. Для обеспечения наступления с запада развернуть часть сил, задача которых будет состоять в нанесении одновременных ударов в кольцо наступления, когда оно будет образовано.

(4) *Группе армий «Центр»* силами наступающей армии начать действовать с рубежа Тросна—район к северу от Малоархангельска. Сосредоточив силы, прорвать рубеж Фатеж—Веретеново, нанести главный удар на восточном фланге, и соединиться с наступающей армией группы армий «Юг» в районе к востоку от Курска. Часть сил должна использоваться для прикрытия наступления с запада.

Войскам группы армий «Центр», развернутым к западу от Тросны вплоть до границы с группой армий «Юг» связать неприятеля боями посредством местных атак специально созданных боевых групп с самого начала операции и на ранней ее стадии — ударить в кольцо окружения, когда он будет сформирован. Постоянные разведывательные действия на земле и наблюдение с воздуха должны обеспечить положение, в котором бы противник не мог незаметно выйти из боевого соприкосновения. В этом случае атака должна начинаться немедленно и по всему фронту.

(5) *Развертывание войск обеих групп армий* производить на большом удалении от исходных районов и с применением всех возможных средств маскировки и введения в заблуждение противника, так чтобы, начиная с 28.04, наступление могло начаться через шесть дней после приказа ОКХ. Наиболее ранняя дата начала наступления, соответственно, 03.05. Передвижение войск и выход их на исходные позиции осуществлять только в ночное время и при принятии всех возможных мер маскировки.

(6) *Для введения противника в заблуждение в полосе группы армий «Юг»* провести подготовку к операции «Пантера». Провести демонстрацию всеми имеющимися способами (постоянными разведывательными действиями, появлениями танков, развертыванием мостового имущества, радиопереговорами, через агентуру, за счет создания слухов, применения Люфтваффе и т. д.) и в течение как можно более длительного времени. Эти меры по введению в заблуждение противника будут, кроме того, эффективно поддержаны действиями, в любом случае необходимыми для усиления обороны донецкого фронта (см. под п. 11). *В полосе группы армий «Центр»* проведение каких-либо крупных акций по обману противника не требуется, но необходимо при-

ложить все усилия для того, чтобы создать у него искаженное представление об обстановке (за счет передвижения войск не в тех направлениях, из которых будет наноситься удар, включая переброску живой силы и техники в дневное время, распространение ложных сведений о том, что оно начнется не ранее июня и т. д.).

В обеих группах армий соединения, вновь поступающие в состав наступающих армий, должны соблюдать режим радиомолчания.

(7) *Для обеспечения безопасности* информироваться об истинных целях всех этих действий должны только лица, которых неизбежно придется ввести в курс дела. Ознакомление необходимо проводить поэтапно, всякий раз чем позднее, тем лучше. На сей раз мы обязаны любой ценой обезопасить себя от утечек сведений относительно наших планов по причине беспечности и халатности. Деятельность вражеских шпионов должна пресекаться путем эффективных действий контрразведки.

(8) *Наступающие войска*, ввиду ограниченности пространства и четко очерченных задач наступления, в отличие от проводившихся ранее операций, должны оставить позади себя всю технику всех видов, если только она не необходима для атаки, равно как и весь мешающий *балласт!* Все лишнее способно лишь создавать помехи, ослаблять наступательный порыв и затруднять быстрое подтягивание войск второго эшелона. По этой причине каждый командир должен со всей решимостью отсекал ненужное и брать с собой только то, что жизненно необходимо для боя. Командирам корпусов и дивизий надлежит строго надзирать за выполнением данной директивы. Надлежит наладить строгий контроль за дорожным движением. Беспощадный контроль.

(9) Директивы, *касающиеся снабжения* и немедленного и полного сбора *военнопленных, жителей и трофеев*, равно как и пропаганды, направленной на противника, изложены в приложениях 1—3.

(10) *Люфтваффе* аналогичным образом задействуют все имеющиеся силы на направлении главного удара. Организацию взаимодействия с командованием Люфтваффе начать немедленно. Необходимость соблюдения секретности (см. под п. 7) подчеркивается особо.

(11) Успех наступления в значительной степени зависит от того, удастся ли противнику путем нанесения ударов в других местах по группам армий «Центр» и «Юг» вынудить нас отложить операцию «Цитадель» или же преждевременно отвести подготовленные для наступления войска.

По данной причине обе группы армий, одновременно с подготовкой к операции «Цитадель», должны вести систематические приготовления *к оборонительным действиям* на всех прочих участках фронта; данные приготовления надлежит завершить к концу месяца. Особенно важно ускорить всеми возможными средствами возведение оборонительных сооружений, щедро снабдив танкоопасные направления средствами ПТО, развернуть местные тактические резервы, своевременно выявить направления ударов противника за счет активной разведки и т. д.

(12) *В качестве заключительной задачи* по завершению операции подразумевается следующее:

(a) Перенесение границы между группами армий «Центр» и «Юг» на главную линию Конотоп (Юг)—Курск (Юг)—Долгое (Центр);

(b) *Перевод управления 2-й армии* с тремя управлениями корпусов и девятью пехотными дивизиями, а также с подлежащими определению частями армейского подчинения из состава группы армий «Центр» в состав группы армий «Юг»;

(c) *Развертывание* еще трех пехотных дивизий группы армий «Центр» с целью предоставить их в распоряжение ОКХ в районе к северо-западу от Курска;

(d) *Снятие всех подвижных соединений* с фронта для развертывания в других местах.

Передвижения, в особенности передвижения 2-й армии, должны осуществляться с учетом этих намерений.

Я оставляю за собой право постепенного — шаг за шагом — переподчинения управлений и соединений, указанных в параграфе (12) (b) группе армий «Юг», в ходе операции в соответствии с тем, как будет складываться оперативная обстановка.

В равной степени я сохраняю за собой право, при условии, что операция будет развиваться в соответствии с планом, развернуть наступление в юго-восточном направлении («Пантера») одним непрерывным маневром, с целью использовать замешательство противника.

(13) *Командующим группами армий докладывать* о мерах, принятых ими для обеспечения наступления и обороны, на основе данного боевого приказа с приложением карт масштаба 1:300 000 с пояснениями и детальной обстановкой, а также о договоренностях, достигнутых с 4-м воздушным флотом штаба Люфтваффе на Востоке в отношении поддержки наступления и мер по введению в заблуждение противника.

Для вручения 24.04.

(подпись) Адольф Гитлер

Копия верна:

(подпись) Хойзингер,
генерал-лейтенант

Документ № 2: Наблюдения командования группы армий «Юг» в августе 1943 г., касающиеся поддержания морального духа

05.08 командующий группой армий сделал следующие наблюдения в оперативной группе «Кемпф»: «Нужно положить конец паническим настроениям личного состава. 198 и 168-я пехотные дивизии удерживают фронт, на котором имеется возможность отражать вражеские атаки. Отступить нельзя».

Командующий оперативной группой «Кемпф» ответил, что две дивизии на передовой в общем удержали позиции, но оказались в окружении. «Если бы мы не отошли ночью, то были неминуемы куда большие неприятности». Он доложил о том, что противник опять «подтягивает крупные силы пехоты и танков с севера». В 16.30 командующий группой армий приказал отправить следующее сообщение: «Необъяснимо, почему вполне боеспособная 198-я пехотная дивизия сдала Белгород». В 17.35 из оперативной группы отозвались, сообщив в группу армий, что предполагают «закрепиться на разведанном рубеже» (протянувшемся из района к югу от Белгорода в район к востоку от Бессоновки). Из группы армий ответили (в 18.05), что «необходимо попытаться остановить эти действия на уклонение»; нужно подготовить новый рубеж и, если обстановка потребует, провести подобную акцию на следующий день. (На самой дальней оконечности левого фланга войска 11-го армейского корпуса вышли на данный рубеж вечером 05.08.)

05.08 командующий группой армий сделал запрос: «Я требую предоставления сведений о том, какие обстоятельства привели к тому, что 167-я пехотная дивизия, 03.08. дислоцированная на высотах Вислое, 04.08. собралась уже лишь в остатках в тридцати километрах к юго-западу от Бессоновки». А кроме того: «Я запрашиваю информацию в отношении того, почему 6-я танковая дивизия, которая неизменно побеждала противника вне зависимости от того, сколь силен бы он ни был и сколь численно ослаблена было данное соединение, оказывалась в результате каждой атаки противника с 04.08 выбита со своих позиций. Я также запрашиваю данные о том, какие части дивизии принимали участие в боевых действиях 03.08».

(Рапортов штаба 4-й танковой армии с ответами на заданные выше вопросы среди доступных документов, к сожалению, не оказалось.)

10.08 из оперативной группы «Кемпф» в группу армий доложили (18.40), что обстановка в 282-й пехотной дивизии, позиции которой неоднократно прорывал противник, неминуемо требует дальнейшего отведения северного участка фронта в ходе предстоящей ночи (на линию к северу от Чугуев—Дергачи).

Согласно документу № 44701/12, командование группы армий (12.08) предлагало применение «драконовских мер к личному составу 282-й пехотной дивизии (расстрел каждого десятого)». В штабе оперативной группы «Кемпф» сочли подобные действия неоправданными.

Документ № 3: Донесения из штаба 8-й армии от 22.08 и 02.09.1943 г. о моральном состоянии личного состава

В рапорте, поступившем из штаба 8-й армии в группу армий 22.08., говорится: «... в то время как другие виды и рода войск Вермахта по-прежнему пользуются приоритетом в получении лучшего контингента призывников, пехоте постоянно не хватает процента качественного человеческого материала. В результате этот главный род войск не имеет достаточного количества рядовых, годных к выдвигению в командиры и заместители командиров».

Рапорт командующего 8-й армией от 02.09 (Документ № 44701/12), в котором указывается, что «происходит ослабление войск, особенно в пехоте», проливает пугающий свет на ситуацию. В рапорте говорится:

«(1) В то время как мы, применительно к боеприпасам, вынуждены действовать в особо трудных условиях, противник располагает практически неограниченным количеством артиллерийских и минометных выстрелов. Применяя данного рода вооружение, он сосредоточивает его на направлении главного удара, в результате чего наши ряды редуют, и создается нехватка людей по всей главной линии, так что становится невозможным оборонять ее по всей протяженности и даже как за счет локальных групп, связь между которыми осуществляется посредством дозоров. Где бы ни возникала брешь из-за прорыва неприятеля, заделать ее можно только путем наскребаемых на местах резервов. Потери исключительно высоки. К сегодняшнему утру численность личного состава 39-й пехотной дивизии сократилась до шести офицеров и 300 солдат.

(2) Обозные части мы уже и так проредили. Те, кто остался в них, по большей части последние уцелевшие сыновья отцов больших семейств. Я испрашиваю решения сверху в отношении оперативного использования таких частей. По моему мнению, разумного баланса между боевым и вспомогательным личным составом можно достигнуть только за счет слияния дивизий.

(3) Помимо ослабления войск, поводом для большой озабоченности служит степень утомления солдат. Командиры частей докладывают мне, что, ввиду крайнего истощения сил, у людей возникает огромная апатия и что вследствие этого драконовские меры не приведут к желаемым результатам, добиться которых можно лишь за счет личного примера офицеров и «мягкого убеждения». Однако и то и другое упирается в сокращение и ослабление офицерского состава.

(4) Я отдаю себе отчет в том, что вновь прибывающие формирования страдают от недостатка выдержки и стойкости. Таким образом, 223-я пехотная дивизия, учитывая обстановку, не находится в состоянии полной боеготовности. За 10 дней она потеряла 1100 человек, и только за один вчерашний день ее урон в тяжелом вооружении составил: 126 пулеметов, 28 минометов, три пехотных орудия, одна противотанковая пушка, три легкие и одна тяжелая полевая гаубица. Были взяты меры с целью прояснения вопроса степени ответственности, если необходимо, путем расследования военно-полевым судом.

(5) Касательно озабоченности и запросов относительно численности частей, у солдат и командиров возникает раздражение по поводу того, что любое вмешательство начальства влечет за собой длительные выяснения и проверки, от которых бывает мало реальной пользы солдатам. Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно может подорвать доверие личного состава частей к командирам...»

Документ № 4: «Выжженная земля»

Приложение 2 из боевого журнала 23-го армейского корпуса, оперативный отдел (с 01.11.1941 по 31.01.1942), содержит следующий приказ:

Совершенно секретно!

Копия

Штаб 9-й армии

Оперативный отдел. № 4534/41 сов. сек.

Штаб армии 21.12.41

11 копий

Копия № 2

Копия телетайпного приказа ОКХ/Генштаба сухопутных войск/Оперативного управления (ИМ) в группу армий «Центр».

В связи с совещанием от 20.12 фюрер сделал следующие замечания в подкрепление своих мыслей, выраженных в приказе ОКХ/Генштаба сухопутных войск/Оперативного управления (ИМ) № 1736/41 сов. сек., пункт 1:

(1) Фапатичная воля к защите занимаемых позиций должна насаждаться в войсках любыми мерами, включая и самые крайние. При условии, что все солдаты в равной мере будут воодушевлены этой решимостью, атаки противника, даже если они и приведут к вклинениям в отдельных местах, в конечном итоге окажутся обреченными на провал. Но там, где нет в полной мере присутствия подобной решимости, фронт станет колебаться без какой-либо перспективы стабилизации его на заранее подготовленных позициях. Каждый офицер и каждый солдат должны уяснить себе, что уклонение от боевых столкновений поставят их в более опасное положение со стороны русской зимы, чем удержание позиций, пусть и наскоро подготовленных, не говоря уже о значительных потерях техники и вооружения, к которым приводят отступления. Русские немедленно начинают преследование отходящей части, не дают ей продыха, непрерывно атакуют и ввиду отсутствия подготовленных позиций в тылу отступающие нигде не находят возможности закрепиться. Таким образом кошмар наполеоновского отступления превращается в реальность. По этой причине действия по уклонению от боя должны предприниматься только при наличии в тылу подготовленных позиций. Только видя, что после выхода из боевого соприкосновения с противником можно найти другую позицию, пусть и наспех оборудованную, солдат поймет отступление. Только в таком случае отход не будет подрывать доверия войск к командирам. Но если солдаты увидят, что им приходится оставлять позицию, на которой они чувствовали себя более или менее уверенно, и при этом не получают подходящей замены, отступление чревато опасностью утраты веры в лидеров.

(2) Ослабление боевой численности...

(3) Все территории, которые войскам придется сдавать противнику, должны настолько, насколько это возможно, быть бесполезными для него. Все села и деревни надо сжигать и уничтожать, не думая о населении, с тем чтобы лишить противника крыши над головой. В соответ-

ствии с этим надлежит проводить соответствующие приготовления. Если почему-либо населенный пункт не удастся разрушить, это должно быть достигнуто за счет применения Люфтваффе, принимая во внимание то, что неприятель, как и наши солдаты, по причине холодов будет нуждаться в местах для поста. Поскольку он наступает, подобные затруднения окажутся для него большим бременем, чем для наших солдат, при условии, если они будут занимать более или менее подходящим образом оборудованные позиции.

(4)...

Приведенные выше соображения выслаются с требованием довести их до сведения командного звена более низкого уровня.

Армия оправдает доверие фюрера.

ОКХ/Генштаб сухопутных войск /Оперативное управление (ИМ) № 3208/41, сов. сек.

Дополнение армии:

Относительно пункта (3): Районы не подверглись уничтожению, в отношении действий Люфтваффе в штаб 9-й армии должно быть сообщено своевременно.

От имени штаба армии начальник штаба:

По приказу

(подпись)

полковник

Копия заверена:

(подпись) фрайгерр фон Зекендорф

Документ № 5: Относительно: «Выжженная земля»

Начальник Генерального штаба сухопутных войск

№ 1/5705/43, сов. сек.

Относительно: Эвакуация из Донбасса

ОКН/НҚ [штаб сухопутных войск], 30.08.43 г.

50 копий

Копия № 17

Восемь дополнительных копий

Дополнительна копия № 2

Фюрер приказал:

Генерал пехоты Штапф, начальник экономического штаба Востока как представитель Управления экономики получает полномочия организовать эвакуацию и прием эвакуированных групп населения и всевозможных экономических фондов, прибывающих на внутренний театр боевых действий, а также на оккупированные восточные территории в результате оставления Донбасса.

В этих пределах он наделяется прерогативой в рамках поставленной задачи, издавать соответствующие директивы для всех ответственных военных и невоенных властных органов.

По распоряжению фюрера

(подпись) Цейцлер

Копия верна:

(подпись неразборчива)

Лейтенант

Генерал пехоты

и начальник

Генштаба сухопутных войск

Документ № 6: Относительно: «Выжженная земля»

Совершенно секретно

Рейхсмаршал
Великого Германского рейха
Специальный уполномоченный Управления
четырёхлетнего экономического плана на Востоке
V.P. 11207/6/3 сов. сек. (пол.)

Лейпцигская улица, 3, Берлин, W.8, 7 сентября 1943 г.
Совершенно секретно (политический документ) 40 копий

Копия № 13

Восемь дополнительных копий

Дополнительная копия № 2

Относительно: Эвакуация собранного урожая и уничтожение производственных мощностей для выпуска товаров сельского хозяйства и продуктов питания на отдельных из оккупированных восточных территорий.

На основании приказа фюрера я отдаю распоряжение:

(I) Надлежит принять следующие меры на территориях позади линии, определенной Верховным главнокомандованием в связи с текущей ситуацией на фронтах, и выполнять порайонно. Районы должны быть обозначены командующими группами армий:

(1) Сельскохозяйственные продукты, оборудование, станки и прочее будут вывезены с учреждений сельского хозяйства и предприятий по производству продуктов питания;

(2) производственные и обрабатывающие мощности индустрии по производству продуктов питания должны быть уничтожены;

(3) производственная база сельского хозяйства, в особенности основные мощности и объекты (склады и тому подобное) по сбору и хранению продовольствия подлежит уничтожению;

(4) население, занятое в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, подлежит вывозу в районы западнее обозначенной линии.

(II) Управление этими процессами вверяется начальнику Экономического штаба на Востоке, генералу пехоты Штапфу как представителю Управления экономики. За выполнение поставленных задач ответственны высшие военные руководители, которые будут взаимодействовать со специалистами — экспертами соответствующих экономических учреждений.

(III) При выполнении своих задач генерал Штапф подчиняется инструкциям Куратора рабочей группы по вопросам продовольственных поставок, заместителю министра иностранных дел Баке. Он [Штапф], с целью обеспечения условий для выполнения задач и получения эвакуированного имущества на оккупированных территориях и на местном ТВД, наделяется полномочиями издавать приказы всем военным и невоенным руководителям.

Копия верна:

(подпись неразборчива)

лейтенант

(подпись) Геринг

Заверено:

(подпись) Швинге

Министериальрегистратор

Документ № 7: Относительно: «Укрепленные районы»

Фюрер

Главное командование сухопутных войск

Генштаб сухопутных войск/Оперативное управление. (I) № 2434/44 сов. сек.

Ставка фюрера,

8 марта 1944 г.

Совершенно секретно!

Приказ фюрера № 11

(коменданты крепостей и командиры районов обороны)

В свете различных инцидентов я приказываю:

(1) Надлежит провести разграничение:

между «крепостями», каждый из которых находится под началом «коменданта крепости», и «местными районами обороны», где действиями подчиненных руководят «командиры».

«Крепостям» отводится та же функция, что и крепостям в прошлом. Они должны служить препятствиями на пути врага, стремящегося овладеть теми или иными важными районами и территориями. Коменданты могут позволить противнику окружить себя и таким образом связать боями значительные его силы. В этом случае они будут создавать предпосылки для успешных контратак.

«Местные районы обороны» рассматриваются как упорно обороняемые опорные пункты в глубине полосы боевых действий в случае вражеского прорыва. За счет включения в главный рубеж обороны они должны обеспечивать ее становой хребет и при вклинении противника служить поворотными осями и угловыми столбами фронта, равно как и исходными районами для контратак.

(2) На должность «комендантов крепостей» следует подбирать особо жестких офицеров, желательно в звании генерала. Назначение таких людей в сфере компетенции командования групп армий. Задачу коменданту крепости должен ставить лично командующий группой армий.

Комендант крепости своей солдатской честью ручается за то, что будет выполнять порученное ему задание до конца.

Только командующий группой армий лично, и действуя с моего одобрения, может освободить коменданта крепости от поставленной задачи и, если возникнет необходимость, отдать приказ об оставлении объекта.

Комендант крепости подчиняется приказам командующего группой армий или армии, в полосе оперативных действий которой расположен данный объект. Такой комендант не должен подчиняться даже корпусным командирам.

Власть коменданта крепости распространяется не только на силы местной самообороны и весь гарнизон, но и на всех лиц (как военных, так и гражданских), тем или иным путем оказавшихся на территории крепости, вне зависимости от того, в каком звании они находятся и какую должность занимают.

Комендант укрепрайона получает власть на уровне Вермахта и дисциплинарные полномочия корпусного командира. Для выполнения своих обязанностей он должен располагать выездными военно-полевыми и дисциплинарными военно-полевыми судами.

Штаб коменданта крепости должен создаваться группой армий при использовании командных каналов. Назначение на пост начальника штаба осуществляет ОКХ по рекомендации группы армий.

(3) Гарнизон крепости состоит из контингента местной самообороны и всех прочих частей в совокупности.

Контингенту местной самообороны надлежит присутствовать в укрепленном районе постоянно. Численность его должна быть определена командующим группой армий. Она будет зависеть от размеров крепости и задач, которые он выполняет (включая подготовку и строительство оборонительных сооружений, удержание объекта при атаках местного масштаба, осуществляемых силами вражеского корпуса или меньшего по размерам соединения).

Весь гарнизон полностью необходимо предоставить в распоряжение коменданта крепости заранее, так чтобы осталось достаточно времени для занятия соответствующих позиций и получения необходимого инструктажа до того, как возникнет реальная угроза систематических атак противника. Определение численности гарнизона в целом возлагается на командование группы армий и устанавливается в связи с размерами укрепленного района (крепости) и задачами, которые ставятся перед его комендантом (решительная оборона объекта).

(4) «Командир района обороны», это офицер, подчиняющийся командиру действующей части, им назначаемый и получающий от него приказы и задачи. Звание его зависит от важности и местоположения объекта в полосе боевых действий части или соединения, а также численности находящегося под его началом войскового контингента. Подобные должности требуют назначения на них особо энергичных офицеров, продемонстрировавших свои качества в критических ситуациях.

(5) Размеры гарнизона «района обороны» зависят от значения данного объекта и имеющихся в наличии войск. Определение численности воинского контингента находится в компетенции начальника командира района обороны.

(6) Задачи «комендантов крепостей» и «командиров районов обороны», равно как и представляемый вниманию командования групп армий список укрепленных районов, находится в приложениях.

(7) Вышеизложенное отменяет все предыдущие приказы, изданные в отношении боевых комендантов.

(подпись) Адольф Гитлер

Общее распределение

Эмблемы немецких дивизий, сражавшихся на Восточном фронте

Пехотные дивизии

1-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
1 и 43-й грендерские полки
22-й фузилерный полк
1-й артиллерийский полк

14-я мот. пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
11 и 53-й грендерские полки
14-й артиллерийский полк

6-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
18, 37 и 58-й грендерские полки
6-й артиллерийский полк

15-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
81, 88 и 106 грендерские полки
15-й артиллерийский полк

7-я пехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
19, 61 и 62-й грендерские полки
7-й артиллерийский полк

17-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
21, 55 и 95-й грендерские полки
17-й артиллерийский полк

9-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
36, 57 и 116-й грендерские полки
9-й артиллерийский полк

21-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
3, 24 и 45-й грендерские полки
21-й артиллерийский полк

11-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
2, 23 и 44-й грендерские полки
11-й артиллерийский полк

22-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
16, 47 и 65-й грендерские полки
22-й артиллерийский полк

12-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
27-й фузилерный полк
48 и 89-й грендерские полки
12-й артиллерийский полк

23-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
9 и 67-й грендерские полки
68-й фузилерный полк
23-й артиллерийский полк

24-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
31, 32 и 102-й гренадерские полки
24-й артиллерийский полк

36-я мот. пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
70, 87 и 118-й гренадерские полки
36-й артиллерийский полк

26-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
39, 77 и 78-й гренадерские полки
26-й артиллерийский полк

Имперская гренадерская дивизия «Хох-унд-Дойчмайстер»
17-й военный округ Вена
131, 132 и 134-й гренадерские полки
96-й артиллерийский полк

30-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
6 и 46-й гренадерские полки
26-й фузилерный полк
30-й артиллерийский полк

45-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
130, 133 и 135-й гренадерские полки
98-й артиллерийский полк

31-я пехотная дивизия
11-й военный округ Ганновер
12, 17 и 82-й гренадерские полки
31-й артиллерийский полк

46-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
42, 72 и 97-й гренадерские полки
114-й артиллерийский полк

32-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
4, 94 и 96-й гренадерские полки
32-й артиллерийский полк

50-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
121, 122 и 123-й гренадерские полки
150-й артиллерийский полк

34-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
80, 107 и 253-й гренадерские полки
34-й артиллерийский полк

52-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
163, 181 и 205-й гренадерские полки
152-й артиллерийский полк

35-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
109 и 111-й гренадерские полки
34-й фузилерный полк
35-й артиллерийский полк

56-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
171, 192 и 234-й гренадерские полки
156-й артиллерийский полк

57-я пехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
179, 199 и 217-й гренадерские полки
157-й артиллерийский полк

72-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
105, 124 и 266-й гренадерские полки
172-й артиллерийский полк

58-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
154, 209 и 220-й гренадерские полки
158-й артиллерийский полк

73-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
170, 186 и 213-й гренадерские полки
173-й артиллерийский полк

61-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
151, 162 и 176-й гренадерские полки
161-й артиллерийский полк

75-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
172, 222-й гренадерские полки
202-й фузилерные полки
175-й артиллерийский полк

62-я пехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
164, 183 и 190-й гренадерские полки
162-й артиллерийский полк

76-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
178 и 203-й гренадерские полки
230-й фузилерный полк
176-й артиллерийский полк

65-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
145, 146 и 147-й гренадерские полки
165-й артиллерийский полк

78-я штурмовая дивизия
5-й военный округ Штутгарт
14, 195 и 215-й штурмовые полки
178-й артиллерийский полк

68-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
169, 188 и 196-й гренадерские полки
168-й артиллерийский полк

79-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
208, 212 и 226-й гренадерские полки
179-й артиллерийский полк

71-я пехотная дивизия
11-й военный округ ГанOVER
191, 194 и 211-й гренадерские полки
171-й артиллерийский полк

81-я пехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
161, 174 и 189-й гренадерские полки
181-й артиллерийский полк

83-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
251, 257 и 277-й гренадерские полки
183-й артиллерийский полк

96-я пехотная дивизия
11-й военный округ Ганновер
283, 284 и 287-й гренадерские полки
196-й артиллерийский полк

86-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
167, 184 и 216-й гренадерские полки
186-й артиллерийский полк

98-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
117, 289 и 290-й гренадерские полки
198-й артиллерийский полк

87-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
173, 185 и 187-й гренадерские полки
187-й артиллерийский полк

102-я пехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
84, 232 и 233-й гренадерские полки
104-й артиллерийский полк

88-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
245, 246 и 248-й гренадерские полки
188-й артиллерийский полк

106-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
239, 240 и 241-й гренадерские полки
107-й артиллерийский полк

93-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
270, 271 и 272-й гренадерские полки
193-й артиллерийский полк

110-я пехотная дивизия
10-й военный округ
252, 254 и 255-й гренадерские полки
120-й артиллерийский полк

94-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
267, 274 и 276-й гренадерские полки
194-й артиллерийский полк

111-я пехотная дивизия
11-й военный округ Ганновер
50, 70 и 117-й гренадерские полки
117-й артиллерийский полк

95-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
278, 279 и 280-й гренадерские полки
195-й артиллерийский полк

112-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
110, 256 и 258-й гренадерские полки
86-й артиллерийский полк

121-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
405, 407 и 408-й гренадерские полки
121-й артиллерийский полк

134-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
439, 445 и 446-й гренадерские полки
134-й артиллерийский полк

122-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
409, 410 и 411-й гренадерские полки
122-й артиллерийский полк

137-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
447, 448 и 449-й гренадерские полки
137-й артиллерийский полк

125-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
419, 420 и 421-й гренадерские полки
125-й артиллерийский полк

161-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
336, 364 и 371-й гренадерские полки
241-й артиллерийский полк

126-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
422, 424 и 426-й гренадерские полки
126-й артиллерийский полк

164-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
382, 433 и 440 гренадерские полки
220-й артиллерийский полк

129-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
427, 428 и 430-й гренадерские полки
129-й артиллерийский полк

168-я пехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
417, 429 и 442-й гренадерские полки
248-й артиллерийский полк

131-я пехотная дивизия
11-й военный округ Ганновер
431, 432 и 434-й гренадерские полки
131-й артиллерийский полк

169-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
378, 379 и 392-й гренадерские полки
230-й артиллерийский полк

132-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
436, 437 и 438-й гренадерские полки
132-й артиллерийский полк

170-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
391, 399 и 401-й гренадерские полки
240-й артиллерийский полк

197-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
321, 332 и 347-й гренадерские полки
229-й артиллерийский полк

216-я пехотная дивизия
11-й военный округ Ганновер
348, 396 и 398-й гренадерские полки
216-й артиллерийский полк

198-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
305, 308 и 326-й гренадерские полки
235-й артиллерийский полк

217-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
311, 346 и 389-й гренадерские полки
217-й артиллерийский полк

205-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
335, 353 и 358-й гренадерские полки
205-й артиллерийский полк

218-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
323, 386 и 397-й гренадерские полки
218-й артиллерийский полк

206-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
301, 312 и 413-й гренадерские полки
206-й артиллерийский полк

223-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
344, 385 и 425-й гренадерские полки
223-й артиллерийский полк

207-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
322, 368 и 374-й гренадерские полки
207-й артиллерийский полк

225-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
333, 376 и 377-й гренадерские полки
225-й артиллерийский полк

208-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
309, 337 и 338-й гренадерские полки
208-й артиллерийский полк

227-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
328, 366 и 412-й гренадерские полки
227-й артиллерийский полк

215-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
380, 390 и 435-й гренадерские полки
215-й артиллерийский полк

250-я испан. пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
262, 263 и 269-й гренадерские полки
250-й артиллерийский полк

251-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
451, 459 и 471-й гренадерские
полки
251-й артиллерийский полк

260-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
460, 470 и 480-й
гренадерские полки
260-й артиллерийский полк

252-я пехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
7, 461 и 472-й гренадерские
полки
252-й артиллерийский полк

262-я пехотная дивизия
17-й военный округ
462, 482 и 486-й
гренадерские полки
262-й артиллерийский полк

253-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
453, 464 и 473-й гренадерские
полки
253-й артиллерийский полк

263-я пехотная дивизия
12-й военный округ Висбаден
463, 483 и 485-й
гренадерские полки
263-й артиллерийский полк

255-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
455, 465 и 475-й гренадерские
полки
255-й артиллерийский полк

267-я пехотная дивизия
11-й военный округ ГанOVER
467, 487 и 497-й гренадерские
полки
267-й артиллерийский полк

256-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
456, 476 и 481-й гренадерские
полки
256-й артиллерийский полк

268-я пехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
468, 488 и 499-й
гренадерские полки
268-й артиллерийский полк

257-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
457, 466 и 477-й гренадерские
полки
257-й артиллерийский полк

269-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
469, 489 и 490-й
гренадерские полки
269-й артиллерийский полк

258-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
458, 478 и 479-й гренадерские
полки
258-й артиллерийский полк

272-я пехотная дивизия
11-й военный округ ГанOVER
980, 981 и 982-й
гренадерские полки
272-й артиллерийский полк

278-я пехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
992, 993 и 994-й гренадерские полки
278-й артиллерийский полк

299-я пехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
528, 529 и 530-й гренадерские полки
299-й артиллерийский полк

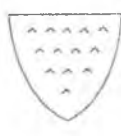
282-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
848, 849 и 850-й гренадерские полки
282-й артиллерийский полк

302-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
570, 571 и 572-й гренадерские полки
302-й артиллерийский полк

290-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
501, 502 и 503-й гренадерские полки
290-й артиллерийский полк

305-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
576, 571 и 572-й гренадерские полки
305-й артиллерийский полк

291-я пехотная дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
504, 505 и 506-й гренадерские полки
291-й артиллерийский полк

306-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
579, 580 и 581-й гренадерские полки
306-й артиллерийский полк

292-я пехотная дивизия
2-й военный округ Штеттин
507, 508 и 509-й гренадерские полки
292-й артиллерийский полк

320-я пехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
585, 586 и 587-й гренадерские полки
320-й артиллерийский полк

294-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
513, 514 и 515-й гренадерские полки
294-й артиллерийский полк

323-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
591, 593 и 594-й гренадерские полки
323-й артиллерийский полк

296-я пехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
519, 520 и 521-й гренадерские полки
296-й артиллерийский полк

329-я пехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
551, 552 и 553-й гренадерские полки
329-й артиллерийский полк

331-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
557, 558 и 559-й гренадерские полки
331-й артиллерийский полк

373-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
383 и 384-й гренадерские полки
373-й артиллерийский полк

335-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
682, 683 и 684-й гренадерские полки
335-й артиллерийский полк

376-я пехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
672, 673 и 767-й гренадерские полки
376-й артиллерийский полк

336-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
685, 686 и 687-й гренадерские полки
336-й артиллерийский полк

384-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
534, 535 и 536-й гренадерские полки
384-й артиллерийский полк

357-я пехотная дивизия
4-й военный округ Дрезден
944, 945 и 946-й гренадерские полки
357-й артиллерийский полк

392-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
846 и 847-й гренадерские полки
392-й артиллерийский полк

362-я пехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
954, 955 и 956-й гренадерские полки
362-й артиллерийский полк

715-я пехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
725, 735 и 1028-й гренадерские полки
671-й артиллерийский полк

369-я пехотная дивизия
17-й военный округ Вена
369 и 370-й гренадерские полки
369-й артиллерийский полк

Егерские дивизии

5-я егерская дивизия
5-й военный округ Штутгарт
56 и 75-й егерские полки
5-й артиллерийский полк

97-я егерская дивизия
7-й военный округ Мюнхен
204 и 207-й егерские полки
81-й артиллерийский полк

8-я егерская дивизия
8-й военный округ Бреслау
28 и 38-й егерские полки
8-й артиллерийский полк

100-я егерская дивизия
17-й военный округ Вена
54, 227 и 369-й егерские полки
100-й артиллерийский полк

28-я егерская дивизия
8-й военный округ Бреслау
49 и 83-й егерские полки
28-й артиллерийский полк

101-я егерская дивизия
5-й военный округ Штутгарт
228 и 229-й и егерские полки
85-й артиллерийский полк

Горнопехотные дивизии

1-я горнопехотная дивизия
7-й военный округ Мюнхен
98 и 99-й горнопехотные полки
79-й горно-вьючный
артиллерийский полк

4-я горнопехотная дивизия
5 и 8-й военные округа
Штутгарт, Бреслау
13 и 91-й горнопехотные полки
94-й горно-вьючный
артиллерийский полк

2-я горнопехотная дивизия
18-й военный округ Зальцбург
136 и 137-й горнопехотные полки
111-й горно-вьючный
артиллерийский полк

5-я горнопехотная дивизия
7, 13 и 18-й военные округа
Мюнхен, Нюрнберг, Зальцбург
85 и 100-й горнопехотные полки
95-й горно-вьючный
артиллерийский полк

3-я горнопехотная дивизия
18-й военный округ Зальцбург
138 и 144-й горнопехотные полки
112-й горно-вьючный
артиллерийский полк

6-я горнопехотная дивизия
18-й военный округ Зальцбург
141 и 143-й горнопехотные
полки
118-й горно-вьючный
артиллерийский полк

7-я горнопехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
206 и 218-й горнопехотные полки
82-й горно-вьючный
артиллерийский полк

10-я горнопехотная дивизия
18-й военный округ Зальцбург
139-й горнопехотный полк
3 и 6-й горнопехотные батальоны
931-й горно-вьючный
артиллерийский полк

Воздушно-полевые дивизии

13-я воздушно-полевая дивизия
3-й военный округ Штеттин
25 и 26-й егерские полки
люфтваффе
13-й артиллерийский полк

21-я воздушно-полевая дивизия
3-й военный округ Штеттин
41, 42 и 43-й егерские полки
люфтваффе
21-й артиллерийский полк

Мотопехотные дивизии

3-я мотопехотная дивизия
3-й военный округ Берлин
8 и 28-й моторизованные
гренадерские полки
103-й танковый батальон
3-й артиллерийский полк

20-я мотопехотная дивизия
10-й военный округ Гамбург
76 и 90-й моторизованные
гренадерские полки
8-й танковый батальон
25-й артиллерийский полк

10-я мотопехотная дивизия
13-й военный округ Нюрнберг
20 и 41-й моторизованные
гренадерские полки
7-й танковый батальон
10-й артиллерийский полк

25-я мотопехотная дивизия
5-й военный округ Штутгарт
35 и 119-й моторизованные
гренадерские полки
5-й танковый батальон
25-й артиллерийский полк

16-я мотопехотная дивизия
6-й военный округ Мюнстер
60 и 156-й моторизованные
гренадерские полки
116-й танковый батальон
146-й артиллерийский полк

29-я мотопехотная дивизия
9-й военный округ Кассель
15, 71-й моторизованные
гренадерские полки
129-й танковый батальон
29-й артиллерийский полк

18-я мотопехотная дивизия
8-й военный округ Бреслау
30 и 51-й моторизованные
гренадерские полки
118-й танковый батальон
18-й артиллерийский полк

60-я мотопехотная дивизия
20-й военный округ Данциг
92 и 120-й моторизованные
гренадерские полки
160-й танковый батальон
160-й артиллерийский полк

Мотопехотная дивизия «Фельдхеррхалле» (ФХХ)
 20-й военный округ Данциг
 гренадерский полк ФХХ
 фузилерный полк ФХХ
 танковый батальон ФХХ
 артиллерийский полк ФХХ

Мотопехотная дивизия «Великая Германия» (ВГ)
 3-й военный округ Берлин
 моторизованный гренадерский полк ВГ
 моторизованный фузилерный полк ВГ
 танковый батальон ВГ
 артиллерийский полк ВГ

Танковые дивизии

1-я танковая дивизия
 9-й военный округ Кассель
 1 и 113-й мотопехотные полки
 1-й танковый полк
 73-й самоходный артиллерийский полк

6-я танковая дивизия
 6-й военный округ Мюнстер
 4 и 114-й мотопехотные полки
 11-й танковый полк
 76-й самоходный артиллерийский полк

2-я танковая дивизия
 17-й военный округ Вена
 2 и 304-й мотопехотные полки
 3-й танковый полк
 74-й самоходный артиллерийский полк

7-я танковая дивизия
 9-й военный округ Кассель
 6 и 7-й мотопехотные полки
 25-й танковый полк
 78-й самоходный артиллерийский полк

3-я танковая дивизия
 3-й военный округ Берлин
 3 и 394-й мотопехотные полки
 6-й танковый полк
 75-й самоходный артиллерийский полк

8-я танковая дивизия
 3-й военный округ Берлин
 8 и 28-й мотопехотные полки
 10-й танковый полк
 80-й самоходный артиллерийский полк

4-я танковая дивизия
 13-й военный округ Нюрнберг
 12 и 33-й мотопехотные полки
 35-й танковый полк
 103-й самоходный артиллерийский полк

9-я танковая дивизия
 17-й военный округ Вена
 10 и 11-й мотопехотные полки
 33-й танковый полк
 102-й самоходный артиллерийский полк

5-я танковая дивизия
 8-й военный округ Бреслау
 13 и 14-й мотопехотные полки
 31-й танковый полк
 116-й самоходный артиллерийский полк

10-я танковая дивизия
 5-й военный округ Штутгарт
 69 и 86-й мотопехотные полки
 7-й танковый полк
 90-й самоходный артиллерийский полк

11-я танковая дивизия
8-й военный округ Бреслау
110 и 111-й мотопехотные полки
15-й танковый полк
119-й самоходный артиллерийский полк

12-я танковая дивизия
2-й военный округ Штеттин
5 и 25-й мотопехотные полки
29-й танковый полк
2-й самоходный артиллерийский полк

13-я танковая дивизия
11-й военный округ Ганновер
66 и 93-й мотопехотные полки
4-й танковый полк
13-й самоходный артиллерийский полк

14-я танковая дивизия
4-й военный округ
103 и 108-й мотопехотные полки
36-й танковый полк
4-й самоходный артиллерийский полк

16-я танковая дивизия
6-й военный округ Мюнстер
64 и 79-й мотопехотные полки
2-й танковый полк
16-й самоходный артиллерийский полк

17-я танковая дивизия
7-й военный округ Мюнхен
40 и 63-й мотопехотные полки
39-й танковый полк
27-й самоходный артиллерийский полк

18-я танковая дивизия
4-й военный округ Дрезден
52 и 101-й мотопехотные полки
18-й танковый полк
88-й самоходный артиллерийский полк

19-я танковая дивизия
11-й военный округ Ганновер
73 и 74-й мотопехотные полки
27-й танковый полк
19-й самоходный артиллерийский полк

20-я танковая дивизия
9 и 11-й военные округа Кассель и Ганновер
59 и 112-й мотопехотные полки
21-й танковый полк
92-й самоходный артиллерийский полк

21-я танковая дивизия
6-й военный округ Мюнстер
125 и 192-й мотопехотные полки
100 (22)-й танковый полк
155-й самоходный артиллерийский полк

22-я танковая дивизия
12-й военный округ
129 и 140-й мотопехотные полки
204-й танковый полк
140-й самоходный артиллерийский полк

23-я танковая дивизия
5-й военный округ Штутгарт
126 и 128-й мотопехотные полки
23-й танковый полк
128-й самоходный артиллерийский полк

24-я танковая дивизия
1-й военный округ Кенигсберг
21 и 26-й мотопехотные полки
24-й танковый полк
89-й самоходный артиллерийский полк

До преобразования:
1-я кавалерийская дивизия
1, 2 и 22-й рейтарские полки
21-й кавалерийский полк
1-й полк конной артиллерии

25-я танковая дивизия
6-й военный округ Мюнстер
146 и 147-й мотопехотные полки
9-й танковый полк
91-й самоходный артиллерийский полк

116-я танковая дивизия
6-й военный округ Мюнстер
60 и 156-й мотопехотные полки
16-й танковый полк
146-й самоходный артиллерийский полк

26-я танковая дивизия
3-й военный округ Берлин
9 и 67-й мотопехотные полки
26-й танковый полк
93-й самоходный артиллерийский полк

Дивизии войск СС

1-я танковая дивизия СС
Лейбштандарт Адольф Гитлер
1 и 2-й мотопехотные полки СС
1-й танковый полк СС
1-й самоходный артиллерийский полк СС

5-я танковая дивизия СС
Викинг
9 и 10-й мотопехотные полки СС
5-й танковый полк СС
5-й самоходный артиллерийский полк СС

2-я танковая дивизия СС
Дас Райх
3 и 4-й мотопехотные полки СС
2-й танковый полк СС
2-й самоходный артиллерийский полк СС

9-я танковая дивизия СС
Готенштауфен
19 и 20-й мотопехотные полки СС
9-й танковый полк СС
9-й самоходный артиллерийский полк СС

3-я танковая дивизия СС
Мертвая голова
5 и 6-й мотопехотные полки СС
3-й танковый полк СС
3-й самоходный артиллерийский полк СС

10-я танковая дивизия СС
Фрундсберг
21 и 22 мотопехотные полки СС
10-й танковый полк СС
10-й самоходный артиллерийский полк

4-я полицейская дивизия СС
Мотопехотная дивизия
7 и 8-й полицейские мотопехотные полки
4-й танковый батальон СС
4-й самоходный артиллерийский полк СС

11-я мотопехотная дивизия СС
Нордланд
23 и 24-й мотопехотные полки
11-й танковый батальон СС
11-й самоходный полк СС

6-я мотопехотная дивизия СС
Рейхсфюрер СС
35 и 36-й мотопехотные полки СС
16-й танковый батальон СС
16-й самоходный артиллерийский полк СС

17-я мотопехотная дивизия СС
Гётц фон Берлихинген
37 и 38-й мотопехотные полки СС
17-й танковый батальон СС
17-й самоходный артиллерийский полк

18-я мотопехотная дивизия СС
Хорст Вессель
39 и 40-й мотопехотные полки СС
18-й танковый батальон СС
18-й самоходный артиллерийский полк

23-я горнопехотная дивизия СС
Кама
55 и 56-й горнопехотные полки СС
23-й горновьючный артиллерийский полк СС

28-я мотопехотная дивизия СС
Валлония
69, 70 и 71-й мотопехотные полки СС
28-й танковый батальон СС
28-й самоходный артиллерийский полк СС

38-я мотопехотная дивизия СС
Нибелунги
95, 96 и 97-й мотопехотные полки СС
38-й танковый батальон СС
38-й самоходный артиллерийский полк СС

Бригады штурмовых орудий

184-я бригада штурмовых орудий
сформирована в конце лета 1940 г. в Цинне под Ютербогом

197-я бригада штурмовых орудий
сформирована зимой 1940/1941 г. в Ютербоге

189-я бригада штурмовых орудий
сформирована 9 июля 1941 г.

237-я бригада штурмовых орудий
сформирована летом 1943 г. в Позене

190-я бригада штурмовых орудий
сформирована 1 октября 1940 г. в Ютербоге

259-я бригада штурмовых орудий
сформирована в июне 1943 г. в Ютербоге

279-я бригада штурмовых орудий
сформирована 1 июля 1943 г. в Нейсе

Бригада штурмовых орудий
«Великая Германия»
сформирована летом 1940 г.

666-я бригада штурмовых орудий
сформирована в середине мая 1940 г.
в Цинне

Библиография

Книги и журналы

- Accoce Pierre. Quet, Pierre. La guerre ete gaguee en Suisse, 1939—1943, L'affaire Roessler. //Libr. Acad. Perrin, Paris, 1966.
- Bählinger Konrad. Fisch, Josef; Kaiser, Ernst: Laßt Hören aus alter Zeit; General Guisan: Haltet durch! Arbeitsgem. F. prakt. Unterr. St. Gallen, 1963.
- Bailey Geoffrey. The Conspirators. //Victor Golancz, London, 1961.
- Bauer E. Der Panzerkrieg. Bd. I und II Offene Worte, Bonn, n.d.
- Bekker Cajus. Angriffshöhe 4000. Stalling, Oldenburg, 1964.
- Benary Albert. Die Berliner 257. Bären-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1957.
- Bidermann G.H. Krim-Kurland mit der 132. Infanterie-Division 1941—1945. Privately published, Hanover, n.d.
- Böhmler Rudolf. Fallschirmjäger. Podzun, Bad Nauheim, 1961.
- Braun. J. Enzian und Edelweiß, 4. Geb. Div. Podzun, Bad Nauheim, 1955.
- Breith H. Der Anriff des III. Pz. Korps bei Zittadelle im Juli 1943. Wehrkunde, 1958.
- Breihaupt Hans. Die Geschichte der 30. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1955.
- Buchner Alex. Gebirgsjäger an allen Fronten. Sponholz, Hanover, 1954.
- Büchmann Georg. Geflügelte Worte. Haude & Spener, Berlin, 1964.
- Freiherr von Buttlar. Ehrenbuh der deutschen Wehrmacht. Riegler, Stuttgart, 1954.
- Buxa, Werner. Weg und Schicksal der 11. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1963.
- Carell Paul. The Foxes of the Desert. Translated by Mervyn Savill; Macdonald, London, 1960.
- Invasion — The're coming! Translated by Ewald Osers; Harrap, London, 1962.
- Hitler's War on Russia. Translated by Ewald Osers; Harrap, London, 1964.
- Carius Otto. Tiger in Schlamm. Vowinkel, Neckargemünd, 1960.
- Conze W. Die Geschichte des zweiten Weltkrieges. Wunderlich, Tübingen, 1965.
- Dallin Alexander. Die Sowjetspionage. Politik und Wirtsch., Köln, 1956.
- Deakin F.W. Storry, G.R.: The case of Richard Sorge. Chatto & Windus, London, 1966.
- Degrelle, Leon: Der verlorene Legion. Veritas, Stuttgart, n.d.
- Denzel Egon. Die Luftwaffen-Felddivisionen 1942—1945 (Vowinkel, Neckargemünd. 1963).
- Dieckhoff G. Die 3. I.D. (mot.). Börries, Göttingen, 1960.
- Dinglreiter Joseph. Die Vierziger. privately published, Augsburg, n.d.
- Von Donat Hans. "Eisenbahn-Pioniere" //Deutsches Soldatenjahrbuch, 1966. //Schild, Munich/Lochhausen, 1966.
- Erlau Peter. Flucht aus der weißen Hölle. Riegler, Stuttgart, n.d.
- Von Ernsthäusen. A. Wende im Kaukasus. Vowinkel, Neckargemünd. 1958.
- Esteban-Infantes. General. Blaue Division. Druffel, Leoni, 1958.
- Fey, Willy: Panzer im Brennpunkt der Fronten. Lehmann, Munich, 1960.
- Flicke, F.W.: Agenten funken nach Moskau. Welsermühl, Wels/Munich, 1957.
- Forster, Wolfgang: Kämpfer an vergessenen Fronten. Dtsch. Buchvertr., Abt. F. Veröff. u. A mtl. Arch., Berlin, 1951.
- Foltmann, Josef; Mmüller-Witten, Hanns: Opfergang der Generale. Bernard & Graefe, Berlin, 1952.
- Forstmeier, Friedrich: Die Räumung des Kuban-Brückenkopfes im Herbst 1943 //Wehr und Wissen. Darmstadt, 1964.
- Fretter-Pico Maximilian. Mißbrauchte Infanterie. Bernard & Graefe, Frankfurt/M., 1957.
- Fuller, John F.: The Second World War. Eyre and Spottiswoode, 1948.
- Gackenholtz. Hermann: "Der Zusammenbruch der Heeresgruppe Mitte 1944" in Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges edited by Dr. Hans-Adolf Jacobsen and Dr. Jürgen Rohwer. Bernard & Graefe, Frankfurt/M., 1960.
- Gareis Martin. Kampf und Ende der Fränkisch-Sudetendeutschen 98. Infanterie-Division. Podzun. Bad Nauheim, 1956.
- Garthoff, Raymond L. Die Sowjetarmee, Wesen und Lehre. Markus, Köln, 1955.

- Gorlitz Walter. Keitel, Verbrecher oder Offizier? Musteäschmidt, Göttingen, 1961.
- Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. I und II. Steingrüben, Stuttgart, 1951, 1952.
- Grams, Rolf: 14. Panzer-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1957.
- Graser, G.: Zwischen Kattegat und Kaukasus, 198. I. D. Privately published, Tübingen, 1961.
- Grossel, Emil: Grenadiere, I. R. 530 privately published, o. Ersch.-Ort, n.d.
- Grossmann, I.: Geschichte der 6. I. D. Podzun, Bad Nauheim, 1958.
- Rschew, Eckpfeiler der Ostfront. Podzun, Bad Nauheim, 1962.
- Grube, Rudolf. Unternehmen Erinnerung. Eine Chronik über den Weg und den Einsatz des Grenadierregiments 317 in der 211. Infanteriedivision 1959—1945. Giesecking, Bielefeld, 1961.
- Gluber, Anton: Das Infanterie-Regiment 213. Privately published, Nürnberg, 1965.
- Gschopf, R., dr: Mein Weg mit der 45. I. D. Oberöster. Landesvlg., Linz, 1955.
- Guderjan, Heinz: Erinnerungen eines Soldaten. Vowinckel, Heidelberg, 1951.
- Halder, Franz: Kriegstagebuch, Bd. 1, 2 und 3. Revised by Dr. Hans-Adolf Jacobsen, Kohlhammer, Stuttgart, 1965—1966.
- Hauk, Friedrich Wilhelm: "Der Gegenangriff der Heeresgruppe Süd im Frühjahr 1945". //Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1962, Nor. 8, 9.
- "Warum der Angriff im Frühjahr 1945 im Donez-Becken nicht zu Ende geführt wurde", in Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1964.
- Haupt Werner. Demjansk, ein Bollwerk im Osten. Podzun, Bad Nauheim, 1963.
- Hausser Paul Waffen-SS im Einsatz. Plesse, Göttingen, 1955.
- Heidkämper Otto. Witebsk. Vowinckel, Heidelberg, 1954.
- Heilbrunn Otto. Der sowjetische Geheimdienst'. Bernard & Gräfe, Frankfurt/ M., 1956.
- Heinrich Gotthard. Hauk Friedrich Wilhelm. "Zitadelle". //Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1965, No. 9, 10.
- Hennecke Kardel. Die Geschichte der 170. I. D. Podzun, Bad Nauheim, 1952.
- Hermann Walter. Die Geschichte des Infanterie-Regiments 51. Privately published, Munich, 1964.
- Hertel, Werner: Beobachtungsabteilung 6, 1936—1945. Laurmann, Dülmen, 1965.
- Hillgruber Andreas. Die Räumung der Krim 1944. //Wehrwissenschaftliche Rundschau, supplement 9, 1959.
- Hoffmann Karl-Otto. Geschichte der Luftnachrichtentruppe. Manuscript in preparation, Vowinckel, Neckargemünd.
- Hoth, Hermann: Panzer-Operationen. Scharnhorst Buchkameradschaft, Heidelberg, 1956.
- Hubatsch, Walter: 61. Infanteriedivision. Podzun, Bad Nauheim, 1958.
- Hitlers Weisungen für die Kriegführung. Bernard & Gräfe, Frankfurt/M., 1962.
- Internationaler Militärgerichtshof. Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg. I.M.G., Nürnberg, 1947—1949.
- Jacobsen, Hans-Adolf: 1939—1945, Der zweite Weltkrieg in Chroniken und Dokumenten. Wehr und Wissen, Darmstadt, 1959—1960.
- Jacobsen Hans-Adolf. Rohwer, Jürgen. Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges (Bernard & Gräfe, Frankfurt/M., 1960).
- Karb, Herbert: Erinnerungen der Pz.-Aufklärungsabteilung 12; (privately published, Bonn-Lengsdorf, 1965).
- Kellig, Wolf: Das deutsche Heer 1939—1945 (Podzun, Bad Nauheim, 1956).
- Kern, Erich: Kampf in der Ukraine, 1941—1944. (Plesse, Göttingen, 1964).
- Kesselring, Albert: Kesselring: A Soldier's Record (translated by Lynton Hudson; Morrow, New York, 1954).
- Kimche, Jon: General Guisans Zweifrontenkrieg (Ullstein, Frankfurt/M./Berlin, 1962).
- Klatt, Paul: Die 3. Gebirgsdivision 1939—1945 (Podzun, Bad Nauheim, 1958).
- Von Kleist, Heinrich: Die Hermannsschiacht, Werke: i. Bd. (Loils Nachf., Elberfeld, n.d.).
- Von Knobelsdorf, O.: Geschichte der 19. Panzer-Division (Podzun, Bad Nauheim, 1959).
- Konrad R. Kampf um den Kaukasus. Copress, München, n.d.
- Krüger Heinz. Bildband der Rheinisch-Pfälzischen 26. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1962.
- Kallinow, Kyrill D. Sowjetmarschälle haben das Wort (Hansa, Hamburg, 1950).
- Lange Wolfgang. Korpsabteilung C. Vowinckel, Neckargemünd, 1961.
- Lanz, Hubert. Gebirgsjäger. Podzun, Bad Nauheim, 1954.
- Lemelsen, Joachim: 39. I. D. (mot.). Podzun, Bad Nauheim, 1960.
- Liddell Hart Basil Henry. The Soviet Army. Edited by B. H. L. Hart; Weidenfeld & Nicolson, London, 1956.
- The Other Side of the Hill. Hamilton & Co. Ltd, London, 1956.
- Lohse G. Geschichte der 126 I. D. Podzun, Bad Nauheim, 1957.
- Lubs, Gerhard. J. R. 5. Aus der Geschichte eines Pommerschen Regiments, 1920—1945. Privately published, Bochum, 1965.

- Lusar Rudolf. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges. Lehmann, Munich, 1962.
- Mader Julius. Stuchlik Gerhard. Pehnert Horst. Dr. Sorge funkt aus Tokio. Dtsch. Milit. Vg., Berlin, 1965.
- Von Manstein Erich. Lost Victories. Edited and translated by Anthony G. Powell: Methuen, London, 1958.
- Von Manteuffel Hasso. Die 7. Panzer-Division im zweiten Weltkrieg. Privately published, Diessen am Ammersee, 1965.
- Von Mellenthin, F. W. Unter Mitarbeit von Rolf Stoves. Panzerschiichten. Vowinckel, Heidelberg, 1965.
- Menedetter H. K. Chronik des Artillerie-Regiment 188. Privately published, Bayreuth, 1960.
- Melzer. W. Geschichte der 252. I. D. 1939—1945. Podzun, Bad Nauheim, 1960.
- Von Metzsch, F. A. Die Geschichte der 22. I. D. Podzun, Bad Nauheim, 1942.
- Meyer-Detring Wilhelm. Die 137. Infanterie-Division. Privately published, Petzenkirchen, Niederösterreich, 1962.
- Middeldorf. Eike. Das Unternehmen Zitadelle. //Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1955, Nos. 8, 9, 10.
- Müller Vinzenz. Ich fand das wahre Vaterland. Berlin, 1965.
- Munzel Oskar. Panzer-Taktik. Vowinckel, Neckargemünd, 1959.
- Die deutschen gepanzerten Truppen bis 1945. Maximilian, Herford, 1965.
- Nehring Walter. Der Einsatz russischer Fallschirmverbände im Kampfraum des XXIV. Panzerkorps zwischen Tscherkassy und Kiew bei Kanew am 24/25. September, 1945. //Deutsches Soldatenjahrbuch, 1963 (Tettang, 1965).
- Nitz Günther. Die 292. Infanteriedivision. Bernard & Graefe, Frankfurt/M., 1957.
- Payk Ernst. Die Geschichte der 206. Infanterie-Division, 1939—1945. Podzun, Bad Nauheim, 1952.
- Phillippi, A.: Heim, F. Der Feidzug gegen Sowjetrußland. Kohlhammer, Stuttgart, 1962.
- Pickert Wolfgang. Ein sowjetischer Ausbruch. //Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift, June, 1955.
 Vom Kuban nach Sewastopol. Vowinckel, Neckargemünd, 1955.
- Ploetz A. G. Geschichte des zweiten Weltkrieges. Ploetz, Würzburg, 1960.
- Pohlmann Hartwig. Geschichte der 96. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1959.
 900 Tage im Kampf um Leningrad. Podzun, Bad Nauheim, 1962.
- Pottgiesser Hans. Die Reichsbahn im Ostfeldzug. Vowinckel, Neckargemünd, 1960.
- Praun Albert. Soldat in der Telegraphen- und Nachrichtentruppe. Privately published, Würzburg, 1965.
- Raus Erhard. Winterkämpfe an der Bistraja und Kalitwa. //Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift, January, 1954.
 Zweimal Charkow. //Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift, Dezember, 1964.
- Rebentisch Ernst. Zum Kaukasus uni zu den Tauern, 23. Pz. Div. Privately published, Efilingen/N., 1965.
- Rehm Walter. Jassy Vowinckel, Neckargemünd, 1959.
- Redelis Valdis. Partisanenkrieg. Vowinckel, Neckargemünd, 1958.
- Rendulic Lothar Gekämpft—gesiegt—geschlagen! Welsemühl, Wels, 1965.
 Soldat in stürzenden Reichen. Damm, München, 1965.
- Reinicke Adolf. Die 5. Jäger-Division Podzun, Bad Nauheim, 1962.
- Riecker Karlheinrich. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Friedericus, Frankfurt/M., 1955.
- Röhricht Edgar. Probleme der Kesseischlacht. Condor, Karlsruhe, 1958.
- Röhrs Hans-Dietrich. Hitlers Krankheit. Vowinckel, Neckargemünd, 1966.
- Saint-Loup. Les volontaires Presse de la Cite, Paris, 1965.
- Schaub Oskar. Aus der Geschichte Panzer-Grenadier-Regiment 12. Privately published, Bergisch-Gladbach, n.d.
- Scheffler, Kurt: Das A. R. 268 im Kampf gegen den Bolschewismus. Privately published, Regensburg, n.d.
- Scheibert Horst. Zwischen Don und Donez. Vowinckel, Neckargemünd, 1961.
- Schelm Walter. Mehrle Dr Hans. Fon den Kämpfender 2l. Württemberg-Badischen Infanterie-Division. Privately published, Stuttgart, n.d.
- Von Schlieffen. Alfred: Cannae. Mittler & Sohn, Berlin, 1956.
- Schmidt, August. Geschichte der 10. Division. Podzun, Bad Nauheim, 1965.
- Schmidt Gerhard. Regimentsgeschichte des Panzer-Artillerie-Regiment 73 Boettcher, Bremen, n.d.
- Schramm, Percy Ernst. Jacobsen, Hans-Adolf. Hillgruber, Andreas. Hubatsch, Walter. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. I—IV. Bernhard & Graefe, Frankfurt/M., 1961—1965.
- Schröder Jürgen. Schultz-Naumann Joachim. Die Geschichte der Pommerschen 32. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1956.
- Schulz Heinz. 34. Infanterie-Division. Privately published, Baden-Baden, n.d.
- Schwarz Dr A. Datentafel 323. Infanteriedivision. Privately published, Bayreuth, 1966.
- Von Seemen Gerhard. Die Ritterkreuzträger 1939—1945. Podzun, Bad Nauheim, 1955.
- Von Senger Und Etterlin Frido: Krieg in Europa. Kiepenheuer & Witsch, Cologne, 1960.
- Von Senger Und Etterlin Jr., Dr F. M. Die deutschen Panzer 1926—1945. Lehmann, Munich, 1959.
 Die deutschen Geschütze 1939—1945. Lehmann, Munich, 1960.

- Der Gegenschlag. Vowinckel, Neckargemünd, 1960.
- Die 24. Panzer-Division, vormalis 1. Kavallerie-division. Vowinckel, Neckargemünd, 1962.
- Spaeter Helmuth. Geschichte des Panzerkorps Großdeutschland. Privately published, Duisburg-Ruhrort, 1958.
- Steiner Felix. Die Freiwilligen. Plesse, Göttingen, 1963.
- Stoves Rolf. Die 1. Panzerdivision Podzun, Bad Nauheim, 1962.
- Strauss, Franz Joseph. Friedens- und Kriegerlebnisse einer Generation, Panzerjäger-Abteilung in der ehemaligen 2. (Wiener) Panzerdivision. Privately published. Kitzingen, 1960.
- Telpuchowski Boris S. Die sowjetische Geschichte des großen Vaterländischen Krieges 1941—1945. Edited with critical commentary by Andreas Hillgruber and Hans-Adolf Jacobsen; Bernard & Graefe, Frankfurt/M., 1961.
- Teske, Hermann: Die silbernen Spiegel. Vowinckel, Heidelberg, 1952.
- Die Bedeutung der Eisenbahn bei Aufmarsch und Rückzug einer Heeresgruppe. //Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift. 1955.
- General Ernst Köstring in Profile bedeutender Soldaten, Bd. I Issued by Bundesarchiv/MilitärarchivKoblenz: Mittler & Sohn, Frankfurt/M., 1965.
- Von Tippelskirch. Kurt. Geschichte des zweiten Weltkrieges. Athenäum, Bonn, 1951.
- Tiemann, R. Geschichte der 83. Infanteriedivision. Podzun, Bad Nauheim, 1960.
- Törnau, G.; Kurowski, F.: Sturmartillerie, Fels in der Brandung. Maximilian, Herford, 1965.
- Tress Karl. U. A. Das Infanterie- und Sturmregiment 114 im zweiten Weltkrieg. Kameradschaft ehemaliger 114er, Constance, 1959.
- Veale J. P. Der Barbarei entgegen. Nölke, Hamburg, 1954.
- Von Vormann Nikolaus. Tscherkassy. Scharnhorst Buchkameradschaft, Heidelberg, 1954.
- Wagener Carl. Der Vorstoß des XXXX. Panzerkorps von Charkow zum Kaukasus, Juli—August 1942. // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1955, Nos. 9, 10.
- Der Gegenangriff des XXXX. Panzerkorps gegen den Durchbruch der Panzergruppe Popow. // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1957, No. 1.
- Der Ausbruch der 1. Panzerarmee aus dem Kessel von Kamenez—Podolsk, März/April 1944. // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1959, No. 1.
- Warlimont Walter. Im Hauptquartier der Deutschen Wehrmacht 1939—1945. Bernard & Graefe, Frankfurt/M., 1962.
- Weidinger Otto. Kameraden bis zum Ende. Plesse, Göttingen, 1962.
- Weinmann Willi. Die 101. Jäger-Division, Dokumente. Berichte und Bilder. Privately published, Offenburg, 1966.
- Wensauer Matthias. Chronik des Infanterie-Regiments 246. Privately published, Göttingen, 1962.
- Werth Alexander. Rußland im Krieg 1941—1945. Droemer, München, 1965.
- Werthen Wolfgang. Geschichte der 16. Panzer-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1958.
- Wich Rudolf. Baden-Württembergische Divisionen im 3. Weltkrieg. Braun, Karlsruhe, 1957.
- Von Zydowitz Kurt. Die Geschichte der 58. Infanterie-Division. Podzun, Bad Nauheim, 1958.
- Zweig Stefan. Sternstunden der Menschheit. Fischer Bücherei Nr. 595, Frankfurt/M., 1964.

Частные публикации

- Geschichte der 21. Infanterie-Division (Hamburg, 1960).
- Geschichte der 34. Infanterie-Division (Study Group of the Division, Stolberg, 1956).
- Die 50. Infanterie-Division, 1939—1945 (Göttingen, 1965).
- Geschichte der 56. Infanterie-Division 1938—1945 (Study Group of the Division, Hann. Münden, n.d.).
- Das Buch der 78. Sturm-Division (Tübingen, n.d.).
- Der Weg der 93. Infanterie-Division, 1939—1945 (Weinheim a. d. B., 1956).
- Taten und Schicksale der 197. Infanterie-Division (n.d.).
- Geschichte der 207 und 281. Infanterie-Division mit ihren Zwischengliederungen 1939 bis 1945 (Kiel, n.d.).
- Festschrift zum 1. Treffen der Angehörigen der 22 f. Inf. Div. (Haniburg, 1956).
290. Infanterie-Division (Deinienhorst, 1960).
- Geschichte des Artillerie-Regiments 129, 1940—1945 (Bremen, 1962).
- Tagebuch der Sturmgeschütz-Brigade 190 (Neuß, n.d.).
- Pionier Bataillon 240 (Hamburg, n.d.).
- Die Flut verschlangt sich selbst. nicht uns! Tscherkassy (Truppenkameradschaft "Wiking", Hanover, 1965).
- Der Kessel von Tscherkassy (Kartenwerk nach Originalkarten, Truppenkameradschaft "Wiking", Hanover, 1965).
- Südlich des Ladoga Sees, Winter 1943 (published by the Army at Leningrad).
- Vom Tschir zum Mius (published by Sixth Army HQ, 1945).
- Die Abwehrschlachten der 6. Armee im Donezbecken und in der Nogaischen Steppe vom 18.08—03.11.1943 (published by Sixth Army HC, 1945).

- Die Winterschlachten der 6. Armee im großen Dnjepr-Bogen, im Brückenkovf Nikopol und im Raum Nikopol-Apostolowo-Kriwoi Rog vom 10. 1— 18.
2. 1944 (published by Sixth Army HQ, 1944).
- Die zweite Winter schlacht der 6. Armee zwischen Dnjepr, Ingulez und Bug vom 3. bis 23.03.1944 (published by Sixth Army HC, 1944).
- Abwehrschlacht der 6. Armee zwischen Bug und Dnjestr vom 28.3— 12.4.1944 (published by Sixth Army HC, 1944).
- Abwehrkämpfe der 6. Armee am Dnjestr und Pruth vom 20.4— 31.05.1944 (published by Sixth Army HC, 1944).
- Ln-Truppe schafft sichere Fernmeldeverbindungen nach Demjansk (essay by Karl-Otto Hoffmann).
- Die Durchbruchsschlacht der 1. Panzerarmee (edited in the field for the Chief of Staff of First Panzer Army, 1944).
- SS-Panzerkorps in der Schlacht zwischen Donez und Dnjepr (published for SS-Panzer Corps HC, 1945).
- Chronik SS-Pz.Rgt. 5 "Wiking" (1964).
- Kriegstagebuch der 15. I. D.
- Gefechtsbericht der 20. Pz.Div. Juni/Juli 1944.
- Kriegstagebuch der 223. I. D., 01.04.43— 30.09.43.

Архивы и другие источники

- Microfilms of the National Archives and Records Service, Administration, Washington, D.C., U.S.A.
- Original records and excerpts from war diaries concerning Army Group Centre, Federal German Archive/Military Archive, Koblenz.
- Dittrich, Helmut: Die Entwicklung des sowjetischen Krafteeinsatzes von Ende März 1943 bis zum Angriffsbeginn Zitadelle am 5. Juli 1943 (Military History Research Office, 1964).
- Secret reports of the Swiss Bureau Hausmann to the Swiss High Command, microfilms, Federal German Archive/Military Archive, Koblenz.

Неопубликованные работы и рукописи

- Аугустин, Ганс, главный прокурор
- Бэке, Франц, доктор, генерал-майор (в запасе)
- Бальк, Герман, генерал танковых войск (в отставке)
- Байерлейн, Фритц, генерал-лейтенант (в отставке)
- Фрайгерр фон Бёнингхаузен
- Брассат, Юлиус
- Буссе, Теодор, генерал пехоты (в отставке)
- Дебус, лейтенант войск СС (в отставке.)
- Дайнхардт, Герберт, полковник (в отставке)
- Диркс, Йоханес
- Дизенер, К., подполковник
- Райхсфрайхер фон Эдельсхайм, Максимилиан, генерал-майор (в отставке)
- Франц, Александр, полковник
- Франц, Герхард, генерал-майор (в отставке)
- Франц, Петер, майор в отставке.
- Гилле, генерал войск СС (в отставке)
- Граф, Зепп
- Гроссман, Хорст, генерал пехоты (в отставке)
- Хейнрици, Готхард, генерал-полковник (в отставке)
- Хензель, Ганс Рупрехт, доктор
- Хессе, Иоахим, полковник (в отставке)
- Хоенике, Александр
- Хоффман, Карл-Отто, подполковник
- Хорстман, Карл, майор (в отставке)
- Гот, Герман, генерал-полковник (в отставке)
- Кестнер, Роберт, полковник (в отставке)
- Фон Кальден, Вольф, бригадный генерал (в отставке)

- Капдутш, Герман, майор (в отставке)
Кирхенбауэр, Фридрих, доктор, капитан (в отставке)
Киттель, Хайнрих, генерал-лейтенант (в отставке)
Крэтшмер, Гюнтер
Кюн, Вальтер, доктор, генерал-майор (в отставке)
Кюне, Клаус, капитан (в отставке)
Ламеер, майор (в отставке)
Фон Мантгойфель, Хассо, генерал танковых войск (в отставке)
Мемингер, Фритц, капитан (в отставке)
Мерк, Эрнст, генерал-майор (в отставке)
Мильдебрат, Вернер, полковник (в отставке)
Фон Митцлаф, Бернд, полковник
Мюллер, Вольфганг, подполковник
Мускулус, Фридрих, майор (в отставке)
Неринг, Вальтер К., генерал танковых войск (в отставке)
Фон Оннелын-Брониковски, Герман, генерал-майор (в отставке)
Филлипи, Альфред, генерал-майор (в отставке)
Пикерт, Вольфганг, генерал зенитной артиллерии (в отставке)
Пингель, Герман
Фон Плато, Антон-Детлев, генерал-майор
Ратцель, подполковник (в отставке)
Райнхардт, Альфред, генерал-лейтенант (в отставке)
Райнхардт, Хайнц, подполковник (в отставке)
Ренц, Манфред, доктор, капитан войск СС (в отставке)
Рёнефарт, Гельмут К. Г., доктор
Зандер, К., доктор, майор
Граф Шиммельманн фон Линденберг, полковник (в отставке)
Шамагер, Герт, майор войск СС (в отставке)
Шёрнер, Фердинанд, генерал-фельдмаршал
Шётль, Оскар, доктор
Шульце, Пауль, майор (в отставке)
Шварценбергер, Хорст
Зайдеман, Ганс, генерал авиации (в отставке)
Зёт, Вильгельм, генерал-майор (в отставке)
Шталь, Пауль, доктор, подполковник (в отставке)
Штайнер, Феликс, генерал войск СС (в отставке)
Фон Штайнкеллер, Ф. К., генерал-майор (в отставке)
Штовес, Рольф, подполковник
Тebbe, Герхардт, майор (в отставке)
Томале, Вольфганг, генерал-лейтенант (в отставке)
Трэн, Эмиль
Тровингц, Адольф, генерал-майор (в отставке)
Вебер, Рензтус, доктор
Венк, Вальтер, генерал танковых войск (в отставке)
Вестхофен, Франц, генерал-лейтенант (в отставке)
Вестфаль, Вернер, майор войск СС (в отставке)
Винер, Фриц, доктор, подполковник (в отставке)
Визе, Фридрих, генерал пехоты (в отставке)
Фон Витерсхайм, Венд, генерал-лейтенант (в отставке)
Виллемер, В., бригадный генерал (в отставке)
Вингерфельд, Курт, доктор
Вёрнер, Аугуст
Воте, Вилли
Циммер, Рихард, генерал-лейтенант (в отставке)

Советские источники

- Абасалымов М., Андриянов В. «Уроки взаимодействия воздушного десанта и партизан в Великой Отечественной войне» // Военно-исторический журнал, № 11, 1964.
- Батов П.И. В походах и боях. М., Воениздат, 1962.
- Бачурин А. «В бою на Березине» // Военный вестник, № 8, 1964.
- Бирязов С.С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963.
- Блинов С.И. От Вислы до Одера. М., Воениздат, 1962.
- Вершинин К. «Четвертая воздушная армия в Белорусской операции» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Воронов И.И. На службе военной. М., Воениздат, 1963.
- Высокский Ф.И., Макухин М.Е. Гвардейские танки. М., 1963.
- Гречко А. «Битва за столицу Украины» // Военно-исторический журнал, № 2, 1963.
- Деборин Г.А. Вторая мировая война. М., Воениздат, 1960.
- Дзенит Я. «Уничтожение окруженных сил противника» // Военно-исторический журнал, № 2, 1965.
- Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., Воениздат, 1961.
- Жилин П.А. Важнейшие операции Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. М., 1956.
- Жуков Ю. Укрощение «тигров». М., 1961.
- Завьялов А.С., Калядин Т.Я. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1962.
- Захаров М. «Молиеносная операция» // Военно-исторический журнал, № 8, 1964.
- Казак М. «Великая победа у Ленинграда» // Военно-исторический журнал, № 1, 1964.
- Караян А. «На Минск» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Конев И. «Завершение освобождения Советской Украины и выход на Вислу» // Военно-исторический журнал, № 7, 1964.
- Кравченко А. «Танкисты форсируют реку» // Военно-исторический журнал, № 9, 1963.
- Красовский С. «Вторая воздушная армия в Сандомирско-Львовской операции» // Военно-исторический журнал, № 7, 1964.
- Кривошеин С.М. Ратная быль // На курском выступе. М., Молодая гвардия, 1962.
- Курочкин П. «Прорыв обороны противника в направлении на Львов» // Военно-исторический журнал, № 7, 1964.
- Лучинский А. «Сражение в Севастополе» // Военно-исторический журнал, № 5, 1964.
- Маркин И.И. Курская битва. Берлин, 1959.
- Морозов В. «Почему весной 1943 года наступление в Донбассе не было доведено до конца» // № 7—8, 1964.
- Москаленко К. «Командиры главного удара» // Комсомольская правда, № 89, 1964.
- Пантелеев В. Фронта на море. М., Воениздат, 1965.
- Платонов С.П., Павленко Н.Г., Пароткин И.В. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Т. 1. М., 1958.
- Покровский А. «На Третьем Белорусском фронте» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Попель Н.К. Танки повернули на запад. М., Воениздат, 1960.
Танки наступают. Берлин, 1964.
- Поспелов П. Н. и др. История Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Т. 1—4., М., изд-во ИМЛ при ЦК КПСС, 1960.
- Рокоссовский К. «Два главных наступления» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Ротмистров Р. «Скорость наступления танковой армии» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Самсонов А.М. От Волги до Балтики. М., изд-во АН СССР, 1963.
- Советские военные новости. Лондон, изд-во посольства СССР, т. 1—15.
- Софронов Т.П. Воздушные десанты во Второй мировой войне. М., Воениздат, 1962.
- Сталин И.В. Военные речи — приказы дня. Лондон, Хатчинсон.
- Сычев К.В. и др. Боевые операции стрелковых подразделений. Берлин, изд-во Министерства национальной обороны, 1958.
- Уманский Т. «Захват лютежского плацдарма» // Военно-исторический журнал, № 6, 1964.
- Чуйков В.И. Начало пути. Берлин, 1961.
- Ющук И.И. XI танковый корпус в боях за Родину. М., Воениздат, 1962.
- Яковлев В. «Черноморский флот в сражении за освобождение Крыма» // Военно-исторический журнал, № 5, 1964.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Часть первая	
КУРСКАЯ БИТВА	
1. Гитлер ставит все на одну карту	5
<i>Миссия в Бухаресте — Советание в чайной комнате «Вольфианце» — Дубовая роща возле Обояни — 5 июля, 3.30 утра: начало операции «Цитадель» — «Фердинанд»-гигант — Дуэль у школы в Попырях.</i>	
2. Большие клещи	29
<i>Генерал Кривошеин эсдет — Гот дает волю своим танкам — «Господин генерал, где “Паптеры”?» — Капеллан Руцек проходит через ад — На правом крыле все прекрасно — Завтрак с генералом Чистяковым.</i>	
3. Танковое сражение у Прохоровки	40
<i>Русский план — Козырной туз немцев — Воздушное сражение на рассвете — Хрущев предупреждает: «Следующие три дня будут самыми страшными» — Почему не подходит «Кемпф»? — Час Ватерлоо — Донесение генерала Роммистрова.</i>	
4. Сражение отменяется	60
<i>Высадка союзников в Сицилии — Советский прорыв у Орла — «Мне нуэсны дивизи, господин генерал-фельдмаршал» — Операция «Цитадель» сокращается наполовину — Победа упущена — Поворотный момент войны.</i>	
5. Измена в Ставке фюрера	67
<i>В Верховном главнокомандовании Вермахта невозможно сохранить тайну — Донесение «Вертера» «Начальнику» — Рудольф Рёсслер предупреждает Москву — Красный разведывательный центр в Швейцарии — Кто такой «Вертер»?</i>	
Часть вторая	
МАНШТЕЙН	
1. Сталин хотел большего, чем Сталинград	84
<i>«Наступайте, генерал Баданов, настал наш час» — Переход кончается в Тациской — Танки у командного пункта Манштейна — Ростов — спасение для миллиона солдат — 1-я танковая армия отступает — Прощай, Ииерская — Сорок два километра по чистому льду — Спуск с горных перевалов — Краснодар — поворотный пункт на Кубани — Дэсекот в 400 000 человек.</i>	
2. Тревога на Черном море	116
<i>Секретное совещание в Кремле — Сталин хочет поймать в капкан 17-ю армию — События в Озерейке — Один артиллерийский дивизион — Майор Куников у Новороссийска — Сражение на «Малой земле» — Начальник политотдела Брежнев.</i>	
3. Третья битва за Харьков	131
<i>Войска СС выходят из города — Приказ Адольфа Гитлера не есть истина в последней инстанции — Сталин делает ошибочный вывод — Приказ Ватутина: «Заставьте действовать свой левый фланг!» — Попов попадает в ловушку — Харьков захватывают в третий раз — Сталин боится катастрофы — Чудо на Марие повторяется на Доице.</i>	

Часть третья**СРАЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ФЛАНГЕ**

1. Ленинград: трагедия города 156
Блокада двадцатого века — Два кусочка хлеба в день — Голод — Народная война — Жданов и комсомол — Секретный приказ Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии и его подоплека — Весь город должен был взлететь на воздух.
2. Юг Ладожского озера 163
Танец смерти в Городке: электростанция и больница — Краснознаменные моряки идут по льду — «Тигры» — на фронт — Советский прорыв — Самоходные орудия полковника Андоля останавливают русских.
3. Между Волховом и Шлиссельбургом 174
Рубеж Венглера — Атака 122-й танковой бригады — Батальон Циглера проходит сквозь порядки противника — Суровые холмы Синаяино — Бой за Рабочий Поселок № 5 — Артиллерийская батарея в «Шайдисвальде» — «Синая дивизия» у Красного Бора — Могилы в болоте.
4. Демянск 189
Окружение на Валдайской возвышенности — Сто тысяч человек на сторожевом посту — Стержень советской стратегии — Майор фон Розенталь обманывает Тимошенко — Отступление по «Курфюрстендамм» — Отход за десять дней — Спасено двенадцать дивизий — Тимошенко порицает.
5. Операция «Движение буйвола» 202
Ржев — преграда на пути русского потока — Четыре летних и четыре зимних сражения — Фронт должен быть на 300 километров короче — Отступление для 250 000 человек — «Ваши офицеры пакуют чемоданы!» — «Адские сады» саперов — Мост, взорванный по телефону — Фантастическое отступление — Высвобождены двадцать две дивизии.
6. Великие Луки 210
Крепость на болоте — Три дивизии против одного полка — Гвардейский стрелок Александр Матросов — Безуспешная попытка деблокировать город — Пятнадцать танков прорываются в крепость — Дифтерия на опорном пункте «Будапешт» — Один кусок хлеба и восемь патронов в пистолете — «Я пришел из Великих Лук» — Повешено по одному человеку каждого звания.

Часть четвертая**ПОСЛЕДНИЙ ШАНС**

1. Что дальше? 221
Мобилизовано 11 200 000 человек — Наступление или оборона — Бей врага, когда он обескровлен — Неверное решение.
2. Последствия Курской битвы 226
Русские наступают на всех участках — Белгород и Орел потеряны — Драма в Ахтырке — «Ваши генерал все еще в лесу?»

Часть пятая**НА ДНЕПР**

1. Четвертая битва за Харьков 230
11-й корпус в безнадежном положении — Паника в 282-й пехотной дивизии — Советские танки входят в город — 6-я танковая дивизия спасает день — Т-34

Ротмистрова бегут в укрытие — Драма у моря подсолнухов — Гитлер: «Харьков сдавать нельзя» — Манштейн: «Лучше я потеряю город, чем армию» — «Мой фюрер, я прошу свободы действий».

2. Бонна Миусе 237
Советские в Виннице — Решается судьба Донецкого бассейна — Советский прорыв у Куйбышево — 6-я армия Холлидта держаться больше не может — 29-й корпус окружен — «Прижмут штыки!» — Спасение за линией «Черепаша» — Русские атакуют широким фронтом — Манштейн и Клюге требуют назначения главнокомандующего Восточным фронтом — Под угрозой все южное крыло — Срочная радиোগрамма Манштейну — Отступление за Днепр накопец, санкционировано.
3. «Восточный вал» 246
Величественная река Днепр — Стена, защищающая экономические богатства — Запорожская плотина — Приказ в девяносто строк — Эвакуация линии фронта в тысячу километров — Бесконечный переход — Выжженная земля.
4. Гонка к реке 254
Сквозь дождь и грязь — Кто быстрее? — Партизанский отряд имени Чапаева посылает донесение Ватулину — Тревога у Канева — Три крика выти — Лодки на почтой реке — Советская переправа у Григоровки — В «мокроли треугольнике» на Припяти — Мост у Канева.
5. Букринский плацдарм 263
Русские форсируют реку — Отовсюду плохие вести — Мельница в Колесице — «К бою!» — Три советские бригады десантируются навстречу смерти.

Часть шестая

МЕЖДУ КИЕВОМ И МЕЛИТОПОЛЕМ

1. Деревня под названием Лютеж 271
Сергейит Нефедов и двадцать два солдата — Роковая полоска днепровского берега — Танки Кравченко переходят Десну вброд — Ставка меняет свой план — Ночная перегруппировка.
2. Цель — Киев 277
В подвале школы в Петровцах — Атака гвардейцев — Полоса фронта соединений с Северного моря и из Бранденбурга прорвана — Танки с оглушающими сиренами и слепящими фаралами — Киев спасти нельзя — Гибель 88-й пехотной дивизии — Трагедия 25-й танковой дивизии — Неудавшийся немецкий удар — Гот смеется.
3. Запорожье 283
Крепость на Днепре, защищающая фланг — Шесть дивизий и полк тяжелых истребителей — Малиновский атакует тремя армиями — Запечатанный пакет на парашюте — Черно-бело-красный легион Сталина — У плотины критическое положение — «Хайрици, вы рискуете головой!» — Двести тонн динамита — Значительная советская победа.
4. Борьба за «линню Ватана» 288
Каток Толбухина движется к Мелитополю — Русские идут в атаку тридцать раз; тридцать раз их отбивают — В немецкой 6-й армии осталось двадцать пять танков — Корпус пробивает себе дорогу — Армия спасена — Но Крым отрезан.
5. К западу от Никополя 292
Калмыки против партизан — «Простите меня, эсепцы!» для группы Шернера — Гвардейцы Чуйкова заслуживают победы — Рукопашная — Пурга у Мариинского —

Шестнадцать метров соломы между войной и миром — Шестнадцать дивизий спасают только людей — Никопольский мешок разорван.

6. Зимняя драма на Среднем Днепре 297

Критическая ситуация у Кировограда — Генерал в разведке — Окружены четыре дивизии — «Я прорываюсь» — Широкий танковый клин — Великолепный маневр 3-й танковой дивизии — Большие клеици — Олимпийский медалист Хассе приносит себя в жертву — Бои с 67-й танковой бригадой Конева — Беспощадные воздушные удары Руделя.

Часть седьмая

ТРАГЕДИИ НА ЮЖНОМ КРЫЛЕ

1. Черкассы 305

56 000 человек в безнадежном положении — Ловушка захлопывается в Звенигородке — Ошибка, которая дорого обоилась армии генерала Конева — Освободительная группа «Запад» берет Лысянку — Злополучная высота 239 — До линии внешнего окружения осталось только десять километров — «Пароль — «свобода», цель — Лысянка, 23 часа» — Ад между Журжисницами и Почапницами — Резня на высоте 222 — Драма на реке Гылой Тикич — Гибель командира корпуса — Баланс сражения.

2. «Котел» Хубе 330

Доклад отдела иностранных армий Востока — Цейтцлер идет на хитрости — Между Припятыю и Карпатами — 1-я танковая армия попадает в окружение — Манштейн предъявляет Гитлеру ультиматум — Столкновение в Бергхофе — Телефонный звонок от Хубе — Гитлер сдается — «На запад; приказ последует» — Жуков идет напрасно — Через четыре реки и сквозь две вражеские армии — Вперед, к разворачивающемуся кольцу — Встреча в Бучаче — Большая ловушка Сталина открыта — Удаление спасителя.

3. Битва в Крыму 347

Политика и стратегия — Эвакуация запрещена — Военно-морской флот гарантирует 50 000 тонн — Сталин боится пикирующих бомбардировщиков — 17-я армия идет — Бой на Турецком валу — Кодовое слово «Орел» — Успешное отступление в Севастополь — «Крепость держать» — Сапун-гора потеряна — Последний фронт на Херсонесском полуострове — Все едут Военно-морской флот — Последние 10 000 человек — Мрачный конец.

Часть восьмая

КАННЫ ДЛЯ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»

1. Развертывание 365

Пример из древней истории — Гитлер ожидает наступления из Галиции — Сталин находит самое слабое место — Десятикратное превосходство — Прения в Кремле — Рокоссовский выходит вон.

2. Наступление 374

«Гроза пять, пять, пять» — Роковое промедление — Бобруйская ловушка — Кровавая Березина — Витебск взят в клеици — «Лично ручаюсь за бой до конца» — Ответ найден: советское господство в воздухе.

3. Прорыв 383

Карта обстановки в штабе группы армий в Минске — Модель назначен спасти ситуацию — Гигантское окружение — Жуков распекает своих генералов — «Каждый за себя» — Тридцать один генерал погиб в бою или захвачен в плен —

Война подходит к границе Восточной Пруссии — Группа Диркса пробивается к своим.

Документы

Документ № 1: Боевой приказ на Курскую битву	392
Документ № 2: Наблюдения командования группы армий «Юг» в августе 1943 г., касающиеся поддержания морального духа	395
Документ № 3: Допесения из штаба 8-й армии от 22.08 и 02.09.1943 г. о моральном состоянии личного состава	396
Документ № 4: «Выжженная земля»	397
Документ № 5: Относительно: «Выжженная земля»	398
Документ № 6: Относительно: «Выжженная земля»	399
Документ № 7: Относительно: «Укрепленные районы»	400
Эмблемы немецких дивизий, сражавших на Восточном фронте	402

Библиография

Книги и журналы	418
Частные публикации	421
Архивы и другие источники	422
Неопубликованные работы и рукописи	422
Советские источники	424

Пауль Карелль
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
Книга вторая
ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ
1943—1944

Ответственный редактор *Андрей Ефремов*
Научный редактор *Сергей Линатов*
Художник *Максим Горбатов*
Корректоры: *Татьяна Калинина, Наталья Пуцина, Наталья Емельянова*
Компьютерная верстка *Евгений Евсеев*

ЛР ИД № 05359 от 12 июля 2001 г.
Издательство «Изографус»
Москва, ул. Петра Романова, 19, офис 13
Тел./факс 277-75-75
Отдел реализации: Москва, 3-й Павелецкий пр-д, 9
Тел. 235-07-31, факс 235-02-37
e-mail: IZOGRAF@TSR.RU

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru
*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*
Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru
Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 05.12.2003 г.
Формат 70x100/16. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Печ. л. 27
Тираж 5000 экз.
Заказ № 709

ISBN 5-94661-061-9

7859461610612

Дремучий лес и море.
Немецкая подводная лодка на Балтийском море у Гданьска.
Финский полк «Турома» в районе Выборга

Война на краю мира.

Пулеметное гнездо, оборудованное в скале на фронте у побережья Ледовитого океана. Пустынная тундра была полем боя 139-го горно-стрелкового полка.

Стрелки жили в пещерах из камней, мха и сена

На Волхове.

Мертвые леса с пристрелянными позициями. Укрепленные острова на болоте, которые можно было снабжать только с помощью надувной лодки. Мрачный фронт в диком волховском ландшафте. Это был один из участков Восточного фронта, где шли самые кровопролитные и ожесточенные сражения. Ближний бой с применением ручных гранат шел круглыми сутками

(Слева внизу) Осажденный Ленинград.

До 1943 г. у Ленинграда была связь с внешним миром только по замерзшему Ладожскому озеру. В городе свирепствовал голод. Мертвых отвозили на Волково кладбище и хоронили в братских могилах

Под Ленинградом:
Невский фронт м
неспокойным и о
отбивать прорыв
вызывали огонь а
добровольческая
испанцы хоронил

Под Ленинградом.

Невский фронт между Шлиссельбургом, Городком и Дубровкой был беспокойным и опасным участком. Снова и снова приходилось контратаками отбивать прорывавшегося противника. С помощью сигнального пистолета вызывали огонь артиллерии. Большие потери понесла испанская добровольческая «Синяя дивизия». Весной 1943 г. на Ленинградском фронте испанцы хоронили своих погибших

Советские города глазами немцев

Старая Русса. Главная улица и Кремль

Старая Русса. Собор и торговые ряды

Калинин

Опочка

Старая Русса. Разрушенный мост

Чудо боевой техники.

520-мм мортира «Берта», применявшаяся под Ленинградом. «Берта» была французским орудием. Ее снаряд имел высоту 1,86 м и весил 1650 кг. Дальность стрельбы составляла 17,5 км. В казеннике легко мог поместиться человек

В окружении под Демянском. Фотохроника одного боя.
Под прикрытием штурмового орудия гренaдеры пошли в атаку и заняли
позиции противника. Захваченные пленные

в атаку и заняли

Оборонительный район Великие Луки, январь 1943г.

18-й танковый батальон пробился через кольцо, дошел до окруженной крепости и въехал в знаменитую арку ворот во внутренний двор цитадели. Но после этого советская артиллерия подбила боевые машины. Танкисты, сражаясь в качестве пехотинцев, держались вместе с гарнизоном до горького конца более двенадцати месяцев. Лишь немногие смогли спастись. Снимки принадлежали старшему лейтенанту Бургу, погибшему в Великих Луках

Краеугольный камень, Ржев. Генерал Модель использовал город как волнорез в море врагов в предполье Москвы. Около тридцати дивизий 9 и 4-й армий вели бои в этом районе. Особенно ожесточенными были зимние сражения 1942—1943 гг. Тяжелое орудие юго-восточнее Торопца ведет огонь по районам сосредоточения советских войск

Сто дней Холмского «котла».

Объятия генерала и капитана при вручении Рыцарского креста. 20 марта 1942 г. в окружении под Холмом капитан Бикер получил Рыцарский крест от генерала Шерера. Через пять недель Бикер погибнет у развалин здания НКВД. Окруженные войска снабжались по воздуху. Часто сброшенные контейнеры приходилось спасать, рискуя жизнью, под огнем противника

Битва на Волхове.

Советское весеннее наступление 1942 г. готовило для немцев новый Сталинград на Волхове. Однако 2-я ударная армия Власова потерпела поражение в болотах и лесах, и после недельного блуждания генерал попал в плен. Катастрофа его армии превратила Власова в противника Сталина. Он перешел на сторону немцев. После войны был повешен

Рыцарский крест. Унтер-офицер Хорст Науман из Берлина из своего штурмового орудия в окружении под Демянском подбил 21 советский танк, шесть из них — при попытке решающего прорыва русских. За это первым из солдат штурмовой артиллерии он получил Рыцарский крест, который ему вручил генерал Хене. Повсюду был фронт. Немецкие горные егеря на позиции у обрывистого берега одного из рукавов Кубани летом 1943 г.

Кавказ, Крым, Керчь. Великая битва за нефть. Эта фотография, сделанная обер-лейтенантом Карлом Кнедлером, — единственный фотодокумент. На ней показана эвакуация с Кубанского плацдарма осенью 1943 г. За 34 дня более 200 000 солдат, 70 000 лошадей и 40 000 автомобилей были переброшены через Керченский пролив в Крым

Сцены войны.

Затор на восточном берегу нижнего Буга по пути отступления 8-й армии в марте 1944 г. Разбитые немецкие орудия, сфотографированные, несмотря на запрет, рядовым Паулем Штеклером из 843-го артиллерийского дивизиона. Огневая позиция 740-го тяжелого артиллерийского дивизиона

В Черкесии.

На палящей жаре и под проливным дождем горные егеря продвигались через перевалы и долины Кавказа

Путь в Азию.

На фоне блистающей панорамы массива Эльбруса колонны 40-го танкового корпуса тянулись через Калмыцкую степь к Тереку. 25 августа немецкие войска вышли к этой последней преграде перед нефтяным районом Грозного и перед старой Военно-грузинской дорогой на Тифлис, Кутаиси и Баку

Под эмблемой
«эдельвейс».

С большим трудом горные егеря доставили легкое пехотное орудие на позицию на Клухорском перевале (*справа вверху*). Солдаты 1 и 4-й горнострелковых дивизий, несмотря на ледяной ветер, покорили 5633-метровый Эльбрус. Здесь Андрес Фельде запечатлел группу солдат на северо-восточной вершине после водружения флага. Горные егеря по дороге на позиции в долине Лабы

Позади остаются только кладбища.
Немецкие горные егеря вели бои на высотах более 3000 метров. Через головокружительные пропасти, ледяные склоны и опасные ледники они захватывали позиции противника, считавшиеся неприступными. Но последний бросок к побережью, к морю они совершить не смогли. Советское контрнаступление вынудило их отступить с Кавказа

На пути отступления Ханс Шюрер и Тони Хупфлоер сделали два снимка, запечатлели две сцены, иллюстрирующие всю драму отступления. Солдат изнурен, но готов сражаться. Снова и снова советские штурмовики и истребители атаковали немецкие колонны

(На странице справа)

Добровольцы. В странах Европы набирались добровольцы для борьбы с Красной Армией. От Верни отходит поезд с французскими добровольцами. На вагоне надпись на немецком языке: «Французский добровольческий легион».

Испанская «Синяя» дивизия сражалась севернее озера Ильмень и под Ленинградом. На фото группа испанцев у знамени 1-го батальона 269-го полка «Синей» дивизии

Они воевали на стороне немцев.

Борьба идеологий придала войне новый оттенок. Власов принял решение бороться против Сталина на стороне Германии.

Русские казаки в серо-зеленой немецкой полевой форме.

(На странице справа, сверху вниз) 2-я венгерская армия регента Хорти идет маршем на Сталинград.

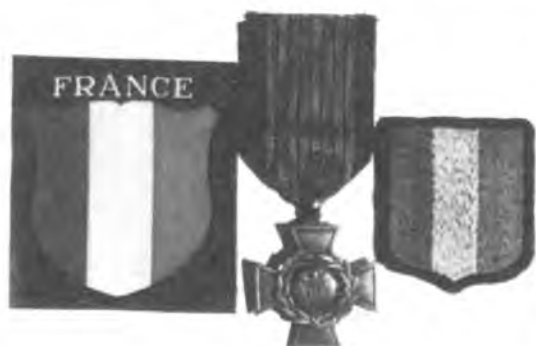
Правительство Петена учредило для французских добровольцев орден за храбрость. После войны открыто носить его стало нельзя, но он выставлен в Музее Армии в Париже. Наручавные эмблемы французских добровольцев.

Леон Дегрель из валлонского батальона.

На повязке русского охранника надпись: «На службе германского Вермахта».

Он носит гимнастерку советского образца.

Власовцы проходят строевую подготовку в районе Донца

Румынские войска занимают Одессу

Снайпер.
Снайперы были храбрыми и изобретательными одиночными бойцами. Обычно они залегали в пятидесяти метрах от расположения своих войск в хорошем укрытии, куда они заползали ночью и наблюдали через оптический прицел за позициями противника. Любую неосторожность они наказывали смертельным выстрелом. Таким образом они сеяли среди противника страх и неуверенность. Этот немецкий снайпер за четырнадцать дней 125 раз попал в цель

Отрезать 17-ю армию.

Десантной операцией в бухте Озерейки в феврале 1943 г. Сталин хотел отрезать путь к отступлению 17-й армии. Это стало тяжелым поражением для Красной Армии. Подбитые советские танки американского производства М3 «Стюарт» и выброшенные на мель десантные корабли покрыли пляж Озерейки

Бои на кубанском плацдарме.

17-я армия восемь месяцев удерживала кубанский плацдарм, служивший трамплином в Азию. Впереди — отчаянный противник, позади — море. Пехотинцы, танкисты и горные егеря сражались на плацдарме, где с первого дня было ясно, что в случае советского прорыва возможность эвакуации через Керченский пролив в Крым будет висеть на волоске. Подбитый танк американского производства М3 «Ли» остановился перед немецкой траншеей

Кружка горячего эрзац-кофе — единственная возможность согреться в коротком промежутке между боями

Старая советская понтонная переправа через Днепр под Днепропетровском. Советские пленные переносят раненых на западный берег

Русская глубинка. Крестьянские хаты и покосившиеся заборы вдоль грязных улиц встречали и провожали немецких солдат, когда они с полной выкладкой шли своей дорогой. На фото группа солдат 20-й мотопехотной дивизии на смоленском выступе

Козырь грядущей летней битвы.

«Тигр» — стальной хищник, был танком наиболее удачной немецкой конструкции времен Второй мировой войны. Танк VI, как он официально назывался, был оснащен 88-мм пушкой.

(На странице справа) «Восемь, восемь,» — каждый красноармеец, каждый «томми» в Африке знал, что это такое. 88-мм пушка по праву считалась идеальным орудием как для наземного боя, так и для противовоздушной защиты.

Советское самоходное орудие со 152-мм пушкой было опасным, но слишком тяжелым и неповоротливым. Представленное на фотографии было подбито тремя выстрелами 88-мм пушки

В четвертый раз Харьков.

В течение войны Харьков четыре раза переходил из рук в руки.

Обергруппенфюрер Хауссер и войска СС под его командованием были вынуждены оставить Харьков в феврале 1943 г., чтобы в марте захватить его снова.

В августе 1943 г. советские войска окончательно заняли Харьков

Если будет связь, можно получить помощь, приказ, совет. Одним словом, еще один шанс выжить

Бомбы и снаряды. Каждое сражение открывалось «баранным» боем орудий. Для борьбы с массами советской артиллерии и противотанковыми районами обороны русских были разработаны немецкие авиабомбы SD 1 и SD 2. Они представляли собой контейнеры, наполненные соответственно 180 и 360-двух- и однокилограммовыми бомбами. Контейнеры раскрывались невысоко над землей и рассыпали взрывающиеся бомбы над позициями противника. Действие было разрушительным. Тяжелая немецкая мортира в действии

«Лучшим солдатам,
лучшее вооружение...»
Такой приказ отдал
Гитлер перед Курской
битвой.
«Тигры» едут на фронт

На новые танки
«Пантера» с длинной 75-
мм пушкой,
предназначенной для
ведения настільного
огня, Гитлер возлагал
особые надежды

Тузом Вермахта, однако,
был движущийся
артиллерийский
«каземат» «Тигр
Фердинанд». Этот гигант
получил имя своего
конструктора
Фердинанда Порше

Самый успешный воздушный боец с танками полковник Рудель приказал поставить на самолет Hs 129 бронестойкую пушку

И еще одно оружие особой мощности — тяжелое самоходное противотанковое орудие калибра 128 мм

(Внизу)

Надежное устройство для стрельбы гранатами из винтовки производилось в больших количествах. Противотанковая мина с дистанционным управлением «Голиаф» готова к бою

Воздушный флот милосердия. После крупных боев аэродромы превращались в гигантские лазареты. Санитарные «юнkersы» приземлялись и взлетали, чтобы доставить раненых в крупные госпитали и специальные клиники в Германии

Санитара, санитар! Когда этот призыв звучал над полем боя, начиналась работа медиков. После оказания первой помощи на поле боя раненого доставляли в укрытие на оборонительной линии, затем — на перевязочный пункт. А потом на главный перевязочный пункт. Один из таких пунктов изображен на этой фотографии

Раненый офицер с сопроводительным листом. Две красные черты означают: годен к перевозке и может ходить

Реалист.

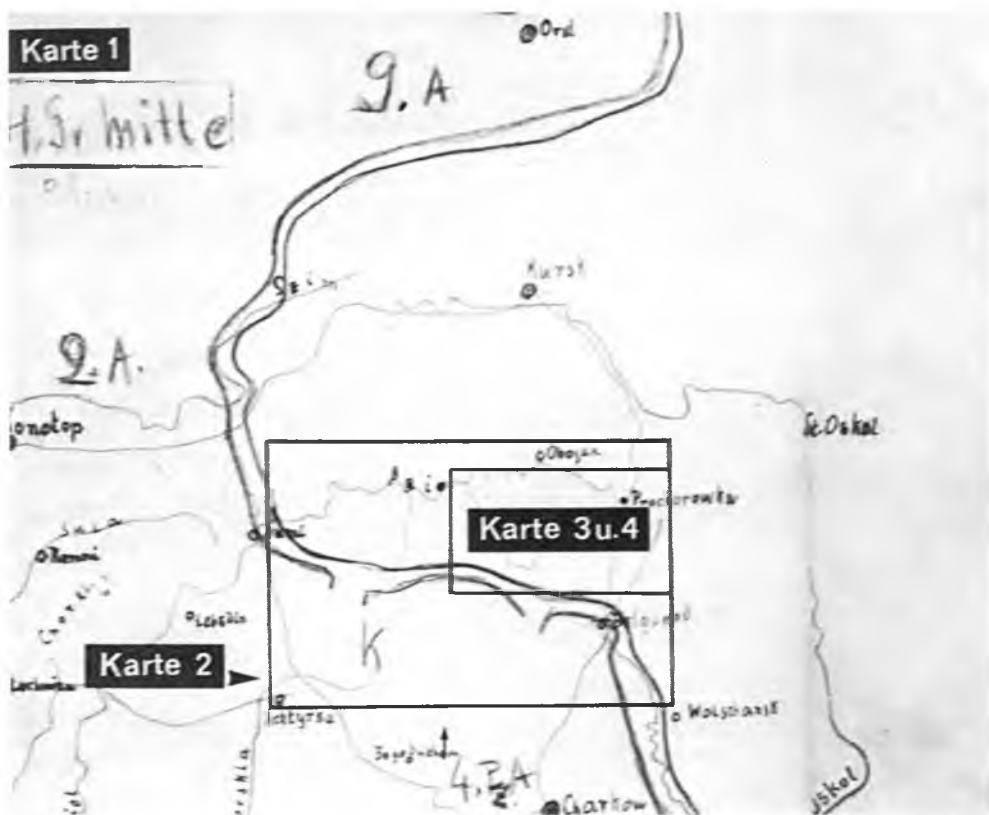
Генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией.

(Внизу) Оперативная карта Гота, на которой обозначен «Курский выступ».

На карте положение на начало июля 1943 г.

Попытка «подрезать» этот выступ дорого обошлась Вермахту.

Поражение в битве на Курской дуге полностью лишило Гитлера шансов вернуть инициативу на Восточном фронте

Внимание, мины!
Разминирование было
опасным делом перед
каждым боем. Для
пехоты и танков нужно
было проделывать
проходы. «Чертовы
яйца» искали с помощью
миноискателя или
просто, тыкая землю
штыком

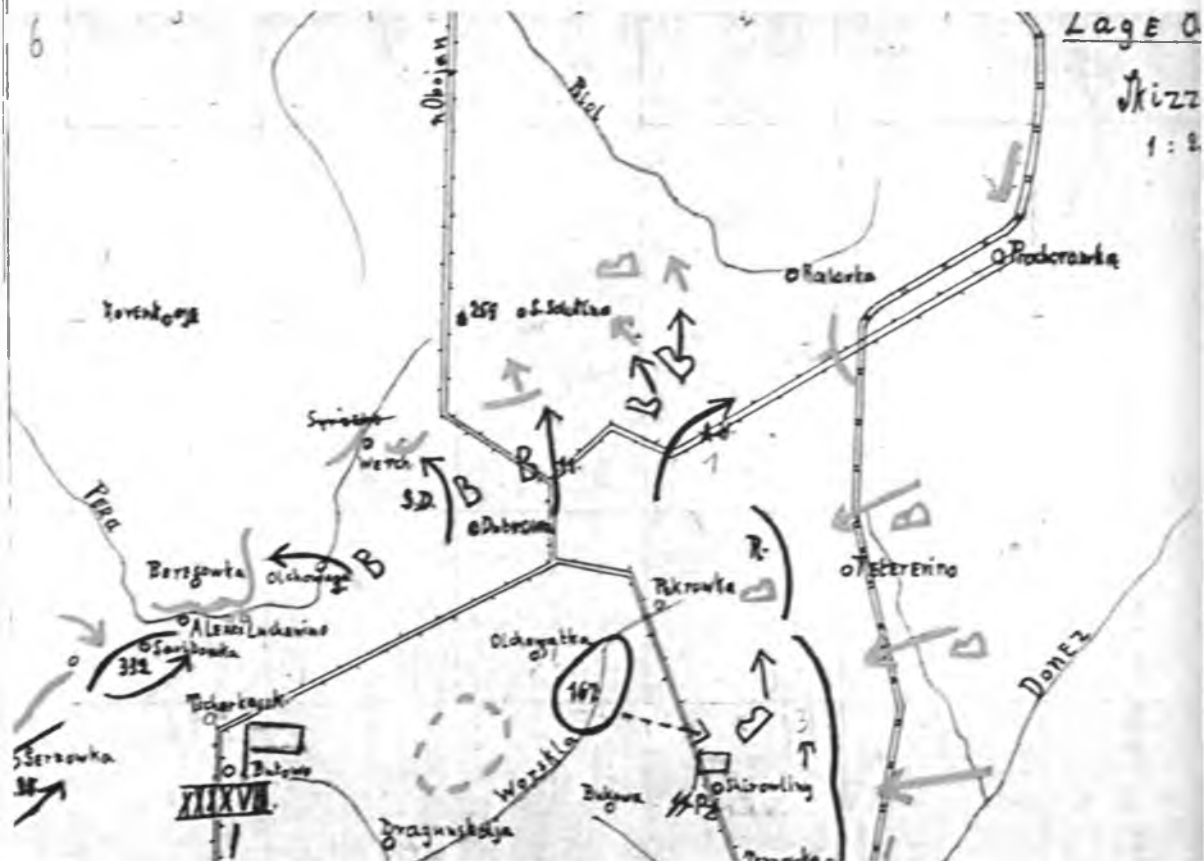

«Тигры» идут.
Типичная картина войны в России
1943—1944 гг.: тяжелые танки, как
движущиеся крепости, прокладывают
путь боевым группам.
Фельдфебель Штриппель был одним
из наиболее удачливых командиров
танков. Он служил в 1-й танковой
дивизии и за 70 подбитых танков
был награжден Рыцарским крестом с
дубовыми листьями

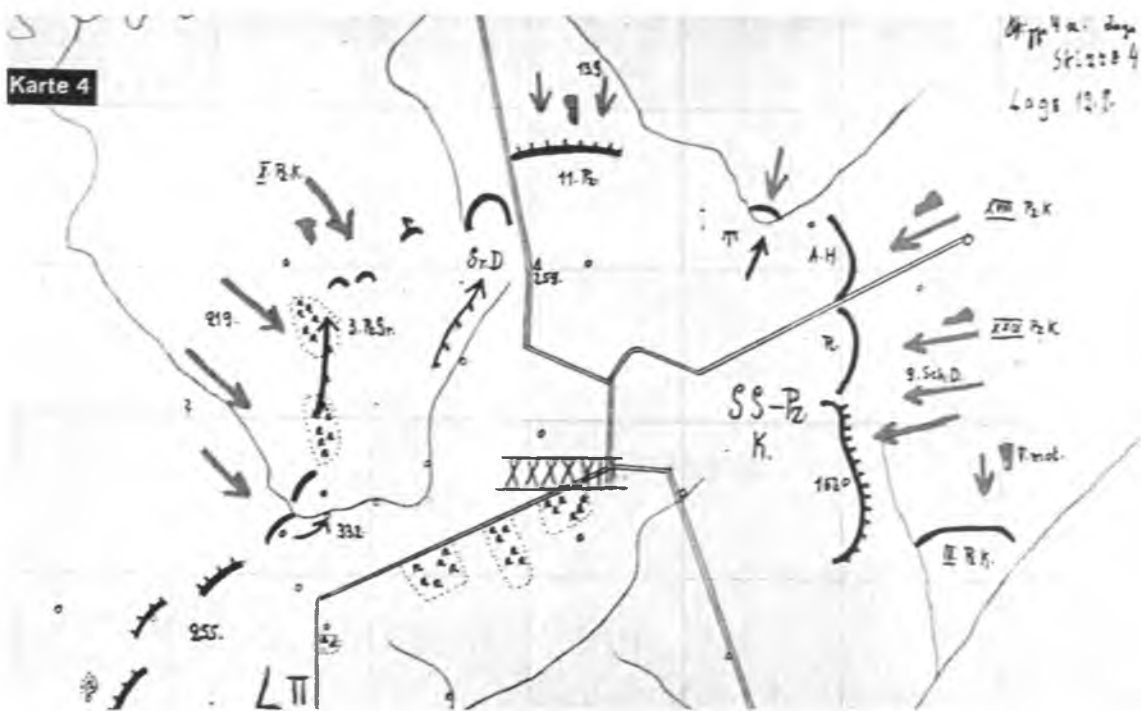
«Тигры» идут.
Типичная картина войны в России
1943—1944 гг.: тяжелые танки, как
движущиеся крепости, прокладывают
путь боевым группам.
Фельдфебель Штриншель был одним
из наиболее удачливых командиров
танков. Он служил в 1-й танковой
дивизии и за 70 подбитых танков
был награжден Рыцарским крестом с
дубовыми листьями

Курская дуга.
 Эта фотография сделана
 через прицел штурмового
 орудия «Фердинанд».
 Виден подбитый им
 советский танк Т-34. Через
 оптический прицел
 наводчик четко видел
 пораженные цели на
 расстоянии до 2000 метров.
 На карте генерал-
 полковника Гота
 обстановка к полудню 8
 июля 1943 г.

Решающая стадия операции «Цитадель».
Танковый десант гренадеров движется, чтобы предпринять последнюю попытку прорвать советский фронт под Обоянью.
Обстановка безрадостна: на карте генерал-полковника Гота 12 июля 1943г. обозначен подход огромных советских резервов

Пропавшие без вести.

Среди солдат ходила легенда, что одна из танцовщиц фронтового балета во время налета на Берлин получила ранение ноги и поэтому танцевала с протезом голени. Солдаты встречали ее особенно тепло. Правда ли это? Или одна из солдатских баек? Правда заключается в том, что балетная и театральная труппы пропали без вести, исчезли в кровавой мясорубке летнего сражения за «крепость» Витебск, где они находились до последнего момента. На фото — последнее выступление этой труппы

Витебск

Партизаны.
У Второй
мировой войны
был скрытый
фронт:
партизанская
война.
Борьба в тылу
требовала от
немецкой армии
отвлечения целых
дивизий и
тяжелого
вооружения, а
они нужны были
на фронте

Под Ахтыркой.
В немецкий госпиталь попала
авиабомба. Останки погибших
врачей и их пациентов были
погребены в братской могиле.
Через три дня Курская битва была
проиграна, русские приближались.
Местным жителям было приказано
сравнять немецкие могилы с
землей, чтобы скрыть
информацию о потерях

Битва проиграна.

Лицо этого солдата уже не похоже на лица немецких солдат 1941 или 1942 года. А эта фотография, на которой снято поле, усеянное трупами немцев, — более чем красноречива. В глубине — танк Т-34.

Бесперывное отступление останавливается только из-за заторов на дорогах

Бои — только часть войны.

Другая часть — это марши, работа и страдания.

(Справа внизу) На сборном пункте раненых на передовой лежит капрал, которому раздробило руку. На счастье, рядом оказался санитар унтер-офицер. Ножницами он разрезает одежду, чтобы обработать рану.

(Вверху) По ту сторону речушки стоит санитарная колонна.

(Слева внизу) Командир артиллерийской батареи выбирает место для оборудования огневой позиции

Борьба за реки.

Отчаянные ударные отряды, такие, как этот, снятый под Кишиневом на Днестре, охраняли мосты через реки от партизан и диверсионных групп Красной Армии. Санитарная рота 3-го мотопехотного полка переходит через реку под Черкассами.

Штурмовые орудия обороняют спасительные мосты от ударов танков противника

Советское командование десантировало три парашютно-десантные бригады в тыл немецких войск, чтобы прорвать оборону на Днепре.

Генерал Неринг командир 24-го танкового корпуса под Букриным ликвидировал массивный советский десант

Танки, танки, танки.

Немецкие гренадеры отчаянно оборонялись, но у них уже не было танков — они были потеряны при отступлении или взорваны из-за недостатка горючего. Вместо приставки «мот» («моторизованные») в дивизиях гренадерские части стали звать «хот» («горячие»)

Каждый немецкий солдат, возвращающийся из отпуска на фронт, больше всего боялся увидеть на станции надпись «Auffangstab» («Штаб перехвата»). Начальник этого штаба имел право формировать отряды из первых попавшихся военнослужащих, большую часть которых составляли отпускники. Этими отрядами в пожарном порядке затыкались бреши на самых опасных участках фронта. Очередь на регистрацию в один из таких штабов

Под Мариуполем. Осень 1943г.
Здесь воссозданная 6-я немецкая армия
противостояла огромному численному
превосходству советских армий. На
усталых лицах солдат 29-го армейского
корпуса отражается безнадежность
дальнейшего сопротивления

(Внизу) Еще один фронт.
Советский Союз — одна из самых
богатых лесом стран земли. В этом
заключается секрет, почему партизанская
война была настолько успешной.
Боевые действия с партизанами велись с
использованием тяжелой техники (здесь
самоходных орудий «Носорог»).
Если партизан обнаруживали, то они
ожесточенно оборонялись

Офицер
оперативного отдела
40-го танкового
корпуса майор
Кандтуш (слева)
приветствует
командира
калмыцкого отряда
майора Абушинова,
одного из наиболее
успешных
охотников за
партизанами;
в центре — немецкий
вахмистр отряда
Вилли Лилендаль

Русские дети и война.

Так Карл Хенрих назвал свои фотографии детей, которых он снимал в прифронтовых районах и на дорогах

Контрудар.

Эти фотографии сделаны во время значительной операции: контрудар нескольких немецких дивизий западнее Киева в ноябре 1943 г. остановил русское продвижение на запад. Затем 48-й танковый корпус даже захватил Житомир с его огромной базой снабжения. Танки и гренадеры 1-й танковой дивизии сломали последнее сопротивление в городе

контрудар
1943 г. остановил
даже захватил
сопротивление в

Разработка плана действий перед вводом в бой 7-й танковой дивизии. Командир дивизии генерал фон Мантойфель (слева), кавалер Рыцарского креста с бриллиантами полковник Шульц (в центре) и полковник фон Штайнкеллер (с тростью)

Окрестности
Житомира.
Два советских
кавалериста
пытались
прорваться
через занятую
немцами
деревню и были
убиты. Рядовой
Герхард Титц
сделал этот
снимок через
мгнуту после
той стычки

Деревянные кресты вместо железных.

9-я рота мотопехотного полка «Великая Германия» хоронит своих погибших под Борисовкой. Здесь еще есть гробы и кресты. Много крестов.

Более 2,3 миллиона немецких солдат осталось похороненными в России

(На странице справа)
1943 г.: ефрейтор Карл Валь из
мотопехотного полка «Великая
Германия» навсегда остался в России

Перемешанный с
грязью.
Замерзший в
снегу.
Два неизвестных
мертвых. Немцы?
Русские?
Итальянцы?
Румыны? Люди!
Жертвы
трагедии

*(На странице
справа: слева
верху)*

Остановить
русский танковый
вал.

В ноябре 1943 г.
советские
танковые колонны
двинулись через
Днепр с
многочисленных
плацдармов. Они
схали на запад в
железнодорожных
эшелонах.

Германский
вермахт
использовал
любое средство,
чтобы помешать
советскому
наступлению.

Немецкий
«рельсовый волк»

Разбитыми дорогами.

Так 24-я танковая дивизия в январе—феврале 1944 г. между Корсунью и Никополем мучительно передвигалась от одного поля боя к другому. Сначала — 300 км от Никополя на север. Но затем, не сделав ни выстрела, они получили приказ вернуться и прошли 300 км тем же путем. Это было одно из безрассудных решений Гитлера. Боееспособная дивизия неделями двигалась по разбитым дорогам, в то время как в Корсунь и Никополь немцы не имели ни батальона резерва.

Командир 24-й танковой дивизии генерал фон Эдельсхайм. (В боковом люке танка)

Черкассы. Трагедия шести с половиной дивизий.

Двадцать дней они держались в окружении. Затем 3-й танковый корпус пошел на прорыв. С запада ему навстречу двигались части 1-й танковой дивизии. Двое танкистов: Франц Беке (слева) — командир полка тяжелых танков. До прорыва кольца оставалось 10 километров, но на господствующей высоте у спасительной переправы через Гнилой Тикич путь немцам преградили советские танки. Полковник Франц (в фуражке) был одним из тех счастливицков, кому удалось вырваться

Казнь в Кадыме. Эту фотографию тайно сделал один солдат из-за спины стоявшего перед ним товарища. Было расстреляно сто партизан. Четыреста партизан проникли в местечко Кодыма в районе Николаева с заданием уничтожить штаб немецкой пехотной дивизии. Они были схвачены. Те, кто имел при себе оружие, расстреляны

Подвижное кольцо окружения Хубе.

1-я танковая армия двигалась из района окружения под Каменец-Подольском. Она переправилась через четыре реки, прорвалась через две вражеские армии. Снабжение осуществлялось с воздуха путем сбрасывания «бомб снабжения» (на переднем плане — пустая «бомба снабжения» с парашютом). Лошадь заменила мотоцикл и машину. Кусок телефонного кабеля заменил стремена, пеньковая веревка — уздечку. Вот во что превратилась прославленная 1-я восточно-пруссская пехотная дивизия

(Вверху)

Боевая группа.

Она была главным элементом оборонительных сражений. Под Ковелем танковая дивизия СС «Викинг» сдерживала натиск русских. Боевая группа 12-й роты полка «Германия» сейчас пойдет в контратаку

Летнее сражение 1944 г. на Центральном фронте.

Что значат теперь униформа, знаки различия, стальной шлем? Умение обращаться с оружием — единственное, что имеет значение. Наводчик у артиллерийской панорамы

Крах неминуем.
В командира
взвода попало 40
снарядных
осколков.
В окружении под
Минском: «У
тебя есть связь?»

1944 г. Русские наступают.

Подходящие резервы попытаются затормозить советское наступление к Висле. Два часа боев, потом снова отступление. И так неделями. Измотанные солдаты на привалах падают у обочины и забываются сном, похожим на смерть

Солдаты 1944 года.
Опытные старые бойцы Восточного фронта,
посвященные во все таинства «Ордена
выживших», и вчерашние школьники:
«Скажите, господин обер-ефрейтор, война,
это ведь вовсе не страшно. Правда?..»

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

книга 2

**ВЫЖЖЕННАЯ
ЗЕМЛЯ**

1943—1944

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

книга 2

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

1943—1944

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

книга 2

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

1943–1944

Книга является продолжением произведения П.Кареля «Гитлер идет на Восток». Автор показывает войну в восприятии немецких солдат, офицеров и генералов. Повествование охватывает события 1943–1944 гг. на немецком Восточном фронте: крах планов, потеря завоеваний, отступление Вермахта к границам Рейха.

Издание проиллюстрировано photographиями из фотоальбома П. Кареля «Der Rußlandkrieg Fotografiert von Soldaten» («Война в России, сфотографированная солдатами»), изданного в ФРГ в 1967 г.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Второй мировой войны.

ИЗОГРАФУС

ЭКСМО